

NIJON 2003-0059
MOSURED 77/27-003

ISSN 2073-0454 (Print)
ISSN 2782-5698 (Online)

ВЕСТНИК

Московского университета МВД России

Рекомендован Перечнем ВАК при Министерстве науки
и высшего образования Российской Федерации

Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ)

4

2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Е. Н. Бегалиев,

доктор юридических наук, профессор, почетный работник образования РК (Республика Казахстан)

С. А. Боголюбов,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

К. К. Гасанов,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

В. И. Елинский,

доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник Следственного комитета РФ

А. Е. Епифанов,

доктор юридических наук, профессор

С. С. Жевлакович,

кандидат социологических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы РФ

О. В. Зиборов

доктор юридических наук, профессор

И. А. Калинин,

кандидат педагогических наук

О. Г. Карпович,

доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

В. Л. Кубышко,

заместитель Министра внутренних дел РФ, кандидат педагогических наук

С. С. Маилян,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,

кандидат юридических наук, доцент

А. А. Реан,

доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Н. В. Румянцев,

доктор юридических наук, доцент

Д. Субошич,

кандидат юридических наук, профессор (Республика Сербия)

В. Ю. Федорович,

кандидат юридических наук, доцент

Ю. А. Цыпкин,

доктор экономических наук, профессор

Б. С. Эбзеев,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования

E. N. Begaliev,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of the RK (Republic of Kazakhstan)

S. A. Bogolyubov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

K. K. Gasanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia

V. I. Elinskiy,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Employee of Investigate Committee of Russia

A. E. Epifanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

S. S. Zhevlakovich,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Honored Worker of Higher School of Russia

O. V. Ziborov

Doctor of Legal Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,

Candidate of Pedagogical Sciences

O. G. Karpovich,

Doctor of Legal Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Honored Scientist of Russia

V. L. Kubysenko,

Deputy Minister of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences

S. S. Mailyan,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

A. A. Rean,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Scientist of Russia

N. V. Rummyantsev,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

D. Subošić,

PhD, Professor (Republic of Serbia)

V. Yu. Fedorovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Yu. A. Tsypkin,

Doctor of Economic Sciences, Professor

B. S. Ebzeev,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia, Honored Lawyer of Russia, Judge of the Constitutional Court of Russia (Retired)

N. D. Eriashvili,

Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of Russia, Winner of an Award of the Government of Russia in the Field of Science and Technology, Winner of an Award of the Government of Russia in the field of Education

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNCIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

С. В. Алексеев,
доктор юридических наук, профессор, почетный
работник высшего профессионального образования РФ,
заслуженный юрист РФ

Ю. М. Антонян,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

А. В. Барков,
доктор юридических наук, профессор

А. Р. Белкин,
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН

Е. В. Богданов,
доктор юридических наук, профессор

А. А. Власов,
доктор юридических наук, профессор

Т. М. Гандилов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

М. М. Дикажев,
доктор юридических наук, доцент

В. В. Долинская,
доктор юридических наук, профессор

А. В. Ендольцева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Л. Г. Ефимова,
доктор юридических наук, профессор

О. Д. Жук,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ

С. М. Зырянов,
доктор юридических наук, профессор

С. В. Иванцов,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

О. Ю. Ильина,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. Г. Кадников,
доктор юридических наук, профессор, почетный
работник высшего профессионального образования РФ

Р. А. Каламкарян,
доктор юридических наук, профессор

В. П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ

И. Б. Кардашова,
доктор юридических наук, профессор

А. И. Клименко,
доктор юридических наук, профессор

LEGAL SCIENCES

S. V. Alekseev,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia,
Honored Lawyer of Russia

Yu. M. Antonyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

A. V. Barkov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. R. Belkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Member of RANS

E. V. Bogdanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. A. Vlasov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

T. M. Gandilov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

M. M. Dikazhev,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

V. V. Dolinskaya,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Endoltseva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

L. G. Efimova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. D. Zhuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Prosecutor of Russia

S. M. Zyryanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. V. Ivantsov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

O. Yu. Ilyina,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. G. Kadnikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia

R. A. Kalamkaryan,
Doctor of Legal Sciences, Professor

V. P. Kamyshanskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Education of Russia

I. B. Kardashova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. I. Klimenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Н. А. Колоколов,

доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного Суда РФ (в отставке)

М. В. Костенников,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

А. Н. Кузбагаров,

доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

С. Я. Лебедев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Левушкин,

доктор юридических наук, профессор

Н. П. Майлис,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,

доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. В. Михайлова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р. С. Мулукаев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

Н. Г. Муратова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан

С. М. Никитюк,

кандидат юридических наук

С. Л. Никонович,

доктор юридических наук, доцент

Ш. М. Нурадинов,

доктор юридических наук, профессор

А. М. Осавельюк,

доктор юридических наук, профессор

Р. Б. Осокин,

доктор юридических наук, профессор

А. С. Прудников,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

К. Е. Сигалов,

доктор юридических наук, профессор

А. В. Симоненко,

доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,

доктор юридических наук, доцент

N. A. Kolokolov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Judge of Supreme Court of Russia (Resigned)

M. V. Kostennikov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia

A. N. Kuzbagarov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Scientist of Russia

S. Ya. Lebedev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Levushkin,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N. P. Maylis,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer
of Russia, Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. F. Medushevskaya,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. V. Mikhaylova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R. S. Mulukaev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

N. G. Muratova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

S. M. Nikityuk,

Candidate of Legal Sciences

S. L. Nikonovich,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. M. Nuradinov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. M. Osavelyuk,

Doctor of Legal Sciences, Professor

R. B. Osokin,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. S. Prudnikov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

K. E. Sigalov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Simonenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

Л. В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Е. Н. Хазов,
доктор юридических наук, профессор

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы России

Л. А. Чеговадзе,
доктор юридических наук, профессор

Н. М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. П. Шергин,
доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

А. Б. Янишевский,
доктор юридических наук

L. V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

E. N. Khazov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. V. Khimicheva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

L. A. Chegovadze,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences,
Honored Worker of Science of Russia

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

A. B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. А. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор

В. И. Бобoshko,
доктор экономических наук, профессор

Р. П. Булыга,
доктор экономических наук, профессор

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Д. В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

А. Ф. Дятлова,
доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

Е. И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрешенко,
доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

И. А. Майбуров,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

В. Б. Мانتусов,
доктор экономических наук, профессор

ECONOMIC SCIENCES

T. A. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. I. Boboshko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

D. V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. F. Dyatlova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyuhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

E. I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

I. A. Mayburov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

V. B. Mantusov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

В. С. Осипов,

доктор экономических наук, профессор

Г. Б. Поляк,

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

С. Г. Симагина,

доктор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,

доктор экономических наук, профессор, заслуженный
экономист РФ, заслуженный деятель науки РФ

Н. В. Цхададзе,

доктор экономических наук, профессор

V. S. Osipov,

Doctor of Economic Sciences, Professor

G. B. Polyak,

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

S. G. Simagina,

Doctor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,

Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored
Economist of Russia, Honored Scientist of Russia

N. V. Tskhadadze,

Doctor of Economic Sciences, Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В. С. Агапов,

доктор психологических наук, профессор

И. В. Грошев,

доктор психологических наук, доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ,
лауреат премии Правительства РФ
в области образования

В. Ф. Енгальчев,

доктор психологических наук, профессор

А. Г. Караяни,

доктор психологических наук, профессор, заслуженный
деятель науки РФ, лауреат Государственной премии РФ
им. Маршала Советского Союза Г. К. Жукова

В. М. Крук,

доктор психологических наук, профессор

Л. Н. Костина,

доктор психологических наук, профессор

И. Б. Лебедев,

доктор психологических наук, профессор

В. Л. Ситников,

доктор психологических наук, профессор

А. Н. Сухов,

доктор психологических наук, профессор

С. Н. Федотов,

доктор психологических наук, профессор

В. Л. Цветков,

доктор психологических наук, профессор

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

V. S. Agapov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. V. Groshev,

Doctor of Psychological Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Worker
of Science of Russia, Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Education

V. F. Engalychev,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. G. Karayani,

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honored Worker
of Science of Russia, Laureate of the State Prize of Russia
named after Marshal of the Soviet Union G. K. Zhukov

V. M. Kruk,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. N. Kostina,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. B. Lebedev,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Sitnikov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. N. Sukhov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

S. N. Fedotov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Tsvetkov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

С. Р. Аблеев,

доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,

доктор философских наук, профессор

В. А. Волох,

доктор политических наук, профессор,
почетный работник ФМС России

А. Л. Золкин,

доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселиани,

доктор философских наук, профессор

S. R. Ableev,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

V. A. Volokh,

Doctor of Political Science, Professor,
Honorary Employee of the FMS of Russia

A. L. Zolkin,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии
Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии
Правительства РФ
в области образования,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор, почетный работник
сферы образования РФ
Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Врио главного редактора
М. А. Вяхирева

Старший редактор
В. С. Клементьева

Ответственный секретарь
А. В. Петрушина

Номер подготовили:
Л. С. Антоненко,
А. И. Антошина

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка:
О. А. Головлева

Журнал зарегистрирован
Министерством Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

Свидетельство
о регистрации № 77-14723

Индекс по каталогу Агентства
«Урал-Пресс Округ» — 84629

Адрес редакции:
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12
Тел. 8 (499) 789-67-35
E-mail:
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Содержание № 4 • 2024

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теоретико-исторические правовые науки

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Частноправовые (цивилистические) науки

Уголовно-правовые науки

Международно-правовые науки

- АКИЕВ А. Р.** Теоретические основы и структура криминалистической характеристики преступной деятельности против семьи и несовершеннолетних 12
- АСТАШКИНА А. В.** Правовой потенциал соглашения о компенсации морального вреда 20
- БРЫКИН К. И.** Публично-правовые признаки и функции валюты 25
- БУЛАТОВ Р. Б.** Правовое регулирование защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в эпоху цифровизации 30
- ГАРИФУЛЛИН И. Р.** Онтологические проблемы латентной (не выявленной) преступности 34
- ГОРАЧ Н. Н., ЕРМАКОВ С. В.** О некоторых вопросах деятельности следователя в порядке ст. 144–145 УПК РФ по преступлениям, связанным с дистанционным хищением денежных средств под предлогом вложений в инвестиционные рынки 40
- ДЕРЮГИНА Т. В., ЧЕГОВАДЗЕ Л. А.** Об имущественных интересах при выпуске и обороте цифровых финансовых активов 46
- ДМИТРЕНКО А. П., АЛФЕРЕНКО Е. А.** Квалификация незаконных производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции 52
- ЖАНДРОВ В. Ю.** Решение задач оперативно-розыскной деятельности посредством получения сведений в информационно-телекоммуникационной среде 56
- ЖУРАВЛЕВ И. А.** К вопросу о правовом статусе частного детектива в уголовном судопроизводстве 66
- ИГНАТОВ А. Н.** Современные экстремизм и терроризм и их трансформации в условиях смены миропорядка 71
- ИЛЬИНА О. Ю.** О целесообразности разъяснения вопросов, возникающих в практике судов общей юрисдикции при рассмотрении административных дел, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органа внутренних дел, в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа 77

• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.
Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная.
Тираж 1500 экз.
(1-й завод — 300).

Заказ № 166

Подписано в печать 28.08.2024
Цена договорная

Московский университет
МВД России
имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

КУФЛЕВА В. Н. Лицо, совершившее преступление: историко-правовой экскурс	82
ЛАНОВАЯ Г. М. Функции международного публичного права	88
МАЛИНОВСКАЯ В. М. Механизм государства как категория публичного права	93
МЕДУШЕВСКАЯ Н. Ф. Методологические принципы юридической антропологии	101
МИХАЙЛОВА Н. В., ЯЦКОВА А. П. Эволюция целей и форм ссылки в российском законодательстве XVI–XVIII вв.	105
ПОЛЯКОВ М. П., СМОЛИН А. Ю. Эстетические аспекты дифференциации формы предварительного расследования	110
РЯБИНИНА Т. К. Роль мирового судьи в рассмотрении уголовных дел частного обвинения: история и современность	116
СЕМЕНОВА Е. Г. Традиции и инновации гражданско-правового регулирования отношений в условиях цифровизации	126
СЕМЕНЦОВ В. А., ОДИНАЗОДА И. А. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Таджикистан	133
СОЙНИКОВ С. А. Нарушения тишины и покоя граждан: тенденции и перспективы	141
СОЛОМАТИНА Е. А. Способы противодействия правонарушениям в сфере информационных технологий в деятельности МВД России	145
СТРИГУНОВА Д. П. К вопросу о правовом регулировании международных контрактов в странах Прикаспийского региона	153
СУЛТАНОВ К. А. Теоретические основы законодательства субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях в системе российского законодательства	159
ТИТОР С. Е. Становление правового регулирования профессионального образования в России	163
ТУМАКОВ А. В. Понятие и оборот цифровой валюты. Направления совершенствования действующего российского законодательства	169
ХОДЖАЛИЕВ С. А. К вопросу о понимании сущности уголовного наказания: уголовно-правовые аспекты	175
ХОЛОИМОВА А. С. Медиация при заключении сделки о признании вины в уголовном процессе Индии	180
ЦИМБАЛ В. Н. Анализ деятельности государственных органов Российской Федерации по противодействию киберпреступности	183
ЦИРИТ О. А., ОСТРОУШКО А. В. Новеллы в определении общественной опасности нарушений законодательства Российской Федерации о налогах и сборах	192
ЧЕРВОНЮК В. И. Идея структуры (анатомии) права в творчестве Лона Фуллера	202
ЧИРКОВ Ф. В. Динамика традиционных ценностей и вопросы периодизации истории уголовного права	210
ЧУЛАХОВ В. Н., МАКСИМОВ Н. В. О регистрационной дактилоскопической системе Альфонса Бертильона	217

Каждый номер журнала содержит научные публикации членов профессорско-преподавательского состава Университета, адъюнктов, аспирантов, авторов из других образовательных учреждений. Для публикации в журнале представляют свои научные статьи также сотрудники различных подразделений органов внутренних дел, иных правоохранительных органов, судьи, прокурорские работники, нотариусы, члены государственных и муниципальных органов власти. Данные статьи отличаются большим объемом эмпирического материала, который может быть эффективно использован в ходе дальнейших научных исследований, в учебном процессе, а также в ходе правоприменительной практики, что придает журналу прикладной характер.

Решением ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации журнал «Вестник Московского университета МВД России» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Подписной индекс Агентства
«Урал-Пресс Округ» 84629,
или на сайте Научной
электронной библиотеки:
<http://elibrary.ru>

- БОБОШКО Н. М.** Анализ эффективности камеральных и выездных налоговых проверок как инструмент совершенствования налогового контроля 221
- ГОРДИЕНКО М. С.** Полномочия профильных органов противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке Израиля 228
- ЖДАНОВА О. А.** Нелегальные виды деятельности на финансовом рынке: особенности стран 234
- КУШХОВА А. А.** Кадровый потенциал как основа экономической безопасности государства 240
- ЛОЗИНА Ю. А.** Понятийность как основа единства и дифференциации процесса управления интеллектуальной собственностью 247
- ЛЮКШИН А. М.** Анализ практики нелегальной деятельности на финансовом рынке Китая и методов противодействия ей 256
- ФИЛАТОВА М. Н., НОВИКОВА М. В.** Эффективная кадровая политика как способ устойчивого развития организаций 261
- ЦЕРКАСЕВИЧ Л. В., РУМЯНЦЕВА А. Ю.** Государственное финансирование науки как фактор устойчивого развития Российской Федерации 268
- ЧИКУРОВА С. С.** Исследование законодательного опыта европейских стран в области противодействия нелегальной деятельности на финансовых рынках (на примере Швейцарии, Германии, Франции и Италии) 276

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая психология, психология личности, история психологии

- АМИНОВ И. И.** Общепсихологические методы изучения личности в деятельности руководителя 284
- БУЛГАКОВ А. В.** Возможности прогнозирования девиантного поведения с помощью инструмента «Жизненная мудрость / Человеческая глупость» 291
- ГРОШЕВ И. В.** Половые/гендерные различия особенностей формирования фобической фабулы психических и поведенческих расстройств и заболеваний 298
- МАЙОРОВ В. И., ЧИСЛОВ А. И.** Проблемы становления профессиональной нравственности курсантов в процессе обучения в образовательной организации МВД России 310
- ОСИН Р. В.** Особенности социально-психологического профиля женщин, совершивших преступления под воздействием алкоголя 316
- ФЕДОТОВ С. Н., ЧУМАНОВ Ю. В.** Оценка эффективности внедрения аппаратно-программных комплексов в профессиональную деятельность отделов психологической работы подразделений территориальных органов внутренних дел 322

FOUNDER:

Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian
Federation

117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

*Scientific editor, responsible
for the publication, the Winner
of the Award of the Government
of the Russian Federation in the
field of science and technics,
the Winner of the Award
of the Government
of the Russian Federation
in the field of education,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Candidate of Historical
Sciences, Professor, Honorary
Worker of Education of Russia*
N. D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499) 740-68-30

EDITORIAL STAFF:

Acting editor-in-chief
M. A. Vyakhireva

Senior editor
V. S. Klementieva

This issue has been prepared by:
L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout:
O. A. Golovleva

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications
of the Russian Federation

The certificate of registration
№ 77-14723

Zip Code at the List of the Agency
«Ural-Press Okrug» — 84629

It is sent for the press 28.08.2024
Contractual price

Editorial Staff adress:
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12
Tel. 8 (499) 789-67-35
E-mail:
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>

BULLETIN

OF THE MOSCOW UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Contents № 4 • 2024

JURISPRUDENCE

Theoretical and historical legal sciences

Public law (state law) sciences

Private law (civilistic) sciences

Criminal law sciences

International law sciences

AKIEV A. R. Theoretical basis and structure of criminal characteristics of criminal activities against family and minors.	12
ASTASHKINA A. V. The legal potential of the agreement on compensation for moral damage	20
BRYKIN K. I. Public legal features and functions of currency.	25
BULATOV R. B. Legal regulation of the protection of human rights and freedoms in Russian Federation in the era of digitalization	30
GARIFULLIN I. R. Ontological problems of latent (undetected) crime.	34
GORACH N. N., ERMAKOV S. V. On some issues of the investigator's activities in accordance with Article 144–145 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation for crimes related to remote theft of funds under the pretext of investments in investment markets	40
DERYUGINA T. V., CHEGOVADZE L. A. On property interests in the issue and turnover digital financial assets	46
DMITRENKO A. P., ALFERENOK E. A. Qualification of illegal production and (or) turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products	52
ZHANDROV V. YU. Solving the tasks of operational investigative activities by obtaining information in the information and telecommunications environment.	56
ZHURAVLEV I. A. On the issue of the legal status of a private investigator in criminal proceedings	66
IGNATOV A. N. Modern extremism and terrorism and their transformations in a changing world order	71
ILYINA O. YU. On the advisability of clarifying issues that arise in the practice of courts of general jurisdiction when considering administrative cases related to the stay of a minor in a temporary detention center for juvenile offenders of the internal affairs body, in a special closed-type educational institution	77

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials of the Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia the reference to the journal is obligatory.

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8.

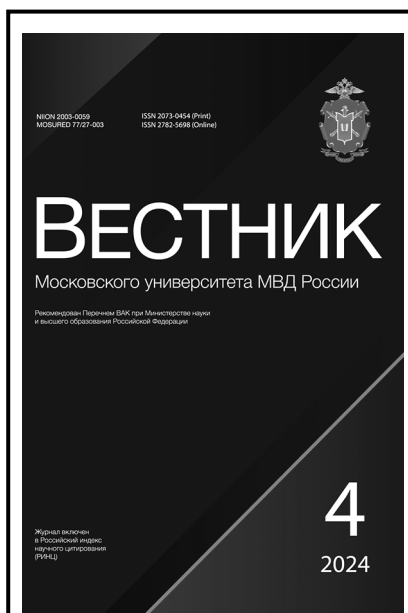
Offset printing

**Circulation 1500 copies
(1st batch — 300)**

Order № 166

**Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs
of Russian Federation
named after V.Ya. Kikot'
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12**

KUFLEVA V. N. The person who committed the crime: historical and legal excursion	82
LANOVAYA G. M. Functions of public international law	88
MALINOVSKAYA V. M. The mechanism of the state as a category of public law	93
MEDUSHEVSKAYA N. F. Methodological principles of legal anthropology	101
MIKHAILOVA N. V., YATSKOVA A. P. The evolution of the goals and forms of exile in the Russian legislation of the XVI–XVIII centuries	105
POLYAKOV M. P., SMOLIN A. YU. Aesthetic aspects of differentiation of the form of preliminary investigation	110
RYABININA T. K. The role of the justice of the peace in the consideration of criminal cases of private prosecution: history and modernity.	116
SEMENOVA E. G. Traditions and innovations of civil law regulation of relations in the context of digitalization.	126
SEMENTSOV V. A., ODINAZODA I. A. Results of operational- search activities in criminal proceedings of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan	133
SOYNIKOV S. A. Violations of peace and quiet of citizens: trends and prospects	141
SOLOMATINA E. A. Ways to counteract offenses in the field of information technology in the activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia	145
STRIGUNOVA D. P. On the issue of legal regulation of international commercial contracts in the countries of the Caspian region	153
SULTANOV K. A. Theoretical foundations of the legislation of the subjects of the Russian Federation on administrative offenses in the system of Russian legislation	159
TITOR S. E. Formation of legal regulation of vocational education in Russia	163
TUMAKOV A. V. The concept and circulation of digital currency. Directions for improving the current Russian legislation	169
KHODZHALIEV S. A. On the issue of understanding the essence of criminal punishment: criminal law aspects	175
KHOLOIMOVA A. S. Mediation in plea bargaining in Indian criminal proceedings	180
TSIMBAL V. N. Analysis of the activities of the state bodies of the Russian Federation in countering cybercrime	183
TSIRIT O. A., OSTROUSHKO A. V. Improving the definition of public danger of violations of the legislation of the Russian Federation on taxes and fees	192
CHERVONYUK V. I. The idea of the structure (anatomy) of law in the work of Lon Fuller	202
CHIRKOV PH. V. Dynamics of traditional values and issues of periodization of the history of criminal law.	210
CHULAKHOV V. N., MAKSIMOV N. V. On the registration fingerprint system of Alphonse Bertillon	217

Each issue of the journal contains scientific publications of members of the faculty of the University, adjuncts, graduate students, authors from other educational institutions. Employees from various departments of the internal affairs agencies and other law enforcement agencies, judges, prosecutors, notaries, members of state and municipal authorities also submit their research articles for publication in the journal. These articles are distinguished by a large amount of empirical material that can be effectively used in the course of further scientific research, in the educational process, and also in the course of law-enforcement practice, which gives the journal an applied character.

By the decision of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the journal «Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of sciences should be published.

Zip Code at the List
of the Agency «Ural-Press
Okrug» 84629,
or on the website Scientific
electronic library:
<http://elibrary.ru>

ECONOMIC SCIENCE

Regional and sectoral economics

Finance

- BOBOSHKO N. M.** Analysis of the effectiveness of desk and field tax audits as a tool for improving tax control. 221
- GORDIENKO M. S.** Powers of specialized authorities in countering illegal activities in Israel's financial market. 228
- ZHDANOVA O. A.** Illegal activities in the financial market: features of countries 234
- KUSHKHOVA A. A.** Human resource potential as a basis for economic security of the state. 240
- LOZINA YU. A.** Conceptuality as the basis for the unity and differentiation of the intellectual property management process 247
- LYUKSHIN A. M.** Analysis of the practice of illegal activities in the financial market of China and methods of counteracting it 256
- FILATOVA M. N., NOVIKOVA M. V.** Effective personnel policy as a way of sustainable development of organizations 261
- TCERKASEVICH L. V., RUMYANTSEVA A. YU.** State financing of science as a factor of sustainable development of the Russian Federation. 268
- CHIKUROVA S. S.** A study of the legislative experience of European countries in the field of countering illegal activities in financial markets (using the example of Switzerland, Germany, France and Italy). 276

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

General psychology, personality psychology, history of psychology

- AMINOV I. I.** General psychological methods of studying personality in the activities of a leader. 284
- BULGAKOV A. V.** The possibilities of predicting deviant behavior using the tool «Life wisdom / Human stupidity» 291
- GROSHEV I. V.** Sexual/gender differences in the features of the formation of a phobic plot of mental and behavioral disorders and diseases 298
- MAYOROV V. I., CHISLOV A. I.** Problems of formation of professional morality of cadets in the process of training in the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia 310
- OSIN R. V.** Features of the socio-psychological profile of women who have committed crimes under the influence of alcohol. 316
- FEDOTOV S. N., CHUMANOV YU. V.** Evaluation of the effectiveness of the implementation hardware and software complexes in the professional activities of the departments of psychological work of the divisions of the territorial bodies of internal affairs 322

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-12-19>

EDN: <https://elibrary.ru/vvyecb>

NIJON: 2003-0059-4/24-086

MOSURED: 77/27-003-2024-04-285

Теоретические основы и структура криминалистической характеристики преступной деятельности против семьи и несовершеннолетних

Арби Русланович Акиев

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, melhi530@mail.ru

Аннотация. Проанализированы современные теоретические положения учения о криминалистической характеристике преступлений. Рассмотрена сущность и структура криминалистической характеристики применительно к группе преступлений против семьи и несовершеннолетних, обоснована ее научная и практическая значимость. Сформулировано понятие криминалистической характеристики преступлений против семьи и несовершеннолетних, выделены наиболее важные, по мнению автора, (блоки) типизированных (обобщенных) сведений, имеющих криминалистическое значение для раскрытия и расследования преступлений рассматриваемой группы.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, понятие криминалистической характеристики, элементы криминалистической характеристики, сущность и структура криминалистической характеристики, криминалистическое обеспечение, преступления против семьи и несовершеннолетних

Для цитирования: Акиев А. Р. Теоретические основы и структура криминалистической характеристики преступной деятельности против семьи и несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 12–19. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-12-19>. EDN: VVYECB.

Original article

Theoretical basis and structure of criminal characteristics of criminal activities against family and minors

Arbi R. Akiev

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia, melhi530@mail.ru

Abstract. Modern theoretical provisions of the doctrine of criminalistic characterization of crimes are analyzed. The essence and structure of criminalistic characterization in relation to the group of crimes against the family and minors is considered, its scientific and practical significance is substantiated. The concept of criminalistic characteristic of crimes against the family and minors is formulated, the most important, in the author's opinion, (blocks) of typified (generalized) information of criminalistic significance for the detection and investigation of crimes of the group under consideration are singled out.

Keywords: criminalistic characteristics, concept of criminalistic characteristics, elements of criminalistic characteristics, essence and structure of criminalistic characteristics, criminalistics support, crimes against family and minors

For citation: Akiev A. R. Theoretical basis and structure of criminal characteristics of criminal activities against family and minors. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):12–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-12-19>. EDN: VVYECB.

В современной криминалистике категория «криминалистическая характеристика преступлений» рассматривается как важная научно-информационная система, отражающая результаты криминалистического познания преступной деятельности применительно к группам, видам и подвидам преступных деяний и формируемая в целях последующего научного и прикладного применения.

При этом в криминалистике продолжаются активные дискуссии о сущности и необходимости использования указанной категории в научно-исследовательской и следственной деятельности, ее структуре, возможностях прикладного применения и даль-

нейшего развития. Более того, в юридической литературе встречаются примеры отказа от разработки криминалистической характеристики преступлений против семьи и несовершеннолетних как элемента криминалистического обеспечения расследования таких деяний, замены рассматриваемой категории на другие терминологические или содержательно иные конструкции.

В этой связи представляется актуальным и необходимым проанализировать современные теоретические положения учения о криминалистической характеристике преступлений, представленные в юридической литературе взгляды и мнения по вопросам

© Акиев А. Р., 2024

познания преступной деятельности против семьи и несовершеннолетних, разработки криминалистической характеристики таких преступлений и представления авторского взгляд на ее сущность, структуру и перспективы развития.

Введение и последующее теоретическое развитие положений учения о криминалистической характеристике преступлений, их использование при формировании таких характеристик отдельных групп и видов преступлений ученые-криминалисты чаще всего связывают с соответствующими предложениями, высказанными во второй половине 60-х гг. Л. А. Сергеевым и А. Н. Колесниченко [1, с. 6; 2, с. 9]. Впрочем, как отмечал И. Ф. Крылов, авторство в использовании термина «криминалистическая характеристика» может принадлежать П. И. Люблинскому [3, с. 32], упоминавшему его еще в конце 20-х гг. прошлого столетия.

Так или иначе, криминалистическая характеристика преступлений стала одним из популярных объектов как научно-теоретических дискуссий, так и направлений научно-прикладных исследований в методике расследования преступлений отдельных групп и видов.

При этом рассматриваемая криминалистическая категория пережила непростые периоды научной критики. Например, В. Я. Колдин, говоря о неясности методологического и методического значения криминалистической характеристики преступлений, предлагал заменить ее моделированием преступной деятельности (построением криминалистической модели преступления) [4, с. 65]. Р. С. Белкиным, в частности, были сделаны выводы о «фантомной» природе криминалистической характеристики, необходимости ее замены указанием в структуре криминалистических методик расследования специфических особенностей предмета доказывания по определенной категории уголовных дел [5, с. 223]. Указанные критические суждения, в свою очередь, в дальнейшем привели к появлению в криминалистической литературе более радикальных мнений отдельных авторов об отказе от использования категории «криминалистическая характеристика преступлений», ее несостоятельности, невозможности создания и пр. [6, с. 44; 7, с. 37; 8, с. 20; 9, с. 231].

И хотя приведенные мнения трудно в целом признать обоснованными, нельзя отрицать тот факт, что до настоящего времени, во-первых, сохраняются на-

учные дискуссии о сущности и структуре криминалистической характеристики преступлений. Представляется, что множественность подходов к определению этой категории усложняет практическое использование криминалистических характеристик различных групп и видов преступлений как научно-информационных систем, особенно применительно к версии и иной аналитико-мыслительной деятельности следователей и других субъектов криминалистической деятельности.

Во-вторых, представленные в предшествующий период исследований в юридической литературе криминалистические характеристики преступлений не всегда обладали необходимой системностью, качеством и полнотой. Однако, это обстоятельство само по себе не может рассматриваться как основание отказа от категории «криминалистическая характеристика преступлений». Думается, прав Л. В. Бертовский, отметивший, что в современных условиях «...вопрос должен ставиться не в плане нужности или ненужности указанной характеристики, а лишь с точки зрения повышения ее качественного уровня и эффективности применения в научных и практических исследованиях» [10, с. 46].

Кроме того, в отдельных работах, посвященных вопросам криминалистического обеспечения расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних, криминалистическая характеристика таких деяний не представляется [11], что вряд ли оправданно. Очевидно, что разработка отвечающей современным потребностям следственной практики средств, методов, технологий, направленных на криминалистическое обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения рассматриваемой преступной деятельности вряд ли возможна без ее глубокого изучения и системного описания. Как справедливо подчеркнул А. А. Бессонов: «криминалистическая характеристика преступлений — это информационное «ядро» любой частной методики расследования, которым обуславливаются и вокруг которого концентрируются входящие в содержание последней криминалистические знания» [12, с. 49]. Следует также согласиться с позицией А. В. Варданяна и О. П. Грибунова, определяющих криминалистическую характеристику преступлений отдельных видов как обязательный элемент современной доктрины методико-криминалистического обеспечения их расследования [13, с. 24].

В-третьих, криминалистические характеристики преступлений нередко быстро устаревают вследствие активной трансформации преступной деятельности определенной группы или вида и, как следствие, нуждаются в систематической актуализации. На современном этапе применительно к преступлениям против семьи и несовершеннолетних все большее распространение приобретает цифровизация криминальных действий и процессов. Например, растет число случаев дистанционного вовлечения несовершеннолетних в преступную и другую антиобщественную деятельность с использованием современных компьютерных и телекоммуникационных средств и технологий. При этом, как показывают проведенные исследования [14], при совершении рассматриваемых преступлений в целях приискания (подбора) несовершеннолетних, оказания на них психологического воздействия, управления и координации действий в процессе реализации преступного замысла, активно используются современные цифровые технологии обмена информацией (социальные сети, мессенджеры, другие ресурсы сети Интернет, в том числе ее теневого сегмента). Для криминальных взаиморасчетов активно применяются различные электронные платежные системы, в том числе криптовалюта. Лица, вовлекающие в преступную деятельность несовершеннолетних, активно реализуют цифровые способы и приемы сокрытия своей личности и других следов преступления, осуществляют дистанционное воздействие на несовершеннолетних с территории других, преимущественно недружественных, государств. Те же тенденции характерны и для некоторых других видов преступлений против семьи и несовершеннолетних.

В-четвертых, современная криминалистическая характеристика преступлений против семьи и несовершеннолетних должна не только традиционно содержать результаты изучения и описания основных элементов рассматриваемой преступной деятельности, но и обеспечивать возможность цифровизации таких познавательных и информационных процессов в будущем. А. А. Бессонов, высказывая свою позицию по данному вопросу, указал, что современные цифровые технологии позволяют выявлять типичные криминалистически значимые признаки и закономерные связи между ними при изучении преступных деяний определенных групп и видов. «Причем, что касается закономерных связей, то некоторые могут лежать на поверхности и быть очевидными, однако большин-

ство из них носят неочевидный характер, и их обнаружение, как правило, требует использования специального математического инструментария» [15, с. 58]. Следует также поддержать мнение А. Ю. Головина о том, что переведенная «...в цифровой формат развернутая криминалистическая характеристика преступлений, помимо прочего, позволит осуществлять качественное криминалистическое прогнозирование явлений и процессов, связанных с преступлениями, их криминалистическую профилактику, а также служить полноценной научно-информационной основой для версионной работы в ходе расследования по уголовным делам» [16, с. 31].

Указанные обстоятельства требуют уточнения понятия структуры и содержания криминалистической характеристики рассматриваемой преступной деятельности.

Также стоит отметить, что в криминалистической литературе были предприняты попытки заменить характеристику преступлений на описание особенностей предмета доказывания в уголовных делах о преступлениях против семьи и несовершеннолетних. Например, Е. Б. Серова выявила особенности обстоятельств, которые должны быть установлены и доказаны в делах о преступлениях против семьи и несовершеннолетних (связанных с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность и другие антиобщественные действия, а также уклонением родителей от содержания детей). Автором были представлены сведения об обстановке, месте, времени, способе преступления, характеристика личности субъекта преступления и потерпевшего, а также ряд других типовых особенностей, связанных с совершением преступлений против семьи и несовершеннолетних [17, с. 4, 35, 61]. Однако, несмотря на отказ от использования категории «криминалистическая характеристика преступлений», содержание рассуждений автора о специфике отдельных обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам о преступлениях против семьи и несовершеннолетних, по сути, представляет собой несколько упрощенное, но все же описание типовых признаков и элементов рассматриваемой преступной деятельности, или, иными словами, ее криминалистическую характеристику. И здесь следует согласиться с мнением А. Ю. Головина о том, что во всех подобных случаях «...речь фактически идет все о том же комплексе типовой информации о системе и механизме отдельных видов прес-

тупной деятельности, в связи с чем отказ от использования для его обозначения понятия криминалистической характеристики преступлений вряд ли можно признать обоснованным» [18, с. 45].

С указанных теоретических позиций рассмотрим сущность и структуру криминалистической характеристики преступлений против семьи и несовершеннолетних.

В частности, стоит выделить дефиницию этого понятия, предложенную С. А. Куемжиевой, по мнению которой «криминалистическая характеристика преступлений — это научно обоснованная система сведений о содержании преступления, имеющих значение для расследования» [19, с. 121]. Именно на основе предложенной дефиниции автором определяется структура криминалистической характеристики преступлений против семьи и несовершеннолетних и ее отдельные элементы, о чем более подробно будет сказано далее. Однако приведенное определение рассматриваемого понятия видится достаточно общим и нуждается в некотором уточнении.

Здесь представляется целесообразным отметить ряд мнений видных отечественных ученых-криминалистов о содержательной, уровневой и структурной составляющих криминалистической характеристики преступлений.

Так, согласно позиции А. А. Бессонова, криминалистическая характеристика «отражает криминалистическую сущность преступлений определенного вида (подвида, групп), заключающуюся в сведениях о его криминалистически значимых признаках и их закономерных связях между собой» [20, с. 11].

Как отмечал Н. П. Яблоков, криминалистическая характеристика преступлений может иметь несколько уровней. При этом именно характеристика группы и вида преступлений является наиболее информативной и важной в деле их раскрытия и расследования [21, с. 61].

Кроме того, как подчеркивает А. Ю. Головин, очевидна закономерная зависимость структуры криминалистической характеристики преступления от получившей научное описание в ней преступной деятельности определенного вида (группы) и особенностей ее механизма [22, с. 32].

Эти точки зрения выделены не случайно. Представляется, что дефиниция и структура криминалистической характеристики преступлений против семьи и несовершеннолетних должна коррелироваться с уров-

нем и видом описываемой преступной деятельности, отражать особенности ее механизма.

С учетом изложенного представляется верным определять криминалистическую характеристику преступлений против семьи и несовершеннолетних как научно-информационную систему, содержащую типизированное (обобщенное) описание криминалистически значимых признаков рассматриваемой преступной деятельности, ее основных элементов и корреляционных связей между ними, формируемую и актуализируемую на основе материалов современной следственно-судебной практики. При этом необходимо подчеркнуть, что с криминалистической точки зрения круг преступлений против семьи и несовершеннолетних не должен ограничиваться только деяниями, определенными нормами гл. 20 УК РФ (ст. 150–157 УК РФ). Представляется обоснованным включать в эту группу другие виды преступлений (против личности, собственности, общественной нравственности, общественной безопасности и пр.), так или иначе связанные со спецификой интересов семьи или отношений между ее членами (совместно проживающими лицами). Именно поэтому семья может рассматриваться как особый объект криминалистического исследования [23].

Структура криминалистической характеристики преступлений против семьи и несовершеннолетних во многом является отражением (моделью) системы описываемой преступной деятельности и ее механизма. Впрочем, не следует забывать, что, несмотря на наличие многих сходных криминалистически значимых признаков, позволяющих объединить отдельные составы преступлений по различным критериям в общую группу преступлений против семьи и несовершеннолетних, все же эти деяния в структуре и механизме преступной деятельности имеют определенные отличия применительно к своим отдельным видам и подвидам.

Наглядным примером здесь выступает преступная деятельность по вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений и других антиобщественных действий (ст. 150, 151 УК РФ). Так, в июне 2020 г. в Московском районе г. Твери, ФИО1, являясь отцом ФИО2 и достоверно зная о его несовершеннолетии, предложил последнему совершить тайное хищение чужого имущества — велосипедов из подъезда многоквартирного дома. ФИО1, вовлекая в совершение преступления ФИО2, отдавал себе отчет о пагубном влиянии данного факта на нормальное моральное и психическое развитие и здоровье несовершеннолет-

него. При этом ФИО1 вовлекая в совершение кражи несовершеннолетнего, уверил его в безнаказанности за содеянное, подавив волю последнего своим авторитетом и словами об имеющейся между ними родственной связи [24].

В другом примере вовлечение несовершеннолетних в преступления осуществлялось дистанционно с территории недружественных стран через популярные у российских подростков социальные сети или мессенджеры. При этом несовершеннолетние вовлекались в сетевые группы террористической направленности, в отношении них велась пропаганда и провокации массовых убийств (в учебных заведениях и других общественных местах), склонение к совершению самоубийств. При этом преступник подозревается в передаче данных вовлеченных в преступную деятельность несовершеннолетних спецслужбам недружественных государств [25].

Несмотря на то, что приведенные в качестве примеров преступные деяния относятся к одному виду преступной деятельности, между ними имеются отличия в механизме их совершения.

Из изложенного следует, что применительно к преступной деятельности против семьи и несовершеннолетних в целом может быть определена лишь базовая структура криминалистической характеристики таких преступлений, которая может корректироваться и уточняться применительно к отдельным видам и подвидам рассматриваемых преступных деяний. Базовая природа такой структуры предполагает ее модельный шаблон для разработки новых и актуализации имеющихся криминалистических характеристик преступлений против семьи и несовершеннолетних отдельных групп и видов, выступающих важным элементом криминалистического обеспечения их раскрытия, расследования и предупреждения.

В этой связи в целом можно согласиться с мнением С. А. Куемжиевой о возможности выделения в структуре криминалистической характеристики преступлений против семьи и несовершеннолетних ряда общих элементов. Автор в их числе указывает «объект и предмет преступлений», «личность преступника», «личность потерпевшего», «обстановку совершения преступления», «способ совершения преступления», «типичные следы и иные фактические данные» [19, с. 122]. Однако, приведенная структура криминалистической характеристики преступлений против семьи и несовершеннолетних нуждается в некоторых уточнениях.

Учитывая научно-информационную природу рассматриваемой криминалистической характеристики, ее элементы представляется более терминологически правильным определять как системы (блоки) научно типизированных (обобщенных) сведений о способе преступлений против семьи и несовершеннолетних, лицах, совершающих такие деяния, жертвах преступлений, месте, времени, обстановке, обстоятельствах, способствовавших их совершению, других признаках и особенностях рассматриваемых деяний.

Круг элементов, составляющих базовую структуру криминалистической характеристики преступлений против семьи и несовершеннолетних стоит представить более широко, выделив также обобщенные сведения о мотивации (мотивах и целях) таких преступлений, месте, времени, орудиях и средствах совершения таких деяний, а также обстоятельствах, способствовавших их совершению.

Например, мотивация преступлений в семье имеет существенное криминалистическое значение. Как показывают результаты проведенного исследования, такими мотивами и целями могут быть: стремление лица, совершившего преступление, починить своей воле других членов семьи (самоутвердиться), месть вследствие внутрисемейных конфликтов, желание наказать, «воспитать» других членов семьи из-за различных проступков или нежелания отдельных членов семьи следовать принятым в семье обычаям или религиозным правилам поведения, корысть, стремление избавиться от опеки или выполнения юридических обязанностей и других забот в отношении членов семьи, хулиганские или экстремистские побуждения, стремление защитить себя и других членов семьи от внутрисемейной агрессии. Как следствие, — изучение и последующее типизированное описание мотивов и целей совершения таких деяний позволяет более детально раскрыть признаки этих преступлений в содержании криминалистической характеристики, в том числе особенности формирования и реализации преступного замысла, выбор преступником способов и жертв преступных посягательств, их множественность и ряд других признаков.

Схожий вывод можно сделать применительно к изучению и описанию орудий и средств, действий по их приисканию и использованию в целях совершения и сокрытия преступлений против семьи и несовершеннолетних. Ранее уже приводились примеры преступлений против семьи и несовершеннолетних, совершае-

мые с использованием современных компьютерных и телекоммуникационных средств и технологий. Очевидно, что используемые преступниками компьютерные средства и цифровые технологии имеют важное значение в механизме преступлений рассматриваемой группы и их отдельных видов, что определяет потребность в активном и своевременном криминалистическом изучении и описании в структуре соответствующих криминалистических характеристик.

Обобщенные сведения об обстоятельствах, способствовавших совершению преступлений против семьи и несовершеннолетних, практически не включаются в структуру криминалистической характеристики этой преступной деятельности. Указанный элемент достаточно редко выделяется учеными-криминалистами и в структурах криминалистических характеристик других видов и групп преступлений. Однако, как представляется, обобщенные сведения об обстоятельствах, способствовавших совершению преступлений против семьи и несовершеннолетних, во-первых, могут использоваться для решения практических задач по установлению и доказыванию таких обстоятельств в ходе предварительного расследования по конкретным уголовным делам. Во-вторых, такие сведения необходимы для разработки и совершенствования средств и методов криминалистического предупреждения (профилактики) преступлений этой группы.

Учитывая изложенное, представляется возможным выделять в базовой структуре криминалистической характеристики преступлений против семьи и несовершеннолетних следующие системы (блоки) типизированных (обобщенных) сведений, имеющих криминалистическое значение:

- ♦ о жертвах преступлений (потерпевших), особенностях их поведения (включая до- и посткриминальный период), отношений с субъектами преступных деяний, а также о специфике интересов семьи и семейных отношений в их связи с описываемой преступной деятельностью;

- ♦ о лицах, совершающих преступления против семьи и несовершеннолетних, их мотивации;

- ♦ об организованных преступных формированиях (группах, сообществах), причастных к совершению преступлений против семьи и несовершеннолетних;

- ♦ о способах преступлений (включая осуществляемые в рамках единого криминального замысла действия по подготовке, совершению и сокрытию таких деяний), используемых орудиях и средствах;

- ♦ об обстановке, месте и времени преступлений против семьи и несовершеннолетних;

- ♦ об обстоятельствах, способствовавших совершению преступлений рассматриваемой группы;

- ♦ о типичных следах и других последствиях совершения рассматриваемых деяний, на основе которых могут выявляться преступления и осуществляться доказывание по уголовным делам, решение других криминалистических задач предварительного расследования.

Каждый из выделенных блоков типизированных сведений должен дополняться данными, раскрывающими корреляционные связи в структуре описываемой преступной деятельности и ее механизме.

Подводя итог изложенному, можно сделать следующие выводы.

1. Криминалистическая характеристика преступлений против семьи и несовершеннолетних остается важным инструментом познания этой преступной деятельности. Предложения об отказе от ее разработки или попытки замены на некие «особенности предмета доказывания» по рассматриваемой категории уголовных дел не являются обоснованными и в должной степени результативными.

2. Криминалистическая характеристика преступлений против семьи и несовершеннолетних представляет собой научно-информационную систему, содержащую типизированное (обобщенное) описание криминалистически значимых признаков рассматриваемой преступной деятельности, ее основных элементов и корреляционных связей между ними, формируемую и актуализируемую на основе материалов современной следственно-судебной практики.

3. Предложенная структура криминалистической характеристики преступлений против семьи и несовершеннолетних является базовой для разработки новых и актуализации имеющихся криминалистических характеристик отдельных видов таких деяний, обеспечивает возможность дальнейшей цифровизации криминалистических познавательных и информационных процессов.

4. Криминалистическая характеристика преступлений против семьи и несовершеннолетних выступает важным элементом криминалистического обеспечения их раскрытия, расследования и предупреждения, создает условия для использования собранных и обработанных в криминалистике данных в решении информационных, версионных и других аналитических

задач предварительного расследования, в том числе с перспективным применением современных цифровых технологий и инструментов поддержки принятия следственных решений.

Список источников

1. Сергеев Л. А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1966.
2. Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967.
3. Крылов И. Ф. Криминалистическая характеристика и ее место в системе науки криминалистики и в вузовской программе // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр. М., 1984. С. 32–33.
4. Колдин В. Я. Криминалистическое знание преступной деятельности: функция моделирования // Советское государство. 1987. № 2.
5. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М.: Инфра-М – Норма, 2001.
6. Чурилов С. Н. Криминалистическое понятие, ставшее неприемлемым // Вестник криминалистики. 2006. Вып. 3(19). С. 43–49.
7. Захаров Г. К. Три тезиса о криминалистической характеристике преступления // Вестник криминалистики. 2006. Вып. 3(19). С. 37–42.
8. Лановой А. Ф. К вопросу о понятии криминалистической характеристики преступлений // Вестник криминалистики. 2007. Вып. 1(21). С. 18–24.
9. Павлин Д. С. Обстоятельства, подлежащие доказыванию, в структуре частных криминалистических методик // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 3. С. 227–232.
10. Бертовский Л. В. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
11. Слюсарева Н. Д. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений против семьи: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
12. Бессонов А. А. О сущности криминалистической характеристики преступлений // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 6(45). С. 45–51.
13. Варданян А. В., Грибунов О. П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2(81). С. 23–35.
14. Головин А. Ю., Акиев А. Р., Головина Е. В. Дистанционное вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность как объект криминалистического исследования // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 2(76). С. 24–30.
15. Бессонов А. А. Криминалистическая характеристика преступлений в цифровую эпоху // Развитие научных идей профессора Р. С. Белкина в условиях современных вызовов (к 100-летию со дня рождения). М., 2022.
16. Головин А. Ю. Технологии искусственного интеллекта в криминалистике: задачи, которые необходимо решить // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 2. С. 25–33.
17. Серова Е. Б. Криминалистические аспекты противодействия преступлениям против личности: учеб. пособие. СПб., 2014.
18. Головин А. Ю. Криминалистическая характеристика преступлений как категория современной криминалистики // Известия Тульского государственного университета. 2012. № 1-2. С. 43–55.
19. Куемжиева С. А. Концептуальные основы групповой методики расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних: дисс. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2020.
20. Бессонов А. А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2017.
21. Яблоков Н. П. Информационное отражение преступлений, криминалистическая характеристика, ситуационные особенности преступной деятельности и ее расследования: учебник. М., 2005.
22. Головин А. Ю. К вопросу межэлементных связей в криминалистической характеристике преступления // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Иркутск, 2018.
23. Акиев А. Р. Семья как объект криминалистического исследования // Известия Тульского государственного университета. 2023. № 3. С. 37–44.
24. Судебные и нормативные акты РФ // URL:// <http://sudact.ru/regular/doc/ESvR7fMp9yNq/>
25. Игла — в куклы: подстрекатель школьных убийств скрывается в Германии. Известия // URL:// <https://iz.ru/1672835/ivan-petrov/igla-v-kukly-podstrekatel-shkolnykh-ubiistv-skryvaetsia-v-germanii>

References

1. Sergeev L. A. Investigation and prevention of embezzlement committed during the production of construction works: abstract. diss. ... cand. Jurid. M., 1966.
2. Kolesnichenko A. N. Scientific and legal bases of investigation of certain types of crimes: abstract. diss. ... Dr. jurid. sciences'. Kharkov, 1967.
3. Krylov I. F. Criminalistic characteristics and its place in the system of criminalistics science and in the university program // Criminalistic characteristics of crimes: collection of scientific and technical publications. M., 1984. P. 32–33.
4. Koldin V. Ya. Criminalistic knowledge of criminal activity: modeling function // The Soviet state. 1987. No. 2.
5. Belkin R. S. Criminalistics: problems of today. M.: Infra-M – Norm, 2001.
6. Churilov S. N. The criminalistic concept that has become unacceptable // Bulletin of Criminology. 2006. Issue 3(19). P. 43–49.
7. Zakharov G. K. Three theses on the criminalistic characteristics of crime // Bulletin of Criminology. 2006. Issue 3(19). P. 37–42.
8. Lanovoy A. F. On the question of the concept of criminalistic characteristics of crimes // Bulletin of criminalistics. 2007. Issue 1(21). P. 18–24.
9. Pavlin D. S. Circumstances to be proved in the structure of private forensic techniques // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2012. No. 3. P. 227–232.
10. Bertovsky L. V. Problems of theory and practice of detection and investigation of criminal violations of the rules of economic activity: diss. ... Dr. Jurid. M., 2005.
11. Slyusareva N. D. Forensic support for the investigation of crimes against the family: abstract. diss. ... cand. Jurid. M., 2013.
12. Bessonov A. A. On the essence of criminalistic characteristics of crimes // Bulletin of the Volga Region Academy of Public Administration. 2014. No. 6(45). P. 45–51.
13. Vardanyan A. V., Gribunov O. P. Modern doctrine of methodological and criminalistic support for the investigation of certain types of crimes // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 2(81). P. 23–35.
14. Golovin A. Yu., Akiev A. R., Golovina E. V. Remote involvement of minors in criminal activity as an object of forensic research // The rule of law: theory and practice. 2024. No. 2(76). P. 24–30.
15. Bessonov A. A. Criminalistic characteristics of crimes in the digital age // Development of scientific ideas of Professor R. S. Belkin in the context of modern challenges (to the 100th anniversary of his birth). M., 2022.
16. Golovin A. Yu. Artificial intelligence technologies in criminalistics: tasks that need to be solved // Siberian criminal procedural and criminalistic readings. 2024. No. 2. P. 25–33.
17. Serova E. B. Criminalistic aspects of countering crimes against the person: studies. manual. SPb., 2014.
18. Golovin A. Y. Criminalistic characteristics of crimes as a category of modern criminalistics // Izvestiya Tula State University. 2012. No. 1-2. P. 43–55.
19. Kuemzhieva S. A. Conceptual foundations of a group methodology for investigating crimes against the family and minors: diss. ... Dr. Jurid. sciences'. Krasnodar, 2020.
20. Bessonov A. A. Private theory of criminalistic characteristics of crimes: abstract. diss. ... Dr. Jurid. M., 2017.
21. Yablokov N. P. Information reflection of crimes, criminalistic characteristics, situational features of criminal activity and its investigation: textbook. M., 2005.
22. Golovin A. Yu. On the issue of inter-element connections in the criminalistic characterization of crime // The activity of law enforcement agencies in modern conditions. Irkutsk, 2018.
23. Akiev A. R. Family as an object of forensic research // Proceedings of Tula State University. 2023. No. 3. P. 37–44.
24. Judicial and regulatory acts of Russia // URL://<http://sudact.ru/regular/doc/ESvR7fMp9yNq/>
25. Needle in dolls: the instigator of school murders is hiding in Germany. Izvestia // URL://<https://iz.ru/1672835/ivan-petrov/igla-v-kukly-podstrekatel-shkolnykh-ubiistv-skryvaetsia-v-germanii>

Информация об авторе

А. Р. Акиев — начальник кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Information about author

A. R. Akiev — Head of the Department of Criminalistics of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 22.07.2024; принята к публикации 15.08.2024.
The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 22.07.2024; accepted for publication 15.08.2024.

Научная статья

УДК 347.513

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-20-24>

EDN: <https://elibrary.ru/vaivy1>

ИПОН: 2003-0059-4/24-087

MOSURED: 77/27-003-2024-04-286

Правовой потенциал соглашения о компенсации морального вреда

Анастасия Владимировна Асташкина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, asanastasia@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые аспекты соглашения о компенсации морального вреда через призму правового потенциала связанных с этим юридических конструкций. Раскрывается недостаточная, на данном этапе, правовая урегулированность затрагиваемых исследованием вопросов.

Ключевые слова: правовой потенциал, генеральный деликт, компенсация морального вреда, соглашение о компенсации морального вреда, соглашение о страховом возмещении, соглашение об уплате алиментов

Для цитирования: Асташкина А. В. Правовой потенциал соглашения о компенсации морального вреда // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 20–24. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-20-24>. EDN: VAIVYI.

Original article

The legal potential of the agreement on compensation for moral damage

Anastasia V. Astashkina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, asanastasia@yandex.ru

Abstract. Some aspects of the agreement on compensation for moral damage are considered through the prism of the legal potential of related legal structures. The analysis shows that, at this stage, the legal settlement of the issues raised by the study is insufficient.

Keywords: legal potential, general tort, compensation for moral damage, agreement on compensation for moral damage, insurance compensation agreement, alimony payment agreement

For citation: Astashkina A. V. The legal potential of the agreement on compensation for moral damage. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):20–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-20-24>. EDN: VAIVYI.

Потенциал в широком смысле как совокупность имеющихся возможностей и средств в различных сферах человеческой деятельности отражает перспективу их развития.

Категория «правовой потенциал» является одной из важнейших как для анализа сущности и юридического значения правовых явлений, так и для научных исследований.

Как отмечает В. В. Димитров, потенциал права в российском обществе как совокупность возможностей, воспроизводящих и расширяющих жизненные шансы индивидов и групп, как регуляторов общественных отношений является слабо исследованным направлением; фиксируется актуальное состояние права, проективная правовая политика отодвигается на второй план в связи с тем, что правовые нормы избыточны, что индоктринация правовых институтов не приносит эффекта без жела-

тельных и необходимых социально-политических и экономических преобразований [1, с. 5].

Правовой потенциал содержит заключенные в правовых конструкциях возможности воздействия на общественные отношения. При этом данное воздействие осуществляется неодинаково, что свидетельствует о разном правовом потенциале таких конструкций и разном уровне эффективности их юридического воздействия.

Например, правовой потенциал норм федеральных конституционных законов и федеральных законов, индивидуальных правовых актов и нормативных правовых актов неодинаков. Различия состоят в порядке принятия и введения их в действие, юридической силе, действию по кругу лиц во времени и в пространстве. С этой точки зрения правовой потенциал отражает масштаб силы и эффективности вышеуказанного воздействия.

© Асташкина А. В., 2024

В настоящее время одной из сфер широкого применения развития правового потенциала выступает совершенствование норм Конституции Российской Федерации в свете изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., а также Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», которые определяют будущее нашей страны [2; 3; 4; 5; 6; 7].

В связи с этим достоинства применения понятия «правовой потенциал» усматриваются не только в понятийном плане, но и на категориальном уровне в целях юридического анализа вообще и научных исследований в частности.

Понятие «правовой потенциал» является элементом юридической техники и применимо в качестве средства широкого научного анализа правовых явлений. Необходимо отметить, что как средство юридического анализа правовой потенциал может быть применим во всем диапазоне идентифицируемых правовых явлений.

В представленной статье посредством краткого гражданско-правового анализа в сочетании с позициями общей теории права в части понятия правового потенциала рассмотрим некоторые аспекты взаимообусловленности применения юридической конструкции возмещения морального вреда в обязательной взаимосвязи с размером причиненного ущерба.

Практика применения данной юридической конструкции неоднозначна и привлекает внимание исследователей.

Новый импульс ее формированию придало постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 (далее — постановление Пленума ВС РФ № 33) «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» [8] в части возможности предоставления добровольной компенсации морального вреда потерпевшему его причинителем.

В соответствии с п. 24 постановления Пленума ВС РФ № 33 причинитель вреда вправе добровольно предоставить потерпевшему компенсацию морального вреда как в денежной, так и в иной форме (например, в виде ухода за потерпевшим, в передаче какого-либо имущества — транспортного средства, бытовой техники и т. д.), в оказании какой-либо

услуги, в выполнении самим причинителем вреда или за его счет работы, направленной на сглаживание (смягчение) физических и нравственных страданий потерпевшего.

Следовательно, стороны вправе в досудебном порядке по соглашению урегулировать вопрос о компенсации морального вреда. Вместе с тем, в п. 24 постановления Пленума ВС РФ № 33 также отмечается, что факт получения потерпевшим добровольно предоставленной причинителем вреда компенсации, как и сделанное потерпевшим в рамках уголовного судопроизводства заявление о полной компенсации причиненного ему морального вреда, не исключает возможности взыскания компенсации морального вреда в порядке гражданского судопроизводства.

Это означает, что у потерпевшего, несмотря на факт получения им компенсации от причинителя морального вреда в форме и размере, о которых стороны договорились в силу достигнутого соглашения, подразумевающего предоставление возмещения морального вреда в полном объеме, остается право на обращение в суд, что является правильным, в этом есть правовая логика.

Анализ данной ситуации свидетельствует о том, что соглашением о добровольной компенсации морального вреда не исчерпывается вопрос об устранении генерального деликта, т. е. возмещения любого вреда в полном объеме его причинителем согласно ст. 1064 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [9].

Именно в данной норме ГК РФ, устанавливающей принцип генерального деликта о возмещении вреда в полном объеме, заложен максимальный правовой потенциал.

После добровольного возмещения морального вреда его причинителем потерпевшему последний имеет право снова обратиться в суд за защитой своих прав. По соглашению моральный вред компенсируется его причинителем в том объеме, который устраивает обе стороны, но при этом фактически он может быть как полным, так и не полным.

Такая неопределенность выражает ограниченный потенциал урегулирования таким образом интересов сторон, в связи с чем возникает необходимость в поиске возможности исчерпывающего решения данного вопроса. Препятствием этому выступает право потерпевшего на обращение в суд, отказ от которого в соответствии с ч. 2 ст. 3 Гражданского процессуаль-

ного кодекса Российской Федерации [10] недействителен. Отметим, что мнения исследователей по данному вопросу неоднозначны [11].

В случае, если соглашением сторон о компенсации морального вреда будет предусмотрен запрет потерпевшему, получившему компенсацию, на последующее обращение в суд для оспаривания ее размера, данный запрет будет нелегитимным и противоречащим вышеуказанной норме.

Это подтверждается постановлением Пленума ВС РФ № 33. Так, в продолжение анализа п. 24 необходимо подчеркнуть, что суд вправе взыскать компенсацию морального вреда в пользу потерпевшего, которому во внесудебном порядке была выплачена (предоставлена в неденежной форме) компенсация, если, исходя из обстоятельств дела, придет к выводу о том, что компенсация, полученная потерпевшим, не позволяет в полном объеме компенсировать причиненные ему физические или нравственные страдания.

Очевидно, что это способствует значительному снижению реализации правового потенциала рассматриваемой юридической конструкции возмещения морального вреда, поскольку причинитель вреда, компенсировавший его в добровольном порядке, попадает в зону риска оспаривания размера предоставленной им компенсации.

Проблема ограничения правового потенциала зависит от правового регулирования и касается не только соглашения о компенсации морального вреда, но и, например, соглашения между страховщиком и потерпевшим о размере страхового возмещения без проведения независимой технической экспертизы или независимой экспертизы (оценки) поврежденного имущества или его остатков, возможность заключения которого предусмотрена в соответствии с ч. 12 ст. 12 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [12].

Как отмечается в п. 45 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 8 ноября 2022 г. № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [13], после осуществления страховщиком оговоренного страхового возмещения его обязанность считается исполненной в полном объеме и надлежащим образом, что прекра-

щает соответствующее обязательство страховщика (п. 1 ст. 408 ГК РФ).

Вместе с тем, согласно данному пункту, при выявлении скрытых недостатков потерпевший вправе обратиться к страховщику с требованиями о дополнительном страховом возмещении, что нашло отражение в судебной практике [14; 15].

В результате у потерпевшей стороны возникает коллизия — к кому обратиться с требованием по возмещению вреда и в каком случае это будет эффективнее?

В определенных законом случаях соглашение сторон направленное на денежные выплаты имеет дополнительные правовые «рычаги воздействия», что повышает гарантии получения денежных средств и ускоряет их исполнение.

Так, согласно п. 1, 2 ст. 100 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ) [16] соглашение об уплате алиментов заключается в письменной форме, подлежит нотариальному удостоверению и имеет силу исполнительного листа.

В отличие от соглашения об уплате алиментов, применительно к соглашению о компенсации морального вреда как в денежной, так и в иной форме ни закон, ни постановление Пленума ВС РФ № 33 не содержат требований к его оформлению.

Однако сила исполнительного листа, в случае если бы закон устанавливал ее обязательное наличие по аналогии с соглашением об уплате алиментов, обеспечит только часть добровольного возмещения, но не может исключить дальнейшее обращение в суд потерпевшего, не пресекает и не может запретить потерпевшему возместить вред в полном объеме в соответствии с принципом генерального деликта на основании ст. 1064 ГК РФ.

То же самое касается и предусмотренного п. 3 ст. 101 СК РФ запрета одностороннего отказа от исполнения соглашения об уплате алиментов или одностороннего изменения его условий.

Как следует из п. 4 данной нормы это не препятствует праву заинтересованной стороны, в случае существенного изменения материального или семейного положения и при недостижении консенсуса об изменении или о расторжении соглашения об уплате алиментов, обратиться в суд с иском о его изменении или расторжении.

Достижение соглашения о размере компенсации морального вреда в добровольном порядке, учиты-

вая практику высоких запросов суммы денежной компенсации, представляется изначально проблематичным, а в совокупности с правом потерпевшего дальнейшего обращения в суд возмещение морального вреда с большой вероятностью будет осуществляться именно в судебном порядке.

Но одной из проблем разрешения данных споров в суде является отсутствие, как известно, на законодательном уровне критерия определения размера компенсации. П. 30 постановления Пленума ВС РФ № 33 в связи с этим ограничивается краткой формулировкой: «исключается присуждение потерпевшему чрезвычайно малой, незначительной денежной суммы, если только такая сумма не была указана им в исковом заявлении».

Как справедливо отмечают исследователи, за время применения действующей деликтной модели суд так и не выработал сколько-нибудь приемлемых правил определения размера компенсации как в общем, так и применительно к конкретным видам вреда (особенно негативная ситуация в судах общей юрисдикции с определением размера морального вреда) [17].

Таким образом, рассмотренные нами противоречия в целом подрывают правовой потенциал юридической конструкции в виде добровольного возмещения вреда по соглашению сторон.

Список источников

1. Димитров В. В. Правовой потенциал российского общества: дисс. ... канд. соц. наук. Ростов н/Д., 2009.
2. Ряховская Т. И. Закономерности эволюции современного конституционного права и их виды // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 11. С. 3–7.
3. Черепанов В. А. О дистанционном изучении конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. С. 52–56.
4. Лапаева В. В. Развитие правового потенциала Конституции РФ как задача юридической догматики // 25 лет Конституции России: трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: мат. всерос. конф. с междунар. участием (Москва, 10–11 декабря 2018 г.) / под общ. ред. А. Н. Савенкова; отв. ред. А. Б. Дидикин, Ю. Л. Шульженко. М.: Изд-во ИГП РАН, 2019.
5. Морозов А. Н. Конституционное отражение общепризнанных принципов и норм международ-

ного права // Журнал российского права. 2018. № 7. С. 33–45.

6. Бабурин С. Н. Конституционная реформа 2020 года в Российской Федерации как путь укрепления нации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 3–6.

7. Садовникова Г. Д. 30 лет Конституции Российской Федерации: традиционные ценности и новые приоритеты // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 10. С. 45–53.

8. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. II) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

10. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

11. Юдин А. В. Недействительность отказа от права на обращение в суд в цивилистическом процессе: теоретико-практические проблемы // Вестник гражданского процесса. 2017. № 3. С. 11.

12. Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 8 ноября 2022 г. № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // СЗ РФ. 2002. № 18. Ст. 1720.

14. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 1.

15. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 декабря 2018 г. № 46-КГ18-57 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

17. Евстигнеев Э. А. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения // Вестник гражданского права. 2017. № 5. С. 82.

References

1. Dimitrov V. V. The legal potential of Russian society: diss. ... candidate of Social Sciences. Rostov n/D., 2009.
2. Ryakhovskaya T. I. Patterns of evolution of modern constitutional law and their types // Constitutional and municipal law. 2020. No. 11. P. 3–7.

3. Cherepanov V. A. On the remote study of constitutional law // Constitutional and municipal law. 2020. No. 9. P. 52–56.
4. Lapaeva V. V. Development of the legal potential of the Constitution of the Russian Federation as a task of legal dogmatics // 25 years of the Constitution of Russia: transformation of the paradigm of law in the civilizational development of mankind: mat. all-Russian conference with the international participation (Moscow, December 10–11, 2018) / under the general editorship of A. N. Savenkov; rev. A. B. Didikin, Y. L. Shulzhenko. M. : Publishing House of IGP RAS, 2019.
5. Morozov A. N. Constitutional reflection of generally recognized principles and norms of international law // Journal of Russian Law. 2018. No. 7. P. 33–45.
6. Baburin S. N. Constitutional reform of 2020 in the Russian Federation as a way to strengthen the nation // Constitutional and municipal law. 2021. No. 1. P. 3–6.
7. Sadovnikova G. D. 30 years of the Constitution of the Russian Federation: traditional values and new priorities // Actual problems of Russian law. 2023. No. 10. P. 45–53.
8. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. No. 2.
9. Civil Code of the Russian Federation (Part II) dated January 26, 1996 No. 14-FZ // CL RF. 1996. No. 5. Art. 410.
10. The Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ dated November 14, 2002 // CL RF. 2002. No. 46. Art. 4532.
11. Yudin A. V. Invalidity of refusal of the right to appeal to the court in the civil procedure process: theoretical and practical problems // Bulletin of the civil procedure. 2017. No. 3. P. 11.
12. Federal Law No. 40-FZ of April 25, 2002 (as amended on December 25, 2023) «On compulsory insurance of civil liability of vehicle owners» // LRS «ConsultantPlus».
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 8, 2022 No. 31 «On the application by courts of legislation on compulsory insurance of civil liability of vehicle owners» // CL RF. 2002. No. 18. Art. 1720.
14. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. No. 1.
15. Determination of the Judicial Board on civil cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 11, 2018 No. 46-KG18-57 // LRS «ConsultantPlus».
16. The Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 No. 223-FZ // CL RF. 1996. No. 1. Art. 16.
17. Evstigneev E. A. The principle of general tort: current state and prospects of application // Bulletin of Civil Law. 2017. No. 5. P. 82.

Информация об авторе

А. В. Асташкина — доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. V. Astashkina — Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 22.07.2024; принята к публикации 15.08.2024.

The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 22.07.2024; accepted for publication 15.08.2024.

Научная статья
УДК 346.62:347.73
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-25-29>
EDN: <https://elibrary.ru/viazbo>
НИОН: 2003-0059-4/24-088
MOSURED: 77/27-003-2024-04-287

Публично-правовые признаки и функции валюты

Константин Игоревич Брыкин

Российский университет адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, Москва, Россия,
BrykinKI.veb@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются публично-правовые признаки и функции валюты с использованием исторического метода исследования; анализируются существующие в юридической науке подходы к сущностному содержанию данного феномена. Актуальность исследования обусловлена необходимостью учитывать исторический опыт и использовать эмпирический метод познания для минимизации рисков дублирования несовершенств ранее использовавшихся валют, повлекших негативные социально-экономические и политические последствия для соответствующих государств, при формировании новых экономико-правовых конструкций в глобальной «гонке вооружений» цифровыми валютами. Делаются выводы о том, что валюта — феномен многогранный, сочетающий в себе юридические, экономические, социальные, политические и иные составляющие; выявлены и обоснованы признаки валюты — субъект изготовления (эмиссии) валюты, покупательная способность, специальные надписи, изображения, печати; функции валюты — средство платежа, государственный символ (символ суверенитета), средство извлечения прибыли (валюта как капитал), праввосстановительная и карательная функции при взимании штрафов, средство поощрения или пожертвования.

Ключевые слова: валюта, цифровая валюта, деньги, денежные агрегаты, эмиссия, суверенитет, долларизация, расходы бюджета

Для цитирования: Брыкин К. И. Публично-правовые признаки и функции валюты // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 25–29. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-25-29>. EDN: VIAZBO.

Original article

Public legal features and functions of currency

Konstantin I. Brykin

G.B. Mirzoev Russian University of Advocacy and Notariat, Moscow, Russia, BrykinKI.veb@gmail.com

Abstract. Public-law signs and functions of currency using the historical method of research are considered; the existing approaches to the essential content of this phenomenon in legal science are analyzed. The relevance of the study is conditioned by the need to take into account historical experience and use the empirical method of cognition to minimize the risks of duplicating the imperfections of previously used currencies, which entailed negative socio-economic and political consequences for the respective states, in the formation of new economic and legal constructions in the global «arms race» of digital currencies. The conclusions are made that currency is a multifaceted phenomenon, combining legal, economic, social, political and other components; the signs of currency — the subject of currency manufacturing (issuance), purchasing power, special inscriptions, images, seals; currency functions — means of payment, state symbol (symbol of sovereignty), means of profit (currency as capital), legal and punitive functions in the collection of fines, means of encouragement or donation are identified and substantiated.

Keywords: currency, digital currency, money, monetary aggregates, emission, sovereignty, dollarization, budget expenditures

For citation: Brykin K. I. Public legal features and functions of currency. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):25–29. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-25-29>. EDN: VIAZBO.

«Одним из основных начал публичного права
всех стран является суверенитет государства
в области денежного обращения».

Л. А. Лунц [6].

Основной закон нашего государства устанавли-
вает, что на территории России законным средством
платежа является рубль, исключительным правом

на денежную эмиссию которого обладает Банк Рос-
сии. ФЗ от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном
банке Российской Федерации (Банке России)» по
сути дублирует указанные положения, детализируя
форму эмиссии наличных денег (банкноты и мо-
неты), а также устанавливает тотальный запрет на
выпуск и использование в расчетах на территории
России иных денежных знаков. Законодательство о

© Брыкин К. И., 2024

валютном регулировании и валютном контроле содержит самостоятельные определения понятий «валюта Российской Федерации», «иностранная валюта», «валютные ценности» и «валютные операции». В целях проведения оценки денежной массы, т. е. наличных и безналичных средств резидентов, Центробанк использует так называемые денежные агрегаты. Например, M0 — наличные деньги в обращении; M1 — агрегат, определяемый как сумма денежного агрегата M0 и переводных депозитов в рублях; M2 — агрегат, определяемый как сумма денежного агрегата M1 и других депозитов в рублях; также Банк России использует понятие «широкой денежной массы», включающей в себя сумму денежного агрегата M2, других депозитов в иностранной валюте и долговых ценных бумаг.

Настоящее исследование направлено не на разграничение терминов «валюта», «деньги», «денежные знаки», «денежная масса» и иных. Автор ставит перед собой задачу по выявлению публично-правовых признаков и функций валюты с использованием исторического метода исследования, а также рассмотрению существующих в юридической науке подходов к сущностному содержанию данного феномена. В этой связи автором будет использоваться единый термин «валюта».

Актуальность исследования видится в ускорении глобальной «гонки вооружений» цифровыми валютами. Государства используют различные экспериментальные правовые режимы, правовые фикции, технические решения для формирования, внедрения и тестирования использования цифровых валют. Однако валюты существуют тысячи лет, и, создавая новые конструкции, необходимо учитывать исторический опыт и использовать эмпирический метод познания для минимизации рисков дублирования несовершенств ранее использовавшихся валют, повлекших негативные социально-экономические и политические последствия для соответствующих государств. Нынешние реалии требуют от валюты простоты и быстроты совершения расчетных операций для абсолютного большинства граждан и организаций, а для внешнеэкономических расчетов — это возможность совершения платежей в обход незаконных западных рестрикций и безопасность для контрагентов с точки зрения минимизации рисков наложения вторичных санкций.

Перейдем к рассмотрению **признаков** валюты.

1. Субъект изготовления (эмиссии) валюты. В отдельные исторические периоды указанный признак раскрывался по-разному. Например, это могло быть исключительной привилегией вождей в Меланезии, или ремесленников — серебряников, обладавших специальным разрешением от великого князя, со второй половины XIV в. на Руси. В США в XVIII в. единственным запретом была эмиссия не обеспеченной валюты, поэтому банки штатов, городов, частных лиц осуществляли эмиссию собственной валюты, что привело к неконтролируемому количеству видов и объема валюты, что у американцев получило название «wild cats» («дикие коты»), и смуте всей финансовой системы.

Данный признак интересно исследовать и с точки зрения эмиссии валюты для разных юрисдикций. Помимо Евросоюза с единой валютой, о которой в финансово-правовых исследованиях пишут в части недостаточности лишь поименования валюты и урегулирования эмиссионных полномочий компетентных органов [9], история знает и иные примеры. Например, создание Латинского монетного союза в 1865 г. (Франция, Италия, Бельгия, Швейцария, с 1868 г. также и Греция), предполагавшего объединение денежных систем на основе франка (только монеты, вопрос эмиссии бумажных денег не регулировался в рамках союза). Италия продолжила использование лиры, однако обязалась соблюдать единый стандарт. В дальнейшем именно Италия часто включала печатный станок и бесконтрольно выпускала валюту. Далее — Первая мировая война, и окончательное прекращение существования союза в 1926 г.

В XX в. получившие независимость африканские государства образовали Африканское финансовое сообщество и стали использовать франк КФА, получивший имя африканского франка. В настоящее время два вида этой валюты — франк КФА ВЕАС и франк КФА ВСЕАО — используются как региональные валюты.

Кроме того, в последние годы все чаще упоминается возможность формирования единого эмиссионного центра в межгосударственных объединениях, участником которых выступает Россия [3], думается, что данный тезис представляет большой теоретический интерес для финансово-правовой науки ввиду отсутствия масштабных исследований данного вопроса.

Установление государственной монополии на эмиссию валюты в финансово-правовой доктрине увязывают с окончательным становлением денежных повинностей [5], что также указывает на публично-правовую природу рассматриваемых отношений.

2. Покупательная способность валюты. Данный признак следует рассматривать в двух аспектах: во-первых, обеспеченность валюты экономическим потенциалом государства, а, во-вторых, стабильность ее курса. Ярким примером является сильнейшая финансовая система Афин, основанная, в первую очередь, не на военном потенциале, а экономическом. Вспоминается и иной пример из истории — стабильный вес и объем содержащегося золота в арабских монетах, что делало эту валюту на протяжении долгого времени уважаемой и не обесцениваемой.

Со временем валюта появляется в форме банкнот, номинал которых уже составляли не вес и вид драгоценного металла, используемого для их изготовления, а лишь графическое изображение, указанное на банкноте. В доктрине отмечают, что ценность такой валюты определялась императивно, а государство обеспечивало принятие такой валюты и как платежное средство, и в качестве уплаты повинностей [5]. Так, к концу XIX в. устойчивость валюты США уже зависела не от обеспеченности драгметаллами, а от степени развития экономики государства и политической стабильности, количества производимого товара и уровня доверия к политической, экономической системам, к государству в целом. Бреттон-Вудская конференция, по итогам которой закреплён курс валюты США к золоту, привела к победе валюты США в «гонке» первенства валют. Окончание эпохи золотого стандарта в 1970-е гг. привело к формированию принципа свободной конвертации, при котором уровень спроса и предложения на мировых финансовых рынках определяли валютные курсы (Ямайская денежная система).

Указанно вполне логично и последовательно — в настоящее время невозможно даже представить, чтобы весь объем денежной массы (хотя бы только американской валюты) был обеспечен золотым стандартом, поскольку физически объема драгметалла просто бы не хватило, а также, как отмечают ученые, это потребовало бы колоссальных затрат на реальное существование такой денежной системы [9].

Однако, это влечет и проблему — вопрос контроля количества валюты в обращении, что необхо-

димо для обеспечения баланса между эмиссионным механизмом и экономической действительностью. Уместно будет указать на позицию Е. Л. Васяниной, которая отмечает, что эмиссия валюты опосредована не только банковской, но и бюджетной системой, т. е. имеет два регулятора — Банк России и бюджет: «Запуск денег в экономику происходит через государственные расходы» [2]. Ранние исследования профессора Л. А. Лунца также затрагивают указанный вопрос: «Обесценение денежных активов было результатом эмиссии денежных знаков в целях финансирования государственного бюджета; государство получало доход путем выпуска бумажных денег, т. е. без внедрения в оборот каких-либо реальных ценностей, путем изъятия из оборота определенной суммы благ (товаров, услуг)» [7]. Таким образом, запуск государством «печатного станка» для покрытия дефицита госбюджета неминуемо приведет к неконтролируемому объему валюты, инфляции и иным негативным социально-экономическим факторам.

3. Специальные надписи, изображения, печати. Указанный признак можно детализировать, поскольку такие надписи, изображения, печати носили разный смысл. Во-первых, указание на ценность и законность валюты. В Китае с XI в. до н. э. во времена императорской династии Чжоу самым ценным металлом была бронза, из которой изготавливали предметы в форме «ножей», а позднее на них стали наносить указывающие на их ценность иероглифы. А лидийский царь Гигес в VII в. до н. э. установил, что в денежном обращении могут использоваться только слитки, содержащие на себе государственную печать. Во-вторых, указание на географическую принадлежность. В качестве примера можно привести монеты, которые чеканились в конце V в. Вестготами, содержащие изображение богини Виктории с буквами «CONO», т. е. Константинополь. В-третьих, указание на конфессию. В одном из отделившихся от империи Александра Македонского государств второй праведный халиф Умар ибн аль-Хаттаб (Умар I) чеканил монету с надписью «С именем Аллаха».

Указанные признаки не являются исчерпывающими. Так, например, профессор Л. А. Лунц в коллективной монографии «Очерки кредитного права» выделяют иные характерные черты валюты — подвижность, заменимость одного рода валюты дру-

гой, абсолютная эквивалентность, делимость и потребляемость [10].

Далее проанализируем **функции** валюты.

1. Средство платежа. Считается, что первое упоминание серебра как платежного средства шумерского государства Лагаш относится к 2400 г. до н. э. В Японии номинал первой валюты соотносили с рисом. А на Каролинских островах валюта как платежное средство подразделялась, по сути, по гендерному признаку: валюта для женщин (для оплаты мелких покупок), которые производилась из раковин, и для мужчины (для использования при совершении крупных сделок), производимые из камня.

В настоящее время один из основных товаров мира, нефть, в основном продается за валюту США, что привело к эффекту долларизации нашей экономики [1]. Продаже нефти за американскую валюту послужило выдвинутое в 1970-х гг. перед Саудовской Аравией условие США, чему в дальнейшем последовали иные страны – участницы ОПЕК.

2. Государственный символ, символ суверенитета. В доктрине финансового права валюту относят к «ключевым инструментам государственного управления и атрибутам государственности» [2]. Первая валюта из относительно чистого золота появляется по указанию лидийского царя, который хотел расширить географию использования его валюты, а также одарить поддержавший его народ. В целях повышения узнаваемости среди подданных при царе Македонии Филиппе чеканят монеты с его изображением, а позднее стали изображать его сына Александра с надписью «Базилевс», т. е. «Властелин». В VIII в. каждый халиф для подтверждения своего статуса выпускал именные монеты.

3. Средство извлечения прибыли (валюта как капитал). Первое соответствующее упоминание валюты, предназначенной для извлечения прибыли, относят к III тысячелетию до н. э., когда в Шумере появилась валюта sag-du («капитал»).

4. Правовосстановительная и карательная функции при взимании штрафов. Например, штрафы с преступников начали взимать в валюте, отчеканенной во времена царя Ур-Намму (конец III тысячелетия до н. э.).

5. Средство поощрения или пожертвования. Золотой денарий (ауреус), выпускавшийся в Римской республике, использовался для награждения отличившихся солдат, а золотой восточно-римский солид

использовался для религиозных пожертвований и награждения отличившихся подданных.

Существуют и иные подходы к определению количества и наименования функций валюты. В «Капитале» выделяются такие функции, как средство обращения, накопления (сбережения) и платежа, мера стоимости и мировые деньги [8, с. 25–126]; в современных зарубежных исследованиях — средство обращения и сбережения, единица учета или мера стоимости [12], в экономической науке — также средство накопления (возможность покупать товары в будущем), средство обращения (обслуживает переход товара в многочисленных сделках), средство платежа (при продаже товаров и услуг), мера стоимости (для изменения и сравнения стоимостей различных товаров и услуг), мировые деньги (обслуживают международные торговые операции, служат как накопление международных резервов) [11]. Профессор Ю. А. Крохина, анализируя государственную валюту как публично-правовую категорию, т. е. финансы, указывает на происходящий процесс трансформации ее функций, а также выявляет целевую функцию, которая представляется автору фундаментальной [4].

Подводя итог, автор приходит к следующим выводам. Валюта — феномен многогранный, сочетающий в себе юридические, экономические, социальные, политические и иные составляющие. Выявлены и обоснованы историческими фактами и правовой доктриной такие признаки валюты, как субъект изготовления (эмиссии) валюты, покупательная способность (обеспеченность экономическим потенциалом государства и стабильность курса валюты), специальные надписи, изображения, печати (указание на ценность и законность валюты, на географическую принадлежность или на конфессию). К функциям валюты автором отнесены — средство платежа, государственный символ (символ суверенитета), средство извлечения прибыли (валюта как капитал), правосстановительная и карательная функции при взимании штрафов, средство поощрения или пожертвования. Автором указывается на пробел в теоретических исследованиях возможности формирования единого эмиссионного центра в межгосударственных объединениях, участником которых выступает РФ, а также на необходимость обеспечения разумного бесшовного баланса между мегарегулятором и бюджетной системой при эмиссии валюты в целях сохранения финансовой стабильности России.

Список источников

1. Брыкин К. И. Феномен дедолларизации в российском финансовом праве // Финансовое право. 2024. № 2. С. 8–10.
2. Васянина Е. Л. О правовой природе денежной эмиссии // Финансовое право. 2021. № 6. С. 3–6.
3. Крохина Ю. А. Предпосылки и проблемы формирования Центрального банка Евразийского экономического союза // Банковское право. 2019. № 2. С. 35–40.
4. Крохина Ю. А. Функции финансов как фактор развития финансового права // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 2. С. 54–57.
5. Кучеров И. И. Историко-правовые аспекты возникновения денег и денежных повинностей // История государства и права. 2011. № 17. С. 20–26.
6. Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М. : Статут, 2004.
7. Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства. М., 1927.
8. Маркс К. Г. Капитал. Критика политической экономии. Кн. 1. Отдел первый. Товар и деньги / пер. с нем. М. : АСТ, 2021.
9. Назаров В. Н. О классификации денежных отношений и предмете денежного права // Финансовое право. 2012. № 8. С. 2–7.
10. Очерки кредитного права / под ред. А. Э. Вормса. М., 1926.
11. Финансы и кредит: учебник / О. В. Соколова, И. А. Бондаренко, О. И. Земцова и др.; под ред. О. В. Соколовой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Магистр, Инфра-М, 2011.
12. Энциклопедия российского финансового права / под ред. Е. Ю. Грачевой, Р. Е. Артюхина. М. : Проспект, 2024.

References

1. Brykin K. I. The phenomenon of dedollarization in Russian financial law // Financial law. 2024. No. 2. P. 8–10.
2. Vasyanina E. L. On the legal nature of monetary emission // Financial law. 2021. No. 6. P. 3–6.
3. Krokchina Yu. A. Prerequisites and problems of formation of the Central Bank of the Eurasian Economic Association // Banking law. 2019. No. 2. P. 35–40.
4. Krokchina Yu. A. Functions of finance as a factor in the development of financial law // Gaps in Russian legislation. 2024. Vol. 17. No. 2. P. 54–57.
5. Kuchеров I. I. Historical and legal aspects of the emergence of money and monetary duties // The history of state and law. 2011. No. 17. P. 20–26.
6. Lunts L. A. Money and monetary obligations in civil law. M. : Statute, 2004.
7. Lunts L. A. Money and monetary obligations. M., 1927.
8. Marx K. G. Capital. Criticism of political economy. Book 1. Department one. Commodity and money / trans. from German M. : AST, 2021.
9. Nazarov V. N. On the classification of monetary relations and the subject of monetary law // Financial law. 2012. No. 8. P. 2–7.
10. Essays on credit law / edited by A. E. Worms. M., 1926.
11. Finance and credit: textbook / O. V. Sokolova, I. A. Bondarenko, O. I. Zemtsova, etc.; edited by O. V. Sokolova. 2nd ed., reprint. and additional M. : Master, Infra-M, 2011.
12. Encyclopedia of Russian Financial Law / edited by E. Y. Gracheva, R. E. Artyukhina. M. : Prospect, 2024.

Информация об авторе

К. И. Брыкин — доцент кафедры фундаментальной юриспруденции и международного права Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, кандидат юридических наук.

Information about the author

K. I. Brykin — Associate Professor of the Department of Fundamental Jurisprudence and International Law of the G.B. Mirzoev Russian University of Advocacy and Notariat, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 22.07.2024; принята к публикации 15.08.2024.

The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 22.07.2024; accepted for publication 15.08.2024.

Научная статья

УДК 342.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-30-33>

EDN: <https://elibrary.ru/ufefes>

НИОН: 2003-0059-4/24-089

MOSURED: 77/27-003-2024-04-288

Правовое регулирование защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в эпоху цифровизации

Рашид Борисович Булатов

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Россия, bulatovrash@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы нормативно-правового регулирования реализации прав и свобод человека и гражданина в условиях внедрения цифровых технологий во все сферы публично-правового управления; использования продуктов цифровизации в деятельности органов публичной власти по защите прав граждан. Дается оценка действующим технологическим решениям, которые уже функционируют на государственном и муниципальном уровнях. Выведены существующие проблемы, связанные с внедрением цифровых технологий в работу органов публичной власти и оказанием государственных и муниципальных услуг гражданам.

Ключевые слова: права человека, цифровые технологии, цифровизация, цифровые права, информационная безопасность, государственный служащий, муниципальный служащий, органы публичной власти

Для цитирования: Булатов Р. Б. Правовое регулирование защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в эпоху цифровизации // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 30–33. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-30-33>. EDN: UFEFES.

Original article

Legal regulation of the protection of human rights and freedoms in Russian Federation in the era of digitalization

Rashid B. Bulatov

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint-Petersburg, Russia, bulatovrash@mail.ru

Abstract. The issues of normative and legal regulation of the implementation of human and civil rights and freedoms in the context of the introduction of digital technologies in all spheres of public and legal management; the use of digitalization products in the activities of public authorities to protect the rights of citizens are considered. The article assesses the current technological solutions that are already functioning at the state and municipal levels. The existing problems related to the introduction of digital technologies in the work of public authorities and the provision of state and municipal services to citizens are identified.

Keywords: human rights, digital technologies, digitalization, digital rights, information security, civil servant, municipal employee, public authorities

For citation: Bulatov R. B. Legal regulation of the protection of human rights and freedoms in Russian Federation in the era of digitalization. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):30–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-30-33>. EDN: UFEFES.

В Конституции Российской Федерации закреплено, что Россия является правовым государством, а права и свободы человека и гражданина — высшей ценностью [1], в связи с этим их защита является приоритетным направлением деятельности государства.

В современных условиях развития общества формируются новые группы прав, например, «цифровые права». В. Д. Зорькин дал следующую формулировку этого понятия: «права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных

электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности, к сети интернет» [2]. М. А. Рожкова определяет цифровые права как «права на получение доступа и возможности использовать телекоммуникационные сети, электронные устройства, цифровые носители; права, позволяющие разным лицам создавать, получать, использовать и распространять информацию в цифровой форме и т. д.» [3, с. 5]. Гражданский кодекс РФ (ст. 141.1) гласит, что цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права,

© Булатов Р. Б., 2024

содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам [4].

На наш взгляд, законодательное закрепление понятия цифровых прав не является комплексным. В нем отражены лишь общие специальные отраслевые характеристики, оторванные от современной концепции понимания этого термина. В связи с чем считаем, что необходимо законодательно закрепить понятие цифровых прав в рамках публично-правовой концепции.

Неизменными остаются базовые (конституционные) права и свободы человека и гражданина, которые отражают степень правовой защищенности личности в обществе [5, с. 218; 6, с. 160]. Однако современные вызовы заставляют законодателя вносить уточнения и разрабатывать новые средства их защиты. Сюда можно отнести хранение личной информации в сети Интернет, а также в личном кабинете на специальном портале государственных и муниципальных услуг «Единый портал государственных услуг» (ЕПГУ).

На законодательном уровне данные процессы регулируются Конституцией РФ, федеральными законами и нормативно-правовыми актами субъектов Российской Федерации. Так, Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [7] подвергался неоднократным изменениям в последние годы, это связано с предоставлением государственных и муниципальных услуг в электронной форме, а также с функционированием проекта «Единый портал государственных услуг». В частности, в п. 3 ст. 21 этого закона приводится полный перечень услуг, которые может получить обращающийся.

Внедрение в работу государственного аппарата таких технологий положительно оценивается на международной арене, а также гражданами нашей страны. Российская Федерация одна из первых в рамках проекта «Электронная Россия» добилась таких успехов в формировании электронного документооборота и создании системы оказания государственных и муниципальных услуг в дистанционном формате по средствам сети Интернет. На сегодняшний день мы находимся в десятке стран по внедрению цифровых технологий в систему государственного и муниципального управления, что

говорит о высоком уровне ориентированности государства на защиту прав и свобод человека и гражданина.

Эти технологии сильно упростили жизнь граждан и, в перспективе, они призваны облегчить работу органов власти. Однако, встает вопрос о защищенности личных данных граждан, о сложностях перехода к использованию новых технологий, а также о стабильности работы этой системы.

В эпоху цифровизации, когда информационные технологии стремительно развиваются, стала очевидной необходимость усиления защиты прав граждан в цифровом пространстве. Интернет и различные электронные устройства, будь то смартфоны, планшеты, ноутбуки или иные сложные технические устройства с возможностями для обработки и передачи данных, стали неотъемлемой частью нашей жизни. Эти устройства могут взаимодействовать между собой и с внешним миром автономно, без прямого участия человека, что открывает новые горизонты для использования технологий, но в то же время порождает угрозы для конституционных прав граждан.

В ответ на эти вызовы на законодательном уровне были разработаны и приняты усиленные меры, направленные на защиту от незаконных действий, совершаемых через использование цифровых инструментов. Эти меры охватывают широкий спектр действий, направленных на предотвращение нарушений прав граждан в сети Интернет и за ее пределами, обеспечивая защиту не только при использовании традиционных компьютеров, но и при взаимодействии через современные мобильные и портативные устройства.

С целью обеспечения более эффективной защиты, введение данных мер сопровождается разработкой новых технологических решений для обнаружения и предотвращения попыток нарушения прав граждан. Важно подчеркнуть, что эти изменения на законодательном уровне являются частью глобальной стратегии по обеспечению безопасности и защиты личной информации в эпоху цифровых технологий.

В современном мире, где цифровые технологии играют ключевую роль, важность защиты конституционных прав граждан в этой сфере становится все более очевидной. В российском законодательстве предусмотрены специальные нормы для обеспечения такой защиты, в том числе и защиты персональных данных граждан. Основные положения, касающиеся этого аспекта, зафиксированы в Кодексе об админи-

стративных правонарушениях (КоАП РФ) и Уголовном кодексе (УК РФ). Особо стоит выделить главы, посвященные правонарушениям в области информации, связи и компьютерной информации: это гл. 13 КоАП РФ и гл. 19 и 28 УК РФ, которые непосредственно касаются защиты конституционных прав и свобод в контексте информационной безопасности.

Однако, по мере того как технологии развиваются, возникает неотложная потребность в обновлении и совершенствовании этих нормативных актов. Это необходимо для того, чтобы законодательство оставалось актуальным и способным адекватно реагировать на новые вызовы и угрозы в сфере информационных технологий. Именно поэтому, несмотря на наличие уже существующих норм, предназначенных для защиты прав граждан, важно регулярно вносить изменения в законодательные акты и адаптировать их к быстроменяющемуся цифровому миру.

Защита прав граждан в сферах, где используются цифровые технологии является приоритетной задачей, требующей непрерывного внимания и адаптации законодательства к современным реалиям. От эффективности такой адаптации зависит не только безопасность персональных данных, но и общая информационная безопасность страны [8, с. 62; 9, с. 21].

В последнее время законодательная база Российской Федерации, включая Уголовный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях, претерпела значительные изменения. Это привело к тому, что за преступления и административные нарушения, совершенные с помощью сети Интернет, стали назначать более строгие наказания. Причиной такого подхода является повышенная общественная опасность данных деяний, с учетом их потенциала к широкому и быстрому распространению информации. Государство стремится обеспечить, чтобы цифровое пространство не становилось средой для незаконной деятельности, сохраняя при этом баланс между безопасностью и свободами граждан.

Модернизация предоставления государственных и муниципальных услуг коснулась и органов публичной власти. Внедрение электронного документооборота, внутренних ведомственных систем (например, «Единый портал прокуратуры»), систем взаимодействия органов публичной власти путем передачи информации посредством сети Интернет или внутренним каналам. Все это породило ряд проблем, которые продолжают решаться.

1. Проблемным является переход от бумажного документооборота к электронному, к сожалению, он до сих пор в полном объеме не состоялся, что затрудняет работу государственных и муниципальных служащих. В перспективе, все архивные материалы должны быть занесены в единую базу и сформирован полноценный электронный архив, однако загруженность государственных и муниципальных служащих не позволяет до сих пор разобраться с этой проблемой.

2. Множество государственных и муниципальных служащих не имеют навыков использования продуктов цифровизации, однако в работе они обязаны заносить в электронные базы информацию и взаимодействовать с гражданами и другими органами публичной власти в рамках своих полномочий. Отсутствие специальной подготовки сказывается на оперативности выполнения своих обязанностей и, соответственно, на результате.

3. Защищенность личных данных, которые хранятся в каких-либо электронных базах — извечная проблема в нашей стране; уровень киберпреступности растет и разрабатываются все новые манипуляции, направленные на кражу этих данных. Государство активно работает в этом направлении, однако эта извечная борьба обречена на нестабильность в защищенности личных данных граждан, которые хранятся в электронной форме.

4. Существует также проблема стабильности в работе цифровых систем оказания государственных и муниципальных услуг, ко всему, внутренние системы, которые используют органы публичной власти также периодически дают сбой (отключение серверов, различные ошибки). В период, пока специалисты решают эти проблемы, государственные и муниципальные служащие не имеют доступа к находящимся на рассмотрении обращениям граждан, информации, хранящейся в электронной форме и т.д. По этой причине сроки рассмотрения обращения сдвигаются и, порой, провести комплексную проверку не хватает времени.

Таким образом, можно заключить, что процессы цифровизации современной системы государственного и муниципального управления положительно влияют на развитие правовой системы нашего государства, а также на эффективность защиты прав и свобод человека и гражданина органами публичной власти, однако следует уделить внимание возникающим проблемам в этой сфере.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 1 июля 2020 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.
2. Зорькин В. Д. Задача государства — признавать и защищать цифровые права граждан // Российская газета. № 115(7578).
3. Рожкова М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 3–12.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Стребкова Е. Г. Цифровизация конституционных прав и свобод: сущность и проблемы реализации // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 217–225.
6. Кузнецов А. А., Галдина Э. О. Конституционные права и свободы человека в цифровую эпоху // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 3-1(66). С. 160–163.
7. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.
8. Украинчик А. В. Реализация и защита конституционных прав граждан в условиях цифровизации общества // Вестник экспертного совета. № 4(31). 2022. С. 58–66.
9. Глушкова С. И., Летунов Е. Д. Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий // Вестник гуманитарного университета. 2020. № 4(31). С. 16–28.

Информация об авторе

Р. Б. Булатов — профессор кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации.

Information about the author

R. B. Bulatov — Professor of the Department of Public Law of the Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 22.07.2024; принята к публикации 14.08.2024.
The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 22.07.2024; accepted for publication 14.08.2024.

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-34-39>

EDN: <https://elibrary.ru/ufrvwc>

NION: 2003-0059-4/24-090

MOSURED: 77/27-003-2024-04-289

Онтологические проблемы латентной (не выявленной) преступности

Ильгиз Ринатович Гарифуллин

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, garilrin@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы категории латентной преступности, анализируется ее содержание, определяется ее структура через призму теоретических положений и нормативно-правовых актов. Предлагается новый метод выявления латентной преступности — уголовно-правовой анализ решений органов государственной власти; дается определение латентной преступности, выделяется новая группа латентной преступности — условно-латентная преступность. На основании философского подхода вычлняются из содержания латентной преступности преступления с заниженной или неверной квалификацией, незарегистрированные преступления, преступления, характеризующиеся освобождением от уголовной ответственности и наказания, субъектно-латентные преступления. Обосновывается иное видение латентных преступлений через призму криминалистики — не выявленные преступления.

Ключевые слова: латентная преступность, условно-латентные преступления, метод выявления латентного преступления, виды латентности, не выявленная преступность, незарегистрированная преступность, естественная латентность, искусственная латентность

Для цитирования: Гарифуллин И. Р. Онтологические проблемы латентной (не выявленной) преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 34–39. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-34-39>. EDN: UFRVWC.

Original article

Ontological problems of latent (undetected) crime

Ilgiz R. Garifullin

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, garilrin@mail.ru

Abstract. The problems of the category of latent crime are considered, its content is analyzed, its structure is determined through the prism of theoretical provisions and normative legal acts. A new method of detecting latent crime is proposed — criminal law analysis of decisions of public authorities; a definition of latent crime is given, a new group of latent crime is identified — conditionally latent crime. Based on the philosophical approach, crimes with underestimated or incorrect qualifications, unregistered crimes, crimes characterized by exemption from criminal liability and punishment, and subject-latent crimes are isolated from the content of latent crime. A different vision of latent crimes is substantiated through the prism of criminology — undetected crimes.

Keywords: latent crime, conditionally latent crimes, method of identifying latent crimes, types of latency, undetected crime, unregistered crime, natural latency, artificial latency

For citation: Garifullin I. R. Ontological problems of latent (undetected) crime. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):34–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-34-39>. EDN: UFRVWC.

Принятие любого решения по борьбе с преступностью должно быть адекватным по количественным и качественным характеристикам сложившемуся на данном этапе уровню и состоянию преступности. Не принятие во внимание какой-либо совокупности преступлений может привести к неэффективности проводимой политики. Особые проблемы в реализации принятых решений по борьбе с преступностью может принести преступность, оказавшаяся за рамками учета правоохранительными органами. Вопросы латентности преступности были предметом исследования многих известных ученых, вместе с тем, несмотря на значительные проведенные исследования проблема латентности преступности не перестала быть актуальной.

На сегодняшний день среди ученых отсутствует общепризнанный подход относительно понятия и содержания категории латентной преступности. Так, С. М. Иншаков под латентной преступностью понимает «незарегистрированную государственными органами часть фактической преступности» [2, с. 110], идентифицируя ее посредством определяющего признака — неучтенности правоохранительными органами, при этом определяя контент латентных преступлений массой скрытых, не заявленных и не выявленных преступлений [2, с. 111]. Аналогичный критерий определения латентной преступности использует Н. В. Сазонова, определяя ее как «часть преступности, внешне выраженную в совокупности преступлений, не вошедших в систему

© Гарифуллин И. Р., 2024

государственного статистического учета, характеризующуюся определенными особенностями возникновения и развития, социальным и уголовно-правовым характером, общественной опасностью, имеющую свои качественные и количественные характеристики, временные и пространственные границы» [7, с. 5].

Так, В. Н. Шиханов выделяет в структуре латентной преступности «естественно-латентную», характеризующуюся отсутствием информации о преступлении у правоохранительных органов в связи с отсутствием информации о преступлении, и «искусственно-латентную», характеризующуюся отсутствием информации в статистической отчетности в результате нарушения правоохранительными органами правил учета преступлений [9, с. 17]. Учеными, наряду с вышеуказанными элементами, выделяется также латентность «пограничных ситуаций», т.е. преступления, не зарегистрированные органами юстиции в связи с неправильной уголовно-правовой оценкой [5, с. 85]. Р. М. Акутаевым выделяется следующая разновидность латентных преступлений — субъектно-латентные преступления, — охватывающая нераскрытые преступления, по которым виновное лицо неизвестно или не привлечено к уголовной ответственности. Данные лица, по мнению автора, охватываются категорией «латентность субъекта» преступления [1, с. 13].

В. Г. Танасевич, И. Л. Шрага, Я. В. Орлов рассматривают латентную преступность в трех аспектах: в криминологическом, как совокупность преступлений, неучтенных уголовно-правовой статистикой, в криминалистическом — как совокупность необнаруженных и нераскрытых преступлений, в процессуальном — как содержащих в себе совокупность преступлений, совершение которых не повлекло юридических последствий [8, с. 18; 7].

Анализ вышеуказанных определений указывает, по нашему мнению, на существование двух подходов к определению латентной преступности — объективный подход при отсутствии информации о преступлении (неучтенность) и субъективный подход при непринятии мер сотрудниками правоохранительных органов по регистрации имеющейся информации о преступлении по различным мотивам (неуясненность, ошибочность и т. д.). Подходы к определению содержания латентности преступлений указывает на сложность и многоаспектность данной категории.

Для разрешения проблемы латентности преступлений, на наш взгляд, целесообразно применить дуа-

листический подход, основанный на анализе сопоставления дилеммы крайностей состояния — латентности с противоположной категорией (эксплицитностью). Процесс перехода преступления из состояния латентности к явности для правоохранительных органов охватывается правовой категорией выявления. Развивая данную мысль, используем философские категории для анализа проблемы, заменив выявление преступления — процессом познания, сотрудника правоохранительных органов — субъектом познания, а латентное преступление — объектом познания. При таком видении проблемы становится совершенно очевидным, что элементы в виде нарушения правил учета преступлений, неверная уголовно-правовая квалификация преступлений, не привлечение виновного лица к ответственности не могут входить в содержание объекта познания, латентного преступления, так как все они являются элементами, характеризующими профессиональные способности сотрудника правоохранительных органов, т.е. субъекта познания. Соответственно, субъективный подход к определению латентности преступления применим с некоторой корректировкой направления исследования, в частности, познания таких категорий преступлений как преступления с нарушением правил учета, преступлений с неверной уголовно-правовой квалификацией и т. д., которые, по нашему мнению, не входят в категорию латентных преступлений и образуют иные категории преступлений, требующие особого подхода исследования и специальных способов искоренения и профилактики.

С учетом вышесказанного проведем анализ каждой перечисленной категории в сопоставлении с латентными преступлениями.

Как обоснованно было отмечено М. П. Клейменовым «...главным отличием латентного преступления является его неизвестность для субъекта правоохранительной деятельности, которому делегированы функции регистрации и учета» [3, с. 107]. Соглашаясь с данной точкой зрения, полагаем, что основным идентификатором латентных преступлений является критерий — наличие (отсутствие) информации о преступлении у правоохранительных органов. Данный подход позволяет определить латентные преступления и вычленив иные категории преступлений, которые также требуют отдельного подхода в познании, устранении и профилактике. Таким образом, исходя из вышеуказанного критерия «необнаруженные преступления» будут отнесены к латентным преступлением.

«Не раскрытые преступления», в свою очередь, образуют самостоятельную категорию преступлений, характеризующуюся отсутствием информации о лице, совершившем преступление, а также наличием информации о событии преступления, что, само по себе, исключает включение «нераскрытых преступлений» в категорию латентных преступлений.

«Преступления, совершение которых не повлекло юридических последствий», в силу наличия информации как о преступлении, так и о преступнике, не могут быть отнесены к категории латентных преступлений, а образуют иную категорию преступлений, характеризующуюся освобождением от уголовной ответственности и наказания, или являющимися судебной ошибкой. Минимизация данной категории преступлений, на наш взгляд, возможна повышением эффективности надзора органов прокуратуры за вынесенными судебными актами судов, а также повышением процессуальной активности стороны обвинения, в частности, потерпевшими по уголовному делу.

Преступления с неверной уголовно-правовой квалификацией не могут относиться к латентным преступлениям, так как они были учтены правоохранительными органами и при соответствующем надзоре за принятыми решениями органами предварительного расследования имеется реальная возможность их выявления, отмены и инициирования разбирательства. Данная группа преступлений, по нашему мнению, образует иную категорию преступлений — преступления с заниженной или неверной квалификацией. Снижение количества данной подгруппы преступлений возможно повышением эффективности надзора за деятельностью органа предварительного расследования, в частности, за уголовно-правовой квалификацией инкриминируемых преступникам деяний как вышестоящими инстанциями, так и органами прокуратуры.

На наш взгляд, искусственно-латентные преступления также нельзя отнести в чистом виде к латентным преступлениям даже при наличии у них существенного критерия латентности — отсутствия регистрации в статистической отчетности. В соответствии с п. 2.1 приказа МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства Внутренних Дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» [12] территориальные органы МВД

осуществляют прием, регистрацию и разрешение заявлений о преступлении. Искусственно-латентная преступность, исходя из логики данной статьи, является принятой сотрудниками правоохранительных органов информацией, но не зарегистрированной в Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (далее — КУСП), и, соответственно, не разрешенной. Незавершенность процесса перехода информации о преступлении от приема данной информации до ее регистрации сотрудниками правоохранительных органов и образуют контент искусственно-латентных преступлений. Не регистрация принятой информации о преступлении ведет к приостановлению возникнувших уголовно-процессуальных отношений до их повторного выявления с обязательной регистрацией в КУСП. Принимая во внимание наличие факта приема информации о преступлении, исключается возможность отнесения их к категории латентных преступлений. На наш взгляд, данная группа образует иную, самостоятельную категорию преступлений — незарегистрированные преступления. Безусловно, незарегистрированные преступления не отражаются в статистической отчетности наряду с латентными, но они имеют несколько иную природу, отличающую ее собственно от латентных. Незарегистрированные преступления являются более «уязвимыми», гораздо легче выявляемыми в связи с тем, что заявители могут повторно обратиться в правоохранительные органы, могут обжаловать бездействие сотрудников правоохранительных органов и т. д. В этом кроется коренное отличие незарегистрированных преступлений от латентных, участники которых заинтересованы в не доведении до правоохранительных органов информации о преступлении. Снижение количества незарегистрированных преступлений возможно, на наш взгляд, посредством жесткой регламентации процесса принятия информации о преступлениях и сроках ее регистрации, с неотвратимым строгим наказанием лиц, не зарегистрировавших преступления по любым мотивам. Помимо данной рекомендации, считаем целесообразным введение в перечень государственных услуг функции электронной подачи заявления о совершенном в отношении лица преступлении. При введении подобного механизма отпадает звено в цепочке регистрации сообщения о преступлении, исключаящее человеческий фактор, сотрудника правоохранительных органов, на которого возложена обязанность регистрации заявления в КУСП.

Подход, выделяющий субъектно-латентные преступления, обособляет информацию о преступнике из контекста информации о преступлении, что фактически вводит новое понятие в науку «латентный преступник» наряду с «латентным преступлением». На наш взгляд, подобное разделение нецелесообразно, так как субъект преступления является обязательным элементом состава преступления, и рассмотрение их возможно только в контексте «части и целого». Более того, «латентный преступник» как категория не может существовать вне категории «латентное преступление», так как правоохранительные органы не могут устанавливать «латентного преступника» без регистрации «латентного преступления». В продолжение высказанной мысли хочется добавить, что «латентное преступление» после его регистрации переходит в качественно иную категорию «нераскрытого преступления», а «латентный преступник» в «неустановленное лицо, совершившее преступление».

Как нам представляется, научный подход, рассматривающий категорию латентности в процессуальном, криминологическом и криминалистическом аспектах, сужает возможности комплексного исследования неизвестных преступлений, ограничиваясь видением их посредством призмы предмета и объекта вышеуказанных наук. Латентность преступления, безусловно, относится к категории науки криминологии, тогда как процесс выявления преступления относится к деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступления, и, соответственно, входит в сферу науки криминалистики. Таким образом криминологическая проблема решается криминалистическими методами. Как справедливо было отмечено В. В. Поляковым: «...Проблематика латентности высокотехнологичных преступлений, на наш взгляд, требует комплексного исследования, включающего как криминологический, так и криминалистический подходы, способные в совокупности дать синергетический эффект, которым смогут воспользоваться обе науки — криминология и криминастика» [6, с. 147]. Развивая данный подход, считаем целесообразным отметить, что отсутствие информации об имевшем место преступлении в криминологии образуют контент категории латентное преступление, тогда как в криминалистике данный контент образует категорию — «не выявленное преступление». Категория неизвестные преступления в уголовном процессе, на наш взгляд, существовать не может, в

силу возникновения уголовно-процессуальных отношений, как сказано было ранее, только после выявления преступления.

Определившись с содержанием категории латентного преступления, хотелось перейти к его свойствам. Как сказано было ранее, любое преступление является латентным до его выявления правоохранительными органами. Анализ судебной практики показывает, что период латентности может длиться от нескольких минут до неопределенного временного промежутка. Данное обстоятельство указывает на свойство латентной преступности — ее обусловленность временем.

Момент окончания состояния латентности преступления обусловлен возникновением уголовно-процессуальных отношений, являющихся гранью перехода преступления из состояния скрытости к явности. Интерпретируя ст. 140 УПК РФ и п. 2.1.1 приказа МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 период латентности преступления оканчивается регистрацией одного из следующих процессуальных документов, являющихся, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, поводом для возбуждения уголовного дела — заявления о преступлении; явки с повинной; рапорта об обнаружении признаков преступления; материалов налогового органа для решения вопроса о возбуждении уголовного дела; постановления прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования; поручения прокурора (руководителя следственного органа) о проведении проверки сообщения в средствах массовой информации; заявления по делу частного обвинения; анонимного заявления о совершенном или готовящемся террористическом акте [12]. Совершение вышеуказанных процессуальных действий является процессуальной формой выявления латентного преступления.

Исходя из всего вышесказанного, под латентной преступностью (не выявленной преступностью) следует понимать часть реальной преступности, временно не известной правоохранительным органам.

На сегодняшний день разработано достаточное количество способов обнаружения латентных преступлений: интервьюирование граждан; опрос специалистов; опрос осужденных; исследование виктимизации; методика «саморегистрирующаяся преступность»; эксперимент; социологическое наблюдение; экспертные оценки; матричное моделирование; факторный анализ; использование мультипликаторов. Вместе с тем, данные методы подвергаются су-

публичной критике [4, с. 417–447]. Не останавливаясь подробно на данных способах, хотелось бы отметить существование иного, не указанного в уголовно-процессуальном законодательстве и научной литературе, способа выявления латентной преступности — уголовно-правового анализа решений органов государственной власти по отношениям, регламентируемым как гражданским, так и трудовым законодательством. По нашему мнению, подобные решения не будут иметь преюдициального значения для органов предварительного расследования, но окажутся фактическим основанием для проверки данного факта в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

Так, анализ правоприменительной практики по прекращению трудовых отношений по инициативе работодателя в связи с утратой доверия, непринятием работником мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов (п. 7.1. ч. 1 ст. 81 ТК РФ) позволяет в некоторых случаях выявить преступления, предусмотренные ст. 285 УК РФ «Злоупотребление служебным положением».

Анализ судебной практики судов о взыскании задолженности по выплате заработной платы позволяют выявить преступления, предусмотренные ст. 145.1 УК РФ «Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат» и т. д.

Решения судов о взыскании в доход Российской Федерации «имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы» (п. 8 ч. 2 ст. 235 ГК РФ), на наш взгляд, являются особым индикатором латентных преступлений. Связь между результатами судебной практики по данному основанию и латентностью преступления прослеживается достаточно очевидно. Так, согласно ст. 20 Конвенции ООН [10] против коррупции странам, подписавшим данную конвенцию, было рекомендовано криминализировать незаконное обогащение, т. е. «значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать». В связи с противоречием Конституции РФ, а именно презумпции невиновности, незаконное обогащение не было имплементировано в национальное уголовное законодательство в качестве преступления. Вместе с тем, в гражданское законодательство России было введено новое основание прекращения права собственности — невозможность

лица, наделенного соответствующими полномочиями, доказать приобретение определенных активов в течение календарного года на общий доход семьи за три последних года (п. 8 ч. 2 ст. 235 ГК РФ, ч. 1 ст. 3 ФЗ от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [11]). Данные решения судов общей юрисдикции, в отличие от приговоров по уголовным делам, определяют вывод о наличии незаконных источников доходов у должностных лиц и по существу выявляют латентную преступность.

Таким образом, использование метода уголовно-правового анализа решений органов государственной власти позволяют выделить особенную категорию латентных преступлений — условно-латентные преступления, под которыми мы понимаем часть реальной преступности, временно не известной правоохранительным органам (не нашедшей свое отражение в КУСП), но ставшей объектами правового регулирования и не получившей уголовно-правовой оценки. В свою очередь, применение дуалистического подхода к определению латентной преступности позволит разработать наиболее эффективные методики выявления преступлений и послужит толчком для дальнейших научных исследований. При этом, выделение преступлений с заниженной или неверной квалификацией и незарегистрированных преступлений из состава латентных, обнажит проблему этиологии латентности и позволит разработать адресные методики выявления с последующим раскрытием и расследованием этих преступлений.

Список источников

1. Акутаев Р. М. Криминологический анализ латентной преступности: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. СПб., 1999.
2. Иншаков С. М. Латентная преступность как предмет криминологического изучения // Криминология: вчера, сегодня, завтра: труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2009. № 1(16). С. 107–131.
3. Клейменов М. П. Нераскрытая и латентная преступность: различия и сходство // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 1. С. 106–113.
4. Олькова О. А. Точное измерение латентной преступности. Ответ профессора С. Г. Олькова Адольфу Кетле // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6(72). № 4. С. 388–432.

5. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология (общая часть): учеб. пособие. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017.

6. Поляков В. В. Латентность высокотехнологичных преступлений: понятие, структура, методы оценки уровня // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 2. С. 146–155.

7. Сазонова Н. В. Латентная преступность: понятие, причины, измерение: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004.

8. Танасевич В. Г., Шрага И. Л., Орлов Я. В. Проблемы выявления хищений социалистического имущества // Вопросы борьбы с преступностью. 1975. № 23.

9. Шиканов В. Н. Достоверность уголовной статистики в системе контроля преступности (по материалам Иркутской области): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

10. «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции» (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «Гарант».

11. Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. 4). Ст. 6953.

12. Приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // СПС «Гарант».

References

1. Akutayev R. M. Criminological analysis of latent crime: abstract. diss. ... doct. Jurid. St. Petersburg, 1999.
2. Inshakov S. M. Latent crime as a subject of criminological study // Criminology: yesterday, today, to-

morrow: proceedings of the St. Petersburg Criminological Club. 2009. No. 1(16). P. 107–131.

3. Kleimenov M. P. Undisclosed and latent crime: differences and similarities // Law enforcement. 2017. Vol. 1. No. 1. P. 106–113.

4. Olkova O. A. Accurate measurement of latent crime. The answer of Professor S. G. Olkov to Adolf Kettle // Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2020. Vol. 6(72). No. 4. P. 388–432.

5. Prozumentov L. M., Shesler A. V. Criminology (general part): studies. stipend. Tomsk : Publishing House of Tomsk State University, 2017.

6. Polyakov V. V. Latency of high-tech crimes: concept, structure, methods of level assessment // All-Russian Journal of Criminology. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 146–155.

7. Sazonova N. V. Latent crime: concept, causes, measurement: abstract. diss. ... cand. Jurid. sciences'. Krasnoyarsk, 2004.

8. Tanasevich V. G., Shruga I. L., Orlov Ya. V. Problems of detecting theft of socialist property // Issues of combating crime. 1975. No. 23.

9. Shikanov V. N. Reliability of criminal statistics in the crime control system (based on materials from the Irkutsk region): the author's abstract. diss. ... cand. Jurid. M., 2006.

10. «United Nations Convention against Corruption» (adopted in New York on October 31, 2003 Resolution 58/4 at the 51st plenary meeting of the 58th session of the UN General Assembly) // LRS «Garant».

11. Federal Law No. 230-FZ of December 3, 2012 «On control over the compliance of Expenses of Persons holding Public Positions and Other Persons with their incomes» // CL RF. 2012. No. 50 (Part 4). Art. 6953.

12. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 736 dated August 29, 2014 «On approval of instructions on the procedure for receiving, Registering and Resolving applications and reports on crimes, Administrative offenses, and incidents in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» // LRS «Garant».

Информация об авторе

И. Р. Гарифуллин — доцент кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

I. R. Garifullin — Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 01.08.2024.
The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 01.08.2024.

Научная статья

УДК 34.3

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-40-45>

EDN: <https://elibrary.ru/unoynf>

NIJON: 2003-0059-4/24-091
MOSURED: 77/27-003-2024-04-290

О некоторых вопросах деятельности следователя в порядке ст. 144–145 УПК РФ по преступлениям, связанным с дистанционным хищением денежных средств под предлогом вложений в инвестиционные рынки

Николай Николаевич Горач¹, Сергей Вячеславович Ермаков²

¹ Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия, n.gorach@mail.ru

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, ermak270875@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются вопросы деятельности следователя, возникающие при проведении предварительной проверки сообщения о преступлении, связанного с дистанционным хищением денежных средств под предлогом вложений в инвестиционные рынки. На основе изученных практических материалов рассмотрены наиболее актуальные вопросы деятельности следователя; выработаны алгоритмы действий, направленные на повышение эффективности его деятельности с учетом складывающейся следственной ситуации. Уделено внимание поводам для возбуждения уголовного дела, обстоятельствам, подлежащим выяснению в ходе получения объяснения от заявителя; рассмотрены особенности предмета доказывания по фактам совершения преступлений, связанных с дистанционным хищением денежных средств под предлогом вложений в инвестиционные рынки. Особое внимание уделяется алгоритму деятельности следователя по наиболее типичным следственным ситуациям, складывающимся на первоначальном этапе расследования. В последующем указанная специфика должна учитываться при планировании и проведении последующих следственных действий (осмотр места происшествия, обыск, выемка, допрос и иные).

Ключевые слова: дистанционное хищение денежных средств, преступления в сфере инвестиционных рынков, предварительная проверка, предварительное расследование, следователь

Для цитирования: Горач Н. Н., Ермаков С. В. О некоторых вопросах деятельности следователя в порядке ст. 144–145 УПК РФ по преступлениям, связанным с дистанционным хищением денежных средств под предлогом вложений в инвестиционные рынки // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 40–45. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-40-45>. EDN: UNOYNF.

Original article

On some issues of the investigator's activities in accordance with Article 144–145 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation for crimes related to remote theft of funds under the pretext of investments in investment markets

Nikolai N. Gorach¹, Sergey V. Ermakov²

¹ Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev, Moscow, Russia, n.gorach@mail.ru

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ermak270875@gmail.com

Abstract. The issues of the investigator's activity arising during the preliminary verification of a crime report related to the remote theft of funds under the pretext of investments in investment markets are considered. Based on the studied practical materials, the most pressing issues of the investigators' activities are considered; algorithms of actions aimed at improving the effectiveness of his actions, taking into account the evolving investigative situation, are developed. Attention is paid to the reasons for initiating a criminal case, the circumstances to be clarified during the receipt of an explanation from the applicant; the features of the subject of proof on the facts of crimes related to remote theft of funds under the pretext of investments in investment markets are considered. Special attention is paid to the algorithm of the investigator's activity in the most typical investigative situations that develop at the initial stage of the investigation. Subsequently, these specifics should be taken into account when planning and conducting subsequent investigative actions (inspection of the scene, search, seizure, interrogation and others).

Keywords: remote theft of funds, crimes in the field of investment markets, preliminary inspection, preliminary investigation, investigator

For citation: Gorach N. N., Ermakov S. V. On some issues of the investigator's activities in accordance with Article 144–145 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation for crimes related to remote theft of funds under the pretext of investments in investment markets. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):40–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-40-45>. EDN: UNOYNF.

© Горач Н. Н., Ермаков С. В., 2024

Дистанционные хищения являются самыми распространенными преступлениями, характеризуются разнообразием способов их совершения, совершаются в условиях, при которых исключается личный контакт подозреваемого и жертвы. Обман является наиболее типичным способом завладения чужими денежными средствами при дистанционном хищении.

В информационно-телекоммуникационной среде активно рекламируются различные способы заработка, в том числе в сфере инвестиционной деятельности, с обещаниями минимальных вложений и максимальной прибыли.

Прежде всего, следует разобраться с понятиями «инвестиции» и «инвестиционная деятельность». Согласно действующему законодательству инвестиции представляют собой денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные и иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта. Соответственно инвестиционная деятельность реализуется путем вложения инвестиций и осуществления практических действий в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта [1].

Отметим, что в научной доктрине нет единообразия по поводу толкования данных понятий [2]. Обобщение же существующих определений позволяет сделать вывод о том, что в широком смысле указанные материальные субстраты выступают в качестве средства обеспечения механизма финансирования роста и развития экономики страны; в узком смысле — это любой инструмент, в который можно вложить деньги, рассчитывая на результат их сохранения или приумножения.

На практике значительная часть преступлений в данной сфере подпадает под признаки преступлений, предусмотренных ч. 4–7 ст. 159 УК РФ (мошенничество). Так, например, в 2022 г. было зарегистрировано 249 929 преступлений, квалифицированных органами предварительного расследования как мошенничество, совершенное с использованием возможностей сети Интернет, большая часть которых выявлена сотрудниками ОВД (249 290) [3].

Денежные средства похищаются у граждан, желающих легким способом заработать деньги, под предлогом осуществления инвестиций в различные финансовые инструменты и проекты. В результате реализации преступного умысла, вследствие психологического воздействия, потерпевший переводит

денежные средства на указанный преступником счет, либо предоставляет конфиденциальные данные и денежные средства списываются со счета без согласия его владельца. Для совершения мошенничества виновными активно используются средства связи и сеть Интернет. Данные преступления характеризуются высокой степенью анонимности, скрытности, совершаются с использованием зашифрованных каналов связи, сайтов и серверов, находящихся в недружественных юрисдикциях, Telegram-ботов, чужих персональных данных, банковских карт и криптокошельков, оформленных на подставных лиц.

В этой связи возникает необходимость более тщательного изучения особенностей дистанционных хищений денежных средств под предлогом вложений в инвестиционные рынки и, прежде всего, деятельности следователя в порядке ст. 144 и 145 УПК РФ.

Поводами для возбуждения уголовного дела по факту дистанционных хищений денежных средств под предлогом вложений в инвестиционные рынки могут выступать:

- ♦ заявление о совершении преступления от лица, пострадавшего от дистанционного хищения денежных средств под предлогом вложения в инвестиционные рынки;
- ♦ сообщение из государственных органов, осуществляющих контроль и надзор в области финансовых правоотношений и инвестиционной деятельности;
- ♦ рапорт об обнаружении признаков преступления по материалам, собранным в ходе оперативно-розыскной деятельности;
- ♦ сообщение о совершении дистанционного хищения денежных средств под предлогом вложений в инвестиционные рынки, установленное в ходе расследования иных преступлений.

Рассматривая особенности рассмотрения сообщения о преступлении, следует отметить, что в качестве наиболее типичного повода для возбуждения уголовных дел выступает заявление лица, которому в результате совершения преступления причиняется ущерб.

В наиболее распространенной ситуации следователь сталкивается с тем, что в качестве заявителя выступает физическое лицо, которое, преследуя цель улучшения своего материального состояния, столкнулось с неправомерной деятельностью лиц, совершающих различные способы хищений денежных средств под предлогом вложений в инвестиционные рынки.

При получении объяснения от заявителя выяснению подлежат следующие обстоятельства:

♦ когда и из каких источников заявитель узнал о возможности осуществления финансовых вложений в инвестиционные рынки;

♦ кто, когда и какую именно информацию сообщил заявителю об инвестиционной деятельности;

♦ какие обещания убедили заявителя в необходимости принятия решения о начале инвестирования денежных средств в инвестиционные рынки;

♦ кем, где, как и когда осуществлялась демонстрация преимуществ вложения через злоумышленников в инвестиционные рынки в сравнении с другими финансовыми инструментами и участниками;

♦ какая обещалась частота и размер доходности в результате вложения через злоумышленников денежных средств в инвестиционные рынки;

♦ предупреждали ли заявителя о виде и размере риска в связи с указанными финансовыми инвестиционными операциями;

♦ сообщалось ли заявителю о каких-либо иных рисках, связанных с инвестированием;

♦ осуществлялось ли, каким образом, где, когда, в какой форме и при каких обстоятельствах, на каких условиях, договорное оформление услуг консультирования, доверительного управления, предоставления доступа к самостоятельной торговле при помощи электронных платформ (каких), по инвестиционной деятельности в различные финансовые инструменты;

♦ с кем именно, как часто, посредством каких технических устройств, каким способом заявитель общался с мошенниками (телефон, мессенджер, электронная почта иные способы связи);

♦ как представлялись мошенники, использовались ли ими какие-то ник-неймы, «аватарки», фотографии в мессенджерах?

♦ осуществлялась ли переписка при помощи электронной почты? Если да, то какие почтовые адреса использовались заявителем, мошенниками? Каково содержание переписки, прикреплялись ли какие-то документы, фотографии, ссылки на какие-либо сайты а также могут выясняться иные интересующие следствия вопросы?

♦ когда, в какой сумме осуществлялись переводы с какого счета заявителя (в каком отделении банка он или они открыты), и на какой счет (абонентский номер, банковскую карту, электронный кошелек) переводились денежные средства. Если для переводов использовались мобильные приложения, то каких банков, их наименование. Если для передачи денег использовались терминалы самообслуживания, то какие именно, в том числе с указанием места их рас-

положения, наименования банка, количества и размера сумм операций, сохранились ли по ним чеки о транзакциях.

Таким образом, необходимо установить содержание действий заявителя, связанных с перечислением личных денежных средств для инвестиционной деятельности, в целях формирования персонального портфеля. Необходимо попросить у заявителя выписку по счету, с которого им осуществлялись перечисления денежных средств:

♦ в какие финансовые инструменты были привлечены денежные средства заявителя на инвестиционном рынке;

♦ на странице какого интернет-сайта, какой торговой платформе, мессенджере, в какой программе, можно было видеть результаты инвестиционной деятельности, а также какой функционал в связи с этим был доступен заявителю. Применялись ли при этом какие-либо меры защиты (идентификаторы, пароли, смс или push уведомления, персональные электронные ключи, либо иные меры защиты);

♦ был ли прикреплен финансовый консультант к заявителю, если да, то кто именно, на каких условиях, посредством чего, в каком формате и как часто происходило общение (номера телефонов, электронной почты);

♦ был ли заявителем получен какой-либо финансовый доход в результате вложения в инвестиционные рынки, если да, то когда, как часто, в каком объеме, на какой счет, и с какого счета осуществлялись перечисления, выводился ли полностью или частично полученный доход, а так же выяснить иные связанные с этим обстоятельства, в том числе когда и при каких обстоятельствах перестал выплачиваться доход, если такой поступал;

♦ когда, в каком объеме, при каких обстоятельствах, заявитель обнаружил хищение его денежных средств, привлеченных в инвестиционные рынки, а также какие в связи с этим им были приняты меры;

♦ в случаях ведения переговоров с мошенниками по телефону, получить от потерпевшего сведения о входящих и исходящих соединениях по его абонентскому номеру, отразить все звонки злоумышленников, тем самым определить точные даты и время вызова, также у потерпевшего необходимо истребовать скриншоты переписки с мошенником в мессенджерах, если таковые имеются.

Полученные от заявителя сведения о фактах дистанционного мошенничества, в том числе абонентские устройства, телефонные номера звонивших,

банковские карты, ip-адреса заносятся в интегрированный банк данных федерального уровня «Дистанционное мошенничество» ПТК «ИБД-Ф». Следователь осуществляет поиск информации об аналогичных преступлениях.

Помимо поступившего заявления, следователь может столкнуться с ситуацией, когда проверка сообщения о преступлении в порядке ст. 144 и 145 УПК РФ может начаться на основании материалов, поступивших из Центрального банка Российской Федерации и иных участников инвестиционных рынков. В ходе проверки поступившей информации, установления наличия или отсутствия признаков состава преступления, а также последующего эффективного расследования указанных преступлений, следователь сталкивается с необходимостью осуществления качественного взаимодействия с представителями указанных организаций, так как они являются сведущими специалистами в сфере финансовых рынков и могут осуществлять незаменимую вспомогательную роль на всех этапах предварительного расследования, в связи с тем, что владеют актуальной информацией о добросовестных и недобросовестных участниках инвестиционного рынка, особенностях организации и построения экономических взаимоотношений и пр.

На сайте Банка России размещен список [4] компаний с выявленными признаками нелегальной деятельности на финансовом рынке.

Следует отметить, что поводом для возбуждения уголовного дела по рассматриваемому виду преступлений может быть также информация, поступившая по результатам оперативно-розыскных мероприятий, прокурорского надзора, из иных уполномоченных государственных и контролирующих органов.

Указанные материалы, в большинстве случаев, содержат заключения специалистов соответствующих организаций, вследствие чего, они должны стать предметом серьезного изучения и анализа, производимого следователем, а также помочь ему определить его последующий алгоритм действий. Например, с учетом изложенного, следователь может определить перечень вопросов и лиц, которых следует вызвать для дачи пояснений, определить список организаций, куда нужно направить соответствующие запросы, необходимость назначения определенных судебных экспертиз.

Основанием для возбуждения уголовного дела могут послужить любые сведения, содержащиеся в

себе признаки преступления, с учетом того, что они получены надлежащим субъектом в строгом соответствии с законом.

К предмету доказывания по фактам совершения преступлений, связанных с дистанционным хищением денежных средств под предлогом вложений в инвестиционные рынки, можно отнести следующий перечень обстоятельств.

1. Установление события совершенного преступления, а именно факта осуществления комплекса действий, сопровождающихся обманом или злоупотреблением доверием, с применением дистанционных технологий, направленных в отношении конкретного лица (инвестора), либо группы лиц (инвесторов), путем создание у него (них) уверенности в том, что они, осуществляя вложения денежных средств в инвестиционные рынки, смогут улучшить свое материальное положение, преумножив инвестированные им (ими) денежные средства законным путем, а фактически с целью незаконного завладения вложенными денежными средствами с причинением инвестору (инвесторам) соответствующего ущерба.

Осуществление указанного перечня действий производится посредством использования дистанционных финансовых инструментов и технологий современных международных инвестиционных рынков, в том числе посредством сети Интернет: создание собственного «скам» (от англ. scam — афера, мошенничество) интернет-сайта, либо «зеркала» (двойника) известного сайта организации, предоставляющей законные услуги в сфере вложений в инвестиционные рынки, наличие временно арендуемого собственного офиса, оказание лицам, привлекаемых к вложениям в инвестиционные рынки под предлогом заработка, услуг по управлению их счетом (доверительное управление), организация и оказание услуг в платном обучении (могут предлагаться услуги по формированию модельных инвестиционных портфелей, «обучающие» курсы, даваться торговые сигналы, оказываться иные услуги), предоставление информации, в том числе не соответствующей действительности (ложной), относительно состояния инвестиционного рынка; использование мошенниками специализированного программного обеспечения на базе известных торговых платформ, имитирующих их работу, перечень которых без труда можно найти в сети Интернет; под предлогом более высокоприбыльной торговли иностранными инструментами за границей, осуществляется вывод денежных средств инвестора в офшоры, либо посредством осуществления их кон-

вертации в криптовалюту через третьих лиц, в том числе посредством DarkNet и др.

2. Установление причастности определенного лица (группы лиц) к совершению хищения денежных средств под предлогом вложений в инвестиционные рынки, совершенного с использованием возможностей дистанционных технологий, в том числе технологий организации деятельности инвестиционных рынков, его (их) конкретная роль и характер действий, вовлеченность и направленность в совершение определенных неправомерных действий, корыстная заинтересованность, виновность.

3. Установление перечня обстоятельств, которые характеризуют лицо (лиц) причастное к совершению хищения денежных средств под предлогом вложений в инвестиционные рынки (возраст, образование, гражданство, опыт работы, наличие в случаях предусмотренных законом лицензии на право осуществления определенного вида деятельности в сфере инвестиционных рынков, привлекался ли ранее к уголовной ответственности, в том числе за аналогичные преступления и т. п.).

4. Установление длительности незаконной деятельности лица (группы лиц), характер и размер причиненного ущерба лицу (лицам) вследствие вовлечения их во вложения в инвестиционные рынки и последующего хищения указанных денежных средств.

5. Установление обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния (к примеру, когда речь идет только о гражданско-правовых отношениях), обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание, либо влекущих за собой освобождение лица от уголовной ответственности и наказания.

Типичными следственными ситуациями, складывающимися на первоначальном этапе расследования, являются:

- ♦ подозреваемый (подозреваемые) в совершении дистанционного хищения денежных средств под предлогом вложений в инвестиционные рынки установлен;

- ♦ подозреваемый (подозреваемые) в совершении дистанционного хищения денежных средств под предлогом вложений в инвестиционные рынки не установлен.

В первой ситуации производится комплекс следственных действий с лицом, совершившим мошенничество, осуществляется задержание и личный обыск подозреваемого, обыск по месту жительства и в иных адресах противоправной деятельности, осмотр изъятых мобильных устройств, компьютерной техники,

флэш-накопителей, осмотр информационно-телекоммуникационной среды, где осуществлялась противоправная деятельность (сайтов, социальные сети, мессенджеры), назначение судебных экспертиз, допрос подозреваемого, потерпевших, свидетелей, очные ставки, проверка по подсистеме «Дистанционное мошенничество» ПТК «ИБД-Ф» с целью установления всех эпизодов противоправной деятельности.

В ситуации, когда преступник неизвестен, основные следственные действия направлены на его установление, в том числе определение никнейма в сети, используемых ip-адресов, приобретенных аккаунтов в социальных сетях, реального местонахождения, определение круга общения в социальных сетях и на сайтах и форумах киберпреступников. В данной ситуации производится допрос потерпевшего, осмотр мошеннических сайтов, страниц в мессенджерах, почтовых сообщений, направление запросов (в том числе международных) хостинг-провайдерам, предоставляющим серверные мощности, финансово-кредитным организациям по движению денежных средств по счетам, а также торговые платформы по осуществлению деятельности с криптовалютой.

Обобщение следственной и судебной практики, нормативных источников, научной литературы показывает, что следователю, осуществляющему производство предварительного расследования по исследуемым преступлениям, в каждом конкретном случае требуется проанализировать поступившую ему информацию, связанную с дистанционным хищением денежных средств под предлогом вложений в инвестиционные рынки, после чего определить содержание и последовательность своих действий, направленных на установление всей криминалистически значимой информации, поиск и последующее изъятие предметов и документов, имеющих значение для дела.

Следователь должен обратить внимание на необходимость проведения детального инструктажа со всеми сотрудниками, задействованными в производстве следственных действий; определить алгоритм и приоритет поисковых действий в целях установления информации, имеющей значение для уголовного дела, правильной оценки складывающейся следственной ситуации, перечень, объем и особенности использования специальных знаний, а также соблюдение процессуальных требований по фиксации и изъятию предметов и документов, позволяющих впоследствии принять законные процессуальные решения.

Таким образом, осуществляя процессуальную деятельность по установлению обстоятельств, имею-

щих значение для расследования преступлений, связанных с хищением денежных средств под предлогом вложений в инвестиционные рынки, следовательно сталкивается с тем, что часть интересующей его информации может храниться на информационно-телекоммуникационных ресурсах (серверах). Указанную специфику необходимо учитывать при планировании и проведении таких следственных действий, как осмотр места происшествия, обыск, выемка, допрос и иные. В ходе указанной незаконной деятельности заинтересованными лицами могут использоваться или предоставляться дополнительные и промежуточные информационно-технические ресурсы (серверы), которые позволяют обеспечить коммуникацию между участниками указанных отношений, а также, в случае необходимости, максимально усложнить поисковую деятельность следователя.

Список источников

1. Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (в ред. с послед. изм. и доп.) // СЗ РФ. 1999. № 9. Ст. 1096.
2. Родионов А. В. Финансовые инвестиции: сущность и экономическое содержание в современных условиях // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. № 10. С. 321–326.
3. Статистические данные ФГКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России». Сводный отчет по России. Сведения о результатах деятельности органов внутренних дел Российской Фе-

дерации по противодействию преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также результатах деятельности структурных подразделений ОВД, специализирующихся на противодействии преступлениям данного вида. Форма «ИТТ» (280) (Книга 1) // Официальный сайт МВД России // URL: <https://xnblae.w.xn-plai/folder/-101762/item/15304733/>

4. URL: <https://www.cbr.ru/inside/warning-list/>

References

1. Federal Law of February 25, 1999 № 39-FZ «On investment activity in the Russian Federation, carried out in the form of capital investments» (in the edition with the latest amendments and additions) // CL RF. 1999. No. 9. Art. 1096.
2. Rodionov A. V. Financial investments: essence and economic content in modern conditions // Bulletin of science and practice. 2018. T. 4. No. 10. P. 321–326.
3. Statistical data of FGKU «Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia». Summary report on Russia. Information on the results of the activities of internal affairs bodies of the Russian Federation in countering crimes committed with the use of information and telecommunication technologies, as well as the results of the activities of IAB structural units specializing in countering crimes of this type. Form «ITT» (280) (Book 1) // Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL: <https://xnblae.w.xn-plai/folder/-101762/item/15304733/>
4. URL: <https://www.cbr.ru/inside/warning-list/>

Информация об авторах

Н. Н. Горач — доцент кафедры судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, кандидат педагогических наук;

С. В. Ермаков — доцент департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

N. N. Gorach — Associate Professor of the Department of Forensic and Investigative Activities of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev, Candidate of Pedagogical Sciences;

S. V. Ermakov — Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.06.2024; одобрена после рецензирования 22.07.2024; принята к публикации 14.08.2024. The article was submitted 28.06.2024; approved after reviewing 22.07.2024; accepted for publication 14.08.2024.

Научная статья

УДК 347.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-46-51>

EDN: <https://elibrary.ru/vzcgaj>

NIJON: 2003-0059-4/24-092
MOSURED: 77/27-003-2024-04-291

Об имущественных интересах при выпуске и обороте цифровых финансовых активов

Татьяна Викторовна Дерюгина¹, Людмила Алексеевна Чеговадзе²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ sofija96@mail.ru

² chegov@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются актуальные проблемы выработки новых подходов к правовому регулированию отношений, складывающихся в сфере имущественного оборота цифровых финансовых активов. Новые правовые механизмы должны иметь теоретическое обоснование, что делает необходимым рассмотрение проблем, связанных с имущественными интересами субъектов при выпуске и обороте цифровых финансовых активов на доктринальном уровне. Анализ существующей цивилистической доктрины с использованием всеобщих (диалектического, системного подхода), а также специально-юридических (сравнительно-правового, технико-юридического и других) методов позволил предложить новые решения существующих проблем, связанных с выпуском и оборотом цифровых финансовых активов и имущественными интересами их обладателей. Обращается внимание на существование трех основных проблем, связанных с пониманием содержания цифрового финансового актива, обуславливающего наличие имущественного интереса; стоимостной оценкой имущественного права и проблемами ограничений гражданского оборота цифровых финансовых активов. Обосновано, что система прав, заложенная в цифровом финансовом активе, должна иметь замкнутый перечень, установленный законом. Обосновано, что в ряде случаев, инвестирование в цифровой финансовый актив прикрывает другую сделку (кредитование). Указаны риски такого подхода, предложены пути решения. Доказывается ошибочность подхода законодателя, установившего в качестве одного из элементов содержания цифрового финансового актива — возможность осуществления права. Исследуется проблема разграничения цифрового финансового актива и бездокументарной ценной бумаги, указывается на проблемы их имущественного оборота. Доказывается необходимость снятия ограничений на оборот цифровых финансовых активов внутри информационной системы. Обосновывается, что запрет на встречное предоставление препятствует развитию гражданского оборота цифровых финансовых активов. Обосновывается необходимость устранения указанного запрета.

Ключевые слова: цифровой финансовый актив, гражданский оборот, инвестирование, встречное предоставление, имущественное право, имущественный интерес, денежное требование, бездокументарная ценная бумага

Для цитирования: Дерюгина Т. В., Чеговадзе Л. А. Об имущественных интересах при выпуске и обороте цифровых финансовых активов // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 46–51. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-46-51>. EDN: VZCGEJ.

Original article

On property interests in the issue and turnover digital financial assets

Tatyana V. Deryugina¹, Lyudmila A. Chegovadze²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ sofija96@mail.ru

² chegov@mail.ru

Abstract. The current problems of developing new approaches to the legal regulation of relations developing in the sphere of property turnover of digital financial assets are considered. New legal mechanisms should have a theoretical basis, which makes it necessary to consider the problems related to the property interests of subjects in the issuance and circulation of digital financial assets at the doctrinal level. The analysis of the existing civilistic doctrine using universal (dialectical, systematic approach), as well as special legal (comparative legal, technical legal and other) methods allowed us to propose new solutions to existing problems related to the release and turnover of digital financial assets and the property interests of their owners. Attention is drawn to the existence of three main problems related to understanding the content of a digital financial asset, which determines the existence of a property interest; valuation of property law and the problems of restrictions on the civil turnover of digital financial assets. It is justified that the system of rights embedded in a digital financial asset should have a closed list established by law. It is proved that in some cases, investing in a digital financial asset covers another transaction (lending). The risks of this approach are indicated, and solutions are proposed. The author proves the fallacy of the legislator's approach, which established the possibility of exercising the right as one of the elements of the content of a digital financial asset. The problem of distinguishing between a digital financial asset and a non-documentary security is investigated, and the problems of their property turnover are pointed out. The necessity of lifting restrictions on the turnover of digital financial assets within the information system is proved. It is substantiated that the prohibition on counter-provision hinders the development of civil circulation of digital financial assets. The necessity of eliminating this prohibition is justified.

© Дерюгина Т.В., Чеговадзе Л.А., 2024

Keywords: digital financial asset, civil turnover, investment, counter-provision, property right, property interest, monetary claim, non-documentary security

For citation: Deryugina T. V., Chegovadze L. A. On property interests in the issue and turnover digital financial assets. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):46–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-46-51>. EDN: VZCGEJ.

Введение

Появление в имущественном обороте цифровых финансовых активов дало новый толчок развитию передачи субъективных прав на нематериальные объекты, предопределив, тем самым, необходимость разработки новых правовых механизмов гражданского оборота. При этом проблема имущественного интереса, его содержания, является одной из многих проблем, требующих разрешения на доктринальном уровне.

Имущественный интерес участника гражданского оборота, в первую очередь, обусловлен той ценностью, которая заложена в том или ином объекте гражданских права и которая способна удовлетворить его потребности. Ценность цифрового финансового актива как нематериального объекта гражданских прав заключается в имущественном праве, которое является его содержанием. Последнее, согласно установлению закона, определяется как обязательственное или иное право (ст. 141.1 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ)).

Изложенный законодательный подход позволяет говорить минимум о трех проблемах: понимание «иного» права, закладываемого в содержании цифрового финансового актива; возможность стоимостной оценки такого права; потенциальная ограниченная оборотоспособность цифрового права рамками информационной системы, где он выпущен.

Выявленные проблемы требуют выработки единого теоретического подхода, позволяющего предложить их системное решение.

Цель. Наличие проблем в понятии цифрового финансового актива, его содержании, которые и определяют имущественный интерес субъектов гражданского права, значительные ограничения гражданского оборота цифрового финансового актива предопределили цель проведения настоящего исследования, заключающуюся в разрешении теоретико-правовых проблем, связанных с имущественными интересами при выпуске и обороте цифровых финансовых активов.

Материалы и методы. Настоящее исследование базируется на трудах ученых, посвятивших свои работы отдельным аспектам проблемы, поднимающейся в настоящей статье. В частности, проблеме

обязательств, а также денежных обязательств, в частности, посвящены работы П. П. Цитович, Л. Г. Ефимовой, Л. А. Chegovadze и др. Отдельные вопросы содержания цифрового права, цифрового финансового актива и иных имущественных прав рассматривали в своих работах Д. В. Ломакин, Т. В. Дерюгина и другие авторы.

Для решения общетеоретических проблем использовались всеобщие методы познания (диалектический, системного подхода, детерминизма), применяющиеся в процессе познания сущности правовых явлений и категорий. Использование конкретно-научных (специальных) методов позволило решить частно-научные доктринальные проблемы. В частности, применение сравнительно-правового метода позволило сопоставить однородные правовые категории, выявить их сходство и различие; использование метода юридической аналогии дало возможность сопоставить различные объекты исследования и интерпретировать закономерности развития одного объекта в соотношении с другим; технико-юридический метод позволил раскрыть содержание юридических понятий, установить связи между различными правовыми явлениями.

«Иное» право как элемент содержания цифрового финансового актива

Существующие проблемы имущественного интереса при выпуске и обороте цифрового финансового актива можно условно разделить на три группы. Первая проблема связана с упоминанием законодателем, при определении цифрового права и его разновидности цифрового финансового актива, категории «иного» права, которая нормативно не раскрывается. Отчасти, указанная проблема решается самим законодателем, указавшим на необходимость поименования каждого цифрового права в законе. Тем самым, если законодатель назовет то или иное право цифровым, то так оно и будет.

В доктрине в качестве «иного» права называют, к примеру, преимущественные или корпоративные права [1, с. 37].

В качестве «иного» права ФЗ от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 11 марта 2024 г.) «О цифровых фи-

нансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — ФЗ о ЦФА)), в ч. 2 ст. 1 указывает на возможность включение в содержание цифрового финансового актива прав участия в капитале непубличного акционерного общества.

Это единственное легальное указание на содержание «иного» права. Наличие в содержании цифрового права «иного» права, не имеющего четкого определения в законе, позволяет, на наш взгляд, обходить закон в части возможности существования только поименованных в законе цифровых прав, что и происходит на практике. Во избежание указанной ситуации необходимо на уровне законодательства сформулировать четкий перечень иных прав, составляющих содержание цифрового финансового актива.

Помимо указанного права, в содержание цифрового финансового актива может включаться денежное требование к эмитенту; требование о передаче эмиссионных ценных бумаг и осуществление прав по эмиссионным ценным бумагам (ч. 2 ст. 1 ФЗ о ЦФА). И к каждому из указанных положений возникают вопросы.

Первый вопрос связан с понятием денежного требования. Действующее законодательство оперирует несколько иной терминологией, указывая на «денежные обязательства» и «право требования» по ним (ст. 319, 384, 388, 448 ГК РФ и многие другие).

В случаях, когда используется словосочетание «денежное требование» (например, договор финансирования под уступку денежного требования (ст. 824 и 826 ГК РФ)), проводится четкое разграничение между правом требования из денежного обязательства (ст. 824 ГК РФ) и денежного требования как предмета уступки (ст. 826 ГК РФ). Если мы воспримем в отношении цифрового финансового актива предложенный подход, то мы крайне сузим понятие денежного требования до рамок предмета обязательства (оставив за пределами все те случаи, где мы говорим о деньгах как объектах гражданских прав).

В цивилистической доктрине проблема денежных обязательств является достаточно дискуссионной: к последним относят не все обязательства, выраженные в деньгах. Так, господствующей точкой зрения можно назвать подход, согласно которому к денежным обязательствам следует относить лишь те, где деньги являются меновым средством, выполняя исключительно денежные функции [2, с. 35]. Так же

существует более широкий подход, согласно которому денежными являются обязательства, где деньги выступают и средством платежа, и предметом обязательства [4, с. 7]. При этом следует уточнить, что в последнем случае, они должны выполнять функцию погашения долга (например, как в договоре займа). Если ли деньги не являются в обязательстве ни средством платежа, ни средством погашения долга — такое обязательство не может называться денежным (пример, договор хранения денег).

В законодательстве, в ФЗ от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29 мая 2024 г.) «О несостоятельности (банкротстве)», предложено определение денежного обязательства, где оно рассматривается как обязанность уплаты денежной суммы по любому легальному основанию. Однако, здесь надо помнить, что это специальная норма, введенная для конкретной сферы — банкротства а, во-вторых, все-таки законодатель избрал здесь узкий подход, относя к денежным обязательствам лишь те, в которых деньги выполняют функцию средства платежа.

В противовес этому, в законе ФЗ о ЦФА законодатель, возможно, хотел подойти к решению данного вопроса более широко, понимая под денежными требованиями все, что может быть выражено в деньгах и имеет денежную оценку. В любом случае, легальное определение денежного требования внесло бы ясность в правоприменительную деятельность.

Здесь существует и другая проблема. Если рассматривать правовую сущность сделки, связанной с выпуском цифрового финансового актива, содержанием которого выступает денежное требование, то это не вполне инвестиция — это кредитование.

При этом правила относительно выпуска, оборота и прекращения цифрового финансового актива, порядок начисления процентов устанавливались решением о его выпуске; т. е., здесь можно говорить о превалировании индивидуального регулирования над публично-правовым, что свойственно кредитованию. Проблема здесь есть, особенно в тех случаях, когда заемщиком — эмитентом выступает государственная корпорация или иной системообразующий хозяйственный субъект. Нет гарантии, что в решении о выпуске не будет условий, позволяющих, как минимум, блокировать работу таких субъектов в случае нарушения условий выпуска цифирного финансового актива, а, как максимум, перераспределить собственность.

Второй вопрос, который возникает при анализе дефиниции цифрового финансового актива, относится к используемому законодателем словосочетанию о возможности осуществления права по ценным бумагам. Дело в том, что сама возможность осуществления субъективного права предусмотрена законом. Любое право изначально осуществимо, а если право осуществить невозможно — это не право, это фикция. Поэтому «возможность осуществления права» составляет его существо, и нельзя утверждать, что его предоставляет цифровой финансовый актив.

Государство, в свою очередь, в ФЗ от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 11 марта 2024 г.) «О рынке ценных бумаг» устанавливает, что осуществлять права по ним могут владелец, что закономерно, а также иные лица, залогодержатель и эскроу-агент (ст. 2 и абз. 7 п. 2 ст. 51.6 ФЗ о рынке ценных бумаг). При этом закон не отказывает владельцу в праве передать отдельные правомочия на эмиссионные ценные бумаги иным лицам, которые смогут их осуществлять (например, извлекать прибыль, распоряжаться). Но это право предусмотрено в законе, а цифровой финансовый актив лишь служит формальным подтверждением передачи конкретного правомочия и никак иначе. Впрочем, здесь речь идет не о юридической ошибке, а о некорректной формулировке, которую, следовало бы уточнить, указав, что цифровой финансовый актив удостоверяет отдельные правомочия или их совокупность, направленные на осуществление того или иного права.

Третий вопрос, возникающий при анализе дефиниции цифрового финансового актива, связан с упоминанием прав участия. Дело в том, что сама категория «права участия» в гражданском законодательстве имеет противоречивое содержание. Так, если следовать правилам п. 1 ст. 2 ГК РФ, то права участия не включают в свою структуру правомочия по управлению обществом. Однако, из п. 2 ст. 65.1 ГК РФ вытекает, что права участия идентичны корпоративным правам, соответственно, включают в себя и правомочия управления юридическим лицом. В теории данная проблема также вызывает многочисленные дискуссии [3, с. 86].

Имущественный интерес и экономическая оценка цифрового финансового актива

Проблема, связанная с экономической оценкой стоимости цифрового финансового актива, с одной

стороны, predetermined неясностью содержания права, заложенного в цифровом финансовом активе, о чем написано выше. С другой стороны, — опосредована возможностью рассмотрения цифрового финансового актива не как самостоятельного объекта гражданских прав (на что нам указывает законодатель в ст. 128 ГК РФ), а как способа фиксации иного объекта гражданских прав, в частности, имущественного права.

В этом, цифровой финансовый актив крайне схож с бездокументарной ценной бумагой: по природе они представляют собой бестелесные вещи; в их содержании заложено имущественное право, содержание которого определяется законодателем идентично — обязательственное и иное имущественное право; правила их оборота закреплены в индивидуальных актах регулирования (для бездокументарной ценной бумаги в решении о выпуске (ст. 142 ГК РФ), а для цифрового финансового актива — в правилах информационной системы. Можно указать на такое различие, как допустимость фиксации прав на бездокументарные ценные бумаги на материальном носителе, но вряд ли такое различие можно считать принципиальным. Возможность передачи ценной бумаги путем уступки права требования коррелирует с передачей прав на цифровой финансовый актив, так как наличие в нем имущественного права predetermined возможность его уступки. И, несмотря на то, что механизмы передачи предусмотрены несколько иные, по своей правовой сути — это и есть уступка права требования [5, с. 62].

С экономической точки зрения ценные бумаги более ликвидны, но при этом, стоимость цифровых финансовых активов может выражаться не только в деньгах, но и в самих ценных бумагах. Оценка стоимости цифрового финансового актива, в зависимости от привязки к тому или иному объекту, прямым образом влияет на ее ликвидность.

Ограничения гражданского оборота цифровых финансовых активов

Пожалуй, ключевым отличием ценной бумаги от цифрового финансового актива, влияющим, в том числе, на его ликвидность, можно считать гражданский оборот внутри той информационной системы, где он выпущен. Это еще одна проблема, которую необходимо, на наш взгляд, решать на законодательном уровне.

На практике проблема решается, во-первых, интеграцией операторов информационных системы с банками, а во-вторых, взаимодействием с операторами обмена цифровыми финансовыми активами.

Однако, на сегодняшний момент следует отметить недостаточную инкорпорацию операторов информационных систем, что ограничивает оборот цифровых финансовых активов. По сути, сейчас складывается несколько рынков цифровых финансовых активов, каждый из которых подчиняется собственным правилам, устанавливаемым информационной системой. Безусловно, обнадеживающим является появление операторов обмена цифровыми финансовыми активами в лице ПАО «Московская Биржа ММВБ-РТС» и ПАО «СПБ Биржа», что позволяет заключать с ними различные сделки, и по сути, создает вторичный рынок и выводит обмен цифровых финансовых активов за рамки одной информационной системы. Но для развития полноценного рынка этого недостаточно.

Необходимо изменение действующего законодательства в части создания возможностей свободного оборота цифрового финансового актива за пределами информационной системы, где он был выпущен.

Ограничивает оборотоспособность цифрового финансового актива и требование ч. 10 ст. 4 ФЗ о ЦФА. В частности, установлен запрет на использование цифрового финансового актива в качестве средства платежа или иного встречного предоставления, в целом это запрет на любое использование его в качестве платежного средства. Впрочем, указанный запрет преодолевается исключениями, установленными федеральными законами. В частности, в качестве встречного предоставления цифровой финансовый актив может использоваться во внешнеэкономических договорах (ч. 11 ст. 4 ФЗ о ЦФА); обмен цифровых финансовых активов между собой и на цифровые права предусмотрены ч. 1 ст. 10 ФЗ о ЦФА.

Следует отметить, что запрет на любое встречное предоставление (с учетом указанных исключений) с теоретико-правовых позиций выглядит не вполне обоснованным.

Так, изначально, цифровой финансовый актив рассматривался как объект инвестирования. По сути — это была одна из целей его появления в правовом поле. В соответствии с подп. 2 ч. 1 ст. 2 ФЗ от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (ред. от 11 марта 2024 г.) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в от-

дельные законодательные акты Российской Федерации» в целях получения прибыли денежные средства можно вложить в цифровые права, в том числе, цифровые финансовые активы.

С теоретических позиций функцию встречного предоставления выполняет любой объект гражданских прав, в том числе деньги. Другими словами, в договоре купли-продажи цифрового финансового актива он обменивается на деньги, выполняя при этом функцию встречного предоставления.

Еще более противоречивым выглядит сопоставление запрета на встречное предоставление с положениями ФЗ от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», рассматривающего инвестиции более широко и допускающего возможность использования в качестве таковых имущественных прав, к которым относятся и цифровые финансовые активы (ст. 1). Следовательно, и здесь можно говорить о наличии встречного предоставления.

Более того, действующее законодательство не предусматривает ограничений на получение дохода от инвестиций любых объектах гражданских прав, к которым могут относиться товары, работы и услуги, а не только в деньгах. И в этом случае цифровой финансовый актив выполняет функцию встречного предоставления.

Учитывая изначальную направленность использования цифрового финансового актива как инструмента инвестиционной деятельности, полагаем, что запрет на возможность использования цифрового финансового актива как встречного предоставления должен быть устранен, при сохранении запрета на его использование в качестве средства платежа.

Можно пойти и иным путем, установив запрет на использование цифрового финансового актива в качестве инвестиции, при сохранении возможности вложения в него денежных средств как объект инвестирования. Однако, на наш взгляд, устранение общего запрета на встречное предоставление выглядит более предпочтительным.

Заключение

Законодательство в отношении цифровых финансовых активов, их выпуска и оборота нуждается в дальнейшем совершенствовании. Апробация существующих правовых норм в правоприменительной дея-

тельности позволила выявить ряд системных проблем, требующих разрешения на доктринальном уровне.

Обосновано, что проблема упоминания «иного» права, входящего в содержание цифрового финансового актива должна решаться путем установления закрытого перечня таких прав. Обосновано, что в качестве иных прав должны рассматриваться корпоративные и преимущественные права.

Обосновано, что действующее законодательство создает возможность скрытого кредитования с использованием цифрового финансового актива. Доказано, что в отношении отдельных субъектов (публично-правовых образований, государственных корпораций) такой подход не допустим. Проблема должна решаться путем установления запрета выпуска подобных цифровых финансовых активов определенными субъектами.

Доказана ошибочность рассмотрения в качестве содержания цифрового финансового актива возможности осуществления права. Сама возможность осуществления субъективного права предусмотрена законом. Любое право изначально осуществимо, а если право осуществить невозможно — это не право, это фикция. Поэтому «возможность осуществления права» составляет его существо, и нельзя утверждать, что его предоставляет цифровой финансовый актив.

Учитывая изначально направленность использования цифрового финансового актива как инструмента инвестиционной деятельности, запрет на возможность использования цифрового финансового актива как встречного предоставления должен быть устранен, при сохранении запрета на его использования в качестве средства платежа.

Информация об авторах

Т. В. Дерюгина — профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

Л. А. Чеговадзе — профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

T. V. Deryugina — Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor;

L. A. Chegovadze — Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 01.08.2024. The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 01.08.2024.

Список источников

1. Дерюгина Т. В. К вопросу о существенных характеристиках и правовой природе цифрового права // Труды Института государства и права РАН. 2022. Т. 17. № 2. С. 35–54.
2. Ефимова Л. Г. Совершенствование теории денежных обязательств в эпоху цифровой экономики // Право и цифровая экономика. 2022. № 3. С. 33–42.
3. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практик ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008.
4. Цитович П. П. Обязательства по русскому гражданскому праву: конспект лекций. Киев, 1894.
5. Чеговадзе Л. А. О сделках передачи требований по обязательству // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 12. С. 60–63.

References

1. Deryugina T. V. On the question of the essential characteristics and legal nature of digital law // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 17. No. 2. P. 35–54.
2. Efimova L. G. Improving the theory of monetary obligations in the era of the digital economy // Law and the digital economy. 2022. No. 3. P. 33–42.
3. Lomakin D. V. Corporate legal relations: general theory and practice of its application in business companies. M., 2008.
4. Tsitovich P. P. Obligations under Russian civil law: lecture notes. Kiev, 1894.
5. Chegovadze L. A. On transactions of transfer of claims under an obligation // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2020. No. 12. P. 60–63.

Научная статья

УДК 343.3/.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-52-55>

EDN: <https://elibrary.ru/wavyuyq>

ИПОН: 2003-0059-4/24-093

MOSURED: 77/27-003-2024-04-292

Квалификация незаконных производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции

Андрей Петрович Дмитренко¹, Елена Александровна Алференок²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ stvkup@yandex.ru

² le555na1993@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается предпринимательская деятельность в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. Недобросовестные субъекты такой деятельности в целях получения максимальной выгоды нарушают установленный порядок ее осуществления. Из анализа материалов судебной практики, сложившейся в данной сфере, следует, что правоприменители сталкиваются со сложностями при квалификации действий виновных по ст. 171.3 УК РФ, во-первых, при отграничении данного запрещенного деяния от смежных, во-вторых, в связи с тем, что в большинстве случаев в содеянном присутствует совокупность преступлений.

Ключевые слова: лицензия, незаконная предпринимательская деятельность, метанол, этиловый спирт, алкогольные напитки, спиртосодержащая продукция, жидкость, содержащая метанол, федеральная специальная марка

Для цитирования: Дмитренко А. П., Алференок Е. А. Квалификация незаконных производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 52–55. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-52-55>. EDN: WAVYYQ.

Original article

Qualification of illegal production and (or) turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products

Andrey P. Dmitrenko¹, Elena A. Alferenok²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ stvkup@yandex.ru

² le555na1993@yandex.ru

Abstract. The article considers entrepreneurial activity in the field of production and turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products. Unscrupulous subjects of such activity violate the established procedure for its implementation in order to obtain maximum benefit. From the analysis of the materials of judicial practice in this area, it follows that law enforcement officers face difficulties in qualifying the actions of perpetrators under art. 171.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, firstly, when distinguishing this prohibited act from related ones, and secondly, due to the fact that in most cases a set of crimes is present in the act.

Keywords: license, illegal business activity, methanol, ethyl alcohol, alcoholic beverages, alcohol-containing products, methanol-containing liquid, federal special brand

For citation: Dmitrenko A. P., Alferenok E. A. Qualification of illegal production and (or) turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):52–55. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-52-55>. EDN: WAVYYQ.

Производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без лицензии, в случаях, когда необходимость ее получения на конкретный вид деятельности предусмотрена законом, может влечь административную или уголовную ответственность. Предметом преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ, признается этиловый

спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция, стоимость которой превышает 100 тыс. руб.

Помимо лицензии на соответствующий вид деятельности, алкогольная продукция, вне зависимости от места ее производства, в том числе ввезенная в страну, подлежит в установленном законом порядке маркировке федеральными акцизными марками и

© Дмитренко А. П., Алференок Е. А., 2024

(или) специальными марками, которые отражают информацию о ней в единой государственной автоматизированной информационной системе. Специальные марки имеют определенную стоимость и должны быть приобретены субъектами оборота такой продукции на каждую единицу товара, что подтверждает легальность ее производства и реализации.

Анализ судебно-следственной практики показывает, что имеют место случаи, когда алкогольная продукция, оборот которой осуществляется без необходимой лицензии, маркируется поддельными акцизными марками и (или) федеральными специальными марками, либо на нее вовсе не наносится соответствующая маркировка. В связи с этим в практической деятельности возникают вопросы о квалификации содеянного не только по ст. 171.3 УК РФ, но и по другим статьям, в частности, по ст. 171.1 и (или) ст. 327.1 УК РФ.

Частями 3–6 ст. 327.1 УК РФ предусмотрена ответственность за нарушение установленного законом порядка маркировки алкогольной продукции, при этом в ст. 171.3 УК РФ запрет на такие действия не регламентирован, что обуславливает квалификацию действий виновного по совокупности указанных преступлений. Например, *М. был осужден по ч. 1 ст. 171.3 и ч. 4 ст. 327.1 УК РФ. Он незаконно приобрел и в последующем хранил 254 стеклянных бутылки, на которые были нанесены этикетки «Царская охота водка Gold» и заведомо поддельные федеральные специальные марки; 177 пластиковых десятилитровых канистр с этиловым спиртом. Общая сумма продукции составила 177 000 рублей* [5].

Также в правоприменительной деятельности имеют место ситуации, когда алкогольная продукция, являющаяся предметом преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ, не маркируется акцизными марками либо федеральными специальными марками (ч. 5, 6 ст. 171.1 УК РФ), в связи с чем возникает вопрос о правильной квалификации содеянного.

Для оценки содеянного по указанным частям ст. 171.1 УК РФ не имеет значения наличие или отсутствие у субъекта соответствующей лицензии. При этом следует учитывать тот факт, что нормы ст. 171.3 УК РФ являются специальными к нормам ст. 171 УК РФ. В этой связи важное практическое значение для разрешения вопроса юридической оценки содеянного при указанных обстоятельствах приобретает разъяснение Пленума ВС РФ, данное в

п. 15 [2], о совокупности деяний, запрет на совершение которых регламентирован ст. 171 и 171.1 УК РФ. Таким образом, производство и оборот алкогольной продукции без лицензии и без маркировки должны быть оценены по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 171.3 и 171.1 УК РФ. *В частности, Первым кассационным судом общей юрисдикции оставлена без удовлетворения кассационная жалоба на излишнюю квалификацию деяния А. по п. «а», «б» ч. 2 ст. 171.3 УК РФ. Суд обосновал свое решение тем, что незаконная предпринимательская деятельность (т. е. без соответствующей лицензии), связанная с производством и оборотом немаркированной алкогольной продукции в крупном либо особо крупном размере, должна быть квалифицирована по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 171.3 УК РФ или ст. 171.1 УК РФ* [1].

Кроме того, «маркировка» производимой и реализуемой продукции в крупном или особо крупном размере фальсифицированными федеральными специальными и (или) акцизными марками свидетельствует об отсутствии необходимой маркировки. В связи с этим такие деяния подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 171.1, 171.3 и 327.1 УК РФ.

Если лицо имеет лицензию(и) на производство и (или) оборот алкогольной продукции, однако часть продукции, образующую крупный или особо крупный размер, не маркирует, то ему не может быть помимо ст. 171.1 УК РФ в объем обвинения вменена ст. 171.3 УК РФ, поскольку обязательным признаком предусмотренного этой статьей преступления является отсутствие лицензии на этот вид предпринимательской деятельности.

В правоприменительной практике возникают сложности при отграничении незаконных производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции от преступления, предусмотренного ст. 171.4 УК РФ, поскольку предметом последнего является алкогольная и спиртосодержащая пищевая продукция. Из анализа содержания указанных в ст. 2 Закона № 171-ФЗ терминов, следует, что спиртосодержащая продукция может быть как пищевой, так и непищевой, в отличие от алкогольной, которая всегда предназначается для потребления в пищу. Законодатель разделяет термины алкогольная и спиртосодержащая продукция в связи с тем, что алкогольная продукция может быть произведена в том числе с

использованием спиртосодержащей пищевой продукции. Иными словами, спиртосодержащая пищевая продукция является сырьем для изготовления конечного продукта — алкогольной продукции.

Также в диспозиции ст. 171.4 УК РФ отсутствует указание на размер предмета. Это означает, что стоимость алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, продаваемой в розницу, не должна превышать 100 тыс. руб. В ином случае содеянное подлежит квалификации по ст. 171.3 УК РФ.

Обозначенные преступления имеют различия и в признаках субъекта преступления. К уголовной ответственности по ст. 171.4 может быть привлечен лишь субъект, подвергнутый административному наказанию по ст. 14.17.1 КоАП РФ.

Анализ правоприменительной практики показывает, что в ряде случаев производится и реализуется спиртосодержащая продукция, которая представляет опасность не только для здоровья, но и для жизни потребителя.

Высший судебный орган РФ в одном из постановлений [3, п. 12] разъяснил, как оценивать действия в подобных случаях, в частности имеет место совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 171.3 и ст. 238 УК РФ. Так, *Н. осужден по п. «а», «б» ч. 2 ст. 171.3, ч. 3 ст. 238 УК РФ. Установлено, что он, являясь одним из организаторов и руководителей организованной группы, в составе такой группы, не имея законных оснований, предусмотренных законом № 171-ФЗ, для оборота этилового спирта, производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции, не имея лицензий, приобрел не в специализированном месте у неустановленных лиц спиртосодержащие жидкости, на которые отсутствовала необходимая документация, гарантирующая ее соответствие требованиям безопасности и пригодности к потреблению (сертификаты соответствия требованиям безопасности, деклараций о соответствии требованиям безопасности, гигиенических заключений), и которые могут содержать в своем составе микропримеси, в том числе метанол, в концентрациях, превышающих допустимые значения, и при употреблении в пищу могут повлечь смерть или причинение тяжкого вреда здоровью, из которых планировал производить спиртосодержащую продукцию и реализовывать населению [6].*

Представляется, что в зависимости от того, какие вещества присутствуют в алкогольной продукции для

производства которой использовалась спиртосодержащая продукция, в том числе непищевая, содеянное может образовать совокупность не только с преступлением, предусмотренным ст. 238 УК РФ, но также с преступлениями, ответственность за совершение которых закреплена в ст. 234 или 234.2 УК РФ. Например, *Д. произвел и хранил для последующего сбыта более 650 литров спиртосодержащей жидкости с содержанием этилового спирта от 7,7 до 93,5 %. Экспертом дано заключение, что данная продукция не является безопасной для жизни и здоровья потребителей, поскольку содержит метиловый спирт в объеме, превышающем допустимый, и токсические примеси (ацетон, этилформиат, этилбутират и др.). Д. был осужден по ч. 1 ст. 171.3 и ч. 1 ст. 238 УК РФ [4].*

Указанное судебное решение было принято в 2021 г. В 2023 г. произошла криминализация незаконных производства и оборота метилового спирта (метанола) либо метанолсодержащих жидкостей под видом алкогольной продукции (ст. 234.2 УК РФ). Таким образом, в настоящее время деяние, указанное в приведенном выше примере, полагало бы квалификации по ст. 171.3 УК РФ в совокупности со ст. 234.2 УК РФ. Однако, если стоимость такой продукции не превышает 100 тыс. руб., то ст. 171.3 УК РФ не вменяется. Так, по ст. 234.2 УК РФ осуждена *Д., которая приобрела метанолсодержащую жидкость на основе непищевого этилового спирта в общем объеме не менее 7,5 литров, которую хранила у себя в квартире с целью изготовления из нее спиртосодержащую продукцию на продажу. Реализуя задуманное, она продала за 100 рублей сотруднику оперативного подразделения полиции С. одну бутылку объемом 0,5 литров с метанолсодержащей жидкостью, которую изготовила, смешав приобретенный ею непищевой этиловый спирт и воду, под видом алкогольной продукции, т. е. для потребления в пищу [7].*

Аналогичным образом следует рассматривать вопрос о квалификации деяния по ст. 171.3 УК РФ в совокупности со ст. 234 УК РФ.

Список источников

1. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 7 октября 2020 г. № 77-1975/2020 // URL: <https://www.consultant.ru/>
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 (ред. от 7 июля 2015 г.) «О

судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // URL://<https://www.consultant.ru/>

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL://<https://www.consultant.ru/>

4. Приговор Армянского городского суда Республики Крым от 25 января 2021 г. по делу № 1-39/2020 // URL://<https://www.consultant.ru/>

5. Приговор Ленинского районного суда г. Томска от 7 февраля 2018 г. по делу № 1-122/2018 // URL://sudact.ru/regular/doc/4wJmwegnp6gv/

6. Приговор Моргаушского районного суда Чувашской Республики от 2 февраля 2023 г. по делу № 1-10/2023 // URL://<https://www.consultant.ru/>

7. Приговор Салаватского городского суда Республики Башкортостан от 17 июля 2023 г. № 1-260/2023 // URL://<https://www.consultant.ru/>

References

1. Ruling of the First Court of Cassation of General Jurisdiction dated October 7, 2020 No. 77-1975/2020 // URL://<https://www.consultant.ru/>

2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 18, 2004 No. 23 (as amended on July 7, 2015) «On judicial practice in cases of illegal entrepreneurship» // URL://<https://www.consultant.ru/>

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 25, 2019 No. 18

«On judicial practice in cases of crimes provided for in Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation» // URL://<https://www.consultant.ru/>

4. The verdict of the Armenian City Court of the Republic of Crimea dated January 25, 2021 in case No. 1-39/2020 // URL://<https://www.consultant.ru/>

5. Verdict of the Leninsky District Court of Tomsk dated February 7, 2018 in case No. 1-122/2018 // URL://sudact.ru/regular/doc/4wJmwegnp6gv/

6. The verdict of the Morgaushsky District Court of the Chuvash Republic dated February 2, 2023 in case No. 1-10/2023 // URL://<https://www.consultant.ru/>

7. The verdict of the Salavatsky City Court of the Republic of Bashkortostan dated July 17, 2023 No. 1-260/2023 // URL://<https://www.consultant.ru/>

Библиографический список

1. Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ (ред. от 29 мая 2024 г.) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // URL://<https://www.consultant.ru/>

Bibliographic list

1. Federal Law No. 171-FZ of November 22, 1995 (as amended on May 29, 2024) «On State regulation of production and turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products and on restriction of consumption (drinking) of alcoholic products» // URL://<https://www.consultant.ru/>

Информация об авторах

А. П. Дмитренко — профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

Е. А. Алференок — старший преподаватель кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

A. P. Dmitrenko — Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor;

E. A. Alferenok — Senior Lecturer of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.06.2024; одобрена после рецензирования 16.07.2024; принята к публикации 12.08.2024. The article was submitted 18.06.2024; approved after reviewing 16.07.2024; accepted for publication 12.08.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-56-65>

EDN: <https://elibrary.ru/wbdkhf>

ИПОН: 2003-0059-4/24-094

MOSURED: 77/27-003-2024-04-293

Решение задач оперативно-розыскной деятельности посредством получения сведений в информационно-телекоммуникационной среде

Владимир Юрьевич Жандров

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, vaisvladimir74@gmail.com

Аннотация. Рассматривается развитие информационно-телекоммуникационных технологий, приведшее к трансформации многих видов преступной деятельности, появлению новых способов совершения преступлений, повышению уровня анонимности злоумышленников, использующих инструменты социальных сетей и программное обеспечение электронных мобильных устройств. Решение задач оперативно-розыскной деятельности в новых технологических условиях требует трансформации оперативно-розыскных мероприятий, адаптации правил их проведения к информационной-телекоммуникационной среде. Соблюдение законности при получении электронной информации и последующей ее реализации в ходе доказывания по уголовным делам требует создания современной теоретической основы и формирования эффективной модели оперативно-розыскной деятельности, позволяющей решать задачи борьбы с преступностью в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: борьба с преступностью, задачи оперативно-розыскной деятельности, информационно-телекоммуникационные технологии, негласный контроль, оперативно-розыскное мероприятие, противодействие преступности, цифровая трансформация, электронные доказательства, электронное наблюдение, электронная оперативно-розыскная информация

Для цитирования: Жандров В. Ю. Решение задач оперативно-розыскной деятельности посредством получения сведений в информационно-телекоммуникационной среде // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 56–65. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-56-65>. EDN: WBDKHF.

Original article

Solving the tasks of operational investigative activities by obtaining information in the information and telecommunications environment

Vladimir Yu. Zhandrov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, vaisvladimir74@gmail.com

Abstract. The development of information and telecommunication technologies is considered, which has led to the transformation of many types of criminal activity, the emergence of new ways of committing crimes, and an increase in the level of anonymity of intruders using social media tools and software for electronic mobile devices. Solving the tasks of operational investigative activities in new technological conditions requires the transformation of operational investigative measures, the adaptation of the rules for their implementation to the information and telecommunications environment. Compliance with the rule of law in obtaining electronic information and its subsequent implementation in the course of proving criminal cases requires the creation of a modern theoretical framework and the formation of an effective model of operational investigative activities that allows solving the tasks of combating crime in the context of digital transformation.

Keywords: crime control, tasks of operational investigative activities, information and telecommunication technologies, covert control, operational investigative measures, crime prevention, digital transformation, electronic evidence, electronic surveillance, electronic operational investigative information

For citation: Zhandrov V. Yu. Solving the tasks of operational investigative activities by obtaining information in the information and telecommunications environment. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):56–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-56-65>. EDN: WBDKHF.

Научно-технический прогресс привел к появлению новых технологических условий жизнедеятельности общества, породив своего рода новую «среду», характеристики которой позволяют назвать ее «информационно-телекоммуникационной». Сам термин «информационно-телекоммуникационная среда» (да-

лее — ИТКС) не обрел пока нормативной формы употребления, однако его использование в научной литературе допускается на протяжении довольно значительного периода. Обращение к источникам позволяет увидеть, что первые упоминания об ИТКС датируются концом 1990-х — началом 2000-х гг.,

© Жандров В. Ю., 2024

когда ею обозначалась система взаимосвязанных технологических (включая сетевые) и информационных ресурсов конкретной организации с выходом в Интернет [11; 8, с. 3].

Расширение аудитории пользователей и появление электронных мобильных устройств, облегчивших доступ в виртуальное пространство, приводит сегодня к формированию глобальной ИТКС, информационная база и особенности телекоммуникации которой требуют адаптации сложившейся модели оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) к новым условиям. Складывающаяся практика показывает — получение оперативно-значимых сведений при работе в ИТКС существенно отличается от аналогичной работы в обычных условиях, и сопровождается размытием границ, ставших привычными оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ).

Произошедшие изменения криминальной ситуации сформировали в практике документирования преступной деятельности очевидный запрос на переход к системному подходу получения сведений в ИТКС. Накопленный опыт применения апробированных методов ОРД потребовал их адаптации, с одной стороны, к новым способам сокрытия преступной деятельности, с другой, — к современным требованиям получения доказательств.

Технологические достижения отразились на уголовно-процессуальной сфере таким образом, при котором появилась необходимость введения в ткань правового регулирования нового вида доказательств, получивших название «цифровых» («электронных»). В новых условиях оказалось важным учитывать как формат информации, так и особенности ее допустимости в суде. Неслучайно в этой связи появление в литературе термина «электронная оперативно-розыскная информация» [4], подчеркнувшего важность понимания динамики правоохранительной деятельности от оперативно-розыскной к уголовно-процессуальной. Следует признать, что нынешняя законодательная позиция в отношении цифровых доказательств зачастую не в состоянии полноценно учитывать уникальные характеристики и последствия информации, представляемой в электронном виде. Сформировалась острая необходимость в реформах по оптимизации правил и изменению приоритетов в работе с новыми формами данных, установлению четких и независимых руководящих принципов обращения с цифровой инфор-

мацией в ходе сбора доказательственной базы и судебных разбирательств.

В новых технологических условиях процесс трансформации оперативно-розыскной деятельности по противодействию НОН становится неизбежным и должен сопровождаться пересмотром содержания ОРМ, расширением способов их проведения с учетом требований к сбору электронных доказательств. Решение указанной задачи должно строиться на прочной теоретической основе, которая в настоящее время отсутствует. Более того, решения могут оказаться многовариантными, поскольку зависят от принимаемой концепции к регулированию оперативно-розыскной деятельности. Так, все больший исследовательский интерес вызывает сегодня соотношение категории «оперативно-розыскные мероприятия» и заимствованный правом Совета Европы из международного конвенционального понятийного аппарата термин «специальные (особые) методы расследования», которые предлагается отождествлять [7], с чем, по нашему мнению, трудно согласиться.

Следует отметить, что на уровне федерального законодательства имеется перечень ОРМ, в котором не раскрывается их содержание, за исключением двухпроверочной закупки (ст. 49 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах») и контролируемой поставки (ст. 390 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). При этом понятийное значение и особенности проведения всех ОРМ содержится в ведомственных нормативно-правовых актах с категорией ограниченного доступа.

Наиболее ярким примером сложности совмещения национального и международного (включая европейский) подходов служит происходящая глубокая трансформация такого ОРМ как «Наблюдение». Сегодня данное оперативно-розыскное мероприятие определяется как «непосредственное или опосредованное, с помощью технических средств, восприятие и, как правило, фиксация деяний лиц либо иных событий с целью сбора и анализа сведений, необходимых для решения тактических задач ОРД» [1, с. 111]. Совершенствование наблюдения в информационно-телекоммуникационных сетях и отдельных информационных системах за счет применения новых техно-

логических возможностей практически сразу было поддержано в теории. Как, в этой связи, справедливо отметил И. Ю. Антонов, такая работа должна начинаться от содержания самого мероприятия, его правовых форм и видов и заканчиваться особенностями использования материалов, полученных в результате наблюдения с использованием самых современных цифровых технических средств [2, с. 217].

Практика ведения наблюдения в ИТКС приводит к обособлению в его содержании новых видов, среди которых наибольший интерес вызывает так называемое «электронное наблюдение».

Появление термина «электронное наблюдение» связывают с периодом действия «сухого закона» в США (1920–1930 гг.), когда впервые в правоприменительной практике для борьбы с подпольным производством и торговлей алкоголем было использовано мероприятие «подслушивание телефонных переговоров» [10]. С течением времени появление разнообразных способов передачи информации сопровождало использование и новых негласных способов ее перехвата — «слуховой контроль переговоров», «видеоконтроль помещений и местности», которые также рассматривались в качестве способов электронного наблюдения [14, с. 48].

Законодательное закрепление «электронное наблюдение» получило в рамках Закона США 1978 г. «О контроле за внешней разведкой»¹, включившим в его содержание получение и приобретение с помощью электронного, механического или другого устройства наблюдения содержания проводного или радиосообщения, а также установку или использование такого устройства для мониторинга с целью получения информации, кроме проводной или радиосвязи, при обстоятельствах, в которых лицо имеет разумные основания ожидать конфиденциальности.

По прошествии нескольких лет, в 1986 г., США принимают Закон о конфиденциальности электронных коммуникаций (ЕСРА)², которым электронное наблюдение было распространено на расследование обычных преступлений. Структурно данный законодательный акт заключил в себе три части: а) Закон о прослушивании телефонных разговоров³; б) Закон о хранимых коммуникациях⁴; в) Закон о перьевом регистре⁵. ЕСРА разделил всю совокупность средств связи на три категории: 1) проводную связь, охватывающую голосовую связь, проходящую через телефон

или кабель; 2) устные сообщения, представляющие собой слова или другие звуки, произносимые людьми в ожидании конфиденциальности; 3) электронные коммуникации, включающие все остальные типы сигналов, передаваемых по проводам, радио или другим типам систем связи.

На уровне международного права термин «электронное наблюдение» впервые был использован в ч. 1 ст. 20 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности⁶ (принята Резолюцией 55/25 Генер. Ассамблеи от 15 ноября 2000 г.). Доктринальное толкование использованной в документе конструкции «электронное наблюдение или другие формы наблюдения» весьма неоднозначно. Например, некоторые зарубежные авторы отнесли «интернет-наблюдение», реализуемое через мониторинг различных сайтов, социальных сетей и онлайн-торговых площадок с целью поиска, и фиксации размещения публичных предложений о сбыте наркотиков не к электронному, а к *иным* формам наблюдения [6, с. 124]⁷.

В российском исследовательском поле первые исследования электронного наблюдения появились в конце 1990-х гг. [15, с. 86]. В свою очередь, международные шаги по внесению электронного наблюдения в перечень актуальных методов расследования, подлежащих специальному регулированию в национальных законодательствах, катализировало его окончательное оформление в качестве самостоятельного объекта юридико-правового исследования. Его

¹ 50 U.S. Code Chapter 36 — Foreign Intelligence Surveillance // URL://<https://www.law.cornell.edu/uscode/text/50/chapter-36>.

² Electronic Communications Privacy Act of 1986 (ECPA) // URL://<https://bja.ojp.gov/program/it/privacy-civil-liberties/authorities/statutes/1285>.

³ 18 U.S. Code Chapter 119 — Wire and electronic communications interception and interception of oral communications // URL://<https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/part-I/chapter-119>.

⁴ 18 U.S. Code Chapter 121 — Stored wire and electronic communications and transactional records access // URL://<https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/part-I/chapter-121>.

⁵ 18 U.S. Code Chapter 206 — Pen registers and trap and trace devices // URL://<https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/part-II/chapter-206>.

⁶ Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. // URL://https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orcrime.shtml.

⁷ Schloenhardt A., Calderoni F., Lelliott J. and WeiYerB. (2023). UN Convention against Transnational Organized Crime: A Commentary. Oxford University Press. P. 234.

дальнейшее исследование сопровождалось расширением применяемых границ. Исследователи, каждый в своей части, предлагали распространить содержание электронного наблюдения до разных видов деятельности: слухового контроля и записи разговоров подозреваемых [13, с. 56; 12, с. 336], прослушивания телефонных переговоров и снятия информации с технических каналов связи [5, с. 212], электронного контроля [3].

В 2022 г. Управлением ООН по наркотикам и преступности был актуализирован *Модельный закон о взаимной правовой помощи по уголовным делам 2007 г.*⁸, который в части положений об электронных доказательствах также дополнен специальным методом расследования — «электронным наблюдением», чья дефиниция упоминает в том числе «манипуляцию сообщениями, данными и сигналами, любые негласные действия в рамках электронных коммуникаций с подозреваемыми, связанные с мерами под прикрытием», что может включать в себя использование внедренных сотрудников и конфиденентов онлайн⁹.

Несмотря на попытку установить границы рассматриваемого специального метода расследования, решение проблемы соотношения электронного наблюдения с иными видами наблюдения остается незавершенным. Участвуя в этой дискуссии, Д. В. Кольцов предлагает считать критериями разграничения непосредственность осуществления и степень вторжения в частную жизнь [6]. Так или иначе, введенная на международном уровне категория, наряду с проверочной закупкой и контролируемой поставкой, впервые раскрыла механизм проведения специальных мероприятий, направленных на документирование преступлений, в том числе и в сфере НОН. Российская Федерация является участником этих конвенций в связи с чем в соответствии с принципами отечественной правовой системы и в пределах имеющихся возможностей принимает необходимые меры по законному проведению «специальных методов расследования» компетентными органами, а также меры по обеспечению того, чтобы доказательства, собранные с помощью таких методов, допускались судами.

Вместе с тем, как видно из вышеизложенного, используемый в зарубежных странах и ряде международных договоров подход к выделению электронного наблюдения как специального метода расследования не согласуется с подходом российского зако-

нодателя, закрепляющего наблюдение в перечне оперативно-розыскных мероприятий. С позиции первого электронное наблюдение является широким по содержанию, собирательным понятием, включающим элементы прослушивания телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи и получение компьютерной информации. В российской же традиции электронное наблюдение рассматривается в качестве вида ОРМ «Наблюдение» и потому его содержательное наполнение должно ограничиваться определенными рамками.

Основываясь на ограничительном толковании электронного наблюдения и принимая во внимание новые возможности получения сведений в ИТКС полагаем возможным предложить следующее их соотношение с утвержденным в российском законе перечнем ОРМ.

І. Проводимое по правилам ОРМ «Наблюдение»: *получение и анализ данных из открытых электронных источников, которое включает поиск персональных и иных данных о человеке, включая определение никнейма, используемого в электронной почте или интернет-мессенджерах, играх и т. д., ознакомление с данными аккаунтов, страниц в социальных сетях или иных упоминаний в сети Интернет, в том числе размещенных в социальных сетях фото- и видеоматериалами; перехват актов коммуникации и мониторинг преступной активности в режиме online посредством удаленной активации камер и микрофонов электронных мобильных устройств, а также получение контроля над ЭМУ для ознакомления с текстами сообщений и внутренней информацией устройства (этот процесс включает в себя установление соединения и получение доступа к функциям и данным ЭМУ).*

Указанные виды наблюдения сложны по своей процедуре, поскольку предполагают установление соединения с устройством и получение доступа к его различным функциям и данным. Кроме того, получение контроля над ЭМУ сталкивается с необходимостью решения ряда правовых проблем, касаю-

⁸ Model Law on Mutual Assistance in Criminal Matters (2007) // URL: https://sherloc.unodc.org/cld/uploads/pdf/EI%20Evidence%20Hub/Model_Law_on_MLA_2007.pdf.

⁹ Model Law on Mutual Assistance in Criminal Matters (2007), as amended with provisions on electronic evidence and the use of special investigative techniques (2022) (UN Doc. E/CN.15/2022/CRP.6 of 11 May 2022) (sec. 27) // URL: https://www.unodc.org/documents/commissions/CCPCJ/CCPCJ_Sessions/CCPCJ_31/CRP/E_CN15_2022_CRP6_e_V2202980.pdf.

щихся условий его проведения — безопасности и судебного санкционирования.

Начать следует с того, что правовую основу наблюдения с использованием технических ресурсов составляют как законы, так и подзаконные (ведомственные) нормативные акты. Федеральный закон «Об ОРД» (ст. 6) предусматривает использование технических средств, таких как информационные системы, видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемка, при условии, что они не причиняют вреда здоровью человека и окружающей среде. Применение ИТТ в оперативной деятельности должно быть научно обоснованным, безвредным, а также соответствовать законодательно закрепленным морально-правовым принципам, из которых принцип законности имеет первостепенное значение.

Вопрос о судебном санкционировании зависит от характера и контекста наблюдения. Законодатель установил общие правила осуществления ОРМ «Наблюдение», не предусмотрев специальной нормы какого-либо санкционирования на проведение данного мероприятия с использованием технических средств. Наблюдение может осуществляться по решению какого-либо руководителя оперативного подразделения, поэтому нет необходимости специально оговаривать, каким образом и при каких условиях используется специальное оборудование. Вместе с тем, использование различных технических решений и устройств может существенно расширить возможности получения оперативно-значимой информации. Такое наблюдение может вторгаться в конституционно гарантированные права граждан и на этом основании должно осуществляться только при наличии разрешения суда. Примером может служить негласное прослушивание или наблюдение в жилом помещении, где обязательным условием проведения является судебное санкционирование.

В данной связи особый интерес представляет определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. по жалобе гражданки И. Г. Черновой¹⁰. В своем обращении гр. Чернова предлагала признать п. 6 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об ОРД», допускающий наблюдение в рамках оперативно-розыскной деятельности, противоречащим ст. 23, 24 и 25 Конституции Российской Федерации. Заявитель также указала на развитие современных технологий, позволяющих осуществлять наблюдение внутри дома гражданина, нарушая приватность и неприкос-

новенность жилища без физического входа. Конституционный Суд РФ подтвердил, что использование технических средств наблюдения в частных помещениях требует судебного разрешения в целях защиты конституционных прав, в частности неприкосновенности жилища (ст. 25 Конституции РФ). Вместе с тем, указал, что п. 6 ч. 1 ст. 6 в совокупности с другими положениями Федерального закона «Об ОРД» не нарушает конституционные права и свободы И. Г. Черновой, в том числе предусмотренные ст. 23, 24 и 25 Конституции РФ, поскольку оспариваемую норму следует рассматривать вместе с ч. 2 ст. 8, которая предусматривает, что оперативно-розыскные мероприятия, ограничивающие конституционные права, включая и неприкосновенность жилища, требуют решения суда.

Рассматривая вышеуказанную позицию можно сделать вывод, что наблюдение, проводимое в сети Интернет, а также посредством подключения к ЭМУ фигуранта должно соответствовать аналогичным принципам и правилам. Учитывая природу ИТКС как среды, которая может легко пересекать национальные границы и включать в себя значительный объем персональных данных, такие вопросы, как защита данных, права на неприкосновенность частной жизни и международное сотрудничество, становятся особенно актуальными. На основании вышеизложенного можно утверждать, что проводимое ОРМ «Наблюдение», направленное на получение контроля над ЭМУ для ознакомления с текстами сообщений и внутренней информацией устройства требует разрешение суда, поскольку затрагивает гарантии законности соблюдения прав на неприкосновенность частной жизни.

II. Проводимое по правилам ОРМ «Прослушивание телефонных переговоров» (п. 10 ст. 6 Федерального закона «Об ОРД») *негласный контроль содержания разговоров, которые проводятся в видеорежиме, осуществляются как посредством обычной телефонной, сотовой связи, так и технологии IP-телефонии, позволяющей использовать Интернет*

¹⁰ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г. № 86-О по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой // СЗ РФ. 1998. № 34. Ст. 4368 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19780/d5d1f49254b6661f05fa126c89e809018ed3af81/?ysclid=lytypi1ck6430467102.

или другую IP-сеть в качестве средства организации переговоров путем объединения телефонных сетей и сетей передачи данных.

Технология IP-телефонии, позволяющая передавать видео и звуковую информацию по интернет-протоколу (VoIP), произвела революцию в сфере связи, предоставив экономически эффективную и гибкую альтернативу традиционным телефонным линиям. Популярные платформы, такие как Skype, Zoom, Microsoft Teams и WhatsApp, используют IP-телефонию для предоставления услуг видео/голосовой связи в любой точке мира, где имеется интернет-соединения. Интеграция IP-телефонии в систему оперативно-розыскного контроля влечет за собой ряд юридических и технических особенностей. Так, в ст. 6 Федерального закона «Об ОРД» напрямую не предусмотрено проведение мониторинга разговоров, проводимых по IP-сетям. Однако, как и в случае с традиционным прослушиванием телефонных разговоров, технический контроль IP-телефонии должен быть разрешен постановлением суда. Это гарантирует, что права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защищаемые ст. 23 Конституции Российской Федерации, не будут произвольно нарушены.

Кроме этого, мониторинг IP-телефонии предполагает преодоление ряда технических сложностей, связанных с шифрованием соединений абонентов, вызванных обеспечением высокого уровня безопасности и конфиденциальности. Правоохранительные органы должны использовать соответствующие инструменты и программное обеспечение, способные расшифровывать и перехватывать эти сообщения, не нарушая целостности передаваемых данных.

Рост децентрализованных коммуникационных платформ и более широкое использование сквозного шифрования потребуют от ОРМ постоянной адаптации и инноваций. При этом включение IP-телефонии в сферу прослушивания телефонных переговоров представляет собой значительный шаг в адаптации классических ОРМ к цифровой эпохе. Решая юридические и технические проблемы, правоохранительные органы могут эффективно использовать эти передовые инструменты для борьбы с преступностью и защиты общественной безопасности, одновременно соблюдая основные конституционные права и свободы.

III. Проводимое по правилам ОРМ «Снятие информации с технических каналов связи» (далее —

СИТКС) (п. 11 ст. 6 Федерального закона «Об ОРД»): *контроль электронной почты, сканирование каналов связи онлайн соединений, радиоперехват, электронный мониторинг местоположения мобильного объекта, идентификация абонентских номеров, используемых вблизи места преступления.*

Совершенствование технологического процесса, связанного с электронными мобильными устройствами, привело к тому, что почти у каждого лица есть телефон, планшет, «умные» часы и т. п., оснащенные SIM-картой. Это позволяет правоохранительным органам использовать сведения операторов связи и с большой точностью определять местоположение объекта, представляющего оперативный интерес. Местоположение фигуранта может определяться путем установки на используемое им электронное мобильное устройство приложений, позволяющих определять геолокацию в режиме текущего времени, а также посредством прямого дистанционного подключения к ЭМУ в целях определения координат геолокации. Полученная по техническим каналам связи информация о местоположении объекта расширяет оперативные возможности правоохранительных органов, помогает эффективно распределить ресурсы на проведение операции, и в конечном итоге эффективно достигать оперативно значимой цели.

Понятийно снятие информации с технических каналов связи является уникальной законодательной категорией, поскольку встречается исключительно в Федеральном законе «Об ОРД» и не употребляется в тексте других нормативных правовых актов, за исключением ведомственных документов ограниченного доступа, раскрывающих тактику проведения соответствующего. При этом закон не раскрывает содержание СИТКС, в связи с чем этот пробел восполняется на уровне теоретических взглядов. По нашему мнению, наиболее удачно данная задача решена авторским коллективом Омской академии МВД России, предложившим понимать под ним такое оперативно-розыскное мероприятие, которое заключается в получении, преобразовании и фиксации с помощью технических средств различных видов сигналов, передаваемых по любым техническим каналам связи, для решения задач ОРД [9]. Технические каналы связи охватывают все возможные способы передачи информации, исключая телефонную.

Важно отметить, что непосредственными субъектами проведения СИТКС будут являться сотрудники

оперативно-технических подразделений, в то время как оперативники, осуществляющие непосредственную работу по выявлению и документированию преступной деятельности, выступают в роли инициаторов, оставляя за собой обязанности по выполнению организационно-правового аспекта. В свою очередь, объектом данного ОРМ может быть практически любое лицо, причастное к преступлению определенной тяжести и представляющее оперативный интерес.

С правовой точки зрения алгоритм получения информации с технических каналов связи, с целью электронного мониторинга местоположения мобильного объекта предполагает несколько важных положений. Они охватывают различные аспекты права, включая конфиденциальность, защиту персональных данных и уголовно-правовой аспект. Так, в России защита персональных данных регулируется, прежде всего, Федеральным законом № 152-ФЗ «О персональных данных», который устанавливает принципы, права и обязанности, связанные с обработкой и защитой информации, относящаяся прямо или косвенно к идентифицированному или определяемому физическому лицу. При этом субъектам данных предоставлены значительные права, а операторы обязаны принимать надежные меры для обеспечения соблюдения требований защиты от несанкционированного доступа.

Следует учитывать тот факт, что Федеральный закон «Об ОРД» не предусматривает нормы, ограничивающей проведение СИТКС в отношении лица, полные установочные данные которого неизвестны, либо в отношении неопределенного круга лиц, причастных к преступной деятельности в определенном времени и месте, что значительно расширяет возможности оперативного реагирования на складывающиеся криминальные ситуации и принимать меры по предотвращению преступлений.

Одновременно с этим, судебное санкционирование установки специальных приложений на используемое фигурантом электронное мобильное устройство, позволяющих определять геолокацию в режиме текущего времени, а также посредством прямого дистанционного подключения к ЭМУ в целях определения местоположения, предоставляет возможности сбора допустимых доказательств, и поддерживает баланс между общественной безопасностью и гражданскими свободами.

В странах Европейского Союза обработку конфиденциальной информации о лице, в том числе и

сведения о геолокации, регулирует Регламент защиты данных (GDPR)¹¹, основные требования которого заключаются в законности, прозрачности и конкретности цели сбора персонализированного материала. В тоже время, физические лица имеют право на доступ, исправление и удаление своих данных, находящихся у операторов.

Закон о конфиденциальности электронных коммуникаций (ЕСРА) США также защищает проводные, устные и электронные сообщения от несанкционированного перехвата и рассекречивания. При этом в нем есть положения, регулирующие способы собирания и использования данных геолокации. Несмотря на то, что в ЕСРА прямо не упоминаются данные геолокации, поскольку на момент его появления данная технология не была так распространена, его положения интерпретировались судами и дополнялись последующими юридическими решениями и законами, охватывающими такие данные. Так, 18 Кодекс США § 2703 описывает необходимые процедуры для доступа правительства к хранимым сообщениям и связанным с ними данным, включая необходимость наличия ордера или другого юридического процесса для получения хранящихся электронных записей¹².

Кроме этого, Закон о коммуникационной помощи правоохранительным органам (CALEA), несмотря на то что не является частью ЕСРА, требует от операторов связи предоставить правоохранительным органам возможность осуществлять электронное наблюдение в соответствии с постановлениями суда или другим законным разрешением¹³.

Знаковым для правового обоснования получения данных геолокации является решение Верховного суда в деле Карпентер против Соединенных Штатов Америки¹⁴. Верховный суд США постановил, что до-

¹¹ Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета «О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных и отмене Директивы 95/46/ЕС (Общие правила защиты данных)» от 27 апреля 2016 г. // URL: <https://ogdpr.eu.ru/gdpr-2016-679>.

¹² 18 U.S.C. § 2703 — U.S. Code — Unannotated Title 18. Crimes and Criminal Procedure § 2703. Required disclosure of customer communications or records // URL: [https://codes.findlaw.com/us/title-18-crimes-and-criminal-procedure/18-usc-sect-2703/#:~:text=\(1\)%20In%20general,.,court%20order%20or%20other%20process](https://codes.findlaw.com/us/title-18-crimes-and-criminal-procedure/18-usc-sect-2703/#:~:text=(1)%20In%20general,.,court%20order%20or%20other%20process).

¹³ 47 U.S. Code § 1002 — Assistance capability requirements // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/47/1002>.

¹⁴ Carpenter v. United States // URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/17pdf/16-402_h315.pdf.

ступ правоохранительных органов к историческим записям о местоположении мобильных телефонов, получаемых от операторов беспроводной связи, представляет собой обыск в соответствии с четвертой поправкой Конституции¹⁵ и, следовательно, требует судебного решения.

IV. Проводимое по правилам ОРМ «Оперативное внедрение» (п. 12 ст. 6 Федерального закона «Об ОРД»): *мониторинг социальных сетей, получение доступа к аккаунтам, подключение к криминально ориентированным онлайн-сообществам, зашифрованное участие в электронном общении с подозреваемым в совершении преступления с целью сбора доказательств или проверки оперативной информации.* Новым решением по созданию необходимых условий для проведения активных мероприятий в цифровой среде может служить использование специальных цифровых профилей. Такие профили служат инструментом, сначала, — выстраивания коммуникации в онлайн-сообществах, сбора информации, ее анализа, поиска интернет-площадок, а затем — в процессе непосредственного пресечения преступной деятельности. Данный метод включает использование электронных устройств и технологий для наблюдения, документирования или взаимодействия с лицами, обоснованно подозреваемых в совершении преступлений, посредством электронной почты, текстовых сообщений или онлайн-платформ, с сокрытием своей истинной личности или намерения.

Итак, технологический прогресс и сопровождающая его цифровая трансформация изменили облик преступной деятельности, способствовали повышению анонимизации его участников. Новые криминальные вызовы потребовали трансформации оперативно-розыскной деятельности в направлении использования возможностей получения информации из информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей и электронных мобильных устройств фигурантов. Значимость использования при проведении ОРМ возможностей новых информационно-телекоммуникационных технологий значительно возросла. Однако решению задач оперативно-розыскной деятельности препятствует отсутствие четких правил выявления и документирования преступной деятельности в информационно-телекоммуникационной среде, а имеющиеся в этой сфере практические наработки правоохранительных органов остаются бессистемными,

что осложняет процесс доказывания на всех стадиях уголовного судопроизводства.

В условиях, когда российская традиция регламентации оперативно-розыскной деятельности не вполне соотносится с международным конвенциональным подходом регулирования специальных методов расследования преступлений, требуется соотнесение предпринимаемых субъектами ОРД действий по получению информации в информационно-телекоммуникационной среде с правилами конкретных оперативно-розыскных мероприятий. Такой подход позволит, с одной стороны, адаптировать получение сведений в информационно-телекоммуникационной среде для решения задач ОРД современными способами, а с другой, — сохранить традицию закрепления в российском законе перечня оперативно-розыскных мероприятий.

Предложенная в статье модель соотнесения позволяет внести ясность в определение процедуры поиска, сбора и обработки электронной оперативно-розыскной информации, вместить принимаемые меры в рамки законности документирования преступной деятельности и обеспечить надлежащее формирование базы электронных/цифровых доказательств.

Обеспечение получения информации из ИТКС требует соответствующей квалификации сотрудников оперативных подразделений. К сожалению, далеко не все из них имеют необходимые умения и навыки пользования новыми технологическими инструментами, чтобы эффективно решать задачи ОРД. Предполагаемая квалификация требует сочетания операционных и технических компетенций, включая знание различных ИТ-инфраструктур и программного обеспечения, нормативных регуляторов и передовых методологий судебной экспертизы. Однако, следует признать, что этими умениями по-прежнему обладают далеко не все сотрудники, в связи с чем круг квалифицированных оперуполно-

¹⁵ Право людей на безопасность своей личности, домов, документов и имущества от необоснованных обысков и арестов не может быть нарушено и никакие ордера не могут быть выданы, кроме, как при наличии достаточной причины, подкрепленной присягой или заявлением и, в частности, с описанием места, подлежащего обыску, а также лиц или вещей, подлежащих конфискации (цит по: Constitutional Amendments — Amendment 4 — «The Right to Privacy» // URL: <https://www.reaganlibrary.gov/constitutional-amendments-amendment-4-right-privacy#:~:text=The%20right%20of%20the%20people,and%20the%20persons%20or%20things>).

моченных, умеющих раскрывать наркопреступления в цифровой сфере, весьма ограничен.

Для эффективного выявления и раскрытия преступлений правоохранительным органам необходимы кадры квалифицированных оперативников и следователей, современных компьютерных криминалистов, специалистов по сбору компьютерных доказательств и прокуроров, хорошо разбирающихся в тонкостях киберпреступности в сфере IT.

В эпоху цифровых технологий правоохранительные органы сталкиваются со сложностями сбора и использования цифровых доказательств в своей деятельности. Поскольку Интернет выступает в качестве основного источника доказательств, эффективное реагирование на онлайн-преступления требует не только опыта и навыков, но и согласованных усилий всех заинтересованных лиц, оперативных сотрудников, следователей, а также экспертов. В своей совокупности это требует тщательного сбора и сохранения доказательств для обеспечения их действительности, и допустимости в судебных разбирательствах. Несоблюдение соответствующих юридических процедур может поставить под угрозу целостность дел и потенциально привести к признанию собранных доказательств ничтожными. Поэтому крайне важно, чтобы сотрудники правоохранительных органов обладали достаточными знаниями в части, касающейся требований законодательства, предъявляемых к получению достаточной для разрешения уголовного дела цифровой информации.

Список источников

1. Агарков А. В. Сущность оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение» и необходимость его законодательного закрепления // Вестник Кузбасского института. 2017. № 3(32). С. 106–112.
2. Антонов И. Ю. Некоторые направления совершенствования оперативно-розыскного мероприятия «Наблюдение», проводимого с применением технических средств // Общество и право. 2015. № 2(52). С. 217–219.
3. Ермолаев И. Е. Использование в процессе доказания видеоматериалов, полученных при проведении оперативно-розыскных мероприятий (по материалам сибирского федерального округа): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006.
4. Зуев С. В. Уголовное преследование на основе электронной оперативно-розыскной информации // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 1. С. 105–109.
5. Кваша Ю. Ф., Сурков К. В. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». М. : Новый Юрист, 1997.
6. Кольцов Д. В. Виды «специальных методов расследования» универсального уровня. Оперативно-розыскной взгляд // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4(68). С. 118–130.
7. Кольцов Д. В. Негласные оперативно-розыскные мероприятия как форма реализации специальных методов расследования в российском законодательстве // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4(64). С. 147–158.
8. Назарова О. А. Информационно-телекоммуникационная сеть корпоративного электронного документооборота с аналитической базой данных для поддержки управления образовательным учреждением: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005.
9. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Общая часть: электронное учебное издание. Омск : Омская академия МВД России, 2020 // URL: <https://ordrf.ru/uchebnik/page153.html>.
10. Самохин Б. М., Князев В. В. Зарубежный опыт оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступностью: науч. обзор. М. : ВНИИ МВД СССР; Отдел научно-технической информации, 1991.
11. Сорокин А. Д., Вдовицын В. Т. Состояние и перспективы развития информационно-телекоммуникационной среды КарНЦ // Труды ИПМИ КарНЦ РАН. 1999. Вып. 1. С. 111–118.
12. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / О. А. Вагин и др. М. : Инфра-М, 2009.
13. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / А. Е. Чечетин; под ред. проф. В. В. Николюка. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2000.
14. Харевич Д. Л. О толковании термина «электронное наблюдение» в применении к Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности // Юстиция Беларуси. 2010. № 4. С. 48–52.
15. Шумилов А. Ю. Юридические основы оперативно-розыскных мероприятий. М., 1999.

References

1. Agarkov A. V. The essence of the operational investigative measure «surveillance» and the need for its

legislative consolidation // *Bulletin of the Kuzbass Institute*. 2017. No. 3(32). P. 106–112.

2. Antonov I. Yu. Some directions for improving the operational search event «Surveillance» conducted by the vehicle using technical means // *Society and Law*. 2015. No. 2(52). P. 217–219.

3. Ermolaev I. E. The use of video materials obtained during operational search activities in the process of proving (based on materials from the Siberian Federal District): the author's abstract. diss. ... cand. Jurid. sciences'. Irkutsk, 2006.

4. Zuev S. V. Criminal prosecution based on electronic operational search information // *Law and order: history, theory, practice*. 2018. No. 1. P. 105–109.

5. Kvasha Yu. F., Surkov K. V. Federal Law «On operational investigative activities». M.: Novy Yurist, 1997.

6. Koltsov D. V. Types of «special investigation methods» of universal level. Operational-investigative view // *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023. No. 4(68). P. 118–130.

7. Koltsov D. V. Covert operational investigative measures as a form of implementation of special investigative methods in Russian legislation // *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. No. 4(64). P. 147–158.

8. Nazarova O. A. Information and telecommunication network of corporate electronic document ma-

agement with an analytical database to support the management of an educational institution: abstract. diss. ... cand. Jurid. sciences'. Vladimir, 2005.

9. Operational investigative activities of the internal affairs bodies. General part: electronic educational publication. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020 // URL: <https://ordrf.ru/uchebnik/page153.html>.

10. Samokhin B. M., Knyazev V. V. Foreign experience of operational investigative activities in the fight against crime: scientific review. M.: Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR; Department of Scientific and Technical Information, 1991.

11. Sorokin A. D., Vdovitsyn V. T. The state and prospects of development of the information and telecommunication environment of KarNTs // *Proceedings of IPMI KarSC RAS*. 1999. Issue 1. P. 111–118.

12. Theory of operational investigative activity: textbook / O. A. Vagin et al. M.: Infra-M, 2009.

13. The Federal Law «On operational investigative activities»: a scientific and practical commentary / A. E. Chetinin; edited by prof. V. V. Nikol'yuk. 4th ed., reprint. and additional M., 2000.

14. Harevich D. L. On the interpretation of the term «electronic surveillance» as applied to the UN Convention against Transnational Organized Crime // *The justice system of Belarus*. 2010. No. 4. P. 48–52.

15. Shumilov A. Yu. Legal bases of operational investigative measures. M., 1999.

Информация об авторе

В. Ю. Жандров — доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. Yu. Zhandrov — Associate Professor of the Department of Operative Investigative Activity and Special Techniques of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 22.07.2024; принята к публикации 14.08.2024.

The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 22.07.2024; accepted for publication 14.08.2024.

Научная статья

УДК 342.121

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-66-70>

EDN: <https://elibrary.ru/wgjjsw>

ИПОН: 2003-0059-4/24-095

MOSURED: 77/27-003-2024-04-294

К вопросу о правовом статусе частного детектива в уголовном судопроизводстве

Иван Александрович Журавлев

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, 2264914@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются некоторые вопросы, касающиеся участия частного детектива в уголовном судопроизводстве в рамках современного отечественного правопорядка. Осуществлен анализ прикладного аспекта функций частного детектива и его роли в обеспечении прав и свобод лиц, подвергнутых уголовному преследованию. Исследованы некоторые значимые моменты, затрагивающие пробелы в законодательстве, регулирующем сферу правового положения частного детектива в уголовном процессе.

Ключевые слова: частный детектив, уголовный процесс, доказывание, подозреваемый, обвиняемый, права и свободы личности, субъекты расследования, частный сыск, результаты предварительного расследования

Для цитирования: Журавлев И. А. К вопросу о правовом статусе частного детектива в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 66–70. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-66-70>. EDN: WGJJSW.

Original article

On the issue of the legal status of a private investigator in criminal proceedings

Ivan A. Zhuravlev

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, 2264914@gmail.com

Abstract. Some issues related to the participation of a private detective in criminal proceedings within the framework of modern domestic law and order are considered. The analysis of the applied aspect of the functions of a private detective and his role in ensuring the rights and freedoms of persons subjected to criminal prosecution has been carried out. Some significant points affecting gaps in the legislation regulating the sphere of the legal position of a private investigator in criminal proceedings are investigated.

Keywords: private detective, criminal procedure, evidence, suspect, accused, personal rights and freedoms, subjects of investigation, private investigation, results of preliminary investigation

For citation: Zhuravlev I. A. On the issue of the legal status of a private investigator in criminal proceedings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):66–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-66-70>. EDN: WGJJSW.

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что в качестве одной из важнейших задач уголовного процесса выступает обеспечение прав и законных интересов личности в сфере ее защиты от незаконного и необоснованного уголовного преследования. В этой связи, в отличие от субъектов, обладающих уголовно-процессуальным статусом, правовое положение частного детектива в плоскости уголовного судопроизводства урегулировано отечественным законодателем недостаточно четко. По нашему мнению, частный детектив может посредством своей деятельности способствовать реализации законных интересов подозреваемых (обви-

няемых), а также потерпевших от преступного посяательства и в целом повысить эффективность уголовного судопроизводства на всех его этапах. Злободневности указанной проблематике добавляет еще и то, что в настоящее время частный детектив не обладает статусом, который позволил бы его называть участником уголовного судопроизводства. Последний, на сегодняшний день, выступает субъектом, оказывающим правовую помощь остальным участникам уголовного процесса, которые могут быть как со стороны защиты, так и со стороны обвинения.

В течение длительного времени указанная проблематика не вполне интересовала доктрину уголов-

© Журавлев И. А., 2024

ного процесса и законодателя. Тем не менее, в 2014 г. в нижнюю палату российского парламента внесли законопроект, который бы на законодательном уровне легализовал деятельность частного детектива, позволив ему стать полноправным субъектом уголовного судопроизводства, реализовав его функцию в аспекте допустимости собранных им сведений по уголовному делу. Однако подобную инициативу в Государственной Думе Российской Федерации не поддержали и законопроект был снят с рассмотрения.

По нашему мнению, амбивалентный статус частного детектива в области уголовного судопроизводства не лучшим образом отражается на имплементации его важнейших принципов. Наиболее остро он проявляет свои негативные качества в области реализации принципов состязательности и справедливости. Кроме того, неурегулированность правового положения частного детектива в уголовном процессе снижает эффективность доказывания в рамках расследования уголовного дела [1, с. 125–126]. При этом, обладая фактическими полномочиями в уголовном процессе, частный детектив не может с процессуальных позиций использовать собранный массив информации по уголовному делу, хотя нормативно он вправе действовать в плоскости Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности» [2]. Добытые с помощью частного сыска сведения детектив может юридически опосредовать лишь через адвоката-защитника, с которым тот находится в контрактных отношениях.

Стоит отметить, что указанное в статье аналитическое направление обладает достаточной дискуссионностью и в содержательном плане крайне интересно. В связи с этим неслучайно, что в настоящее время в аспекте анализа правового положения частного детектива в рамках уголовного судопроизводства проблема опять муссируется не только в научной среде, но и на правотворческом уровне [3, с. 205–206]. И действительно, сквозь призму телеологии уголовного судопроизводства принцип состязательности может быть реализован через нормативное определение правового статуса участников уголовного процесса.

Тем не менее, на сегодняшний день, частный детектив, который находится в контрактных отношениях с подозреваемым (обвиняемым) или с потерпевшим, не может в полной мере улучшить положение своего клиента, так как собранные им сведения

не обладают должной юридической силой и доказательностью; т. е. результаты деятельности частного детектива не опосредуются уголовно-процессуальным законом и их нельзя приобщить к доказательному массиву.

Остроту существующей проблеме добавляет еще и то, что анализ практики правоприменения демонстрирует тот факт, что более половины опрошенных нами следователей не считают возможным включать в спектр доказательств те материалы, которые предоставляет им частный детектив, так как уголовно-процессуальный закон подобного не предусматривает.

Думается, что при анализе указанной проблематики следует отталкиваться от трех концептуальных направлений. Во-первых, насколько оправдан с нормативных позиций, а главное необходим ли институт использования в уголовном процессе результатов полученных с помощью частного сыска. Конечно, уголовно-процессуальное законодательство включает в себя положения, которые регулируют процедуру предоставления не властными субъектами важных для уголовного дела сведений. Тем не менее, частный детектив не включен в их перечень, так как в соответствии с уголовно-процессуальным законом он не является участником уголовного процесса. Во-вторых, важно понять, в каких формах в уголовном процессе отображается деятельность частного детектива и как в настоящее время нормативно регламентируется указанный функционал. Несмотря на то, что проведенное нами анкетирование следователей демонстрирует негативное отношение правоприменителя к включению результатов частного сыска в доказательную базу по уголовному делу, некоторые следователи все же приобщают к делу добытые частным детективом сведения, удовлетворяя соответствующие ходатайства. В-третьих, имеет место проблематика соотношения результатов частного сыска и оперативно-розыскной деятельности в плоскости их оценки в форме доказательств по уголовному делу. Именно в подобном русле необходимо анализировать правовое положение частного детектива в уголовном судопроизводстве.

Итак, нормативное регулирование частного сыска получило отражение в отечественном законодательстве в Законе «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», положения которого определили правовой статус частного де-

тектива и его функционал [4, с. 30]. В этой связи, в плоскости уголовного судопроизводства последний обладает правом собирать информацию по уголовному делу на контрактной основе в отношениях со своим заказчиком, которым выступает участник уголовно-процессуальных отношений. При этом частный детектив обязан об этом поставить в известность лицо, осуществляющее предварительное расследование. Характеристично здесь то, что параллельно с нормативизацией полномочий частного детектива в указанном выше законе нормативная регламентация подобного не наблюдается в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве. В этой связи практика правоприменения в области участия частного детектива в уголовно-процессуальных правоотношениях сталкивается не только с юридическими препятствиями, но и проблемами организационного характера. К примеру, если адвокат, выступающий защитником по уголовному делу, взаимодействует с частным детективом, то непременно возникают определенные сложности с процессуальным оформлением результатов частного сыска в рамках уголовного судопроизводства.

В рамках ст. 5 Закона «О частной детективной и охранной деятельности» частные детективы вправе осуществлять перечень определенных действий и указанный перечень является исчерпывающим. Так, частные детективы могут: осуществлять устный опрос граждан и должностных лиц с их согласия; наводить справки; изучать предметы и документы с согласия их владельцев, которые должны быть получены в письменной форме; осматривать строения, помещения и иные объекты не заходя внутрь; получать информацию посредством наблюдения. Подобный функционал сближает частный сыск с осуществлением оперативно-розыскных мероприятий. Тем не менее, результаты полученные с процессе оперативно-розыскных действий, согласно ст. 89 УПК РФ, возможно использовать в уголовном судопроизводстве, в отличие от результатов проистекающих из деятельности частного детектива.

Стоит отметить, что в практике правоприменения имеют место случаи когда информация, предоставленная следователю частным детективом, не обладает должным уровнем доказательности. В то же время, при взаимодействии с адвокатом деятельность частного детектива обладает рядом преимуществ в области сбора доказательств. Здесь имеется

в виду то, что если сам адвокат осуществляет сбор доказательств, то, предоставляя их следствию, он зачастую утрачивает статус защитника и приобретает статус свидетеля. При этом, привлекая детектива, адвокат остается в прежнем статусе защитника. Кроме того, в отличие от ходатайств и запросов адвоката, результаты собранных доказательств по уголовному делу обязывают следователя дать им оценку, в отличие от реакции на ходатайство адвоката, которое следователь может просто отклонить или отказать в удовлетворении.

Осмысленная относимость как один из критериев института доказывания, материалы частного сыска, с точки зрения уголовного судопроизводства, вполне валидны, так как содержат в себе значимую для предварительного расследования фактологию, образующую предмет доказывания [5, с. 169]. В этой связи следует отметить, что серьезным дефектом отечественного уголовного процесса является отсутствие нормативного опосредования процедуры получения предметов и документов в рамках частного сыска.

В аспекте анализа указанной проблематики в научной среде все чаще звучат мнения о том, что правовое положение частного детектива обладает амбивалентными характеристиками в уголовно-процессуальной сфере. Так, М. М. Милованова полагает, что если не приобщить к уголовному делу информацию, которая может прояснить интересующие следователя обстоятельства, то это может негативным образом повлиять на защиту законных интересов участников уголовного судопроизводства [6, с. 151].

Стоит отметить, что в связи с особенностями положений ст. 86 УПК РФ [7] именно защитник, а не лицо подвергнутое уголовному преследованию, в уголовном судопроизводстве юридически выступает заказчиком в контрактных отношениях с частным детективом. По сути, подобное исключает уголовно-процессуальную субъектность последнего.

В плоскости анализа правового положения частного детектива важную роль играет проблематика детерминации такой категории, как «результаты частной сыскной деятельности». По нашему мнению, указанная конструкция отсылает нас к тем сведениям, имеющим значения для уголовного дела, которые добыты не только в рамках частного сыска, но и реализованы в русле контрактных отношений. При этом неважно, какая сторона их за-

ключала, так как заказчиком может выступать и сторона защиты, и сторона обвинения. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что п. 7 ч. 1 ст. 3 Закона «О частной детективной деятельности» следует толковать в ограничительной плоскости, так как частный детектив не может вступать в контрактные отношения с должностным лицом, осуществляющим расследование по уголовному делу. Справедливо подобное и по адресу эксперта, понятого и переводчика, так как указанные участники не обладают правом предоставления доказательств. В этой связи, вышеуказанная норма требует дальнейшей проработки и уточнения.

В аспекте заявленной проблематики важно подчеркнуть, что сведения, собранные посредством частного сыска, должны играть роль доказательств по уголовному делу лишь тогда, когда они переданы заказчику. При этом степень их доказательности во многом предопределяется процессуальным положением заказчика, процессуальной функцией интересанта, а также уровнем процессуального интереса к сведениям, собранным частным детективом. В этой связи такая категория, как «результаты частного сыска» должна найти свое отражение в уголовно-процессуальном законе и быть подробно регламентирована.

Сам институт частного сыска, по нашему мнению, должен быть реализован в правоприменительной деятельности и, прежде всего, в рамках расследования преступлений, так как он представляет собой процесс познания и способ установления важных для дела сведений. Важно здесь и то, что участники уголовного судопроизводства, не обладающие властными полномочиями, могут пользоваться услугами частного детектива для защиты своих законных интересов и более последовательной реализации принципа состязательности.

Если вести речь о правомерности использования результатов частного сыска в плоскости уголовного судопроизводства то, по нашему мнению, она вытекает не из норм, а из смысла положений уголовно-процессуального закона. Так, все участники уголовного процесса, которые не обладают властными полномочиями, вправе предоставлять доказательства, заявлять отводы и ходатайства опираясь на частный сыск. По сути, прямого запрета пользоваться услугами частного детектива в области уголовного судопроизводства отечественный правопо-

рядок не предусматривает и интересант посредством частного сыска может формировать любой доказательный массив для защиты своих законных интересов. При этом, процессуальные полномочия частного детектива заканчиваются после передачи собранных доказательств заказчику. Такой алгоритм реализации частного сыска, по нашему мнению, требует определенных дополнений в уголовно-процессуальное законодательство в аспекте регламентации процедуры легализации доказательств, полученных частным детективом.

В заключение статьи необходимо отметить, что частный сыск, контрактные отношения частного детектива с участниками уголовного процесса, а также результаты деятельности частного детектива крайне важные для уголовного судопроизводства. Законодательная регламентация указанных институтов способна оптимизировать правоприменительную деятельность, защитить законные интересы лиц, подвергнутых уголовному преследованию и потерпевших, а также повысить степень реализации принципа состязательности и справедливости в плоскости уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Ракова Е. А. О возможности участия частных детективов в собирании информации по уголовным делам // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2009. № 1. С. 123–127.
2. Закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 (ред. от 25 декабря 2023 г.) «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Фисун А. В. О месте частного детектива в современном уголовном процессе России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 12-3. С. 204–206.
4. Зникин В. К., Карпович Д. Н. Частный сыск — процесс в уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 4. С. 20–36.
5. Каминский А. М., Камалова Г. Г. Конфиденциальность в частной детективной деятельности: правовые и тактические вопросы обеспечения информационной безопасности частного сыска // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4(44). С. 167–172.
6. Милованова М. М. Некоторые проблемы собирания доказательств лицом, осуществляющим

частную детективную деятельность // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 5. С. 143–151.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 22 апреля 2024 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15 мая 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Rakova E. A. On the possibility of participation of private detectives in the collection of information in criminal cases // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Law. 2009. No. 1. P. 123–127.

2. Law of the Russian Federation from March 11, 1992 No. 2487-1 (ed. of December 25, 2023) «On private detective and security activities in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

3. Fisun A. V. On the place of the private detective in the modern criminal process of Russia // Internatio-

nal Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. No. 12-3. P. 204–206.

4. Znikin V. K., Karpovich D. N. Private investigation process in criminal proceedings // Gaps in Russian legislation. 2016. No. 4. P. 20–36.

5. Kaminsky A. M., Kamalova G. G. Confidentiality in private detective activity: legal and tactical issues of information security of private investigation // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4(44). P. 167–172.

6. Milovanova M. M. Some problems of collecting evidence by a person carrying out private detective activity // Bulletin of O.E. Kutafin University (MGJA). 2017. No. 5. P. 143–151.

7. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (ed. of April 22, 2024) (with amendments and additions, effective from May 15, 2024) // LRS «ConsultantPlus».

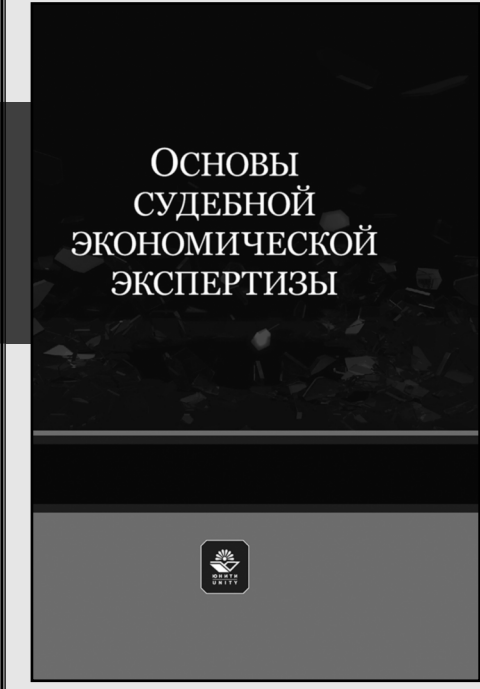
Информация об авторе

И. А. Журавлев — доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

I. A. Zhuravlev — Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 21.07.2024; принята к публикации 14.08.2024.
The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 21.07.2024; accepted for publication 14.08.2024.

	ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ Учебное пособие Гриф НИИ образования и науки Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник» Г. Я. Остаев, Б. Н. Хосиев, Н. Д. Эриашвили Исследованы направления развития теории и методики судебной экономической экспертизы. В пособие включены также тестовые вопросы и задачи ситуационного характера. Для магистров, аспирантов, преподавателей экономических специальностей, а также аудиторов, экспертов, экономистов, бухгалтеров и финансовых менеджеров организаций.

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-71-76>

EDN: <https://elibrary.ru/yllnbz>

НИОН: 2003-0059-4/24-096
MOSURED: 77/27-003-2024-04-295

Современные экстремизм и терроризм и их трансформации в условиях смены миропорядка

Александр Николаевич Игнатов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, aleksandrignatov@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются современные экстремизм и терроризм в условиях смены миропорядка, детерминированной актуальными геополитическими процессами, когда происходят глубокие трансформации практически во всех сферах жизнедеятельности человека. На первый план выходят проблемы обеспечения национального суверенитета отдельных стран и безопасности человечества в целом. Угрозы миру и безопасности управляемо развиваются и приобретают гибридный характер. Наиболее ярко процессы трансформаций отражаются на таких общественно опасных видах преступности, как экстремизм и терроризм. Анализ сущности и современного состояния проявлений экстремизма и терроризма позволяет констатировать их существенные территориальные (масштабные), информационные и структурно-организационные трансформации, что необходимо учитывать при выработке и реализации мер противодействия.

Ключевые слова: преступность, экстремизм, терроризм, миропорядок, система безопасности, процессы трансформации, противодействие преступности

Для цитирования: Игнатов А. Н. Современные экстремизм и терроризм и их трансформации в условиях смены миропорядка // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 71–76. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-71-76>. EDN: YLLNBZ.

Original article

Modern extremism and terrorism and their transformations in a changing world order

Aleksandr N. Ignatov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, aleksandrignatov@mail.ru

Abstract. Modern extremism and terrorism are considered in the context of a change in the world order, determined by current geopolitical processes, when deep transformations take place in almost all spheres of human activity. The problems of ensuring the national sovereignty of individual countries and the security of mankind as a whole come to the fore. Threats to peace and security are developing in a manageable manner and are becoming hybrid in nature. The processes of transformation are most clearly reflected in such socially dangerous types of crime as extremism and terrorism. The analysis of the essence and current state of manifestations of extremism and terrorism allows us to state their significant territorial (large-scale), informational and structural-organizational transformations, which must be taken into account when developing and implementing counteraction measures.

Keywords: crime, extremism, terrorism, world order, security system, transformation processes, combating crime

For citation: Ignatov A. N. Modern extremism and terrorism and their transformations in a changing world order. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):71–76. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-71-76>. EDN: YLLNBZ.

Сегодня человечество переживает структурно-цивилизационный кризис, при котором в условиях глобальной политической, экономической и социальной нестабильности, острого международного противостояния мировых держав происходит формирование новых цивилизационно-политических конгломератов [1]. Актуальная геополитическая обстановка характеризуется тем, что «современный мир переживает период трансформации. Увеличение количества центров мирового экономического и политического развития, укрепление позиций новых глобальных и региональных стран-лидеров приводят к

изменению структуры мирового порядка, формированию новой архитектуры, правил и принципов мироустройства» [2]. В свою очередь, позитивным цивилизационным процессам и тенденциям мирового развития препятствуют «стремление стран Запада сохранить свою гегемонию, кризис современных моделей и инструментов экономического развития, усиление диспропорций в развитии государств, повышение уровня социального неравенства, стремление транснациональных корпораций ограничить роль государств сопровождаются обострением внутривнутриполитических проблем, усилением межгосударственных

© Игнатов А. Н., 2024

противоречий, ослаблением влияния международных институтов и снижением эффективности системы глобальной безопасности» [2]. Рост геополитической нестабильности и конфликтности, усиление межгосударственных противоречий сопровождаются не только повышением угрозы использования военной силы, но и повышением угрозы экстремизма и терроризма.

Транзитивный характер геополитических условий существования человечества определяет глубокие трансформации практически во всех сферах жизнедеятельности человека. Не является исключением и такой феномен, сопровождающий человечество на всем пути его существования, как преступность. При этом наиболее ярко процессы трансформаций отражаются на таких общественно опасных видах преступности, как экстремизм и терроризм.

Взаимосвязь экстремизма и терроризма определяется тем, что терроризм является крайней формой проявления экстремизма [3; 4]. Указанное определяет необходимость рассматривать процессы и результаты современных трансформаций экстремизма и терроризма в их органическом единстве.

Территориальные трансформации экстремизма и терроризма. Сегодня открыто на международном уровне осуществляется консолидация и координация экстремистских процессов, их финансовая, информационная и иная поддержка. Если ранее заинтересованные акторы ситуативно использовали возникающие очаги напряженности и нестабильности, религиозные и межнациональные конфликты для взращивания экстремистских настроений, то сегодня открыто создаются очаги и целые пояса «нестабильности», география которых прямо определяется геополитическими интересами «спонсоров» данных процессов.

Под воздействием геополитических факторов происходит миграция криминалитета, а также радикально настроенных лиц, в том числе участников различных экстремистских и террористических объединений и их консолидация в местах пребывания. Такого рода процессы обуславливают радикализацию вновь образуемых и уже существующих «диапор», что приводит к возникновению конфликтов с местным населением, а также детерминирует взаимодействие (от консолидации до открытого противостояния) с радикальными объединениями из числа местного населения. Именно данным образом осуществляется управляемый «экспорт» экстремизма.

При этом формирование и развитие экстремистских процессов осуществляется параллельно в двух

направлениях: в целях потенциального или реального использования экстремистов как инструмента политической, экономической, социальной дестабилизации государства, посягательства на его суверенитет и территориальную целостность, а также использования экстремизма как базы терроризма.

Рассматривая терроризм как наиболее опасное и масштабное проявление экстремизма и преступности в целом, следует учитывать, что современный международный терроризм, несмотря на всю его общественную опасность, — это своего рода атавизм трансформирующегося человечества. С одной стороны, — это агония грубой силы отдельных радикальных групп населения завоевать комфортные, в их религиозном, социальном, политическом и прочем представлении, условия существования. С другой стороны, современный международный терроризм — это грубая обкатка технологий силовой конкуренции мировых акторов (субъектов геополитических отношений), в том числе корпораций (государствообразующих, государственных, надгосударственных). Террористическое движение бесперспективно с позиции эффективности и полученных результатов в связи с противостоянием (хотя не без противостояния в самих силах противостояния) ему мирового сообщества. Однако терроризм эффективен с точки зрения разработки новых технологий силового конкурентного противостояния и преодоления противодействия ему. Угроза кроется в смене массового использования (открытого или скрытого, как, например, волны беженцев и пр.) живой силы внедрением достижений NBICS-технологий как в сфере уничтожения ресурсов и людей, так и управления последними [5].

Если ранее терроризм использовался для достижения конкретных локальных целей (от цареубийства до захвата власти оппозиционными силами) [6], то в дальнейшем имело место создание международных и локальных террористических сообществ и открытое использование террористов в целях реализации разнообразных геополитических интересов. Сегодня же имеет место, с одной стороны террористическая экспансия целых государств, а с другой стороны, открытое использование террористов в военных конфликтах как одного из способов ведения гибридных войн.

Таким образом, терроризм все более утрачивает какую-либо идеологическую основу (кроме самой идеологии абсолюта насилия) и приобретает сугубо инструментальный характер.

При этом, как показало исследование К. С. Аби-совой, в целях осуществления террористической дея-

тельности преимущественно используются ранее не судимые лица из числа местного населения, что определяется спецификой многоуровневого механизма вовлечения в террористическую деятельность при содействии (в рамках деятельности) международных террористических организаций [7, с. 14].

Информационные трансформации экстремизма и терроризма. С формированием информационного общества и развитием глобального информационного пространства многие виды человеческой деятельности трансформировались в сторону их цифровизации и виртуализации. Не является в данном случае исключением и экстремистская и террористическая деятельность.

В данном контексте, прежде всего, следует отметить трансформации механизмов вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность. Если ранее необходимо было живое общение и доверительные отношения с вовлекаемым лицом, что и определяло социальные связи членов и структуру экстремистских и террористических сообществ, то в настоящее время информационные технологии позволяют анонимно вовлекать в данную деятельность посредством распространения информации среди неопределенного круга лиц.

Сегодня для распространения идеологии экстремизма и терроризма, вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность, ее финансирования и координации активно используются информационно-когнитивные технологии и различные социальные сети, такие как: «Instagram» (запрещенная в РФ), «Twitter» (запрещенная в РФ), «Telegram», «ВКонтакте» и др., а также мессенджеры «WhatsApp» и «Viber» [8].

Наиболее актуальной проблемой противодействия финансированию преступной деятельности является стремительно развивающаяся краудфандинговая деятельность, суть которой заключается в кооперации людей (коллективном сотрудничестве), выступающих донорами («бэкерами»), на добровольной основе консолидирующие свои финансовые средства (иные ресурсы) через сеть Интернет (инвестиционные платформы) в целях поддержки инициатив иных лиц либо организаций, выступающих реципиентами («фаундерами»).

Различного рода сервисы краудфандинга (например, сервис donateMe, предназначенный для индивидуальных пожертвований и FundingTo — для групповых пожертвований) исключают необходимость задействования несколько способов трансфера средств

(банковские счета, карты, расчетные счета и т. д.), позволяют получать средства без ограничения (лимита), дают получателю средств возможность выбора валюты и способов выплаты (банковские переводы на расчетный или лицевой счет, на банковскую карту), денежные переводы (посредством систем CONTACT, «Юнистрим» и др.) либо в виде электронных денег («Яндекс.Деньги», WebMoney, MoneyMail, RBK.Money и др.). Одним из популярных инструментов сбора пожертвований в онлайн-среде также является использование SMS-биллинга [9].

Бесконтрольное использование мессенджеров, основанных на технологии сквозного шифрования «END-TO-END» (WhatsApp, Telegram, Signal, Wickr и др.), а также программного обеспечения типа TOR, VPN, I2P и прочих подобных технических решений в «глубинном» Интернете (DarkNet) позволяет обеспечивать анонимность личности пользователя [10, с. 69], а распределенная по всему миру сеть серверов обеспечивает коммуникационное покрытие практически всего земного шара.

Следствием информационных трансформаций террористической деятельности является также возможность дистанционного воздействия террористов на функционирование критической инфраструктуры. Использование информационных технологий позволяет осуществлять деструктивное воздействие на информационно-телекоммуникационные сети, а также на различные жизненно важные технологические процессы и системы управления ими [7, с. 14]. Таким образом, информационные технологии, обеспечивая уникальный масштаб воздействия и максимальную анонимность непосредственных исполнителей, обусловили формирование информационного интеллектуально-технологического воздействия на критическую инфраструктуру как инновационной дистанционной (в онлайн формате) формы осуществления террористической деятельности.

Говоря об информационных трансформациях экстремистской и террористической деятельности, отдельно следует отметить стремление наших «оппонентов» вести игру в долгую. Это выражается в осуществлении целенаправленной деятельности по деструктивному информационному воздействию на несовершеннолетних и молодежь. Целью такой деятельности является возвращение будущих поколений экстремистов и террористов.

Одним из результатов информационных войн как средства реализации геополитических интересов зарубежных оппонентов является трансформация

криминальной субкультуры за счет формирования различных криминальных субкультур несовершеннолетних, идеологическое ядро которых определяется человеконенавистничеством и аутоагрессией, а криминальные практики сопряжены с экстремистской и террористической деятельностью.

Как показало исследование Д. В. Бабаниной, данный процесс во многом является результатом целенаправленного воздействия со стороны враждебно настроенных «игроков» мирового геополитического пространства и ассистирующих им «оппозиционных политических сил» внутри общества. Целью такого рода субкультурной агрессии является как попытка маргинализации и криминализации молодого поколения, а в конечном итоге, деградация нашего общества, так и целенаправленное использование несовершеннолетних и молодежи в протестных акциях с целью дестабилизации власти, нарушения общественного порядка и подрыва общественной и национальной безопасности в целом [11, с. 13].

В результате указанных процессов в России сегодня получили распространение, в частности:

- ♦ криминальная субкультура «А.У.Е.» («АУЕ», «Арестантское уголовное единство», «Арестантский уклад един», «Арестантское уркаганское единство») — субкультура международного общественного движения, признанного на территории РФ экстремистской организацией;

- ♦ криминальная субкультура футбольных хулиганов, радикальной и криминализированной части футбольных болельщиков многочисленных «околофутбольных» объединений, признанных на территории РФ экстремистскими организациями;

- ♦ криминальная субкультура «Колумбайн» («Скулшутинг») — субкультура международного молодежного движения, признанного в РФ террористической организацией;

- ♦ криминальная субкультура «МК.У.» («Маньяки. Культ убийств») — субкультура международной неонацистской организации, признанной в РФ террористической организацией.

Структурные трансформации экстремизма и терроризма. Многочисленные исследования свидетельствуют об имеющей место уже более двух десятилетий постоянной трансформации структуры террористических организаций от жесткой вертикали к сетевому внутриорганизационному построению [12, с. 5]. На смену иерархических, жестко централизованных террористических организаций пришли транснациональные террористические структуры сетевого типа.

Как отмечает Н. А. Анисимова, «современный террористический кластер выстроен по сетевому признаку. Сети чаще всего носят предельно децентрализованный характер. Как правило, между собой сети напрямую не связаны, но объединять их могут общность целей и идеология радикального исламизма. Элементы, образующие современные террористические сообщества, достаточно автономны. Как правило, ячейками структуры являются небольшие по численности группы людей, в которые входят от трех до пяти человек. Иначе говоря, современное террористическое сообщество — это достаточно сложная разветвленная система, состоящая из множества звеньев, обеспечивающих его существование и функционирование» [13, с. 14] При этом, как справедливо указывает Е. С. Любарский, «террористические структуры, благодаря способу сетевой организации, способны к неограниченному расширению, проникновению и адаптации практически к любым социальным условиям. Объединение сетевых и информационных технологий фактически определяет специфику современного терроризма. Действовавшие ранее локальные террористические группы объединяются в единую транснациональную систему, ставшую реальной и очень опасной силой, а растущая взаимозависимость и регионализация привели к созданию множества сетевых структур как внутри государства, так и за его пределами» [14, с. 16–17].

Примером эффективности реализации сетевой модели организации террористической деятельности является созданная на Западных Балканах и постоянно укрепляющаяся и расширяющаяся региональная разветвленная многоуровневая сетевая инфраструктура трансграничных негосударственных акторов из числа ТНК, СМИ, НКО, международных исламистских террористических организаций, способствующая распространению радикального ислама и экстремизма и формирующая главные факторы роста террористической угрозы в регионе [15, с. 160].

Таким образом, исследование современного терроризма определяет необходимость обращения к сетевой теории, согласно которой «сетевые структуры представляют собой самоорганизующиеся децентрализованные системы, действующие на основе взаимосвязанных узлов и ориентированы на решение поставленных задач. Главным методологическим принципом сетевой теории является модель связей в структуре сети в виде паттернов взаимодействия социальных акторов, которые отвечают за трансформации в построении сетевой структуры в будущей

жизнедеятельности ввиду отсутствия четких границ деятельности» [16, с. 13].

Сетевая структура по своей сути представляет собой гибрид матричной структуры (характеризующейся наличием нескольких центров управления) и дивизионной (характеризующейся наличием нескольких однотипных структурных подразделений).

Террористическая организация сетевого типа является гибко организованной структурой, подразделения которой, обладая достаточной самостоятельностью легко адаптируются под контекст и местность. При этом данные подразделения могут специализироваться как на выполнении конкретных функций, так и делиться по территориальному признаку.

Основными преимуществами сетевой структуры организации террористической деятельности являются: быстрая адаптация к меняющейся обстановке; взаимозаменяемость и оперативная консолидация ресурсов, в том числе человеческих; большая самостоятельность на местах и возможность проявления инициативы.

Обычно выделяемые в качестве недостатков сетевой организации такие особенности, как сложности понимания порядка взаимодействия и решения организационных вопросов, используются террористами как преимущества, поскольку препятствуют правоохранительным органам установить организационную структуру и цепочки взаимодействия членов такой организации. Жертвование локальной структурой исполнителей в целом не влияет на эффективность всей сетевой террористической структуры.

Как показывают современные исследования, для террористической деятельности характерно преимущественно групповое ее осуществление и тенденция упрощения форм соучастия при сохранении характера и степени общественной опасности совершаемых преступлений [7, с. 14]. Как можем видеть, речь в данном случае идет об «элементарных» структурных подразделениях сетевой террористической организации.

Современной трансформацией террористической деятельности является использование в целях ее осуществления «террористов-мулов» (по аналогии с англицизмом «money mule» или русским сленговым «дроп», «дроппер»), означающим участника различного рода мошенничества с использованием банковских счетов.

Организаторы террористических актов, о чем наглядно свидетельствует теракт 22 марта 2024 г. в «Крокус сити холле», используют дистанционно вовлекаемых в террористическую деятельность «мулов» («дропов») — исполнителей теракта, «мулов» («дропов») —

финансирующих теракты, «мулов» («дропов») — пособников исполнителей терактов, а также «мулов» («дропов») — универсалов, способных выполнять любую задачу в зависимости от конкретной ситуации или приказа организатора, находящегося вне юрисдикции отечественной правоохранительной системы.

Таким образом, необходимо учитывать, что экстремизм и терроризм, с одной стороны, являются факторами смены миропорядка, с другой, — следствием соответствующих процессов. В результате современных трансформаций экстремизм и терроризм стабильно утрачивают их идеологическую (в ее исходном смысле) основу и приобретают сугубо инструментальный характер. География распространенности экстремизма и терроризма все более зависит от геополитических интересов инициаторов и «спонсоров» их проявлений. Цели данной деятельности приобретают все более пролонгированный характер, а способы их реализации становятся все более утилитарными. Территориальные (масштабные), информационные и структурно-организационные трансформации экстремизма и терроризма в их взаимосвязи с процессами смены миропорядка необходимо учитывать при выработке и реализации мер противодействия им и обеспечения безопасности как нашей страны, так всего человечества.

Список источников

1. Игнатов А. Н. Влияние геополитических факторов на преступность // Вестник экономической безопасности. 2023. № 6. С. 59–63.
2. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
3. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
4. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
5. Игнатов А. Н. Криминогенность техногенности // Общество и право. 2019. № 2. С. 34–40.
6. Игнатов А. Н., Абисова К. С. Эволюционные трансформации сущности и проявлений терроризма как угрозы национальной безопасности. Симферополь, 2020. С. 354–359.
7. Абисова К. С. Детерминация и предупреждение террористической деятельности: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023.
8. Игнатов А. Н. Информационно-когнитивные технологии в арсенале способов совершения пре-

ступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11-2. С. 82–89.

9. Игнатов А. Н. Современные информационно-коммуникационные технологии как инструмент финансирования преступной деятельности. Краснодар, 2021. С. 22–28.

10. Никитин А. В., Ступницкий А. Е. Оперативно-розыскная характеристика способов финансирования экстремисткой деятельности // Право: ретроспектива и перспектива. 2021. № 2(6). С. 66–71.

11. Бабанина Д. В. Противодействие криминальной субкультуре в среде несовершеннолетних: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023.

12. Мальсагов М. Г. Социальные основы терроризма в России: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Новочеркасск, 2007.

13. Анисимова Н. А. Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе: причины формирования и стратегии противодействия: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Ростов н/Д., 2013.

14. Любарский Е. С. Терроризм в условиях глобализирующегося мира: методологический аспект: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2010.

15. Димитровска А. Деятельность международных террористических организаций в странах Западных Балкан: дисс. ... канд. полит. наук. М., 2019.

16. Круглова А. Ю. Деструктивные исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры на юге России: формирование, взаимодействие, деятельность и методы противодействия: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Ростов н/Д., 2019.

References

1. Ignatov A. N. The influence of geopolitical factors on crime // *Bulletin of Economic Security*. 2023. No. 6. P. 59–63.

2. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // *CL RF*. 2021. No. 27 (Part II). Art. 5351.

3. Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002 «On Countering Extremist Activities» // *CL RF*. 2002. No. 30. Art. 3031.

4. Federal Law No. 35-FZ of March 6, 2006 «On Countering Terrorism» // *CL RF*. 2006. No. 11. Art. 1146.

5. Ignatov A. N. Criminogenicity of technogenicity // *Society and law*. 2019. No. 2. P. 34–40.

6. Ignatov A. N., Abisova K. S. Evolutionary transformations of the essence and manifestations of terrorism as a threat to national security. Simferopol, 2020. P. 354–359.

7. Abisova K. S. Determination and prevention of terrorist activity: diss. ... cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2023.

8. Ignatov A. N. Information and cognitive technologies in the arsenal of ways to commit crimes // *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2020. No. 11-2. P. 82–89.

9. Ignatov A. N. Modern information and communication technologies as a tool for financing criminal activity. Krasnodar, 2021. P. 22–28.

10. Nikitin A. V., Stupnitsky A. E. Operational investigative characteristics of methods of financing extremist activities // *Law: retrospective and perspective*. 2021. No. 2(6). P. 66–71.

11. Babanina D. V. Countering the criminal subculture among minors: diss. ... cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2023.

12. Malsagov M. G. Social foundations of terrorism in Russia: the author's abstract. diss. ... cand. of social sciences. Novocherkassk, 2007.

13. Anisimova N. A. Terrorist network structures in the North Caucasus: the reasons for the formation and counteraction strategies: abstract. diss. ... cand. of social sciences. Rostov n/D., 2013.

14. Lyubarsky E. S. Terrorism in a globalizing world: methodological aspect: abstract. diss. ... cand. polit. sciences. M., 2010.

15. Dimitrovska A. The activities of international terrorist organizations in the countries of the Western Balkans: diss. ... cand. polit. sciences. M., 2019.

16. Kruglova A. Y. Destructive Islamist and Turkic-Islamist network structures in the south of Russia: formation, interaction, activities and methods of counteraction: abstract. diss. ... cand. of social sciences. Rostov n/D., 2019.

Информация об авторе

А. Н. Игнатов — профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

A. N. Ignatov — Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 14.06.2024; одобрена после рецензирования 16.07.2024; принята к публикации 12.08.2024. The article was submitted 14.06.2024; approved after reviewing 16.07.2024; accepted for publication 12.08.2024.

Научная статья

УДК 347.635.2

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-77-81>

EDN: <https://elibrary.ru/yupsxe>

НИОН: 2003-0059-4/24-097

MOSURED: 77/27-003-2024-04-296

**О целесообразности разъяснения вопросов,
возникающих в практике судов общей юрисдикции
при рассмотрении административных дел, связанных с пребыванием
несовершеннолетнего в центре временного содержания
для несовершеннолетних правонарушителей органа внутренних дел,
в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа**

Ольга Юрьевна Ильина

Тверской государственный университет, Тверь, Россия, Ilina.OY@tversu.ru

Аннотация. Анализируются разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, представленные в проекте постановления о некоторых вопросах, связанных с применением гл. 31.2 и 31.3 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Посредством обозначения трех векторов демонстрируется суть разъяснений, выделяются вопросы дискуссионного содержания. Обосновывается целесообразность дополнительных разъяснений. Основные тезисы автора были озвучены на заседании Пленума Верховного Суда РФ 6 июня 2024 г. при обсуждении проекта соответствующего постановления.

Ключевые слова: административное судопроизводство, несовершеннолетний ответчик, представитель несовершеннолетнего, центр временного содержания, учебное учреждение закрытого типа

Для цитирования: Ильина О. Ю. О целесообразности разъяснения вопросов, возникающих в практике судов общей юрисдикции при рассмотрении административных дел, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органа внутренних дел, в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 77–81. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-77-81>. EDN: YUPSXE.

Original article

**On the advisability of clarifying issues that arise in the practice
of courts of general jurisdiction when considering administrative cases
related to the stay of a minor in a temporary detention center for juvenile
offenders of the internal affairs body, in a special closed educational institution**

Olga Yu. Ilyina

Tver State University, Tver, Russia, Ilina.OY@tversu.ru

Abstract. The explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation presented in the draft resolution on some issues related to the application of Chapters 31.2 and 31.3 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation are analyzed. By designating three vectors, the essence of the explanations is demonstrated, and issues of discussion content are highlighted. The expediency of additional explanations is justified. The main theses of the author were announced at a meeting of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on June 6, 2024, when discussing the draft of the relevant resolution.

Keywords: administrative proceedings, juvenile defendant, representative of the minor, temporary detention center, closed educational institution

For citation: Ilyina O. Yu. On the advisability of clarifying issues that arise in the practice of courts of general jurisdiction when considering administrative cases related to the stay of a minor in a temporary detention center for juvenile offenders of the internal affairs body, in a special closed-type educational institution. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):77–81. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-77-81>. EDN: YUPSXE.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее — Пленум ВС РФ) достаточно часто дает разъяснения о применении законодательства при рассмотрении споров, связанных с охраной и защитой прав и

интересов несовершеннолетних при рассмотрении дел различных категорий в исковом производстве.

В то же время, существующая практика применения гл. 31.2 и 31.3 Кодекса административного су-

© Ильина О. Ю., 2024

допроизводства РФ (далее — КАС РФ) [1] свидетельствует о наличии ряда вопросов, также нуждающихся в теоретическом осмыслении и разъяснении.

Обсуждаемый проект соответствующего постановления Пленума ВС РФ содержит разъяснения принципиальных положений КАС РФ, регламентирующих производство по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органа внутренних дел (далее — центр) и в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа (далее — учреждение), а также норм иного специального законодательства.

Пленум ВС РФ отмечает, что помещение несовершеннолетних в названные центры или учреждения обусловлено целью защиты третьих лиц от противоправных посягательств со стороны несовершеннолетнего, при этом соответствующие ограничения конституционных прав и свобод несовершеннолетнего в то же время соотносятся с решением задачи по созданию возможностей для его дальнейшего нормального физического, умственного, нравственного и социального развития.

В связи с этим полагаем необходимым отметить три вектора, которые явно прослеживаются в обсуждаемом проекте постановления.

Первый вектор — разъяснения, связанные с особым статусом административного ответчика, а именно со спецификой его семейно-правового положения.

Так, особое внимание в п. 9 обсуждаемого проекта постановления уделяется обеспечению прав и интересов несовершеннолетнего административного ответчика, при этом разработчики проекта совершенно обоснованно апеллируют к нормам Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) [2].

Так, согласно ч. 2 ст. 285.9 и ч. 6 ст. 285.16 КАС РФ, в случае отсутствия сведений о наличии у несовершеннолетнего представителя по соглашению, отвечающего требованиям ст. 55 КАС РФ, ему должен быть назначен адвокат.

Однако при это возникает вопрос, может ли быть представителем ребенка при рассмотрении административных дел данной категории один из родителей несовершеннолетнего, имеющий высшее юридическое образование? Формально, да.

Однако, представляется, что помещение несовершеннолетнего, например, в центр временного содержания может быть обусловлено ненадлежащим осуществлением его родителями (одним из них) обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, но

при этом родители (один из них) не лишены родительских прав и не ограничены в них.

Кроме того, следует иметь в виду, что п. 2 ст. 54 СК РФ содержит императивную норму: Родители не вправе представлять интересы своих детей, если органом опеки и попечительства установлено, что между интересами родителей и детей имеются противоречия. В случае разногласий между родителями и детьми орган опеки и попечительства обязан назначить представителя для защиты прав и интересов детей.

Ссылаясь в том числе на эту норму, в п. 11 обсуждаемого проекта постановления Пленум ВС РФ дополнительно аргументирует право суда отстранить законного представителя от участия в административном деле, если его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего.

В качестве примера предлагается ситуация, когда родитель совершил общественно опасное деяние совместно с несовершеннолетним. Полагаем возможным дополнить примерный перечень оснований для отстранения законного представителя от участия в качестве такового при рассмотрении административного дела указанием на факт совершения законным представителем преступления в присутствии несовершеннолетнего.

Очевидно, что в таком случае применению подлежит и ч. 4 ст. 285.9 КАС, предоставляющая суду право при необходимости привлекать орган опеки и попечительства, что разработчики и отметили в п. 13 проекта обсуждаемого постановления.

В то же время, полагаем целесообразным применять в данном случае по аналогии п. 1 ст. 78 СК РФ: «При рассмотрении судами споров, связанных с воспитанием детей, независимо от того, кем предъявлен иск в защиту ребенка, к участию в деле должен быть привлечен орган опеки и попечительства». Представляется, что обязательное привлечение органа опеки и попечительства к участию в рассмотрении административных дел в порядке применения гл. 31.2 и 31.3 КАС РФ позволит в большей степени обеспечить интересы несовершеннолетнего административного ответчика, в том числе установить, при необходимости, противоречие между интересами ребенка и интересами родителей (одного из них). Не исключен вариант и противоречия между интересами каждого из родителей, что, по нашему мнению, также делает недопустимым осуществление ими полномочий по законному представительству интересов несовершеннолетнего.

Как известно, ч. 5 ст. 285.9 КАС предусматривает, что о времени и месте рассмотрения админи-

судебного дела должен быть извещен непосредственно несовершеннолетний, его законные представители. Пленум ВС РФ считает необходимым сделать уточнение и разъясняет в п. 10 проекта постановления: а) речь идет об административном ответчике, достигшем возраста 14 лет; б) извещаются законные представители несовершеннолетнего, независимо от его возраста.

Согласимся, то, что несовершеннолетний выступает как административный ответчик, но это вовсе не освобождает его родителей (иных законных представителей) от исполнения обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка, представительству его прав и интересов, а также от ответственности за воспитание несовершеннолетнего.

Нельзя оставить без внимания и разъяснения ст. 285.12 КАС РФ, предлагаемые в п. 34 проекта соответствующего постановления. Напомним, что в соответствии с названной статьей «решение суда по административному делу, связанному с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, может быть обжаловано лицами, участвующими в деле, в том числе несовершеннолетним, достигшим возраста 14 лет, их представителями по общим правилам, установленным настоящим Кодексом». Разработчики проекта совершенно обоснованно конкретизируют: «несовершеннолетним, достигшим возраста 14 лет, его законным представителем, представителем по общим правилам, предусмотренным настоящим Кодексом». Очевидно, что соответствующие разъяснения должны быть соотнесены и со ст. 285.19 КАС РФ.

Безусловно, несовершеннолетний, в отношении которого подано административное исковое заявление, имеет право лично участвовать в судебном заседании и излагать свою позицию по делу. При этом разработчики проекта постановления ссылаются на ст. 57 Семейного кодекса РФ, которая, напомним, предоставляет ребенку право «быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства», т. е. предоставляет ребенку право выразить свое мнение не только в пределах обозначения позиции по делу, как это предусмотрено в ч. 7 ст. 285.9 и ч. 9 ст. 285.16 КАС РФ.

Специальные разъяснения Пленум ВС РФ полагают необходимым дать в части применения положений гл. 31.2 и 31.3 КАС РФ к несовершеннолетним иностранным гражданам и лицам без гражданства. В п. 20 проекта постановления указывается, что при разрешении соответствующего административного

дела дополнительно должны приниматься во внимание обстоятельства, касающиеся пребывания на территории РФ родителей, иных законных представителей несовершеннолетнего [3] в течение всего срока нахождения несовершеннолетнего в центре или учреждении.

Нельзя не отметить те пункты проекта постановления, где Пленум ВС РФ дает специальные разъяснения не только о порядке исчисления сроков, но и необходимости соотношения указываемых при удовлетворении административного иска о помещении или продлении срока пребывания несовершеннолетнего в центре/учреждении сроков с целями помещения несовершеннолетнего в центр и периодом учебного года при помещении несовершеннолетнего в учреждение.

Обеспечению прав и интересов несовершеннолетнего, в том числе его права жить и воспитываться в семье, отвечает специальное разъяснение, содержащееся в п. 33 проекта постановления Пленума ВС РФ: в случае отказа в удовлетворении административных исковых требований о помещении несовершеннолетнего в центр, несовершеннолетний подлежит незамедлительному освобождению из центра, в том числе при отсутствии указания на это в резолютивной части решения суда (ст. 285.11 КАС РФ).

Второй вектор — это разъяснения непосредственно процессуальных вопросов, т. е. норм гл. 31.2 и 31.3 КАС РФ. Почти двухлетняя практика применения обсуждаемых норм КАС РФ позволяет утверждать о необходимости, прежде всего, установления критериев использования различных оценочных понятий.

Так, например, понятие «иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения и разрешения административного дела» (ч. 1 ст. 285.10 и ч. 1 ст. 285.17 КАС РФ).

Так, в п. 21 проекта постановления суду рекомендовано исходить из необходимости защиты детей от факторов, негативно влияющих на физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие детей; оценивать поведение несовершеннолетнего после совершения правонарушения; оценивать поведение родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего административного истца и их готовность оказать содействие ребенку, оказавшемуся в такой ситуации, а также отношения в семье в целом; учитывать наличие отрицательного воздействия на несовершеннолетнего со стороны иных лиц; выяснять, проводилась ли, а если проводи-

лась, то в полной ли мере и была ли эффективной индивидуальная профилактическая работа.

В нескольких пунктах проекта (п. 6, 19, 34) Пленум ВС РФ использует понятия «возможно короткий срок», «разумный срок», что, с одной стороны, вполне обосновано индивидуальным подходом к каждой конкретной истории, но, с другой стороны, все-таки необходимы некоторые ориентиры для правоприменителя.

Кроме того, ч. 3 ст. 285.7 КАС РФ не исключает, что к административному заявлению о помещении несовершеннолетнего в центр могут быть приложены иные доказательства, имеющие значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

Учитывая опять-таки имеющуюся практику, Пленум ВС РФ считает необходимым в п. 22 проекта постановления разъяснить: если в материалах дела есть сведения о том, что несовершеннолетний страдает психическим заболеванием или имеет ограниченные возможности, обусловленные задержкой психического развития, суду надлежит выяснить, может ли удовлетворение соответствующих требований повлечь ухудшение состояния здоровья административного ответчика, имеется ли в центре возможность оказания несовершеннолетнему необходимой медицинской и иной помощи.

Примечательно, что суд в данном случае вправе как назначить судебную экспертизу и исследовать заключение эксперта, в том числе заслушать эксперта в судебном заседании, так и поставить соответствующие вопросы перед специалистом или же заслушать представителя центра об условиях оказания медицинской помощи несовершеннолетнему в случае его помещения в центр. Заметим, что именно по усмотрению суда определяется форма получения дополнительной информации.

Заслуживает внимания разъяснение, содержащееся в п. 6 проекта постановления: если административное исковое заявление содержит недостатки, то судья принимает его, устанавливает разумный срок для их устранения, в противном же случае оставляет исковое заявление без рассмотрения. П. 5 ч. 1 ст. 196 КАС РФ предполагает случаи, когда заявление было оставлено без движения, применительно же к заявлению о пребывании несовершеннолетнего в центре/учреждении вопрос разрешается судьей незамедлительно.

Разъясняя положения ч. 2 ст. 285.14 КАС РФ Пленум ВС РФ обращает внимание на перечень документов, прилагаемых к заявлению о помещении

несовершеннолетнего в учреждение, подчеркивая: данные документы сами по себе не влекут правовых последствий для несовершеннолетних и поэтому не могут быть оспорены в отдельном процессе. Возражения относительно указанных доказательств подлежат обязательной проверке судом.

Представляется, что пребывание несовершеннолетнего в учреждении объективно сопровождается правовыми последствиями, в связи с этим целесообразно проверять представленные доказательства независимо от факта заявления возражений.

Заслуживает безусловной поддержки то, что Пленум ВС РФ разъяснил принципы изложения выводов суда о сроке в резолютивной части соответствующего решения суда (п. 27 проекта), а также правила исчисления соответствующих сроков (п. 30 проекта).

Третьим вектором, обосновывающим актуальность и своевременность соответствующих разъяснений Пленума ВС РФ, считаем необходимым назвать некоторую отдаленную перспективу, вполне реализуемую посредством проявления законодательной инициативы:

Как известно, ст. 291 КАС РФ предусматривает основания применения упрощенного письменного производства, при этом прямо названы категории административных дел, при рассмотрении которых такое производство не допускается. В п. 2 обсуждаемого проекта постановления отмечается, что административные дела (гл. 31.2 и 31.3 КАС РФ) не могут быть рассмотрены в порядке упрощенного письменного производства.

Безусловно, это разъяснение обладает высокой степенью практической значимости, но фактически в данном случае Пленум ВС РФ устанавливает правило, не предусмотренное КАС РФ. В связи с этим представляется целесообразным внести соответствующие дополнения в кодекс.

Главы 31.2 и 31.3 Кодекса административного судопроизводства РФ основаны на применении норм ряда федеральных законов. В частности, Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [4], Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [5], Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» [6].

Следует признать, что ряд положений упомянутых законов не соответствует целям правового регулирования и современной действительности. Кроме

того, в результате внесения поправки в Конституцию Российской Федерации [7] в ст. 67.1 провозглашается, что государство принимает на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения родителей. В связи с этим обоснованным видится совершенствование названных законов, лежащих в основе применения соответствующих глав КАС РФ.

В целом же разъяснения, содержащиеся в обсуждаемом проекте постановления Пленума ВС РФ, позволят повысить эффективность рассмотрения соответствующих административных исков как с точки зрения достижения цели защиты граждан от противоправных посягательств со стороны несовершеннолетних, так и с точки зрения обеспечения прав и интересов несовершеннолетних, помещаемых в соответствующие центры/учреждения.

Список источников

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 6 апреля 2024 г.) // Российская газета. 2015. 11 марта.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31 июля 2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26 октября 2023 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 10 июля 2023 г.) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2024 г.) // Российская газета. 2002. 31 июля.
4. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 21 ноября 2022 г.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Российская газета. 1999. 30 июня.
5. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 мая 2024 г.) // Российская газета. 2012. 31 дек.

Информация об авторе

О. Ю. Ильина — заведующая кафедрой гражданского права Тверского государственного университета, декан юридического факультета Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ.

Information about the author

O. Yu. Ilyina — Head of the Civil Law Department of Tver State University, Dean of the Law Faculty of Tver State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Scientific Advisory Council of the Supreme Court of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 14.06.2024; одобрена после рецензирования 16.07.2024; принята к публикации 12.08.2024.
The article was submitted 14.06.2024; approved after reviewing 16.07.2024; accepted for publication 12.08.2024.

6. Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ (ред. от 10 июля 2023 г.) «Об опеке и попечительстве» // Российская газета. 2008. 30 апр.

7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // URL://<http://www.pravo.gov.ru>.

References

1. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation No. 21-FZ dated March 8, 2015 (as amended on April 6, 2024) // Rossiyskaya Gazeta. 2015. March 11th.
2. The Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ of December 29, 1995 (as amended on July 31, 2023) (with amendments and additions, intro. effective from October 26, 2023) // CL RF. 1996. No. 1. Art. 16.
3. Federal Law No. 115-FZ of July 25, 2002 (as amended on July 10, 2023) «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» (with amendments and additions, introduction. effective from March 1, 2024) // Rossiyskaya Gazeta. 2002. July 31th.
4. Federal Law No. 120-FZ of June 24, 1999 (as amended on November 21, 2022) «On the basics of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency» // Rossiyskaya Gazeta. 1999. June 30th.
5. Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 (as amended on December 25, 2023) «On Education in the Russian Federation» (with amendments and additions, intro. effective from May 1, 2024) // Rossiyskaya Gazeta. 2012. December 31th.
6. Federal Law No. 48-FZ of April 24, 2008 (as amended on July 10, 2023) «On Guardianship and Guardianship» // Rossiyskaya Gazeta. 2008. April 30th.
7. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // URL://<http://www.pravo.gov.ru>.

Научная статья

УДК 343.2

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-82-87>

EDN: <https://elibrary.ru/tfcndg>

NIJON: 2003-0059-4/24-098

MOSURED: 77/27-003-2024-04-297

Лицо, совершившее преступление: историко-правовой экскурс

Валентина Николаевна Куфлева

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, val_swatch@mail.ru

Аннотация. Современное уголовное право, в связи с развитием экономической и информационной преступности, в очередной раз столкнулось с проблемой определения круга лиц, подлежащих уголовной ответственности. Ее оптимальное решение немалосмыслимо вне понимания общего контекста и истории развития уголовно-правовой отрасли. На основе историко-правового метода доказываем, что человекомерное понимание уголовного права предопределяло и одновременно было предопределено развитием учения о преступлении как о свободном, волевом и виновном деянии, и о наказании как мере принуждения, призванной исправить виновное лицо, скорректировать и устранить его порочную волю. В соответствии с этим, генеральной закономерностью развития уголовного права на всем протяжении его истории было последовательное ограничение круга субъектов преступления и субъектов уголовной ответственности исключительно людьми. Пересмотр или корректировка этой закономерности в части признания субъектами ответственности юридических лиц или систем искусственного интеллекта не могут обуславливаться исключительно прагматическими соображениями, но требуют (при условии их реализации) пересмотра фундаментальных оснований отрасли уголовного права.

Ключевые слова: субъект преступления, лицо, совершившее преступление, субъект уголовной ответственности, история уголовного права, историко-правовой метод

Для цитирования: Куфлева В. Н. Лицо, совершившее преступление: историко-правовой экскурс // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 82–87. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-82-87>. EDN: TFCNDG.

Original article

The person who committed the crime: historical and legal excursion

Valentina N. Kufleva

Kuban State University, Krasnodar, Russia, val_swatch@mail.ru

Abstract. Modern criminal law, in connection with the development of economic and information crime, is once again faced with the problem of determining the circle of persons subject to criminal liability. Its optimal solution is unthinkable without understanding the general context and history of the development of the criminal legal industry. The article, based on the historical and legal method, proves that the humane understanding of criminal law predetermined and was at the same time predetermined by the development of the doctrine of crime as a free, volitional and guilty act, and of punishment as a measure of coercion designed to correct the guilty person, correct and eliminate his vicious will. In accordance with this, the general pattern of development of criminal law throughout its history has been the consistent limitation of the circle of subjects of crime and subjects of criminal liability exclusively to people. Revision or adjustment of this pattern in terms of recognition by subjects of liability of legal entities or artificial intelligence systems cannot be determined solely by pragmatic considerations but require (subject to their implementation) a review of the fundamental foundations of the branch of criminal law.

Keywords: subject of the crime, person who committed the crime, subject of criminal liability, history of criminal law, historical-legal method

For citation: Kufleva V. N. The person who committed the crime: historical and legal excursion. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):82–87. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-82-87>. EDN: TFCNDG.

Лицо, совершившее преступление, выполняя в системе уголовно-правового регулирования функции субъектов права, уголовно-правового отношения, преступления и уголовной ответственности, выступает, без преувеличения, центральным элементом всех отраслевых конструкций уголовного права, точкой, в которой фокусируется и сквозь которую преломляются уголовно-правовые предписания. В конечном счете уголовное право всем своим содержанием обращено именно к лицу, определяя его в качестве персонифицированного источника угроз безопасности и объекта карательного, исправительного,

предупредительного воздействия. По этой причине представление о лицах, вовлеченных в орбиту уголовно-правового регулирования, отражает фундаментальные, методологические основания понимания права как такового, раскрывает его социальную природу и предназначение. В связи с этим исследование категории лиц в уголовном праве обладает не только инструментально-прикладным, но более широким, теоретическим и философским значением.

Теоретические представления о носителе специфических уголовно-правовых функций, чтобы быть убедительными, должны строиться на основе надеж-

© Куфлева В. Н., 2024

ного и верифицируемого эмпирического фундамента. С учетом особенностей рассматриваемой проблемы представляется, что в качестве такового могут выступать нормативные решения, касающиеся определения субъекта преступления и уголовной ответственности. В исследовательском плане такой подход не должен вызывать сомнений. При развитом уровне теории субъектов права традиционно «выводится» понимание субъекта преступления и ответственности из общего представления о субъекте права, сверяя нормативные решения с теоретическими постулатами. Однако для того, чтобы сформировать саму теорию субъектов, требуется обратная логика — от частных нормативных решений к концептуальным построениям. Законодательные решения и практика их применения в этом случае служат эмпирической основой теории. В этом проявляется единство дедуктивной и индуктивной логики правового познания.

При этом представляется принципиально важным исследовать эмпирические основания теории в их исторической динамике, в определенной степени абстрагируясь от текущего момента правового регулирования. Именно история, движение нормативных решений в рассматриваемой области способны выявить основные закономерности формирования и развития представлений о лицах в уголовном праве, и именно эти закономерности, выявленные и проанализированные, должны составлять суть и содержание формируемой теории. Обращение к истории, между тем, не стоит воспринимать как попытку сугубо историко-правового анализа поднятой проблемы. Его цель в данном случае иная; она состоит не в выявлении исторических тенденций развития нормативных положений о субъектах преступления и уголовной ответственности, а в выявлении на основании полученных данных содержательных закономерностей в развитии права. Это позволяет в некоторой степени пренебречь строгой исторической последовательностью, сосредоточиться не на хронологическом аспекте динамики права и закона, а на ее содержательном изменении.

Анализ памятников древнего и средневекового права убедительно свидетельствует, что общая логика развития нормативных представлений о субъекте преступления и уголовной ответственности развивалась (до определенного момента и с определенными отступлениями) в направлении последовательного «отсечения» из круга таких субъектов всего того (и всех тех), что (кто) не обладает свободой воли и моральным сознанием.

Исходным пунктом этого развития, его философской и идеологической основой был антропоморфизм — форма познания, предполагающая перенос качеств человека на окружающий его мир, и связанный с ним социальный антропоморфизм, т. е. уподобление личности и общества. Человек изначально был склонен наделять окружающий мир свойствами собственного существа и рационально его объяснять. Как пишет П. Л. Лавров, «человек вполне понимает деятельность только по аналогии со своей деятельностью... Выше себя он не знает ничего, и все воображаемые им совершенства суть только отвлеченные рассудком или расширенные фантазией человеческие совершенства. Поэтому везде, где он видит или предполагает деятельность, он склонен неизбежно к предположению и человеческих страстей, и человеческих форм. ... Чем на низшей степени развития стоит человек, тем бессознательнее и неумеримее он следует этом стремлению. Только впоследствии, когда наука его отучила вполне доверяться своей фантазии и критика стала настороже против ее увлечений, он мало-помалу вытесняет антропоморфизм и антропатизм из различных нечеловеческих сфер» [9, с. 108].

Антропоморфизм и социальный антропоморфизм проявлялись в сфере раннего уголовного права вполне отчетливо.

Во-первых, правовые представления и право как таковое допускали применение уголовных (человекомерных) наказаний к неодушевленным предметам. Хрестоматийными в данном случае являются свидетельства легенд о царе Ксерксе, приказавшем в 480 г. до н. э. высечь воды Геллеспонта, штормовые волны которого разрушили понтонный мост накануне его битвы при Саламине, пронзить море раскаленным железом и бросить в него цепи. Сюда же следует отнести и законодательство средневековой Англии (Правда короля Альфреда, IX в. [20, с. 404–411]), признававшее субъектом ответственности за неумышленное убийство дерево, которое должно было быть собственником леса выдано родственникам погибшего с тем, чтобы они вывезли его из страны [10, с. 163]. Из разряда этих же свидетельств дело угличского набатного колокола, казненного отсечением языка и ссылкой в Тобольск за то, что в 1591 г. он известил жителей Углича о смерти царевича Дмитрия, чем вызвал народное волнение.

Во-вторых, средневековое право содержит многочисленные свидетельства применения уголовных наказаний к животным и судебных процессов над ними [21; 16, с. 25–47]. Как писал Я. А. Канторович,

«при всей абсурдности этих процессов, есть нечто трогательно-наивное в этом третировании животных как равных, в этом признании за животными, как за божьими созданиями, права действовать на земле и отвечать за свои действия. Они живут среди людей не вне закона, их не наказывают по произволу и капризу, а предоставляют правосудию взыскивать с них, на основании законов и с предоставлением им всех законных гарантий справедливого и законного суда. За ними признается, наравне с людьми, право на существование на земле. Это право может быть у них отнято только по постановлению законной власти и только в том случае, если они злоупотребляют этим правом и причиняют человеку вред» [7, с. 6].

В-третьих, средневековое уголовное право — это, среди прочего, и право, допускающее наказание коллективных субъектов. В древнерусском праве этот момент связывается обычно с дикой вирой, которая предусматривалась в ст. 4–8 Пространной редакции Русской правды [13, с. 108–137]. Дикая вира платилась общиной в случае, если на ее территории найден труп, а община не предприняла мер к нахождению преступника и не отвела «следа» от себя. Антропоморфизм в данной ситуации выражается не столько в «одушевлении» коллективного субъекта, наделенного сознанием, сколько в осторожном проведении метафорического сходства между процессами индивидуальной и социальной психологии, при котором антропоморфное уподобление индивидуального и коллективного становится вспомогательной методологической эвристикой [19, с. 11].

Оценивая эти правовые положения с точки зрения современного учения о предназначении права, надо признать, что они не только отражали мифологический символизм сознания средневекового общества, но и выполняли значимые прагматические функции.

Как указывают, например, Ю. В. Грачева и А. И. Чучаев, судебные процессы над животными преследовали общественно-воспитательные цели: стереть совершенное злодеяние из памяти людей и утратить его владельца видом казни животного. Они были продиктованы общественной пользой и предупреждением для людей. Наказания животных должны побуждать собственников к более тщательному уходу за ними, удерживать их самих от преступных действий [6, с. 353]. Наказание общины дикой вирой, по мнению Н. С. Таганцева, который не считал его уголовным в собственном смысле этого слова, носило значимый фискально-полицейский характер [18, с. 15], выражало, как пишет Э. В. Георгиевский,

ответственность общины за нарушение общегосударственных интересов в условиях формирования и укрепления верховной государственной власти [3, с. 182–183].

Иными словами, символизм средневекового права в его антропоморфном понимании субъектов преступления и ответственности, сочетался (возможно, интуитивно) с прагматизмом, с необходимостью решать какие-то дополнительно значимые общественные проблемы. Однако со временем этот синкретизм, неразделенность символизма и прагматизма уже не могли уживаться в рамках одной правовой отрасли. Под влиянием, в том числе, христианства, гуманистической философии в уголовном праве утверждаются современные представления о том, что уголовное наказание может быть обращено только к человеку как сознательно действующему лицу, т. е. лицу, в котором имеется душа.

По иронии судьбы либо в силу диалектического единства развития мира, именно элементы прагматизма сыграли значимую роль в обосновании этого решения. Речь идет об известной позиции средневековых канонистов, обосновавших формулу о невозможности привлечения к ответственности и наказания церкви. Развивая учение римских легистов, ими было предложено понимание церкви в качестве корпорации, которое впоследствии было перенесено и на все иные светские объединения людей. Корпорации были признаны самостоятельным субъектом права, и именно они впервые были названы в праве «лицом». Ведущая роль в развитии канонического учения о лицах принадлежит, как известно, Папе Римскому Иннокентию IV, который в 1245 г. «открыл мысль о том, что юридическое лицо существует, собственно, лишь в понятии и благодаря фикции»; оно «не существует в действительности, но есть лишь отвлеченное понятие». Иннокентий IV утверждал, что корпорация есть субъект исключительно правовой, но не личный («nomina sunt juris et non personum»), она существует лишь в понятии и не одарена телом («universitas est nomen intellectuale et res incorporalis»). А «так как у корпорации тело отсутствует, то необходимо признать, что она не имеет воли, действовать же могут лишь ее члены, не сама корпорация». Отсюда — вполне последовательный шаг к признанию того, что корпорация не может совершить преступления («impossibile est, quod universitas delinquat») [4, с. 18–21].

Таким образом, в истории (в том числе истории развития права) происходит постепенный переход от антропоморфного понимания мира к антропологическому.

ческому, при котором в центр земной, общественной жизни помещается человек и занимает в нем центральное место. Понятно, что в условиях господства религиозного мировоззрения этот процесс сопровождался определенными оговорками и ограничениями. Но, тем не менее, именно человек и его свободная воля, предопределяющие как выбор совершаемых поступков, так и, соответственно, способность нести за них ответственность перед светской властью и перед богом становятся центральными идеями уголовной политики и уголовного права.

В этом переходе нельзя четко зафиксировать какой-либо конкретной даты или отрезка времени, в рамках которого он состоялся. Переход обнаруживает себя именно как тенденция, развивавшаяся на всем протяжении периода средневековья и окончательное утвердившаяся к моменту его завершения.

Показательны в этом отношении, к примеру предписания ст. 18 и 20 гл. XXII Соборного Уложения 1649 г. В ст. 18 указано: «А будет такое убийство учинится от кого без умышления потому, что лошадь от чего испужався, и узду изорвав рознесет, и у держати ее будет не мочно: и того в убийство не ставити, и наказания за такое дело никому не чинити, для того, что такое дело учинится без хитрости». Ст. 20 гласит: «А будет кто, стреляючи из пищали, или из лука по зверю, или по птице, или по примете, и стрела, или пулька всплвет, и убьет кого за горою, или за горюдьбою, или кто каким нибудь обычаем кого убьет до смерти деревом, или камнем, или чем нибудь, не нарочным же делом, а недружбы и никакия вражды наперед того у того, кто убьет, с тем, кого убьет, не бывало, и сыщется про то допряма, что такое убийство учинилось ненарочно, без умышления: и за такое убийство никого смертию не казнити, и в тюрьму не сажати по тому, что такое дело учинится грешным делом, без умышления» [14, с. 433].

Эти нормативные положения уже не только категорически исключают ответственность нечеловеческих объектов (лошади, дерева, камня), но и ответственность человека, который невиновным образом был прикосновенен к причинению вреда этими объектами.

Наряду с ограничением круга субъектов преступления и ответственности только человеком, ограничивается и круг самих людей, вовлекаемых в сферу уголовно-правового регулирования. Со временем это уже не просто человек, но человек, способный к саморегуляции, т. е. способный делать сознательный выбор, быть виновным и нести ответственность за сделанный выбор и за вину.

На этот счет уже в законах английского короля Кнута (XI в) в ст. 76.2 можно обнаружить следующее предписание: «В прежнее время допускалось, что ребенок, лежавший в колыбели, хотя бы он не вкушал еще никакой пищи [кроме материнского молока], жадными людьми считался столь же виновным, как если бы он был [вполне] сознательным. Но я впредь строго запрещаю это, а также многие другие вещи, которые весьма неуютны богу» [20, с. 412–417]. В русском праве аналогичные положения, фиксировавшиеся изначально в Кормчей книге, к XVII в. получили закрепление в светских памятниках. В ст. 79 Новоправных статей о татевных, разбойных и убийственных делах (1669 г.), прямо зафиксировано: «А в градских законах написано: творяй убийство волею коего любо еще есть возраста, мечем муку да примет. Да в градских же законах написано: еще седми лет отрок, или бесный убьет кого, не повинен есть смерти» (это же правило повторялось и в ст. 108) [15, с. 423].

Мысль о тесной, неразрывной связи воли и вины лица, с одной стороны, и его ответственности, — с другой стала господствующей к моменту зарождения уголовно-правовой науки. Вся классическая уголовно-правовая доктрина воспринимала ее как незыблемое исходное положение уголовно-правовой теории. В первом российском учебнике по уголовному праву, подготовленном О. Гореглядом, фиксируется: «кто действовал без всякого участия воли и разума, тот не может быть в том виновен» [5, с. 84]. Г. И. Солнцев, автор второго русского учебника, пишет: «Преступление есть деяние свободное, следовательно, к вменению требуется: 1) чтобы учинивший какое-либо деяние, преступлением именуемое, имел разум и свободную волю» [17, с. 56]. Признавая преступлением лишь виновное деяние, Л. С. Белогриц-Котляревский заключал, что «субъектом его может быть только человек как лицо, одаренное ответственной волею» [1, с. 108].

Тезис о вменяемом человеке как субъекте преступления, субъекте ответственности (можно сказать и шире — субъекте уголовного права) можно считать «цементирующим» для теории уголовного права. Он непосредственно был связан с пониманием преступления, во-первых, как физически проявляемого деяния, во-вторых, как деяния свободно-волевого и виновного. Он служил предпосылкой учения о вине как одном из центральных институтов, определяющих как опасность преступления и лица, его совершившего, так и адекватные этой опасности меры государственного воздействия. Он же коррелировал с учением о целях уголовного наказания, призван-

ного исправить виновное лицо, скорректировать и устранить его порочную волю. Таким образом, весь каркас основных институтов уголовного права создавался и развивался будучи ориентированным на человека как на лицо, совершившее преступление и способное нести за него ответственность [8, с. 35].

Эта общая укорененность тезиса о лице в уголовном праве исключительно как о человеке, не исключала отдельных отступлений от нее, даже в начале XX столетия. Как показывают специальные исследования, на волне революционной перестройки всех оснований общественной, политической и правовой жизни законодательство первых лет советской власти допускало уголовную ответственность юридических лиц (в частности, периодических изданий за нарушение законодательства о печати, а равно иных лиц — за нарушение декретов об отделении церкви от государства), уголовную ответственность семейных, сельских и иных сообществ по правилам круговой поруки за укрывательство контрреволюционных преступлений или нарушение законодательства о продовольственной разверстке [11].

Однако эти отступления, обусловленные, прежде всего, спецификой историко-политического момента и политической целесообразностью, имели мало общего с генеральной, объективной тенденцией развития права и потому не могли ее опровергнуть. Можно уверенно утверждать, что в отечественной правовой науке и практике к середине прошлого столетия мысль о возможности признания субъектом преступления, субъектом ответственности, субъектом уголовно-правового отношения и как итог — лицом в уголовном праве только человека стала не просто господствующей, но общепризнанной, была возведена в разряд непререкаемой догмы. Как писал В. С. Орлов, «советское уголовное законодательство исходит из того, что субъектом преступления может быть только человек, т. е. физическое лицо. ...Эта принципиально правильная и научно обоснованная позиция, занимаемая уголовным законодательством СССР вытекает из сущности социалистического общественного строя» [12, с. 206]. «Именно к человеку как субъекту совершенного им преступления применяются меры уголовного наказания, имеющие своей целью его исправление и перевоспитание», — подтверждал В. А. Владимиров [2, с. 7].

Признание исключительно человека в качестве лица, способного совершить преступление и нести за него ответственность, выступая мощным ограничителем сферы применения уголовно-правового воздей-

ствия и регулирования, по причине именно своего сдерживающего характера всегда оставалось под прицелом критики со стороны некоторых специалистов. Причем сила критической оценки всегда возрастала, как правило, на переломных этапах развития государства и общества. В этом отношении вполне закономерно, что трансформационные процессы конца XX в. и начала XXI в. озаменовали очередной период попыток пересмотра устоявшейся концепции в части обоснования возможности привлечения к ответственности корпораций и систем искусственного интеллекта. Такие вызовы требуют тщательной и глубокой проработки ответа, в том числе с учетом накопленного историей опыта решения вопроса о лице, совершившем преступление.

Список источников

1. Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев : Типо-лит. И.И. Чоколова, 1903.
2. Владимиров В. А., Левицкий Г. А. Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1964.
3. Георгиевский Э. Ф. Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права. М. : Юрлитинформ, 2013.
4. Герваген Л. Л. Развитие учения о юридическом лице. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1888.
5. Горегляд О. Опыт начертания российского уголовного права. Часть 1. О преступлениях и наказаниях вообще. СПб. : Тип. И. Иоаннесова, 1815.
6. Грачева Ю. В., Чуцаев А. И. Суд над животными и костры инквизиции // Юридическая наука в Китае и России. 2017. № 1. С. 349–358.
7. Канторович Я. Процессы против животных в средние века. СПб., 1897.
8. Караваева Ю. С. Субъект преступления в уголовном праве России: учеб. пособие. Пермь, 2020.
9. Лавров П. Л. О религии. М., 1989.
10. Молчанов Б. А. Субъект преступления в законодательствах государств Европы средневекового периода // Гуманитарные науки и образование. 2014. № 3. С. 162–166.
11. Окунева М. О. Субъект преступления в уголовном законодательстве первых лет советской власти // Вестник Московского Университета. 2017. № 2. С. 92–99.
12. Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1958.
13. Памятники русского права. В 8 т. Т. 1. / сост. А. А. Зимин. М., 1952.

14. Памятники русского права. В 8 т. Т. 6. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. / под ред. К. А. Софроненко. М., 1957.

15. Памятники русского права. В 8 т. Т. 7. Памятники права периода создания абсолютной монархии второй половины XVII в. / под ред. Л. В. Черепнина. М., 1963.

16. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья / пер. с фр. Е. Решетниковой. СПб., 2012.

17. Солнцев Г. И. Российское уголовное право, изложенное обоим прав доктором, Казанского университета бывшим ректором Гавриилом Солнцевым: Казань, 1820 / под ред. и с вступ. ст. Г. С. Фельдштейна. Ярославль, 1907.

18. Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Кн. 1. Учение о преступлении. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1874.

19. Хорошилов Д. А. Антропоморфизм — методологическая стратегия или ловушка для социальной психологии? // Психологические исследования. 2019. Т. 12. № 63. С. 11.

20. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / отв. ред. Н. А. Крашенинникова. В 2 т. Т. 1. М., 2007.

21. Evans E. P. The criminal prosecution and capital punishment of animals. London, 1906.

References

1. Belogrits-Kotlyarevsky L. S. Textbook of Russian criminal law. General and Special parts. Kiev : Tipo-lit. I.I. Chokolova, 1903.

2. Vladimirov V. A., Levitsky G. A. The subject of crime under Soviet criminal law. M., 1964.

3. Georgievsky E. F. Formation and development of general provisions of ancient Russian criminal law. M. : Yurlitinform, 2013.

4. Gervagen L. L. The development of the doctrine of a legal entity. SPb. : I.N. Skorokhodova Type, 1888.

5. Goreglyad O. The experience of the outline of Russian criminal law. Part 1. About crimes and punishments in general. SPb. : I. Ioannesova Type, 1815.

6. Gracheva Yu. V., Chuchaev A. I. Animal trial and bonfires of the Inquisition // Legal science in China and Russia. 2017. No. 1. P. 349–358.

7. Kantorovich Ya. Trials against animals in the Middle Ages. SPb., 1897.

8. Karavaeva Y. S. The subject of crime in the criminal law of Russia: studies. stipend. Perm, 2020.

9. Lavrov P. L. On religion. M., 1989.

10. Molchanov B. A. The subject of crime in the legislations of the European states of the medieval period // Humanities and education. 2014. No. 3. P. 162–166.

11. Okuneva M. O. The subject of crime in the criminal legislation of the first years of Soviet power // Bulletin of the Moscow University. 2017. No. 2. P. 92–99.

12. Orlov V. S. The subject of a crime under Soviet criminal law. M., 1958.

13. Monuments of Russian law. In 8 vols. Vol. 1. / comp. A. A. Zimin. M., 1952.

14. Monuments of Russian law. In 8 vols. Vol. 6. The Cathedral Code of Tsar Alexei Mikhailovich in 1649 / edited by K. A. Sofronenko. M., 1957.

15. Monuments of Russian law. In 8 vols. 7. Monuments of law of the period of the creation of the absolute monarchy of the second half of the XVII century / edited by L. V. Cherepnin. M., 1963.

16. Pasturo M. Symbolic history of the European Middle Ages / trans. with fr. E. Reshetnikova. SPb., 2012.

17. Solntsev G. I. Russian criminal law, set forth by the doctor of both rights, former rector of Kazan University Gavriil Solntsev: Kazan, 1820 / ed. and with an introduction by G. S. Feldstein. Yaroslavl, 1907.

18. Tagantsev N. S. Course of Russian criminal law. The Part Is Common. Book 1. The Doctrine of crime. SPb. : Type. M. Stasyulevich, 1874.

19. Khoroshilov D. A. Anthropomorphism — a methodological strategy or a trap for social psychology? // Psychological research. 2019. Vol. 12. No. 63. P. 11.

20. Anthology on the history of state and law of foreign countries / ed. by N. A. Krashennnikov. In 2 vols. Vol. 1. M., 2007.

21. Evans E. P. The criminal prosecution and capital punishment of animals. London, 1906.

Информация об авторе

В. Н. Куфлева — доцент кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. N. Kufleva — Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Kuban State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 01.08.2024.
The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 01.08.2024.

Научная статья

УДК 341.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-88-92>

EDN: <https://elibrary.ru/tfwkmm>

NIION: 2003-0059-4/24-099

MOSURED: 77/27-003-2024-04-298

Функции международного публичного права

Галина Михайловна Лановая

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, lanovaya-galina@mail.ru

Аннотация. Анализируются основные функции, в которых проявляется назначение международного публичного права. Демонстрируется, что эти функции специфичны, принципиально отличаются как от функций национального права, так и от функций международного частного права. Наряду с универсальными, присущими международному публичному праву неизменно, рассматриваются функции, появление которых у международного публичного права в современных условиях обусловливается актуальным политико-историческим контекстом. Решается вопрос о том, способно ли международное публичное право выполнять функции, связанные с самовоспроизводством и поддержанием собственной действительности.

Ключевые слова: международное публичное право, функции международного публичного права, интеграция, координация, стабилизация, обеспечение мира и безопасности

Для цитирования: Лановая Г. М. Функции международного публичного права // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 88–92. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-88-92>. EDN: TFWKMN.

Original article

Functions of public international law

Galina M. Lanovaya

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, lanovaya-galina@mail.ru

Abstract. The main functions in which the purpose of public international law manifests itself are analyzed. It is demonstrated that these functions are specific, fundamentally different from both the functions of national law and the functions of private international law. Along with the universal functions inherent in public international law, the functions whose appearance in public international law in modern conditions is determined by the actual political and historical context are considered. The issue of whether public international law is capable of performing functions related to self-reproduction and maintaining its own effectiveness is being resolved.

Keywords: public international law, functions of public international law, integration, coordination, stabilization, peace and security

For citation: Lanovaya G. M. Functions of public international law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):88–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-88-92>. EDN: TFWKMN.

Понимание того, как действует право, в каких функциях проявляется и находит свою реализацию его назначение, является важным условием его адекватного восприятия и, следовательно, успешного научного поиска решений тех проблем, которые негативно сказываются на его эффективности. В то же время, обращает на себя внимание тот факт, что у отечественных специалистов в области международного права пока отсутствует ясное и четкое понимание того, какие функции характерны для международного публичного права, на что указывает анализ той немногочисленной литературы, в которой вопрос о них поднимается [4, с. 23–24; 9; 14, с. 14–15]. При этом, что парадоксально, активных дискуссий по вопросу о содержании функций международного публичного права — подобных тем, предметом которых становятся, например, функции международного частного права [2; 8; 10], — не ведется. У теоретиков права также отсутствует отчетливое представление о функциях международного права, хотя они и акцентируют

внимание на их специфичности [6, с. 157–158; 12, с. 410; 15, с. 367–376].

Несмотря на то, что международное публичное право представляет собой особую систему права, оно, в то же время, характеризуется всеми свойствами, которые присущи праву вообще. Следовательно, в анализе содержания функций международного публичного права следует, прежде всего, опираться на современные представления о функциональной характеристике права, сложившиеся в теории права. В то же время, нельзя игнорировать тот факт, что международное публичное право принципиально отличается от национального права по предмету, субъектам, механизмам воспроизводства и приведения в действие, а также по ряду других параметров.

Одной из важнейших теоретико-правовых идей, значимых для решения интересующего нас вопроса, является мысль о том, что функции права не произвольны, определены его назначением и сущностью. Таким образом, чтобы решить вопрос о содержании

© Лановая Г. М., 2024

функций международного публичного права, важно понять, каково его назначение и чем оно характеризуется в сущностном плане.

Назначением права является упорядочение общественных отношений, причем такое упорядочение не является самоцелью: его социальный смысл состоит в том, что оно обеспечивает решение проблем, актуальных для действующих в его поле субъектов. Сказанное в полной мере справедливо в отношении международного публичного права — с тем уточнением, что речь идет о проблемах, актуальных для участников международных отношений.

В сущностном плане международное публичное право представляет собой самостоятельную систему права, регулирующую, прежде всего, политические взаимоотношения государств, а также их отношения с квазигосударствами, межгосударственными организациями и объединениями, а также другими субъектами мировой политики. Кроме того, в предмет регулирования международного публичного права входят экономические, правовые, культурные и иные отношения, однако именно как отношения политических субъектов. Таким образом, любые отношения, входящие в предмет регулирования международного публичного права, вне зависимости от их содержания, по сути предстают политическими отношениями. Посредством международного публичного права этим отношениям придается форма правовых отношений.

Принципиально важным моментом является то, что и характер проблем, актуальных для участников международных отношений, и круг отношений, регулируемых международным публичным правом, не остаются неизменными: они определяются огромным количеством факторов, среди которых далеко не последнюю роль играет воля основных «политических игроков». С учетом этого можно утверждать, что и круг функций, характерных для международного публичного права, с течением времени меняется.

Назначение международного публичного права преломляется как в функциях, универсальных для международного сообщества на любом историческом этапе его существования, так и в функциях, связанных с решением проблем, которые приобретают актуальность для участников международных отношений в конкретных исторических реалиях.

Если говорить об универсальных функциях, которые присущи международному публичному праву неизменно, то к ним следует отнести функции, с которыми связано появление международного права. Это те имманентно присущие международному публичному

праву способы возможного действия, существование которых изначально обуславливает вхождение государств в пространство международного публичного права в стремлении трансформировать существующие у них отношения с другими субъектами международной политики в отношения, правовые по форме.

Во-первых, это функции интеграции и координации. Международное публичное право обеспечивает объединение государств с тем, чтобы они в своем сотрудничестве, согласуя свои действия с учетом собственных национальных интересов, могли установить взаимовыгодный порядок, т. е. такой порядок, в рамках которого будет возможным удовлетворение интересов каждого из участников взаимодействия. Достижение указанного порядка требует согласования, а иногда и синхронизации действий на основе заранее установленных правил, определяющих границы и возможности политической активности участников межгосударственных отношений.

Во-вторых, в качестве самостоятельной универсальной функции международного публичного права также следует рассматривать функцию стабилизации. Стабильность миропорядка — условие прочного мира, осуществления прав человека, а также уверенности участников международных отношений в возможности реализации и защиты собственных интересов в системе таких отношений. Во второй половине XX в. основой реализации названной функции международного публичного права выступала доктрина взаимного ядерного сдерживания СССР и США как двух сверхдержав, после распада СССР — доктрина одностороннего превентивного применения вооруженной силы США и их союзниками. Очевидная неэффективность последней обусловила начало постепенного перехода к новой системе принципов обеспечения стабильного миропорядка — доктрине многополярного мира.

В-третьих, к числу универсальных функций международного публичного права относится функция обеспечения мира и безопасности. В этой связи не случайно то, что преамбула Устава ООН начинается с указания на преисполненность народов решимости «избавить грядущие поколения от бедствий войны», а также содержит упоминание о решении объединить силы «для поддержания международного мира и безопасности» [1].

Чаще всего, упоминая рассматриваемую функцию, подразумевают обеспечение мира и безопасности человечества, однако такое ее описание представляется излишне абстрактным, неконкретным. Прежде всего, речь идет о мире для самих участников

международного сообщества и об их собственной безопасности: «Именно для обеспечения своей безопасности государства прежде всего плодят многочисленные нормы международного права» [5, с. 16].

Неотъемлемость перечисленных функций для международного публичного права указывает на то, что оно обеспечивает в своем действии решение проблем, актуальных не только для международного сообщества в целом, но и для каждого отдельно взятого субъекта международной политической системы. Собственно, возможность реализации такими субъектами собственных интересов побуждает их становиться членами международного сообщества и делать все для того, чтобы оставаться в этом сообществе полноправными политическими акторами. Чем в большей мере нормы международного публичного права согласуются с собственными интересами действующих в международном политическом пространстве государств, тем в большей мере они заинтересованы в поддержании и обеспечении отношений, на этих нормах основанных.

В современных условиях рассмотренные универсальные функции находят свою конкретизацию в тех функциях международного публичного права, которые появляются у него в силу специфики тех угроз, с которыми сталкивается международное сообщество.

Функции интеграции и координации в современных условиях оказываются неразрывно связанными с поиском и реализацией эффективных решений внутригосударственных и региональных экономических, демографических, экологических и иных проблем, которые, изначально, не имея масштаба мировых, тем не менее, в условиях глобализации становятся фактором, негативно влияющим на все мировое сообщество. Особую актуальность в современных условиях приобретают, в частности, функции сохранения культурного разнообразия, борьбы с этническим национализмом, построения системы когнитивной безопасности, снижения инфляционных рисков, обеспечение энергетической безопасности, уменьшения степени влияния политических факторов на межгосударственные экономические отношения. Приведенный перечень функций не является исчерпывающим, так как проблем, приобретающих актуальность для участников международных отношений в существующих исторических реалиях, чрезвычайно много.

Функция стабилизации в современных условиях может найти свою реализацию лишь в условиях эффективного противодействия дезорганизующим мировой правопорядок, противоречащим нормам международного права действиям отдельных политических акто-

ров, а также их попыткам использовать международное публичное право для легитимации собственного неправомерного вмешательства во внутренние дела других государств, обоснования политических решений, создающих угрозу миру и безопасности. Такое противодействие сегодня приобретает значение самостоятельной функции международного публичного права.

Функция обеспечения мира и безопасности в современных условиях находит конкретизацию, например, в таких актуальных для международного публичного права функциях как противодействие международному терроризму, борьба с транснациональной организованной преступностью, борьба с киберпреступностью. Не менее актуальны такие функции как недопущение эскалации существующих региональных вооруженных конфликтов и предотвращение перерастания их в глобальную ядерную войну, борьба с «государственным терроризмом» — практикой поддержки и финансирования отдельными политическими акторами революций и переворотов в других странах, а также иными действиями, направленными на изменение общественно-политического строя в других государствах.

Рассуждая о функциях международного публичного права, далее следует упомянуть о существующем в современной теории права представлении о том, что право в своем функционировании связано не только с упорядочением общественных отношений, но и с самовоспроизводством и поддержанием собственной деятельности [11, с. 104, 108–109]. В этой связи и в науке международного права возникает мнение о том, что функции международного публичного права — это не только способы его «воздействия на межгосударственную систему и систему международных отношений», но и способы его «самосоздания и развития» [9, с. 10].

Представляется, что возникновение указанной точки зрения объясняется тем, что в условиях изменения параметров функционирования международного публичного права, когда становится очевидно, что оно не всегда действенно, и при этом традиционно действовавшие политические механизмы поддержания его эффективности перестают работать, возникает надежда на то, что проблему можно решить средствами самого права. Вместе с тем, закономерности и тенденции, характеризующие изменение системы международных отношений в современных условиях, заставляют усомниться в способности международного публичного права в своем функционировании обеспечивать собственное «самосоздание и развитие».

В отличие от национального права, международное право не может обеспечивать изменение параметров собственного функционирования, способствуя повышению или хотя бы сохранению существующего уровня собственной эффективности, так как в нем отсутствуют механизмы, подобные тем, которые существуют в национальном (внутригосударственном) праве. Механизмы воспроизводства и обеспечения действенности международного публичного права в силу самой специфики последнего — это всегда политические механизмы. Именно поэтому возможным оказывается превращение современного международного права в «поле битвы конкурирующих глобальных, региональных и национальных интересов» [13, с. 15]. Именно поэтому, несмотря на то, что существенному повышению эффективности действия международного публичного права в современных условиях могло бы способствовать создание правового механизма ответственности государств за нарушение международно-правовых норм, позволяющего «хоть как-то ограничивать и контролировать применение силы в современных международных отношениях» [16, с. 85], создать такой механизм не получается. Подготовленный в 2001 г. Комиссией международного права ООН Проект статей об ответственности государств был принят к сведению Генеральной Ассамблеи ООН, которая в своей резолюции отметила огромную значимость темы, которой данный проект посвящен, и постановила включить в предварительную повестку дня своей пятьдесят девятой сессии пункт, озаглавленный «Ответственность государств за международно-противоправные деяния». Осуществить данный проект до сих пор не удалось: очевидно, в силу того, что в рамках существующей системы международного права реализовать его объективно невозможно.

Принимая во внимание изложенное, можно утверждать: представление о том, что в числе функций международного публичного права имеются такие, которые отражают его «самосоздание и развитие», является следствием идеализации международного публичного права. С идеализацией последнего, вероятно, связано и приписывание ему ряда других функций, которые оно в действительности не выполняет. В частности, вряд ли можно согласиться с тем, что к числу его функций относится воспитательная функция [3]. Представляется, что названную функцию может выполнять лишь учебная дисциплина «Международное право», но не само международное право как система норм. Вызывает сомнения и то, что международное публичное право действительно в состоянии функцио-

нально обеспечивать социальную интеграцию мигрантов [7]: поскольку оно по-прежнему остается феноменом западной правовой культуры; в его рамках вряд ли могут формироваться «базовые, минимальные, а потому универсальные правовые ценности», на которые «смогут опираться люди по всему миру вне зависимости от ареала обитания» [7, с. 6].

Итак, международное публичное право, будучи предназначенным для упорядочения общественных отношений таким образом, чтобы обеспечивалось решение проблем, актуальных для действующих в международном политическом пространстве субъектов, характеризуется специфическим набором функций, среди которых одни функции являются универсальными, другие обуславливаются конкретным историческим контекстом. При этом парадоксальным образом средства и механизмы, которые в себе заключает международное публичное право, оказываются неэффективными в обеспечении действенности его самого: в отличие от национального (внутригосударственного) права международное публичное право не способно выполнять функции, связанные с самовоспроизводством и поддержанием собственной действенности. Наиболее очевидной справедливостью данного вывода оказывается в современных условиях, когда международное публичное право демонстрирует неспособность справиться с теми вызовами, адекватной и действенной реакции на которые от него ожидают, но при этом повысить эффективность международного публичного права правовыми средствами не удастся.

Список источников

1. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.; с поправками от 17 декабря 1963 г., 20 декабря 1965 г., 20 декабря 1971 г.) // URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>.
2. Александрина М. А. Реализация функций международного частного права в условиях цифровой экономики // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 21–27.
3. Армашова А. В. Воспитательная функция международного права как фактор формирования правовой компетентности студентов вуза // Право и государство: теория и практика. 2022. № 5(209). С. 115–120.
4. Бекашев К. А. Международное публичное право. М., 2019.
5. Ильин Ю. Д. Международное публичное право. М., 2008.
6. Клименко А. И. Международное право как особая форма права // Закон и право. 2019. № 9. С. 153–158.

7. Клименко А. И. Роль международного права как особой системы права в преодолении проблем межкультурного взаимодействия и социальной интеграции, связанных с миграционными процессами в современном мире // Миграционное право. 2020. № 4. С. 6–10.

8. Кузнецов М. Н., Понька В. Ф. О некоторых вопросах современного понимания сферы действия, функции и цели международного частного права // Копирайт. 2019. № 1. С. 42–50.

9. Ляхов Е. Г. К проблеме идентификации функций международного (публичного) права // Московский журнал международного права. 2007. № 3. С. 5–15.

10. Максименко С. Т. К вопросу о функциях международного частного права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4(105). С. 47–52.

11. Малахов В. П. Общая теория права и государства: курс лекций. М., 2018.

12. Малахов В. П., Эриашвили Н. Д. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М., 2011.

13. Малиновский А., Трикоз Е. Международное договорное нормотворчество как политический процесс // Международные процессы. 2020. Т. 18. № 2(61). С. 6–30.

14. Меньшенина Н. Н. Международное право. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016.

15. Палазян А. С. Современное право: функциональный аспект. М., 2009.

16. Сазонова К. Л. Международное право в меняющемся мире: вчера, сегодня, завтра // Государственная служба. 2014. № 3(89). С. 82–85.

References

1. Charter of the United Nations (San Francisco, June 26, 1945; as amended on December 17, 1963, December 20, 1965, December 20, 1971) // URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>.

2. Alexandrina M. A. Implementation of the functions of international private law in the digital economy // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 6. P. 21–27.

3. Armashova A. V. The educational function of international law as a factor in the formation of legal competence of university students // Law and the State: theory and practice. 2022. No. 5(209). P. 115–120.

4. Bekyashev K. A. International public law. M., 2019.

5. Ilyin Yu. D. International public law. M., 2008.

6. Klimenko A. I. International law as a special form of law // Law and Law. 2019. No. 9. P. 153–158.

7. Klimenko A. I. The role of international law as a special system of law in overcoming problems of intercultural interaction and social integration related to migration processes in the modern world // Migration law. 2020. No. 4. P. 6–10.

8. Kuznetsov M. N., Ponka V. F. On some issues of modern understanding of the scope, function and purpose of international private law // Copyright. 2019. No. 1. P. 42–50.

9. Lyakhov E. G. On the problem of identification of functions of international (public) law // Moscow Journal of International Law. 2007. No. 3. P. 5–15.

10. Maksimenko S. T. On the question of the functions of private international law // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2015. No. 4(105). P. 47–52.

11. Malakhov V. P. General theory of law and the state: course of lectures. M., 2018.

12. Malakhov V. P., Eriashvili N. D. Methodological and ideological problems of modern legal theory. M., 2011.

13. Malinovsky A., Trikoz E. International contractual rulemaking as a political process // International processes. 2020. Vol. 18. No. 2(61). P. 6–30.

14. Menshenina N. N. International law. Yekaterinburg : Ural University Publishing House, 2016.

15. Palazyan A. S. Modern law: a functional aspect. M., 2009.

16. Sazonova K. L. International law in a changing world: yesterday, today, tomorrow // Public Service. 2014. No. 3(89). P. 82–85.

Информация об авторе

Г. М. Лановая — профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

G. M. Lanovaya — Professor of the Department of theory of state and law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 18.06.2024; одобрена после рецензирования 16.07.2024; принята к публикации 12.08.2024.
The article was submitted 18.06.2024; approved after reviewing 16.07.2024; accepted for publication 12.08.2024.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-93-100>

EDN: <https://elibrary.ru/tlfeax>

ИПОН: 2003-0059-4/24-100

MOSURED: 77/27-003-2024-04-299

Механизм государства как категория публичного права

Виктория Михайловна Малиновская

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия, malinovskayavika@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается понятие механизма государства в рамках теории публичного права. Поднимаются дискуссионные вопросы о выделении в теории публичного права его отдельной составной части — учения о механизме государства. В рамках научной дискуссии о понимании механизма государства и его структурных элементов автор предлагает рассматривать «механизм государства» как общее понятие, объединяющее все структурные элементы, необходимые и достаточные государству для осуществления им своих задач и функций в процессе управления обществом. Несмотря на многообразие научных категорий и конструкций автор предлагает ввести в юридическую науку, наряду с правовой категорией «механизм государства», правовую конструкцию «модель механизма государства». Автор формулирует дефиницию «модели механизма государства» и дает краткую характеристику трем моделям механизма государства — демократической, теократической и партотократической. В качестве итогов исследования делается вывод о том, что модель механизма государства определяется двумя важными факторами, зависит от типа общества и типа государства.

Ключевые слова: публичное право, учение о механизме государства, понятие механизма государства, органы государственной власти, государственные учреждения, модели механизма государства, демократия, теократия, партотократия

Для цитирования: Малиновская В. М. Механизм государства как категория публичного права // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 93–100. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-93-100>. EDN: TLFEAX.

Original article

The mechanism of the state as a category of public law

Victoria M. Malinovskaya

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
(MGIMO University), Moscow, Russia, malinovskayavika@yandex.ru

Abstract. The concept of state mechanism in the framework of the theory of public law is considered. The author raises debatable questions about the allocation in the theory of public law of its separate constituent part — the doctrine of the mechanism of the state. Within the framework of scientific discussion on the understanding of the mechanism of the state and its structural elements, the author proposes to consider the «mechanism of the state» as a general concept that unites all the structural elements necessary and sufficient for the state to realize its tasks and functions in the process of governing society. Despite the diversity of scientific categories and constructions, the author proposes to introduce in legal science, along with the legal category «mechanism of the state», the legal construct «model of the mechanism of the state». The author formulates the definition of the «model of the mechanism of the state» and gives a brief characterization of three models of the mechanism of the state — democratic, theocratic and partocratic. As a result of the study it is concluded that the model of the state mechanism is determined by two important factors, depends on the type of society and the type of state.

Keywords: public law, the doctrine of the mechanism of the state, the concept of the mechanism of the state, public authorities, government institutions, models of the mechanism of the state, democracy, theocracy, partocracy

For citation: Malinovskaya V. M. The mechanism of the state as a category of public law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):93–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-93-100>. EDN: TLFEAX.

Исследование юридической природы государства и механизма осуществления государством его политической власти возможно в рамках изучения теории публичного права и ее составной части — учения о механизме государства. Теория публичного права начинает складываться еще во времена Античности,

свое дальнейшее развитие получает в эпоху Средневековья и окончательно формируется в странах Западной Европы в XIX в. — в эпоху утверждения доктрины правового государства.

Антропологи и историки права утверждают: процесс отделения публичного права от частного права

© Малиновская В. М., 2024

длится несколько веков. Этот процесс достаточно подробно описал известный французский политолог, историк права, специалист по административному праву, профессор Морис Ориу (1856–1929) в своей книге «Основы публичного права», опубликованной им в 1910 г. моделей [7]. Публичное право сформировалось как право публичной власти или право, имеющее своей целью регулировать, прежде всего, политику государства.

Отметим, что публичное право выделилось в связи с особенностями и природой общественных отношений, входящих в предмет его регулирования. Предмет публично-правового регулирования составляют общественные отношения, возникающие в сфере организации и функционирования публичной власти, так называемые публично-правовые отношения. Современные ученые-юристы признают, что публичное право должно регулировать такие общественно значимые вопросы, как: устройство и функционирование государства, его институтов; институты гражданского общества; механизм и уровни самоуправления; основы правовой системы, правотворчества и правоприменения; принципы, нормы и институты межгосударственных отношений и международных организаций. Система знаний об устройстве и функционировании государства представляет собой учение о механизме государства.

Публичное право опирается на свой понятийно-категориальный аппарат. Основными категориями публичного права являются: публичный интерес, публичная власть, публичный порядок, публично-правовая деятельность и публично-правовая политика, а также механизм государства и его функции, модели механизма государства, механизм публично-правового регулирования, пределы и способы публично-правового регулирования.

Итак, рассмотрим центральную часть теории публичного права — учение о механизме государства и основные категории этого учения. Учение о механизме государства формировалось вместе с политической наукой. Одним из первых западных теоретиков учения о сильном и справедливом государстве и механизме осуществления им своей власти является великий итальянский мыслитель эпохи Возрождения Никколо Макиавелли (1469–1527). Он создал политическую науку, обобщил исторический опыт развития государственности и доказал, что политическое искусство, т. е. управление государством, зависит от

природы человека, существующих политических групп и интересов.

Итальянский философ рассматривал государство в его динамичном развитии. Он считал, что государство развивается циклично. Постоянно происходит смена форм правления — демократии, аристократии, монархии сменяются на противоположные им формы правления — анархии, олигархии, тирании. Смена форм правления обусловлена нравственным состоянием народа, которое является своего рода «материей» государства. «Наиболее предпочтительным для правильного правления, — утверждал Макиавелли, — должно стать «смешанное государство», сочетающее элементы трех «правильных» типов власти — правления одного (монархии), лучших (аристократии) и народа (демократии)» [5, с. 248]. Говоря современным научным языком Макиавелли описал механизм идеального государства. По мнению философа идеальное государство — это сильное и справедливое государство, которое представляет собой устойчивую политическую организацию власти.

В разработку западного учения о механизме государства значительный вклад внесли философы разных исторических эпох: Ж. Боден, Т. Гоббс, Д. Локк, П. Ф. Лилиенфельд, А. Шеффле, Р. Вормс, И. К. Блюнчли, Г. Спенсер, Ф. Ратцель, М. Вебер и многие другие¹. Еще задолго до формирования учения о механизме государства в западной политической науке идеи о механизме правления зародились в этико-фи-

¹ Значительное место в западном учении о механизме государства занимает органическая теория происхождения государства. Согласно этой теории, государство является результатом эволюции, проходит свое развитие от зародыша до современного состояния путем усложнения структуры и дифференциации функций. Основатель органической теории — английский ученый Герберт Спенсер (1820–1903) в своей работе «Основные начала» (1862) сопоставил государство с живым организмом. Он утверждал, что в процессе естественного отбора формируется и совершенствуется государственная власть.

Сторонники органической теории: П. Ф. Лилиенфельд (Россия), А. Шеффле (Германия), Р. Вормс (Франция) сравнивали государство с организмом живого человека. В таком сравнении эти ученые представляли правителей государства в качестве мозга, а подданных — тела, выполняющего его приказы. Швейцарский юрист И. К. Блюнчли (1808–1881) в своем труде «Исследования о государстве и церкви» (1844) провел параллель между государством и семнадцатью органами человеческого тела, сравнив, в том числе, внутреннее управление с памятью, народное просвещение со зрением и т. д. И. К. Блюнчли считал, что «государственная форма человеку необходима как вода рыбе или воздух птице» [18, с. 304].

лософских учениях Древнего Востока (брахманизме, буддизме, конфуцианстве, легизме и др.)².

Основные идеи учения о механизме государства можно проследить в учении о геополитике немецкого географа, этнографа и социолога Фридриха Ратцеля (1844–1904). Ключевые положения антропогеографической теории Ф. Ратцель изложил в своей книге «Политическая география», опубликованной в 1897 г.³.

В своей политической социологии немецкий мыслитель Макс Вебер (1864–1920) большое внимание уделял изучению типов государств и их функций. Раскрывая природу политической власти и государства как естественной организации, обладающей монополией на законное применение силы, Макс Вебер описал механизм бюрократического государства и раскрыл роль бюрократии в этом механизме. Макс Вебер является создателем классической теории бюрократии. По мнению мыслителя, в основе механизма современного государства должна лежать позитивная, рациональная бюрократия, которая делает этот механизм качественным и эффективным.

На протяжении многих веков мыслителей-философов, социологов, политологов, историков, юристов, государствоведов интересовал вопрос о правильном устройстве государства. Главную задачу ученые видели в раскрытии механизма государства и принципов его эффективного функционирования. Западная политическая наука значительно обогатила юридическую науку теоретическими знаниями о механизме государства.

До сих пор в современной теории государства и права, как и в теории государственного управления, термин «механизм государства» рассматривается неоднозначно и в различных аспектах [4]⁴.

Анализируя различные научные точки зрения, полагаем можно признать, что механизм государства является той организационной и материальной силой, с помощью которой государство осуществляет свою власть и управляет обществом. Эта управленческая сила существует благодаря определенной системе, созданной самим обществом или, по словам Н. Макиавелли, его «организованным меньшинством». Итак, под *механизмом государства* сле-

² Как правило, древневосточные этико-философские учения содержали знания об идеальном правителе, о его личных качествах и традиционных добродетелях (справедливости, доброте, храбрости, образованности). Мудрецы, философы или жрецы выступали наставниками и учителями правителя в овладении искусством управления государством. Эти знания имели больше прикладной, чем теоретический характер. С точки зрения западной политической науки эти знания сложно назвать учением о механизме государства.

³ По мнению Ф. Ратцеля, государство — это организм, который рождается, живет, стареет и умирает; рост государства как организма обусловлен «почвой»; свойства государства составлены из свойств народа и территории; «исторический пейзаж» накладывает отпечаток на гражданина государства; во всем у человека ощущается зависимость от природы. Ф. Ратцель утверждал, что государство складывается как организм, привязанный к определенной части поверхности земли, а его характеристики развиваются из характеристик народа и почвы. «Государства, — писал ученый, — на всех стадиях своего развития рассматриваются как организмы, которые с необходимостью сохраняют связь со своей почвой и поэтому должны изучаться с географической точки зрения. Как показывают этнография и история, государства развиваются на пространственной базе, все более и более сопрягаясь и сливаясь с ней, извлекая из нее все больше и больше энергии. Таким образом, государства оказываются пространственными явлениями, управляемыми и оживляемыми этим пространством; и описывать, сравнивать, измерять их должна география» [19, с. 3].

⁴ Большинство ученых-юристов под механизмом государства понимают аппарат государства, а именно систему его органов, с помощью которых осуществляется государственная власть. Согласно такому подходу, понятия «механизм государства» и «аппарат государства» употребляются как синонимы. Так, В. Д. Перевалов считает, что при этом «механизм (аппарат) государства определяется как специально созданная постоянно действующая иерархическая система государственных органов, учреждений и должностных лиц, осуществляющих государственную власть, задачи и функции государства» [11, с. 84]. Профессор В. М. Сырых также рассматривает понятие механизма государства через систему его органов и определяет его как «совокупность государственных органов, осуществляющих государственную власть и обеспечивающих реализацию функций государства» [10, с. 48].

Известные ученые Н. И. Матузов и А. В. Малько обосновывают, что «механизм современного государства отличается высокой степенью сложности, многообразием составляющих его частей, блоков, подсистем». По их мнению, под структурой механизма государства следует понимать его внутреннее строение, порядок расположения его звеньев, элементов, их соподчиненность, соотношение и взаимосвязь [6, с. 46]. Профессор М. Н. Марченко в своих работах определяет государственный механизм как «совокупность различных органов, осуществляющих управление обществом, реализующих основные направления государственной деятельности». В государственный механизм Н. М. Марченко включает «законодательные, судебные и иные органы, а также силовые структуры, осуществляющие в случае необходимости меры принуждения» [12, с. 14]. Профессор Л. П. Рассказов пишет, что «...механизм государства представляет собой совокупность государственного аппарата, государственных структур, обеспечивающих реализацию государственно-властных предписаний, государственных предприятий и учреждений, рассматриваемую в состоянии динамики (движения), во взаимодействии между собой в целях осуществления функций государства» [9, с. 82].

дует понимать «систему государственных органов, учреждений и служащих, с помощью которых государство осуществляет свои задачи и функции» [13, с. 255].

Механизм государства — это общее понятие, которое объединяет все структурные элементы, необходимые и достаточные государству для осуществления своих задач и реализации своих функций в процессе управления обществом⁵.

Органы государственной власти и государственные учреждения (государственные корпорации и предприятия) состоят из государственных служащих и иных работников. Как правило, не все работники государственных органов, государственных учреждений (корпораций и предприятий) являются государственными служащими. Это зависит от модели государственной службы, действующей в государстве. Государственные служащие выполняют государственные функции по обеспечению исполнения полномочий представителей государственной власти (парламентариев, министров, судей, прокуроров). Важное значение в институте государственной службы имеет государственная должность. Государственные служащие, которые имеют право в пределах своей компетенции совершать властные действия, влекущие правовые последствия, именуются должностными лицами⁶.

В этой связи хотелось бы напомнить, что западная теория публичного права использует термин «публичное должностное лицо». В Конвенции ООН против коррупции 2003 г. [1] применяется данный термин, значение которого раскрыто в ст. 2 Конвенции. В соответствии с международными стандартами по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) приняла в 2013 г. Руководство по публичным должностным лицам (Рекомендации ФАТФ 12 и 22), в котором также поясняется данный термин. На сегодняшний день и в российском законодательстве используется термин «публичное должностное лицо», а именно в Федеральном законе «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [2]. Поэтому для отечественной правовой доктрины представляет большой интерес разработка унифицированной дефиниции понятия публичного должностного лица.

В юридической науке рассматриваются различные классификации систем (моделей) государственных

органов и классификации моделей государства. Так, например, профессор В. Е. Чиркин, «принимая во внимание господствующую в стране идеологию, политическую доктрину и конституционно-правовую концепцию, различает три основные современные модели систем государственного аппарата: централизованно-сегментарную, моноцефальную и монотеократическую» [16, с. 177].

Централизованно-сегментарная модель складывается из нескольких видов различных органов, формируемых неодинаковыми способами. Эта система неразрывно связана с концепцией разделения властей и системой сдержек и противовесов. На основе этой модели органами государственной власти являются только центральные органы, функционирующие в масштабе всего государства (глава государства, парламент, правительство и др.), а также их представители (назначаемые губернаторы) на местах. Местные выборные органы рассматриваются в данной модели как органы местного самоуправления и имеют особую сферу деятельности. Такая модель характерна для современных демократических государств. Она особенно эффективна в условиях политической стабильности в стране, прочного политического плюрализма и высокого уровня политической культуры.

⁵ К структурным элементам механизма государства следует отнести: органы государственной власти (аппарат государства), государственные учреждения (государственные корпорации и предприятия), государственных служащих и иных работников органов государственной власти, государственных учреждений (государственных корпораций и предприятий), организационные, материальные и финансовые средства, принудительную силу. Понятие «аппарат государства» уже, чем понятие «механизм государства». Эти два понятия соотносятся как часть (аппарат государства) и целое (механизм государства).

⁶ В современном российском законодательстве отсутствует единое понятие должностного лица. Понятие должностного лица используется во многих отраслях российского права. Термин «должностное лицо» применяется в Уголовном кодексе РФ, Налоговом кодексе РФ, КоАП РФ, Земельном кодексе РФ, ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и некоторых других нормативных правовых актах. Но при этом значение термина раскрыто по-разному. Такие различия вызваны разными сферами применения правовых норм, и данная специфика разъясняется в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. В российском законодательстве и юридической науке не имеется единой законодательной и унифицированной доктринальной дефиниции понятия должностного лица. Единая законодательная дефиниция не появится, пока в юридической науке не будет разработана единая доктринальная дефиниция этого понятия, применимая во всех отраслях российского права.

Моноцефальная модель («цефале» по-древнегречески — голова) основана на противоположных принципах; концепция разделения властей и система сдержек и противовесов в данном случае отвергается, а исходным началом служит принцип единства государственной власти сверху донизу. Во главе этой системы стоит лицо (фюрер, дуче, каудильо и др.) или орган, обладающий всей полнотой власти и наделяющий ею все нижестоящие органы; преобладает назначаемость нижестоящих органов вышестоящими; структура носит жестко иерархический характер. Вся система государственных органов персонифицирована и пирамидальна по своей структуре. Местные органы власти представляют собой не органы местного самоуправления, а органы государства. Подобная модель характерна для диктаторских режимов и удобна для осуществления массового террора. Моноцефальная система складывается обычно в условиях политической нестабильности в послереволюционные периоды либо в результате военных переворотов. Для осуществления массового насилия (террора) эта модель является наиболее удобной.

Монотеократическая модель существует в ряде государств, где религия (например, ислам) провозглашена официальной идеологией (например, в Иране, Саудовской Аравии, Катаре, ОАЭ, Бахрейне, Брунее и др.). Эта модель сочетает единовластие главы государства, основанное на религиозных догмах, и сохранение родовых (общинных, племенных) порядков, освященных религией. Глава государства является одновременно и высшим духовным лицом общества. При монотеократической модели отсутствуют разделение властей и парламентаризм. Монотеократическая система государственных органов обеспечивает политическую и социальную стабильность в государстве, несмотря на замену одного монарха другим. Эта система действует за счет духовного (религиозного) принуждения, как правило неосознанного членами общества⁷.

Так, профессор Т. Я. Хабриева отмечает, что «конституция как основной закон государства описывает конституционную модель механизма государства» [15, с. 20]. Действительно, термин «модель механизма государства» используется как в теории государства и права, так и в науке конституционного права. Однако, российская правовая доктрина еще не выработала универсальную дефиницию мо-

дели механизма государства. Это обстоятельство, возможно, объясняет неправильное применение понятия «модель механизма государства» при изучении государственной власти и ее механизма⁸.

Несмотря на многообразие научных категорий и конструкций предлагаем ввести в науку публичного права, наряду с правовой категорией «механизм государства», правовую конструкцию «модель механизма государства». *Модель механизма государства* — это определенная правовая конструкция, представляющая собой совокупность структурных частей механизма государства, а также принципов его организации и функционирования.

В зависимости от природы государственной власти и особенностей ее устройства (демократии, теократии и партократии) можно выделить три модели механизма государства: демократическую, теократическую и партократическую.

Демократическая модель механизма государства различается в зависимости от типа демократии. Следует выделять демократическую модель механизма античного государства (например, в период существования античной демократии в Афинах, Спарте, Древнем Риме). В современном мире государства, которые провозгласили себя демократическими, создают и используют современную демократическую модель механизма государства. Демократическая модель устройства органов государственной власти основана на принципе разделения властей и системе сдержек и противовесов, верховенстве права, гарантированности прав и свобод человека и гражданина, обеспечена правом граждан на свободные выборы и участие в полити-

⁷ Вместе с выделением моделей систем государственного аппарата профессор В. Е. Чиркин пишет о существовании «разных моделей государства в условиях современных цивилизаций: модели государства социально-демократического капитализма, мусульманской модели государства, модели государства тоталитарного социализма» [17, с. 14]. Он описывает плюсы и минусы этих моделей и приводит примеры влияния одних моделей на другие, называя их цивилизационными моделями.

⁸ Профессор В. С. Осипов в своей научной статье «Модели механизмов государства: институциональный и историко-правовой анализ» представил отдельные типы государства как типы или модели механизмов государства. Он выделил: «бюрократическое, сервисное, цифровое и несформировавшееся (несостоявшееся) государства как разные модели механизма государства» [8, с. 162]. Из этой классификации следует, что для разных типов государств характерны разные модели механизма государства.

ческой жизни общества. Основу государства с таким механизмом государственной власти составляет развитое гражданское общество.

Теократическая модель государства предполагает соединение религиозной и государственной властей. Главные функции в государстве осуществляет Верховный религиозный лидер. Теократическая модель установилась в Саудовской Аравии, Афганистане, Ираке, Брунее, Ватикане и других государствах, где существует единая обязательная государственная религия. Термин «теократия» означает, что источником государственной власти является Бог (от др.-греч. «θεός» — Бог, «κράτος» — власть). Теократическая модель механизма государства основана на следующих принципах: санкционированности государственной власти Богом, непогрешимости главы государства, иерархичности и централизации государственной власти, единства государственной религии. Основу теократического государства составляет религиозное общество.

Так, например, И. А. Алебастрова в своей работе «Процессы секуляризации и клерикализации в современном мире: поиски конституционного баланса» выделяет следующие черты теократического механизма государства в Саудовской Аравии, которые закреплены главным образом в Основном низаме правления Королевства Саудовская Аравия 1992 г. И. А. Алебастрова поясняет, что «вся власть и управление в Королевстве Саудовская Аравия должны быть основаны на Коране и Сунне (ст. 7 Основного низама), целью государства провозглашается защита исламской веры, а его обязанностью — распространение ислама (ст. 23). Ислам объявляется и главной ценностью, на которой базируются саудовское общество, государство и семья (ст. 9, 10, 11). Король, являющийся «высшей инстанцией всех видов власти» (ст. 44), проводит национальную политику в соответствии с нормами ислама и применением исламского шариата (ст. 55). Все высшие должностные лица и парламентарии при получении мандата приносят клятву на преданность религии (ст. 11 Положения об учреждении Меджлиса аль-Шуры Королевства Саудовская Аравия 1992 г., ст. 4 Положения о Совете министров Королевства Саудовская Аравия 1993 г.). Суды осуществляют свои полномочия, руководствуясь исключительно шариатом (ст. 46, 48). Главная цель образования — привить подрастающему поколению исламскую веру

(ст. 13). Права человека признаются только в соответствии с шариатом (ст. 26), при этом свобода совести среди них не упоминается, зато защита исламской веры объявляется долгом и обязанностью каждого подданного (ст. 34)» [3, с. 130].

Партократическую модель механизма государства можно наблюдать в Китайской Народной Республике, Корейской Народно-Демократической Республике, Социалистической Республике Вьетнам и других социалистических государствах. Партократическая модель государства предполагает слияние партийной и государственной властей. Пост главы государства занимает Высший партийный руководитель — Председатель (Генеральный секретарь) официальной партии (единственной или господствующей в политической системе). Такая модель механизма социалистического государства основана на принципах единства государственной власти, демократического централизма и верховенства партийных решений. Основу социалистического государства составляет общество рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, признающих руководящую роль в их жизни правящей партии.

Модель механизма государства определяется двумя важными факторами, зависит от типа общества и типа государства. Демократическая модель механизма государства формируется на основе гражданского общества и при условии построения государства демократического типа. Демократическое государство характеризуется светским характером государственной власти и обусловлено поликонфессиональностью гражданского общества.

Теократический механизм государства представляет собой иерархическую систему государственно-религиозных органов и учреждений, осуществляющих государственную власть и ответственных за свою деятельность перед Богом (Аллахом). Государство с теократическим механизмом устанавливается в моноконфессиональном религиозном обществе (католическом или исламском) на основе принципа единства государственной религии.

Партократический механизм складывается в государстве, которое управляет атеистическим обществом. Атеистическим считают общество, объединяющее людей с атеистическим мировоззрением. Вместо единой государственной религии в таком государстве устанавливается единая государственная идеология (коммунистическая, социалистическая,

маоизм, чучхе или др.). Государство с партократическим механизмом относится по типу к патерналистскому государству⁹.

В качестве краткого заключения отметим следующее. Для современного гражданского общества очень важно, насколько эффективным будет механизм государства, управляющего этим обществом. В этой связи очень важным представляется изучение в рамках теории публичного права учения о механизме государства. Механизм отдельных государств отличается своей моделью. Модель механизма государства определяется двумя важными факторами, зависит от типа общества и типа государства.

Список источников

1. Конвенция ООН против коррупции (принята ГА ООН 31 октября 2003 г.) // СПС «Консультант-Плюс».
2. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 11 марта 2024 г.) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Алебастрова И. Процессы секуляризации и клерикализации в современном мире: поиски конституционного баланса // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 5(114). С. 117–136.
4. Кравчук В. Н. Современный механизм государства: некоторые теоретико-правовые аспекты // Мир политики и социологии. 2013. № 12. С. 21–26.
5. Макиавелли Н. Государь. Жизнь Никколо Макиавелли / сост. Ю. В. Артемьева. СПб. : Лениздат, 1993.
6. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М. : Юрист, 2004.
7. Ориу М. Основы публичного права: моногр. М. : Инфра-М, 2019.
8. Осипов В. С. Модели механизмов государства: институциональный и историко-правовой анализ // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 161–165.
9. Рассказов Л. П. Теория государства и права: углубленный курс: учебник. М. : Инфра-М, 2015.
10. Сырых В. М. Теория государства и права: учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2012.
11. Теория государства и права / отв. ред. В. Д. Порева. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2021.
12. Теория государства и права / под ред. Н. М. Марченко. М. : Зерцало, 2004.
13. Теория права и государства: учеб. пособие / А. А. Малиновский, В. М. Малиновская, Е. А. Рыжкова [и др.]; под ред. А. А. Малиновского. М., 2019.
14. Теория права и государства: учеб.-метод. пособие / авт.-сост. А. А. Малиновский, В. М. Малиновская, А. М. Михайлов и [др.]; под ред. А. А. Малиновского. М. : Блок-Принт, 2023.
15. Хабриева Т. Я. Конституция Российской Федерации: самобытность, стабильность и развитие (к 30-летию Основного Закона России) // Журнал российского права. 2023. № 12. С. 5–21.
16. Чиркин В. Е. Основы сравнительного государственоведения. М. : Артикул, 1997.
17. Чиркин В. Е. Современная концепция государственоведения. М. : Юриспруденция, 2010.
18. Bluntschli J. C. Psychologische Studien über Staat und Kirche. Zürich, Ch. Beyel, 1844.
19. Ratzel F. Die politische Geographie. München, R. Oldenbourg, 1923.

References

1. The UN Convention against Corruption (adopted by the UN General Assembly on October 31, 2003) // LRS «ConsultantPlus».
2. Federal Law No. 115-FZ of August 7, 2001 (ed. March 11, 2024) «On Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism» // LRS «ConsultantPlus».
3. Alabasterova I. The processes of secularization and clericalization in the modern world: the search for a constitutional balance // Comparative Constitutional Review. 2016. No. 5(114). P. 117–136.
4. Kravchuk V. N. The modern mechanism of the state: some theoretical and legal aspects // The world of politics and sociology. 2013. No. 12. P. 21–26.
5. Machiavelli N. Sovereign. The life of Niccolo Machiavelli / comp. Yu. V. Artemyeva. St. Petersburg : Lenizdat, 1993.
6. Matuzov N. I., Malko A. V. Theory of state and law: textbook. M. : Jurist, 2004.
7. Oriu M. Fundamentals of public law: monograph. M. : Infra-M, 2019.

⁹ В учебно-методическом пособии «Теория права и государства» под редакцией А. А. Малиновского (М., 2023) приведены схемы трех моделей механизма государства, на которых показана специфика этих моделей [14, с. 370–372].

8. Osipov V. S. Models of state mechanisms: institutional and historical-legal analysis // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 7. P. 161–165.

9. Rasskazov L. P. Theory of state and law: advanced course: textbook. M. : Infra-M, 2015.

10. Syrykh V. M. Theory of state and law: textbook for universities. 6th ed., reprint. and additional. M. : Justicinform, 2012.

11. Theory of State and Law / ed. by V. D. Perevalov. 5th ed., reprint. and additional. M. : Norm, 2021.

12. Theory of State and law / edited by N. M. Marchenko. M. : Zertsalo, 2004.

13. Theory of law and state: studies. manual / A. A. Malinovsky, V. M. Malinovskaya, E. A. Ryzhkova [et al.]; edited by A. A. Malinovsky. M., 2019.

14. Theory of law and the State: studies.-method. the manual / author-comp. A. A. Malinovsky, V. M. Malinovskaya, A.M. Mikhailov and [others]; edited by A. A. Malinovsky. M. : Blok-Print, 2023.

15. Khabrieva T. Ya. Constitution of the Russian Federation: identity, stability and development (to the 30th anniversary of the Basic Law of Russia) // Journal of Russian Law. 2023. No. 12. P. 5–21.

16. Chirkin V. E. Fundamentals of comparative statecraft. M. : Article, 1997.

17. Chirkin V. E. Modern concept of statecraft. M. : Jurisprudence, 2010.

18. Bluntschli J. C. Psychologische Studien über Staat und Kirche. Zürich, Ch. Beyel, 1844.

19. Ratzel F. Die politische Geographie. München, R. Oldenbourg, 1923.

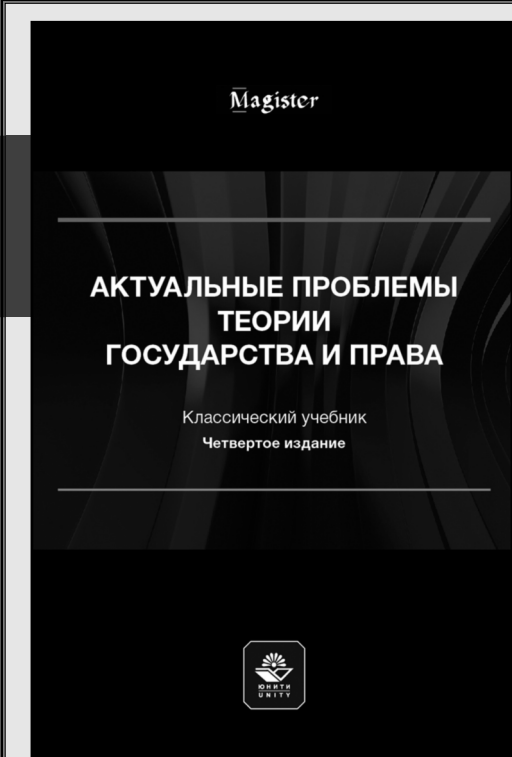
Информация об авторе

В. М. Малиновская — доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. M. Malinovskaya — Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 21.07.2024; принята к публикации 14.08.2024.
The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 21.07.2024; accepted for publication 14.08.2024.

	АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА Учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник» Гриф НИИ образования и науки Под ред. А. И. Клименко, М. М. Рассолова; под общ. ред. В. П. Малахова, В. В. Оксамытного Исследуются проблемы предмета и методов теории государства и права, новые теоретические аспекты происхождения права и государства, проблемы государственной власти в условиях глобализации, признаки, типология, строение и функции современного государства. Рассматриваются сущность и парадигмы права, новые подходы к формам, правотворчеству и систематизации нормативно-правовых актов, а также вопросы теории правоотношений, реализации, толкования норм права и ответственности в демократическом обществе. Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, всех интересующихся проблемами развития государства и права.

Научная статья

УДК 34.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-101-104>

EDN: <https://elibrary.ru/smqush>

ИПОН: 2003-0059-4/24-101

MOSURED: 77/27-003-2024-04-300

Методологические принципы юридической антропологии

Наталья Федоровна Медушевская

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, Sapfo2@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы юридической антропологии как раздел философии права, предметом которой является правовой человек в его мировоззренческой, социокультурной и исторической идентичности. Анализируется понятие идентичности, а также причины ее хрупкости в современных цивилизационных условиях. Выделяются общие и специфические закономерности социально-гуманитарного познания, в рамках которых формируется юридическая антропология и ее основные принципы, соответствующие требованиям постнеклассической науки: целостности, фактологичности, коммуникативности, семиотичности, системности, аксиологичности, телеологичности, контекстуальности.

Ключевые слова: юридическая антропология, хрупкость идентичности, целостность, системность, ценность, правовой человек, коммуникация, телеология

Для цитирования: Медушевская Н. Ф. Методологические принципы юридической антропологии // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 101–104. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-101-104>. EDN: SMQUSH.

Original article

Methodological principles of legal anthropology

Natalia F. Medushevskaya

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, Sapfo2@yandex.ru

Abstract. The problems of legal anthropology are considered as a section of the philosophy of law, the subject of which is the legal person in his worldview, socio-cultural and historical identity. The concept of identity is analyzed, as well as the reasons for its fragility in modern civilizational conditions. The general and specific patterns of socio-humanitarian cognition are highlighted, within the framework of which legal anthropology and its basic principles are formed, corresponding to the requirements of post-nonclassical science: integrity, factual, communicative, semiotic, systematic, axiological, teleological, contextual.

Keywords: legal anthropology, fragility of identity, integrity, consistency, value, legal person, communication, teleology

For citation: Medushevskaya N. F. Methodological principles of legal anthropology. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):101–104. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-101-104>. EDN: SMQUSH.

Обращаясь к юридической методологии, отметим, что ее институционализация осуществляется под влиянием философско-правовых и теоретико-правовых концепций, формирование благодаря неокантианству самостоятельной методологии социально-гуманитарных наук в конце XIX — начале XX в., психоаналитических парадигм научного знания, выдвижение на передний план проблемы человека, его судьбы и смысла бытия в мире. Этот поиск смысловых интенций в юридической антропологии позволяет наполнить уже имеющееся и развивающееся эмпирическое знание новыми концептуальными подходами и методологическими установками.

Рассмотрим юридическую антропологию как раздел философско-правового знания, в котором ос-

новным объектом исследования становится правовой человек в его мировоззренческой, социокультурной, аксиологической и исторической идентичности. Историческая идентичность выстраивается в зависимости от приобщения личности к культурным кодам, осмысления ею исторических пластов, от ее интерпретационных и коммуникативных возможностей, опыта и открытости. Историческая идентичность формируется в соответствии с активной жизненной позицией индивида, с осознанием своей целостности и сопричастности окружающему социальному миру, что делает ее весьма актуальной, но, в то же время, неустойчивой в современных цивилизационных условиях и вызовах. Обращаясь к теме идентичности, П. Рикер отмечает ее хрупкость, выделяя следующие

© Медушевская Н. Ф., 2024

причины этого явления: темпоральный аспект; взаимодействие с другим, которое есть угроза собственной самостоятельности и самовыраженности; традиции насилия, которые формировались на протяжении цивилизационного развития.

Именно эти причины, воспринимаемые как угрозы, позволяют французскому мыслителю сделать вывод, касающийся вопроса общественной безопасности, гарантом которой может выступать государство: «Именно безопасности в сильном значении этого слова, которая каким-то образом действует в ответ на страх смерти на институциональном уровне, индивиды и ждут от Государства» [5, с. 176].

Выделив причины хрупкости идентичности, П. Рикер обращается к характеристике исторического сознания, которые связаны между собой диалектически. Историческое сознание обладает следующими чертами: первая — это «пространство опыта», которое непосредственно выходит на ожидания исторического будущего. Вторая черта — «живое настоящее культуры», оно определяется взаимодействием пространства опыта и теми ожиданиями, которые предполагают активное вторжение в жизнь с целью создания нового событийного пространства. Третья черта исторического сознания предполагает «чувство ориентации в потоке времени» [5, с. 200]. Она связана со смысловыдвижением, что придает историческому сознанию новую качественную определенность.

Итак, хрупкость идентичности напрямую вызывает деформацию исторического сознания благодаря своей неустойчивости, нестабильности и изменчивости. Но следует подчеркнуть еще один аспект, имеющий непосредственное отношение к сохранению своей исторической идентичности и преодолению ее хрупкости, — это воспроизводство традиции. Как отмечает П. Рикер, «вырванная из диалектического отношения между пространством опыта и горизонтом ожидания, о чем речь шла выше, традиция сводится к выпавшему в осадок и окаменевшему отложению, которое одних возбуждает, тогда как другие стремятся скрыть его, зарыть в землю» [5, с. 202].

Следовательно, осуществить реконструкцию отечественного исторического сознания и утвердить свою идентичность возможно только на основе рационально исследованного прошлого страны с учетом ее традиций, особенностей и событийности, исходя из языческого смыслового комплекса и христианско-православных истоков нашей культуры. Но

традиция не должна рассматриваться окаменевшей, ее сила в живом характере воплощения.

Юридическая антропология относится к социально-гуманитарному знанию, поэтому те закономерности, которые лежат в его основе, характерны и для юридической антропологии. Выделим общие и специфические закономерности, которые ее характеризуют на этапе современной постнеклассической науки. Так, к общим закономерностям развития научного знания на этапе современной науки отнесем те, которые имеют отношение к предмету юридической антропологии:

- ♦ расширение практикоориентированности научного знания;
 - ♦ социокультурная детерминация научного знания;
 - ♦ зависимость научного знания от мировоззренческих констант;
 - ♦ междисциплинарное взаимодействие методов, гипотез, концепций и теорий из разных областей науки — как естествознания, так и гуманитаристики.
- Если предшествующие закономерности распространяются на все научное знание, то следующие относятся к числу специфических закономерностей исключительно социально-гуманитарного знания:
- ♦ зависимость от противоречивого и глубоко изменчивого исторического контекста с учетом убывающего социального времени;
 - ♦ рефлексивный и эмоционально-выразительный характер дискурса [2, с. 241];
 - ♦ понимание человека как создателя культуры, обладающего эвристическими способностями по превращению природного мира в социальный.

Исходя из перечисленных закономерностей, определим некоторые принципы современной юридической антропологии.

1. Принцип целостности. В истории права это принцип означает открытие человека в истории права и через историю права в совокупности рационально-логических, биологических, ментальных, психофизических способностей. В начале XX столетия с особой остротой встал вопрос о целостности человека, понимание которого было раздроблено в различных областях научного знания и порой противоречиво отображало человека. Только целостность дает нам представление о человеке как системе психофизических, ментальных, социальных, эмоционально-аффективных особенностях. Открывается бездна внерациональных составляющих индивида, которого уже не

возможно и непродуктивно сводить исключительно к рационально-логическим качествам и свойствам.

2. Принцип фактологичности. Опора на факт необходима научному знанию для создания той эмпирической базы, на которой строится научная теория. И в этом плане большую роль играют именно исторические науки, поскольку они опираются на источники. Источниковедение способствует формированию целостного взгляда на человека, необходимого и в юридической антропологии. Источниковедческий подход имеет своей целью «познание людей во времени, человека как тотальной целостности его социальных, психологических, биологических и других свойств, и прежде всего познание человеческой мысли» [4, с. 201]. В силу сказанного, определение сущности правового человека или человека в праве возможно путем включения в ткань правового нарратива того чувственно-эмоционального, аффективного, глубинного, что предопределяет правовую или неправовую модель поведения субъекта, находящегося в правовом поле.

3. Принцип коммуникативности. Принцип коммуникативности означает способность современной юридической науки адаптировать и синтезировать данные различных областей научного знания, которые ранее, в классической науке, считались очень далекими от юриспруденции.

4. Принцип аксиологичности. Означает ценностную окрашенность жизненного мира, мотиваций и ожиданий индивида. Структура правовой личности складывается в период правовой социализации согласно смыслам правовой культуры конкретного социума. «Ценностный подход к анализу права и правовой культуры состоит, на наш взгляд, в следующем. Первое — в рассмотрении действительной приверженности социального субъекта определенным ценностным объектам и второе — в утверждении методологической позиции ученого, которая состоит в открытом провозглашении своей приверженности определенному качественному характеру правовой системы» [6, с. 163].

5. Принцип символичности. Символы оказывают фундаментальное и решающее воздействие на правовую коммуникацию. Использование смысла обнаруживает связь субъекта с миром права. Ю. М. Лотман отмечает: «Всякая структура, обслуживающая сферу социального общения, есть язык. Это означает, что она образует определенную систему знаков, употребляемых в соответствии с известными членам данного

коллектива правилами. Знаками же мы называем любое материальное выражение (слова, рисунки, вещи и т. д.), которое *имеет значение* и, таким образом может служить средством *передачи смысла*» [3, с. 6].

Особую роль в изучении правовой реальности играют первоисточники — тексты как носители первичной информации о правовом событии. Они являются той основой нормативности, которая воплощается в дальнейшем в законах, судебных решениях, других документах, имеющих правовой характер.

6. Принцип системности. Историко-правовой объект рассматривается как система, которую ученый не только расчленяет на составные элементы, но и координирует их взаимодействия и отношения. Соответственно, данный объект обладает и свойством эмерджентности, что означает относительную самостоятельность объекта и его способность функционировать по своим внутренним законам. Другими словами, это свойство указывает на то, что объединение частей в систему порождает новые свойства, которые не равны простой сумме свойств этих частей.

7. Принцип телеологичности. Любая форма социальной деятельности характеризуется целенаправленностью, что отличает ее от инстинктивного поведения животных. Люди объединены в различные социальные институты, и это консолидированное общество реализует себя в условиях нормотворчества. На телеологический характер исторического метода обращал внимание Г. Риккерт, поскольку история не существует без и вне человека. Принцип телеологичности долгое время подвергался критике и элиминации из научного методологического инструментария. Но в результате отказа в науке, прежде всего, социально-гуманитарной от механистического редукционизма, пробуждается интерес к телеологическому объяснению. В теоретико-исторических правовых науках этот принцип занимает центральное место, поскольку здесь мы сталкиваемся с необходимостью обращения к детерминации правовой жизни социума, формирующейся на стихийном или осознанном волеизъявлении, интенциях, тех побудительных мотивах, которые не существуют в природе.

В связи с принципом телеологичности в юридической антропологии внимание исследователей обращено к изучению правовой ментальности, которая нашла свое развитие в трудах теоретиков Школы «Анналов». Они признают допустимым рефлексии мифов, сказаний, легенд, фантазий, анекдотов, наме-

ков и полунамеков — всего того арсенала изобразительных и исследовательских средств, которые выпадали из поля зрения классической науки, делая образ человека одномерным и схематичным.

События связаны с деятельностью людей, которые происходят в соответствии с побуждениями своей эпохи. Если не знать, какие мотивы, ментальные особенности стоят за теми или иными правовыми актами, то развитие правовой реальности в историческом нарративе будет казаться бессмысленным или трансцендентным.

Но неправомерно считать, что приобщение к результатам научных достижений «Новой исторической науки» уводит исследователя от рациональности изложения, от строгости и определенности научного дискурса. Значимость данного направления и его перспективность для дальнейшего развития юридической антропологии заключается в умении связать анализ изложения событийности с поиском и вычлениением смысла жизни, истории, права, других форм духовности. Так, у Ж. Ле Гоффа причудливо и обоснованно сочетаются сферы умопостигаемого со сферой воображаемого, реальности и вымысла.

8. Принцип контекстуальности. Исторические события рассматриваются не изолированно, но в соотношении и связи с политическими, экономическими, религиозными и иными факторами, их побуждающими. Обратимся к материальным носителям, вещам, которые тоже существуют в контексте своего времени. Вещи хранят в себе некую загадку, разгадать которую призван ученый. Специалист в области юридической антропологии имеет дело с разными документами, в том числе архивными, которые имеют свою поэзию, дарят ощущение сопричастности истории. Ф. Бродель писал об исторических науках, что в них «всегда есть контекст — человеческий, социальный, политический, если хотите, мистический» [1, с. 216].

Итак, целью юридической антропологии является преодоление хрупкости идентичности для после-

довательного приобщения к традициям и правовому коду своей страны. В связи с этим, формируются новые методологические стратегии, руководствующиеся следующими принципами; целостности, контекстуальности, аксиологичности, системности, фактологичности, телеологичности, коммуникативности и символичности.

Список источников

1. Бродель Ф. Очерки истории / пер. с фр. Э. Орловой. 3-е изд. М., 2018.
2. Лебедев С. А. Методология научного познания: моногр. М. : Проспект, 2020.
3. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX в.). СПб., 2015.
4. Медушевская О. М. Источники в науках о человеке. Теория исторического познания: избр. произвед. СПб. : Университетская книга, 2010.
5. Рикер П. Политика, экономика, общество. Рукописи и выступления / пер. с фр. И. С. Вдовиной. М., 2021.
6. Философия права: учеб. пособие / отв. ред. Н. Н. Черногор, О. Ю. Рыбаков. М. : Статут, 2018.

References

1. Braudel F. Essays on history / tr. from french by E. Orlova. 3rd ed. M., 2018.
2. Lebedev S. A. Methodology of scientific cognition: monograph. M. : Prospect, 2020.
3. Lotman Y. M. Conversations about Russian culture: The life and traditions of the Russian nobility (XVIII — early XIX century). SPb., 2015.
4. Medushevskaya O. M. Sources in human sciences. The theory of historical knowledge: selected. SPb., 2010.
5. Riker P. Politics, economics, society. Manuscripts and speeches / tr. from french by I. S. Vdovina. M., 2021.
6. Philosophy of Law: studies. handbook / ed. by N. N. Chernogor, O. Y. Rybakov, M. : Statute, 2018.

Информация об авторе

Н. Ф. Медушевская — профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

N. F. Medushevskaya — Professor of the Department of History of State and Law Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 21.07.2024; принята к публикации 12.08.2024.
The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 21.07.2024; accepted for publication 12.08.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-105-109>EDN: <https://elibrary.ru/sogltg>

НИОН: 2003-0059-4/24-102

MOSURED: 77/27-003-2024-04-301

Эволюция целей и форм ссылки в российском законодательстве XVI–XVIII вв.

Наталья Владимировна Михайлова¹, Анна Павловна Яцкова²^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия¹ net-46@mail.ru² y1970@inbox.ru

Аннотация. Проведен анализ ссылки, ее целей и форм реализации. Истоки данного вида уголовного наказания приходятся на XVI в., однако власть в этот период, в силу несовершенства государственного и карательно-репрессивного аппарата, была еще не в состоянии организовать процесс привлечения осужденных к труду для решения насущных проблем государства. Первоначальное применение ссылки были связано с освоением новых территорий, их русификацией. В XVII–XVIII вв. ссылка на поселение и каторга являлись первыми организационно-правовыми формами использования труда лиц, приговоренных к уголовному наказанию. Назначение и исполнение наказаний, связанных с лишением и ограничением свободы, стало определяться не только правовыми целями, такими как устрашение, возмездие и изоляция преступника от общества, а экономическими интересами бурно развивающейся российской абсолютной монархии. Таким образом, в XVII–XVIII вв. при формировании пенитенциарной политики доминирующую роль играл экономический фактор и сфера применения ссылки постоянно расширялась.

Ключевые слова: карательная политика, преступление, наказание, ссылка, каторга, смертная казнь, колонизация Сибири, места поселения, Соборное уложение 1649 г., Артикул Воинский 1715 г.

Для цитирования: Михайлова Н. В., Яцкова А. П. Эволюция целей и форм ссылки в российском законодательстве XVI–XVIII вв. // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 105–109. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-105-109>. EDN: SOGLTG.

Original article

The evolution of the goals and forms of exile in the Russian legislation of the XVI–XVIII centuries

Natalia V. Mikhailova¹, Anna P. Yatskova²^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia¹ net-46@mail.ru² y1970@inbox.ru

Abstract. The analysis of the link, its goals and forms of implementation is carried out. The origins of this type of criminal punishment date back to the XVI century. However, the government during this period, due to the imperfection of the state and punitive and repressive apparatus, was still unable to organize the process of attracting convicts to work to solve pressing problems of the state. The initial use of the link was associated with the development of new territories and their Russification. In the XVII–XVIII centuries. Exile to the settlement and penal servitude were the first organizational and legal forms of using the labor of persons sentenced to criminal punishment. The appointment and execution of punishments related to deprivation and restriction of liberty began to be determined not only by legal goals, such as intimidation, retribution and isolation of the criminal from society, but also by the economic interests of the rapidly developing Russian absolute monarchy. Thus, in the XVII–XVIII centuries, the economic factor played a dominant role in the formation of penitentiary policy, and the scope of application of exile was constantly expanding.

Keywords: punitive policy, crime, punishment, exile, penal servitude, death penalty, colonization of Siberia, places of settlement, Cathedral Code of 1649, Military Article 1715

For citation: Mikhailova N. V., Yatskova A. P. The evolution of the goals and forms of exile in the Russian legislation of the XVI–XVIII centuries. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):105–109. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-105-109>. EDN: SOGLTG.

Российские правовые традиции имеют богатую историю. Формирование и эволюция основных институтов, отраслей и понятий российского права не раз становились предметом детального научного исследования, в том числе не оставался без внимания и

институт уголовных наказаний. Изученный исторический опыт, затрагивающий специфику и особенности применения уголовных наказаний в предшествующие периоды, в частности, ссылки, может лечь в основу совершенствования современного российско-

© Михайлова Н. В., Яцкова А. П., 2024

го уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. При анализе данной проблемы следует сосредоточить внимание не только на аспектах правового регулирования ссылки, но и на причинах и факторах, приведших к ее закреплению в системе уголовных наказаний Московского государства и Российской империи, а также ее целей и форм, роли и значения ссылки как инструмента решения внутриаполитических задач.

В уголовной практике Российского государства ссылка впервые стала применяться в XVI в. Создание единого централизованного государства сопровождалось борьбой с остатками феодального сепаратизма и, как следствие, в отношении лиц, недовольных новыми порядками, стало применяться новое уголовное наказание в виде ссылки. Так, после присоединения Пскова к Москве в 1510 г. 300 знатнейших псковских фамилий были переселены в другие города. Параллельно идет процесс закрепления ссылки в системе церковных наказаний. Неудобные церковные иерархи по распоряжению монарха или решению церковного суда ссылались в отдаленные монастыри. В первую очередь можно указать на ссылки сторонников нестяжателей — Гурия Коровина, игумена Хутынского монастыря и Максима Грека, критиковавшего образ жизни отдельных представителей русского духовенства и выступавшего против «сребролюбия», царящего в церкви.

В середине XVI в. ссылка получает законодательное закрепление. В ст. 7 Судебника 1550 г. упоминается ссылка в виде «опалы». В губных грамотах XVI в. часто встречалась ссылка в форме «выбыти вон из земли», «выслати из волости вон» [3, с. 122].

Характеризуя XVII в., исследователи называют его «бунташным» и «богатырским», веком, в котором были заложены основы будущих петровских преобразований. Россия в XVII в. являлась динамично развивающимся государством с постоянно расширяющейся территорией, чьи насущные проблемы требовали пристального внимания к демографической ситуации и равномерного расселения подданных по всей территории страны с целью удержания присоединенных земель. Начиная с XVII в. развивается значение ссылки как меры, заменявшей иные наказания, преимущественно смертную казнь. Соборное Уложение 1649 г., упоминало ссылку в качестве дополнительного наказания, закрепив порядок ее применения. Согласно ст. 10 гл. XXI «О разбойных и татинных делех» в отношении вора, пойманного на

второй краже, помимо телесного («бить кнутом») и членовредительного («урезав у него праваго уха») наказания, а также тюремного заключения («посадить в тюрьму на четыре года») применялась ссылка — «сослать в Украйные же городы...» [4, с. 383–407]. Статья 16 добавляет: «а будет приведут розбойника... А как он в тюрьме три годы отсидит, послати в Украйные городы, где государь укажет, и велети ему в Украйных городех быти...» [4, с. 383–407]. Кроме ссылки в «украйные городы», в Уложении упоминались и другие варианты «сослать, куда Государь укажет», «ссылати их в Сибирь на Лену» [6].

По Соборному Уложению 1649 г. ссылка не являлась самостоятельным наказанием, а выступала в качестве дополнительного. В частности, она сопровождала торговую казнь (гл. X, ст. 129, 198; гл. XIX, ст. 13 и др.), членовредительные наказания (гл. XXI, ст. 9–11, 16; гл. XXV, ст. 16), тюремное заключение (гл. XXI, ст. 9–11, 16), отрешение от должности (гл. X, ст. 129).

Новоуказные статьи о татебных, разбойных и убийственных делах 22 января 1669 г. закрепляли ссылку в п. 47: «а которые люди оговорных людей у посланников выбьют, и про то сыскивать всякими сыски накрепко, и будет по сыску, то их воровство сыщется допряма, и тех людей бить кнутом, да на них же имать на великаго государя пени по пятидесят же рублей, а истцом иск; а которым заплатить нечем, и тех ссылать в Сибирь» [7]. На основании указов 1679–1680 гг. за воровство полагалась ссылка в Сибирь, хотя ранее воров приговаривали к отсечению рук, ног или двух пальцев, таким образом, происходит изменение вектора уголовно-правовой политики государства — использование осужденных для освоения новых территорий [1]. С 1681 г. ссылка стала применяться к купцам и торговцам, использовавшим фальшивые веса и меры. В перечисленных указах не регламентировался порядок применения ссылки, из чего следует, что данные вопросы решались местными властями, исходя из специфики местности и стоящих перед ними задач. Расширяется география мест поселения: кроме Сибири начали ссылать в Архангельск (по отписке 1649 г.), Холмогоры (по выписке из дела о бунте Степана Разина), Устюг (по делу 1682 г.), Пустозерск (по грамоте 1684 г.), Казань (по указу 1664 г.), Симбирск (по делу 1682 г.), Азов (по указам 1696, 1699 гг., по памяти 1697 г.), Пермь (по грамоте 1684 г.) и др.

Таким образом, ссылка окончательно закрепляется в отечественной карательной политике, а ее

широкое использование было продиктовано сугубо утилитарными соображениями. Г. С. Фельдштейн считал, что «ссылка в том виде, как она начинает применяться на Руси во второй половине XVI в. и окончательно складывается в XVII в., несет на себе печать полезности и удивительного соответствия с целями общего государственного управления. Практикуясь вначале, главным образом, в отношении преступников политических и религиозных для доставления стране безопасности, она вскоре с успехом начинает поставлять себе более широкие задачи внутренней политики» [23]. Приговаривая преступника к ссылке, государство, с одной стороны, карало преступника за совершение противоправного деяния, с другой стороны, ссыльные обеспечивали русификацию того региона, куда они направлялись, а также восполняли недостаток рабочей силы. Тюремное заключение отходит на второй план: строительство тюрем и содержание заключенных обходилось слишком дорого государственной казне, тюрьмы были переполнены, а сосредоточение тюрем в центральных регионах негативно сказывалось на криминогенной обстановке [1].

Н. Д. Сергеевский отмечает, что «непроизводительная ссылка почти не практиковалась; она употреблялась в сравнительно немногих отдельных случаях, во-первых, по отношению к преступникам религиозным и политическим, во-вторых, по отношению к должностным лицам, заслужившим гнев государя» [2, с. 228–229].

Проводимые Петром I реформы требовали колоссальных материальных и людских затрат. Ситуация требовала установления строгой дисциплины и непротивления общества проводимым реформам, а этого можно было достичь в основном введением достаточно суровых мер наказания, учитывая при этом растущую потребность государства в рабочих руках. Все эти обстоятельства делают ссылку более востребованной. В результате на протяжении всего последующего времени наблюдается процесс расширения круга преступлений, за которые она назначалась. Так, указ, данный Стрелецкому приказу от 14 февраля 1700 г. гласит, что за ношение остроконечных ножей и торговлю ими «учинить им купцам и продавцам наказание, бить кнутом и сослать в ссылку...» [9]. Указ от 15 июля 1700 г. предписывает наказывать должника: «а буде с того правезу платить не станет: и его бить кнутом и сослать в Азов...». «Наказные статьи Нерчинскому Воеводе» предписывают «чтоб никто в

Нерчинске и в уезде корчемного и продажного никакого питья ... у себя дома не держали ... а у кого вынут питье, и питуха поймают в третие, и на тех людях иметь заповеди по сту рублей с человека, и сослать в ссылку на иной город, куды пристойно...» [1].

Одним из первых нормативных актов, регулирующих каторжные работы, является указ от 24 ноября 1699 г. «О наказании посадских людей за взятки с выбранных ими людей к таможенным и кабацким сборам», который предписывал «бить вместо смерти кнутом без пощады и сослать в ссылку в Азов на вечное житье с женами и детьми, и быть им на каторгах в работе...» [8].

Ссылка стала обеспечивать реализацию грандиозных планов по модернизации России, и власти даже заранее планировали поступление осужденных для строительства. Об этом свидетельствует письмо Петра I князю Ф. Ю. Ромодановскому от 23 сентября 1703 г. «ныне же зело нужда есть, дабы несколько тысяч воров (а имянно, если возможно, 2 000 ч.) приготовить к будущему лету, которых по всем приказам, ратушам и городам собрать по первому пути, которые посланы в Сибирь, а ныне еще в Вологде [5, с. 250].

Потребность в рабочей силе привела к расширению круга преступлений, за которые назначались каторжные работы. В Артикуле Воинском каторга назначалась за следующие преступления: уклонение от службы (гл. 7, арт. 63), за злоупотребление служебным положением, наносящем ущерб государству (гл. 8, арт. 65), за совращение малолетних и нетрадиционные отношения (гл. 12, арт. 166), за изнасилование (гл. 12, арт. 167) и др.

Сроки каторжных работ определялись в зависимости от тяжести совершенных преступлений: «до указу» (т. е. до указа об освобождении), «вечно» (т. е. пожизненно), «на срок 20 и 10 лет», «на 3 и 5 лет».

Последующие петровские указы продолжали расширять круг преступлений, за которые полагалась ссылка на каторгу. Генеральный регламент от 28 февраля 1720 г. гласил: «кто по дружбе, или по вражде, или из взяток, или других намерений что пренебрежет, которое ему чинить надлежало, таковым за преступление как высшим, так и нижним надлежит чинить смертная казнь, или вечная на галеру ссылка...» [11]. Указ от 19 января 1721 г. предписывал за «всякие казенные доимки и долги на иноземцах править неотменно, и буде платить платить не будут, имение их, чт. е., обирать все в зачет той доимки, а за достальную сослать в галерную работу...» [12]. Указ от 10 ноября

1721 г. устанавливал «татым, за первую и за вторую татьбу чинить наказание и освобождать на поруки, как указы повелевают, а за три, вырезав ноздри, ссылать на галеру на вечную работу» [13]. Указы 1722–1724 гг. отправляли в ссылку на вечную каторгу приказчиков и старост за укрывательство беглых крестьян [14], на 20 лет в галерную работу за самовольную вырубку леса от устья Оки вниз как по Волге [15].

В течении XVIII в. расширяется география мест ссылки — в «Сибирь в дальние города» [16], Охотск [17], Рогервик [18], Оренбург [19], Нерчинск [23] и т. д. Сосланных старались использовать на благо государства, определяя их на работы — «галерные», «казенные», «службу, в мастерство и на пашню, кто к чему будет способен», «на заводы», «в рабочий дом».

Указами Елизаветы Петровны 1753–1754 гг. альтернативой смертной казни становится вечная ссылка на каторгу. 13 декабря 1760 г. был принят указ «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, Дворцовых, Синодальных, Архиерейских, Монастырских, купеческих и Государственных крестьян, с зачетом их за рекруты, и о платежах из казны за жен и детей обоего пола тех отправляемых крестьян, по назначенной в сем указе цене» [20]. На основании этого указа помещики получили право самостоятельно отправлять своих крестьян в ссылку на определенные сроки, если ими были совершены различного рода проступки, а затем возвращать обратно: злоупотребление алкоголем, совершение краж и др. Помещики могли отправлять в Сибирь на работы людей в возрасте до 45 лет и способных к выполнению различного рода труда.

Екатерининская эпоха также, как и петровская отмечена реформами, поэтому в этот период по-прежнему существовала потребность в материальных и людских ресурсах. Наряду с ссылкой на каторжные работы при Екатерине II вновь стала применяться ссылка на поселение без работ.

При Павле I была внесена определенность в порядок назначения и отбывания каторжных работ. Указ от 13 сентября 1797 г. «О распределении уголовных и других преступников по важности их в каторжную работу на поселение и в крепостные работы» устанавливал три категории преступников с соответствующими наказаниями за совершение противоправного деяния [21]. Первую категорию составили «смертоубийцы, произносители дерзких слов против Императорского Величества, возмутители народа и пристанодержатели», которые подлежали ссылке в Нерчинск. Во вторую категорию были зачислены

«преступники других родов», ссылаемые в Иркутск для работы на местной суконной фабрике. Третья категория — «осуждаемых к телесным наказаниям и без онаго, за долги и другие преступления» отправляли на работы в крепостях. Особо следует отметить, что ссылка распространялась и на представителей дворянского сословия, о чем свидетельствует указ от 30 апреля 1798 г. «О наказании Графа Девиера и дворян Потуловых за разные законопротивные деяния и смертоубийство»: «...Девиера лишить Графского титула и дворянского достоинства, вывести на площадь, прочесть ему сентенцию, Сенатом определенную, и сослать в Нерчинск вечно в работу» [22].

Подводя итог сказанному, следует отметить, что в XVII–XVIII вв. происходит становление ссылки как уголовного наказания и неотъемлемого элемента системы уголовно-правовой репрессии. В XVI в. ссылка не имела четкого правового регулирования, ее формой являлось «выбытие вон из земли», т. е. переселение по указанию монарха с места постоянного жительства в другое отдельных противников государя и государства. В XVII в. присоединение новых территорий ставило перед властью задачу по их заселению, хозяйственному и экономическому освоению, что предполагалось осуществлять не только путем привлечения добровольных поселенцев, но и отправкой ссыльного и каторжного элемента. С их помощью администрация планировала укрепить границы России. В XVIII в. задачи, решаемые с помощью ссылки, несколько изменились. Идея колонизации оставалась актуальной, но на первый план выступают утилитарные потребности государства в бесплатной рабочей силе. Доминирующей формой ссылки становится каторга. С отменой смертной казни в 1753 г. ссылка становится ее альтернативой и переходит в разряд основных уголовных наказаний. К концу XVIII в. в условиях территориально растущего государства и проводимых властью реформ ссылка стала применяться за совершение широкого круга преступлений и практиковалась не только в отношении податных сословий, но и дворянства.

Список источников

1. Мельник Е. В., Яцкова А. П. Ссылка как вид уголовного наказания по российскому законодательству XVII в. // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8.
2. Наказание в русском праве XVII века: исслед. Н. Д. Сергеевского. СПб., 1887.

3. Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV–XVII вв. / сост. Л. В. Черепнин. М., 1956.

4. Памятники русского права. Вып. 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. / сост. К. А. Сафонов. М., 1957.

5. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 3 (1704–1705). СПб., 1893.

6. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. I. № I.

7. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. I. № 431.

8. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. III. № 1722.

9. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. IV. № 1758.

10. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. V. № 3006.

11. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. № 3533.

12. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. № 3717.

13. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. 3847.

14. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. 3939.

15. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. 4028.

16. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VII. № 5089.

17. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VIII. № 5753.

18. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. IX. № 6581.

19. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. X. № 7903.

20. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XV. № 11166.

21. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXIV. № 18140.

22. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXV. № 18511.

23. Фельдштейн Г. Ссылка. Очерки ее генезиса, значения, истории и современного состояния. М. : т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1893.

References

1. Melnik E. V., Yatskova A. P. Exile as a type of criminal punishment under Russian legislation of the

XVII century // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 8.

2. Punishment in the Russian law of the XVII century: research by N. D. Sergeevsky. St. Petersburg., 1887.

3. Monuments of Russian law. Russian Russian Law Issue 4. Monuments of law of the period of strengthening of the Russian centralized state of the XV–XVII centuries / comp. L. V. Cherepnin. M., 1956.

4. Monuments of Russian law. Issue 6. The Cathedral Code of Tsar Alexei Mikhailovich in 1649 / comp. K. A. Safonov. M., 1957.

5. Letters and papers of Emperor Peter the Great. Vol. 3 (1704–1705). St. Petersburg, 1893.

6. PSZRI. Collection 1. T. I. No. I.

7. PSZRI. Collection 1. Vol. I. No. 431.

8. PSZRI. Collection 1. Vol. III. No. 1722.

9. PSZRI. Collection 1. Vol. IV. No. 1758.

10. PSZRI. Collection 1. Vol. V. No. 3006.

11. PSZRI. Collection 1. Vol. VI. No. 3533.

12. PSZRI. Collection 1. Vol. VI. No. 3717.

13. PSZRI. Collection 1. Vol. VI. 3847.

14. PSZRI. Collection 1. Vol. VI. 3939.

15. PSZRI. Collection 1. Vol. VI. 4028.

16. PSZRI. Collection 1. Vol. VII. No. 5089.

17. PSZRI. Collection 1. Vol. VIII. No. 5753.

18. PSZRI. Collection 1. Vol. IX. No. 6581.

19. PSZRI. Collection 1. Vol. X. No. 7903.

20. PSZRI. Collection 1. Vol. XV. No. 11166.

21. PSZRI. Collection 1. Vol. XXIV. No. 18140.

22. PSZRI. Collection 1. Vol. XXV. No. 18511.

23. Feldstein G. Link. Essays on its genesis, meaning, history and current state. M. : T. skoropech. A. A. Levenson, 1893.

Информация об авторах

Н. В. Михайлова — профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ;

А. П. Яцкова — профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

N. V. Mikhailova — Professor of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation;

A. P. Yatskova — Professor of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 21.07.2024; принята к публикации 14.08.2024. The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 21.07.2024; accepted for publication 14.08.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-110-115>

EDN: <https://elibrary.ru/stqfej>

ИПОН: 2003-0059-4/24-103

MOSURED: 77/27-003-2024-04-302

Эстетические аспекты дифференциации формы предварительного расследования

Михаил Петрович Поляков¹, Алексей Юрьевич Смолин²

^{1,2} Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

¹ polmihpet@rambler.ru

² A.Y.Smolin@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается предварительное расследование, которое должно иметь свою особую эстетику. Только в рамках эстетического подхода может быть понята сущность обвинения. Реформа досудебного производства должна учитывать эстетический взгляд на форму расследования.

Ключевые слова: дифференциация предварительного расследования, эстетическая функция уголовного процесса, обрядность, эстетика обвинения

Для цитирования: Поляков М. П., Смолин А. Ю. Эстетические аспекты дифференциации формы предварительного расследования // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 110–115. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-110-115>. EDN: STQFEJ.

Original article

Aesthetic aspects of differentiation of the form of preliminary investigation

Michael P. Polyakov¹, Aleksey Yu. Smolin²

^{1,2} Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

¹ polmihpet@rambler.ru

² A.Y.Smolin@yandex.ru

Abstract. A preliminary investigation is being considered, which should have its own special aesthetics. Only within the framework of an aesthetic approach can the essence of the accusation be understood. The reform of pre-trial proceedings should take into account the aesthetic view of the form of investigation.

Keywords: differentiation of the preliminary investigation, aesthetic function of the criminal process, ritual, aesthetics of the prosecution

For citation: Polyakov M. P., Smolin A. Yu. Aesthetic aspects of differentiation of the form of preliminary investigation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):110–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-110-115>. EDN: STQFEJ.

Существует устойчивый стереотип превосходства функциональной стороны вещей над их эстетическими атрибутами. Идея, согласно которой в сфере насущных социальных потребностей красота, как правило, вторична, факультативна и неспособна напрямую удовлетворять функциональный запрос, содержится в восточной поговорке: «когда мы хотим пить, то нам нет дела до формы кувшина». Бытовые народные иллюстрации отражают важную методологическую диспропорцию между значимостью так называемых «ходовой и неходовой частей» системы, присущих технологиям, призванным удовлетворять

массовый спрос в какой-либо сфере. Не являются исключением из этой диспропорции и социальные технологии, в числе которых без особого труда можно разглядеть уголовное судопроизводство. Последнему, вне всякого сомнения, присущ порок, выражающийся в функциональной (именно в функциональной) недооценке эстетической стороны отдельных институтов и целых процессуальных систем, в частности, судебного и досудебного этапа уголовного процесса. Нам представляется, что подобное положение — это не следствие обдуманного и последовательного воплощения принципа процессуальной

© Поляков М. П., Смолин А. Ю., 2024

экономии, а некое теоретическое недоразумение, являющееся следствием существенного недогляда юридической науки.

В качестве объекта эстетически ориентированных размышлений мы выбрали досудебный этап уголовного судопроизводства как наиболее проблемный именно с эстетической стороны. Как известно, юридической науке знакомо немало теоретических и практических проблем, относящихся к этому этапу. Но известно и то, что в этом многообразии очень редко выделяется проблема эстетической стороны уголовно-процессуальной формы. Уголовно-процессуальной науке здесь явно не до красоты, ибо доминирует установка, что наука должна решать насущные практические задачи эффективности предварительного расследования, не особо заботясь о сугубо эстетических нюансах правоприменения.

Приветствуя позитивные аспекты прагматического целеполагания родной нам науки, мы полагаем, что невнимание к эстетическим проблемам досудебного этапа незаслужено, причем незаслужено в сугубо практическом смысле. Проблема красоты и эстетики уголовного судопроизводства имеет важное практическое и теоретическое значение. Оно весьма ценно для понимания сущности предварительного расследования, а, следовательно, и для понимания практической траектории его совершенствования.

Эстетическими проблемами уголовного судопроизводства наша научная школа занимается давно [1]. Изначально мы полагали, что эстетический подход более приемлем для стадии судебного разбирательства, где уместны внешние проявления уголовно-процессуальной формы, которые были названы обрядностью. Однако в последнее время мы пересмотрели свою позицию и пришли к выводу о том, что эстетический подход имеет более широкое предназначение: он вполне уместен и к уголовно-процессуальной форме в целом, и к форме судебного разбирательства, и к форме досудебного судопроизводства [6].

Сама мысль об эстетике предварительного расследования не как о нефункциональном элементе уголовно-процессуальной формы возникла на базе рассуждений о предпосылках дифференциации уголовно-процессуальной формы в сторону ее последовательного упрощения. Как известно, технологи-

ческий подход к построению судопроизводства, столь популярный в последние полвека, нацелен на устранение всего лишнего из уголовного процесса. В обоснование этого подхода были положены мнения известных досоветских и советских процессуалистов. Труды И. Я. Фойницкого пригодились в процессе уместны и необходимы настолько лишь, насколько они вытекают из особенностей процессуальных отношений; они призваны не заменять, а лишь дополнять общие логические начала. Между тем влиянием исторических наслоений, сумма условных правил и обрядов, существующих в процессе, иногда превышает действительную в них потребность» [2, с. 8].

В качестве неопровержимого аргумента в пользу упрощения приводилось высказывание П. Ф. Пашкевича о необходимости «устранить из процессуальной формы все излишества, все, что без необходимости осложняет процесс и может быть заменено другими, более экономичными процессуальными средствами, достаточно гарантирующими должное оформление правосудия» [3, с. 54].

Естественно, что под нож теоретически обоснованного упрощения попали, в первую очередь, эстетические излишества. Однако идея процессуальной экономии, вызвавшая к жизни этот подход, не догма, поскольку сам вопрос о процессуальных излишествах не является простым и однозначным [7]. Более широкий взгляд на судопроизводство позволяет говорить о том, что технологический подход, подталкиваемый идеей процессуальной экономии, должен уравниваться другими элементами, опирающимися на иные идеи, в том числе и на идею красоты. Уголовно-процессуальная форма должна быть не только технологична, но и эстетична. В ней должна присутствовать не просто голая рациональность, но и особое изящество, свой торжественный ритуал, свой ритм, созвучный «сердцебиению» справедливости.

Причем эстетика досудебного производства вовсе не означает исключительно внешнюю обрядность. В силу приоритета принципа тайны предварительного расследования эстетика здесь может находить свое специфическое выражение в самой структуре уголовно-процессуальной формы и составляющих ее институтов. Душевно-интеллектуальным толчком к этой мысли послужил отклик на позицию профессора Б. Я. Гаврилова относительно

оптимизации уголовно-процессуальной формы. Несмотря на то, что Борис Яковлевич своей судьбой тесно связан с предварительным следствием (он так и говорит: смотрю на проблемы глазами ученого и практика), он очень серьезно озабочен вопросами кардинальной реформы этой формы расследования, причем в сторону ее кардинального упрощения. Один из его главных аргументов заключается в том, что уголовно-процессуальная форма предварительного следствия заметно отстала от изменений современной жизненной ситуации. Он дает понять, что вековая история (в советском измерении) это не повод для признания совершенства этой формы, а как раз повод для противоположного вывода.

В своих публикациях Б. Я. Гаврилов настойчиво отстаивает идею возвращения в процесс подобия процессуальной формы досудебной подготовки материалов и ратует за другие преобразования предварительного расследования. Эти предложения укладываются исключительно в рамки технологического подхода, опирающегося на два основных критерия — быстроты и простоты. В русле этих критериев предлагается, кроме прочего, отказаться от сложившейся на предварительном следствии формы предъявления обвинения, включающей в себя целый ряд шагов. Профессор Б. Я. Гаврилов полагает, что в наше время это чистая архаика, что никаких функциональных оснований под полноценным многоступенчатым актом привлечения в качестве обвиняемого на сегодняшний день уже не осталось. Куда как экономичнее и современнее в этом плане ему представляется обвинительный акт, которым завершается дознание. Доводы Б. Я. Гаврилова против полноценного акта привлечения в качестве обвиняемого сводятся к тому, что такая процедура понадобилась в свое время для того, чтобы как-то обозначить момент допуска защитника на предварительное следствие [4]. Теперь же подходы изменились, и защитник может быть допущен на самых ранних этапах (по нашему ироничному наблюдению, чуть ли не с момента совершения преступления). Во всяком случае, законодатель дает понять, что уже на стадии возбуждения уголовного дела должна существовать полноценная защита от уголовного преследования даже гипотетического преступника. Проекция обвиняемого, по мысли законодателя, должна проявляться во всяком лице, к которому прикоснулся своим намеком на принуждение уголовный процесс.

Внешне тезис о том, что ритуал привлечения в качестве обвиняемого как-то обусловлен моментом допуска защитника, выглядит вполне логичным. Впрочем, если хорошо задуматься, то можно обнаружить, что никакой особой логики в этом тезисе как раз нет, ибо вовсе не участие защитника определяет сущность обвинения и формирует процедуру его выдвижения. Обвинение — это сакральный акт, требующий своего особого ритуала. Акту обвинения издревле была присуща особая эстетика. Обвинение было не просто утверждением, как его определяют ныне; оно было своеобразным дегтем, которым мазали обвиняемого, выразительно позорили его. Будучи помеченным «черной меткой», обвиняемый и предъявлялся народу. Предъявить обвинение означало предъявить его не только преступнику, но и предъявить ошельмованного злоумышленника народу. Обвиняемый должен был быть не только обвинен, но еще и публично опозорен. Обвиняемый должен был публично каяться, хоть и не словом, но видом своим. Предъявление обвинения замышлялось как важнейший акт судопроизводства, растягивающий обвинение во времени и пространстве. По сути своей, по замыслу своему, обвинение — это не одноминутный акт подписания процессуального документа, не простая констатация конкретизации уголовного иска, это специфический процесс, обряд. Поэтому акт привлечения в качестве обвиняемого не должен быть скоропалительным эрзацем, отсроченным на конец расследования. Изначально обвинение представляло собой ритуальное действие-утверждение, развернутое в показательный спектакль, посредством которого власть восстанавливала нанесенное ей преступлением оскорбление. Вот и сегодня первичное обвинение, формируемое в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, является собой начало этого «представления». Еще раз подчеркнем: обвинение — это процесс, а не итог. И процесс этот должен иметь свое эстетическое выражение. Но это выражение, в силу закрытости следствия, имеет свою специфику.

На предварительном следствии эстетика присутствует в самой процедурной форме растянутого во времени акта привлечения в качестве обвиняемого, в двойном подходе к этому вопросу при вынесении постановления и формировании обвинительного заключения. Это ряд последовательных необходимых шагов, в которых проявляется особая

красота и логичность уголовно-процессуальной формы и скрытый глубинный смысл судопроизводства. Через эстетику выдвижения обвинения перебрасывается мостик к древним корням уголовного процесса. Акт первичного предъявления обвинения перетекает в красивую (по процессуальной форме) процедуру окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения. Подчеркнем, что мы говорим о красоте самой процессуальной формы, об изяществе этой процедурной схемы, гармонично вписавшейся в стадию предварительного расследования.

Эстетика обвинения это не второстепенный вопрос. При изучении соответствующей темы в курсе уголовного процесса, мы всякий раз привлекаем внимание обучаемых не только к функциональной стороне акта привлечения в качестве обвиняемого, но и к этой эстетической стороне предъявления обвинения. Через эту функциональную красоту подчеркивается особый смысл эстетики досудебного судопроизводства в целом. В дознании подобного изящества предъявления обвинения нет. Там имеет место некий процессуальный суррогат в виде подозрения. Подозрение понадобилось адептам дознания, чтобы искусственно подчеркнуть его несуществующую в функциональном смысле самость. Современные процессуалисты стали забывать, что подозрение в контексте уголовно-процессуального метода всегда воспринималось как некое подобие «уродства» и несовершенства, как временная предпосылка для оправдания процессуального принуждения, применяемого к потенциальному обвиняемому. По этой причине состояние подозрения должно быть скоротечным и при малейших основаниях трансформироваться в полноценное обвинение. В современном же дознании это «неуютное состояние» подозрения, напротив, необоснованно затягивается. Налицо дифференциация ради дифференциации.

Однако наши критические замечания в адрес дознания не означают, что мы хотим заклеить его в некоем уродстве. Можно вполне говорить о том, что каждой форме предварительного расследования присуща своя эстетика, и нужно просто научиться видеть эти эстетические проявления. С другой стороны, именно эстетический взгляд и позволяет разглядеть все методологические изыскания дифференциации, опирающийся не на основания, которые не имеют прямой связи с целью уголовного процесса.

В контексте упрощения взгляда на обвинение ускользает из вида и функционально-эстетическая сторона признания обвиняемым своей вины. В целях всячески объективировать специфику дознания предлагается дистанцировать его специфику от нюансов предъявления обвинения (на языке закона — подозрения). Так, Б. Я. Гаврилов, рассуждая о сокращенной форме дознания, выдвигает общий тезис, согласно которому основанием для дифференциации дознания позиция подозреваемого быть не должна. Тезис таков: позиция «претендента» на уголовную ответственность не должна быть решающим фактором для формы предварительного расследования, во всяком случае, для сокращенной формы. Таким фактором должна быть только фактическая сторона [5]. В этом подходе, безусловно, есть рациональное зерно, однако, нельзя не заметить, что в современном мире признание обвиняемым своей вины не утратило процессуального значения. Да, оно не признается сегодня царницей доказательств; не признается официально, но остается притягательным для практики расследования. Но признание обвиняемым своей вины на уровне закона обрело другую привилегию. Это признание, по сути, наделяется статусом царицы дифференциации уголовно-процессуальной формы. Причем, в равной мере согласие с обвинением влияет и на форму предварительного расследования, и на форму судебного разбирательства (особый порядок).

Мы вспомнили об этом неслучайно, поскольку сам акт признания вины, согласия с обвинением или подозрением имеет свой смысл и свою эстетику. Субъект при подобном признании вины становится не просто участником процесса, он становится соучастником расследования. И не только в случае заключения соглашения о добровольном сотрудничестве. Уголовный процесс заинтересован в вербовке таких сторонников и, следовательно, заинтересован в стимулировании обвиняемого к добровольному признанию вины [8]. Излияние этой добровольности тоже должно находить особое эстетическое решение.

Через признание вины происходит «оживление истины». Считалось в стародавние времена, что обвиняемый, признавший свою вину, играет роль живой истины, живым и устным эквивалентом предварительного расследования, осуществляемого тайно и в письменной форме. Принимая во внимание такое значение признания, оно должно иметь и свою фор-

му, отличающуюся красотой. Но для нас важна не сама форма. Для нас важно донести простую, но важную мысль: тезис о том, что красота в уголовном процессе вещь нефункциональная (и уж точно нефункциональная на стадии предварительного расследования) — в корне неверна. Эстетическая функция также присуща уголовному судопроизводству, как информационно-познавательная функция. И у досудебной части уголовного процесса должна быть особая эстетика.

Н. Рерих в свое время сказал: «Красота есть одеяние истины». Это только на первый взгляд всего лишь изящный афоризм. При глубоком погружении в смысл этой формулы неизбежно приходишь к выводу о том, что это выражение сути. Красота и истина связаны не только в сфере искусства. Связаны они и в уголовном судопроизводстве. Красота, гармония, эстетика есть способ трансляции истины, в том числе и истинности самого процессуального метода, в частности истинности процедуры привлечения в качестве обвиняемого на предварительном следствии. Обвинительный акт, напротив, эту истинность маскирует.

Эстетический взгляд на предварительное расследование — это не просто факультатив, не наше невинное хобби. Это научный способ обратить внимание на сущность и истоки уголовно-процессуальной формы досудебного производства. Взять, к примеру, ту же подследственность (подсудность) по территориальному признаку. Казалось бы, в основе этого вида лежит банальный критерий места, чтобы легче было распределять работу между правоохранительными органами. Но если заглянуть за исторический горизонт, то можно и в территориальной подследственности (подсудности) узреть особую эстетику восстановления равновесия, поколебленного преступлением.

Опираясь на исторические и литературные источники можно предположить, что нередко место казни убийцы привязывалось к месту самого убийства. Делалось это для того чтобы кровь душегуба пролилась в ту же землю, что и кровь жертвы, чтобы преступник был неразрывно связан ритуалом с жертвой в сугубо материальном смысле, а не только на словах обвинения и покаяния; связан эстетикой жуткого зрелища и ужаса ответственности. Вспомним для наглядности сюжет из повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», описывающий казнь убийцы в Запорожской Сечи.

«Но более всего произвела впечатление на Андрия страшная казнь, определенная за смертоубийство. Тут же, при нем, вырыли яму, опустили туда живого убийцу и сверх него поставили гроб, заключавший тело им убиенного, и потом обоих засыпали землей. Долго потом все чудился ему страшный обряд казни и все представлялся этот заживо засыпанный человек вместе с ужасным гробом». Для современного человека это еще больший ужас. Но в основе этого обряда лежала не дикость, а особая эстетика, особая эстетическая функция, призванная предостерегать от преступления и наполняющая процедуры казни особым смыслом.

Современного человека оберегают от профилактических ужасов правосудия. От него прячут не только предварительное расследование, но и гласное судопроизводство. Причем идея подобного сокрытия выражается и в определенных технологических решениях: уголовный процесс без судебного разбирательства, уголовный процесс без предварительного расследования.

Подобный уголовный процесс — это мечта всякого изобретателя технических систем, так называемая идеальная система, когда самой системы нет, но функция ее выполняется. Но такая техническая система хороша лишь в случае, когда со счетов сбрасывается эстетическая функция уголовного процесса. В таких простых решениях, базирующихся на гиперболизированном понимании принципа процессуальной экономии, эстетическая функция как раз и не выполняется. Иными словами, сокращение, упрощение судопроизводства — все это укладывается в схему поиска идеальной системы, но лишь до тех пор, пока мы забываем об эстетической функции уголовного судопроизводства, которой как раз нужна видимая система процедур, нужно нечто живое и изящное. Живой уголовный процесс — это красивый уголовный процесс.

Список источников

1. Поляков М. П., Полякова Т. В. Внешняя (обрядовая) форма уголовного судопроизводства. Н. Новгород, 2012.
2. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 1. СПб., 1996.
3. Пашкевич П. Ф. Процессуальные формы уголовного судопроизводства нужно дифференцировать // Социалистическая законность. 1974. № 9.

4. Гаврилов Б. Я. Досудебное производство: вопросы теории и практики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 1. С. 140–151.

5. Гаврилов Б. Я. Сокращенное досудебное производство: современное состояние и пути совершенствования // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 24–30.

6. Поляков М. П. Эстетическая функция уголовного судопроизводства // Законодательство и практика. 2021. № 1 (46). С. 34–38.

7. Поляков М. П., Смолин А. Ю. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве: моногр. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2011.

8. Иванышина А. Э. Уголовно-процессуальные средства стимулирования обвиняемого к добровольному признанию своей вины: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2024.

References

1. Polyakov M. P., Polyakova T. V. The external (ceremonial) form of criminal proceedings. N. Novgorod, 2012.

2. Foynitsky I. Ya. Course of criminal proceedings. In 2 vols. 1. St. Petersburg, 1996.

3. Pashkevich P. F. Procedural forms of criminal proceedings need to be differentiated // Socialist legality. 1974. № 9.

4. Gavrilov B. Ya. Pre-trial proceedings: issues of theory and practice // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. 2019. No. 1. P. 140–151.

5. Gavrilov B. Ya. Shortened pre-trial proceedings: current state and ways of improvement // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3. P. 24–30.

6. Polyakov M. P. The aesthetic function of criminal proceedings // Legislation and practice. 2021. No. 1 (46). P. 34–38.

7. Polyakov M. P., Smolin A. Yu. The principle of procedural economy in criminal proceedings: monogr. N. Novgorod : Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011.

8. Ivanshina A. E. Criminal procedural means of stimulating the accused to voluntary confession of guilt: autoref. diss. ... candidate of juridical sciences. N. Novgorod, 2024.

Информация об авторах

М. П. Поляков — профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

А. Ю. Смолин — начальник редакционно-издательского отдела Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the authors

M. P. Polyakov — Professor of the Criminal Procedure Department of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

A. Yu. Smolin — Head of the Editorial and Publishing Department of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.06.2024; одобрена после рецензирования 17.07.2024; принята к публикации 08.08.2024.

The article was submitted 10.06.2024; approved after reviewing 17.07.2024; accepted for publication 08.08.2024.

Научная статья

УДК 343.137.2

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-116-125>

EDN: <https://elibrary.ru/qehqro>

НИОН: 2003-0059-4/24-104

MOSURED: 77/27-003-2024-04-303

Роль мирового судьи в рассмотрении уголовных дел частного обвинения: история и современность

Татьяна Кимовна Рябинина

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия, tatyanakimovna-r@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с обсуждаемыми в юридической литературе проблемами целесообразности существования института уголовных дел частного обвинения и эффективности деятельности мирового судьи по их рассмотрению. С учетом исторического опыта развития мировой юстиции, отстаивается авторская позиция о необоснованности предложений о ликвидации института частного обвинения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, публичные и частные интересы, мировой судья, частное обвинение

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания по теме «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

Для цитирования: Рябинина Т. К. Роль мирового судьи в рассмотрении уголовных дел частного обвинения: история и современность // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 116–125. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-116-125>. EDN: QEHQRO.

Original article

The role of the justice of the peace in the consideration of criminal cases of private prosecution: history and modernity

Tatiana K. Ryabinina

Southwest State University, Kursk, Russia, tatyanakimovna-r@yandex.ru

Abstract. The issues related to the problems discussed in the legal literature of the expediency of the existence of the institute of criminal cases of private prosecution and the effectiveness of the activities of a justice of the peace in their consideration are considered. Taking into account the historical experience of the development of world justice, the author's position on the groundlessness of proposals to eliminate the institution of private prosecution is defended.

Keywords: criminal proceedings, public and private interests, justice of the peace, private prosecution

Acknowledgements: the study was carried out within the framework of the state assignment on the topic «Transformation of private and public law in the context of evolving personality, society and the state» (No. 0851-2020-0033).

For citation: Ryabinina T. K. The role of the justice of the peace in the consideration of criminal cases of private prosecution: history and modernity. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):116–125. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-116-125>. EDN: QEHQRO.

В преддверии 160-летия принятия Устава уголовного судопроизводства (далее — Устав) нельзя не обратиться к основным его положениям, перестроившим не только систему отправления правосудия в России XIX в., но и повлиявшим на современное судопроизводство России. Исследователи не перестают отыскивать в законоположениях Устава такие фундаментальные идеи, которые остаются актуальными по сегодняшний день. Многие из них путем определенной трансформации воплощены в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее — УПК РФ), отдельные положения остались неизмен-

ными до сих пор. Особенно ценно то, что те институты, принципы и нормы, которые были преданы забвению в советский период, возрождены современным уголовно-процессуальным законом (принципы презумпции невиновности и состязательности, суд с участием присяжных заседателей, институт реабилитации и пр.).

И среди них следует отметить институт мировых судей. В России XIX в. их деятельность всегда находилась под пристальным вниманием со стороны общества. И. Я. Фойницкий отмечал, что «в лице мировых судей судебные уставы желали дать местному

© Рябинина Т. К., 2024

населению не столько юристов-специалистов, сколько лиц, к которым оно могло бы обращаться как к авторитетным посредникам своих мелких споров», но при этом имея «высокое общегосударственное значение органа правосудия» [1, с. 307, 309]. А. Ф. Кони, прежде всего, видел в мировом судье человека, который близко связан со своей местностью и который посвящает ей все свои силы, принося с собой большой запас опытности, знаний и государственной мудрости. По его мнению, «было бы печально, если такие люди были бы лишены возможности в отправлении местной юстиции; для населения важно, чтобы подобное лицо принимало участие в его делах, а также и для него важно иметь общие интересы со своей родиной, быть с нею связанным» [2, с. 119].

Устав предусматривал как выборных участковых судей, осуществлявших свою деятельность на возмездной основе, на территории своего постоянного местопребывания, а также почетных мировых судей, проживавших не обязательно в своей местности и действовавших без вознаграждения, но основным условием их деятельности в качестве мирового судьи являлись почет, уважение и доверие общества. Безусловно, таким же качествам должны были соответствовать и участковые мировые судьи. Кроме того, для них не требовалось высшего юридического образования, поэтому довольно часто на эти должности избирались писатели, художники, артисты, ученые, пользовавшиеся высоким авторитетом среди населения.

Нельзя не вспомнить известных в истории России деятелей, посвятивших свою жизнь не только своему творчеству или науке, но и служению отечеству, выполнению гражданского долга во имя защиты прав обездоленных, торжества справедливости. Среди таких лиц следует назвать поэта Афанасия Афанасьевича Фета, три раза избиравшегося на должность мирового судьи Мценского уезда Орловской губернии (1867–1876 гг.). При этом он не только гордился этой должностью, но в большей степени ощущал свою ответственность перед людьми, доверившими ему свои невзгоды и печали, и все эти годы выполнял свою миссию добросовестно и с честью, оставшись в людской памяти как справедливый судья.

На два срока избирался почетным мировым судьей Моршанского уезда Тамбовской губернии ученый, академик Императорской Санкт-Петербургской

академии наук Владимир Иванович Вернадский (1892–1898 гг.), на четыре срока избирался почетным мировым судьей Кинешемского уезда Костромской губернии драматург Александр Николаевич Островский (1872–1884 гг.). К сожалению, меньше всего сведений осталось о деятельности писателя Ивана Сергеевича Тургенева в качестве почетного мирового судьи сразу двух уездов Орловской губернии.

История свидетельствует о важной роли мировой юстиции в становлении судебной власти в России. Как писал А. Ф. Кони, деятельность мировых судей чрезвычайно удалась в России, «это учреждение поставлено и действует совершенно правильно» [2, с. 131]. Однако советский законодатель отказался от института мировых судей, лишь частично сохранив нормы, регулировавшие производство по уголовным делам частного обвинения, обязав судью принимать меры к примирению потерпевшего с обвиняемым, тем самым хотя бы, таким образом, придав уголовно-процессуальной деятельности какие-то элементы диспозитивности.

Поэтому провозглашенные в Концепции судебной реформы в Российской Федерации основные идеи и направления по возрождению многих демократических законоположений, заложенных еще Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. [3, с. 35], были встречены современным юридическим сообществом с воодушевлением и надеждой на то, что связь двух великих реформ не прервется и законодатель, заимствовав все лучшее из Устава 1864 г., сумеет наполнить его правовые положения современными идеями, трансформировав их под сегодняшние реалии и ожидания общества.

Важно заметить при этом, что объединяющей идеей двух судебных реформ являлось преобразование судебных учреждений в органы, обеспечивающие защиту прав и законных интересов граждан, особенно в сфере уголовного судопроизводства, отличающегося своим принудительным, ограничительным и во многом репрессивным характером, а судей «очеловечить», лишить их чиновничьих качеств. Так, А. Ф. Кони отмечал, что судебные уставы создали человека-судью, а не равнодушную машину для подписания подготовленных канцелярией решений [2, с. 130]. Современная Концепция судебной реформы аналогичным образом подходит к данному вопросу: благодаря судебному процессу закон применяется не механически, на манер клейма, а по

правде и совести. Суд над человеком должен быть заменен судом для человека [3, с. 27, 44].

Конституция РФ, признав, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, установила, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина во всех сферах человеческого бытия — это обязанность государства (ст. 2), тем самым разрешив извечный конфликт между публичным и частным интересом, наконец-то, в пользу последнего. Следуя конституционным установкам, уголовно-процессуальный закон с каждым годом все больше наполняется состязательными, диспозитивными началами, свидетельствующими о том, что суд осуществляет свою деятельность, обеспечивая не только публичный, т. е. государственный, общественный интерес, но и частные интересы сторон, учитывая в определенных ситуациях их мнения и предпочтения. Стороны в настоящее время могут влиять не только на окончательное решение по делу, но и форму судопроизводства, и главное — в уголовном судопроизводстве расширяется применение разного рода примирительных процедур, существенным образом минимизируя репрессивность уголовного процесса.

Важным явлением, характеризующим современную уголовную юстицию, стало осознание и обществом, и законодателем, и судьями того, что главным в деятельности суда должны быть не борьба с преступностью, принуждение и наказание, а разрешение социального конфликта, в том числе и путем примирения сторон, восстановление нарушенных прав, возмещение вреда, причиненного преступлением, «...защита общества от преступлений путем реализации уголовного закона, защита прав и законных интересов граждан, попавших в сферу юстиции (обвиняемых, потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков)» [3, с. 19]. Необходимым элементом в таком механизме правового регулирования следует признать, наряду с правозащитной, и примиренческую функцию суда.

Безусловно, что приоритет в такого рода деятельности должен быть отдан мировым судьям. Именно в силу своего примиренческого предназначения, особенности их деятельности предопределяются той категорией уголовных дел, подсудных им. Поэтому в большей степени и решение проблем, связанных с деятельностью мировых судей, прежде всего, следует искать в правильном отнесении уголовных дел к их подсудности.

Законом установлено, что мировым судьям подсудны уголовные дела, перечисленные в ч. 1 ст. 31 УПК РФ (дела, расследованные органами дознания и направленные к ним с обвинительными актами для рассмотрения по существу), а также уголовные дела частного обвинения (ч. 1 ст. 115 и ст. 128.1 УПК РФ), для которых собственно и предусмотрена гл. 41 УПК РФ — особенности их производства. Важность выделения данной категории уголовных дел состоит в том, что «устраняется возможность вмешательства государства против воли потерпевшего в уголовный процесс, что позволяет в определенных случаях избежать огласки личных данных и подробностей ссор, возникших на бытовой или родственной основе. Волеизъявлением потерпевшего начинается производство по уголовному делу частного обвинения, по его желанию может и прекратиться. Таким образом, гражданин сам устанавливает необходимость вмешательства государства в данный конфликт» [4, с. 57].

Однако именно производство по уголовным делам частного обвинения в последние годы оказалось в центре внимания ученых и правоприменителей, подвергнувших серьезной критике деятельность мировых судей по рассмотрению этих дел. И если еще совсем недавно эта проблема обсуждалась с позиции совершенствования производства по уголовным делам частного обвинения, то теперь вопрос стоит более жестко — а целесообразно ли вообще существование такой категории дел?

Постановка такого вопроса послужила разрыванию в юридической литературе острой дискуссии, разделившей ученых и практиков, как всегда, на два лагеря — сторонников и противников такой позиции. Но прежде чем проанализировать доводы обеих сторон, хотелось бы вникнуть в первопричину назревшей проблемы. Почему столько лет действовавший механизм производства по уголовным делам частного обвинения, хотя и с определенными недостатками, но работавший механизм, вдруг оказался ненужным? И что характерно, именно тогда, когда законодатель, в целях установления баланса между публичными и частными интересами, стал все больше вводить в уголовное судопроизводство элементы диспозитивных начал, как мы писали ранее, стал «очеловечивать» уголовный процесс.

Так, законодатель совершенствует институт прекращения уголовных дел в связи с примирением

потерпевшего с обвиняемым; процедуры рассмотрения и прекращения уголовных дел частного обвинения; вводит институты особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а также упрощенную форму дознания, получивших широкое распространение в судебной практике. Обвиняемому предоставлена возможность выбора формы судебного разбирательства — единолично, коллегией судей или судом с участием присяжных заседателей. Расширены по сравнению с первоначальным вариантом УПК РФ права потерпевшего, позволяющие ему существенным образом влиять на ход и исход производства по уголовному делу, обеспечивающие ему доступ к правосудию. Потерпевший перестает быть бесправным участником процесса, от которого все «отмахиваются».

Законодатель продолжает вносить поправки в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, реализующие идею расширения альтернатив уголовному преследованию и наказанию. Так, расширена возможность принудительного лечения от наркомании; добавлена возможность замены лишения свободы принудительными работами; введена новая мера пресечения — запрет определенных действий, новое основание прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа; реализуется государственная политика на снижение уровня уголовной репрессии в отношении лиц, обвиняемых и подозреваемых в совершении преступлений в сфере предпринимательства. Так, по таким категориям дел исключено применение заключения под стражу в качестве меры пресечения, активизировано избрание залога, введен особый порядок проверки сообщений о налоговых преступлениях, а вместе с ним и отдельное основание для прекращения уголовного преследования по таким преступлениям в случае возмещения вреда, причиненного бюджету [5]. Не менее остро на страницах научной печати, публицистики и в средствах массовой информации ведется дискуссия относительно введения института медиации в уголовное судопроизводство [6].

Одной из последних новелл, подтверждающих курс законодателя на предоставление правоприменителям права при принятии решения о прекраще-

нии уголовного преследования специальных субъектов учитывать обстоятельства, связанные в том числе и с проведением специальной военной операции, стал Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ о внесении в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство новых норм, предусматривающих возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время (ст. 78.1 УК РФ и 28.2 УПК РФ). Данные изменения, как следует из пояснительной записки к проекту закона, были направлены на совершенствование правового регулирования освобождения от уголовной ответственности и наказания, погашения судимости, приостановления уголовных дел и прекращения уголовного преследования в отношении лиц, решивших принять участие в специальной военной операции как на добровольной основе, так и в призывном порядке [7]. Внесенные поправки должны положительным образом отразиться на правах участников уголовного судопроизводства, желающих искупить свою вину в совершенном преступлении путем защиты интересов своей Родины в рамках проведения спецоперации [8], а также простимулировать законодателя на поиск новых способов компромиссного разрешения конфликтов, обусловленных различными ситуациями, возникающими в ходе производства по уголовному делу.

Очевидно, что такие меры требуют меньших затрат со стороны государства, эффективнее для защиты прав потерпевшего и возмещения причиненного вреда, поскольку позволяют проявить гибкость уголовно-правовой системе и подойти индивидуально к конкретному уголовно-правовому конфликту [9].

Данные новеллы ярко проявляют основную тенденцию в сфере уголовного судопроизводства — расширение состязательных начал, укрепление правовых статусов участников уголовного судопроизводства, утверждение их равенства и равноправия перед независимым судом, а также предоставление сторонам больших возможностей в выборе способов разрешения уголовно-правового конфликта и отстаивании своих процессуальных интересов [10].

Более того, такие существенные изменения в уголовном и уголовно-процессуальном законах, безусловно, повлияли на следственно-судебную практику, лишив ее многих формальных, казенных черт,

предоставив следователю, дознавателю, прокурору, судье право принимать решения не только при наличии правовых оснований, предусмотренных законом, но и с учетом взаимоотношений между потерпевшим и обвиняемым, характера конфликта, его степени опасности для общества, возможности их примирения, особенно тогда, когда в результате совершения преступления в большей степени страдают не публичные, а частные интересы. Всем обозначенным критериям, в первую очередь, соответствуют уголовные дела частного обвинения, и длительная история развития российского уголовного судопроизводства подтверждает правоту законодателя выделить такие дела в отдельную категорию и определить для них упрощенный порядок производства и главное — специальную процедуру примирения.

Современный законодатель, возродив институт мировых судей, продолжил историческую традицию, не намереваясь отказываться от уголовных дел частного обвинения. За более чем 20-летнюю деятельность мировые судьи заняли свою нишу в судебной системе и стали восприниматься гражданами не судьями-чиновниками, а судьями, ставшими ближе к населению, все больше стремящимися рассудить спорящие стороны, вникнуть во все детали дела, прислушаться к просьбам, желаниям и мнениям сторон, помочь им в сборе доказательственного материала в случаях, когда у них недостаточно для этого собственных возможностей, а главное — устранить конфликт, примирить стороны.

По уголовным делам частного обвинения данный аспект в деятельности мировых судей особенно важен, поскольку в случае примирения потерпевшего с обвиняемым уголовно-правовой конфликт «сходит на нет», устраняя, таким образом, последствия криминогенного характера в виде судимости виновного, прочих социальных потерь. Однако, не беспочвенны опасения о том, что прощение потерпевшим своего обидчика влечет безнаказанность, а отсюда и совершение новых преступлений, что опасно для общества и отдельных граждан, того же потерпевшего, который примирился с обвиняемым [11, с. 34], и, в первую очередь, данные обстоятельства характерны для семейного насилия.

В юридической литературе, в средствах массовой информации активно стала обсуждаться проблема домашнего насилия, выявившая, якобы, неспособность мировых судей повлиять на сложную криминогенную

обстановку в этой сфере, что не может не тревожить общество, поскольку примирение потерпевшего с обвиняемым по таким делам, как правило, влечет не устранение конфликтной ситуации, а, напротив, рецидив совершения подобных преступлений.

Было предложено два варианта выхода из такой неблагоприятной ситуации. Первый вариант сводится к тому, чтобы отказаться совсем от института дел частного обвинения, переведя их в ранг публичного и частно-публичного обвинения, тем самым передав досудебное производство по ним органам дознания, а судебное — районным судьям, устранив, таким образом, мирового судью от выполнения своего главного предназначения — примирителя в уголовном судопроизводстве, а потерпевшего — освободить от осуществления деятельности по доказыванию выдвинутого им обвинения, которую он не может эффективно осуществлять в силу отсутствия у него действенных средств для ее осуществления. Второй вариант заключается в том, чтобы, оставив дела частного обвинения, изменить процедуру подачи заявления потерпевшим — не мировому судье, а в органы дознания соответственно с последующим досудебным производством и передачей материалов в районный суд, оставив за потерпевшим право на инициирование уголовного преследования и на примирение с обвиняемым.

Развернувшееся обсуждение настоящей проблемы не прошло незамеченным для Верховного Суда Российской Федерации, который внес в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ст. 116-1 и ч. 1 ст. 128-1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» [12], обосновав такую законодательную инициативу тем, что «...предлагаемые законодательные новеллы будут способствовать укреплению гарантий правосудия в сфере уголовного судопроизводства и повышению уровня уголовно-правовой защиты лиц, пострадавших от преступления» [13]. Не хотелось бы подвергать голословной критике данную инициативу Пленума, но возникает вопрос: в связи с чем вдруг деятельность мировых судей перестала быть гарантом защиты прав потерпевших? Сложность доказывания обстоятельств совершенного

преступления, расследования и рассмотрения уголовных дел частного обвинения, на что обращают внимание критики существования института дел частного обвинения, не может свидетельствовать о неспособности мировых судей выполнять свою миссию. Более того, передача полномочий по расследованию уголовных дел частного обвинения органам дознания автоматически не освободит их от тех же сложностей, присущих деятельности мировых судей по их рассмотрению, поскольку сложности производства по данной категории уголовных дел, на наш взгляд, в большей степени обусловлены чрезмерной конфликтностью взаимоотношений между потерпевшим и обвиняемым, их нежеланием разрешить конфликт по справедливости. Более того, судебная практика богата примерами, когда потерпевшие злоупотребляют своими правами, «забрасывая» суды своими часто необоснованными заявлениями на неправомоточные, с их точки зрения, действия соседей, коллег, родственников. И если мировой судья стремится выслушать стороны, вникнуть в существо спора, умиротворить, примирить их, сгладить враждебность их по отношению друг к другу, то задачей дознавателя, в силу его статуса как участника со стороны обвинения, скорее всего, будет раскрытие преступления, доведение уголовного дела до судебного разбирательства, что кардинально меняет смысл производства по уголовным делам частного обвинения. Вряд ли дознаватель готов при своей загруженности проводить длительные «задушевные» беседы с такими «сутяжниками» с целью склонения их к примирению с обвиняемыми.

На чем основываются противники существования института уголовных дел частного обвинения? В первую очередь на неопровержимом, с их точки зрения, постулате о том, что в соответствии с Конституцией РФ государство, защищая частные интересы человека, его права и свободы, тем самым защищает интересы государства. В этом видится примат публичных начал над частными, В этом состоит основная охранительная функция государства, которая не должна передаваться частным лицам [11, с. 34].

По мнению И. Г. Смирновой и М. Ю. Шадрина, в уголовном праве не существует частного интереса, Уголовный кодекс РФ защищает всех граждан государства в равной мере как в отдельности, так и в целом, поэтому и механизм производства по уголовному делу должен быть единым [14, с. 28]. С послед-

ним доводом особенно трудно согласиться в связи с тем, что одним из достижений современной судебной реформы следует признать реализовавшуюся идею о дифференциации современного уголовного судопроизводства [15]. Конституционный Суд РФ подтвердил решимость законодателя на продолжение наметившегося курса на введение в уголовный процесс элементов диспозитивности, указав, что законодатель, исходя из характера преступления, его общественной опасности, сочетания затрагиваемых преступлением общественных и индивидуальных интересов, а также в целях более полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, вправе дифференцировать порядок производства по различным категориям уголовных дел, допуская включение в него элементов диспозитивности, которая предполагает учет волеизъявления лица, пострадавшего от преступления, вплоть до придания ему определяющего значения при принятии ряда ключевых процессуальных решений [16].

Действительно, публично-правовой характер уголовного процесса, проявляющийся, в том числе и в том, что частные интересы граждан в уголовном судопроизводстве обеспечиваются государственными органами, наделенными властно-принудительными средствами воздействия на поведение участников процесса, придает специфические черты системе взаимоотношений между государством и человеком в уголовно-процессуальной сфере, в которых преобладают публичные начала, что объясняется общественной опасностью преступлений, независимо от их категории. Но, как неоднократно подчеркивалось, в защите частного интереса и состоит публичный интерес государства. Уголовно-процессуальный закон России назначением уголовного судопроизводства неслучайно, в первую очередь, определил защиту лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного уголовного преследования (ст. 6 УПК РФ), гармонизировав тем самым отношения между государством и личностью, установив баланс между публичными и частными интересами в сфере уголовной юстиции, проявившийся в снижении уровня конфликтности между представителями государственных органов и заинтересованными лицами в уголовном судопроизводстве.

Другие доводы противников существования уголовных дел частного обвинения сводятся в основ-

ном к тому, что потерпевшие по этим делам не в должной мере могут защищать свои права и законные интересы, начиная с того, что закон установил сложные требования к структуре и содержанию заявления о принятии мировым судьей дела к своему производству, в связи с чем потерпевшие вынуждены обращаться к адвокатам. Как лица, не имеющие юридического образования и навыков выступления в суде, им как частным лицам сложно самостоятельно поддерживать выдвинутое обвинение, собирать и представлять доказательства и пр., т. е. такое правовое регулирование производства по уголовным делам частного обвинения затрудняет доступ потерпевшего к правосудию, затягивает рассмотрение и разрешение уголовного дела и, кроме всего прочего, возлагает на суд несвойственную ему функцию по оказанию сторонам помощи в собирании доказательств [11; 14].

Не соглашаясь с такими доводами, хотелось бы обратиться к мнению И. С. Дикарева, с которым мы полностью солидаризируемся. Он заметил, что диспозитивность имеет ценность лишь тогда, когда позволяет более эффективно (в данном случае в сравнении с публичным порядком) решать стоящие перед уголовным судопроизводством задачи. На тот случай, если диспозитивное построение той или иной процедуры окажется неэффективным, не будет способствовать (или станет препятствием) достижению назначения уголовного процесса, законодатель должен предусматривать действенные публично-правовые механизмы защиты прав личности (например, обязанность следователя и дознавателя (с согласия прокурора) возбуждать уголовные дела о преступлениях, преследуемых в порядке частного обвинения, при наличии оснований, указанных в ч. 4 ст. 20 УПК РФ (зависимое и беспомощное состояние, применение насилия, угроз и т. д.)). Гражданин, оказавшийся неспособным самостоятельно защищать свои права и интересы, не может выступать в качестве субъекта диспозитивности и нуждается в публично-правовой защите со стороны государства в лице его должностных лиц и органов [17, с. 78].

Тем не менее, многие процессуалисты не перестают искать эффективные формы осуществления производства по делам частного обвинения, признавая, что механизм его правового регулирования не совершенен, но, отрицая необходимость ликвидации данной категории дел [18; 19]. Законодатель,

введя правила подсудности уголовных дел судам различных звеньев, учел все нюансы и специфику судебной деятельности, в том числе и мировых судей. Верно пишет С. В. Бехало, что назначение подсудности заключается в реализации прав граждан на доступ к правосудию, рассмотрение дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, при соблюдении разумных сроков судопроизводства; обеспечении законности уголовного судопроизводства; способствовании максимально полному и объективному исследованию обстоятельств дела; реализации превентивно-воспитательной функции правосудия; обеспечении интересов государства путем предсказуемого регулирования нагрузки на суды для осуществления их нормальной деятельности [20, с. 41].

Участие потерпевших в производстве по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения также не свободно от проблем, они, как и по делам частного обвинения, не всегда имеют возможности для реализации своих прав и также часто вынуждены обращаться за профессиональной юридической помощью. Это системная проблема, и ее решение не зависит от вида уголовного преследования — в частном или публичном порядке оно будет осуществлено, поэтому упразднение института уголовных дел частного обвинения на проблеме эффективного участия потерпевшего в производстве по уголовному делу никоим образом не отразится. Предполагаем, что появятся новые проблемы, только уже у дознавателей и федеральных судей.

В заключение хотелось бы отметить, что, с учетом исторического опыта деятельности мировых судей в России, их потенциал (особенно это касается рассмотрения ими уголовных дел частного обвинения) в полной мере в современном российском уголовном судопроизводстве не используется ни законодателем, ни правоприменителями. Поэтому дискуссии и споры относительно упразднения или совершенствования института частного обвинения не затихают, но убедительнее выглядят предложения ученых и практиков не только о сохранении данного института, но и его усовершенствовании. Заслуживает внимания, к примеру, предложение о расширении сферы персональной подсудности дел частного обвинения мировым судьям путем увеличения количества субъектов преступлений, на которых она распространяется (например, на несовершеннолетних;

на подсудимых, имеющих физические и психические расстройства, не исключающие вменяемости; в отношении лиц, совершивших общественно опасное деяние в состоянии невменяемости при решении вопроса о применении к ним принудительных мер медицинского характера и т. д.) [20, с. 52]. Данный вопрос нуждается в обсуждении в научной среде.

Кроме того, в целях совершенствования производства по данной категории дел законодателю следует подкорректировать отдельные нормы, связанные с начальным этапом принятия заявления от потерпевшего; определить роль потерпевшего и мирового судьи в инициировании уголовного преследования; закрепить процессуальный статус обвиняемого; урегулировать процедуру и сроки примирения потерпевшего с обвиняемым; установить основания передачи заявления потерпевшего органам дознания, а также особенности производства по уголовным делам, возбужденным в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 20 УПК РФ.

Надо не упразднить данную категорию дел, а расширять их круг, как это, к примеру, предусмотрено Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь, который отнес к уголовным делам частного обвинения одиннадцать составов преступлений, и еще восемь составов по делам о преступлениях, совершенных в отношении лица, пострадавшего от преступления, членов его семьи, близких родственников либо иных лиц, которых оно обоснованно считает близкими. Поэтому в целях более эффективного использования института мировых судей российский законодатель вместе с юридической общественностью должен определиться, можно ли включить в перечень составов преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения, например, следующие: самоуправство, нарушение тайны переписки, нарушение неприкосновенности жилища, воспрепятствование совершению религиозных обрядов, угрозу убийством, кражу (без квалифицирующих признаков). Тем не менее, правы и те ученые, которые считают, что расширение частных начал в уголовном судопроизводстве должно происходить не за счет простого увеличения количества составов преступлений, отнесенных к делам частного обвинения, а за счет укрепления частных интересов в публичных началах [21].

Таким образом, проблема целесообразности выделения уголовных дел частного обвинения затра-

гивает также и другой, весьма серьезный вопрос — об эффективности деятельности мирового судьи в уголовном судопроизводстве. Не затянулась ли дискуссия? Кто разрешит столь острый спор — законодатель, правоприменитель или наука?

Вполне очевидно, что решение таких вопросов нуждается в комплексном подходе, прежде всего к выработке четкой линии в государственной уголовной и уголовно-процессуальной политике, поскольку не все задачи судебной реформы, изложенные в Концепции 1991 г., оказались реализованными в силу их или непродуманности, или непонимания юридическим сообществом и простыми гражданами. Несмотря на то, что данная проблема уже много лет активно обсуждается [22; 23], ясной концепции будущности уголовной юстиции, в первую очередь определившей бы роль судебной власти в сбалансированности публичных и частных интересов в уголовном процессе, так пока и не предложено. Значит, есть над чем работать.

Список источников

1. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 1. СПб. : Альфа, 1996.
2. Кони А. Ф. Курс уголовного судопроизводства. М. : Американская ассоциация юристов, 2011.
3. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М. : Республика, 1992.
4. Грохотова Е. А. Социально-нравственное значение выделения уголовных дел частного обвинения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2012. № 2. Ч. 1. С. 54–57.
5. Ряполова Я. П. Актуальные вопросы возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4. С. 124–132.
6. Головкин Л. В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации // Закон. 2009. № 4. С. 125–129.
7. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 569651-8 «Об особенностях освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов // URL://<https://regulation.gov.ru/>

8. Нуриев И. Н. Новые правила прекращения уголовного преследования в отношении подозреваемого (обвиняемого), участвующего в специальной военной операции: теоретические и практические аспекты // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 2 (55). С. 124–130.

9. Марковичева Е. В. Перспективы внедрения в российский уголовный процесс специальных примирительных процедур // Российское правосудие. 2020. № 9. С. 99–104.

10. Давыдов В. А., Качалова О. В. Современные тенденции развития российского уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 29. С. 69–78.

11. Голубов И. И. О необходимости упразднения частного обвинения // Мировой судья. 2016. № 5. С. 33–40.

12. Постановление Пленума Верховного Совета Российской Федерации от 6 апреля 2021 г. № 3 // URL://<https://www.vsrfr.ru>.

13. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116-1 и частью первой статьи 128-1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // URL://<https://www.vsrfr.ru>.

14. Смирнова И. Г., Шадрин М. Ю. К вопросу об искусственности института частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве // Мировой судья. 2020. № 2. С. 25–28.

15. Химичева О. В., Химичева Г. П. Дифференциация как основной тренд современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 33–36.

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 УПК РФ в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда г. Мурманска» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Дикарев И. С. Принцип диспозитивности в уголовном процессе России // Журнал российского права. 2008. № 6 (138). С. 73–78.

18. Гриненко А. В. Частное обвинение в механизме уголовно-процессуального регулирования // Мировой судья. 2018. № 2. С. 14–17.

19. Дорошков В. В. Нужна ли ликвидация частного обвинения? // Мировой судья. 2021. № 4. С. 3–11.

20. Бехало С. В. Подсудность в российском уголовном судопроизводстве: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2024.

21. Струкова В. В. Необходимость расширения частных начал в уголовном судопроизводстве // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 5(1). С. 156–161.

22. Азаренок Н. В., Давлетов А. А. Баланс публичного и частного интересов как основополагающий фактор формирования современного российского уголовного процесса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 31–37.

23. Стойко Н. Г. Современная уголовная политика и уголовный процесс: стратегический подход и его реализация // Библиотека криминалиста. 2014. № 3. С. 291–298.

References

1. Foynitsky I. Ya. Course of criminal proceedings. In 2 vols. 1. St. Petersburg : Alpha, 1996.

2. Koni A. F. Course of criminal justice. M. : American Bar Association, 2011.

3. The concept of judicial reform in the Russian Federation / comp. S. A. Pashin. M. : Republic, 1992.

4. Grokhotova E. A. Socio-moral significance allocation of criminal cases of private prosecution // Proceedings of the Southwestern State University. History and Law series. 2012. No. 2. Part 1. P. 54–57.

5. Ryapolova Ya. P. Actual issues of initiation of criminal cases on tax crimes // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4. P. 124–132.

6. Golovko L. V. Institute of Criminal Law mediation and its prospects in the Russian Federation // Law. 2009. No. 4. P. 125–129.

7. Explanatory note to the draft Federal Law No. 569651-8 «On the specifics of exemption from criminal liability of persons called up for military service on mobilization or in wartime» // Federal Portal of draft normative legal acts // URL://<https://regulation.gov.ru/>

8. Nuriev I. N. New rules for the termination of criminal prosecution against a suspect (accused) participating in a special military operation: theoretical and

practical aspects // *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024. No. 2 (55). P. 124–130.

9. Markovicheva E. V. Prospects for the introduction of special conciliation procedures into the Russian criminal process // *Russian justice*. 2020. No. 9. P. 99–104.

10. Davydov V. A., Kachalova O. V. Modern trends in the development of Russian criminal justice // *Bulletin of Tomsk State University. Right*. 2018. No. 29. P. 69–78.

11. Golubov I. I. On the need to abolish private prosecution // *Justice of the Peace*. 2016. No. 5. P. 33–40.

12. Resolution of the Plenum of the Supreme Council of the Russian Federation dated April 6, 2021 No. 3 // URL: <https://www.vsrfr.ru>.

13. Explanatory note to the draft federal Law «On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (in terms of Changing the type of criminal prosecution in relation to Crimes provided for in Part one of Article 115, Article 116-1 and Part one of Article 128-1 of the Criminal Code of the Russian Federation)» // URL: <https://www.vsrfr.ru>.

14. Smirnova I. G., Shadrin M. Yu. On the question of the artificiality of the institute of private prosecution in Russian criminal proceedings // *Justice of the Peace*. 2020. No. 2. P. 25–28.

15. Khimicheva O. V., Khimicheva G. P. Differentiation as the main trend of modern criminal proceedings // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018. No. 1. P. 33–36.

16. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 27, 2005 No. 7-P «In

the case of verifying the constitutionality of the provisions of Parts Two and Four of Article 20, Part six of Article 144, paragraph 3 of Part one of Article 145, Part Three of Article 318, Parts one and Two of Article 319 The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the requests of the Legislative Assembly of the Republic of Karelia and the Oktyabrsky District Court of Murmansk» // *LRS «ConsultantPlus»*.

17. Dikarev I. S. The principle of dispositivity in the criminal process of Russia // *Journal of Russian Law*. 2008. No. 6 (138). P. 73–78.

18. Grinenko A. V. Private prosecution in the mechanism of criminal procedural regulation // *Magistrate*. 2018. No. 2. P. 14–17.

19. Doroshkov V. V. Is the liquidation of a private prosecution necessary? // *Justice of the Peace*. 2021. No. 4. P. 3–11.

20. Behalo S. V. Jurisdiction in Russian criminal proceedings: diss. ... cand. Jurid. M., 2024.

21. Strukova V. V. The need to expand private principles in criminal proceedings // *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. No. 5(1). P. 156–161.

22. Azarenok N. V., Davletov A. A. The balance of public and private interests as a fundamental factor in the formation of the modern Russian criminal process // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2021. No. 6. P. 31–37.

23. Stoiko N. G. Modern criminal policy and criminal procedure: a strategic approach and its implementation // *Library of criminalist*. 2014. No. 3. P. 291–298.

Информация об авторе

Т. К. Рябинина — заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

T. K. Ryabinina — Head of Criminal Procedure and Criminalistics Department of the Southwest State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 21.07.2024; принята к публикации 14.08.2024.

The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 21.07.2024; accepted for publication 14.08.2024.

Научная статья

УДК 347.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-126-132>

EDN: <https://elibrary.ru/qfasoc>

NIJON: 2003-0059-4/24-105

MOSURED: 77/27-003-2024-04-304

Традиции и инновации гражданско-правового регулирования отношений в условиях цифровизации

Екатерина Геннадьевна Семенова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, e-g-semenova@mail.ru

Аннотация. Исследуется связь виртуальной среды как феномена современной действительности и правового регулирования общественных отношений. Целью исследования является выявление традиционных и инновационных методологических подходов к гражданско-правовому регулированию отношений в условиях цифровизации. Основным общенаучным методом исследования стал диалектический метод, который позволил рассмотреть концепции трансформации теоретико-методологических и правовых условий реализации общественных отношений во взаимосвязи с динамическими процессами, происходящими в обществе, установить сущность и структуру отношений, возникающих в связи с использованием виртуальной среды. Сравнительный метод позволил провести анализ теоретических подходов и опыта зарубежных стран к решению вопроса степени детализации правового регулирования отношений, связанных с использованием виртуальной среды, и вектора его развития. Сделаны выводы относительно возможного подхода к разработке теоретико-методологических основ по формированию системы гражданско-правового регулирования отношений в условиях цифровизации, которая интегрирована в традиционную систему права. Обосновано, что при разрешении противоречия традиции и инновации гражданско-правового регулирования отношений, возникающих между участниками виртуальной среды, важно исходить из фундаментальных основ (принципов) гражданского законодательства и при этом включать новации, которые должны быть обусловлены потребностями и требованиями новейшей информационной эволюции, интегрированные в соответствующие системные гражданско-правовые институты.

Ключевые слова: гражданско-правовое регулирование, отношения, связанные с использованием виртуальной среды, принципы права, верховенство права, принцип социальной обусловленности, информационная система, цифровизация, информационно-коммуникационные технологии

Для цитирования: Семенова Е. Г. Традиции и инновации гражданско-правового регулирования отношений в условиях цифровизации // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 126–132. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-126-132>. EDN: QFASOC.

Original article

Traditions and innovations of civil law regulation of relations in the context of digitalization

Ekaterina G. Semenova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, e-g-semenova@mail.ru

Abstract. The connection between the virtual environment as a phenomenon of modern reality and the legal regulation of public relations is investigated. The purpose of the study is to identify traditional and innovative methodological approaches to civil law regulation of relations in the context of digitalization. The main general scientific method of research was the dialectical method, which allowed us to consider the concepts of transformation of theoretical, methodological and legal conditions for the implementation of public relations in connection with dynamic processes taking place in society, to establish the essence and structure of relations arising in connection with the use of a virtual environment. The comparative method made it possible to analyze theoretical approaches and the experience of foreign countries in solving the issue of the degree of detail of legal regulation of relations related to the use of the virtual environment and the vector of its development. Conclusions are drawn regarding a possible approach to the development of theoretical and methodological foundations for the formation of a system of civil law regulation of relations in the context of digitalization, which is integrated into the traditional legal system. It is proved that when resolving the contradiction between tradition and innovation of civil law regulation of relations arising between participants in the virtual environment, it is important to proceed from the fundamental foundations (principles) of civil legislation, and on the other hand, to include innovations that should be conditioned by the needs and requirements of the latest information evolution, integrated into the relevant systemic civil law institutions.

Keywords: civil law regulation, relations related to the use of the virtual environment, principles of law, rule of law, principle of social conditionality, information system, digitalization, information and communication technologies

For citation: Semenova E. G. Traditions and innovations of civil law regulation of relations in the context of digitalization. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):126–132. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-126-132>. EDN: QFASOC.

© Семенова Е. Г., 2024

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) способствует не только динамическому развитию инноваций, формированию нового мировоззрения, подвижности границ восприятия физической (материальной) и виртуальных сфер жизни, но и вынуждает научное сообщество по-новому смотреть на устоявшиеся юридические конструкции. Прежде всего, поражает разнообразием спектр доктринальных позиций относительно цифровых прав, цифровых финансовых активов и иного виртуального имущества как объектов гражданских правоотношений с одновременно недостаточно четким определением методологии их исследования, вызванным острой проблемой адаптации правового регулирования и правоприменения к глобальным изменениям [1].

В настоящее время предметом многочисленных дискуссий является определение перспектив формирования новых видов общественных отношений, обусловленных появлением новых субъектов и объектов таких отношений, соответственно проблема определения источников их правового регулирования. В определенной степени актуализируются вопросы относительно специфики «правоотношений в цифровой среде (киберпространстве, виртуальном пространстве)» [2; 3; 4], «цифровых правоотношений» [5]. Кроме того, в сфере правового регулирования констатируется появление отношений «связанных с совершением действий в виртуальном пространстве» [6, с. 96], «с использованием цифровых технологий» [7, с. 17]. Указанная терминологическая поливариативность имеет принципиальное значение для правового регулирования и правоприменения и дополнительно подчеркивает проблематику перехода от информационной (прикладной) парадигмы изучения указанных отношений в пользу методологической (общеправовой) [8]. В условиях цифровизации процессы прогнозирования трансформации современной парадигмы гражданско-правовых отношений требуют особого внимания, а именно определения их направленности и характеристик. Это является основой для разработки эффективных механизмов и средств правового регулирования.

Исследуя воздействие цифровизации на общественные отношения, ученые юристы отмечают следующие сценарии развития правового регулирования в виртуальном пространстве, предлагая принципиально новые идеи и принципы построения и развития правовой системы: от трансформации регулирования общественных отношений от права до иного

регулятора [9, с. 17] (в том числе компьютерного кода и особых обычаев киберпространства), формирования наднационального права киберпространства [10, с. 119] до сохранения права, в том числе наряду с новой нормативной системой, которая не является его частью [11] либо с учетом принципиальных изменений как характера самого права как регулятивной системы, так и характера правового регулирования и всех его элементов и сторон [12, с. 7; 13], адаптации классической системы права к новым общественным отношениям [13, с. 27–28; 7]. Существуют также позиции относительно сохранения действующего регулирования без внесения каких-либо изменений [14, с. 10].

Обобщая указанное, можно отметить отсутствие в юридической науке единого концептуального видения дальнейшего направления и перспектив формирования эффективного правового регулирования общественных отношений. Более того формируются положения, которые не всегда согласовываются с традиционной теорией гражданского права и в целом негативно влияют на состояние и развитие такого регулирования. Определение новой парадигмы и концептуальных основ трансформации правовых положений является в настоящее время актуальной задачей для юридической науки.

Развитие правового регулирования зависит не только от ИКТ, но и от системы формирования отношений. Традиционное право не знало дуализма физического (материального) и виртуального мира. Соответственно, методологически значимым является исследование связи виртуальной среды как феномена современной действительности и правового регулирования общественных отношений.

В действующем законодательстве не приводится определение понятия «виртуальная (цифровая) среда», однако оно используется в программе «Цифровая экономика Российской Федерации» (утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р). В научной литературе виртуальная (цифровая) среда рассматривается как среда идеальная, которая противопоставляется всему материальному [15, с. 76], и в этой среде, по мнению некоторых ученых, сформировался новый вид отношений, требующий отдельного правового регулирования — виртуальные (цифровые) правоотношения [5]. Л. Г. Ефимова отмечает, что в киберпространстве возникает целая система отношений, включающая организационные, абсолютные и обязательственные отношения [16]. Другие авторы классифици-

руют цифровые правоотношения на «регулятивные» и «охранительные» [17], а также частные и публичные [18, с. 495]. В условиях интенсивной цифровизации обосновывается появление отношений, которые «должны, но на данном этапе объективно не могут быть урегулированы правом в необходимом объеме» [6, с. 96].

В свою очередь, сторонники материального подхода полагают, что в отсутствие нормативного регулирования взаимодействие анонимных пользователей информационной системы не порождает юридической связи между ними, т. е. не свидетельствует о возникновении юридического отношения по своей сути [19, с. 22]. Применение норм права, прежде всего, классических институтов и субинститутов гражданского права, разработанных законодателем для регулирования отношений в объективной, физической реальности, к электронному взаимодействию субъектов информационной системы признается ошибочным [19, с. 18].

Действительно развитие ИКТ в настоящее время способствует расширению возможностей лиц, влияет на содержание общественных отношений, однако (*пока еще*) не трансформирует их сущность. При разработке феномена виртуальной среды в контексте правового регулирования общественных отношений необходимо учитывать изменения самой структуры отношений, связанных с использованием виртуальной среды.

В юридической науке гражданское правоотношение традиционно рассматривается как «отношение между определенными субъектами, установленное в связи с определенным объектом, по поводу которого у его участников возникают определенные правомочия и обязанности» [20, с. 549]. Как уже отмечалось ранее, цифровизация затронула все элементы отношений (объекты, субъекты, содержание), определяя их особенности. Основной тенденцией развития правового регулирования является определение правового статуса субъектов отношений, осуществляющих свои права в виртуальной среде.

Необходимо констатировать, что последствием использования ИКТ является не только трансформация процесса возникновения и перехода прав на объекты, но и формирование новых подходов к взаимодействию субъектов отношений, учет потребностей которых приводит к появлению новых цифровых продуктов. В рамках действия существующей модели виртуальной среды ее основными участниками являются: 1) субъекты, которые связаны совместным

использованием цифровой системы («производители (продавцы)-пользователи» и «потребители-пользователи»), либо исключительно пользователи цифровой системы; 2) субъекты, которые обеспечивают взаимодействие пользователей между собой, либо вступают в непосредственные отношения с пользователями, играя ключевую регуляторную роль. Так, особенности использования виртуальной среды обуславливают появление в настоящее время таких участников правоотношений, как «цифровые посредники» — операторы виртуальной среды, что, в свою очередь, породило определенные коллизии. Это связано с тем, что субъекты основных правоотношений не наделяются правомочиями, которые присущи субъектам фактических отношений, а их действия полностью зависят от действий таких операторов.

Отсюда возникают определенные правовые проблемы, в том числе в части установления правовых условий использования информации и данных разными пользователями виртуальной среды, определения прав на новые цифровые продукты, возможности их отчуждения, ответственности за незаконное присвоение и т. д., вокруг которых ведутся оживленные дискуссии, а их содержание характеризуется спорностью позиций. Однако указанные проблемы рассматриваются достаточно поверхностно, без учета основных принципов и особенностей правового регулирования отношений, связанных с использованием виртуальной среды.

Следует согласиться с тем, что предметом права виртуального пространства являются общественные отношения по поводу имущественных и личных неимущественных благ, т. е. реальные отношения между субъектами права, которые могут быть реализованы только в объективном мире [21]. Правоотношения могут возникать с использованием ИКТ, но не непосредственно в виртуальной среде. Виртуальная среда — это не отдельный мир — это средство, с помощью которого реализуются общественные отношения. Приведенное ставит под сомнение категоричность утверждения о том, что виртуальная среда является предпосылкой появления нового вида гражданских правоотношений. Правоотношения, которые связаны с использованием виртуальной среды, полностью охватываются видами отношений, регулируемых гражданским законодательством, и не являются новыми. Выделение виртуальных (цифровых) правоотношений является методологически обоснованным исключительно для проведения исследований в указанной сфере и выявлении особенностей в

реализации таких отношений, что может служить основанием для совершенствования традиционного правового регулирования.

Применительно к проблематике настоящего исследования возникает вопрос: а где же тогда инновации и в чем заключается парадокс? Действительно, правовой парадигме присуща консервативность, которая в определенном смысле выполняет функцию охраны общества от последствий технологических воздействий, потенциальных угроз, возникающих в результате внедрения инноваций в сфере ИКТ [22, с. 191]. Однако следует признать, что в сферу правового регулирования постепенно вовлекаются отношения, которые ранее не существовали и объективно не могли быть урегулированы. Речь идет об отношениях, субъектами которых становятся цифровые (виртуальные) личности [14]. В связи с этим актуализируются вопросы о новых подходах к правовому регулированию общественных отношений с участием таких лиц [2], для эффективного решения которых требуется уточнение их правового статуса. Поднимается вопрос о возможности существования среды, работающей по принципу глобального распределенного реестра, включающей посредников в подобной системе [23].

Таким образом, можем наблюдать фундаментальное противоречие традиции и инновации, когда в условиях перманентного динамического изменения окружающей действительности необходимо принимать методологически выверенные решения. Осмысление подходов к новым конструкциям сталкивается с существующими стереотипами относительно готовности права их принять и насколько они соответствуют устоявшимся правовым моделям, что усложняет или даже делает невозможным введение новых инструментов правового регулирования.

Цифровизация содействует новому уровню установления общественных связей, расширению круга участников гражданских отношений, правовой статус которых не определен, но наличие которых отрицать невозможно. Законодательство должно ориентироваться на новые реалии, но и правопонимание также должно надлежаще оценить новые модификации и подходы, порожденные ИКТ. Парадокс заключается в том, что так называемые инновации, которые предлагаются в том числе законодателем, по сути являются новшествами, а не трансформацией существующего правопорядка, что в настоящее время демонстрирует Гражданский кодекс РФ, содержащий такой «инновационный продукт», как цифровые права, квалифицируемый в качестве разновидности

имущественных прав, содержание и условия осуществления которых определяются правилами некой «информационной системы» (ст. 141.1 ГК РФ).

В этой связи одним из важных вопросов является степень детализации правового регулирования отношений, связанных с использованием виртуальной среды, и вектора его развития. Анализ опыта зарубежных стран позволяет выделить две модели регулирования таких отношений: 1) непосредственное нормативное регулирование; 2) регулирование, получившее объективизацию в решениях судебных органов. Ярким примером второго подхода является Германия, где развитие правового регулирования осуществляется на основании принятия судами решений, имеющих существенное значение [24]; т. е. регулирование происходит по мере необходимости, в случаях возникновения правового конфликта, и интерпретируется сквозь призму цифровой трансформации.

В России специалисты говорят о необходимости системной модернизации нормативного массива и ликвидации правовой неопределенности в регулировании общественных отношений, связанных с использованием виртуальной среды. Отмечается, что оптимальной с точки зрения правовой теории представляется кодификация всего комплекса «информационных» законодательных актов [13, с. 60]. В условиях новой цифровой реальности предлагается новый взгляд на правовое регулирование цифрового гражданского оборота [7], систему права в целом [6, с. 92].

Бесспорным является тот факт, что подходы к правовому регулированию отношений, связанных с использованием виртуальной среды, требуют переосмысления, а иногда и наполнения совершенно новым содержанием. Очевидно, что речь идет о формировании парадигмы правового регулирования, основой которой является исключение «цифровых посредников» и появление «цифровых участников» отношений, однако должна ли она сопровождаться масштабными трансформациями теоретико-методологических и правовых условий обеспечения эффективности реализации общественных отношений?

В сфере гражданско-правового регулирования возникают различные отношения, связанные с использованием виртуальной среды — как имущественные, так и личные неимущественные. Такое разнообразие отношений на практике создает трудности при применении актов законодательства, регулирующих определенные виды таких отношений, в том числе субсидиарного применения норм законодательства, применения аналогии закона и т. д. В рам-

ках изложенного обращает на себя внимание вопрос конструктивности и действенности принципов права как универсальных правовых инструментов.

Исследователи подчеркивают, что принципы гражданского права остаются востребованным источником права для разрешения конфликтов, возникающих в связи с использованием ИКТ [25, с. 109]. При этом подчеркивается, что принципы гражданского права в данной ситуации трансформируются и наполняются особым содержанием [26, с. 17].

По мнению А. А. Карцхия, функционирование цифрового гражданского оборота предполагает применение не только общих принципов гражданского права, но и формирование новых (специальных) принципов. В частности, в своем исследовании в качестве специальных принципов правового регулирования цифрового гражданского оборота автором предлагается выделить принципы технологической нейтральности, анонимной аутентификации, цифрового легалитета, криптошифрования, устойчивости и обеспечения безопасности цифрового гражданского оборота [7, с. 22]. Формирование особых принципов регулирования отношений, возникающих в связи с использованием ИКТ предусмотрено и в проекте концепции разрабатываемого Цифрового кодекса РФ.

Необходимо отметить, что рассматриваемые категории (в том числе недискриминация, технологическая нейтральность, функциональная эквивалентность) являются принципами, направленными на устранение противоречий в технологической сфере, обеспечивают благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных ИКТ. В то же время, режим регулирования отношений, связанных с использованием ИКТ, требует применения правовых принципов и на системном уровне.

Так, при решении вопроса эффективного регулирования взаимоотношений участников виртуальной среды исходным является осознание верховенства права, а также тех причин, которые могут повлечь негативные последствия в соответствующих общественных отношениях в результате игнорирования действия данного принципа. Важнейшей задачей, стоящей перед модернизацией, выступает и создание механизма эффективного законодательного регулирования отношений, соответствующего не только программам, но и реалиям, возможности регулирования и в настоящем и будущем, т. е. учета принципа социальной обусловленности, игнорирование которого «грозит опасностью навязывания обществу неоптимальных для него моделей» [27]. Обеспечение

интересов субъектов требует разрешения проблемы сосуществования и сбалансированности конкурирующих в таких сложнейших отношениях частных и публичных интересов, установление критериев допустимости государственного влияния.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что успех цифровой трансформации в РФ зависит от эффективности отношений, которые связаны с использованием виртуальной среды, и их правового регулирования. Важно понимать, что сама модернизация такого регулирования невозможна без концептуальных исследований, глубокого осмысления на фундаментальном уровне вопросов, касающихся не только динамики нормативного правового порядка. Максимально конструктивными дискуссиями, развивающимися при обсуждении проблем правового регулирования общественных отношений в условиях цифровизации, являются те, вектором которых выступают прогнозы обеспечения воплощения и последующего соблюдения правовых принципов. Между тем, в настоящее время использование правовых принципов в полной мере не снижает потребность принятия соответствующих нормативных актов. С методологической точки зрения, при разрешении противоречия традиции и инновации гражданско-правового регулирования отношений, возникающих между участниками виртуальной среды, важно исходить из фундаментальных основ (принципов) гражданского законодательства, но при этом включать новации, которые должны быть обусловлены потребностями и требованиями новейшей информационной эволюции, интегрированные в соответствующие системные гражданско-правовые институты.

Список источников

1. Семенова Е. Г. Цифровые объекты как объекты гражданских прав: концепция, методология, правовой режим // Юридическое образование и наука. 2023. № 12. С. 16–22.
2. Дерюгина Т. В. О специфике правоотношений в цифровой среде и цифровой личности как новом субъекте // Цивилист. 2024. № 2. С. 13–19.
3. Ефимова Л. Г. Источники правового регулирования общественных отношений в киберпространстве // Lex Russia. 2020. Т. 73. № 3(160). С. 114–120.
4. Абдуджалилов А. Гражданские правоотношения в Интернете: вопросы методологии // Образование. Наука. Научные кадры. 2015. № 1. С. 36–38.
5. Ершов В. В., Кулаков В. В. Цифровые правоотношения — современная реальность // Российское

правосудие. Спец. вып.: 100 лет Верховному Суду Российской Федерации. 2022. С. 8–15.

6. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

7. Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

8. Абдуджалилов А. Гражданские правоотношения в Интернете: вопросы методологии // Образование. Наука. Научные кадры. 2015. № 1. С. 36–38.

9. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9(261). С. 5–16.

10. Серова О. А. Саморегулирование в условиях цифровой трансформации общественных отношений // Гражданское право. 2023. № 3. С. 16–19.

11. Шабуров А. С. Проблемы теории права в условиях цифровизации общества // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 4. С. 7–14.

12. Абрамов Р. А., Пашенцев Д. А. Развитие цифровой экономики как фактор динамики правового регулирования общественных отношений // Вестник МГПУ. Серия Юридические науки. 2024. № 4 (52) // URL://https://lawbulletin.mgpu.ru/2024/02/21/razvitieczifrovoj-ekonomiki-kak-faktor-dinamiki-pravovogoregulirovaniya-obshhestvennyh-otnoshenij/

13. Журавлев М. С., Ибрагимов Р. С., Майоров А. В. Приоритетные направления правового регулирования цифровой трансформации в Российской Федерации. Внедрение в нормотворчество системы оценки гуманитарного воздействия (2022–2025 гг.): докл. к XXIII Ясинской (апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. М., 2022.

14. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–16.

15. Андреева Л. В., Гаврин Д. А., Егоров П. Е. и др. Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России: моногр. / отв. ред. В. А. Лаптев, О. А. Тарасенко. М., 2021.

16. Ефимова Л. Г. Виды правоотношений, возникающих на платформе blockchain // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2020. № 8. С. 16–26.

17. Арямов А. А. Регулирование цифровых правоотношений // Российское правосудие. Спец. вып.: 100 лет Верховному Суду Российской Федерации. 2022. С. 16–30.

18. Банакас С., Попондопуло В. Ф., Петров Д. А., Силина Е. В. Цифровые отношения как предмет правового исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Т. 14. № 2. 2023. С. 492–509.

19. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование): моногр. В 5 т. Т. 1 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М.: Проспект, 2022.

20. Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». 4-е изд. М., 2020.

21. Абдуджалилов А. Сущность и правовое положение виртуального пространства // Евразийский юридический журнал. 2012. № 10. С. 130–133.

22. Кравченко А. Г. Сдвиг правовой парадигмы в эпоху цифровой экономики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24. № 1. С. 184–194.

23. Тумаков А. В., Петраков Н. А. Развитие цифровых правоотношений в современных реалиях // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 121–122.

24. Кузнецов М. Н., Зайцев В. В. Правовое регулирование цифровых прав в Германии // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. № 6. С. 43–46.

25. Суворов Е. Д. Применение принципов договорного права к договорным отношениям, осложненным цифровым элементом // Lex russica. 2022. Т. 75. № 1. С. 109–121.

26. Волос А. А. Трансформация теории принципов гражданского права в современных условиях цифровизации общества: моногр. М., 2024.

27. Баландина Н. В. Принцип социальной обусловленности — исходное начало модернизации в РФ // Экономика и социум. № 2. С. 23–25.

References

1. Semenova E. G. Digital objects as objects of civil rights: concept, methodology, legal regime // Legal education and science. 2023. No. 12. P. 16–22.

2. Deryugina T. V. On the specifics of legal relations in the digital environment and the digital personality as a new subject // Civilist. 2024. No. 2. P. 13–19.

3. Efimova L. G. Sources of legal regulation of public relations in cyberspace // Lex Russia. 2020. Vol. 73. No. 3(160). P. 114–120.

4. Abdudzhilov A. Civil legal relations on the Internet: questions of methodology // Education. Science. Scientific staff. 2015. No. 1. P. 36–38.

5. Ershov V. V., Kulakov V. V. Digital legal relations — modern reality // Russian justice. Special issue: 100 years of the Supreme Court of the Russian Federation. 2022. P. 8–15.
6. Khabrieva T. Ya., Chernogor N. N. Law in the conditions of digital reality // Journal of Russian Law. 2018. No. 1. P. 85–102.
7. Kartskhiya A. A. Civil law model of regulation of digital technologies: abstract. diss. ... cand. Jurid. M., 2019.
8. Abdudzhililov A. Civil legal relations on the Internet: issues of methodology // Education. Science. Scientific staff. 2015. No. 1. P. 36–38.
9. Khabrieva T. Ya. Law before the challenges of digital reality // Journal of Russian Law. 2018. No. 9(261). P. 5–16.
10. Serova O. A. Self-regulation in the context of digital transformation of public relations // Civil law. 2023. No. 3. P. 16–19.
11. Shaburov A. S. Problems of the theory of law in the context of digitalization of society // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4. P. 7–14.
12. Abramov R. A., Pashentsev D. A. The development of the digital economy as a factor in the dynamics of legal regulation of public relations // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. The series of Legal Sciences. 2024. № 4 (52) // URL: <https://lawbulletin.mgpu.ru/2024/02/21/razvitie-czifrovoj-ekonomiki-kak-faktor-dinamiki-pravovogo-regulirovaniya-obshe-stvennyh-otnoshenij/>
13. Zhuravlev M. S., Ibragimov R. S., Mayorov A. V. Priority directions of legal regulation of digital transformation in the Russian Federation. Introduction of the humanitarian impact assessment system into norm-making (2022–2025): dokl. to the XXIII Yasinskaya (April) International Scientific Conference on problems of economic and social development. M., 2022.
14. Talapina E. V. Law and digitalization: new challenges and prospects // Journal Russian law. 2018. No. 2. P. 5–16.
15. Andreeva L. V., Gavrin D. A., Egorov P. E. and others. Digital economy: conceptual foundations of legal regulation of business in Russia: monograph / ed. V. A. Laptev, O. A. Tarasenko. M., 2021.
16. Efimova L. G. Types of legal relations arising on the blockchain platform // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2020. No. 8. P. 16–26.
17. Aryamov A. A. Regulation of digital legal relations // Russian justice. Special issue: 100 years of the Supreme Court of the Russian Federation. 2022. P. 16–30.
18. Banakas S., Popondopulo V. F., Petrov D. A., Silina E. V. Digital relations as a subject of legal research // Bulletin of St. Petersburg University. Law. Vol. 14. No. 2. 2023. P. 492–509.
19. Digitalization of civil turnover: problems and development trends (civil research): monogr. In 5 vols. Vol. 1 / ed. L. Y. Vasilevskaya. M.: Prospect, 2022.
20. Ioffe O. S. Selected works on civil law: from the history of civil thought. A civil legal relationship. Criticism of the theory of «economic law». 4th ed. M., 2020.
21. Abdudzhililov A. The essence and legal status of virtual space // Eurasian Law Journal. 2012. No. 10. P. 130–133.
22. Kravchenko A. G. The shift of the legal paradigm in the era of the digital economy // Asia-Pacific region: economics, politics, law. 2022. Vol. 24. No. 1. P. 184–194.
23. Tumakov A. V., Petrakov N. A. Development of digital legal relations in modern realities // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2. P. 121–122.
24. Kuznetsov M. N., Zaitsev V. V. Legal regulation of digital rights in Germany // Problems of economics and legal practice. 2021. No. 6. P. 43–46.
25. Suvorov E. D. Application of principles of contract law to contractual relations complicated by a digital element // Lex russica. 2022. Vol. 75. No. 1. P. 109–121.
26. Volos A. A. Transformation of the theory of principles of civil law in modern conditions of digitalization of society: monograph. M., 2024.
27. Balandina N. V. The principle of social conditionality — the initial beginning of modernization in the Russian Federation // Economics and Society. No. 2. P. 23–25.

Информация об авторе

Е. Г. Семенова — профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

E. G. Semenova — Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 01.08.2024.
The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 01.08.2024.

Научная статья

УДК 343.85

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-133-140>

EDN: <https://elibrary.ru/qfhmfc>

НИОН: 2003-0059-4/24-106
MOSURED: 77/27-003-2024-04-305

Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Таджикистан

Владимир Александрович Семенцов¹, Исфандиер Ахмад Одиназода^{1,2}

¹ Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, crimpro@yandex.ru

² Академия МВД Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан, diyor-13@mail.ru

Аннотация. Выявлены сопоставимые и схожие позиции законодателей и ученых двух государств (современной России и Республики Таджикистан) на понятие «результаты оперативно-розыскной деятельности» и его содержание. Сделан акцент на особенностях закрепления таких результатов в уголовно-процессуальном законодательстве. Определены проблемы понятийного аппарата, критически рассмотрены основные подходы к результатам оперативно-розыскной деятельности, обозначенные в специальной юридической литературе.

Ключевые слова: закон, уголовный процесс, доктрина, результаты оперативно-розыскной деятельности, ведомственные акты, сведения

Для цитирования: Семенцов В. А., Одиназода И. А. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Таджикистан // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 133–140. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-133-140>. EDN: QFHMFC.

Original article

Results of operational-search activities in criminal proceedings of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan

Vladimir A. Sementsov¹, Isfandiyor A. Odinazoda^{1,2}

¹ Kuban State University, Krasnodar, Russia, crimpro@yandex.ru

² Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan, diyor-13@mail.ru

Abstract. Comparable and similar positions of legislators and scientists of the two states (modern Russia and the Republic of Tajikistan) on the concept of «results of operational-search activity» and its content are revealed. The emphasis is made on the peculiarities of fixing such results in the criminal procedural legislation. The problems of the conceptual apparatus are defined, the main approaches to the results of operational-search activity identified in the specialized legal literature are critically reviewed.

Keywords: law, criminal procedure, doctrine, results of operational investigative activities, departmental acts, information

For citation: Sementsov V. A., Odinazoda I. A. Results of operational-search activities in criminal proceedings of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):133–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-133-140>. EDN: QFHMFC.

Действующее законодательство об оперативно-розыскной деятельности, как и уголовно-процессуальный закон, постоянно корректируется, изменяется и дополняется. В литературе подчеркивается, что такое правотворчество, общая гармонизация процессуальных средств не всегда достигают своих целей, подчас провоцируя новые проблемы, создающие препоны оптимизации средств правообеспечения [10, с. 33]. В этом смысле актуальным представляется предмет настоящего исследования, который составляют результаты оперативно-розыскной деятельности по законодательству современной России и Республики Таджикистан.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации [16] (далее — УПК РФ), Федеральном за-

коне «Об оперативно-розыскной деятельности» [18] (далее — закон об ОРД РФ), Уголовно-процессуальном кодексе Республики Таджикистан [17] (далее — УПК РТ) и законе Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» [19] (далее — закон об ОРД РТ) правовую основу институтов как уголовного процесса, так и оперативно-розыскной деятельности образуют схожие конституционные нормы. Они же признаны в уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной доктринах.

Так, уголовно-процессуальная доктрина может определяться как система правовых норм о принципах, доказательствах и доказывании, а также основных институтах досудебного уголовного производства [3,

© Семенцов В. А., Одиназода И. А., 2024

с. 60], либо в качестве охраны прав, свобод гражданина, человека в широком и узком смысле, который предусматривает формирование его содержания всеми правовыми социальными ценностями без учета формального статуса индивида в уголовном процессе [14, с. 4].

В свою очередь, оперативно-розыскная доктрина представляет собой принципы, стратегические цели, основные направления и задачи, содержание и правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности, а также ее соотношение с иными видами деятельности [15, с. 33].

В то же время, как отмечает М. Л. Родичев, следует учитывать, что «результаты ОРД могут быть использованы как для противодействия преступности, так и для исполнения иных общественно полезных мероприятий» [8, с. 162].

В качестве примера следует указать на использование результатов оперативно-розыскной деятельности органами, не указанными в законодательстве об ОРД. В частности, такие результаты применяются для реализации полномочий налоговых органов в соответствии с межведомственными подзаконными актами, либо полномочий Федеральной службы судебных приставов, не будучи отраженными в оперативно-розыском законодательстве как органов, уполномоченных получать эти результаты, равно как и осуществлять оперативно-розыскные мероприятия. Несмотря на это ведомственные акты Федеральной службой судебных приставов и даже федеральные законы «предписывают должностным лицам осуществлять те или иные оперативно-розыскные действия» [2, с. 171].

Строго придерживаясь буквы сопоставляемого законодательства об ОРД двух государств (Российской Федерации и Республики Таджикистан), целесообразно обратить внимание на то, что анализируемые в сравнении результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться исключительно для целей, указанных в законах об ОРД. Иное, даже формальное общественно полезное использование, законом не предусмотрено.

По данному поводу стоит отметить, что содержание целей оперативно-розыскной деятельности в российском и таджикском законодательстве аналогично, что подтверждается полным соответствием норм ст. 1 закона об ОРД РФ и ст. 1 закона об ОРД РТ об этих целях.

Содержание задач оперативно-розыскной деятельности в рассматриваемых законах имеет незначи-

тельные расхождения, связанные с информационной и имущественными их задачами.

Так, в ст. 2 закона об ОРД РФ информационная задача оперативно-розыскной деятельности заключается в добывания данных о поведении субъекта, формирующего угрозу пяти видам безопасности России. При этом имущественная задача оперативно-розыскной деятельности определяется в установлении имущества в рамках исполнения иска в составе приговора или другого судебного акта о взыскании, конфискации имущества.

В положениях ст. 3 закона об ОРД РТ информационные задачи оперативно-розыскной деятельности включают добывание данных, образующих угрозу человеческим, гражданским правам, шести видам безопасности Таджикистана. Имущественные задачи оперативно-розыскной деятельности обусловлены определением местонахождения и состава имущества, которое подлежит судебной конфискации.

Таким образом, можно констатировать различие содержания информационной задачи оперативно-розыскной деятельности в российском и таджикском законодательстве, что нашло отражение в расширении ее пределов действия в Таджикистане, включающие по закону об ОРД угрозу нарушения правам человека, гражданина, которые не действуют в России.

Вместе с этим, различия в содержании имущественной задачи оперативно-розыскной деятельности характеризуются следующими аспектами:

1) более детализированные российские нормы, позволяющие искать в рамках оперативно-розыскной деятельности имущество, обозначенное в различных судебных решениях, включающих приговор, либо определение по взысканию штрафа или имущества, решение по конфискации, в то время как нормы таджикского законодательства определяют поиск только имущества, обозначенного в решении суда о его конфискации;

2) намного шире пределы оперативно-розыскной деятельности в Таджикистане, регламентирующие обязанность компетентных субъектов определять местонахождение и состав конфискуемого имущества, поскольку в России предусмотрена обязанность таких субъектов установить в целом имущество.

В соответствии с п. 29–30 Порядка организации прохождения службы [20] кандидаты на должности в органах внутренних дел ОВД, а также их родные и близкие проходят специальные проверки, в том числе

и оперативные, несмотря на то, что соответствующий закон этого не содержит. Проверочная деятельность важна, но не направлена на цели, указанные в УПК РФ и законодательстве об ОРД. Эта проблемы уже становились предметом анализа, в том числе с акцентом на интересах служебной необходимости (нередко может быть связана с ложно понятым профессиональным долгом), на что обосновано обращалось внимание в литературе [11, с. 173].

Противоречивые научные суждения о содержании термина «результаты ОРД» [2, с. 71–72; 12, с. 270–275] показывают дискуссионность вопроса. Обратим здесь внимание на явную неопределенность, которая проявляется в трудности агрегировать широкую совокупность задач оперативно-розыскной деятельности, а также особенности (в том числе и негласных) методов и средств, с рассматриваемым обобщающим понятием [13, с. 270]. Не случайно в российском законе закреплено, а в литературе используется множественное число — «результаты» (а не «результат»), которых всегда должно быть неопределенное множество.

Из содержания п. 36.1 ст. 5 УПК РФ следует, что результаты оперативно-розыскной деятельности — это сведения, полученные уполномоченными лицами (органами), которые руководствовались законодательством об ОРД. Примечательно, что, в отличие от российского закона, в УПК Республики Таджикистан рассматриваемое нами понятие — «результаты оперативно-розыскной деятельности», никак не пояснено, хотя предписания ст. 84 УПК РТ позволяют признавать результат оперативно-розыскной деятельности, при соблюдении требований УПК РТ. В положениях закона об ОРД РТ дефиниция «результат оперативно-розыскной деятельности» также не предусмотрена, что отражает неопределенность практического применения такого результата.

Думается, что указанная неопределенность может быть устранена путем внесения в ст. 6 УПК РТ дефиниции «результат оперативно-розыскной деятельности» по аналогии с УПК РФ.

В этой связи следует добавить, что основы применения результатов оперативно-розыскной деятельности в сфере уголовного процесса обозначены в ст. 89 УПК РФ и ст. 84 УПК РТ. Схожесть этих статей определяется общим правилом соблюдения уголовно-процессуальных требований в рамках применения этих результатов.

Различия указанных норм характеризуются детализацией предмета регулирования. В положениях ст. 89 УПК РФ предусмотрен понятный запрет на применение результатов оперативно-розыскной деятельности в процедуре доказывания, если такие результаты не соответствуют требованиям УПК РФ, предъявляемым к доказательствам. Для нас это означает, что «если материалы оперативно-розыскной деятельности получены и проверены процессуальным путем, то они могут быть использованы в уголовно-процессуальном доказывании, а их место в универсальной системе доказательств определяется как вещественного доказательства или иного документа, с учетом присущих признаков» [10, с. 122].

Положения ст. 84 УПК РТ определяют возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности, которые непосредственно не связаны с требованиями УПК РТ о доказательствах, что отражает неопределенность в применении результатов ОРД в качестве доказательств. Поэтому вывод об использовании в таджикском судопроизводстве результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств косвенно подтверждается включением ст. 84 УПК РТ в состав главы 9 УПК РТ о доказательствах.

Для устранения указанной неопределенности целесообразно исключить из ст. 84 УПК РТ слова «получены с соблюдением требований, могут быть признаны», заменив их словами «если они отвечают требованиям» и далее по тексту.

Следовательно, можно отметить, что правовые основы применения результатов оперативно-розыскной деятельности в сфере уголовного судопроизводства России и Таджикистана в целом схожи, но отличаются некоторой неопределенностью реализации ст. 84 УПК РТ.

В специальной литературе российская правовая конструкция «результатов оперативно-розыскной деятельности» критикуется за неконкретность, за отсутствие специфики, «невозможность отличить от результата осуществления других видов правовой деятельности... в борьбе с преступностью» [1, с. 182]. Кроме того, из анализируемого определения следует, что это лишь совокупность данных, информация, тогда как понятие «результат» предполагает, что она должна быть не просто получена в соответствии с законом, а проверена на релевантность, систематизирована, интерпретирована, признана относящейся к

делу и пригодной для использования. В теории информации именно это признается результатом, а не механическая совокупность данных.

В целях проверки и оценки анализируемых результатов, уполномоченные органы, согласно ст. 10 закона об ОРД РФ и ч. 1 ст. 11 закона об ОРД РТ, имеют полномочие, но не обязаны заводить соответствующие оперативные дела. Из содержания законов по анализируемому аспекту следует, что такие дела могут и не заводиться, что ставит вопрос о контрольных критериях интерпретации, проверки, оценки результатов оперативно-розыскной деятельности. Полагаем, что формализация результатов оперативно-розыскной деятельности предопределяет обязательное заведение дел оперативного учета, где они будут фиксироваться.

В то же время, как бы эти результаты ни были оценены и интерпретированы, это автоматически не трансформирует их в статус доказательств. Это положение подтверждено Конституционным судом РФ, который пояснил (хотя это и так следовало из закона), что результаты оперативно-розыскных мероприятий — это еще не доказательства. Даже будучи в положении «результатов», т. е. систематизированного итога деятельности, а не «сырой» первичной информации, они все равно остаются лишь данными об источниках фактов. Для получения статуса законного и применимого в деле доказательства, такая информация (даже в виде результата) проходит процедуры, предусмотренные УПК РФ [21]. В этой связи правовой статус «сведений об источниках фактов» по сути, представляет собой статус особой информации.

Согласно ст. 72 УПК РТ доказательства в уголовном деле — это факты (в значении — релевантная информация), на базе которых в порядке УПК РТ определяется общественно опасное деяние, а также вероятность его доказанности. В контексте настоящего исследования к доказательствам отнесены: скрытые записи, переговоры посредством проводных и цифровых каналов связи, видео- и аудиозаписи, а также наблюдения. После проверки и получения надлежащего процессуального оформления результаты оперативно-розыскной деятельности приобретают предусмотренный УПК РТ статус доказательств.

Из содержания норм ст. 11 закона об ОРД РФ следует, что результаты оперативно-розыскной деятельности — это первичные, исходные сведения, которые могут быть использованы для производства большинства процессуальных действий.

Согласно предписаниям ст. 143 УПК РФ и ст. 140 УПК РТ надлежаще проверенные результаты оперативно-розыскной деятельности могут становиться поводом (рапорт), равно как и обеспечить достаточность данных для возбуждения соответствующего уголовного дела. Данное суждение основано на положении ст. 11 закона об ОРД РФ, а также ч. 2 ст. 11 закона об ОРД РТ.

В этой связи стоит обратить внимание на то, что законодатель, допуская применение проверенных результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании, не включает их непосредственно в предусмотренный ч. 2 ст. 74 УПК РФ перечень доказательств, а лишь косвенно это предполагает, поскольку проверенный результат оформляется соответствующим документом, который относится к доказательствам в порядке п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Однако применение результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании представляется важным, но не единственным направлением реализации сведений, полученных оперативным путем. Исключительным видом использования оперативной информации. Обращение к содержанию ст. 11 закона об ОРД РФ убеждает в наличии там еще трех процессуальных направлений использования указанных результатов: 1) для подготовки и осуществления следственных и судебных действий; 2) для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда; 3) в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела [9].

Как в Таджикистане, так и в России рассматриваемые результаты представляются в уполномоченный на дальнейшие действия орган. Данный порядок регулирования законодатель передал на ведомственный уровень.

В ч. 1 ст. 6 закона об ОРД РФ обратим внимание на закрытый перечень 14 таких мероприятий. В то же время, само их общее понятие в законе отсутствует, что затрудняет формирование и понимание правового статуса такого рода мероприятий.

А вот в ч. 1 ст. 6 закона об ОРД РТ включены 17 видов оперативно-розыскных мероприятий, которые, в основном совпадают с российскими, но есть и уникальное отличие. В Таджикистане правоохранные органы вправе создать юридическое лицо (предприятие, организацию), для «борьбы с организованной преступностью и решения других оперативно-розыскных задач».

Кроме того, в ч. 3 ст. 6 закона об ОРД РТ, в отличие от российского аналога, добавлено перечисление пяти оперативно-розыскных действий. Очевидно, что и у мероприятий и действий есть свои результаты, которые могут различаться, но их необходимо оценивать как общий результат, имеющий определенный правовой статус. Ученые из Академии МВД Республики Таджикистан в этой связи аргументировано признают значительные проблемы на стадиях трансформации результатов ОРД или придания последним статуса доказательств [7, с. 4–5, 32].

Обратим внимание на объективный подход, при котором таджикскими авторами выявлены типичные нарушения, допускаемые оперативными сотрудниками ОВД, стремящимися упростить и ускорить расследование, создавая, как образно выражаются Р. Р. Рахмаджонзода, А. Л. Арипов, Н. М. Самиев, А. М. Махмадализода и М. А. Касимова, «потенциал для служебных неприятностей». Авторы выявили потребность части сотрудников ОВД начать «реальное расследование... в максимальной степени... еще до регистрации дела». При этом сотрудники Академии перечислили наиболее характерные нарушения. Помимо незаконного прослушивания, упоминалось насилие над подозреваемыми для «выбивания» показаний, что применялось для быстрого «получения максимума показаний подозреваемого» предельно быстро [7]. Такого рода результаты ОРД не законны и не могут использоваться в уголовном процессе.

В ст. 11 закона об ОРД как России, так и Таджикистана прослеживается схожесть подходов к регламентации правовых механизмов использования результатов оперативно-розыскной деятельности в судопроизводстве. Такая схожесть подходов прослеживается в основном для обеспечения повода и формирования основания к инициированию уголовного преследования. Впоследствии эти результаты, после их проверки, могут использоваться для формирования доказательной базы.

В этом контексте стоит также указать, что в законодательстве Таджикистана регулирование особенностей применения результатов оперативно-розыскной деятельности более подробно и шире, чем в законодательстве России. В частности, в ч. 5 ст. 11 закона об ОРД РТ обоснованно закреплена обязанность проверки путем допроса лиц, проводивших оперативно-розыскные мероприятия, об условиях их прове-

дения, соблюдения закона и должностных инструкций, а также, что самое важное, о релевантности и подлинности полученных результатов. Полагаем, что придание легального статуса подобной проверке было бы полезно и в российской практике использования этих результатов в уголовном судопроизводстве.

Кроме этого, следует указать на отличие законодательства Таджикистана в установлении обязательного международного сотрудничества в анализируемой сфере применения результатов оперативно-розыскной деятельности (п. 6 ч. 1 ст. 7 закона об ОРД РТ). Вместе с тем, четкий порядок предоставления другим государствам результатов оперативно-розыскной деятельности в законе не прописан, а регламентируется ведомственными актами МВД Республики.

Важным представляется указание ч. 7 ст. 11 анализируемого закона на статус оперативно-розыскных мероприятий, которые были начаты, продолжались и были завершены в разных государствах. Закон Таджикистана относит их к правомерным, при условии его соблюдения. Полагаем, что в приведенных положениях упущено важное дополнение: «а также международных договоров Республики Таджикистан», поскольку такие договоры составляют часть законодательства Республики и применяются в оперативно-розыскной деятельности. В этом смысле российские авторы обоснованно указывают на определенные международно-правовые стандарты оперативно-розыскных мероприятий [4, с. 30].

По законодательству двух государств в перечне оперативно-розыскных мероприятий есть гласные и негласные мероприятия, имеющие одинаковые цели, но разное содержание, а, соответственно, и различный правовой режим практической реализации [6, с. 123].

Например, специальные аспекты оперативно-розыскной деятельности в целом и особенности использования полученных результатов обозначены предписаниями ч. 4 ст. 5 закона Российской Федерации «О государственной тайне». В положениях этого акта результаты оперативно-розыскной деятельности однозначно признаны государственной тайной. Этот специальный статус не вполне согласуется со статусом гласных оперативных мероприятий, чьи результаты исходно не конспирируются.

В рассматриваемых отношениях первенство за законом «О государственной тайне», который определяет режим доступа к результатам оперативно-розыскной деятельности. Следует согласиться с тем,

что успех оперативно-розыскных мероприятий «напрямую зависит от сохранения в тайне сведений о методах, источниках и результатах деятельности» [12, с. 110].

Анализ содержания уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства РФ и Таджикистана демонстрирует тождественность используемых подходов к признакам и дефиниции ««результаты оперативно-розыскной деятельности»». В то же время, российская особенность законодательного регулирования этого вопроса заключается в ссылке на закон о государственной тайне. Однако есть и нюансы.

В частности, понятие «результаты оперативно-розыскной деятельности» в законодательстве Республики Таджикистан не определено, а в УПК РФ, хотя и формально, определено, но не конкретно и не соответствует в полной мере задачам четкой фиксации определяемого понятия, его отграничения от близких и смежных понятий. В результате в российском правоприменении длительное время наблюдалась неопределенность правового положения результатов оперативно-розыскной деятельности, которая была разрешена разъяснениями Конституционного суда Российской Федерации о том, что результаты оперативно-розыскных мероприятий следует считать не доказательствами, а данными об их источниках, которые трансформируются в доказательства лишь после их документального закрепления надлежащим образом [22]. Обратим внимание на то, что в указанном решении термины «результаты оперативно-розыскной деятельности» и «результаты оперативно-розыскных мероприятий» используются как синонимы.

В современной литературе обосновано ставится вопрос об эффективности оперативно-розыскной деятельности [5, с. 81]. При этом делается акцент даже не на самой эффективности процессов (максимальный результат и оперативность при минимальных затратах), а на использовании именно результатов. Для достижения такой эффективности необходима научная междисциплинарная концепция таких результатов. При этом особое значение имеет известность происхождения оперативных сведений, а также возможность их проверки, что является ключевым критерием допустимости использования в уголовном процессе.

В этой связи представляется целесообразным уточнить дефиницию «результаты оперативно-розыскной деятельности» и изложить п. 36.1 ст. 5 УПК РФ в следующей редакции: «36.1 результаты оперативно-ро-

зыскной деятельности — сведения, полученные и задокументированные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности».

Список источников

1. Горбанев В. М., Королев А. С. Особенности понятия результата оперативно-розыскной деятельности // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2020. № 6. С. 180–184.
2. Губанов М. Н. Право судебных приставов на оперативно-розыскную деятельность // Юридическая наука. 2011. № 4. С. 71–72.
3. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и Комментарии к ней / А. С. Александров и др. М. : Юрлитинформ, 2015.
4. Ивашук В. К. Международно-правовые стандарты в оперативно-розыскной деятельности // Академическая мысль. 2019. № 2(7). С. 23–30.
5. Лучинкин Ф. М. К вопросу об оптимизации порядка использования результатов оперативно-розыскной деятельности в судебном доказывании по уголовному делу // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2023. № 1(15). С. 81–91.
6. Нагиленко Б. Я. О некоторых проблемах законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности // Труды Академии управления МВД России. 2008. № 4(9). С. 123–127.
7. Рахмаджонзода Р. Р., Арипов А. Л., Самиев Н. М. и др. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе Республики Таджикистан: науч.-практ. пособие. Душанбе : Эр-Граф, 2019.
8. Родичев М. Л. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности: современные проблемы и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3. С. 162–169.
9. Семенцов В. А., Дзабиев У. К. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 6. С. 161–165.
10. Семенцов В. А., Рудакова С. В. Современные проблемы обжалования в отечественном уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 2. С. 33–42.

11. Семенцов В. А. Коррупционные риски и нарушения закона в стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности: мат. междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. / отв. ред. В. А. Семенцов. Ч. 2. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2024. С. 170–180.

12. Сидоренко А. В., Масленников К. И. Сущность и виды результатов оперативно-розыскной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2(90). С. 110–117.

13. Сыромолотов В. Б. Понятие конспирации в оперативно-розыскной деятельности // Государственная служба и кадры. 2024. № 1. С. 270–275.

14. Челохсаев О. З. Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина и его реализация в уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

15. Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная энциклопедия. М. : Изд-во Шумиловой И.И., 2004.

16. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29 мая 2024 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

17. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. № 564 (с изм. и доп. по сост. на 3 января 2024 г.) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. № 12. Ст. 816.

18. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

19. Закон Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 687 «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изм. и доп. по сост. на 18 июля 2017 г.) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2011. № 3. Ст. 155.

20. Приказ МВД РФ от 1 февраля 2018 г. № 50 (ред. от 30 января 2023 г.) «Об утверждении порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» // URL://www.pravo.gov.ru.

21. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 2810-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Давлетова Андрея Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьями 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

22. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 1076-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова Сергея Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также частью четвертой статьи 11 и статьей 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Gorbanev V. M., Korolev A. S. Features of the concept of the result of operational investigative activity // Gaps in Russian legislation. Law journal. 2020. No. 6. P. 180–184.

2. Gubanov M. N. The right of bailiffs to operational investigative activities // Yuridicheskaya nauka. 2011. No. 4. P. 71–72.

3. The doctrinal model of criminal procedural evidentiary law of the Russian Federation and Comments on it / A. S. Alexandrov et al. M. : Yurlitinform, 2015.

4. Ivashchuk V. K. International legal standards in operational investigative activities// Academic thought. 2019. No. 2(7). P. 23–30.

5. Luchinkin F. M. On the issue of optimizing the procedure for using the results of operational investigative activities in judicial evidence in a criminal case // Legal Bulletin of the Kuban State University. 2023. No. 1(15). P. 81–91.

6. Nagilenko B. Ya. On some problems of legislative regulation of operational investigative activities // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. No. 4(9). P. 123–127.

7. Rakhmajonzoda R. R., Aripov A. L., Samiev N. M. and others. The use of the results of operational investigative activities in the criminal process of the Republic of Tajikistan: scientific and practical. stipend. Dushanbe : Er-Graf, 2019.

8. Rodichev M. L. Using the results of operational investigative activities: modern problems and prospects // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3. P. 162–169.

9. Sementsov V. A., Dzabiev U. K. The use of the results of operational investigative activities in pre-trial proceedings // Humanities, socio-economic and social sciences. 2018. No. 6. P. 161–165.

10. Sementsov V. A., Rudakova S. V. Modern problems of appeal in domestic criminal proceedings //

Legal Bulletin of the Kuban State University. 2021. No. 2. P. 33–42.

11. Sementsov V. A. Corruption risks and violations of the law at the stage of initiation of a criminal case // Actual problems of judicial, law enforcement, human rights, criminal procedure and anti-corruption activities: mat. international scientific and practical conference. In 2 hours / ed. V. A. Sementsov. Part 2. Krasnodar : Kuban State University, 2024. P. 170–180.

12. Sidorenko A. V., Maslennikov K. I. The essence and types of results of operational investigative activities // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2(90). P. 110–117.

13. Syromolotov V. B. The concept of conspiracy in operational investigative activities // Civil service and personnel. 2024. No. 1. P. 270–275.

14. Chelokhsaev O. Z. The principle of protection of human and civil rights and freedoms and its implementation in criminal proceedings: abstract. diss. ... cand. jurid. sciences. M., 2017.

15. Shumilov A. Yu. Operational search encyclopedia. M. : Publishing house of Shumilova I.I., 2004.

16. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ (ed. dated May 29, 2024) // CL RF. 2001. No. 52 (part I). Art. 4921.

17. The Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan dated December 3, 2009 No. 564 (with amendments and additions as of January 3, 2024) // Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan. 2009. No. 12. Art. 816.

18. Federal Law «On Operational investigative activities» dated August 12, 1995 No. 144-FZ (as amended on December 29, 2022) // CL RF. 1995. No. 33. Art. 3349.

19. Law of the Republic of Tajikistan dated March 25, 2011 No. 687 «On operational investigative activities» (with amendments and additions according to comp. on July 18, 2017) // Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan. 2011. No. 3. Art. 155.

20. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated February 1, 2018 No. 50 (ed. dated January 30, 2023) «On approval of the procedure for organizing service in the internal Affairs bodies of the Russian Federation» // URL://www.pravo.gov.ru.

21. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 19, 2017 No. 2810-O «On the refusal to accept for consideration the complaints of citizen Andrey Yuryevich Davletov for violation of his constitutional rights by Article 89 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

22. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 30, 2023 No. 1076-O «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Ivanov Sergey Vyacheslavovich for violation of his Constitutional Rights by Parts One and Two of Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as Part Four of Article 11 and Article 15 of the Federal Law «On Operational Investigative activities» // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторах

В. А. Семенцов — профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани;

И. А. Одиназода — докторант кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, Академия МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук.

Information about the authors

V. A. Sementsov — Professor of the Department of Criminal Procedure of the Kuban State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Kuban;

I. A. Odinzoda — Doctoral Candidate of the Department of Criminal Procedure of the Kuban State University, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов

В. А. Семенцов — научное консультирование; концепция исследования; подготовка публикации;

И. А. Одиназода — написание исходного текста; подготовка публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

V. A. Sementsov — Scientific Consulting; Research Concept; Publication Preparation;

I. A. Odinzoda — Writing The Source Text; Preparing The Publication.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 21.07.2024; принята к публикации 14.08.2024. The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 21.07.2024; accepted for publication 14.08.2024.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-141-144>

EDN: <https://elibrary.ru/pjozpa>

NION: 2003-0059-4/24-107

MOSURED: 77/27-003-2024-04-306

Нарушения тишины и покоя граждан: тенденции и перспективы

Сергей Александрович Сойников

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, Ssojnikov@mail.ru

Аннотация. Представлен перечень основных тенденций и перспектив в сфере нарушения тишины и покоя граждан, учитывающий динамику законодательства и законодательные инициативы, а также результаты обсуждения направлений совершенствования административно-правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: шум, тишина и покой граждан, административная ответственность, динамика законодательства, законопроект

Для цитирования: Сойников С. А. Нарушения тишины и покоя граждан: тенденции и перспективы // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 141–144. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-141-144>. EDN: PJOZPA.

Original article

Violations of peace and quiet of citizens: trends and prospects

Sergey A. Sojnikov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia.

Ssojnikov@mail.ru

Abstract. A list of the main trends and prospects in the sphere of violation of silence and peace of citizens, taking into account the dynamics of legislation and legislative initiatives, as well as the results of the discussion of areas of improvement of administrative and legal regulation in this area is presented.

Keywords: noise, peace and quiet of citizens, administrative responsibility, dynamics of legislation, bill

For citation: Sojnikov S. A. Violations of peace and quiet of citizens: trends and prospects. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):141–144. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-141-144>. EDN: PJOZPA.

Превышение определенного уровня шума оказывает негативное физическое воздействие на здоровье человека и будущих поколений. Права каждого на отдых, охрану здоровья и благоприятную окружающую среду закреплены в Конституции РФ (ч. 5 ст. 37, ч. 1 ст. 41, ст. 42) [1].

В условиях реализации комплекса законодательно закрепленных прав граждан, особую актуальность приобретают вопросы обеспечения комфортной акустической обстановки в местах нахождения людей.

Реализацию положений Конституции Российской Федерации обеспечивает федеральное и региональное законодательство.

Так, федеральным законодательством установлены параметры (нормативы) уровня шума [2]. При установлении их превышения виновные привлекаются к административной ответственности. Отме-

тим, что объектом правонарушений, содержащихся в ст. 6.3 и 6.4 КоАП РФ [3], выступает законодательство в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения (санитарные правила и гигиенические нормативы) и, соответственно, требования к эксплуатации жилых и общественных помещений, зданий, сооружений и транспорта. Объектом административных правонарушений, указанных в ст. 8.22 и 8.23 КоАП РФ, являются, в том числе, установленные нормативы уровня шума.

На примере законодательства г. Москвы укажем, что установлен запрет на совершение действий, нарушающих общественный порядок и общественную безопасность, а также экологические требования в области охраны окружающей среды и природопользования. За совершение обозначенных действий установлена административная ответственность [4]. Так, объектом правонарушения, указанного в ст. 3.5

© Сойников С. А., 2024

КоАП г. Москвы, являются установленные требования к устройству фейерверков в г. Москве, а в ст. 3.13 КоАП г. Москвы — тишина и покой граждан. Объектом правонарушений, содержащихся в ст. 4.45, ст. 4.46, ч. 2 ст. 4.50 КоАП г. Москвы являются экологические требования к уровню шума на особо охраняемых территориях и, соответственно, уровень шума при производстве определенного вида работ в ночное время.

Применительно к законодательству г. Москвы важно отметить определенную схожесть указанных составов в виде акустического воздействия и формулировки, содержащиеся в ст. 3.5, 3.13 КоАП г. Москвы — «тишина и покой», а в ст. 4.45, 4.46, ч. 2 ст. 4.50 КоАП г. Москвы, соответственно, — «уровень шума».

К факторам, характеризующим важность и актуализирующим рассматриваемую тематику, можно отнести динамику законодательства в данной сфере. Так, в сентябре 2023 г. внесены изменения в ст. 16.5 КоАП г. Москвы, предусматривавшие разграничение полномочий по составлению протоколов о нарушениях тишины и покоя граждан в многоквартирных домах между должностными лицами органов внутренних дел (полиции) и ОАТИ (Объединением административно-технических инспекций). В марте 2024 г. внесены изменения в ст. 30 ЖК РФ, регламентирующие обязанности собственника жилого помещения, при предоставлении жилого помещения гражданам, соблюдать права и законные интересы соседей [5].

Рассматривая законодательную деятельность в сфере тишины и покоя граждан, укажем, что в марте 2022 г. в Государственную Думу был внесен законопроект, предусматривающий установление в КоАП РФ ответственности за нарушение тишины и покоя граждан в ночное время, который в ноябре 2023 г. был отклонен [6]. В феврале 2023 г. в Госдуму внесен проект федерального закона, предусматривающий унификацию требований по соблюдению тишины и покоя граждан. Новая редакция данного законопроекта внесена в октябре 2023 г. [7].

Рассматривая направления совершенствования в данной сфере, отметим предложенную в ноябре 2023 г. инициативу Заместителя председателя Комитета Госдумы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений Олега Юрьевича Леонова о необходимости рас-

пространения санитарных правил о допустимом уровне шума в ночное время на апартаменты [8]. В ноябре 2022 г. Московская городская Дума внесла в Государственную думу законопроект, предусматривающий изменения в КоАП РФ в части предоставления возможности привлечения к ответственности за нарушения, посягающие на покой граждан и тишину, предусмотренные законами субъектов Российской Федерации, совершенные с использованием транспортных средств, в случае их фиксации работающими в автоматическом режиме шумомерами. В марте 2023 г. указанный законопроект внесен в новой редакции [9].

Одновременно с этим отметим, что актуальными для решения в сфере нарушения тишины и покоя граждан являются следующие вопросы: формулировка понятий и терминов, используемых в данной сфере; уточнение критериев оценки элементов объективной стороны правонарушения; уточнение порядка фиксации деяния, содержащего признаки административного правонарушения; оценка эффективности применяемых видов административных наказаний; определение направлений повышения эффективности межведомственного взаимодействия между лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях (возбуждать дела) и лицами, уполномоченными принимать по данным делам решения и др. [10].

Изложенное позволяет сделать вывод о тенденциях и перспективах в сфере нарушения тишины и покоя граждан, активной законодательской деятельности и широком обсуждении направлений совершенствования административно-правового регулирования в данной сфере.

Сформулированные проблемы, а также результаты анализа материалов правоприменительной практики и статистических данных, характеризующих деяния, нарушающие тишину и покой граждан, в значительной степени определяют вектор возможного развития, что может служить объективной предпосылкой для существенного улучшения реализации комплекса законодательно закрепленных прав каждого на отдых, охрану здоровья и благоприятную окружающую среду.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с

изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28 января 2021 г. № 2 (ред. от 30 декабря 2022 г.) «Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 1.2.3685-21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 22 апреля 2024 г., с изм. от 24 мая 2024 г.) // Российская газета. 2001. № 256.

4. Закон г. Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45 (ред. от 8 мая 2024 г.) «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2007. № 69.

5. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 22 апреля 2024 г., с изм. от 25 апреля 2024 г.) // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14.

6. Законопроект № 97773-8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления ответственности за нарушение тишины и покоя граждан в ночное время» направлен на установление на федеральном уровне ответственности за нарушение тишины и покоя граждан в ночное время». Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» // URL://<https://sozd.duma.gov.ru/bill/97773-8>.

7. Законопроект № 299053-8 «О соблюдении тишины и покоя граждан в Российской Федерации и о внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации. (в части унификации требований по соблюдению тишины и покоя граждан)». Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» // URL://<https://sozd.duma.gov.ru/bill/299053-8>.

8. Леонов предложил ввести ночные ограничения по уровню шума в апартаментах. Электронное периодическое издание «Парламентская газета» // URL://<https://www.pnp.ru/social/leonov-predlozhil-vvesti-nochnye-ogranicheniya-po-urovnyu-shuma-v-apartamentakh.html>.

9. Законопроект № 245000-8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об администра-

тивных правонарушений (о возможности привлечения к ответственности за правонарушения, посягающие на покой граждан и тишину, предусмотренные законами субъектов Российской Федерации, совершенные с использованием транспортных средств, в случае их фиксации работающими в автоматическом режиме шумомерами)». Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» // URL://<https://sozd.duma.gov.ru/bill/245000-8>.

10. Решение Правительственной комиссии по профилактике правонарушений от 18 апреля 2023 г. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации // URL://https://xn--b1aew.xn-plai/mvd/sovorg/prav_kom/com_work.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // LRS «ConsultantPlus».

2. Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation dated January 28, 2021 No. 2 (ed. dated December 30, 2022) «On approval of sanitary rules and norms of SanPiN 1.2.3685-21 «Hygienic standards and requirements for ensuring the safety and (or) harmlessness of environmental factors for humans» // LRS «ConsultantPlus».

3. Code of the Russian Federation on Administrative Offences dated December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on April 22, 2024, with amendments. dated May 24, 2024) // Rossiyskaya Gazeta. 2001. No. 256.

4. The Law of Moscow dated November 21, 2007 No. 45 (ed. dated May 8, 2024) «The Code of the City of Moscow on Administrative offenses» // Bulletin of the Mayor and the Government of Moscow. 2007. No. 69.

5. Housing Code of the Russian Federation dated December 29, 2004 No. 188-FZ (as amended on April 22, 2024, with amendments. dated April 25, 2024) // CL RF. 2005. No. 1 (part 1). Art. 14.

6. Draft Law No. 97773-8 «On Amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation regarding the Establishment of Responsibility for Violating the Peace and Quiet of Citizens at Night is aimed at establishing responsibility at the federal level for violating the peace and quiet of citizens at night». The system for ensuring legislative activity of the State automated system «Law-making» // URL://<https://sozd.duma.gov.ru/bill/97773-8>.

7. Draft Law No. 299053-8 «On the Observance of Peace and Quiet of Citizens in the Russian Federation and on Amendments to the Housing Code of the Russian Federation (regarding the unification of the requirements for the observance of peace and quiet of citizens)». The system for ensuring legislative activity of the State automated system «Lawmaking» // URL://<https://sozd.duma.gov.ru/bill/299053-8>.

8. Leonov proposed to introduce nighttime noise restrictions in the apartments. Electronic periodical «Parliamentary Newspaper» // URL://<https://www.pnp.ru/social/leonov-predlozhit-vvesti-nochnye-ogranicheniya-po-urovnyu-shuma-v-apartamentakh.html>.

9. Draft Law No. 245000-8 «On Amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation (on the possibility of Bringing to Justice for Offenses Infringing on the Peace of Citizens and Silence Provided for by the Laws of the Subjects of the Russian Federation Committed using vehicles, in case they are fixed by noise meters operating in automatic mode)». The system for ensuring legislative activity of the State automated system «Lawmaking» // URL://<https://sozd.duma.gov.ru/bill/245000-8>.

10. Decision of the Government Commission for the Prevention of Offenses dated April 18, 2023. Official website of the MIA of Russia // URL://https://xn--b1aew.xn--plai/mvd/sovorg/prav_kom/com_work.

Информация об авторе

С. А. Сойников — профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

S. A. Soynikov — Professor of the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.06.2024; одобрена после рецензирования 17.07.2024; принята к публикации 08.08.2024.

The article was submitted 10.06.2024; approved after reviewing 17.07.2024; accepted for publication 08.08.2024.

	КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ 2-е изд., перераб. и доп. Учебник Гриф НИИ образования и науки Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник» Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований Под ред. Г. А. Гаджиева, Б. С. Эбзеева; под общ. ред. П. А. Кучеренко, Н. М. Чепурновой, Л. Т. Чихладзе Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации в связи с конституционной реформой. Дан комплексный анализ основных конституционно-правовых институтов, раскрыта их правовая природа. Рассматриваются наиболее актуальные современные теоретические разработки конституционно-правовой науки и правоприменительной практики. Исследованы новые для конституционных норм понятия, проанализировано изменение правового статуса органов публичной власти. Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

Научная статья

УДК 342.951:351.82

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-145-152>

EDN: <https://elibrary.ru/posvod>

ИПОН: 2003-0059-4/24-108

MOSURED: 77/27-003-2024-04-307

Способы противодействия правонарушениям в сфере информационных технологий в деятельности МВД России

Екатерина Александровна Соломатина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, katesolo@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается быстрый рост правонарушений в IT-сфере, оказывающий негативное влияние на государственные интересы и общественную безопасность в Российской Федерации в условиях стремительного развития информационных технологий. МВД России как главный субъект в области охраны общественного порядка и общественной безопасности осуществляет противодействие таким правонарушениям. Рассмотрение вопроса о способах противодействия правонарушениям в сфере информационных технологий становится важным аспектом в информировании граждан и организаций о видах киберпреступлений, повышает правовую и финансовую грамотность населения при работе с цифровыми устройствами и др. Взаимодействие практических, научных и педагогических сотрудников системы МВД России со стратегическими коммерческими партнерами IT-отрасли, активно разрабатывающими свою продукцию, является, по мнению автора, перспективным направлением в деятельности МВД России.

Ключевые слова: МВД России, противодействие, сфера информационных технологий, IT-сфера, кибер-преступления, органы внутренних дел, международное сотрудничество

Для цитирования: Соломатина Е. А. Способы противодействия правонарушениям в сфере информационных технологий в деятельности МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 145–152. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-145-152>. EDN: POSVOD.

Original article

Ways to counteract offenses in the field of information technology in the activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Ekaterina A. Solomatina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, katesolo@yandex.ru

Abstract. The article considers the rapid growth of offenses in the IT sphere, which has a negative impact on state interests and public safety in the Russian Federation in the context of the rapid development of information technologies. The Ministry of Internal Affairs of Russia, as the main subject in the field of public order and public safety, carries out counteraction to such offenses. Consideration of ways to counteract offenses in the field of information technology is becoming an important aspect in informing citizens and organizations about the types of cyber crimes, increases the legal and financial literacy of the population when working with digital devices, etc. The interaction of practical, scientific and pedagogical staff of the Ministry of Internal Affairs of Russia with strategic commercial partners of the IT industry, actively developing their products, is, in the author's opinion, a promising area in the activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: Ministry of Internal Affairs of Russia, counteraction, information technology, IT sphere, cyber crimes, internal affairs agencies, international cooperation

For citation: Solomatina E. A. Ways to counteract offenses in the field of information technology in the activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):145–152. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-145-152>. EDN: POSVOD.

Вопросам противодействия правонарушениям в историческом и современном аспектах развития отечественной юриспруденции всегда уделяется большое внимание. В своих научных работах авторы исследуют нормативную основу, становление отечественной системы противодействия правонаруше-

ниям государственными органами, в том числе органами внутренних дел, способы противодействия правонарушениям в различных сферах жизнедеятельности общества, реализацию государственной политики в области безопасности, профилактические мероприятия, меры предупреждения и др. Так,

© Соломатина Е.А., 2024

можно перечислить ряд авторов, исследующих проблемы противодействия, предупреждения и борьбы с правонарушениями, таких как: С. И. Галиеву, К. Н. Евдокимову, О. В. Зинченко, А. С. Ильницкого, О. Е. Карпушину, О. В. Катаеву, И. А. Ряпушину и др. [4; 5; 6; 7; 8].

Однако стремительное развитие информационных технологий и повсеместное их использование выявляет все новые и новые виды совершения правонарушений в области ИТ и с помощью ИТ — растет общее количество регистрируемых правонарушений в сфере информационных технологий и данный факт представляет угрозу для общественной безопасности в Российской Федерации. Рассмотрение вопроса противодействия правонарушениям в сфере информационных технологий уже становится предметом научных дискуссий, исследований, изменения практической направленности в деятельности государственных органов, в том числе в системе МВД России.

Давайте рассмотрим официальную статистику органов внутренних дел.

Публикуемые сведения МВД России свидетельствуют о том, что до 2019 г. среди статистической отчетности преступления, совершенные в ИТ-сфере, не фиксировались. Однако с 2019 г. их число постоянно растет: в 2019 г. было зарегистрировано 294,4 тыс., в 2020 г. — 510,4 тыс., а в 2021 г. более 540 тыс. При этом раскрываемость таких преступлений не превышала 26 % [9].

Это связано с тем, что режим карантина, введенный в период пандемии COVID-19 с зимы 2020 г., позволил максимально использовать между людьми, учащимися, трудовыми работниками, государственными служащими, индивидуальными предпринимателями и самозанятыми лицами такие способы общения, получения образования и осуществления рабочих функций — как «удаленка» и «дистант». Массовый переход физических и юридических лиц в интернет-пространство повлек за собой и последующий рост информационных правонарушений. Сопоставив между собой статистические данные по разным видам правонарушений, можно заметить, что большинство из представителей преступного сообщества интегрировалось в информационную сеть только с одной целью — осваивать новые технологии, прежде всего, по обману и шантажу населения.

В 2021 г. на расширенной коллегии МВД России В. В. Путин отмечал, что «число преступлений в сфере

информационных технологий за последние шесть лет возросло более чем в десять раз» [10]. Таким образом, мы можем понять первичные темпы роста правонарушений в сфере информационных технологий.

В 2023 г. численность правонарушений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, с января по ноябрь выросла на 30,8 % по сравнению с аналогичным периодом в 2022 г. [11].

По состоянию на январь 2024 г. продолжает снижаться общее количество совершенных и зарегистрированных преступлений: против личности — на 3,6 %; против собственности — на 2,8 %; совершенных в общественных местах — на 23 %, при этом на 24,4 % возросло число зарегистрированных киберпреступлений [12].

Сотрудники органов внутренних, продолжая ежедневно выполнять свои непосредственные обязанности, сталкиваются с уже привычными отработанными на гражданах способами совершения преступлений в сфере информационных технологий. Так, 20 декабря 2023 г. в Санкт-Петербурге сотрудники УБК ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области задержали участников группы телефонных мошенников. С банковских счетов российских граждан они совершали хищения. Алгоритм совершения преступления был такой: на территории Украины из кол-центров преступники звонили россиянам от имени сотрудников службы безопасности и технической поддержки Центрального банка Российской Федерации. Под предлогом проверки личного кабинета интернет-банкинга гражданина от подключенных посторонних устройств или выявления мошенничества потерпевшему присылалась ссылка, которая активизировала вредоносные программы с дистанционным управлением телефона потерпевшего и установленных в нем приложений. В последующем злоумышленники в интернет-магазинах покупали дорогостоящую электронику, которую оплачивали с расчетных счетов потерпевших. Далее участники криминальной схемы получали заказанную технику и сбывали ее через российские интернет-сервисы бесплатных объявлений. Часть денежных средств конвертировалась в криптовалютные активы и направлялась украинским работодателям. В результате оперативно-розыскных мероприятий получены данные о причастности задержанных не менее чем к 30 эпизодам противоправной деятельности,

изъято 16 млн руб., несколько десятков мобильных телефонов в заводской упаковке, более сотни банковских и сим-карт, мобильные телефоны, ноутбуки, а также другие предметы и документы, имеющие доказательственное значение [13].

Преступления с использованием интернет-технологий также могут совершаться посредством приобретения в теневом сегменте Интернета данных взломанных страниц в социальных сетях, после чего преступники проникают в чужие аккаунты и от имени владельцев рассылают знакомым, записанным как «контакты», просьбы одолжить деньги. Широко распространен также и обман подписчиков телеграм-каналов, созданных в поддержку специальной военной операции. От имени администраторов злоумышленники вступают в переписку с пользователями и убеждают их перевести денежные средства якобы для приобретения тепловизоров, квадрокоптеров и амуниции для военнослужащих, участвующих в СВО. Пожертвования поступали на находившиеся в распоряжении сообщников банковские карты и похищались. Так, сотрудники Межмуниципального управления МВД России «Оренбургское» при поддержке сотрудников Росгвардии задержали участников преступлений, квалифицируемых по ст. 159 УК РФ. Причиненный ущерб превысил 400 тыс. руб. [14].

Широко распространен способ размещения на интернет-площадках объявлений о продаже различных товаров по ценам, ниже рыночных. Покупатели вносят предоплату на переданные реквизиты. После этого заказанные вещи им не отправлялись, а полученные деньги похищались. В целях конспирации преступники периодически меняли номера телефонов, а для получения средств использовали электронные кошельки и банковские карты, оформленные на третьих лиц. Такие кражи, например, совершенные с использованием IT-технологий, были задокументированы оперуполномоченными уголовного розыска Главного управления на транспорте МВД России во взаимодействии с сотрудниками Центрального и Приволжского федеральных округов и сотрудниками Следственного департамента МВД России. Было установлено более 60 эпизодов хищения с ущербом на общую сумму свыше 3 млн руб. [15].

Задачи, поставленные руководством страны перед МВД России, не ограничиваются борьбой с IT-преступлениями и административными правонарушениями в информационной сфере, а включают

также информирование населения о способах защиты от мошенников, активное техническое оснащение органов внутренних дел, создание специализированных подразделений и налаживание более четкого взаимодействия с банковским сообществом, интернет-провайдерами, операторами сотовой связи, что позволяет повысить показатели раскрываемости киберпреступности за счет оперативной работы [16]. Так, на ведомственном сайте можно найти: информацию для граждан о правилах безопасности при пользовании дебетовыми и кредитными картами, интернет-банком; информацию для родителей, позволяющую обеспечить безопасность ребенка при использовании Интернета и социальных сетей; методические рекомендации по реализации мер в отношении детей, использующих интернет-сайты; способ передачи в МВД России об интернет-ресурсе, распространяющем запрещенную или деструктивную информацию, граждане могут подать обращение по вопросу обнаружения запрещенного контента согласно нормам ст. 15.1 Федерального закона РФ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ [1], а также подать обращение по вопросу обнаружения в сети фишинга [17].

В рамках противодействия правонарушениям в сфере информационных технологий в 2019 г. учредителем ФКУ «Объединенная редакция МВД России» было создано сетевое издание «МВД МЕДИА», зарегистрированное Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Оно предназначено для читателей от 16 лет. Деятельность ведомства в сфере информационных технологий освещают с помощью интернет-портала «МВД МЕДИА», печатных изданий «Полиция России», «Профессионал», «Содружество», «Щит и меч», посредством теле- и радиоредакции. В настоящее время официальные сайты МВД России и всех структурных подразделений работают с учетом требований новейшего времени в освещении разных профессиональных вопросов.

МВД России старается вовлекать в свои проекты по предупреждению населения о «кибербезопасности» значимых или известных профессионалов. Так, был записан видеоролик с российскими космонавтами. Они предупреждают граждан о способах противодействия дистанционному обману преступников с использованием онлайн-технологий посредством телефонной связи. Сотрудники Следственного департамента МВД России создали серию профилакти-

ческих материалов, которые призваны помочь людям не стать потерпевшими от действий аферистов. Следователи обратились за поддержкой в Госкорпорацию «Роскосмос» и попросили известных российских космонавтов принять участие в записи видеоролика с предупреждением о способах мошенничества. Герои Российской Федерации, летчики-космонавты Олег Артемьев, Петр Дубров, Сергей Кудь-Сверчков и Алексей Овчинин с радостью согласились поучаствовать в акции [18].

Совершенствование организационного направления продолжает оставаться эффективным способом повышения противодействия МВД России правонарушениям в сфере информационных технологий. Так, Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции Российской Федерации Владимир Колокольцев поручил профильным подразделениям ведомства приступить к реализации Указа Президента Российской Федерации от 30 сентября 2022 г. № 688 [2].

Он затрагивает вопрос создания в структуре МВД России УБК МВД России — Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий. Оно возглавило направление по борьбе с киберпреступлениями. К ее подведомственности относятся совершаемые правонарушения в сфере IT-технологий, которые нужно предупредить, выявить и раскрыть; анализ данных в информационно-телекоммуникационных сетях; координация подведомственных региональных подразделений, организованных по данному направлению; информационное взаимодействие с государственными и муниципальными органами, организациями финансово-кредитной системы и др. [19].

К числу некоторых основных функций УБК МВД России также относятся и вопросы административно-правовой направленности. Так, в положении об Управлении выделены функции и полномочия, которые можно отнести к административно-публичному регулированию или междисциплинарному: предотвращение негативного воздействия на информационные ресурсы, создание благоприятной среды оборота достоверной информации в IT-сфере, мониторинг сети Интернет на выявление скрытых угроз для общества, решение смежных вопросов по исполнению законодательства об административных правонарушениях по вопросам подведомственности Управления и др. [3].

Правовой мониторинг, осуществляемый МВД России, может стать еще одним способом в противодействии правонарушениям в сфере информационных технологий. Одним из показателей методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации является неполнота в правовом регулировании общественных отношений.

Правовой мониторинг как функция любого государственного органа в системе МВД России остается актуальным. Практические, научные и образовательные организации органов внутренних дел участвуют в формулировании новейших идей, позволяющих обновить устаревшее законодательство, выявить несоответствие норм, улучшить вопросы практического применения сложных моментов, например, в деятельности территориальных подразделений. Особенно остро выявляются сейчас проблемы отсутствия некоторой терминологии по новым правоотношениям.

Ответственные должностные лица за правовой мониторинг отслеживают «неработающие» положения в отечественном законодательстве, исследуют алгоритм их изменений, рецензируют высказанные идеи и направляют для включения субъектам законодательной инициативы. Так, в настоящее время актуально рассматривать вопросы: добавления в российское законодательство новых терминов и их раскрытия; упрощенного взаимодействия между органами правоохранительной направленности в использовании баз данных; подготовки ответов на запросы; разработки новых алгоритмов выявления и фиксации доказательственной базы, в том числе в сфере цифровой трансформации; объединения сервисных ресурсов правоохранительных органов и пр.

Международное сотрудничество, как следующий способ противодействия, основывается на подписании ряда соглашений о стратегическом партнерстве. Так, в г. Москве 21 февраля 2024 г. прошло совещание экспертов Министерства внутренних дел стран Содружества по обсуждению предложений в предварительный проект повестки дня очередного заседания Совета министров внутренних дел государств — участников СНГ, запланированного к проведению в августе 2024 г. в г. Минске Республики Беларусь.

В мероприятии приняли участие представители МВД России, Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. По результатам встречи согласован предвари-

тельный проект повестки дня очередного саммита СМВД. Эксперты предложили включить вопросы, связанные с совершенствованием алгоритмов взаимодействия МВД стран Содружества в сфере противодействия кибер-преступлениям, обеспечения правопорядка на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта, повышения безопасности дорожного движения, а также реализации механизмов противодействия незаконной миграции [20].

Совместные встречи государственных служащих двух государств России и Беларуси по линии следственных департаментов министерств внутренних дел позволяют обмениваться опытом по организации расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Стратегические партнеры в рамках Союзного государства обсудили вопросы по защите национальных интересов в сфере информационных технологий, необходимость объединения усилий в сфере борьбы с преступностью в виртуальном пространстве. По словам С. Лебедева, «среди всех ИТ-преступлений дистанционные хищения занимают больший удельный вес, а практически все преступления данной категории выявляются органами внутренних дел — 98,8 %. Несмотря на увеличение количества противоправных деяний с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, принятые меры позволили существенно сократить темпы прироста дистанционных хищений». Было отмечено, что «...все чаще в криминальных схемах участвует молодежь. Подростки открывают на свое имя банковские счета, получают карты и передают их третьим лицам либо по указанию злоумышленников осуществляют с использованием данных карт снятие со счетов похищенных денежных средств. Принимаемые МВД России меры по борьбе с дистанционными хищениями, совершенствование методик их раскрытия и расследования позволили, в том числе, пресечь за год деятельность 19 крупных межрегиональных преступных сообществ, участниками которых совершены более 20 тыс. противоправных деяний. Примером результативного сотрудничества, позволяющего использовать хорошо отлаженный механизм исполнения международных следственных поручений, является практика взаимодействия уполномоченных территориальных органов МВД России с территориальными подразделениями Следственного комитета Республики Беларусь. Ежегодный объем взаимодей-

ствия между Следственным департаментом МВД России и Следственным комитетом Республики Беларусь составляет около 51 % от общего количества запросов, поступивших и направленных государствам – участникам СНГ» [21].

Проведение международных форумов и конференций становится важным событием для взаимодействия государственного и коммерческих секторов между собой в сфере информационных технологий. Так, в апреле 2024 г. на базе Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя был проведен Международный форум «ЦИФРОПОЛ-2024» с обсуждением перспектив применения технологий и систем искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел. На нем присутствовали представители руководства МВД России, ДИТСиЗИ МВД России, ФКУ НПО «СТиС» МВД России, территориальных органов МВД России и ведомственных образовательных организаций, представители силовых ведомств стран – участников Содружества Независимых Государств, сенаторы Российской Федерации, представители Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, правоохранительных ведомств, ведущих профильных вузов страны и ИТ-организаций. Обсуждались наиболее актуальные вопросы в сфере информационно-телекоммуникационных технологий; на выставочных экспозициях демонстрировались новейшие отечественные разработки в ИТ-сфере и аппаратно-программные комплексы, в том числе беспилотной авиации [22].

В качестве вывода необходимо отметить, что алгоритмы совершения правонарушений в сфере информационных технологий становятся все более разнообразными, сложными и завуалированными. С развитием дистанционных способов взаимодействия между людьми появилась и возможность совершения кибер-преступлений одновременно с территорий нескольких государств при наличии сетевой анонимности правонарушителей. Выставить адекватную защиту противодействия таким правонарушениям возможно не только посредством выполнения оперативных задач, стоящих перед МВД России, но и в рамках осуществления совокупности мероприятий по противодействию правонарушениям в ИТ-сфере.

Перечисленные способы противодействия правонарушениям в сфере информационных технологий в деятельности МВД России, безусловно, не исчерпы-

вающие. В своем комплексе они представляют собой эффективные возможности информирования граждан и формирование соответствующего правового и организационного заслона кибер-преступникам.

Совместное сотрудничество практического, научного и педагогического сообщества МВД России со стратегическими коммерческими партнерами, активно развивающими и внедряющими свою продукцию в сферу информационных технологий — одно из самых перспективных направлений в современных реалиях деятельности МВД России. Взаимодействие сотрудников органов внутренних дел с представителями IT-организаций, поддержание «духа» научного творчества и стремление к поиску новых возможностей практической направленности между подразделениями правоохранительных органов как российских, так и зарубежных, является важнейшей задачей — привести все лучшее, обоснованное и прогрессивное в повседневную деятельность сотрудников органов внутренних дел и осуществить решающие перемены в общей организации противодействия правонарушениям в сфере информационных технологий.

Список источников

1. Федеральный закон РФ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2022 г. № 688 «О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Приказ МВД России от 29 декабря 2022 г. № 1110 «Об утверждении Положения об Управлении по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Галиева С. И. Реализация государственной политики по профилактике преступности в современной России (институциональные аспекты): автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Казань, 2021.
5. Евдокимов К. Н. Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2022.
6. Зинченко О. В. Становление и развитие отечественной системы предупреждения преступлений органами внутренних дел: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
7. Ильницкий А. С. Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022.
8. Катаева О. В., Ряпухина И. А., Карпушин О. Е. Деятельность органов внутренних дел как субъекта профилактики правонарушений: современные проблемы и перспективы // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 1. С. 20–24.
9. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – ноябрь 2021 г. Официальный сайт МВД России // URL://<https://mvd.pf/reports/item/27566319>.
10. Владимир Путин принял участие в ежегодном расширенном заседании коллегии МВД России // URL://<http://www.kremlin.ru/events/president/news/65090>.
11. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – ноябрь 2023 г. Официальный сайт МВД России // URL://<https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/45293174/>
12. Официальный сайт МВД России // URL://<https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/47517940/>
13. В Санкт-Петербурге полицейские задержали участников группы телефонных мошенников. Официальный сайт МВД России // URL://<https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/45256088/>
14. В Оренбургской области полицейскими задержаны подозреваемые в серии хищений с использованием Интернета. Официальный сайт МВД России // URL://<https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/44627846/>
15. Сотрудниками транспортной полиции пресечена деятельность межрегиональной организованной группы, участники которой подозреваются в серии краж, совершенных с использованием IT-технологий. Официальный сайт МВД России // URL://<https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/44504167/>
16. Расширенное заседание коллегии МВД России. Официальный сайт Президента РФ // URL://<http://www.kremlin.ru/events/president/news/65090>.
17. Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий. Официальный сайт МВД России // URL://<https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Upravljenija/%D1%83%D0%B1%D0%BA?ysclid=lst8nculoy696594793>.

18. Российские космонавты по просьбе МВД России записали видеоролик с предупреждением о способах противодействия дистанционным мошенничествам // URL://<https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/47762283/>

19. В структуре МВД России создано Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий. Официальный сайт МВД России // URL://<https://mvdmedia.ru/news/official/v-strukture-mvd-rossii-sozdano-upravlenie-po-organizatsii-borby-s-protivopravnym-ispolzovaniem-infor/>

20. В Москве прошло совещание экспертов Министерства внутренних дел стран Содружества. Официальный сайт МВД России // URL://<https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/47487974/>

21. Сергей Лебедев обсудил с белорусскими коллегами вопросы сотрудничества при расследовании киберпреступлений. Официальный сайт МВД России // URL://<https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/47010760/>

22. Виталий Шулика принял участие в Международном форуме «ЦИФРОПОЛ-2024». МВД Медиа // URL://<https://mvdmedia.ru/news/official/vitaliy-shulika-prinyal-uchastie-v-mezhdunarodnom-forume-tsifropol-2024/>

References

1. Federal Law of the Russian Federation No. 149-FZ dated July 27, 2006 «On Information, Information Technologies and Information Protection» // LRS «ConsultantPlus».

2. Decree of the President of the Russian Federation dated September 30, 2022 No. 688 «On Amendments to Certain Acts of the President of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

3. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated December 29, 2022 No. 1110 «On Approval of the Regulations on the Department for the Organization of Combating the Illegal Use of Information and Communication Technologies of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

4. Galieva S. I. Implementation of the state policy on crime prevention in modern Russia (institutional aspects): abstract. diss. ... cand. polit. sciences. Kazan, 2021.

5. Evdokimov K. N. Countering computer crime: theory, legislation, practice: abstract. diss. ... doct. jurid. sciences. M., 2022.

6. Zinchenko O. V. Formation and development of the domestic crime prevention system by internal affairs bodies: diss. ... cand. jurid. sciences. M., 2006.

7. Ilitsky A. S. Countering criminal ideology on the Internet: abstract. diss. ... cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2022.

8. Kataeva O. V., Ryapukhina I. A., Karpushin O. E. Activity of internal affairs bodies as a subject of crime prevention: modern problems and prospects // Problems of law enforcement. 2020. No. 1. P. 20–24.

9. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – November 2021. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL://<https://Ministry of Internal Affairs.rf/reports/item/27566319>.

10. Vladimir Putin took part in the annual expanded meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL://<http://www.kremlin.ru/events/president/news/65090>.

11. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – November 2023. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL://<https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/45293174/>

12. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL://<https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/47517940/>

13. In St. Petersburg, the police detained members of a group of telephone scammers. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL://<https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/45256088/>

14. In the Orenburg region, police detained suspects in a series of thefts using the Internet. The official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL://<https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/44627846/>

15. Transport police officers suppressed the activities of an interregional organized group, whose members are suspected of a series of thefts committed using IT technologies. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL://<https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/44504167/>

16. Extended meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The official website of the President of the Russian Federation // URL://<http://www.kremlin.ru/events/president/news/65090>.

17. Office for the Organization of the fight against the illegal use of information and Communication Technologies. The official website of the Ministry of Internal

Affairs of Russia // URL://<https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Upravlenija/%D1%83%D0%B1%D0%BA?ysclid=lst8nculoy696594793>.

18. Russian cosmonauts, at the request of the Russian Interior Ministry, recorded a video warning about ways to counter remote fraud // URL://<https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/47762283/>

19. In the structure of the Ministry of Internal Affairs of Russia, a Department has been established to organize the fight against the illegal use of information and communication technologies. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL://<https://mvdmedia.ru/news/official/v-strukture-mvd-rossii-sozdano-upravlenie-po-organizatsii-borby-s-protivopravnym-ispolzovaniem-infor/>

20. A meeting of experts from the Ministry of Internal Affairs of the Commonwealth countries was held in Moscow. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL://<https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/47487974/>

21. Sergey Lebedev discussed with his Belarusian colleagues the issues of cooperation in the investigation of cybercrimes. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL://<https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/47010760/>

22. Vitaly Shulika took part in the International Forum «CIFROPOL-2024». MVD Media // URL://<https://mvdmedia.ru/news/official/vitaliy-shulika-prinyal-uchastie-v-mezhdunarodnom-forume-tsifropol-2024/>

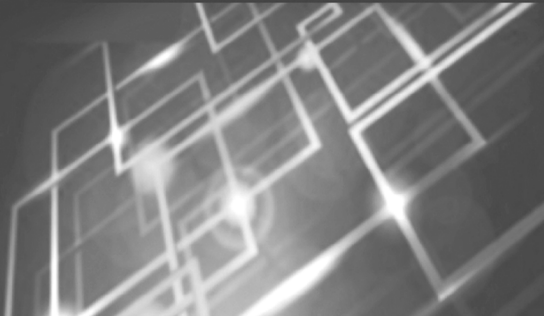
Информация об авторе

Е. А. Соломатина — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. A. Solomatina — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 01.08.2024.
The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 01.08.2024.

С.И. Козьминых ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ 	ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ Учеб. пособие Гриф УМЦ «Профессиональный учебник» Гриф НИИ образования и науки С. И. Козьминых Учебное пособие предназначено для изучения методики и технологии организации защиты информации в органах внутренних дел, а также способов ее совершенствования в целях формирования у обучаемых практических навыков работы по организационному обеспечению защиты информации. Рассматриваются концептуальные положения организационного обеспечения информационной безопасности ОВД. Анализируются источники и каналы утечки информации, составляющей государственную тайну. Особое внимание уделено обеспечению комплексной безопасности объектов информатизации органов внутренних дел. Для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки (специальности) 10.05.05 «Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере».

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-153-158>

EDN: <https://elibrary.ru/ovebtb>

NIION: 2003-0059-4/24-109

MOSURED: 77/27-003-2024-04-308

К вопросу о правовом регулировании международных контрактов в странах Прикаспийского региона

Дина Павловна Стригунова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, strigunova-dp@ranepa.ru

Аннотация. Рассматривается характеристика современного состояния правового регулирования международных контрактов в государствах Прикаспийского региона. Принятие сторонами Конвенции 2018 г. о статусе Каспийского моря, с одной стороны, служит дальнейшему развитию межгосударственного сотрудничества, а с другой, — вызывает необходимость разработки соответствующей нормативной правовой основы для взаимодействия участников международных контрактов.

Ключевые слова: международный контракт, Прикаспийский регион, Каспий, статус Каспийского моря, международная перевозка, международная кооперация

Для цитирования: Стригунова Д. П. К вопросу о правовом регулировании международных контрактов в странах Прикаспийского региона // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 153–158. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-153-158>. EDN: OVEBTB.

Original article

On the issue of legal regulation of international commercial contracts in the countries of the Caspian region

Dina P. Strigunova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, strigunova-dp@ranepa.ru

Abstract. The characteristic of the current state of legal regulation of international contracts in the states of the Caspian region is considered. The adoption by the parties of the 2018 Convention on the Status of the Caspian Sea, on the one hand, serves to further develop interstate cooperation, and on the other hand, causes the need to develop an appropriate regulatory framework for the interaction of participants in international contracts.

Keywords: international contract, Caspian region, Caspian Sea, status of the Caspian Sea, international transportation, international cooperation

For citation: Strigunova D. P. On the issue of legal regulation of international commercial contracts in the countries of the Caspian region. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):153–158. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-153-158>. EDN: OVEBTB.

В последние годы все возрастающее значение имеет сотрудничество Российской Федерации с рядом государств, таких как Азербайджан, Иран, Казахстан и Туркменистан, входящих в группу стран Прикаспийского региона. Четыре из этих государств являются государствами – членами СНГ, а Россия и Казахстан являются также членами ЕАЭС. Все эти пять стран, наряду с Россией, расположились вокруг Каспийского моря.

Статус Каспийского моря длительное время был не вполне определенным, поскольку Каспий не яв-

ляется частью Мирового океана, а по сути представляет собой водоем внутри Континента. Однако значение Каспия не следует недооценивать, поскольку он является связующим водоемом между указанными выше странами, а кроме того, в Каспийское море впадает 130 рек, в том числе Волга, Урал, Терек и т. д.

Правовой статус Каспийского моря стал более определенным, когда страны Прикаспийского региона 12 августа 2018 г. в г. Актау подписали Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря, которую ра-

© Стригунова Д. П., 2024

тифицировали все государства данного региона. В Конвенции, в частности, было закреплено, что основная площадь Каспийского моря представляет собой море; Каспийское море имеет для Сторон жизненно важное значение и только они обладают суверенными правами в отношении Каспийского моря и его ресурсов. Согласно ст. 2 Конвенции Стороны реализуют суверенитет, суверенные и исключительные права, а также осуществляют юрисдикцию в Каспийском море. Каспийское море используется в мирных целях (ст. 3). Плавание в Каспийском море, проход в/из него осуществляется исключительно судами под флагами каждой из Сторон. Согласно ст. 4 Стороны осуществляют деятельность в Каспийском море в целях судоходства, промысла, использования и охраны водных биологических ресурсов, развития и разработки ресурсов его дна и недр, а также иные виды деятельности в соответствии с Конвенцией, соглашениями Сторон и их национальным законодательством. Разграничение дна и недр Каспийского моря на секторы осуществляется по договоренности Сторон с учетом общепризнанных принципов и норм международного права и т. д. [13]. Лидеры пяти государств также приняли Коммюнике.

Помимо этого, между странами Прикаспийского региона действуют двусторонние Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве, а также сотрудничестве в области транспорта. В указанных соглашениях Договаривающиеся Стороны предпринимают «в рамках законов и правил, действующих в каждой из стран, все необходимые меры для поощрения и развития торговли, экономического и технического сотрудничества...» [20].

В целом, Конвенция 2018 г., торговые и транспортные соглашения Прикаспийских государств, а также Коммюнике создали «принципиально новые благоприятные условия и прочную правовую основу для интенсификации экономического сотрудничества на Каспии» [6]. При этом Россия, «является ключевым торговым партнером для всех стран Прикаспийского региона» [6].

В частности, в Коммюнике было подчеркнуто, что торговые соглашения между пятью государствами будут «способствовать дальнейшему укреплению и развитию взаимодействия прибрежных государств в промышленной, торговой, энергетической, транспортно-логистической, инновационной, туристической, информационной и других сферах,

представляющих интерес» [7]. Таким образом, торговое сотрудничество между нашими государствами должно осуществляться не только в сфере международных морских перевозок, но и в других областях, хотя международные морские перевозки играют в отношениях между странами данного региона далеко не последнюю роль.

Рассмотрим особенности правового регулирования наиболее часто встречающихся международных контрактов в международном коммерческом обороте применительно к рассматриваемому региону.

Основным видом международных контрактов выступает договор международной купли-продажи товаров. Данный вид международных контрактов ввиду объективных причин играет ключевую роль в международном коммерческом обороте. На протяжении многих лет правовое регулирование договора международной купли-продажи товаров осуществляется с помощью Конвенции ООН «О договорах международной купли-продажи товаров» 1980 г., участниками которой в настоящее время является 97 государств [12]. В данной Конвенции участвуют следующие Прикаспийские государства: Азербайджан, Россия и Туркменистан. Иран и Казахстан в данной Конвенции не участвуют.

Следующей международной конвенцией, которая, как и Венская конвенция 1980 г., содержит материальные нормы, является Оттавская конвенция УНИДРУА «О международном финансовом лизинге» 1988 г. [15]. По сравнению с Венской конвенцией 1980 г., состав участников данной Конвенции незначителен. Из стран Прикаспийского региона в данной Конвенции участвует только Россия.

Третья конвенция, которая также содержит унифицированные материальные правовые нормы, содержащие положения о договоре международного факторинга, является Оттавская конвенция УНИДРУА по международным факторинговым операциям 1988 г. [16]. Состав участников данной Конвенции также незначителен. В данной Конвенции из Прикаспийских стран также участвует только Россия.

Изложенное выше позволяет заключить, что страны Прикаспийского региона не особо вовлечены в и без того слабые процессы унификации материальных норм, посвященных международным контрактам поставки, лизинга и факторинга.

Следует обратить внимание также на транспортные конвенции. Для правового регулирования

международных автомобильных перевозок немало-важное значение имеет Конвенция о договоре международной дорожной перевозки грузов (КДПГ) 1956 г. [10]. В ней участвуют 55 государств, в том числе все страны Прикаспийского региона, однако до 1 июля сухопутные границы Азербайджана остаются закрытыми из-за «особого карантинного режима». При этом Азербайджан и Казахстан не участвуют в Протоколе к КДПГ 1978 г. [17].

В области международных железнодорожных перевозок принято Соглашение о международном грузовом сообщении 1951 г. [21]. Следует обратить внимание, что в данном Соглашении участвуют все Прикаспийские государства. В отличие от Венской конвенции 1980 г., Соглашение СМГС 1951 г. содержит императивные нормы, от которых нельзя отступать, а любые условия договора международной железнодорожной перевозки, которые противоречат положениям Соглашения, будут недействительными. При этом 17 мая 2023 г. Россия и Иран подписали Соглашение о достройке железнодорожного участка «Решт-Астара» [18].

Международные воздушные перевозки грузов и пассажиров находятся под влиянием двух систем их правового регулирования: Варшавской и Монреальской. Варшавская система ведет свое начало от Варшавской конвенции по международным перевозкам 1929 г., которая неоднократно изменялась соответствующими Протоколами. Принятие Монреальской конвенции 1999 г., изменившей подход к ответственности международного перевозчика, связана с развитием и повышением безопасности вида воздушного транспорта [9]. В Варшавской конвенции 1929 г. и/или Гаагском протоколе к ней 1955 г. участвуют в той или иной мере все Прикаспийские государства [8]. В то же время, в Монреальской конвенции 1999 г. не участвуют Иран и Туркменистан. Следовательно, международные перевозки грузов и пассажиров с этими странами будут осуществляться в рамках Варшавской системы.

Воздушные, автомобильные, железнодорожные перевозки играют важную роль в международном торгово-экономическом сотрудничестве государств, но все же преобладающее значение в данном случае следует придать именно морским перевозкам по Каспию. В этой связи целесообразно обратить внимание на договоры международной перевозки грузов, заключаемые между коммерсантами из рас-

сматриваемых государств в акватории Каспийского моря.

В доктрине обращается внимание на то, что «Каспийское море было полностью выведено из-под применения режима Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и квалифицировано в качестве не моря, а «водоема» [4]. Это ставит вопрос о применимости международных конвенций по морскому праву к отношениям, которые возникают в Каспийской акватории, прежде всего в связи с перемещением грузов и пассажиров по ней. При этом, сравнение положений Конвенции по морскому праву 1982 г. и Конвенции 2018 г. позволяет заключить, что положения первой были восприняты в последней.

Что касается остальных международных нормативных правовых актов, то, очевидно, не применяясь автоматически, такие соглашения должны применяться, если страны Прикаспийского региона единогласно выскажутся об их применении к своим международным морским отношениям, возникающим в данной акватории [19]. Сказанное, по всей видимости, относится не только к отношениям международного публичного морского права, но и к отношениям в сфере международного торгового мореплавания частноправового характера, возникающим в данном регионе.

Прикаспийские государства не высказывались положительно о применении международных нормативных правовых актов в области международных морских перевозок к отношениям по перевозке грузов или пассажиров по акватории Каспийского моря. В первую очередь имеется в виду Международная конвенция об унификации некоторых правил о коносаменте 1924 г. [11]. Кроме того, как известно, открыты к подписанию Роттердамские правила 2008 г. и возможно целесообразнее рассмотреть вопрос о применении последнего, более прогрессивного документа 2008 г. к международным перевозкам по Каспию. Вместе с тем, учитывая правовой режим Каспия, более целесообразным видится разработка самостоятельного документа по международным морским перевозкам по акватории Каспия между Прикаспийскими государствами.

В сложившихся условиях необходимо обратиться к коллизионному правовому регулированию международных контрактов в Прикаспийском регионе. Учитывая то, что Россия, Казахстан и Азербайджан являются государствами – членами СНГ, необхо-

димо обратиться к международным соглашениям СНГ, относящимся к данной сфере. Речь в первую очередь пойдет о Соглашении СНГ 1992 г. [22] в силу специфики последнего, а также Кишиневской конвенции СНГ 2002 г. [14]. В Соглашении СНГ 1992 г. участвуют все четыре государства – участники СНГ, а в Кишиневской конвенции участвуют Россия, Азербайджан и Казахстан.

Соглашение 1992 г. и Конвенция 2002 г. содержат, по сути, одинаковые положения относительно права, применимого, в том числе, к международным контрактам. При этом, с учетом принципа «*lex specialis derogat generali*», приоритетному применению подлежат положения Соглашения СНГ 1992 г. Так, основной коллизионной привязкой для международных контрактов, заключаемых между странами Прикаспийского региона, участвующими в СНГ, является автономия воли, позволяющая выбрать применимое к договору право. В тех случаях, когда между сторонами отсутствует соглашение о выборе применимого к международному контракту права, последний подлежит регулированию с помощью коллизионной нормы п. «е» ст. 11 Соглашения СНГ 1992 г. по праву страны его заключения. По данному праву определяется также форма сделки. В Договоре о правовой помощи между РФ и Азербайджаном 1993 г. право, применимое к содержанию договора, не определяется, однако к форме сделки применяется право страны ее заключения (ст. 39 Договора) [5].

В тех случаях, когда международный контракт заключается между коммерсантом из России/другой страны СНГ, являющейся Прикаспийским государством, и Ираном, в первую очередь необходимо обращение к двусторонним соглашениям, содержащим коллизионные нормы. К сожалению, доступ к таким двусторонним соглашениям, заключенным между указанными государствами без России в настоящее время отсутствует. В этой связи остановимся на Договоре о правовой помощи между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран 1996 г. В указанном Договоре отсутствуют коллизионные нормы, применимые к содержанию сделки с иностранным элементом. В ст. 33 Договора, равно как и в Договоре с Азербайджаном, содержится коллизионная норма, применимая к форме сделки, которая определяется по праву страны ее совершения. О недостатках указанных привязок к

lex loci actus неоднократно писали в отечественной доктрине [2].

Что касается коллизионного регулирования международных контрактов, то на сегодняшний день во всех странах имеется законодательство, в той или иной мере содержащее соответствующие нормы. Например, в соответствии со ст. 968 ГК Ирана «обязательства, возникающие из соглашений, подчиняются законам места, где они были заключены, если только заключающие их лица не являются иностранными подданными и если они не подчинили указанные обязательства прямо выраженным или подразумеваемым образом какому-либо другому закону» [3]. В то же время, как отмечается в литературе, коллизионный выбор применимого к договору права не допускается в Иране, если такой контракт был заключен в Иране, а также в тех случаях, когда договор заключен с участием иранского физического или юридического лица, либо в тех случаях, когда объект сделки находится в Иране [1].

В целом, сложившуюся ситуацию возможно было бы смягчить путем заключения международного соглашения между странами Прикаспийского региона, учитывая то, что в указанном регионе соответствующие многосторонние международные соглашения до настоящего времени отсутствуют, в то время как стремление государств Прикаспийского региона к сотрудничеству налицо.

Список источников

1. Андреева О. В. Об «автономии» воли в международном частном праве // Актуальные проблемы экономики и менеджмента: сб. ст. межвуз. науч.-практ. конф. Воронеж : Руна, 2013. С. 6–7.
2. Вилкова Н. Г. Договорное право в международном обороте. М. : Статут, 2004.
3. Гражданский кодекс Ирана 1928–1936 гг. // Проектная группа «Современная конструкция международного частного права». Сайт НИУ ВШЭ // URL://<https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/070101>.
4. Гудев П. А. Правовой статус Каспийского моря: пробелы конвенционного режима // Проблемы постсоветского пространства. 2022. № 9(2). С. 168–182.
5. Договор между РФ и Азербайджанской Республикой от 22 декабря 1992 г. «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Качалова А. В. Перспективы пятистороннего сотрудничества прикаспийских государств в экономической сфере // Проблемы постсоветского пространства. 2019. № 6(2). С. 165–174.

7. Коммюнике Пятого каспийского саммита от 12 августа 2018 г. // URL://<http://www.kremlin.ru/supplement/5330>.

8. Конвенция для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок (Варшава, 12 октября 1929 г.) и Гаагский протокол к Конвенции от 28 сентября 1955 г. // СПС «КонсультантПлюс».

9. Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок (Монреаль, 28 мая 1999 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Конвенция о договоре международной дорожной перевозки грузов (Женева, 19 мая 1956 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

11. Конвенция об унификации некоторых правил о коносаменте (Брюссель, 25 августа 1924 г.) (в ред. протокола от 23 февраля 1968 г. и 21 декабря 1979 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

12. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (Вена, 11 апреля 1980 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1994. № 1.

13. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря (Актау, 12 августа 2018 г.) // URL://<http://www.kremlin.ru/supplement/5328>.

14. Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишинев, 7 октября 2002 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

15. Конвенция УНИДРУА о международном финансовом лизинге (Оттава, 28 мая 1988 г.) // СЗ РФ. 1999. № 32. Ст. 4040.

16. Конвенция УНИДРУА по международным факторинговым операциям (Оттава, 28 мая 1988 г.) // СЗ РФ. 2015. № 15. Ст. 2198.

17. Протокол к Конвенции о договоре международной дорожной перевозке грузов (Женева, 5 июля 1978 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

18. Россия и Иран подписали соглашение о сотрудничестве по финансированию проектирования, строительства и поставок товаров и услуг для создания железной дороги «Решт-Астара» в Иране // Интерфакс // URL://<https://www.interfax.ru/russia/901822>.

19. Салимгерей А. А. Условия применения международных соглашений по морскому праву к акватории Каспия // Вестник института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2021. № 4. С. 87–96.

20. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Исламской Республики Иран о торгово-экономическом сотрудничестве от 14 апреля 1997 г. // Бюллетень международных договоров. 1999. № 3.

21. Соглашение о международном грузовом сообщении (СМГС) 1951 г. от (с изм. и дом. от 1 июля 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

22. Соглашение СНГ «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» (Киев, 20 марта 1992 г.) // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 4.

References

1. Andreeva O. V. On the «autonomy» of the will in private international law // Actual problems of economics and management: collection of art. mezhdvuz. scientific and practical conf. Voronezh : Runa, 2013. P. 6–7.

2. Vilkova N. G. Contractual law in international circulation. M. : Statute, 2004.

3. The Civil Code of Iran 1928-1936 // Project group «Modern construction of private international law». HSE website // URL://<https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/070101>.

4. Gudev P. A. The legal status of the Caspian Sea: gaps in the conventional regime // Problems of the post-Soviet space. 2022. No. 9(2). P. 168–182.

5. The Agreement between the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan dated December 22, 1992 «On legal assistance and legal relations in civil, family and criminal matters» // LRS «ConsultantPlus».

6. Kachalova A. V. Prospects for five-sided cooperation of the Caspian littoral states in the economic sphere // Problems of the post-Soviet space. 2019. No. 6(2). P. 165–174.

7. Communiqué of the Fifth Caspian Summit dated August 12, 2018 // URL://<http://www.kremlin.ru/supplement/5330>.

8. Convention for the Unification of Certain Rules Relating to International Air Transport (Warsaw, October 12, 1929) and the Hague Protocol to the Convention of September 28, 1955 // LRS «ConsultantPlus».

9. Convention for the Unification of Certain Rules of International Air Transport (Montreal, May 28, 1999) // LRS «ConsultantPlus».
10. Convention on the Contract for the International Carriage of Goods by Road (Geneva, May 19, 1956) // LRS «ConsultantPlus».
11. Convention on the Unification of Certain Rules on the Bill of Lading (Brussels, August 25, 1924) (as amended by the Protocol of February 23, 1968 and December 21, 1979) // LRS «ConsultantPlus».
12. The UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods of 1980 (Vienna, April 11, 1980) // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 1994. No. 1.
13. Convention on the Legal Status of the Caspian Sea (Aktau, August 12, 2018) // URL://http://www.kremlin.ru/supplement/5328.
14. CIS Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters (Chisinau, October 7, 2002) // LRS «ConsultantPlus».
15. Unidroit Convention on International Financial Leasing (Ottawa, May 28, 1988) // CL RF. 1999. No. 32. Art. 4040.
16. Unidroit Convention on International Factoring Operations (Ottawa, May 28, 1988) // CL RF. 2015. No. 15. Art. 2198.
17. Protocol to the Convention on the Contract for the International Carriage of Goods by Road (Geneva, July 5, 1978) // LRS «ConsultantPlus».
18. Russia and Iran have signed a cooperation agreement on financing the design, construction and supply of goods and services for the creation of the Rasht-Astara railway in Iran // Interfax // URL://https://www.interfax.ru/russia/901822.
19. Salimgerei A. A. Conditions for the application of international agreements on the law of the sea to the Caspian Sea // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2021. No. 4. P. 87–96.
20. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Islamic Republic of Iran on trade and economic cooperation dated April 14, 1997 // Bulletin of International Treaties. 1999. № 3.
21. The Agreement on International Freight Transport (SMGS) of 1951 from (with amendments and dom. dated July 1, 2023) // LRS «ConsultantPlus».
22. The CIS Agreement «On the procedure for resolving disputes related to the implementation of economic activities» (Kiev, March 20, 1992) // Information Bulletin of the Council of Heads of State and the Council of Heads of Government of the CIS «Commonwealth». 1992. № 4.

Информация об авторе

Д. П. Стригунова — профессор кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

D. P. Strigunova — Professor of the Department of International and Integration Law of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 01.08.2024.

The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 01.08.2024.

Научная статья

УДК 342.92

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-159-162>

EDN: <https://elibrary.ru/oqwsxw>

НИОН: 2003-0059-4/24-110
MOSURED: 77/27-003-2024-04-309

Теоретические основы законодательства субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях в системе российского законодательства

Камиль Арифович Султанов

Государственный университет управления, Москва, Россия, lawyer@mail.ru

Аннотация. Анализируются теоретические основы законодательства субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях. Рассматриваются ключевые аспекты административных правонарушений, их место и роль в системе российского права. Особое внимание уделяется полномочиям субъектов РФ в данной области, а также анализу судебной практики и ее влиянию на формирование законодательных норм. Приводится сравнительный анализ различий в законодательстве субъектов РФ. Выявляются проблемные аспекты, требующие дальнейшего исследования и совершенствования.

Ключевые слова: административные правонарушения, законодательство субъектов РФ, система российского права, полномочия субъектов РФ, судебная практика, федеральное и региональное законодательство, теоретические основы, совершенствование законодательства

Для цитирования: Султанов К. А. Теоретические основы законодательства субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях в системе российского законодательства // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 159–162. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-159-162>. EDN: OQWSXW.

Original article

Theoretical foundations of the legislation of the subjects of the Russian Federation on administrative offenses in the system of Russian legislation

Kamil A. Sultanov

State University of Management, Moscow, Russia, lawyer@mail.ru

Abstract. The theoretical foundations of the legislation of the subjects of the Russian Federation on administrative offenses are analyzed. The key aspects of administrative offenses, their place and role in the system of Russian law are considered. Special attention is paid to the powers of the subjects of the Russian Federation in this area, as well as the analysis of judicial practice and its influence on the formation of legislative norms. A comparative analysis of differences in the legislation of the subjects of the Russian Federation is given. Problematic aspects requiring further research and improvement are identified.

Keywords: administrative offenses, legislation of the subjects of the Russian Federation, system of Russian law, powers of the subjects of the Russian Federation, judicial practice, federal and regional legislation, theoretical foundations, improvement of legislation

For citation: Sultanov K. A. Theoretical foundations of the legislation of the subjects of the Russian Federation on administrative offenses in the system of Russian legislation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):159–162. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-159-162>. EDN: OQWSXW.

Административные правонарушения составляют существенную часть правовой системы, поскольку они охватывают широкий спектр деяний, от нарушений правил дорожного движения до нарушений в сфере экологии, здравоохранения и многих других областей жизни общества. Ответственность за такие нарушения служит не только наказанием, но и мерой предупреждения, направленной на предотвращение новых инцидентов.

Административное правонарушение, как правило, выражается в несоблюдении гражданами и организациями установленных государством норм и правил. Это приводит к необходимости применения

административных санкций, которые должны быть справедливыми, обоснованными и соответствующими степени общественной опасности совершенного деяния. В контексте Российской Федерации, где правовая система характеризуется федерализмом, особое значение приобретает законодательство субъектов РФ, которое должно гармонично вписываться в общую систему российского законодательства, учитывая при этом специфику и потребности регионов.

Целью данной статьи является анализ теоретических основ законодательства субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях и их места в системе российского законодательства.

© Султанов К. А., 2024

В рамках исследования будут рассмотрены основные понятия и категории, связанные с административными правонарушениями, а также особенности и проблемы законодательства различных субъектов РФ в этой сфере. Особое внимание будет уделено вопросам взаимодействия федерального и регионального законодательства.

Изучение административных правонарушений и соответствующего законодательства субъектов РФ позволяет не только выявить и систематизировать существующие нормы, но и определить пути их совершенствования для повышения эффективности правоприменения и укрепления законности в стране. Это исследование направлено на анализ теоретических основ такого законодательства, его места в системе российского права и взаимодействия с федеральным законодательством, что имеет важное значение для развития правовой науки и практики.

Административное правонарушение в Российской Федерации определяется как противоправное, виновное действие или бездействие физического или юридического лица, за которое законодательством об административных правонарушениях установлена административная ответственность. Это понятие закреплено в ст. 2.1 Кодекса об административных правонарушениях (КоАП РФ), которая является основой для привлечения к ответственности за деяния, нарушающие установленный общественный порядок и государственные интересы [2].

Исторически законодательство РФ об административных правонарушениях прошло долгий путь развития. Оно берет свое начало еще с XVI в., когда были заложены первые основы административной юстиции. С течением времени, особенно в период советской власти, формировался и развивался нормативный массив, регулирующий административные правонарушения. Важным этапом стало принятие КоАП РСФСР в 1984 г., который впоследствии был заменен КоАП РФ в 2001 г. [3]. Этот кодекс стал результатом значительной кодификации и систематизации норм об административных правонарушениях и до сих пор является основным документом, регулирующим административную ответственность в России.

В современной России административное правонарушение характеризуется определенными признаками, такими как общественная вредность, противоправность, виновность и наказуемость. За административные правонарушения могут налагаться раз-

личные виды наказаний, включая штрафы, предупреждения, лишение специальных прав, административный арест и другие меры. Эти меры направлены не только на наказание виновных, но и на предупреждение новых нарушений, обеспечение общественного порядка и укрепление законности.

Таким образом, административное правонарушение и его регулирование занимают ключевое место в правовой системе России, отражая динамику развития государственных и общественных отношений, а также изменения в правопонимании и правоприменении на протяжении истории страны.

Законодательство субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях представляет собой важную часть правовой системы страны, отражающую специфику и потребности регионов в рамках единого правового пространства. Полномочия субъектов РФ в этой области определены федеральным законодательством, в частности Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). Согласно ст. 1.3.1 КоАП РФ, к ведению субъектов РФ относится установление административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ, а также нормативных правовых актов органов местного самоуправления [2]. Кроме того, субъекты РФ организуют производство по делам об административных правонарушениях и определяют подведомственность таких дел.

Сравнительный анализ законодательства различных субъектов РФ позволяет выявить как общие тенденции, так и уникальные особенности, характерные для каждого региона. Законодательные акты субъектов РФ могут значительно различаться в зависимости от местных условий, традиций и потребностей населения. Например, в одних субъектах могут быть установлены более строгие меры ответственности за экологические нарушения, в то время как другие могут акцентировать внимание на правонарушениях в сфере дорожного движения или градостроительства [4]. Законодательство субъектов РФ об административных правонарушениях является неотъемлемой частью правовой системы России, обеспечивающей учет региональных особенностей и способствующей эффективному регулированию общественных отношений на местном уровне. Важность такого законодательства заключается в возможности адаптации к изменяющимся условиям и потребностям общества,

что способствует укреплению правопорядка и законности в целом по стране.

Законодательство субъектов РФ занимает особое место в системе российского законодательства, обусловленное федеративным устройством государства. В соответствии с Конституцией РФ, сфера компетенции субъектов РФ определяется принципом «все, что не входит в ведение РФ и не относится к предметам совместного ведения РФ и ее субъектов, находится в ведении субъектов РФ» (ст. 73 Конституции РФ) [1]. Это предоставляет субъектам РФ широкие возможности для законотворчества, позволяя учитывать региональные особенности и потребности.

Взаимосвязь федерального и регионального законодательства характеризуется как взаимодействие, так и наличие определенных проблем. С одной стороны, федеральные законы устанавливают общие принципы и рамки, внутри которых субъекты РФ могут разрабатывать собственное законодательство. С другой стороны, это порождает сложности, связанные с необходимостью согласования региональных законов с федеральными нормами, что иногда приводит к правовым коллизиям и необходимости их разрешения [5].

Проблемы и перспективы развития законодательства субъектов РФ тесно связаны с процессами глобализации и интеграции, которые оказывают влияние на национальное законодательство. Современные вызовы требуют от регионального законодательства гибкости, способности к адаптации и оперативному реагированию на изменения в социально-экономической сфере [4]. В то же время, необходимо обеспечивать соблюдение общих конституционных принципов и гармонизацию с федеральным законодательством, что предполагает постоянный процесс совершенствования и оптимизации законодательных актов.

Судебная практика играет важнейшую роль в правовой системе Российской Федерации, служа не только источником права, но и механизмом для его развития и совершенствования. Она включает в себя судебные решения, которые посредством конкретизации, интерпретации и применения норм права, способствуют формированию теоретических основ законодательства [6]. Судебные решения, особенно те, что принимаются высшими судебными инстанциями, часто служат образцом для последующих дел, устанавливая прецеденты и направляющие принципы для будущего правоприменения.

Примеры значимых судебных решений в России демонстрируют влияние судебной практики на развитие правовой системы. Например, постановления Пленума Верховного Суда РФ часто содержат разъяснения по вопросам, возникающим при применении законодательства, что помогает устранять противоречия и коллизии в нормах права [5]. Решения Конституционного Суда РФ также могут иметь принципиальное значение для толкования конституционных норм и их применения в правоприменительной практике [6].

Основное внимание в работе уделялось анализу определения и характеристик административного правонарушения, историческому развитию соответствующего законодательства, а также роли судебной практики в его формировании [7]. Было выявлено, что административные правонарушения являются ключевым элементом правовой системы, обеспечивающим поддержание общественного порядка и законности.

Исследование показало, что законодательство субъектов РФ об административных правонарушениях играет важную роль в общей системе российского законодательства, отражая уникальные региональные особенности и требования [9, с. 10–11]. Однако были выявлены проблемы, связанные с необходимостью гармонизации региональных и федеральных норм, что порождает правовые коллизии и требует дальнейшего совершенствования [10].

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы и предложения.

1. Необходимо усилить координацию между федеральным центром и субъектами РФ для предотвращения правовых коллизий и обеспечения единообразия правоприменения.

2. Важно продолжать работу по совершенствованию законодательства субъектов РФ, учитывая динамично меняющиеся социально-экономические условия и потребности общества.

3. Следует активнее использовать судебную практику для разъяснения и уточнения норм права, что способствует повышению правовой определенности и предсказуемости.

4. Рекомендуется внедрять механизмы мониторинга и анализа эффективности законодательства субъектов РФ, что позволит своевременно выявлять и устранять проблемные аспекты.

Таким образом, совершенствование законодательства субъектов РФ об административных правонарушениях требует комплексного подхода, включающего

как законотворческую деятельность, так и анализ судебной практики, что в конечном итоге способствует укреплению правовой системы России в целом.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 22 апреля 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (утвержден ВС РСФСР 20 июня 1984 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1984. № 27. Ст. 909.
4. Старостин Б. А. Некоторые проблемы установления и реализации административной ответственности законами субъектов РФ // Административное право и процесс. 2023. № 8. С. 27–29.
5. Томилин О. О. Некоторые вопросы установления административной ответственности в субъекте Российской Федерации (на примере Республики Мордовия) // Вестник Академии права и управления. 2022. № 26. С. 53–56.
6. Волков А. М. Актуальные проблемы административного права: учеб. пособие. М., 2021.
7. Kostennikov M. V., Kashkina E. V., Sultanov K. A. Perspectives of Administrative Legal Proceedings Improvement in Conditions of Digitalization // Advances in Economics, Business and Management Research. 2020. Vol. 137.
8. Kurakin A., Sukharenko A. Anti-Corruption In The Brics Countries // BRICS Law Journal. 2018.
9. Султанов К. А. Правовые аспекты реализации законодательства субъектов Российской Федерации в сфере профилактики административных правонарушений среди несовершеннолетних: моногр. Уфа, 2023.
10. Костенников М. В., Куракин А. В., Адмиралова И. А. Вопросы предмета и системы административного права // Государство и право. 2024. № 1. С. 68–80.

Информация об авторе

К. А. Султанов — доцент кафедры публичного права и правового обеспечения управления Государственного университета управления, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

K. A. Sultanov — Associate Professor of the Department of Public Law and Legal Support of Management of the State University of Management, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 21.07.2024; принята к публикации 14.08.2024.
The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 21.07.2024; accepted for publication 14.08.2024.

References

1. The Constitution of the Russian Federation was adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // LRS «ConsultantPlus».
2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on April 22, 2024) // LRS «ConsultantPlus».
3. The Code of the RSFSR on Administrative Offenses (approved by the Supreme Council of the RSFSR on June 20, 1984) // Vedomosti VS RSFSR. 1984. No. 27. Art. 909.
4. Starostin B. A. Some problems of establishing and implementing administrative responsibility by the laws of the subjects of the Russian Federation // Administrative law and process. 2023. No. 8. P. 27–29.
5. Tomilin O. O. Some issues of establishing administrative responsibility in a subject of the Russian Federation (on the example of the Republic of Mordovia) // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2022. No. 26. P. 53–56.
6. Volkov A. M. Actual problems of administrative law: textbook. the manual. M., 2021.
7. Kostennikov M. V., Kashkina E. V., Sultanov K. A. Perspectives of Administrative Legal Procedures Improvement in Conditions of Digitalization // Advances in Economics, Business and Management Research. 2020. Vol. 137.
8. Kurakin A., Sukharenko A. Anti-Corruption In The Brics Countries // BRICS Law Journal. 2018.
9. Sultanov K. A. Legal aspects of the implementation of legislation of the subjects of the Russian Federation in the field of prevention of administrative offenses among minors: monograph. Ufa, 2023.
10. Kostennikov M. V., Kurakin A.V., Admiralova I. A. Questions of the subject and the system of administrative law // State and law. 2024. No. 1. P. 68–80.

Научная статья

УДК 342.0

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-163-168>

EDN: <https://elibrary.ru/nknhgg>

ИПОН: 2003-0059-4/24-111

MOSURED: 77/27-003-2024-04-310

Становление правового регулирования профессионального образования в России

Светлана Евгеньевна Титор

Государственный университет управления, Москва, Россия, setitor@mail.ru

Аннотация. Изучение становления и дальнейшего развития профессионального образования актуально всегда, так как изучение прошлого любого процесса позволяет оценить как положительные, так и отрицательные стороны явления. В настоящее время актуальность исследования прошлого и настоящего в развитии правового регулирования профессионального образования в России заключается в формировании в текущих непростых условиях своей собственной суверенной системы образования на основе всего лучшего, что было в ее истории. Суверенная система образования должна строиться с учетом положительного опыта правового регулирования в нашей стране, который способствует восстановлению отдельных успешных элементов.

Изучено становление государственного правового регулирования профессионального образования в период VI–XVIII вв. Исследованы первые нормативные акты, регулирующие образовательные отношения. Анализ правового регулирования дает видение как от частноправовых отношения в сфере профессионального образования развивались в сторону публичных интересов государства. Проанализировано понятие «профессиональное образование», которое претерпевало видоизменение в его историческом понимании.

Ключевые слова: профессиональное образование, договорные отношения, государственное регулирование, эпоха Петра I, Соборное уложение

Для цитирования: Титор С. Е. Становление правового регулирования профессионального образования в России // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 163–168. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-163-168>. EDN: NNKHGG.

Original article

Formation of legal regulation of vocational education in Russia

Svetlana E. Titor

State University of Management, Moscow, Russia, setitor@mail.ru

Abstract. The study of the formation and further development of vocational education is always relevant, since the study of the past of any process allows us to assess both the positive and negative sides of the phenomenon. Currently, the relevance of the study of the past and present in the development of legal regulation of vocational education in Russia lies in the formation of its own sovereign education system in the current difficult conditions based on all the best that has been in its history. The sovereign education system should be built taking into account the positive experience of legal regulation in our country, which contributes to the restoration of certain successful elements.

The formation of the state legal regulation of vocational education in the period of the VI–XVIII centuries is studied. The first normative acts regulating educational relations are investigated. The analysis of legal regulation provides a vision of how private law relations in the field of vocational education have developed towards the public interests of the state. The concept of «vocational education», which has undergone a modification in its historical understanding, is analyzed.

Keywords: professional education, contractual relations, state regulation, the era of Peter I, the Cathedral Code

For citation: Titor S. E. Formation of legal regulation of vocational education in Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):163–168. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-163-168>. EDN: NNKHGG.

Начиная разговор о развитии правового регулирования профессионального образования, следует определиться с понятием этого института. Исследователи полагают, что впервые термин «профессиональное образование» ввел в 1863 г. французский министр

народного образования Дюрюи, который разделил среднее образование на две категории: классическую, для так называемых либеральных профессий, профессиональную — для промышленных, торговых и землевладельческих профессий [1, с. 27].

© Титор С. Е., 2024

На сегодняшний день Закон об образовании [2] определяет профессиональное образование как один из видов образования, который направлен на приобретение знаний, умений, навыков и формирование компетенций определенного уровня и объема, позволяющих вести профессиональную деятельность в определенной сфере, по конкретной профессии или специальности. Законодательно закреплено и понятие профессионального обучения, которое тоже признается одним из видов образования, и тоже направлено на приобретение обучающимися знаний, умений, навыков и формирование компетенций, необходимых для выполнения трудовых, служебных функций по конкретной профессии. Исходя из законодательного понятия профессиональное обучение и профессиональное образование, являются практически одним и тем же: и то и другое признается видом образования; и то и другое направлено на приобретение знаний, умений, навыков и формирование компетенций; результаты профессионального обучения и профессионального образования позволяют осуществлять какую-то профессиональную деятельность, т. е. выполнять трудовые или служебные функции по определенной профессии.

Информационные и научные источники по-разному трактуют понятие «профессионального образования». Например, в одних источниках профессиональное образование рассматривается как процесс и результат профессионального становления и развития личности, овладение им знаниями, умениями и навыками по конкретной специальности и профессии [3]. Например, в одних источниках профессиональное образование рассматривается как образование, которое готовит людей к квалификационному ремеслу в качестве ремесленника, к торговле в качестве мещанина, или к работе в качестве техника [4]. Другие источники понимают под профессиональным образованием формирование профессиональных компетенций, соответствующего уровня и объема, позволяющих вести профессиональную деятельность в определенной сфере или выполнять работу по конкретной профессии или специальности [5]. В-третьих источниках профессиональное образование признается подготовкой специалистов разных уровней (начального, среднего и высшего) для работы в определенной сфере деятельности [6]. В международной практике профессиональное образование увязывается с понятием техни-

ческих навыков, т. е. профессиональное образование — это техническое образование [7]. При этом многие страны исключают из понятия «профессиональное образование» образование, которое реализуется в университетах (т. е. высшее). Другие считают, что профессиональное образование может реализовываться на уровне послесреднего, дополнительного или высшего уровня, а также по системе профессионального ученичества.

В связи с этим, в нашем исследовании термин «профессиональное образование» будет использоваться в историческом ракурсе, нейтрально: как процесс получения навыков профессионального свойства.

Такой подход обусловлен тем, что процесс антропогенеза сопровождался приобретением человеком первых профессиональных навыков: это навыки производства первых орудий труда, навыков охоты, разведения огня, приготовления пищи, обработки земли и т. д. Эти профессиональные навыки передавались молодым поколениям.

Формирование профессиональных навыков у человека выявлено еще в Древней Руси (VI–IX вв., создание Древнерусского государства) [8, с. 20–21]. Этот период характеризуется переходом к земледельческо-скотоводскому хозяйству, отделением ремесленников от земледельцев, которые требовали определенных профессиональных навыков. Подростки до 14 лет проходили специальную подготовку, в процессе которой овладевали умениями изготовления оружия, орудий труда, промыслам и т. д. Подготовка велась под руководством «старцев» — специально выделенных общиной лиц. Заканчивалась такая подготовка своеобразным экзаменом — обрядом инициаций — испытание на пригодность к взрослой жизни. Многие историки указывают на то, что еще в Древней Руси уже имелись и уважались умельцы, которые учили молодое поколение этим профессиональным навыкам [9].

Первые попытки государственного регулирования отношений в сфере профессионального образования отражает документ конца XIV в. — Псковская судная грамота (1397–1467 гг.) [10]. В ст. 102 регламентируется порядок разрешения спора между учеником и мастером по поводу оплаты обучения. Порядок решения проблемы предлагается следующий: для подтверждения наличия долга за учеником предлагается мастеру дать присягу или,

наоборот, ученику. Документ свидетельствует о наличии договорных «неписанных» отношений по условиям обучения.

Как институт, имеющий уже некоторое правовое оформление, профессиональное образование сложилось только в XVII в. Частное обучение ремеслам оформлялось официальными записями, которые имели признаки правового документа, поскольку в них прописывался срок обучения, обязательства мастера и ученика, включая добросовестное поведение ученика. Назывался такой документ «учебные записки», и он регистрировался в приказной избе [8, с. 20–21]. Такой договор предусматривал, что ученик после завершения обучения обязан был работать в мастерской мастера бесплатно за еду и одежду в течение определенного срока (например, пять лет). Соборное Уложение 1649 г. (ст. 45 гл. XX «Суд о холопах») [11] предусматривал регистрацию учеников, отданных в обучение (или работу), в Холопском приказе.

Существовало и государственное профессиональное обучение, которое реализовывалось при царских мастерских Оружейной, Золотой, Серебряной палат, обучение «лекарских учеников» [12, с. 103–118], обучение «администраторов» в Посольском, Поместном и других приказах. Контроль за таким обучением возлагался на администрацию палат. По окончании ученик делал вещь «на образец», т. е. для оценки. Интересным является то, что одновременно с обучением ученики выполняли трудовые функции и получали соответствующее вознаграждение за труд [1, с. 27].

Таким образом, можно говорить о начале правовой регламентации профессионального образования. Если изначально профессиональное обучение строилось на условиях семейно-патриархальных традиций и обычаев передачи навыков и умений от отца к сыну, то уже в XIV–XVII вв. складываются договорные ученические отношения, которые требуют правовой регламентации, появляются первые правовые нормы, регулирующие отношения обучения.

Появление первых учебных заведений профессионального образования в стране связано с преобразованиями Петра I [13]. Петровская эпоха ознаменовалась интенсивным развитием промышленности, судостроения, производства металлургического профиля для создания конкурентного вооружения. Так,

в начале XVIII в. появились первая артиллерийская, медицинская, инженерная школы в Москве, Морская академия и инженерная школа в Петербурге. Указ Петра I «Об основании школы математических и навигацких наук» [14] от 14 (25) января 1701 г. учреждал математические и навигацкие школы. Подтверждение создания артиллерийской школы можно найти в исследованиях, где выявлено, что в 1706 г. существовала артиллерийская школа в Санкт-Петербурге, в которую учеников присылали из математической и инженерной школы [15], при этом наименование документа в работе автора не приводится. Также появляются в этот период горные школы на Урале.

В те времена учебные заведения утверждались специальными императорскими указами. Например, Указом Петра I от 25 мая 1706 г. было основано медицинское учреждение с первой госпитальной школой в стране [16]. Отдельными актами не регулировалось руководство учебными заведениями, управление просто передавалось в ведение некоторых государственных структур, зачастую не связанных с образованием. Например, в случае с медицинской госпитальной школой, ей управлял Монастырский приказ (орган государственного управления по вопросам духовенства). Первое высшее учебное заведение в Российской империи — Академия наук и художеств в Санкт-Петербурге была основана 28 января 1724 г. Указом Петра I с созданием специального проекта Положения об учреждении академии наук и художеств [17].

В этот период времени уже подлежали правовому регулированию некоторые аспекты процесса обучения:

- ♦ предусматривалась стипендия («кормовые деньги») обучающимся и имущественное обеспечение («рекрутский мундир») [18; 19];
- ♦ срок обучения (до семи лет на суконных фабриках) [20];
- ♦ об ответственности обучающихся за прилежное обучение и побег из учебных мест [20];
- ♦ проведение квалификационного экзамена по окончании обучения [21];
- ♦ регламентировался штат преподавателей и финансовое обеспечение [15].

В государственных документах появились и первые квалификационные требования для замещения государственных должностей. Так, Генеральный рег-

ламент 1720 г. [22] (гл. XXXVI) предписывал молодым людям, которые хотят служить при канцелярии, обучаться грамоте и арифметике. Этим же распоряжением было предписано осуществлять контроль за их обучением ответственным по коллегии лицам, а за нарушение учебного режима — наказывать. Следует отметить, что профессиональное обучение в рассматриваемый период не было отделено от общего образования: ученики получали профессиональные навыки одновременно с обучением грамоте, арифметике и т. д.

Крепостное право придавало особый характер отношениям по профессиональному обучению: ученики не были свободны лично: предписывалось прикреплять учеников за фабрикантами как крепостных [23; 24].

Несмотря на то, развитие профессионального обучения в петровские времена, по мнению специалистов [8, с. 20–21], характеризуется отсутствием системы, единого подхода, на что указывает стихийность развития профессиональных учебных заведений, его развитие основано, скорее, на осознании важности формирования касты профессиональных специалистов, все же следует сделать вывод, что появляются правовые нормы, регламентирующие образовательные отношения (сроки обучения, финансовое и имущественное обеспечение обучающихся, их ответственность и т. д.). Особо следует отметить, что такой всплеск развития правового регулирования профессионального образования, несомненно, связан с глобальными реформами Петра Великого по развитию российской промышленности.

Эпоха Петра Великого характеризуется кардинальным преобразованием всех сторон жизни России: экономической, политической, социальной. Все реформы Петра Первого направлены на централизацию правового регулирования отношений. Итогом его реформ стало формирование новой формы правления — абсолютной монархии. Централизация регулирования всех сторон общественных отношений сказалась и на развитии правового регулирования профессионального образования. Впервые можно говорить о том, что профессиональное образование стало регулироваться на государственном уровне, т. е. образовательные отношения стали иметь публичный характер. При этом следует отметить, что регулирование профессиональной подготовки на уровне

ремесленного мастерства продолжало носить частноправовой характер.

Несмотря на всеобщую централизацию правового регулирования отношений во времена правления Петра Первого и его приемников, отсутствовал единый государственный орган, регулирующий вопросы профессионального образования. Ни в учебном, ни в административном контексте единой системы профессионального образования не существовало. Профессиональная школа была призвана удовлетворить потребности духовного, военного, морского, горного, медицинского ведомств. При таких условиях не могло сложиться единого управления в сфере профессионального образования, оно было разбито между ведомствами.

В трудах историков имеются упоминания о первых централизованных органах в сфере образования. К ним относят «Комиссию об училищах и признании требующих», организованную в 1768 г. в составе Комиссии о составлении проекта нового уложения. Некоторое время указанная комиссия занималась разработкой проектов об управлении системой образования. В дальнейшем Академией наук предлагалось учредить единый орган центрального управления образованием. Однако, эти попытки формирования централизованного управления системой образования не увенчались успехом [25].

К первому государственному органу, ведающему вопросами образования, следует отнести Комиссию об учреждении в России народных училищ [25]. Указом были определены полномочия Комиссии:

- 1) подготовка общего плана народных училищ, включая организацию их управления на местном уровне (в губерниях, городах);
- 2) подготовка учителей, определение их необходимого количества;
- 3) подготовка учебной литературы, включая перевод иностранных книг, контроль за их содержанием применительно для российского образования.

По мнению современников, Комиссия об учреждении в России народных училищ стала ядром для дальнейшего учреждения Министерства народного просвещения [25].

Исследование исторических документов показывает, что отношения в сфере профессионального образования (образования) зарождались как частноправовые. В последующем, с развитием промышленности государство все больше обращает внимание на сферу

профессиональной подготовки, начиная регулировать эти отношения таким образом, что можно говорить о них как о публичных отношениях. Следует отметить большую роль в этом императора Петра I.

Список источников

1. Высшее образование в России: очерки истории до 1917 г. / под ред. В. Г. Кинелева. М. : НИИ ВО, 1995.
2. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // URL://<https://online.consultant.ru>.
3. URL://https://ru.wikipedia.org/wiki/Профессиональное_образование.
4. URL://https://en.wikipedia.org/wiki/Vocational_education.
5. URL://<https://old.bigenc.ru/education/text/3169815?ysclid=lojsmhqdbt720469146>.
6. URL://https://labor_protection.academic.ru/1285/ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ_ОБРАЗОВАНИЕ?ysclid=lojsn5yysg424929814.
7. URL://<https://www.edglossary.org/career-and-technical-education/>.
8. История профессионального образования в России. М. : Ассоциация «Профессиональное образование», 2003.
9. Колпачева О. Ю. Школа и образование Древней Руси // Историко-педагогический журнал. 2014. № 4.
10. Псковская судная грамота (1397–1467 гг.) // URL://<http://музейреформ.рф/node/13623>.
11. Соборное Уложение 1649 г. // URL://<http://www.hist.msu.ru/ER/Text/1649/20.htm>.
12. Очерки истории школы и педагогики мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989.
13. Скоробогатов А. В., Иуков Е. А. История становления и развития профессионального образования в России (XVIII–XX вв.) // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2017. № 2(26). С. 182.
14. Указы Петра I Об обучении и училищах // URL://http://www.ruscadet.ru/history/doc/p_1.htm.
15. Бенда В. Н. Некоторые уточнения и пояснения к вопросу о зарождении и развитии системы подготовки отечественных артиллерийских кадров в первой половине XVIII в. // URL://https://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Benda_11.pdf.
16. Дельвиг В. С. Место и роль Московского госпиталя в истории реформирования российской медицины в 1707–1735 гг. // Общество. Среда. Развитие (TerraHumana). 2013. № 1(26). С. 65.
17. Проект положения. Об учреждении Академии наук и художеств 1724 г. 22 января // URL://<https://arran.ru/data/pdf/projpol.pdf>.
18. О посылке на Тульские заводы из кузнецов молодых людей для обучения оружейному мастерству: Сенатский указ от 5 мая 1714 г. // ПСЗРИ. Собр. I. Т. V. № 2806.
19. О высылке на Тульские оружейные заводы для обучения оружейному делу мастеровых людей, кузнецов, слесарей, столяров и о даче им кормовых денег, провианта и мундира: Сенатский указ от 11 ноября 1713 г. // ПСЗРИ. Собр. I. Т. V. № 2736.
20. Указ Петра I от 17 февраля 1719 г. «Об отдаче суконного завода в Москве в компанию купцу В. Щеголину и прочим». Законодательство Петра I. 1696–1725 гг. / сост. В. А. Томсинов. М. : Зерцало, 2014.
21. Указ Петра I от 27 апреля 1722 г. «О цехах» // ПСЗРИ. Собр. I. Т. VI. № 3980.
22. Генеральный регламент 1720 г. // URL://<http://музейреформ.рф/node/13639>.
23. Указ Петра I от 18 июля 1722 г. «О не отдаче с фабрик находящихся в них беглых учеников и работников» // ПСЗРИ. Собр. I. Т. 6.
24. Указ Анны Иоановны от 7 января 1736 г. «Об укреплении за фабрикантами, оказавшимися у них на мануфактурах людей и крестьян, о недержании беспашпортных и беглых и разрешении покупать людей и крестьян без земли» // ПСЗРИ. Собр. I. Т. 9.
25. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1902 г. // URL://http://elib.gnpbu.ru/textpage/download/html/?book=rozhdestvensky_istoricheskiy-obzor-deyatelnosti_1902&bookh&ysclid=lomox2w4f1528869514.

References

1. Higher education in Russia: essays on the history before 1917 / edited by V. G. Kinelev. M.: Research Institute of Higher Education, 1995.
2. Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 «On Education in the Russian Federation» // URL://<https://online.consultant.ru>.
3. URL://https://ru.wikipedia.org/wiki/Professional_education.
4. URL://https://en.wikipedia.org/wiki/Vocational_education.

5. URL://<https://old.bigenc.ru/education/text/3169815?ysclid=lojsmhqdbt720469146>.
6. URL://https://labor_protection.academic.ru/1285/PROFESSIONALEDCATION?ysclid=lojsn5yysg424929814.
7. URL://<https://www.edglossary.org/career-and-technical-education/>.
8. The history of vocational education in Russia. M. : Association «Vocational education», 2003.
9. Kolpacheva O. Yu. School and education of Ancient Russia // Historical and pedagogical journal. 2014. № 4.
10. Pskov judgment certificate (1397–1467) // URL://<http://museumreform.RF/node/13623>.
11. The Cathedral Code of 1649 // URL://<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/20.htm>.
12. Essays on the history of the school and pedagogy of thought of the peoples of the USSR from ancient times to the end of the XVII century. M., 1989.
13. Skorobogatov A. V., Iukov E. A. The history of the formation and development of vocational education in Russia (XVIII–XX centuries) // Vocational education in Russia and abroad. 2017. No. 2(26). P. 182.
14. Decrees of Peter the Great On education and colleges // URL://http://www.ruscadet.ru/history/doc/p_1.htm
15. Benda V. N. Some clarifications and explanations on the issue of the origin and development of the system of training domestic artillery personnel in the first half of the XVIII century // URL://https://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Benda_11.pdf.
16. Delvig V. S. The place and role of the Moscow hospital in the history of the reformation of Russian medicine in 1707–1735 // Society. Wednesday. Development (TerraHumana). 2013. No. 1(26). P. 65.
17. Draft regulations. About the establishment of the Academy of Sciences and Arts in 1724 on January 22 // URL://<https://arran.ru/data/pdf/projpol.pdf>.
18. About sending young people from blacksmiths to Tula factories for weapons training: The Senate decree of May 5, 1714 // PSZRI. Collection I. T. V. No. 2806.
19. On the expulsion of artisans, blacksmiths, locksmiths, carpenters to the Tula armory mills for arms training and on giving them feed money, provisions and uniforms: Senate Decree of November 11, 1713 // PSZRI. I. T. V. No. 2736.
20. Decree of Peter 1 of February 17, 1719 «On the transfer of a cloth factory in Moscow to the company of merchant V. Shchegolin and others». Legislation of Peter I. 1696–1725 / comp. V. A. Tomsinov. M. : Zertsalo, 2014.
21. Decree of Peter 1 of April 27, 1722 «On workshops» // PSZRI. Collection 1. Vol. VI. No. 3980.
22. The General Regulations of 1720 // URL://<http://museumreform.RF/node/13639>.
23. Decree of Peter 1 of July 18, 1722 «On the non-return of runaway students and workers from factories located in them» // PSZRI. Collection 1. Vol. 6.
24. Decree of Anna Ioanovna of January 7, 1736 «On strengthening the control of manufacturers who found themselves in their manufactories of people and peasants, on incontinence of the passport-free and runaway and permission to buy people and peasants without land» // PSZRI. Collection 1. Vol. 9.
25. Rozhdestvensky S. V. Historical review of the activities of the Ministry of Public Education. 1902 // URL://http://elibrn.gnpbu.ru/textpage/download/html/?book=rozhdestvensky_istoricheskiy-obzor-deyatelnosti_1902&bookh&ysclid=lomox2w4f1528869514.

Информация об авторе

С. Е. Титор — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. E. Titor — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 21.07.2024; принята к публикации 14.08.2024.

The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 21.07.2024; accepted for publication 14.08.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-169-174>

EDN: <https://elibrary.ru/kzanrg>

NIION: 2003-0059-4/24-112

MOSURED: 77/27-003-2024-04-311

Понятие и оборот цифровой валюты. Направления совершенствования действующего российского законодательства

Альберт Владиславович Тумаков

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, albert-tumakov@rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются признаки цифровой валюты и особенности вовлечения ее в гражданский оборот, а также соотношение цифровой валюты с традиционными объектами гражданского права. Определяется одна из важных проблем, подлежащих разрешению — проблема ценности цифровой валюты, ее стоимости. Разрешение данного вопроса крайне важно в силу того, что законодатель относит цифровую валюту к средствам платежа или инвестициям. Обращается внимание на то, что законодатель, определяя цифровую валюту, упоминает возможность рассмотрения ее как цифрового кода. Однако, цифровой код сам по себе не имеет никакого имущественного содержания, так как является не содержанием, а формой — средством фиксации какого-либо имущественного права. Таким образом, и цифровой код не может дать ценностную характеристику цифровой валюте. Использование общих и частных методов научного познания позволило сформулировать следующий вывод: в научных источниках, сравнивая цифровую валюту и криптовалюту исследователи указывают на такое различие, как децентрализовалось криптовалюты и централизованность цифровой валюты. С чем можно отчасти согласиться, с учетом того, что российский законодатель более широко подходит к технологической основе цифровой валюты, нельзя утверждать о невозможности наличия указанного свойства у какой-либо технологии, используемой для выпуска цифровой валюты.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, цифровой рубль, цифровое имущество, цифровое право, гражданский оборот, объекты гражданских прав, цифровизация, оператор информационной системы

Для цитирования: Тумаков А. В. Понятие и оборот цифровой валюты. Направления совершенствования действующего российского законодательства // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 169–174. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-169-174>. EDN: KZANRG.

Original article

The concept and circulation of digital currency. Directions for improving the current Russian legislation

Albert V. Tumakov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, albert-tumakov@rambler.ru

Abstract. The signs of digital currency and the features of involvement in civil circulation are considered, as well as the relationship of digital currency with traditional objects of civil law. One of the important problems to be resolved is the problem of the value of the digital currency, its value. The resolution of this issue is extremely important due to the fact that the legislator classifies digital currency as a means of payment or investment. Attention is drawn to the fact that the legislator, when defining a digital currency, mentions the possibility of considering it as a digital code. However, the digital code itself does not have any proprietary content, since it is not a content, but a form — a means of fixing any property right. Thus, a digital code cannot give a value characteristic to a digital currency either. The use of general and private methods of scientific knowledge allowed us to formulate the following conclusion: in scientific sources, comparing digital currency and cryptocurrency, researchers point to such a difference as the decentralization of cryptocurrencies and the centralization of digital currency. One can partially agree with this, given that the Russian legislator is more broadly approaching the technological basis of the digital currency, it cannot be argued that it is impossible for any technology used to issue a digital currency to have this property.

Keywords: digital currency, cryptocurrency, digital ruble, digital property, digital law, civil circulation, objects of civil rights, digitalization, information system operator

For citation: Tumakov A. V. The concept and circulation of digital currency. Directions for improving the current Russian legislation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):169–174. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-169-174>. EDN: KZANRG.

© Тумаков А. В., 2024

Действующее законодательство выделяет следующие признаки цифровой валюты: это цифровой код, данные, либо обозначения; в отношении цифровой валюты отсутствует обязанное лицо; они выполняют функцию средства платежа или инвестицией; не относятся к денежной единице и иным валютным ценностям, в том числе иностранным; операторы и/или узлы информационной системы обязаны обеспечить порядок выпуска и фиксации оборота цифровой валюты (ч. 3 ст. 1 ФЗ от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 11 марта 2024 г.) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — ФЗ о ЦФА)) [16].

Такой подход законодателя формирует множество вопросов, вызывающих проблемы в правоприменительной деятельности. Одна из важных проблем, подлежащих разражению — это проблема ценности цифровой валюты, ее стоимости. Разрешение данного вопроса крайне важно в силу того, что законодатель относит цифровую валюту к средствам платежа или инвестициям.

Ценность нематериального объекта гражданских прав, к группе которых относится цифровая валюта, определяется его содержанием. Однако к содержанию цифровой валюты возникает ряд вопросов.

В частности, упоминание в дефиниции электронных данных наводит на мысль, что содержанием цифровой валюты выступает информация, либо база данных. Если мы говорим об информации, то следует отметить, что в настоящее время она не относится к самостоятельным объектам гражданских прав. О ней можно говорить только в рамках рассмотрения иных объектов, например товаров (информация о товаре), работах, услугах и проч. Отсутствие самостоятельности информации как объекта гражданских прав осложняет ее определение в качестве содержания цифровой валюты, в силу ее неотделимости от иных объектов гражданских прав, свойства которых выражаются в информации.

Если же мы предположим, что содержанием цифровой валюты является база данных, то возникает другая проблема, связанная с разграничением субъективных прав обладателя цифровой валюты и интеллектуальных прав автора базы данных. Более того, возникает проблема конкуренции этих прав. Но с учетом того, что законодатель провозгласил цифровую валюту средством платежа, такая конку-

ренция делает не только невозможным оценку реальной стоимости данного эквивалента обмена, но создает ненужные препятствия к гражданскому обороту в виду наличия авторских прав на базу данных. Понимание цифровой валюты как информации или базы данных системно критикуется и в научной литературе [1].

Законодатель, определяя цифровую валюту упоминает возможность рассмотрения ее как цифрового кода. Однако, цифровой код сам по себе не имеет никакого имущественного содержания, так как является не содержанием, а формой — средством фиксации какого-либо имущественного права. Таким образом, и цифровой код не может дать ценностную характеристику цифровой валюте.

Характеризуя цифровую валюту, законодатель также указывает на отсутствии всякого обязанного лица перед ее обладателем. И здесь возникает ряд системных вопросов. Отсутствие обязанного лица свидетельствует о том, что в содержании цифровой валюты отсутствует всякое имущественное право (в данном случае обязательственное право). Но возможно ли это? Сам законодатель, опровергает эту идею в нормах того же ФЗ о ЦФА.

Так, из анализа ч. 6 ст. 14 ФЗ о ЦФА следует, что владелец цифровой валюты наделен правом обладания. Несмотря на то, что содержание этого права не раскрывается, анализ закона позволяет нам сделать ряд выводов относительно его элементов. В частности, это право характеризует принадлежность цифровой валюты определенному лицу; подлежит фиксации в информационной системе (ч. 3 ст. 1 ФЗ о ЦФА); обладатель права осуществляет его собственными действиями. Указанные признаки позволяют нам говорить о наличии абсолютного права. Подтверждает данный вывод и указание законодателя на отсутствие обязанного лица, что еще раз свидетельствует о том, что обладатель цифровой валюты осуществляет свое право самостоятельно, собственными действиями, без обращения к третьим лицам.

Указание законодателя на возможность цифровой валюты выступать средством платежа, позволяет сделать вывод, что в его содержании присутствует и относительное имущественное право. В научной литературе указывают, что как минимум, это право требования обладателя цифровой валюты передать товар, оказать услугу, произвести работу, оплатой который выступает цифровая валюта [2].

Следовательно, можно заключить, что содержание цифровой валюты определяется как абсолютным, так и относительным правом. При этом относительное право можно однозначно квалифицировать как обязательственное право. С учетом сделанного вывода, законодателю необходимо уточнить конструкцию цифровой валюты, указав в качестве ее содержания имущественное право. Такой подход оптимизирует правоприменительную деятельность, так как создает у правообладателя и его контрагента представление о ценности (в том числе его стоимости) полученного объекта гражданских прав.

Следует отметить, что в специальных законодательных актах цифровая валюта уже достаточно давно квалифицируется как имущество. Например, в ст. 3 ФЗ от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», ст. 8 ФЗ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Такой подход вполне объясним. Правовая конструкция имущества хорошо разработана гражданским законодательством, она понятна правоприменителю как с позиции гражданского оборота, так и с позиции наложения на него взыскания. В связи с отсутствием ясности о природе цифровой валюты в ФЗ о ЦФА, законодатель, в целях создания механизмов контроля за оборотом, отнес ее к такой группе объектов гражданских прав, как имущество. В целом, соглашаясь с данной позицией, уточним, что цифровая валюта должна относиться к разряду иного имущества, а именно к имущественным правам.

В силу наличия права требования цифровая валюта может выполнять функцию средства платежа. Анализируя указанную норму, некоторые авторы делают вывод, что речь идет о частных деньгах [4]. С данной позицией трудно не согласиться в силу того, что в качестве государственной валюты цифровая валюта не поименована [10]. Более того, ни в ФЗ о валютном регулировании, ни в ФЗ от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [11] (далее — ФЗ «О национальной платежной системе») не поименована она и как средство платежа.

Однако, чтобы отнести цифровую валюту к частным деньгам, необходимо ответить на вопрос, выполняет ли она функции денег? Другими словами, является ли она средством обращения, накопления,

платежа, мерой стоимости [8]. В научной литературе, в ряде источников утверждается, что цифровая валюта обладает всеми характеристиками традиционных денег [5, с. 81]. Позволим себе не согласиться с высказанной позицией.

Безусловно, нельзя говорить о том, что цифровая валюта является мерой стоимости, так как тогда она должна иметь нарицательную стоимость и носителя денежной единицы. Но носителем денежной единицы в цифровой валюте выступает рубль, и именно его нарицательная стоимость используется при обращении. Однако не стоит категорично отвергать возможность цифровой валюты быть мерой стоимости. ФЗ о ЦФА допускает формирование правил о выпуске и обращении цифровой валюты самой информационной системой. Следовательно, локально, в рамках отдельно взятой информационной системы она может быть наделена различными свойствами, в том числе и таким, как способность выступать мерой стоимости.

Относительно возможности цифровой валюты выступать средством обращения мы уже упомянули выше. Действующее законодательство, в ст. 14 ФЗ о ЦФА допускает обмен валюты на товар. Впрочем, здесь мы видим законодательную коллизию между нормами одного закона, с одной стороны, указывающего на цифровую валюту как средство платежа (другим словами допускающего возможность обмена цифровой валюты на товар) а с другой стороны, ограничивающего ее использование в качестве встречного предоставления (ч. 4 ст. 1 ФЗ о ЦФА).

Это одно из самых глобальных противоречий указанного законодательного акта, так как деньги — это тот же товар и объект гражданских прав (ст. 128 ГК РФ). Следовательно, купля-продажа цифровой валюты, по своей правовой сущности, представляет собой взаимное встречное предоставление денег и цифровой валюты. Безусловно, законодателю стоит отказаться от столь широко запрета на встречное предоставление, перечислив те конкретные случаи, когда цифровая валюта не может использоваться как средство платежа.

Помимо средства платежа, цифровая валюта является инвестицией. И здесь также видится противоречие с иными законодательными актами. Так, ФЗ от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные

акты Российской Федерации» [12] называет в качестве инвестиций только денежные средства. Однако мы выяснили выше, что цифровая валюта денежным средством не является.

Закон РСФСР от 26 июня 1991 г. № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» [9] и ФЗ от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» [13] включают в понятие инвестиций не только денежные средства, но и имущественные права, и иное имущество. Но опять же, как мы писали выше, законодатель изначально, давая определение цифровой валюте, исключил возможность понимания ее как имущественного права (впрочем, мы, надеюсь, убедительно доказали, что имущественное право в ее содержании все-таки есть, но еще раз повторимся, законодательная дефиниция исходит из его отсутствия). Следовательно, дословное толкование приведенных норм законов не позволяет говорить нам о цифровой валюте как инвестиции, в отличие от дефиниции ФЗ о ЦФА, утверждающей обратное.

Полагаем, что в случае, если законодатель признает цифровую валюту в качестве имущественного права, то противоречия указанных актов будут устранены без необходимости введения дополнительных специальных норм.

Международные и зарубежные законодательные акты о цифровых финансовых активах и цифровой валюте

В настоящее время преждевременно говорить не только о формировании единого международного правового регулирования цифровых финансовых активов и цифрового векселя, но и единстве категориального аппарата.

Наибольшую сложность вызывает разграничение криптовалюты и цифровой валюты. По сути, сложности вызывает, в целом, определение родового понятия.

Если посмотреть на акты Базельского комитета по банковскому надзору [17], а также доклад Европейского Центрального банка [18], то можно сделать вывод, что цифровая валюта является родовым понятием относительно криптовалюты, которая выступает ее подвидом. Ряд ученых соглашались с указанной позицией [6]. Другие полагают, что родовым понятием является виртуальная валюта [7].

Из дефиниции, предложенной в п. 18 ст. 1 Директивы ЕС 2108/843 от 30 мая 2018 г. [15], можно выделить признаки криптовалюты, такие как цифровая форма, наличие стоимости, возможность выступать средством обмена (и, как следствие, наличие возможности встречного предоставления), отсутствие гарантии и обеспечения со стороны государства, невозможность отнесения к валюте.

Директива Европейского парламента 2009/110/ЕС и ст. 4А Единообразного торгового кодекса США [20] предлагают дефиницию цифровой валюты.

В целом выделенные признаки коррелируют с признаками, выделенными российским законодателем в ФЗ о ЦФА. При этом, если Директива открыто признает возможность использования криптовалюты в качестве встречного предоставления, то ФЗ о ЦФА устанавливает запрет, но преодолевает его в других нормах этого же закона.

Положительным моментом Директивы является не только открытая констатация возможности обмена криптовалюты на товар, но и возможность ее обеспечения со стороны любых лиц, кроме государства. Российский законодатель изначально заявляет об отсутствии всякой обеспеченности. Такой подход не вполне верен. Любое средство платежа должно быть либо чем-то обеспечено (например, драгоценными металлами), либо кем-то гарантировано (например, государством, информационной системой или субъектом, который его выпустил) [3], иначе мы не можем говорить ни о наличии какой-либо ценности, ни о наличии в силу этого интереса субъектов гражданского оборота. А ведь именно интерес субъектов превращает «нечто» в объект гражданских прав. Российский законодатель должен воспринять указанную конструкцию указав, что цифровая валюта гарантируется или обеспечивается информационной системой, где она выпущена.

Главное свойство криптовалюты, которое можно выделить из анализа нормативных актов, это ее анонимность. В целом анализ ФЗ о ЦФА позволяет сделать вывод об отсутствии указанного свойства у цифровой валюты в силу наличия обязанности оператора информационной системы вносить и хранить сведения о пользователе. И здесь следует признать российский подход наиболее оптимальным в силу того, что он препятствует использованию цифровой валюты в коррупционных преступлениях, финансировании терроризма и проч.

Так же сравнение с европейским законодательством позволяет сделать вывод, что в российском праве заложен более широкий подход, позволяющий использовать при обороте цифровой валюты не только технологию блокчейн, но иные технологии, не сводящиеся к технологии распределенного реестра.

Впрочем, в некоторых нормативных актах зарубежных государств (например, Белоруссии [14]), а также в актах международного права [15; 19; 17] так же предложено расширительное толкование, не связывающее криптовалюты и технологию распределенного реестра.

В научных источниках, сравнивая цифровую валюту и криптовалюту указывают на такое различие, как децентрализовалось криптовалюты и централизованность цифровой валюты [5, с. 81]. С чем можно отчасти согласиться, с учетом того, что российский законодатель более широко подходит к технологической основе цифровой валюты и нельзя утверждать о невозможности наличия указанного свойства у какой-либо технологии, используемой для выпуска цифровой валюты.

Список источников

1. Абрамова Е. Н. К вопросу о понятии криптовалюты: проблемы терминологии и формирования дефиниции // Банковское право. 2021. № 2. С. 19–27.
2. Дерюгина Т. В. Проблемы определения правовой природы цифровой валюты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 2(64). С. 88–111.
3. Дерюгина Т. В. К вопросу о сущностных характеристиках и правовой природе цифрового права // Труды Института государства и права РАН. 2022. Т. 17. № 2. С. 35–54.
4. Ефимова Л. Г. Некоторые аспекты правовой природы криптовалют // Юрист. 2019. № 3. С. 12–19.
5. Максуров А. А. Криптовалюты и правовое регулирование их обращения: моногр. М., 2016.
6. Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 103–113.
7. Тумаков А. В., Петраков Н. А. Гражданско-правовые аспекты цифрового имущества // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 67–72.
8. Харрис Л. Денежная теория. М., 1990.
9. Закон РСФСР от 26 июня 1991 г. № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР // ВСНД и ВС РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1005.
10. Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.
11. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.
12. Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.
13. Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // СЗ РФ. 1999. № 9. Ст. 1096.
14. Декрет Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» // URL://<http://president.gov.by/uploads/archives/Decret-8.zip>.
15. Директива Европейского союза 2018/843 от 30 мая 2018 г., вносящая изменения в Директиву Европейского Союза 2015/849 по предотвращению использования финансовой системы для целей легализации доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и вносящую изменения в Директивы 2009/138/ЕК и 2013/36/ЕС // URL://<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32018L0843>.
16. Официальный интернет-портал правовой информации // URL://<http://pravo.gov.ru>.
17. Basel Committee on Banking Supervision Consultative Document Sound Practices: Implications of fintech developments for banks and bank supervisors. Issued for comment by 31 October 2017 August 2017 // URL://<https://www.bis.org/bcbs/publ/d415.pdf>.
18. European Central Bank. Virtual currency schemes. October 2012 // URL://<https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/virtualcurrencyschemes201210en.pdf>.
19. European Central Bank. Virtual currency schemes — a further analysis. February 2015 // URL://<https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/virtualcurrencyschemesen.pdf>.
20. URL://<https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1720101051&tld=ru&lang=en&name=ifl-us1-uniform-commercial-code.pdf&text=Единообразного%20торгового%20кодекса%20США>.

References

1. Abramova E. N. On the question of the concepts of cryptocurrency: terminology of problems and formulation of definitions // *Banking law*. 2021. No. 2. P. 19–27.
2. Deryugina T. V. Problems of determining the legal basis of digital currency // *Bulletin of the Perm University. Legal sciences*. 2024. Issue 2(64). P. 88–111.
3. Deryugina T. V. On the question of the essential characteristics and legal principle of digital law // *Institute of Labor of the State and Law of the Russian Academy of Sciences* 2022. Vol. 17. No. 2. P. 35–54.
4. Efimova L. G. Some aspects of the legal policy of cryptocurrency // *Lawyer* 2019. No. 3. P. 12–19.
5. Maksurov A. A. Cryptocurrencies and legal regulation of their circulation: monograph. M., 2016.
6. Sitnik A. Digital currencies: problems of legal regulation // *Actual problems of Russian law* 2020. No. 11. P. 103–113.
7. Tumakov A. F., Petrakov N. A. Civil law legal aspects of digital entrepreneurship // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021. No. 4. P. 67–72.
8. Harris L. Monetary theory. M., 1990.
9. Law of the RSFSR of June 26, 1991 No. 1488-1 «On investment activities in the RSFSR // *VSND and VS RSFSR*. 1991. No. 29. Art. 1005.
10. Federal Law No. 173-FZ of December 10, 2003 «On Currency Regulation and Currency Control» // *CL RF*. 2003. No. 50. Art. 4859.
11. Federal Law No. 161-FZ of June 27, 2011 «On the National Fee System» // *CL RF*. 2011. No. 27. Art. 3872.
12. Federal Law No. 259-FZ of August 2, 2019 «On Attracting Investments using Investment Platforms and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // *CL RF*. 2019. No. 31. Art. 4418.
13. Federal Law No. 39-FZ of February 25, 1999 «On Investment activities in Russia developing in the form of capital investments» // *CL RF*. 1999. No. 9. Art. 1096.
14. Decree of the Republic of Belarus No. 8 «On the development of the digital economy» // *URL://http://president.gov.by/uploads/archives/Decret-8.zip*.
15. European Union Directive 2018/843 of May 30, 2018, amending the European Union Directive 2015/849 on the prevention of the use of the financial system for the purpose of legalizing income obtained in a prestigious way, financing terrorism and amending Directives 2009/138/EC and 2013/36/EC // *URL://https://eur-lex.europa.eu/Legal-Content/en/txt/?uri=celex:32018l0843*.
16. The official Internet portal legal information // *URL://http://pravo.gov.ru*.
17. Basel Committee on Banking Supervision Consultative Document Sound Practices: Implications of fintech developments for banks and bank supervisors. Issued for comment by 31 October 2017 August 2017 // *URL://https://www.bis.org/bcbs/publ/d415.pdf*.
18. European Central Bank. Virtual currency schemes. October 2012 // *URL://https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/virtualcurrencyschemes201210en.pdf*.
19. European Central Bank. Virtual currency schemes — a further analysis. February 2015 // *URL://https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/virtualcurrencyschemesen.pdf*.
20. *URL://https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1720101051&tld=ru&lang=en&name=lfl-us1-uniform-commercial-code.pdf&text=Uniform%20trade%20code%20SH*.

Информация об авторе

А. В. Тумаков — начальник кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. V. Tumakov — Head of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 20.07.2024; принята к публикации 14.08.2024.

The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 20.07.2024; accepted for publication 14.08.2024.

Научная статья
УДК 343.24/.29
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-175-179>
EDN: <https://elibrary.ru/lvcyds>

НИОН: 2003-0059-4/24-113
MOSURED: 77/27-003-2024-04-312

К вопросу о понимании сущности уголовного наказания: уголовно-правовые аспекты

Салех Айсаевич Ходжалиев

Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, Грозный, Россия, hodzhaliev_saleh@mail.ru

Аннотация. Исследуется понятие и сущность уголовного наказания. Показано, что вопросы наказания преступника были предметом обсуждения еще с античных времен. Сущность уголовного наказания рассматривалась с точки зрения философии, политологии, криминологии, нравственности, религии, медицины и права. Актуальным этот вопрос является и в наши дни. Легальное определение понятия уголовного наказания закреплено УК РФ. В теории уголовного права понятие уголовного наказания является дискуссионным. Рассматриваются признаки уголовного наказания для более полного раскрытия понятия наказания. В этом вопросе в науке нет единства. В разных источниках выделяется от 3 до 22 таких видов. Анализируются различные подходы к сущности уголовного наказания. Показано, что сущность наказания заключается в тех целях и том назначении, которые являются целесообразными для государства в определенный период своего развития. И с этой точки зрения на первое место встает кара, которая одновременно служит и возмездием нарушения социальных норм и средством предупреждения совершения новых преступлений (этим же лицом или другими).

Ключевые слова: уголовное наказание, сущность, понятие, исправление, осужденный, преступник, преступление

Для цитирования: Ходжалиев С. А. К вопросу о понимании сущности уголовного наказания: уголовно-правовые аспекты // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 175–179. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-175-179>. EDN: LVCYDS.

Original article

On the issue of understanding the essence of criminal punishment: criminal law aspects

Saleh A. Khodzhaliev

Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia, hodzhaliev_saleh@mail.ru

Abstract. The concept and essence of criminal punishment are investigated. It is shown that the issues of punishment of a criminal have been the subject of discussion since ancient times. The essence of criminal punishment was considered from the point of view of philosophy, political science, criminology, morality, religion, medicine and law. This issue is still relevant today. The legal definition of the concept of criminal punishment is enshrined in the Criminal Code of the Russian Federation. In the theory of criminal law, the concept of criminal punishment is controversial. The signs of criminal punishment are considered for a more complete disclosure of the concept of punishment. There is no unity in science on this issue. From 3 to 22 such species are distinguished in various sources. Various approaches to the essence of criminal punishment are analyzed. It is shown that the essence of punishment lies in the goals and purpose that is appropriate for the state in a certain period of its development. And from this point of view, punishment comes first, which simultaneously serves as retribution for violations of social norms and as a means of preventing the commission of new crimes (by the same person or others).

Keywords: criminal punishment, essence, concept, correction, convict, criminal, crime

For citation: Khodzhaliev S. A. On the issue of understanding the essence of criminal punishment: criminal law aspects. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):175–179. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-175-179>. EDN: LVCYDS.

Вопросы наказания преступника были предметом обсуждения еще с античных времен. Сущность уголовного наказания рассматривалась с точки зрения философии, политологии, криминологии, нравственности, религии, медицины и права. Актуальным этот вопрос является и в наши дни.

Легальное определение понятия уголовного наказания закреплено в ст. 43 Уголовного кодекса РФ [1]. Так, согласно ч. 1 этой статьи, «наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признан-

ному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица».

В качестве целей уголовного наказания ч. 2 этой же статьи называет:

- 1) восстановление социальной справедливости;
- 2) исправление осужденного;
- 3) предупреждение совершения новых преступлений.

Однако, не смотря на наличие официально определенного понятия, в теории уголовного права поня-

© Ходжалиев С. А., 2024

тие уголовного наказания является дискуссионным. Отсутствует однозначный подход и относительно цели и сущности наказания.

С точки зрения концепции ретрибутивизма, уголовное наказание является карой [14, с. 150].

Концепция консеквенциализма определяет уголовное наказание одновременно как кару и воспитание. При этом оба элемента находятся в диалектической связи между собой [14, с. 150].

Считаем, что наказание при любом подходе является карой, поскольку предполагаем наложение на виновного определенных законом ограничений его прав и свобод. Такие ограничения прямо предусматриваются нормами УК РФ. Но при этом, уголовное наказание предполагает и другие цели — исправление и предупреждение. Эти цели наказания прямо определены законом. Следовательно, недопустимо отождествлять наказание исключительно с карой за содеянное.

В теории уголовного права можно обнаружить интересный подход, согласно которому является технически невозможным закрепить в нормах закона общее понятие уголовного наказания по причине того, что «иначе пришлось бы привести в данном нормативном источнике все возможные его определения» [6, с. 55; 11, с. 263; 13, с. 35]. Авторы этого подхода обосновывают свою позицию тем, что нельзя вывести единое понятие уголовного наказания. При этом различные подходы наполняют такие понятия совершенно разным значением. В связи этим, в нормах уголовного закона целесообразно закреплять лишь формальное определение, которые будет иметь «неполную атрибуцию и отражать основанные признаки» [6, с. 55].

Р. М. Акутаев приводит следующее понятие уголовного наказания. С его точки зрения, «уголовное наказание — это наиболее распространенная публично-правовая форма реализации уголовной ответственности в виде применения судом меры государственного принуждения, сущность которой сводится к каре и заключается в осуждении и порицании виновного лица и содеянного им, в ограничении или лишении его прав и свобод с целью восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений» [3, с. 44]. Следовательно, уголовное наказание является, прежде всего, формой реализации уголовной ответственности.

В комментариях к УК РФ под редакцией Г. А. Есакова под уголовным наказанием понимается «мера государственного принуждения, которая является одной из форм реализации уголовной ответственности. С помощью наказания государство принуждает

лицо, совершившее преступление, к законопослушному поведению, соблюдению уголовно-правовых запретов» [8, с. 206].

Если обратиться к законодательству стран ближнего зарубежья, то можно встретить схожие понятия: «наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда, которая применяется в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений». Такое понятие содержится, например, в ч. 2 ст. 41 УК Азербайджана [2].

Более полно раскрыть понятие наказания могут его признаки, выработанные в науке. Однако, и в этом вопросе в науке нет единства. В разных источниках выделяется от 3-х до 22 таких видов.

Первый признак уголовного наказания заключается в том, что оно является государственно-властной мерой. Так, уголовное наказание в виде правовых норм устанавливается государством. Государство оценивает конкретное деяние с точки зрения наличия в нем признаков преступления. Государство же назначает наказание и применяет его к виновному в принудительном порядке. Такие полномочия есть исключительно у государства в лице его уполномоченных органов и должностных лиц.

Второй признак наказания — мера принуждения. Так, наказание применяется к преступнику вне зависимости от его желания. Решение о применении уголовного наказания (приговора) является обязательным для всех участвующих в таких отношениях лиц.

Наказание является, прежде всего, карой за содеянное — «воздействие на личность путем лишения и ограничения прав и свобод» [16, с. 315; 17, с. 354]. И это его свойство является третьим признаком.

Четвертым признаком наказания является основание его назначения. Таким основанием служит совершение человеком преступления. При этом важным признаком именно преступного деяния является вина. Вина устанавливается судом.

Пятым признаком наказания является его индивидуальность и личный характер. Так, наказание назначается всегда в отношении конкретного лица и распространяется только на него. Нельзя переложить уголовное наказание на иное лицо.

Шестой признак заключается в понимании наказания как отрицательной оценке совершенного деяния. Такая оценка производится от имени государства судом посредством вынесения приговора.

Седьмой признак уголовного наказания выражается в последствиях — судимости. Ни один другой

вид наказания (дисциплинарное, административное и т. д.) не влечет за собой наступление судимости. Судимость означает наличие некоторых ограничений прав и при определенных условиях снимается.

Еще одной проблемой теоретического характера является понимание сущности уголовного наказания. Этот аспект также неоднозначно оценивается в теоретической литературе.

Отметим, что во все периоды развития государства существующая в нем система наказаний отражала способность власти ограничивать права виновного в ответ на совершенное им преступление. Соответственно, подходы к такому ограничению в разные периоды были различными. Так, например, в ранние периоды развития Руси основным наказанием был штраф. После объединения русских земель и появления монархии происходит ужесточение наказаний, на первое место ставятся телесные наказания различного вида. В IX в., начиная с его середины, наказания существенно смягчаются. В советское время наказания вновь ужесточаются, вводятся так называемые «революционные наказания» [7, с. 13]. Новый этап гуманизации наказания начинается с развалом СССР и продолжается в наши дни.

Как видим, подходы к наказанию неоднократно изменялись. Изменялась и его сущность. Так, упразднялись телесные (прежде всего — членовредительские) наказания. Более явно проявлялась ориентация на исправление виновного. Связано это и с экономическими интересами государства: ему выгоднее иметь работоспособного законопослушного человека, а не наказанного инвалида. Таким образом, система наказаний и понимание его сущности изменялись в зависимости от внешних факторов, включая экономическое развитие страны, приводимую политику, общепринятую идеологию или религию.

По мнению Ч. Беккариа, сущность уголовного наказания проявляется в следующем: «...всякое проявление власти человека над человеком, которое не вызвано крайней необходимостью, — тирания. Таким образом, право верховной власти наказывать за преступления основано на необходимости защищать вверенное ей общественное благо от узурпации его частными лицами. И чем больше обеспечивается священное и нерушимое право на безопасность, чем надежнее гарантия свободы граждан со стороны государства, тем наказание справедливее» [5, с. 35]. Основную цель наказания автор понимал как предотвращение новых преступлений. Одновременно автор выступал против смертной казни.

И. Кант, исследуя сущность наказания, склонялся к его проявлению как к принципу талиона. И. Кант писал следующее: «Единственный принцип — это принцип равенства (в положении стрелки на весах справедливости), согласно которому суд склоняется в пользу одной стороны не более, чем в пользу другой. Итак, то зло, которое ты причиняешь кому-нибудь другому в народе, не заслужившему его, ты причиняешь и самому себе. Оскорбляешь ты другого — значит, ты оскорбляешь себя; крадешь у него — значит, обкрадываешь самого себя; бьешь его — значит, сам себя бьешь; убиваешь его — значит, убиваешь самого себя. Лишь право возмездия, если только понимать его как осуществляющееся в рамках правосудия (а не в твоём частном суждении), может точно определить качество и меру наказания; все прочие права неопределенны и не могут из-за вмешательства других соображений заключать в себе соответствие с приговором чистой и строгой справедливости» [цит. по: 7, с. 13].

Считаем, что приведенный подход не учитывает множества нюансов, которые возникают в реальных обстоятельствах совершения преступления. Так, например, невозможно применить обозначенный И. Кантом принцип при совершении нескольких убийств, поскольку нельзя привести в исполнение приговор о смертной казни несколько раз.

Если же рассматривать наказание с точки зрения справедливости, то ни одно из существующих наказаний не способно восстановить утраченное благо. Например, за убийство предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Однако, если наказание справедливо, то оно — равно содеянному. Соотнести же лишение свободы и причинением смерти невозможно. Если же рассматривать наказание как средство исправления осужденного, то государство должно дать шанс преступнику исправиться и вернуться в общество.

Следовательно, сущность наказания заключается в тех целях и том назначении, которое является целесообразным для государства в определенный период своего развития. И с этой точки зрения на первое место встает кара, которая одновременно служит и возмездием за нарушение социальных норм и средством предупреждения совершения новых преступлений (этим же лицом или другими).

По мнению К. В. Корсакова, «возмездие (кара) было, есть и останется сущностью уголовного наказания (содержащегося в нем смысла, начальной и внутренней его основой» [9, с. 35]. Существуют и другие (менее распространенные и известные) концепции о сущности уголовного наказания.

Так, ряд исследователей считает, что наказание — нечеловекотворное явление. Одни из них приписывают ему божественное происхождение, другие — труд некой древней исчезнувшей цивилизации, отдельные фрагменты знаний которой дошли до нашего времени [цит. по: 4, с. 38]

Согласно другой концепции, наказание возникло естественным путем еще до возникновения государства и общества в его современном понимании. Так, еще И. И. Карпец указывал, что «наказание как средство воздействия возникло задолго до появления каких-либо правовых документов» [цит. по: 4, с. 38].

Еще одна концепция связывает уголовное наказание с естественным свойством любого живого организма, его инстинктом сохранения. С этой точки зрения право наказывать — это такое же естественное право как дышать, спать и питаться [4, с. 38].

Также наказание понимается как способ реализации защитной реакции человека на причинение ему вреда или на страх причинения такого вреда.

С точки зрения понимания цели наказания ряд концепций понимает сущность наказания как кару, возмездие и воздаяние или за причиненный вред (зло) или за потенциальный вред, выражающийся в попытке причинения такого вреда или угрозе его применения. Так, например, по мнению А. В. Наумова, «все остальные цели, возложенные на институт наказания, являются или фикцией (восстановление социальной справедливости, исправление осужденного), либо же носят факультативный (фоновый) характер (предупреждение совершения новых преступлений)». Автор указывает, что кара — это всегда основное содержание любого уголовного наказания [12, с. 300]. Существует также мнение, что наказание никого не исправляет и не устрашает [цит. по: 4, с. 38].

Согласно другой позиции, наказание — это, прежде всего, месть за причиненный вред (или возможный вред). Существует интересная позиция, согласно которой закрепление в уголовном законе наказания воздействует не только на преступника, которому вынесен обвинительный приговор, но также на того, кто не понес юридического наказания за совершенное им преступление. В таком случае, согласно этой концепции, наказание налагается на преступника его совестью, которая, как считают авторы, есть у каждого («синдром Раскольников») [10, с. 20].

В той или иной степени, уголовное наказание призвано одновременно выполнять следующие функции.

1. Психологическая функция. Ограничивая человека в правах или устрашая его возможным огра-

ничением, государство воздействует на его внутренний мир. Тем самым формируется мотивация воздержаться от совершения преступных деяний.

2. Экономическая функция. Государство получает определенный доход за счет поступающих штрафов.

3. Охранительная функция. Изолирование преступника ограждает от него правопослушных граждан.

4. Сакральная функция. Государство, являясь представителем своих граждан, единственное способно применять уголовное наказание.

Как указывает, Н. С. Таганцев, понимание сущности уголовного наказания прошло следующие последовательно сменявшие друг друга этапы:

1) оборона или месть как реакция общества на совершенное преступление;

2) реализация силами государства божественной воли;

3) реализация силами государства этического воздействия на преступника;

4) юридическое воздаяние.

Также Н. С. Таганцев предполагал, что на следующей стадии развития общества наказание должно пониматься как некая совокупность социальных мер, которые бы соответствовали преступлению и были оптимальны как для предупреждения преступления, так и для кары преступнику [15, с. 50].

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 6 апреля 2024) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики, утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353.
3. Акутаев Р. М. Понятие и система мер уголовно-правового характера, их отличие от наказания // Российская юстиция. 2014. № 4. С. 44–48.
4. Алиперов Х. Д. Новые подходы к познанию сущности наказания. Постановка проблемы // Уголовное судопроизводство. 2020. № 2. С. 36–42.
5. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995.
6. Дуюнов В. К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике. Курск, 2000.
7. Карпов Е. А. Сущность и цели наказания в российском уголовном праве // Российский следователь. 2010. № 3. С. 12–15.

8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К. А. Барышева, Ю. В. Грачева, Р. О. Долотов и др. М., 2021.

9. Корсаков К. В. Модель возмездия в криминологии и уголовно-правовой доктрине: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007.

10. Корсаков К. В. Парадигмальный фон дискурса об абсолютном и утилитарном в уголовном наказании // Антиномии. 2014. С. 119–120.

11. Курмапова О. Н. Понятие наказания в отечественном уголовном праве и уголовном праве зарубежных государств // Вестник Томского гос. ун-та. 2010. Т. 82. № 2. С. 263–269.

12. Наумов А. В. Российское уголовное право. М., 2011.

13. Новичков В. Е., Шевелева С. В. Учение о сущности наказания: понятие и современность // Известия Юго-Западного гос. ун-та. 2011. № 6(39).

14. Процедуры в конкурентном праве: учеб. пособие / Ю. И. Абакумова, О. Р. Афанасьева, А. В. Борисов и др.; отв. ред. С. А. Пузыревский. М., 2019.

15. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Тула, 2001.

16. Жалинский А. Э. Новое социально-правовое мышление и профилактика преступлений // Пути совершенствования мер по предупреждению преступности: сб. М., 2007. С. 315–320.

17. Жалинский А. Э. О переменах в науке уголовного права // Правовые исследования: новые подходы: сб. ст. М., 2012. С. 354–360.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on April 6, 2024) // CL RF. 1996. No. 25. Art. 2954.

2. The Criminal Code of the Republic of Azerbaijan, approved by the Law of the Republic of Azerbaijan dated December 30, 1999 No. 787-IQ // URL://https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353

3. Akutaev R. M. The concept and system of criminal law measures, their difference from punishment // The Russian justice system. 2014. No. 4. P. 44–48.

4. Alikperov H. D. New approaches to understanding the essence of punishment. Statement of the problem // Criminal proceedings. 2020. No. 2. P. 36–42.

5. Beccaria Ch. On crimes and punishments. M., 1995.

6. Duyanov V. K. Problems of criminal punishment in theory, legislation and judicial practice. Kursk, 2000.

7. Karpov E. A. The essence and goals of punishment in Russian criminal law // Russian investigator. 2010. No. 3. P. 12–15.

8. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article) / K. A. Barysheva, Yu. V. Gracheva, R. O. Dolotov, etc. M., 2021.

9. Korsakov K. V. The model of retaliation in criminology and criminal law doctrine: diss. ... cand. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2007.

10. Korsakov K. V. The paradigmatic background of the discourse on the absolute and utilitarian in criminal punishment // Antinomy. 2014. P. 119–120.

11. Kurmapova O. N. The concept of punishment in domestic criminal law and criminal law of foreign countries // Bulletin of the Tomsk State University. 2010. Vol. 82. No. 2. P. 263–269.

12. Naumov A. V. Russian criminal law. M., 2011.

13. Novikov V. E., Sheveleva S. V. The doctrine of the essence of punishment: concept and modernity // Izvestia of the Southwestern State University. 2011. № 6(39).

14. Procedures in competition law: studies. handbook / Yu. I. Abakumova, O. R. Afanasyeva, A. V. Borisov, etc.; ed. S. A. Puzyrevsky, M., 2019.

15. Tagantsev N. S. Russian criminal law. Tula, 2001.

16. Zhalinsky A. E. New socio-legal thinking and crime prevention // Ways to improve crime prevention measures: sat. M., 2007. P. 315–320.

17. Zhalinsky A. E. On changes in the science of criminal law // Legal research: new approaches: Col. of art. M., 2012. P. 354–360.

Информация об авторе

С. А. Ходжалиев — доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности юридического факультета Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова, кандидат юридический наук, доцент.

Information about the author

S. A. Khodzhaliev — Associate Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and National Security of the Faculty of Law of the Kadyrov Chechen State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 01.08.2024.

The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 01.08.2024.

Научная статья

УДК 343.132.2

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-180-182>

EDN: <https://elibrary.ru/klclxf>

НИОН: 2003-0059-4/24-114

MOSURED: 77/27-003-2024-04-313

Медиация при заключении сделки о признании вины в уголовном процессе Индии

Александра Сергеевна Холоимова

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия, vasilenko-as@rudn.ru

Аннотация. Изложены результаты исследования процесса переговоров, имеющих место по заявлению обвиняемого, который имеет намерение заключить сделку о признании вины. Проанализированы правовые нормы уголовно-процессуального законодательства Индии, ряд теоретических источников, а также реальных кейсов из индийской судебной практики. Указанные материалы свидетельствуют о возможности применения медиации в процессе заключения сделки о признании вины и, более того, ее крайне положительном влиянии на исход такой сделки.

Ключевые слова: сделка о признании вины, медиация, возмещение, переговоры, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Холоимова А. С. Медиация при заключении сделки о признании вины в уголовном процессе Индии // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 180–182. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-180-182>. EDN: KLCLXF.

Original article

Mediation in plea bargaining in Indian criminal proceedings

Alexandra S. Kholoimova

Russian Peoples' Friendship University named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia, vasilenko-as@rudn.ru

Abstract. The results of the study of the negotiation process that takes place on the application of an accused who has the intention to conclude a plea bargain are presented. Legal norms of Indian criminal procedure legislation, a number of theoretical sources, as well as real cases from Indian judicial practice are analyzed. These materials testify to the possibility of using mediation in the process of plea bargaining and, moreover, its extremely positive impact on the outcome of such a plea bargain.

Keywords: plea bargaining, mediation, reparations, negotiation, criminal proceedings

For citation: Kholoimova A. S. Mediation in plea bargaining in Indian criminal proceedings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):180–182. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-180-182>. EDN: KLCLXF.

В статье «Имеет ли философия альтернативного разрешения споров отношение к уголовному правосудию? — Сделки о признании вины как процесс посредничества между обвиняемым и обвинением» профессором Габриэль Халлеви [2] высказана интересная мысль о том, что в случаях, когда в уголовном процессе заключаются сделки о признании вины, функция адвоката-защитника в таких сделках крайне напоминает деятельность посредника, т. е. медиатора, предполагаемая концепцией восстановительного правосудия. А восстановительное правосудие как альтернатива рассмотрению уголовных дел в суде предлагается воспринимать как демонстрацию того, что именно адвокат выполняет роль посредника, оценивая, при этом, интересы сторон и предлагая взаимоприемлемые условия для разрешения данного спора в суде. Профессор Г. Халлеви, рассматривая деятельность адвоката в сделках о признании вины, с точки зрения тех методов, которые адвокатами применяются, открыто за-

являет о том, что адвокаты прибегают к убеждению, в некоторых случаях используют манипулятивные техники, применяют определенное давление, ведут дискуссии с уклоном на то, чтобы убедить своих доверителей в необходимости заключения данной сделки. Все это, безусловно, противоречит концепции участия медиаторов в разрешении споров вообще, в том числе уголовно-правовых споров.

Задача медиатора заключается как раз в том, чтобы не участвовать в принятии решения относительно взаимоприемлемого соглашения. Медиатор выступает исключительно как посредник в переговорах, не высказывая своих суждений относительно того, к какому соглашению должны прийти стороны. Несмотря на несогласие авторов с приведенной в статье позицией, относительно сравнения деятельности адвоката с деятельностью посредника, мысль о том, что сделка о признании вины может быть заключена именно посредством медиации, показалось

© Холоимова А. С., 2024

авторам интересной. И в этой связи авторы посчитали необходимым изучить возможности заключения сделки о признании вины и применения медитативных техник для достижения этой цели на примере уголовно-процессуальной деятельности в Индии.

В публикациях ученых процессуалистов из Индии описана судебная практика, которая свидетельствует о том, что Высший суд отдельных штатов (в частности штат Керала) также пришел к выводу о необходимости перенаправления материалов уголовного дела в посреднические центры или организации, осуществляющие разрешение споров посредством различных альтернативных механизмов, в том числе медиации [5]. Отмечается что это следует делать в тех случаях, когда есть возможность урегулировать взаимоотношения между обвиняемым и потерпевшим. Кроме того, подобное решение было принято на уровне Верховного суда Индии, который заключил, что в ситуациях, когда существуют хотя бы минимальная возможность урегулирования спора между обвиняемым и потерпевшим, делать это необходимо на любой стадии уголовного судопроизводства и суд должен принимать во внимание положения закона, регулирующие сделку о признании вины при таких обстоятельствах и, как следствие, рекомендовано заключать эту сделку и санкционировать ее во всех возможных ситуациях [3].

В статье «Анализ механизма заключения сделки о признании вины: прошлое, настоящее, будущее» [7] автор рассуждает о проблемах, возникающих при заключении сделок о признании вины. С одной стороны, автор справедливо отмечает, что введение такого механизма в уголовное судопроизводство Индии позволило существенным образом облегчить нагрузку на судебную систему, ускорить рассмотрение уголовных дел и приблизить потерпевших к получению различного рода возмещения ущерба, полученного в результате совершенного преступления; с другой, — существует и критика сделок о признании вины, основанная на том, что преступники могут использовать эту возможность для того, чтобы уходить от уголовной ответственности путем заключения этой сделки и получения либо минимального срока лишения свободы, либо вообще получения наказания, не связанного с лишением свободы. Кроме того, автор отмечает, что для достижения вот этой неблагоприятной цели таким преступникам необходимо выплатить лишь номинальную компенсацию потерпевшему, и то в тех случаях, если это потребуется.

Однако если рассматривать более серьезно возможность медиации при заключении сделки о при-

знании вины, очевидно, что указанная выше перспектива обвиняемых сводится к минимуму, потому как действительно взаимоприемлемое соглашение между обвиняемым и потерпевшим может быть достигнуто только самими сторонами, и посредник при этом не оказывает никакого давления. Здесь как раз мы возвращаемся к первоначальной идее, натолкнувшей нас на рассуждения о возможностях медиации при заключении сделок о признании вины, которая, напомним, была высказана профессором Халлеви. Действительно если в таком посредничестве между преступником и потерпевшим будет принимать участие адвокат, тогда компенсация может быть номинальной, и различные манипуляционные техники защитника реально могут привести к заключению не самого обоюдовыгодного соглашения. Потерпевшей в этой ситуации может оказаться в заведомо невыгодных для себя условиях. Однако если сделку о признании вины совмещать с полноценной медиацией на тех условиях и принципах, которые специально для нее разработаны — такая ситуация будет исключена.

В результате своего исследования автор статьи «Анализ механизма заключения сделки о признании вины: прошлое, настоящее, будущее» приходит к выводу, что сделка о признании вины не должна давать обвиняемым возможность легализовать противоправные действия при ее помощи и уйти вовсе или минимализировать размер и строгость уголовной ответственности. Еще раз отметим, что внедрение медиации в механизм заключения сделки очень поможет в снижении подобных рисков.

Что касается правил, разработанных уголовно-процессуальным законодательством [6] для заключения сделки о признании вины, то нет смысла раскрывать всю процедуру — она довольно типична. Остановимся только на характерных особенностях для Индии. В первую очередь стоит отметить, что такая сделка может быть заключена только в том случае, если обвиняемым совершено не слишком тяжкое преступление; т. е. такое, за которое предусмотрено лишение свободы сроком не более чем семь лет. Кроме того, не допускается заключение сделок по преступлениям, которые совершены в отношении женщин и детей, а также по преступлениям, входящим в категорию влияющих на социально-экономическое положение страны. Такие преступления поименованы в специальном уведомлении правительства Индии [4].

Согласно нормам, специально предусмотренным в главе уголовно-процессуального кодекса о сделках

о признании вины, процесс по заключению этой сделки начинается с заявления обвиняемого о желании такую сделку заключить. Такое заявление может быть подано в суд первой инстанции и обязательным требованием является письменная форма такого заявления. В обязательном порядке в нем указываются обстоятельства дела, подкрепленные письменными показаниями самого обвиняемого, данными под присягой. Такие письменные показания в первую очередь должны подтверждать действительность и добровольность сделанного заявления и содержать информацию об отсутствии предыдущих судимостей у обвиняемого. Получив такое заявление, суд может направить соответствующие документы прокурору. Затем прокурор и обвиняемый, а в необходимых случаях потерпевший, должны явиться в заседание, чтобы был решен вопрос о возможности заключения сделки. Если суд убеждается в такой возможности — то он предоставляет время для выработки взаимоприемлемого соглашения. В том числе такое соглашение должно содержать в себе сведения о компенсации потерпевшему.

Индийские процессуалисты критикуют законодательство на основе того, что в соответствующей главе не установлены сроки для прохождения процедуры заключения этой сделки и для того, чтобы такое соглашение было заключено.

Если сторонами достигнуто взаимоприемлемое соглашение, то суд подготавливает отчет, который должен быть подписан председательствующим и сторонами. На основании этого отчета в последующем принимается решение о виде и размере наказания. Безусловно, законодательством предусмотрены положения о минимизации наказания вплоть до того, что суд имеет право назначить половину, четверть, а в ряде случаев и шестую часть минимального наказания. Также предусмотрена возможность зачесть срок содержания под стражей в тех случаях, когда суд принимает решение о применении наказания в виде лишения свободы [1].

Таким образом, очевидно, что сделки о признании вины являются выгодным вариантом разреше-

ния уголовного дела для всех участников. Напомним, что индийскими авторами высказываются опасения относительно возможных злоупотреблений в части сделок. Однако, такие злоупотребления можно нивелировать путем внедрения в процесс заключения сделки процедуры медиации. Это позволит проводить процесс беспристрастно и достигать такого соглашения, которое действительно приемлемо для всех участников переговоров, в частности для обвиняемого, прокурора и потерпевшего. Опыт, выявленный в ходе изучения практики заключения сделок о признании вины в Индии, небезынтересен и для российского уголовного процесса. Подобные положения можно внедрить и в наш процесс.

Список источников/References

1. Anisha Gupta. Concept of Plea Bargaining in India A critical analysis // Law Finder Live India's first Intelligent Legal Database // URL://<https://lawfinderlive.com/Articles-1/Article9.htm?AspxAutoDetectCookieSupport=1>.
2. Hallevy, Prof. Gabriel, Is ADR (Alternative Dispute Resolution) Philosophy Relevant to Criminal Justice? — Plea Bargains as Mediation Process between the Accused and the Prosecution (December 1, 2008) // URL://<https://ssrn.com/abstract=1315984> or URL://<http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1315984/>
3. Meters and Instruments Private Limited & Anr. v. Kanchan Mehta 2017 S.C.C. OnLine S.C. 1197 (India).
4. Notification of Ministry of Law and Justice, No. SO1042 (II), issued on July 11, 2006.
5. Joseph P. J. v. State of Kerala 2018 Cri LJ 1765 (S.C.) (India)/
6. The Bharatiya Nagarik Suraksha (Second) Sanhita, 2023 // Bill No. 174 of 2023 // URL://[https://prsindia.org/files/bills_acts/bills_parliament/2023/Bharatiya_Nagarik_Suraksha_\(Second\)_Sanhita_2023.pdf](https://prsindia.org/files/bills_acts/bills_parliament/2023/Bharatiya_Nagarik_Suraksha_(Second)_Sanhita_2023.pdf).
7. Wadhawan Abhishek An Analysis of the Plea Bargaining Mechanism in India: The Past, Present and The Future // Law Audience Journal // URL://[an-analysis-of-the-plea-bargaining-mechanism-in-india-the-past-present-and-the-future.pdf](https://www.lawaudiencejournal.com/analysis-of-the-plea-bargaining-mechanism-in-india-the-past-present-and-the-future.pdf).

Информация об авторе

А. С. Холоимова — кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. S. Kholoimova — Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Russian Peoples' Friendship University named after Patrice Lumumba, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 25.07.2024; принята к публикации 13.08.2024.
The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 25.07.2024; accepted for publication 13.08.2024.

Научная статья

УДК 004:342.5

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-183-191>

EDN: <https://elibrary.ru/jubwva>

НИОН: 2003-0059-4/24-115
MOSURED: 77/27-003-2024-04-314

Анализ деятельности государственных органов Российской Федерации по противодействию киберпреступности

Виталий Николаевич Цимбал

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, sedruk@mail.ru

Аннотация. Проблема постоянного роста и разнообразия киберпреступлений в современном мире не вызывает сомнений. Немалое количество правоохранительных органов как в Российской Федерации, так и за рубежом задействовано в борьбе с ними. Проводится анализ основных правоохранительных органов, а также иных отдельных государственных и негосударственных структур, которые осуществляют деятельность по противодействию киберпреступлениям в Российской Федерации. Отмечаются области их работы, обозначаются нормативные правовые акты, регулирующие указанную зону ответственности, приводятся статистические данные, касающиеся роста преступных деяний в рассматриваемой области.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, киберпреступление, правоохранительные органы, противодействие преступности

Для цитирования: Цимбал В. Н. Анализ деятельности государственных органов Российской Федерации по противодействию киберпреступности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 183–191. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-183-191>. EDN: JUBWVA.

Original article

Analysis of the activities of the state bodies of the Russian Federation in countering cybercrime

Vitaliy N. Tsimbal

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, sedruk@mail.ru

Abstract. The problem of the constant growth and diversity of cybercrime in today's world is undeniable. A large number of law enforcement agencies, both in the Russian Federation and abroad, are involved in combating cybercrime. The main law enforcement agencies, as well as other individual state and non-state structures that carry out activities to counter cybercrime in the Russian Federation are analyzed. The areas of their work are highlighted, normative legal acts regulating this area of responsibility are outlined, and statistical data concerning the growth of criminal acts in this area are given.

Keywords: information and communication technologies, cybercrime, law enforcement agencies, crime prevention

For citation: Tsimbal V. N. Analysis of the activities of the state bodies of the Russian Federation in countering cybercrime. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):183–191. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-183-191>. EDN: JUBWVA.

На современном временном периоде все острее становится проблема противодействия высокотехнологичным преступлениям, которые совершаются как в сети Интернет, так и посредством ее использования, а также с применением разнообразных информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) для реализации злоумышленниками противоправных деяний.

Под обозначенными высокотехнологичными преступлениями нами, в рамках данной научной работы, будут пониматься киберпреступления. В нашей стране указанное понятие используется лишь в учебной, научной литературе, в средствах массовой информации, на различных ресурсах в сети Интернет,

при повседневном общении, однако официально в действующем законодательстве не закреплено.

Проблематика содержания данной дефиниции вызывает живой интерес у исследователей; только за последние несколько лет опубликованы десятки научных работ, целью которых является определение конкретного содержания понятия «киберпреступление», его признаков, общих характеристик и иного, к примеру, А. Г. Антонов и др. [1], С. С. Витвицкая и др. [2], Э. А. Аллахвердиева и А. В. Маслов [3], М. Е. Бегларян и др. [4], Л. В. Бертовский [5].

Несмотря на отсутствие законодательно закрепленного понятия киберпреступления и киберпреступности, в немалом количестве официальных норма-

© Цимбал В. Н., 2024

тивных правовых актов (далее — НПА) (в том числе в документах стратегического планирования) федеральных органов государственной власти (далее — ФОИВ) и государственных структур, используется рассматриваемый термин:

- ♦ постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 4355-р «Об утверждении Стратегии финансового рынка Российской Федерации до 2030 года»;

- ♦ постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»;

- ♦ распоряжение Минпросвещения России от 28 декабря 2020 г. № Р-193 «Об утверждении методических рекомендаций по системе функционирования психологических служб в общеобразовательных организациях»;

- ♦ приказ МВД России от 29 декабря 2022 г. № 1110 «Об утверждении Положения об Управлении по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Министерства внутренних дел Российской Федерации»;

- ♦ приказ Следственного комитета России от 8 декабря 2020 г. № 106 «Об утверждении Перечня должностей сотрудников в подразделениях по расследованию особо важных дел следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, расследующих дела по организованной преступной деятельности и коррупции, служба в которых предоставляет право на исчисление выслуги лет для назначения пенсии на льготных условиях, и Условий зачета в выслугу лет для назначения пенсии в льготном порядке времени службы сотрудников в подразделениях по расследованию особо важных дел следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, расследующих дела по организованной преступной деятельности и коррупции»;

- ♦ информационное письмо Банка России от 18 января 2023 г. № ИН-08-12/6 «О национальной оценке рисков ОД и ФТ» и др.

Таким образом, так как официально не обозначено семантическое юридическое значение указанных терминов, мы считаем, что для упрощения и обобщения в рамках данной научной работы — преступления, в соответствии с УК РФ к которым относятся статьи гл. 28, а также иные противоправные деяния, предусмотренные ст. 138, 159.3, 159.6, 128.1, 146, 163

и др., при совершении которых применяются в качестве орудия преступления ИКТ и среды их использования, будут именоваться «киберпреступлениями». Об этом автором была ранее опубликована научная статья [6].

На международном уровне проблематика наличия киберпреступлений, их негативные последствия, а также необходимость активной борьбы с ними признана достаточно давно. Так, многие документы международных организаций (далее — МО), посвящены рассматриваемым преступным деяниям:

- ♦ конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185, принятая в Будапеште 23 ноября 2001 г. (в Российской Федерации не ратифицирована);

- ♦ резолюция ООН A/RES/60/288 от 20 сентября 2006 г. «Глобальная контртеррористическая стратегия ООН»;

- ♦ резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/74/130 от 30 июля 2019 г. «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях».

Российская Федерация является активным членом многочисленных международных и межгосударственных организаций, таких как СНГ, ШОС, БРИКС и др. В рамках различных мероприятий, проводимых МО наша страна неоднократно выступала с инициативами сотрудничества в области борьбы с киберпреступностью и обеспечения международной информационной безопасности (далее — МИБ). Обозначенными организациями и их участниками в разное время были приняты документы, целями которых является совместная деятельность государств — членов МО в противодействии указанным преступлениям, работе по достижению защищенности в сфере МИБ, безопасности при использовании ИКТ:

- ♦ соглашение между правительствами государств — членов Шанхайской организации сотрудничества в области обеспечения международной информационной безопасности, принято 16 июня 2009 г.;

- ♦ соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества независимых государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий, принято 28 сентября 2018 г.;

- ♦ программа сотрудничества государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом и экстремизмом на 2023–2025 гг., принята в октябре 2022 г.;

♦ Йоханнесбургская декларация Десятого саммита БРИКС (26 июля 2018 г.);

♦ заявление Российской Федерации и АСЕАН о сотрудничестве в области обеспечения безопасности использования информационно-коммуникационных технологий и самих информационно-коммуникационных технологий (14 ноября 2018 г.) и др.

Сеть Интернет и современные ИКТ позволяют преступникам реализовывать свои противоправные замыслы в следующих формах: совершение мошеннических действий; продажа наркотических средств; торговля людьми, оружием; распространение разнообразной негативной (деструктивной, запрещенной) информации; создание и использование вредоносного программного обеспечения; использование криптовалют с целью финансирования преступной деятельности, отмывания доходов и легализации денежных средств, полученных преступным путем и многое иное.

По сути термин «противодействие преступности» довольно распространен во многих НПА, он используется в наименовании различных подразделений правоохранительных органов, обсуждается и исследуется учеными-правоведами. Противодействие киберпреступности, по своей сущности, подразумевает использование всех возможных сил, методов и средств (в строгом соблюдении действующего законодательства государства), направленных на выявление и раскрытие фактов совершения противоправных деяний, связанных с ИКТ, и т. п., а в случае их совершения, привлечения к уголовной ответственности лиц, причастных к этому, и, конечно же, проведения различных профилактических мероприятий. При этом необходимо отметить, что данная деятельность может

вестись не только правоохранительными органами, но и государственными, коммерческими, некоммерческими, общественными структурами, образовательными организациями и самими гражданами.

Транснациональная преступность, как известно, несет большую угрозу, но борьба с преступностью внутри государства не менее важна, как и международная. Данная проблема носит комплексный характер и зависит от многих факторов: современное и актуальное законодательство; достаточное количество соответствующих правоохранительных органов, специализирующихся на противодействии киберпреступности; развитие информационно-телекоммуникационной инфраструктуры; доступность ИКТ для населения; относительно высокий уровень жизни и в целом развитость государства в ИТ-сфере и т. д. Все это может быть индикатором того, насколько вероятны атаки на инфраструктуру страны, ее граждан, каков потенциальный ущерб от реализации преступных действий. Исходя из обозначенного можем констатировать, что наше государство соответствует перечисленным факторам и демонстрирует, что борьбу с киберпреступлениями необходимо вести активно, своевременно и можно сказать современно, так как негативный эффект от их совершения и достижения результата преступниками несет в нынешних реалиях колоссальный вред для страны и ее граждан.

Проведя анализ статистических данных ГИАЦ МВД России за период с 2019 по 2023 гг. (табл. 1), размещенных на официальном сайте ведомства [7], отметим следующее, что преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информа-

Таблица 1

Статистика преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (2019–2023 гг.)

Отчетный период	Всего, количество преступлений	Раскрыто	АППГ	В сети Интернет	По статьям УК РФ зарегистрировано					
					Ст. 159	Ст. 159.3	Ст. 159.6	Ст. 272	Ст. 273	Ст. 242, 242.1, 242.2
2019	294 409	65 238	+68,5 %	157 036	119 903	16 119	687	2420	455	1916
2020	510 396	94 942	+73,4 %	300 337	210 493	25 820	761	4105	371	2099
2021	517 722	118 920	+1,4 %	351 463	238 560	10 258	431	6392	317	2299
2022	522 065	142 384	+0,8 %	381 112	249 984	7288	334	9308	200	2588
2023	676 951	172 290	+29,7 %	526 794	353 201	2461	417	36 788	196	3127
Итого рост, в %	+129,9 %	+164 %	–	+235,4 %	+194,6 %	-97,8 %	-39,5 %	+1420 %	-56,9 %	+63,2 %

ции, показывают постоянный рост по различным показателям. Так, рост общего количества зарегистрированных преступлений в указанной сфере более 120 %, в сети Интернет рост более чем на 230 %, а по ст. 272 УК РФ продемонстрировал прибавку более чем на 1400 %. Данная цифра выглядит аномально, но с чем это связано сложно объяснить, однако, это является показательным примером актуальности проблемы высокотехнологичной преступности и необходимости активного противодействия ей. При этом, справедливо будет отметить, что существует и снижение отдельных показателей на всем анализируемом периоде, а именно сокращение мошенничеств (ст. 159.3 и 159.6 УК РФ) на десятки процентов, а также противоправных деяний, связанных с вредоносным программным обеспечением и действиями с ним (ст. 273 УК РФ).

На данном графике (табл. 2) представлен метод «предсказания» — линейная регрессия, который сам по себе является самым грубым из возможных подсчетов, однако, в том случае, если тренд роста количества зарегистрированных преступлений сохранится, то в последующие несколько лет он может достигнуть цифры более 80 тыс., а может и более.

Как было обозначено в начале данной работы, по мнению большого количества ученых, к киберпреступлениям могут относиться и другие статьи уголовного законодательства, которые также могут демонстрировать как рост, так и снижение количества противоправных деяний в данной сфере, однако, не смотря на возможные корректировки, их общий вал будет внушительным, что указывает на острую необходимость государства в лице их правоохранительных ор-

ганов не переставать вести профилактическую работу по недопущению совершения киберпреступлений, но и совершенствовать, а также активно внедрять различные механизмы выявления и последующего привлечения к ответственности злоумышленников.

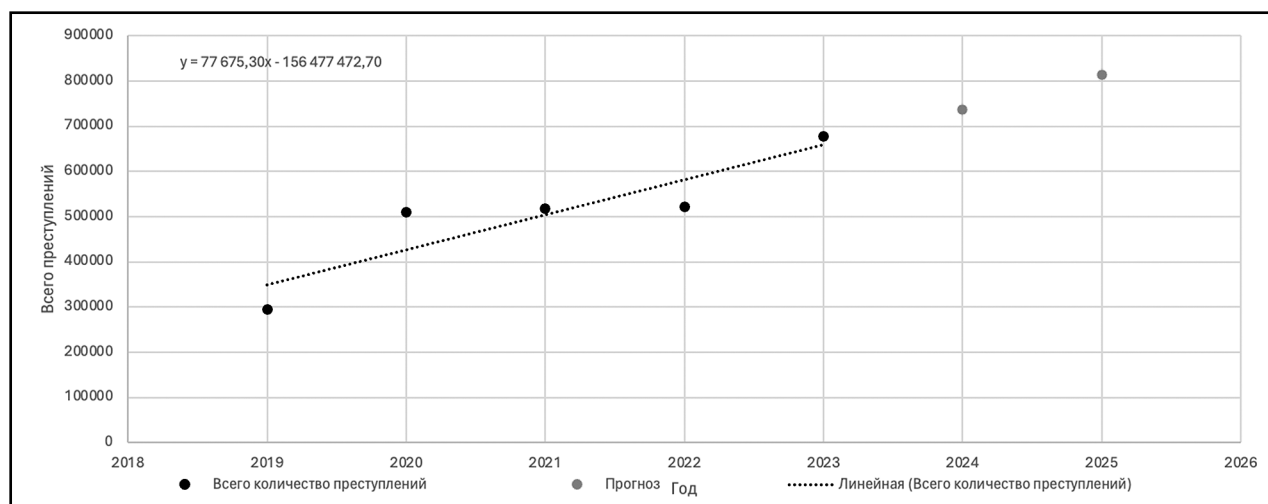
Проблема наличия такого количества киберпреступлений требует слаженной и эффективной работы государственных органов, на которые возложены функции по противодействию указанному виду преступлений. Рассмотрим отдельные правоохранительные органы РФ в исследуемой области. При этом их деятельность не одинакова, условно разделить эти органы возможно по направлениям их функционирования, а именно: те, которые в соответствии со своими обязанностями, закрепленными в различных НПА как федерального, так и ведомственного уровня, должны напрямую осуществлять противодействие киберпреступлениям — это МВД России и ФСБ России, другие, ведут работу по содействию в выше обозначенной сфере — Росфинмониторинг, Банк России, Следственный комитет России и т. д.

МВД России является ФОИВ, который осуществляет основную функцию по противодействию преступности в стране. Посредством работы его подчиненных территориальных подразделений выполняются объемные задачи по профилактике, борьбе и предотвращению противоправных деяний в различных сферах, включающих киберпреступность.

Одним из наиболее важных подразделений МВД России в данной области является Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных техноло-

Таблица 2

Прогноз роста преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации

гий (далее — УБК МВД России), которое осуществляет профилактику, раскрытие преступлений в исследуемой сфере, организует содействие иным правоохранительным органам, а также ее координацию. Данная структура в системе МВД России была образована Указом Президента РФ в 2022 г. [8], а функционирует на основании приказа министра МВД России [9]. Подразделение было реорганизовано из Управления «К» МВД России, которое ранее выполняло некоторые функции в рассматриваемой области.

УБК МВД России, осуществляет следующие задачи (п. 8) [9]: «...организация предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием (в сфере) ИКТ, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; организация пресечения распространения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет информации, создающей угрозу причинения вреда жизни, здоровью и имуществу граждан» и др.

Данное подразделение, осуществляет организационно-методическое обеспечение деятельности подразделений по борьбе с противоправным использованием ИКТ территориальных органов МВД России (п. 6) [10]. В указанном документе такие ведомственные структуры называются «...подразделение по борьбе с киберпреступлениями», именно так их полное наименование в нем сокращается. Таким образом, не смотря на отсутствие прямого обозначения, по смыслу и содержанию соответствующих документов подразумевается, что рассматриваемые подразделения МВД России на региональном и (или) территориальных уровнях должны осуществлять деятельность по противодействию киберпреступности, а координацию их работы осуществляет УБК МВД России.

Иным структурным подразделением МВД России является Национальное центральное бюро Интерпола (далее — НЦБ), которое в рамках своих правоохранительных функций, осуществляет на постоянной основе взаимодействие с МО и органами (Международной организацией уголовной полиции — Интерпол, Европейской полицейской организацией — Европол и др.) по «...направлению запросов и сообщений правоохранительных и иных государственных органов Российской Федерации в Генеральных секретариат Интерпола и национальные центральные бюро Интерпола иностранных государств для осуществления розыска, ареста и выдачи лиц, совершив-

ших уголовные преступления, розыска и ареста перемещенных за границу доходов от преступной деятельности, похищенных предметов и документов, проведения иных оперативно-розыскных мероприятий и процессуальных действий по делам, находящимся в производстве этих органов» (п. 10.16) [11].

Отметим еще несколько структур системы МВД России, которые также могут осуществлять задачи по противодействию киберпреступности, однако, это не является их основной функцией, при этом, они на регулярной основе сталкиваются с подобными деяниями и обязаны пресекать их. К примеру, следующие подразделения ОВД: уголовного розыска (в них, как было ранее сказано, созданы профильные отделы); по контролю за оборотом наркотиков; по противодействию терроризму, экономической безопасности и противодействия коррупции, а также отдельные специализированные службы ОВД, которые, в последнее время, все чаще сталкиваются с преступлениями, которые осуществляются посредством сети Интернет либо на его ресурсах, с использованием ИКТ при совершении противоправных деяний и т. п.

Следующим ОГВ в правоохранительной сфере является ФСБ России. Данный ФОИВ в рамках своих полномочий, осуществляет деятельность в «...области обеспечения безопасности Российской Федерации, борьбы с терроризмом..., информационной безопасности Российской Федерации, координирует контрразведывательную деятельность...» (ст. 1) [12]. Согласно п. 9 [12] в функции органов ФСБ России входит организация и осуществление борьбы с различными преступлениями, отнесенными к их ведению. Так, в первую очередь, можно выделить ст. 274.1 УК РФ (предварительное расследование по данной статье проводится следователями ФСБ России, в соответствии с п. 2. ч. 2 ст. 151 УПК РФ), согласно которой злоумышленником осуществляется неправомерное воздействие на объекты, относящиеся к критической информационной инфраструктуре РФ (далее — КИИ), а совершаться они могут путем использования вредоносных программ, осуществления компьютерных атак и иных противоправных действий.

Выполняют органы государственной безопасности свои полномочия в выше указанной области, путем обеспечения функционирования государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации (далее —

ГосСОПКА) [13]; выявления лиц, причастных к совершению противоправных действий, наказание за которые предусматриваются ст. 274.1 УК РФ; проведения предварительного расследования по ним.

Согласно ст. 5 [14] ГосСОПКА «...представляет собой единый территориально распределенный комплекс, включающий силы и средства, предназначенные для обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак и реагирования на компьютерные инциденты».

Силами ГосСОПКА является Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам (далее — НКЦКИ), центры ГосСОПКА, а также его подразделения и должностные лица. В целом последовательность функционирования данных структур следующая: организация, относящаяся к субъекту КИИ в случае, если в ее отношении была совершена компьютерная атака, собирает сведения о ней и передает их в НКЦКИ (в соответствии с определенным порядком, сроками и через специализированную информационную систему). Последним, в свою очередь, принимается данная информация, систематизируется, обобщается, а также направляется в ГосСОПКА, который на основании п. 5 и 6 ст. 5 [14] собирает, накапливает, систематизирует, анализирует данные сведения.

НКЦКИ, в соответствии с п. 4 приказа ФСБ России [15] в форме методических рекомендаций, предоставляет субъектам КИИ информацию о «...средствах и способах проведения компьютерных атак и о методах их предупреждения и обнаружения».

Далее, рассмотрим другие органы государственной власти (далее — ОГВ) в правоохранительной сфере, государственные организации, не относящиеся к правоохранительным, которые, как было указано ранее, осуществляют взаимодействие в противодействии и профилактике киберпреступлений, при этом в их прямых функциях данная деятельность не является основной, им не вменяются обязанности борьбы со всеми проявлениями рассматриваемой противоправной области, но при этом они могут реагировать на отдельные преступные деяния.

Первой структурой, которая частично выполняет функции по противодействию киберпреступности в России является Банк России. В составе Департамента информационной безопасности (структурное подразделение Банка России) «...в соответствии с Решением Совета безопасности Российской Федерации от

15 января 2015 г. № ПР-73 был создан Центр мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере (ФинЦЕРТ Банка России)» (далее — ФинЦЕРТ) [16].

На базе ФинЦЕРТ создана система информационного обмена между участниками финансового рынка, правоохранительными органами, провайдерами и операторами связи, системными интеграторами, разработчиками антивирусного ПО и другими компаниями, работающими в сфере информационной безопасности [17]. Принцип функционирования такой же, что и ГосСОПКА, тем более что ФинЦЕРТ, выполняет функции отраслевого его сегмента [16].

Для обмена данными между участниками, обозначенными выше, о выявленных угрозах, совершенных в их отношении компьютерных атак, создана автоматизированная система обработки информации — АСОИ ФинЦЕРТ. Система позволяет накапливать, анализировать, хранить поступающие данные; вести базы знаний по уязвимостям, шаблонов атак, маркеры угроз; ведение архивов расследований инцидентов ИБ, а также в форме методических рекомендаций доводить до участников финансового рынка, подключенных к АСОИ о порядке предотвращения угроз и ликвидации последствий их реализации. Помимо указанного, ФинЦЕРТ формирует отчетность как по своей работе, так и аналитических обзоров (бюллетеней, отчетов) о выявленных инцидентах, типах компьютерных атак и т. п. Однако, ФинЦЕРТ более не публикует свои отчеты на официальном сайте; последний «Основные типы компьютерных атак в кредитно-финансовой сфере в 2019–2020 годах» [18] был размещен в 2021 г.

Еще одной государственной структурой, осуществляющей помощь правоохранительным органам в противодействии киберпреступности в рамках своих компетенций, является Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг). Одной из ключевых сфер деятельности данного ФОИВ «...противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма, экстремистской деятельности...» [19]. Федеральная служба активно сотрудничает с другими государственными правоохранительными органами в части предоставления информации о движении денежных средств на территории страны по их запросам.

Иными ОГВ, помимо перечисленных по тексту выше, которые в той иной степени осуществляют

борьбу с рассматриваемыми преступными деяниями, можно отметить, например, Министерство обороны Российской Федерации (в части информационного противоборства); Следственный комитет России (в структуре которого 2019 г. был создан отдел по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий [20]); Прокуратуру Российской Федерации (в части выполнения контроля и надзора за соблюдением законодательства государства); Роскомнадзор (осуществляющий блокировку сайтов в сети Интернет, по запросам правоохранительных органов и (или) решению суда), а также другие органы (организации), в обязанностях (функциях, задачах) которых исследуемая деятельность, не является основной и (или) приоритетной. Например, различные компании, работающие в области информационной безопасности — Positive Technologies, Лаборатория Касперского, Код безопасности и многие другие. Последние, в свою очередь, на постоянной основе выпускают различного рода аналитические отчеты, оказывают содействие правоохранительным органам в рамках проведения оперативных мероприятий, предварительного расследования, криминалистических исследований, судебных экспертиз, осуществляют различную консультативную помощь и т. п.

Подводя итог рассмотренного по тексту выше, приходим к выводу, что РФ в крайние годы создала достаточно эффективный механизм противодействия киберпреступности, успешно функционирующий, что демонстрирует информация Глобального индекса кибербезопасности за 2020 г. (англ. Global Cybersecurity Index), периодически публикующегося Международным союзом электросвязи (англ. The International Telecommunication Union, сокр. ITU), согласно которой наша страна занимает 5-ое место в рейтинге [21].

Но растущее из года в год количество преступлений в данной сфере вызывает опасения, что МВД России может не справиться с таким их увеличением в перспективе. Из существенных проблем, которые могут влиять на количество раскрытых преступных деяний, возможно выделить следующее: непрерывное развитие технологий; постоянно изменяющийся ландшафт преступлений; высокая их латентность; невысокая осведомленность действующих сотрудников в вопросах противодействия высокотехнологичной преступности; малое количество профильных специалистов, имеющих техническое образование в штатах подразделений полиции в сравнении с имею-

щими юридическое образование; сложная процедура обновления устаревшего оборудования, недостаток отечественных высокопроизводительных технических решений; малое количество сотрудников в киберподразделениях в принципе; слабое (в отдельных случаях) взаимодействие подразделений полиции с иными государственными и негосударственными структурами в области обмена информацией.

Согласно всего, что было обозначено в данной работе, можем резюмировать следующее, что проблематика борьбы с киберпреступностью не снижает своей актуальности на протяжении десятков лет. К сожалению, не смотря на активные и достаточно серьезные действия со стороны множества государств, их объединений в международные, региональные, межгосударственные, иные совместные структуры (альянсы, комитеты, организации и т. п.), преступность не искоренена, но и развивается, осваивая новые технологии, применяются все более изощренные схемы и способы их реализации. Однако, это не должно останавливать усилия и давление на преступный элемент со стороны правоохранительных органов и организаций, а взаимовыгодное сотрудничество, своевременный оперативный обмен информацией между ними, проведение различных представительских мероприятий (форумов, конференций, семинаров и т. д.), позволяющих обмениваться опытом, особенностями использования тех или иных технологий, как представляется, будут способствовать повышению эффективности борьбы с высокотехнологичным криминалом.

Очевидно, что в целом в нашей стране складывается положительная тенденция, связанная с укреплением и совершенствованием деятельности, направленной на предотвращение, раскрытие и расследование киберпреступлений: создаются (реорганизуются) новые подразделения (службы, структуры), которые наделяются актуальными функциями; совершенствуется законодательство; заменяется оборудование; разрабатываются и внедряются новейшие программные и программно-аппаратные решения; улучшаются возможности и повышается эффективность взаимодействия различных подразделений государственных и негосударственных органов по обмену информацией, своевременному информированию заинтересованных субъектов, оперативному доступу к необходимым сведениям и прочее. Можно предположить, что подобное поступательное движение со стороны государственного механизма позволит в дальнейшем

серьезно затруднить киберпреступную деятельность и изменить вектор роста данных деяний в сторону их уменьшения.

Список источников

1. Антонов А. Г., Алешина-Алексеева Е. Н., Солодова А. В. К вопросу о понятии и видах киберпреступлений // Вестник Пермского института ФСИН России. 2023. № 1 (48). С. 5–10.
2. Витвицкая С. С., Витвицкий А. А., Исакова Ю. И. Киберпреступления: понятие, классификация, международное противодействие // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 1. С. 126–136.
3. Аллахвердиева Э. А., Маслов А. В. Понятие киберпреступности и киберпреступлений // Научно-практический журнал Общество. Закон. Правосудие. 2021. № 4 (53). С. 34–37.
4. Бегларян М. Е., Войтова-Долгих Я. Н., Одинцов С. А. Исторические аспекты понятий «киберпреступление» и «кибертерроризм» // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 4 (50). С. 11–15.
5. Бертовский Л. В. К вопросу о понятии киберпреступления // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 4 (30). С. 84–88.
6. Цимбал В. Н., Ключев С. Г. Понятие киберпреступления и его содержательная часть // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 1. С. 129–132.
7. Статистика и аналитика. МВД России // URL://<https://мвд.рф/dejatelnost/statistics>.
8. Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2022 г. № 688 «О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Приказ МВД России от 29 декабря 2022 г. № 1110 «Об утверждении Положения об Управлении по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Приказ МВД России от 14 февраля 2023 г. № 71 «Об утверждении Типового положения о подразделении по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации на региональном уровне» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Приказа МВД России от 31 марта 2012 г. № 305 «Об утверждении положения о Национальном центральном бюро Интерпола Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Указа Президента РФ от 11 августа 2009 г. № 960 «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Указ Президента Российской Федерации от 22 декабря 2017 г. № 620 «О совершенствовании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Приказ ФСБ России от 24 июля 2018 г. № 366 «О Национальном координационном центре по компьютерным инцидентам» // СПС «КонсультантПлюс».
16. Основные направления развития информационной безопасности кредитно-финансовой сферы на период 2019–2021 гг. // СПС «КонсультантПлюс».
17. ФинЦЕРТ. Банк России // URL://https://cbr.ru/information_security/fincert/?utm_source=w&utm_content=page.
18. Банк России // URL://<https://cbr.ru/analytics/ib/fincert/>
19. Указ Президента Российской Федерации от 13 июня 2012 г. № 808 «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу» // СПС «КонсультантПлюс».
20. Аргументы и факты: «В СК РФ появилось подразделение по борьбе с киберпреступлениями». Следственный комитет Российской Федерации // URL://<https://sledcom.ru/press/smi/item/1422678/>
21. Global Cybersecurity Index 2020. ITU Publications // URL://<https://www.itu.int/epublications/publication/D-STR-GCI.01-2021-HTML-E>.

References

1. Antonov A. G., Alyoshina-Alekseeva E. N., Sokolova A. V. On the question of the concept and types of cybercrimes // Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2023. No. 1 (48). P. 5–10.
2. Vitvitskaya S. S., Vitvitsky A. A., Isakova Yu. I. Cybercrimes: concept, classification, international co-

interaction // Legal order and legal values. 2023. Vol. 1. No. 1. P. 126–136.

3. Allakhverdieva E. A., Maslov A. V. The concept of cybercrime and cybercrimes // Scientific and practical journal Society. Law. Justice. 2021. No. 4 (53). P. 34–37.

4. Beglaryan M. E., Voitova-Dolgikh Ya. N., Odintsovo S. A. Historical aspects of the concepts of «cybercrime» and «cyberterrorism» // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 4 (50). P. 11–15.

5. Bertovsky L. V. On the issue of the concept of cybercrime // Crime investigation: problems and solutions. 2020. No. 4 (30). P. 84–88.

6. Tsimbal V. N., Klyuyev S. G. The concept of cybercrime and its substantial part // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1. P. 129–132.

7. Statistics and analytics. Ministry of Internal Affairs of Russia // URL://<https://Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation/dejatelnost/statistics>.

8. Decree of the President of the Russian Federation dated September 30, 2022 No. 688 «On Amendments to Certain Acts of the President of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

9. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated December 29, 2022 No. 1110 «On Approval of the Regulations on the Department for the Organization of Combating the Illegal Use of Information and Communication Technologies of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

10. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 71 dated February 14, 2023 «On approval of the Model Regulation on the Unit for combating the Illegal Use of Information and Communication Technologies of the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the regional level» // LRS «ConsultantPlus».

11. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 305 dated March 31, 2012 «On Approval of the Regulations on the National Central Bureau of Interpol of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

12. Decree of the President of the Russian Federation dated August 11, 2009 No. 960 «Issues of the Federal Security Service of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

13. Decree of the President of the Russian Federation No. 620 dated December 22, 2017 «On improving the State system for detecting, preventing and eliminating the consequences of computer attacks on information resources of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

14. Federal Law No. 187-FZ of July 26, 2017 «On the security of the Critical information infrastructure of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

15. Order of the FSB of Russia dated July 24, 2018 No. 366 «On the National Coordination Center for Computer Incidents» // LRS «ConsultantPlus».

16. The main directions of the development of information security in the credit and financial sector for the period 2019–2021 // LRS «ConsultantPlus».

17. FinCERT. Bank of Russia // URL://https://cbr.ru/information_security/fincert/?utm_source=w&utm_content=page.

18. Bank of Russia // URL://<https://cbr.ru/analytics/ib/fincert/>

19. Decree of the President of the Russian Federation No. 808 dated June 13, 2012 «Issues of the Federal Financial Monitoring Service» // LRS «ConsultantPlus».

20. Arguments and facts: «A cybercrime unit has appeared in the RF IC». Investigative Committee of the Russian Federation // URL://<https://sledcom.ru/press/smi/item/1422678/>

21. Global Cybersecurity Index 2020. ITU Publications // URL://<https://www.itu.int/epublications/publication/D-STR-GCI.01-2021-HTM-E>.

Информация об авторе

В. Н. Цимбал — заместитель начальника кафедры информационной безопасности учебно-научного комплекса информационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. N. Tsimbal — Deputy Head of the Department of Information Security of the Educational and Scientific Complex of Information Technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 01.08.2024.
The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 01.08.2024.

Научная статья

УДК 343.3

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-192-201>

EDN: <https://elibrary.ru/ijqxjj>

NIJON: 2003-0059-4/24-116

MOSURED: 77/27-003-2024-04-315

Новеллы в определении общественной опасности нарушений законодательства Российской Федерации о налогах и сборах

Ольга Александровна Цирит¹, Александр Владимирович Остроушко²

¹ Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия, olga-39@list.ru

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, avostroushko@fa.ru

Аннотация. На основе межотраслевого подхода предпринята попытка определить понятие общественной опасности нарушений законодательства Российской Федерации о налогах и сборах, с учетом того, что ответственность за налоговые правонарушения — комплексный правовой институт, сочетающий нормы нескольких отраслей права. В условиях перехода нашей страны к экономике данных, внедрения процедур контроллинга и прогрессивной шкалы налогообложения, требуются новые подходы к установлению ответственности за налоговые правонарушения и преступления. Проведен анализ последних новелл различных отраслей права в сфере налоговых правонарушений. Так как понятие общественной опасности в налоговых правонарушениях, сформулированное законодателем, не в полной мере отвечает потребностям правоприменителя, был выдвинут ряд предложений по совершенствованию критериев данной дефиниции.

Ключевые слова: налоговые правонарушения, общественная опасность, дефиниция, новеллы законодательства, совершенствование

Для цитирования: Цирит О. А., Остроушко А. В. Новеллы в определении общественной опасности нарушений законодательства Российской Федерации о налогах и сборах // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 192–201. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-192-201>. EDN: IJQXJJ.

Original article

Improving the definition of public danger of violations of the legislation of the Russian Federation on taxes and fees

Olga A. Tsirit¹, Alexander V. Ostroushko²

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, olga-39@list.ru

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, avostroushko@fa.ru

Abstract. On the basis of the intersectoral approach an attempt is made to define the concept of public danger of violations of the legislation of the Russian Federation on taxes and fees, taking into account the fact that responsibility for tax offenses is a complex legal institute that combines the norms of several branches of law. In the conditions of transition of our country to data economy, introduction of controlling procedures and progressive scale of taxation, new approaches to the establishment of responsibility for tax offenses and crimes are required. The analysis of the latest novelties of various branches of law in the field of tax offenses has been carried out. Since the concept of public danger in tax offenses, formulated by the legislator, does not fully meet the needs of law enforcement, a number of proposals to improve the criteria of this definition were put forward.

Keywords: tax offenses, public danger, definition, legislative innovations, improvement

For citation: Tsirit O. A., Ostroushko A. V. Improving the definition of public danger of violations of the legislation of the Russian Federation on taxes and fees. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):192–201. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-192-201>. EDN: IJQXJJ.

Актуальность исследования темы общественной опасности налоговых правонарушений в законодательстве Российской Федерации обусловлена рядом противоречий, связанных с современными экономическими реалиями и развитием правовой базы. Во-первых, переход к экономике данных, внедрение процедур контроллинга и введение прогрессивной шкалы налогообложения требуют пересмотра подходов к определению общественной опасности налоговых правонарушений. Одним из ключевых противоречий

является несовершенство существующих критериев для оценки таких правонарушений. Понятие общественной опасности, закрепленное законодателем, не полностью удовлетворяет потребности правоприменителей, что приводит к неопределенности в правовом регулировании.

Во-вторых, межотраслевой характер налоговых правонарушений усложняет их правовую оценку, поскольку нормы налогового, административного и уголовного права тесно взаимосвязаны, но имеют

© Цирит О. А., Остроушко А. В., 2024

разные подходы к определению степени общественной опасности. Это вызывает дискуссии среди ученых, связанных с разграничением налоговых правонарушений и преступлений. Например, В. М. Зарипов указывает на значительную неясность и противоречивость налогового законодательства, а также сложности в определении отличий между уклонением от налогов, злоупотреблениями и нарушениями налоговых норм [1].

Третьим противоречием является недостаточная разработанность теоретических основ оценки общественной опасности налоговых правонарушений. В научной литературе существуют различные взгляды на этот вопрос: одни ученые, например, Е. И. Минакова, подчеркивают важность оценки общественной опасности для обеспечения финансовой безопасности государства, другие, как Е. П. Гришина, указывают на необходимость дифференцированного подхода к уголовной ответственности за налоговые преступления.

Правонарушения в сфере использования бюджетных средств, в том числе преступления в налоговой сфере, обладают высочайшей степенью общественной опасности и распространенности.

По словам А. И. Бастрыкина, в 2022 г. «сумма всего возмещенного ущерба по уголовным делам о налоговых преступлениях составила 50,2 млрд руб., при этом сумма установленного ущерба — 81,6 млрд руб. В 2022 г. было возбуждено 2053 уголовных дела о налоговых преступлениях. В ходе расследования установлен ущерб, причиненный этими преступлениями, в совокупном размере, составляющем 81,6 млрд руб., из которых на стадии досудебного уголовного судопроизводства возмещено в бюджет 50,2 млрд руб. или 62 %. В суд для рассмотрения по существу направлено 1090 уголовных дел»¹.

Понятие общественной опасности нарушений законодательства Российской Федерации о налогах и сборах

Фундаментальной категорией, которая определяет преступность и наказуемость деяния является общественная опасность. Именно она формирует представление о деянии как о преступлении, позволяет определить справедливое наказание, дает начало многим правовым институтам и положениям. Значимость данной категории признавалась как классиками юридической науки, так современными учеными эпохи цифровой трансформации общества. С. В. Тимофеев прав в том, что из-за налоговых правонарушений

усложняются решения задач государства социальной направленности, замедляется рост экономических показателей, затрудняется продвижение национальных и крупных инфраструктурных проектов [2].

В. Ю. Малахова справедливо отмечает, что ответственность за налоговые правонарушения — комплексный межотраслевой правовой институт, сочетающий нормы нескольких отраслей права, сложившийся в зависимости от степени общественной опасности налоговых правонарушений [3].

Ст. 57 Конституции Российской Федерации гласит, что каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы. Законы, устанавливающие новые налоги или ухудшающие положение налогоплательщиков, обратной силы не имеют². В этой связи в постановлении Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2017 г. № 39-П, указано, что обязанность, установленная ст. 57 Конституции РФ, имеет публично-правовой, а не частноправовой характер³.

По мнению Е. И. Минаковой «финансовая безопасность государства зависит в основном от проводимой государством финансовой политики, в частности бюджетно-налоговой политики государства. Поэтому значение института финансовой безопасности важно при оценке общественной опасности налоговых преступлений» [4]. Как правильно отметила Е. П. Гришина, общественная опасность налоговых преступлений не так велика, как общественная опасность большинства преступлений против мира и безопасности человечества, личности, порядка управления и ряда других, по этой причине «не только уголовная ответственность, но и уголовное судопроизводство по делам о преступлениях, относящихся к категории налоговых, обладает дифференцированным, взвешенным характером» [5].

Общественная опасность налоговых правонарушений, несмотря на относительную «мягкость» по сравнению с преступлениями против личности или общественной безопасности, остается значимой проблемой для государства. Данный факт связан с тем, что налоговые правонарушения наносят ущерб не

¹ Интервью Председателя Следственного комитета России информационному агентству ТАСС // URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1792125>.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2017 г. № 39-П // СЗ РФ. 2017. № 51. Ст. 7914.

только экономическим интересам государства, но и создают прецеденты, подрывающие доверие граждан к правовой системе и налоговой дисциплине.

Современное общество, характеризующееся цифровизацией и глобализацией, сталкивается с новыми вызовами в области налогообложения, что порождает новые виды правонарушений. Примерами таких вызовов могут служить уклонение от налогов через использование международных схем или криптовалютных транзакций, которые остаются недостаточно регулируемы в законодательстве. В связи с этим, полагаем, что требуется пересмотр существующих правовых норм.

В условиях цифровой трансформации экономики вопрос об определении общественной опасности нарушений налогового законодательства приобретает новое значение. Важной задачей становится разработка критериев, которые позволят адекватно оценить не только ущерб, нанесенный государству в финансовом плане, но и долгосрочные последствия для его экономической безопасности. Здесь можно отметить необходимость дифференцированного подхода, который учитывал бы характер правонарушения, его масштаб и потенциальные риски для экономики страны.

Таким образом переход нашей страны к экономике данных, внедрение процедур контроллинга, введение с 2025 г. в России прогрессивной шкалы налогообложения требуют точного уяснения степени общественной опасности налоговых нарушений, что обуславливает актуальность дальнейшего изучения данного института.

Уголовно-правовое противодействие налоговым преступлениям

Уголовное законодательство в сфере противодействия налоговым преступлениям постоянно реформируется, так Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования отношений, связанных с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды» в УК РФ были внесены две новые статьи: ст. 199.3 и 199.4⁴.

Таким образом, с 1 января 2017 г. ч. II НК РФ дополнена новым разд. XI «Страховые взносы в Российской Федерации», и страховые взносы были возвращены в круг отношений, регулируемых законодательством о налогах и сборах.

Внесение изменений в УК РФ и появление новых статей, касающихся уклонения от уплаты страховых взносов, отражает тенденцию к усилению контроля над финансовыми и налоговыми обязательствами как физических, так и юридических лиц. Указанные изменения подтверждают стремление государства повысить степень ответственности налогоплательщиков и обеспечить выполнение социальных обязательств, что, в свою очередь, способствует улучшению финансовой стабильности государственных фондов.

Однако, одной из актуальных проблем остается вопрос о границах общественной опасности налоговых преступлений. Современное правоприменение в России сталкивается с тем, что нарушения налогового законодательства варьируются по уровню тяжести и часто рассматриваются в контексте конкретных экономических условий, масштабов нарушения и его последствий для государственного бюджета. Важно подчеркнуть, что не каждое нарушение налогового законодательства автоматически становится общественно опасным в той мере, чтобы требовать уголовного преследования.

Законодатель признал общественно опасными деяния по уклонению страхователя-организации и страхователя-физического лица от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд. Это новые положения в уголовном праве Российской Федерации.

Важно, что страховые взносы на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний не совпадают с предметом преступлений, предусмотренных ст. 198, 199 УК РФ.

В настоящее время отсутствует единый подход к пониманию непосредственного объекта налоговых преступлений; А. А. Харламова и Е. В. Белов определяют его как «совокупность общественных отношений, обеспечивающих порядок осуществления обязательных платежей» [6, с. 46].

Д. А. Безбородов прав: «общественная опасность уклонения от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных

⁴ Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования отношений, связанных с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды» // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4799.

случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд, т. е. умышленное невыполнение обязанности каждого платить законно установленные платежи, заключается в непоступлении денежных средств в Фонд социального страхования РФ» [7].

Мы не совсем согласны с формулировкой субъекта преступления, предусмотренного ст. 199.4 УК РФ — страхователь-организация. С учетом положения ст. 19 УК РФ, согласно которой уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного УК РФ, законодатель следовало бы применить иной термин — руководитель организации страхователя. Это позволит соблюсти правила техники формулирования уголовного закона.

Общая и частная превенции являются целями применения мер юридической ответственности, в том числе, в сфере налогового законодательства. Общественная опасность является категорией, используемой не только уголовным правом, но и иными отраслями права. Особое значение она имеет в публичных отраслях права, в частности при разрешении вопроса о привлечении к ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о налогах и сборах.

В частности, если виновные в состоянии выплатить задолженности по налогам, так семья блогеров Валерии и Артема Чекалиных внесла в казну 504 млн руб. и, в связи с этим, было прекращено их уголовное преследование по факту уклонения от уплаты налогов⁵.

Межотраслевой подход к общественной опасности налоговых правонарушений

Среди нарушений законодательства о налогах принято выделять: «налоговые правонарушения (гл. 16 и 18 НК РФ); нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащие признаки административного правонарушения (налоговые проступки) (ст. 15.3–15.9 КоАП РФ); нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащие признаки преступления (налоговые преступления) (ст. 198–199.4 УК РФ)» [8].

Характеризуя общее понятие общественной опасности, следует учитывать, что под ней понимается определенная социальная вредоносность, потенциальный ее риск или угроза причинения вреда. Мы можем констатировать, что нет единого межотраслевого понятия категории «общественная опасность», в юридической науке не выработан однообразный

подход к ее природе, признакам, основаниям. Данная категория зачастую базируется на количественных и качественных показателях, таких как: «характер», «степень», «уровень», «меньшая», «большая», «существенная», «значительная», что объективно затрудняет ее рациональное восприятие и эффективное применение. Однако в сфере налогообложения именно от степени общественной опасности зависит отграничение деяний, предусмотренных УК РФ, от иных налоговых правонарушений [9].

Согласны с Е. В. Овчаровой, что меры административных и уголовных наказаний и иные меры государственного принуждения за совершение налоговых правонарушений должны быть предусмотрены в законодательстве об административных правонарушениях и в уголовном законе «на основе объективных критериев характера и степени общественной вредности составов административных правонарушений и общественной опасности составов преступлений» [10].

Категория «налоговое правонарушение» стала предметом исследования юридической науки сравнительно недавно. Вопросы «наказуемости и общественной опасности как признаки налогового правонарушения не подвергались разработке и вызывают в настоящее время оживленные дискуссии» [11].

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении Конституционного Суда РФ от 30 октября 2023 г. № 50-П: исходя из публично-правовой природы государственной власти и из понимания налогов как элемента финансовой основы государства, обязанность платить законно установленные налоги и сборы, закрепленная в ст. 57 Конституции Российской Федерации, имеет публично-, а не частноправовой характер; налоговые правоотношения основаны на властном подчинении одной стороны другой и предполагают их субординацию. Органы публичной власти наделены полномочием в односторонне-властном порядке, путем принуждения взыскивать с лица причитающиеся налоговые суммы, а налоговая ответственность является публично-правовой (постановления от 17 декабря 1996 г. № 20-П, от 14 июля 2005 г. № 9-П и др.; определения от 7 декабря 2010 г. № 1572-О-О, от 10 марта 2016 г. № 571-О и др.)⁶.

⁵ Семья блогеров Чекалиных выплатила долг по налогам в 504 млн руб. // РИА Новости // URL: <https://ria.ru/20240115/chekaliny-1921342286.html?ysclid=lyeksezhyh8633148682020>.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2023 г. № 50-П // СЗ РФ. 2023. № 46. Ст. 8303.

Однако, в правоприменительной практике сложностью обладает определение общественной опасности налогового преступления.

Общественная опасность деяния является исходным и определяющим критерием истинности любого правонарушения, она существует объективно, вне зависимости от воли законодателя, что означает, что законодатель учитывает общественную опасность при создании той или иной нормы, но не создает ее правотворческим актом [12, с. 41–42]. Безусловно, совершенное деяние «может быть общественно опасным только тогда, когда уже сформировались охраняемые законом общественные отношения (ценности, блага), нарушение которых и представляет собой содержание деликта, вследствие этого признаваемого правонарушением» [13].

По самому общему определению общественная опасность нарушения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах заключается в том, что они порождают непоступление денежных средств в бюджетную систему РФ, а это неизбежно приводит к потере способности государства финансировать публичные потребности. Тем самым будут поставлены под угрозу права и свободы человека и гражданина, защита которых является приоритетом деятельности правового государства. Соответственно общественная опасность налоговых преступлений не вызывает сомнения.

Бесспорно, что общественно опасными являются определенные акты антисоциального и противоправного поведения, поскольку они влекут за собой вред. Принципиально важным становится поиск критериев различия между налоговыми преступлениями и иными видами правонарушений. В противном случае, если никакого различия нет и всякое правонарушение вредно (общественно опасно), то нормативный смысл в определении материальной характеристики правонарушений теряется.

В связи с этим появляется потребность в изучении проблемы нормативных границ общественной опасности нарушения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах, отделяющих преступление как деяние совершенно особенное, отличное от качества иных налоговых правонарушений, что может способствовать пониманию того, в каких пределах общественно опасное деяние может быть отражено как действительное преступление.

Проблема перерастания административного проступка в преступление была затронута Конституционным судом РФ в постановлении от 10 февраля

2017 г. № 2-П⁷. В документе дано соответствующее пояснение. Необходимо заметить, что решения Конституционного суда РФ общеобязательны для использования при принятии решений на всей территории Российской Федерации.

Вместе с тем, несмотря на межотраслевую общность, уголовное, административное и налоговое право самостоятельны, поскольку имеют отдельные, свойственные им предметы правового регулирования. Здесь с очевидностью прослеживается проблема разграничения преступлений и проступков по признаку общественной опасности. С одной стороны, она заключается в различии качественного содержания данных видов правонарушений. При формальной между ними разнице никакими особыми признаками преступления от проступков не отличаются. С другой стороны, при качественном отличии административные и налоговые правонарушения, а также преступления наделяются признаком общественной опасности, а их разграничение становится проблемой определения критериев общественной опасности.

Рассмотрим, что представляет собой общественная опасность в содержательном смысле и какой вред является существенным. Многие ученые полагают, что как объективная категория общественная опасность поддается проверке с опорой на следующие критерии: «значимость общественных отношений; вредоносность деяния; общественно-опасные последствия; вина; факультативные признаки (предмет, способ, время, место, обстановка, орудия, средства совершения преступления, мотив, цель, специальные признаки субъекта преступления), которые могут использоваться законодателем выборочно с учетом существования конкретного деяния» [14].

Аналогичной точки зрения придерживается А. М. Герасимов: «Вред от общественно опасного посягательства отражается всей совокупностью объективных и субъективных признаков деяния» [15, с. 8]. Определенность в вопросе о признании деяния преступным вносит законодатель: именно он устанавливает, какая степень опасности характерна для проступков, а какая для преступлений [16, с. 104–105].

В уголовном праве общественная опасность оценивается посредством анализа двух ее показателей — характера и степени. В постановлении Пленума Вер-

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 2121 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина» // Документ опубликован не был.

ховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»⁸ раскрывается содержание этих показателей.

Рассмотрим в качестве примера Приговор Сулейман-Стальского районного суда Республики Дагестан; директор ООО «Муг» неправомерно применял два специальных режима налогообложения — УСН и ЕНВД, хотя, исходя из площади торговых помещений и количества работников предприятия, обязан был перейти на общий режим налогообложения, заключающийся в уплате НДС. Однако «виновный не представил в налоговый орган налоговые декларации по НДС, в связи с чем уклонился от уплаты налогов в особо крупном размере»⁹. В данном случае особо крупный размер суммы уклонения от уплаты налогов определял общественную опасность деяния.

Из материалов еще одного уголовного дела следует, что директор ООО «СанАвто» предложила учредителю данной компании осуществить уклонение от уплаты налогов в крупном размере [17]. Анализируя текст приговора Энгельсского районного суда Саратовской области, можно видеть, что преступление совершено при помощи преступных действий, заключающихся в уклонении от уплаты НДС в крупном размере — на сумму свыше 16 млн руб.¹⁰

Сотрудниками Управления уголовного розыска ГУ МВД России по Московской области в результате комплекса оперативно-розыскных мероприятий в Туле задержан 44-летний житель Подольска, находившийся в международном розыске за уклонение от уплаты налогов. «Являясь генеральным директором строительной компании и ответственным лицом за финансово-хозяйственную деятельность предприятия более трех лет, мужчина не исполнил в личных интересах обязанностей налогового агента по перечислению налогов в сумме более 57 млн руб., подлежащих перечислению в бюджет государства»¹¹.

Здесь общественная опасность в большей степени выразилась в групповом характере совершения преступления.

Подходы к определению общественной опасности в административном праве разнообразны; есть мнение, что «административные правонарушения как явления, не являются общественно опасным (Н. Александров, В. Власов, Н. Дурманов, Б. Здравомыслов, А. Ключниченко, Г. Петров, М. Строгович, И. Самощенко, О. Якуба и др.), данные ученые опираются на утверждение о том, что преступления — это качественно особый вид правонарушений, а их

основное материальное свойство состоит в общественной опасности и общественная опасность полно характеризует исключительно преступления и для других правонарушений данный признак не обязателен» [18].

Ученые, которые «рассматривают административные правонарушения как общественно опасные деяния (Е. Додин, Л. Коваль, А. Лунев, Н. Малеин, А. Пионтковский, А. Сахаров, А. Трайнин, М. Шаргородский, А. Шишов и др.), отмечают, что их исходной позицией является материальное единство всех правонарушений. И преступления, и административные правонарушения, и дисциплинарные проступки, и гражданские правонарушения в определенной степени являются общественно опасными деяниями. Поэтому общественная опасность — это признак, свойственный им всем без исключения» [18]. Отличие «заключается лишь в степени общественной опасности» [19, с. 54].

Развитие идей, заложенных в научной дискуссии о характеристике общественной опасности административных правонарушений, предполагает дальнейший анализ подходов к их оценке в правовой науке. Одним из ключевых вопросов является вопрос о том, следует ли относить все правонарушения, включая административные, к общественно опасным деяниям. Сторонники позиции, что общественная опасность присуща исключительно преступлениям, аргументируют это тем, что преступления нарушают базовые ценности общества, такие как жизнь, здоровье, права личности и общественная безопасность. Действительно, это нарушение основополагающих прав и свобод на высшем уровне, что требует строгих мер ответственности.

Тем не менее, следует учитывать, что административные правонарушения могут также наносить существенный ущерб общественным интересам, особенно в условиях глобальных изменений, таких как цифровизация, развитие международных экономи-

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Документ опубликован не был.
⁹ Приговор от 19 ноября 2019 г. № 1-116/2019 по делу № 1-116/2019 Сулейман-Стальского районного суда Республики Дагестан // URL://<http://s-stalskiy.dag.sudrf.ru>.

¹⁰ Приговор от 16 июля 2019 г. № 1-121/2019 по делу № 1-121/2019 Энгельсского районного суда Саратовской области // URL://<http://engelsky.sar.sudrf.ru>.

¹¹ Сотрудниками уголовного розыска в Московской области задержан директор предприятия, находившийся в международном розыске за неуплату налогов // URL://<https://мвд.рф/news/item/46704272>.

ческих отношений и распространение новых технологий. В этой связи, как справедливо отмечают ученые, считающие административные правонарушения общественно опасными, возникает необходимость более дифференцированного подхода к их оценке. Например, административные правонарушения, связанные с уклонением от уплаты налогов или нарушением правил финансового мониторинга, могут иметь серьезные последствия для экономики и государственной безопасности, что делает их потенциально не менее значимыми, чем некоторые уголовные преступления.

Кроме того, современные изменения в законодательстве Российской Федерации о налогах и сборах подчеркивают важность учета общественной опасности при квалификации административных правонарушений. Нарушение налоговых норм может не только снизить доходы бюджета, но и дестабилизировать экономические процессы, что особенно актуально в эпоху глобализации. Таким образом, границы между административными и уголовными правонарушениями становятся все более размытыми, и подходы к оценке их общественной опасности требуют пересмотра.

В налоговом праве, «самом близком к уголовному, с точки зрения законодательного определения вины, конструкция вины (в совершении налогового правонарушения, см. ст. 110 Налогового кодекса РФ) как минимум отличается от уголовного закона в интеллектуальном элементе, требуя осознания не общественной опасности деяния, но его противоправности» [20].

В то же время, никем не оспаривается положение, что собственно налоговые правонарушения представляют меньшую общественную опасность по сравнению с налоговыми преступлениями, а из общего числа налоговых деяний налоговые правонарушения составляют наибольшую их часть¹².

В постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П было указано, что в «отличие от уголовных преступлений, весьма различных по степени общественной опасности, налоговые правонарушения относятся к категории не общественно-опасных административных проступков. Характер правонарушения, степень вины, смягчающие и отягчающие обстоятельства учитываются иным образом при назначении наказания»¹³.

Для разрешения вопроса о наличии или отсутствии общественной опасности у налоговых проступков отметим, что в условиях построения экономики

данных, от полной и своевременной уплаты налогов субъектами зависит наличие возможности государством осуществлять присущие ему функции, проводить цифровую трансформацию общественных отношений и финансировать инновационное развитие экономики. Верно утверждение о том, что функция налогообложения финансово обеспечивает эффективность реализации других функций. Таким образом, налоговые правонарушения тормозят современное развитие российского общества и отрицательно влияют на сохранение национальной безопасности в целом.

Естественно, что налоговые правонарушения ставят в опасность различные сферы нормального функционирования современного общества. В связи с вышеизложенным для целей нашего исследования мы будем подразумевать, что признак общественной опасности характерен не только для налоговых преступлений, но и налоговых и административно-деликтных проступков.

Данный подход полностью совпадает со сложившейся международной практикой, так во второй редакции Руководства Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) «Борьба с налоговыми преступлениями: десять глобальных принципов», указано, что «каждое государство должно решить, как лучше всего реализовать глобальные принципы борьбы с налоговыми правонарушениями таким образом, который наиболее подходит в контексте и наиболее соответствует организационной структуре по борьбе с налоговыми преступлениями и соблюдению международных обязательств» [23].

В Принципе первом «по обеспечению уголовной ответственности за налоговые правонарушения сказано, что порог установления уголовной ответственности зависит от опасности правонарушения для конкретной юрисдикции» [23].

Направления совершенствования понятия общественной опасности в налоговых правонарушениях

Существуют предложения по дифференциации критериев понятия «общественной опасности в налоговых правонарушениях». Критериями деления по мнению Е. В. Майоровой и Г. Ф. Цельникер «по-

¹² Налоговые нарушения: анализ и ответственность // URL:// https://rostov.abt.ru/blog/nalogovye-narusheniya-i-prestupleniya/?ysclid=ly467a1deg927892193&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F.

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3200.

тенциально могут выступать следующие характерные черты правонарушений: сумма неуплаченных налогов, сборов, страховых взносов (сумма будет общей, включающей в себя проценты и пеню); причины, по которым гражданин (субъект) не уплачивает данные платежи (с предоставлением конкретных доказательств, подтверждающих данные причины)» [24, с. 39].

Заострим внимание на методике дифференциации налоговых преступлений и налоговых правонарушений в зависимости от определения степени общественной опасности, принятой в теории уголовного права, где степень общественной опасности выступает в роли количественного показателя, оперирующего такими критериями как: причинение значительного или крупного ущерба; совершение в крупном размере или особо крупном.

Е. В. Баркалова говорит, что «общественная опасность налоговых преступлений, как и большинства преступлений в сфере экономической деятельности, выражается в размере причиненного ущерба, в данном случае в виде налоговой недоимки» [25].

Если обратиться к налоговым составам — ст. 198, 199, 199.1, 199.2, 199.3 и 199.4 УК РФ, то можно заметить, что для их квалификации требуется достижение определенного, не всегда понятного логически, объема неуплаченных налогов, сборов и страховых взносов, совершенных в целях уклонения.

Таким образом, следует сделать вывод, что общественная опасность налоговых преступлений подтверждается следующими признаками: суммой неуплаченных налогов, сборов, страховых взносов; причинами ее неуплаты; размером причиненного бюджету реального ущерба и наличием умышленной формы вины; характеристикой субъекта (только физическое лицо).

Проведенное исследование актуальных новелл законодательства Российской Федерации о налогах и сборах подтвердило необходимость совершенствования определения общественной опасности налоговых правонарушений. На основе анализа позиций современных ученых, таких как В. М. Зарипов, С. В. Тимофеев, В. Ю. Малахова, а также мнений практиков, была выявлена значительная неопределенность и противоречивость в правоприменении, что требует выработки новых критериев и подходов к оценке степени общественной опасности налоговых деяний.

Следует согласиться с авторами, что «грань между преступлением и правонарушением остается по-

движной: ряд преступлений декриминализируется с установлением ответственности за деяния в административном, налоговом или бюджетном праве, а, вместе с тем, иная часть правонарушений, приобретающая высокую степень общественной опасности, подлежит криминализации» [27].

Согласно выводам работы, межотраслевой характер налоговых правонарушений затрудняет их точную правовую квалификацию. Положения Конституции Российской Федерации, в частности ст. 57, а также правовые акты и решения Конституционного Суда РФ подтверждают публично-правовой характер налоговых правоотношений, что подчеркивает важность строгого подхода к определению правонарушений в этой сфере. Научная дискуссия вокруг данной проблемы, в которой принимают участие такие ученые, как Е. И. Минакова и Е. П. Гришина, акцентирует внимание на необходимости более четкой дифференциации налоговых правонарушений от административных проступков и преступлений.

Учитывая предложения Е. В. Овчаровой о создании объективных критериев для разделения административных правонарушений и преступлений, работа обращает внимание на то, что общественная опасность налоговых деяний не ограничивается исключительно уголовными преступлениями. Как было отмечено многими авторами, включая А. А. Харламову и Е. В. Белова, важно учитывать комплекс факторов, включая вредоносность деяния, размер ущерба и вину субъекта, для правильного определения характера правонарушения.

В заключение можно отметить, что совершенствование законодательства о налогах и сборах, а также разработка новых подходов к оценке общественной опасности налоговых правонарушений остаются ключевыми направлениями для дальнейших исследований и практического применения.

Список источников

1. Зарипов В. М. Налоги невоенного времени // Закон. 2022. № 11. С. 30–37.
2. Тимофеев С. В. Вопросы совершенствования законодательства об ответственности за налоговые правонарушения // Налоги. 2022. № 2. С. 30–33.
3. Малахова В. Ю. Проблемы ответственности за налоговые правонарушения // Безопасность бизнеса. 2020. № 4. С. 32–36.
4. Минакова Е. И. Анализ деятельности налоговых органов в обеспечении налоговой безопасности как составная часть обеспечения экономической бе-

зопасности // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2017. № 6. С. 116.

5. Гришина Е. П. Соблюдение законодательства при проверке сообщений о налоговых преступлениях как фактор обеспечения экономической безопасности бизнеса // Безопасность бизнеса. 2020. № 5. С. 3–7.

6. Белов Е. В., Харламова А. А. Налоговые преступления: уголовная ответственность, проблемы квалификации: науч.-практ. пособие / отв. ред. Н. Г. Кадников. М., 2016.

7. Безбородов Д. А. Уклонение страхователя — физического лица от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд (ст. 199.3 УК РФ) // Уголовное право. 2017. № 6. С. 4–10.

8. Кобрин М. Что такое налоговое правонарушение и ответственность за него // URL://<https://www.b-kontur.ru/enquiry/717-otvetstvennost-za-pravonarusheniya>.

9. Жамкочан К. Налоговые дела // URL://<https://zhamkochyan.ru/services/nologovie-dela>.

10. Овчарова Е. В. Юридическая ответственность за нарушение налогового законодательства: какой она должна быть? // Финансовое право. 2021. № 11. С. 7–16.

11. Юсупов Р. З. О понятии налогового правонарушения // НОМОТНЕТІКА: Философия. Социология. Право 2020. Т. 45. № 1.

12. Иванов Н. Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации. М., 2016.

13. Тесленко А. Е. Общественная опасность и криминализация налоговых деликтов // Современная наука. 2011. № 1.

14. Лопашенко Н. А. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 4. С. 132–133.

15. Герасимов А. М. Методологические основания разграничения преступления и административного правонарушения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 1(76). С. 5–10.

16. Шаргородский М. Д. Избранные труды. СПб., 2004.

17. Жадяева М. А., Янина И. Ю. Квалификация уклонения организации от уплаты налогов: проблемы конструирования состава и способы их преодоления // Налоги. 2021. № 6. С. 38–41.

18. Колпаков В. К. Вредность и общественная опасность административного правонарушения // Административное право и процесс. 2018. № 8. С. 7–11.

19. Манохин В. М., Новоселов В. И., Бахрах Д. Н. и др. Административная ответственность в СССР: моногр. Саратов, 1988.

20. Есаков А. Г. Преюдиция в уголовном процессе: материально-правовой взгляд // Закон. 2022. № 1. С. 87–94.

21. Хачатуров Р. Л., Ягутян Р. Г. Юридическая ответственность. Тольятти, 1995.

22. Крохина Ю. А. Финансово-правовая ответственность — необходимый атрибут правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 2. С. 69–72.

23. Fighting Tax Crime: The Ten Global Principles. OECD, 2017.

24. Майорова Е. В., Цельникер Г. Ф. Общественная опасность в уголовно-налоговых правонарушениях // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. № 12-4(39).

25. Баркалова Е. В. К вопросу о прекращении уголовного дела о налоговом преступлении // Налоги. 2021. № 1. С. 25–29.

26. Ответственность за налоговые преступления: официальные разъяснения и профессиональный комментарий (постатейный) / В. М. Зарипов, М. Г. Кошкин, Л. В. Кравчинский и др.; под ред. С. Г. Пепеляева. М.: Юстицинформ, 2021.

27. Уголовно-правовая охрана финансово-бюджетной сферы: науч.-практ. пособие / В. Ю. Артемов, Н. А. Голованова, Е. В. Горенская и др.; отв. ред. И. И. Кучеров, О. А. Зайцев, С. Л. Нудель. М., 2021.

28. Генрих Н. В. К совершенствованию механизма уголовно-правового регулирования: проблемы и зарубежный опыт // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 4. С. 3–6.

References

1. Zaripov V. M. Taxes of non-military time // Law. 2022. No. 11. P. 30–37.
2. Timofeev S. V. Issues of improving legislation on liability for tax offenses // Taxes. 2022. No. 2. P. 30–33.
3. Malakhova V. Yu. Problems of responsibility for tax offenses // Business security. 2020. No. 4. P. 32–36.
4. Minakova E. I. Analysis of the activities of tax authorities in ensuring tax security as an integral part of ensuring economic security // Education and science without borders: fundamental and applied research. 2017. No. 6. P. 116.

5. Grishina E. P. Compliance with legislation when checking reports on tax crimes as a factor in ensuring economic security of business // *Business security*. 2020. No. 5. P. 3–7.
6. Belov E. V., Kharlamova A. A. Tax crimes: criminal liability, problems of qualification: scientific and practical. handbook / ed. by N. G. Kadnikov. M., 2016.
7. Bezborodov D. A. Evasion of an insured individual from paying insurance premiums for compulsory social insurance against industrial accidents and occupational diseases to the state extra-budgetary fund (art. 199.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) // *Criminal law*. 2017. No. 6. P. 4–10.
8. Kobrin M. What is a tax offense and responsibility for it // URL://<https://www.b-kontur.ru/inquiry/717-otvetstvennost-za-pravonarusheniya>.
9. Zhamkochyan K. Tax affairs // URL://<https://zhamkochyan.ru/services/nologovie-dela>.
10. Ovcharova E. V. Legal liability for violation of tax legislation: What should it be like? // *Financial law*. 2021. No. 11. P. 7–16.
11. Yusupov R. Z. On the concept of a tax offense // *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law* 2020. Vol. 45. No. 1.
12. Ivanov N. G. Public danger of an act as an ontological basis of criminalization. M., 2016.
13. Teslenko A. E. Public danger and criminalization of tax offenses // *Modern science*. 2011. № 1.
14. Lopashenko N. A. Public danger of crime: the concept and criteria of verification // *Law enforcement*. 2020. Vol. 4. No. 4. P. 132–133.
15. Gerasimov A. M. Methodological grounds for distinguishing crime and administrative offense // *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. No. 1(76). P. 5–10.
16. Shargorodsky M. D. Selected works. St. Petersburg, 2004.
17. Zhadyaeva M. A., Yanina I. Yu. Qualification of tax evasion: problems of composition design and ways to overcome them // *Taxes*. 2021. No. 6. P. 38–41.
18. Kolpakov V. K. Harmfulness and public danger of an administrative offense // *Administrative law and process*. 2018. No. 8. P. 7–11.
19. Manokhin V. M., Novoselov V. I., Bakhrakh D. N. et al. Administrative responsibility in the USSR: monograph. Saratov, 1988.
20. Esakov A. G. Prejudice in criminal proceedings: a material and legal view // *Law*. 2022. No. 1. P. 87–94.
21. Khachaturov R. L., Yagutyan R. G. Legal responsibility. Tolyatti, 1995.
22. Krokhina Yu. A. Financial and legal responsibility is a necessary attribute of the rule of law // *The rule of law: theory and practice*. 2013. No. 2. P. 69–72.
23. *Fighting Tax Crime: The Ten Global Principles*. OECD, 2017.
24. Mayorova E. V., Zelniker G. F. Public danger in criminal tax offenses // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2019. № 12-4(39).
25. Barkalova E. V. On the issue of termination of a criminal case on a tax crime // *Taxes*. 2021. No. 1. P. 25–29.
26. Responsibility for tax crimes: official explanations and professional commentary (article by article) / V. M. Zaripov, M. G. Koshkin, L. V. Kravchinsky, etc.; edited by S. G. Pepelyaev. M.: Justicinform, 2021.
27. Criminal law protection of the financial and budgetary sphere: scientific and practical. the manual / V. Y. Artemov, N. A. Golovanova, E. V. Gorenskaya, etc.; ed. by I. I. Kuchеров, O. A. Zaitsev, S. L. Nudel. M., 2021.
28. Henrikh N. V. Towards improving the mechanism of criminal law regulation: problems and foreign experience // *International criminal law and international justice*. 2009. No. 4. P. 3–6.

Информация об авторах

О. А. Цирит — кандидат юридических наук, доцент;

А. В. Остроушко — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

O. A. Tsirit — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

A. V. Ostroushko — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 20.07.2024; принята к публикации 14.08.2024.
The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 20.07.2024; accepted for publication 14.08.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-202-209>

EDN: <https://elibrary.ru/ijdzfr>

NIJON: 2003-0059-4/24-117

MOSURED: 77/27-003-2024-04-316

Идея структуры (анатомии) права в творчестве Лона Фуллера

Владимир Иванович Червонюк

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, v.chervonyuk@yandex.ru

Аннотация. При оценке творчества Лона Фуллера, в частности, его понимания структурных особенностей права, принципиально значима его оценка природы морали, ее типов — морали долга и морали стремления, пределов их разграничения и связей, выводы относительно структуры поля морали — морали долга и морали стремления, констатация того, что идея моральности права непосредственно увязывается с идеей целостности права. Структура («анатомия») права Л. Фуллера, представленная им в «Анатомии права» и «Морали права», предполагает наличие «высших» и «низших» законов, созданного (эксплицитного) и имплицитного права, отличающегося переходными состояниями («полутениями»), обособлением в праве материально-правовой и процедурно-правовой составляющих, притом что постулируется «процедурное естественное» в отличие от «материального естественного» (непозитивированного) права. Получает развитие идея многосоставности права; оригинальна постановка вопроса относительно включения в состав права не только норм некоего общего характера, но также специфических, или разовых, распоряжений (в современной интерпретации индивидуально-правовых норм). Идея неразрывной связи права и морали сказалась и на оценке структурных пластов в праве; право, по Фуллеру, включает в себе принципы, положения, получившие в «Морали права» обозначение «внутренней морали права».

Ключевые слова: моральность права, «высшие» и «низшие» законы, созданное (эксплицитное) право, имплицитное право, процедурное естественное право, материальное естественное право, правовые «полутения», отрасль конституционного права

Для цитирования: Червонюк В. И. Идея структуры (анатомии) права в творчестве Лона Фуллера // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 202–209. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-202-209>. EDN: IJZFR.

Original article

The idea of the structure (anatomy) of law in the work of Lon Fuller

Vladimir I. Chervonyuk

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

v.chervonyuk@yandex.ru

Abstract. When evaluating Lon Fuller's work, in particular, his understanding of the structural features of law, his assessment of the nature of morality, its types — the morality of duty and the morality of aspiration, the limits of their differentiation and connections, conclusions regarding the structure of the field of morality — the morality of duty and the morality of aspiration, the statement that the idea of morality of law is directly linked to the idea of the integrity of the law. Structure («anatomy») L. Fuller's law, presented by him in the «Anatomy of Law» and «Morality of Law», presupposes the existence of «higher» and «lower» laws, created (explicit) and implicit law, characterized by transitional states («penumbra»), separation of substantive and procedural legal components in law, despite the fact that it is postulated «procedural natural» as opposed to «material natural» (non-positivized) law. The idea of the multiplicity of law is being developed; the original formulation of the question regarding the inclusion in the law of not only norms of a certain general nature, but also specific or one-time orders (in the modern interpretation of individual legal norms). The idea of an indissoluble connection between law and morality has also affected the assessment of structural layers in law; law, according to Fuller, contains principles and provisions that have received the designation «internal morality of law» in the «Morality of Law».

Keywords: morality of law, «higher» and «lower» laws, created (explicit) law, implicit law, procedural natural law, material natural law, legal «penumbra», branch of constitutional law

For citation: Chervonyuk V. I. The idea of the structure (anatomy) of law in the work of Lon Fuller. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):202–209. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-202-209>. EDN: IJZFR.

При всей философичности сформулированной в ряде работ Лона Фуллера идеи «морали права» («внутренней» морали права, или стандарта права) и возможных сомнениях в ее «прагматизме» — связи с феноменом структуры права¹ — обращает на себя внимание то обстоятельство, что такая связь не просто презюмируется, но и получает основательную аргументацию [5, с. 109]. Методологическим основа-

нием для понимания структурных особенностей права является представленный в двух изданных в разные годы фундаментальных работах Л. Фуллера «Ана-

¹ Примечательно, что в «Морали права» Л. Фуллер не использует термин «структура права». Чаще он прибегает к термину «система права», хотя и не в том значении, которое в отечественной литературе является одним из наиболее распространенных [5, с. 61–62, 204–209, 211–216, 156–158, 173–174].

© Червонюк В. И., 2024

томии права» и «Морали права», а также в цикле его статей анализ природы морали, обоснование ее структурного поля — выделение двух взаимосвязанных и генетически связанных друг с другом типов морали — морали долга и морали стремления, оценка пределов их разграничения, складывающихся связей и сформулированная в данном контексте в начальных главах «Морали права» морально-правовая концепция права (правопонимания). Как отмечает сам Лон Фуллер, «содержание этих глав сформировано главным образом неудовлетворенностью существующей литературой о соотношении права и морали» [5, с. 13]. Иными словами, утверждение непозитивистского правопонимания обязывало ученого предложить некие опорные, базисные положения, которые можно было бы представить в качестве исходных и устойчивых методологических ориентиров научного анализа проблемы правопонимания. Как замечает в «Морали права» в завершение анализа Л. Фуллер, «внутренняя мораль права не есть нечто дополнительное или навязанное власти права, но важнейшее условие самой этой власти» [5, с. 186].

Если выражающая ветхозаветные заповеди Моисея, переданные ему Богом на Синайской горе, мораль долга, в понимании Л. Фуллера, «определяет базовые нормы, без которых общество существовать не может», то соответствующая духу греческой этики философии, позиционирующая начало формирования этики индивидуального выражения позиции личности (в отличие от общеродовой этики, или этики законничества), мораль стремления определяется как мораль восхождения, стремления к совершенству, посвящена идее самой полной реализации потенциала, заложенного в человеке [5, с. 14–15]. Мораль долга может быть выражена формулой «ты не должен» (символично соответствует носящим запретительный характер восьми заповедям Моисея), в каком-то смысле сродни морали государственно-организованного общества, и, можно сказать, в отличие от морали стремления, ближе расположена к праву, «роднясь» с ним (во всяком случае, в его позитивированных формах), выступает идейно-мотивационной основой законодательства. Предполагая, что «ближайшим родственником морали долга будет право», в то время как «мораль стремления состоит в кровном родстве с эстетикой» [5, с. 26], Л. Фуллер, вместе с тем, предложил «в разговоре о соотношении двух типов морали», по его же признанию, «образ восхо-

дящей шкалы», притом что «нижние ступени этой шкалы представляют собой мораль долга; ее вершины — мораль стремления» — высочайшие устремлениями к человеческому совершенству [5, с. 39]. Не отдавая какому-либо из этих двух типов морали превосходства, Л. Фуллер считал более важным определить границу между ними, «разделяющую линию», имея в виду, что «поддержание равновесия между опорной структурой и адаптивной гибкостью представляет собой главную проблему проектирования социальных структур» [5, с. 41]; именно в этой связи, делает вывод Фуллер, «нас интересует достижение гармонии и равновесия процессов — зачастую анонимных — происходящих в обществе в целом» [5, с. 41–42]. Если устойчивость, стабильность, консерватизм роднятся с моралью долга, то применительно к сфере экономики, «теория предельной полезности является, так сказать, экономическим двойником морали стремления» [5, с. 28].

Анализ структурного поля морали послужил своего рода драйвером для рассмотрения фундаментальных проблем права, включая и принципиальной важности вопрос о его структуре². При этом, не употребляя сам термин «структура права», Л. Фуллер часто в своих работах использует лексему «система права», правда, совсем не в том значении, в каком это вошло в отечественную юридическую лексику. Тождественным по смыслу и лексически термину системы права Л. Фуллер, как и иные представители западной правовой мысли, использует термин «правовая система». При этом идея внутренней морали права у Л. Фуллера имплицитно связана с «вечными» проблемами «о потребности в праве и о сохранении его целостности и силы» [5, с. 187].

Концепция структурного поля морали с выделением в нем двух типов морали — морали долга и морали стремления (в чем-то сходной с концептом ценности, но не сводимой к этому Л. Фуллером) используется для оценки структуры (состава) права. Идея нерасторжимой связи права и морали находит воплощение при оценке структурных пластов права. Обоснованная вначале в «Анатомии права» (1968 г.), а затем усиленная новой аргументацией в «Морали права», морально-правовая конструкция («внутрен-

² Л. Фуллер исходит из того, что «внутренняя мораль права... равно охватывает и мораль долга, и мораль стремления» [5, с. 57].

няя мораль права») соотнесена с конструкцией естественного права, имея в виду, что «естественные законы касаются жизненно важной человеческой деятельности...», но при этом «явно не охватывают всей нравственной жизни человека». Но что же относится к «материальному естественному праву»? «Материальным естественным правом — Естественным Правом с большой буквы» Л. Фуллер «указания» права «устанавливать, поддерживать и охранять целостность каналов коммуникации, посредством которых люди передают друг другу то, что они воспринимают, ощущают и желают» [5, с. 222]. При этом, как отмечает Л. Фуллер, «то, что я назвал внутренней моралью права, является процедурной версией естественного права» [5]. Выделенные процедурные принципы, положения (терминологически обозначаемые как «процедурное естественное право») [5, с. 47] Л. Фуллер причисляет к «низшим» законам естественного права, позиционируя их «плотничьими» правилами юридического ремесла [5, с. 109]: «они (естественные законы — *авт.*) походят на естественные законы плотничьего дела или, по крайней мере, на те законы, которые уважает плотник, желающий, чтобы возводимый им дом остался стоять и служить тем, кто в нем живет» [5, с. 118]. Вместе с тем, в конструкции Л. Фуллера в отнесенных к «низшим» законам естественного права процедурных положениях реализуется не только мораль долга, но и мораль стремления.

Отсюда для Л. Фуллера принципиально важно понимание как смысла, так и структуры естественного права. Обращая внимание на неутраченные в США дебаты «по вопросу о том, должны ли суды при толковании Конституции принимать во внимание соображения, вытекающие из «естественного права», он, в частности, заметил, «что эти дебаты могли бы внести большой вклад в дело разъяснения этих проблем, если бы проводилось различие между естественным правом, преследующим материальные цели, и естественным правом, связанным с процедурами и институтами» [5, с. 124–125]. Тем самым Л. Фуллер четко разграничивает в праве «материальное» (цели, движущие силы права), особо в этой связи придавая важное значение их легитимации³, и «формальное» — специально-юридический контекст права.

Позиционируемое законами созданное право, как считает Л. Фуллер, может идентифицироваться таковым при том условии, что оно, соответствует требованиям «внутренней морали права». Назвав гл. II «Мо-

рали права» «Мораль, делающая возможным право», Лон Фуллер, по его признанию, начинает из «весьма длинной аллегории... о несчастливом правлении», титульные показатели которого он постулирует в восьми экзистенциальных свойствах дефектах законодательства [5, с. 53]. В понимании Л. Фуллера, «попытке создать и поддерживать систему правовых норм», выражаясь современным языком права, создания качественного закона, «соответствуют восемь видов юридического совершенства, к которым может стремиться система норм»⁴. Соответственно, «создание закона», если не отходить от оценок Л. Фуллера, но при некоторой стилистической правке изложенного им в упомянутом труде, должно быть подчинено следующим, по его же выражению, «не поддающимся формулированию в виде отдельных и категорических утверждений», или «*desiderata*» (требованиям, принципам): 1) требование *всеобщности* закона [5, с. 61, 62, 64] (законы включают не казуальные положения, частные указания, а только общие правила); 2) требование обязательности обнародования законов, их восприятие гражданами и другими адресатами; 3) требование *недопустимости обратной силы* закона⁵; 4) требование *ясности* закона⁶; 5) требование *недопущения противоречивости закона и его несовместимости с другими законодательными актами*⁷; 6) требование *запрета принятия законов, требующих невозможного*. Наиболее опасны такого рода неправомерно принимаемые законы, отмечает Л. Фуллер, в сфере действия уголовного законодательства, поскольку они «создают объективную уголовную ответственность, когда человек может быть признан виновным в преступлении, при том что он действовал с должной осторожностью и не

³ «Важнейшее положение нашего кредо состоит в том, — постулирует Л. Фуллер, — что когда цель надлежащим образом инкорпорирована в закон или судебное постановление, ее должны условно признать даже те, кому она ненавистна» [5, с. 292].

⁴ Следует заметить, что эти восемь признаков («видов») юридического совершенства закона, отвечающие требованию «внутренней морали права», очень похожи (и даже ряд из них совпадают) с элементами так называемой формулы Радбруха, подвергнутой, в частности, анализу Р. Алексиса [5, с. 56].

⁵ «Если мы хотим разумно оценить законы, имеющие обратную силу, — отмечает в этой связи Л. Фуллер, — их следует поместить в контекст системы норм, которые в целом такой силы не имеют» [5, с. 69].

⁶ Примечательно, что данное требование автор не сводит к требованиям законодательной техники, оценивая его в метаюридическом контексте [5, с. 81].

⁷ При этом автор справедливо возражает против распространенного понимания того, что «это чисто логическая проблема...» [5, с. 83, 84].

имел преступных намерений...» [5, с. 97, 99]; 7) требование *стабильности закона* («постоянства закона во времени») [6]; 8) требование *согласованности официальных действий с положениями законов*⁸. К формализованным требованиям «юридического совершенства закона» Л. Фуллер относит и «принцип предельной полезности принимаемых решений» [5, с. 59], имея в виду его применение в законодательствовании. На вопрос о том, «представляют ли принципы, изложенные во второй главе, некую разновидность естественного права?», Л. Фуллер однозначно утверждает: «ответ — решительное «да», пусть и с оговорками» [5, с. 117]. При этом, как отмечает Л. Фуллер, непреднамеренное отклонение от одного desideratum может потребовать уравнивания отходом от другого... пренебрежение одним desideratum усиливает нагрузку на другие» [5, с. 127].

Правильно будет сказать, что все из предложенных критериев одновременно отображают моральный нарратив качества закона, «рассматриваются как элементы внутренней морали права, приобретают морально-правовой смысл, интерпретируются в другом ключе — как свод этических правил, адресуемых законодателю» [5, с. 46]. Если иметь в виду то обстоятельство, что для Л. Фуллера право составляет раздел морали, то приписывание ему авторства в формировании «еврономики» — «новой» правовой науки, призванной способствовать рационализации правотворчества, созданию разумных законов, не выглядит алогичным. Очевидно, что не приходится доказывать то, что «разумные законы» в силу присущих им свойств как раз и ориентированы на придание праву структурности, целостности и высокой степени регулятивности. Этот аспект проблемы Л. Фуллер рассматривает, в том числе обращаясь к количественному анализу, экономической теории обмена, экономическому расчету, результативности действия права или, другими словами, к экономическому анализу права [5, с. 60, 186, 210]. Понятно в этой связи то внимание, которое Л. Фуллер уделяет концепту материальных целей права [5, с. 210]. Заслуживает особого внимания оценка сущностной характеристики закона. По Фуллеру, «закон, которому человек не может подчиниться и который он не может соблюдать, ничтожен и не является законом: невозможно ни повиноваться противоречиям, ни действовать в соответствии с ними» [5, с. 47].

В связи с отмеченным вряд ли справедливо утверждение автора полезной публикации о том, что перечисленные в «Морали права» правила совершенных

законов «давно известны правоведам и традиционно относятся к разряду технико-юридических положений, учитываемых при осуществлении правотворческой деятельности» [2, с. 45]. Думается, что данный сегмент работы Л. Фуллера — центральный во всей его концепции (базовых «принципов внутренней морали права») — остается непонятым его многочисленными интерпретаторами, включая и западных исследователей. Несмотря на философичность утверждений о типах морали (современная философия придерживается той же позиции), похоже, что интерпретаторы творчества Л. Фуллера в данном вопросе не последовали за глубокими рассуждениями автора, следуя исключительно юридическому контексту изложенного в «Морали права», чему сам автор придавал производное значение. По признанию самого же Л. Фуллера, «я описал внутреннюю мораль права в основном как мораль стремления, а не мораль долга. Эту мораль можно рассматривать, как составленную из отдельных требований, или desiderata... Все они служат средствами для достижения единой цели, и в меняющихся обстоятельствах оптимальное сочетание этих средств может быть разным» [5, с. 127]. Словом, если философам еще предстоит разобратся в структуре поля морали⁹, то юристам, философам права предстоит разобратся в «шкале показателей» совершенства закона (конструкции «законности» в понимании Л. Фуллера) и сущностных (хотя и «формализованных») характеристик права.

Если следовать главной идее «Морали права» Л. Фуллера, то структурное поле права должно быть соотнесено со структурой поля морали. При этом идея моральности права у Л. Фуллера непосредственно увязывается с идеей целостности и структурности права [7, с. 71–83; 188–198]. По Л. Фуллеру, «именно потому, что право является целенаправленным предприятием, оно демонстрирует структурную инвариантность, которую правовед может обнаружить и трактовать как единообразие в наблюдаемых фактах» [5, с. 180–181]. Примечательно, что в «Морали права» постулируется, «что проблемы, связанные с поддержанием целостности правовой системы, типичны не только для права

⁸ По мнению Л. Фуллера, «наиболее тонким элементом в деле поддержания согласованности между законом и официальными действиями является, конечно, проблема толкования» [5, с. 102, 112].

⁹ Укажем на появившиеся исследования в этом плане: Щеголов А. Ф. Два типа морали Лона Фуллера // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4(60). Т. 1. С. 208–210.

государства и отдельных штатов, но затрагивают также создание и исполнение внутренних систем правил таких форм общественных объединений, как церкви, клубы, университеты и профсоюзы» [9, с. 150–156].

В духе представителей школы естественного права и соответственно требованиям «внутренней морали права» Л. Фуллер выделяет в праве «высшие» и «низшие» законы, притом что последние должны «соответствовать» высшим законам, равно как и выражать свойство моральности права. Этой парадигме автора отвечает обоснованная им конструкция структуры права, представленная так называемым созданным (эксплицитным) правом (*made law*) и имплицитным правом (*implicit law*) [1, с. 17; 4]. Соответственно, действующее право включает два взаимосвязанных, но весьма самобытных нормативных блока: 1) право, создаваемое законодательной практикой и 2) право, создаваемое в течение более или менее продолжительного времени фактической метаправовой деятельностью. Инкорпорированное во второй блок имплицитное право по своему нормативному составу включает обычаи, а равно и другие средства соционормативной регуляции, притом, что в большинстве случаев (или часто) такие средства регуляции не имплементированы в тексте, не имеют той формальной определенности, которая характерна для законодательных установлений. Напротив, созданное право представлено в точных и внешне объективированных в законодательных текстах правилах, а также включает правоположения контрактов, притом, что статуты учреждаются («создаются») структурами государства, в то время как «право контрактов» воспроизводится не только госорганами, но и негосударственными организациями, субъектами частного права.

Доказывая преимущество отстаиваемого подхода к пониманию действительной природы права («морали права»), Лон Фуллер замечает, что «для тех, кто никогда не пытался создать систему эксплицитно принятых норм или жить по ней...», постулируемая в «контексте строгая геометрия правового позитивизма не просто совершенно нерелевантна, но становится положительно опасной» [1, с. 17; 4]. Указывая в этой связи на социально-правовую и мировоззренческую ценность включения в состав правопонимания обычного права, он замечает: «Не нужно думать, что правовые теории не играют никакой роли в практике оказания помощи народам, живущим в условиях племенного строя, в деле подчинения самих себя режиму законо-

дательного (писаного) права. Очевидно, что этим народам требуется то или иное определение цели, к достижению которой должны быть направлены их усилия» [5, с. 276–277]. Жизнь, практика подтверждает эти умозаключения мыслителя, актуальные не только для отличающихся по многим параметрам от правовой ментальности государств Запада стран Африки, но и на более высоком уровне, когда в условиях отживающего однополярного мира правовая идеология и практика отдельно взятой группы стран, ориентированная на придуманные ими правила, противопоставляется фундаментальным положениям универсальных (признанных во всем мире) правовых регуляторов.

В этой же связи несомненный интерес в контексте исследуемой проблемы представляет позиция Л. Фуллера по вопросу о составе права, что в постановке автора означает определение, «включает ли «право» лишь нормы некоего общего характера, или оно должно охватывать также «специфические или разовые распоряжения» [5, с. 125]. Для доказательства реальности многосоставности права, не сводимого к исходящим от государства и его структур установлениям, включая индивидуально-правовые веления, Л. Фуллер обращает внимание на существующий в США институт под названием «промышленная юриспруденция», отмечая, что действие данного института основано на том, что нормы, регулирующие отношения на промышленном предприятии, устанавливаются не через постановления какого-либо законодательного органа, а посредством договора между руководством предприятия и профсоюзом [5, с. 136–137]. Нормативные договоры между коммуницирующими в сфере экономики и труда субъектами, таким образом, встраиваются в правовую систему страны, тем самым депозитивизируя ее нормативное содержание. В этой же связи подвергается оценке доктрина парламентского суверенитета. Изложенные автором суждения актуальны для российской правовой реальности в контексте устойчивых убеждений властных институтов, включая специализированный федеральный орган конституционного контроля, в принадлежащей национальному парламенту безусловной дискреции в законодательствовании.

При этом Л. Фуллер осознает, что позиционируемое в позитивизме понятие закона — собственно права — создает препятствие на пути к иному пониманию права. В представлении ученого «действительный источник затруднений лежит в философских системах,

которые нагрузили слова «закон» коннотациями, сделавшими его непригодным для использования там, где он наиболее необходим» [5, с. 153]. В конструкции правообразования Л. Фуллера право возникает как посредством деятельности национальных legislatures, так и формируется в иных учреждениях и организациях (на многих «фронтах»): в университетах, «профсоюзах, церковных организациях, общественных клубах и огромном множестве иных институциональных форм» [5, с. 150, 154]. Тем самым разнообразные каналы (источники) правообразования свидетельствуют о «полифоничности» права, его многомерности; право при таком подходе мыслится как сочетание статических и динамических образований, создаваемое государством и негосударственными структурами, как сложный полиструктурный комплекс; *существование права, как верно замечено, зависит и от текста закона («слова»), и от действий правовых субъектов («дела»).*

Выступая воинствующим противником получившей широкое распространение «концепции права как одностороннего установления контроля над человеческим поведением», Л. Фуллер в конструкцию отстаиваемого им правопонимания логично встраивает обычное право, которое, в его понимании «никогда не провозглашается, не издается, у него нет конкретного автора и конкретной даты начала его действия, оно формируется и развивается, как правило, в течение долгого времени, находит воплощение не в тексте («в словах»), а в фактическом поведении» [5, с. 78, 90]. Именно поэтому для Л. Фуллера наиболее подходящим образом, моделью имплицитного права следует считать обычное право, в то время как закон выступает прообразом созданного права. При этом, как отмечает Л. Фуллер, «...мы вынуждены уделять внимание роли обычая в системах права, стремящихся к тому, чтобы все нормы были официально утверждены в писаном виде», причем «эта роль становится очевидной там, где обычай является эксплицитно установленным стандартом судебного решения...» [5, с. 77]. Одновременно, тонко замечает цитируемый автор, «обычное право (под которым мы понимаем в первую очередь неясные обязательства, возникающие в процессе взаимодействия) играет важную, хотя обычно молчаливую роль не только в толковании писаного права, но и помогая заполнять пробелы, которые всегда будут обнаруживаться в корпусе формально принятых законов» [5, с. 77]. Таким образом, делает вывод Л. Фуллер, «в целом неприметная роль обычая суще-

ственно варьируется в зависимости от той или иной системы писаного права, но можно с уверенностью сказать, что неясные ожидания, которые составляют обычное право, всегда будут составной частью практической реализации идеала законности». Отсюда «верность принципу верховенства права требует от правительства не только соблюдения им же провозглашенных и опубликованных правил, но и уважительного отношения к оправданным ожиданиям, которые созданы правительственным толкованием ситуаций, не регулируемых продекларированными в явном виде правилами». По утверждению Л. Фуллера, «еще более очевидно, что верховенство права требует применения правительством писанных норм в соответствии с тем или иным общепринятым прочтением, вписанным в эти правила в ходе их применения» [5, с. 276].

Наряду с необычностью оценки Л. Фуллером нормативного состава права, подразделяемого на созданное (эксплицитное) и имплицитное, для оценки структурных закономерностей права важен подход Л. Фуллера к правопониманию, который противостоит не только позитивистской интерпретации права. В концепции правопонимания Л. Фуллера право как сущее неотделимо от права как должного. В среде экспертного сообщества считается, что именно такая оценка соотношения сущего и должного является водоразделом, отделяющим Л. Фуллера, прежде всего, от позитивизма в его классическом выражении и провозглашающем правом только то, что исходит от государства; равным образом обращено внимание на несовпадение с главной идеей нормативизма, для которого критерием права признается основная норма.

Одновременно восприятие права не только в норме (как должного), но и в реальной жизни противопоставляет подход Л. Фуллера тем представителям научных направлений (прежде всего социологическим школам), которые позиционируют правовую норму как предсказание об использовании государственного принуждения, тем самым соотнося силу права исключительно с возможностями его охранительного-принудительного потенциала.

Основным недостатком отмеченных подходов к праву Л. Фуллер считает то обстоятельство, что все они игнорируют цель в праве, которая как это уже было доказано Р. Иерингом, высмеявшим «юриспруденцию понятий», как раз и позволяет соединить в праве сущее и должное. При этом, основываясь на том постулате, что сущностное значение правовой нормы

лежит в цели или в совокупности целей, Л. Фуллер делает вывод о том, что и имплицитное, и эксплицитное право целеположено¹⁰.

Применительно к анализу структурных аспектов права следует также обратить внимание на интерпретацию феномена правовых «полутеней», пограничных или переходных правовых состояний, а также таких правовых процессов, в которых, по Л. Фуллеру, соединяются противоположные правовые тенденции. В новейшее время данные преобразования в праве доктрина объясняет в том числе проявлением процессов конвергенции в сфере действия права.

С присущей ему глубиной анализа, Л. Фуллер обратил внимание на особую роль конституционного права в правовой системе [8], постулируя мысль о том, что оно создает общие возможности для нормального функционирования всех остальных отраслей права; оно определяет цели, которые посредством права могут быть достигнуты. Поддерживая нарратив о полиструктурности права, Л. Фуллер по-особенному представляет нормативное содержание конституционного права. Отстаивая в споре с теоретиками и философами права концепцию права как «предприятия, направленного на подчинение поведения человека руководству правил», исследователь обращается к анализу разрешения в деятельности самых разнообразных организаций (университетов, общественных клубов, профсоюзов, религиозных организаций и «огромного множества иных институциональных форм»), возникающих правовых ситуаций, включая и возможные споры. При этом отмечается, что деятельность таких структур, разрешение неизбежных при этом споров осуществляется корпоративными правилами, притом чаще всего в договорной форме [5, с. 147]. С учетом отмеченного, Л. Фуллер приходит к тому выводу, что «обсуждаемый здесь корпус права, в сущности, представляет собой отрасль конституционного права, развивающуюся в значительной мере (как ей и пристало) вне рамок наших писаных конституций» [5, с. 155]. При этом Л. Фуллер не уточняет «статус» конституционного права в общей структуре права (вроде того, что это «базовая отрасль»), делая акцент на сферах его действия, отчасти — на его составе, однако однозначно постулируя, что «границы конституционного поля», я обозначил как сферу внутренней морали права» [5, с. 128]. По его утверждению, «именно конституционное право распределяет среди различных институтов

нашего общества юридическую власть, т. е. полномочия предписывать нормы и принимать решения, которые будут считаться обязательными для тех, кого они касаются» [5, с. 140]. Категоричен в этой связи и еще один вывод: «то, что этот корпус конституционного права должен развиваться за пределами наших писаных конституций, не должно вызывать озабоченности» [5, с. 140]. С позиции плюралистического подхода к правопониманию не удивляет вывод автора о том, что «не любая норма, в том числе и конституционного права, может быть отнесена к собственно правовой».

С позиции структурного анализа права, безусловно, принципиально важен взгляд Л. Фуллера на вопрос соотношения права и силы. При этом Л. Фуллер вовсе не отрицает возможность применения в праве принуждения, он отрицает подход, при котором «большинство теорий права либо явно утверждает, либо молчаливо подразумевает, что отличительный признак права состоит в использовании принуждения или силы» [5, с. 131]. Категорично утверждается мысль о том, что «в данной книге этот отличительный признак не признается»¹¹. Отмеченное философом права одновременно несет в себе и глубокий мировоззренческий смысл, и в то же время имеет фундаментальное специально-юридическое значение. Постулируемое — ориентир для национального законодателя, государственной власти в целом, в использовании ресурса права в управлении делами общества и государства, критерий отбора средств правового регулирования и выстраивания на этой основе структуры законодательства. Асимметрия в праве, связанная с фетишизацией принудительного как в законодательствовании, так и в сфере осуществления права, одновременно свидетельствует о превращении права в не-право, имея в виду, что, как это доказано доктриной, сила права коренится совершенно в другом. Сила права — это его интегративная характеристика, определяющая социальный «вес» права в обществе, свидетельствующая о мере способ-

¹⁰ Целям в праве Л. Фуллер придавал особое значение. Известно, что первоначально им в качестве операционального определения права было предложено следующее: «право — это целеположенное предприятие, нацеленное на приведение поведения людей в согласие с общими нормами» [10, с. 45].

¹¹ При этом, предвидя сильные возражения, Лон Фуллер тонко (и очень точно) заметил: «то, к каким действиям должно прибегать право для достижения своих целей, сильно отличается от самого права» [5, с. 120, 121].

ности права осуществлять соответственно его целям и объективным возможностям необходимые преобразования в обществе [3, с. 9, 31]. Принципиальную значимость в этой связи имеют рассуждения Л. Фуллера относительно выпестованной западными школами права (от Гоббса и Остина до Кельзена и Шомло), начиная с возникновения национального государства, идеологемы о том, что сущность права заключена «в пирамидальной структуре государственной власти...» — точке зрения, которая «абстрагируется от целенаправленной деятельности по созданию и поддержанию системы правовых норм, довольствуясь описанием институциональной структуры, в рамках которой предположительно протекает эта деятельность». Комментируя данный вывод, ученый не без основания замечает: «философия права очень дорого заплатила за эту абстракцию» [3, с. 9, 31].

Список источников

1. Архипов В. В. Концепция права Лона Л. Фуллера: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
2. Архипов С. И. Правовые теории Роберта Алекси и Лона Фуллера // Российский юридический журнал. 2015. № 6. С. 49.
3. Гойман В. И. Действие права. Методологический анализ: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1992.
4. Козлихин И. Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Правоведение. 2006. № 1. С. 31–40.
5. Фуллер Лон Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой; под ред. А. Куряева. М. : ИРИСЭН, 2007.
6. Червонюк В. И. Качество закона // Юридическая техника. Ежегодник. 2014. № 8. С. 488–504.
7. Червонюк В. И. Структура права: теория, методология, технологии и практики формирования: моногр. М. : Юстицинформ, 2024.
8. Червонюк В. И. Предмет (предметные области) и нормативная структура конституционного права в современном правовом дискурсе // Государство и право. 2020. № 2. С. 50–58.
9. Lon L. Fuller The Morality of Law. Yale University Press. New Haven and London, 1965.
10. Summers R. S. Lon L. Fuller. Stanford, 1984.

References

1. Arkhipov V. V. Lon L. Fuller's concept of law: abstract. diss. ... cand. jurid. M., 2009.
2. Arkhipov S. I. The legal theories of Robert Alexi and Lon Fuller // Russian Law Journal. 2015. No. 6. P. 49.
3. Goyman V. I. The effect of law. Methodological analysis: abstract. diss. ... doct. jurid. M., 1992.
4. Kozlikhin I. Yu. On non-traditional approaches to law // Law studies. 2006. No. 1. P. 31–40.
5. Fuller Lon L. Morality of law / translated from English by T. Danilova; edited by A. Kuryaev. M. : IRISEN, 2007.
6. Chervonyuk V. I. The quality of law // Legal technique. The yearbook. 2014. No. 8. P. 488–504.
7. Chervonyuk V. I. The structure of law: theory, methodology, technologies and practices of formation: monograph. M. : Justicinform, 2024.
8. Chervonyuk V. I. The subject (subject areas) and the normative structure of constitutional law in modern legal discourse // State and law. 2020. No. 2. P. 50–58.
9. Lon L. Fuller The Morality of Law. Yale University Press. New Haven and London, 1965.
10. Summers R. S. Lon L. Fuller. Stanford, 1984.

Информация об авторе

В. И. Червонюк — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V. I. Chervonyuk — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 01.08.2024.

The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 01.08.2024.

Научная статья

УДК 343.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-210-216>

EDN: <https://elibrary.ru/hxhqlb>

NIJON: 2003-0059-4/24-118

MOSURED: 77/27-003-2024-04-317

Динамика традиционных ценностей и вопросы периодизации истории уголовного права

Филипп Викторович Чирков

Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия, Fil-chirkov@mail.ru

Аннотация. Развитие ценностной структуры общества и эволюция уголовного права — взаимосвязанные процессы, отражающие их совместную трансформацию и динамику. Привлечение социологического концепта «трансформация» и культурологического концепта «динамика типов культуры» (в интерпретации П. А. Сорокина) в историко-правовой анализ российского уголовного права позволяет углубить имеющиеся представления об этапах развития отрасли. С этой точки зрения период от момента зарождения до конца XIX в. может быть интерпретирован в категориях идеационального типа культуры; период начала XX в. — время исканий между идеалистическим и чувственными типами; советский период — как вредя псевдоидеациональной культуры; период 90-х гг. XX — начало XXI вв. — время движения к чувственному типу и современный период, начавшийся с 2009 г. С 2009 г. начинается новый этап истории уголовного права, для которого характерен отказ от идеалов чувственной культуры и активное правовое продвижение идеациональных ценностей, которое в перспективе должно привести российское общество и право в идеалистическое, сбалансированное состояние.

Ключевые слова: традиционные российские ценности, трансформация ценностей, культурная динамика, типы культуры, история уголовного права, периодизация уголовного права

Для цитирования: Чирков Ф. В. Динамика традиционных ценностей и вопросы периодизации истории уголовного права // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 210–216. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-210-216>. EDN: HXHQLB.

Original article

Dynamics of traditional values and issues of periodization of the history of criminal law

Philip V. Chirkov

Adyghe State University, Maykop, Russia, Fil-chirkov@mail.ru

Abstract. The development of the value structure of society and the evolution of criminal law are interconnected processes reflecting their joint transformation and dynamics. The involvement of the sociological concept of «transformation» and the cultural concept of «dynamics of cultural types» (as interpreted by P. A. Sorokin) in the historical and legal analysis of Russian criminal law allows us to deepen our understanding of the stages of development of the industry. From this point of view, the period from its inception to the end of the 19th century can be interpreted in terms of the ideational type of culture; the period of the early 20th century is the time of searching between the idealistic and sensual types; the Soviet period as a period of pseudo-ideational culture; the period of the 90s of the 20th century — the beginning of the 21st century is the time of movement towards the sensual type and the modern period that began in 2009. Since 2009, a new stage in the history of criminal law has begun, which is characterized by the rejection of the ideals of sensory culture and the active legal promotion of ideational values, which in the long term should bring Russian society and law to an idealistic, balanced state.

Keywords: traditional Russian values, transformation of values, cultural dynamics, types of culture, history of criminal law, periodization of criminal law

For citation: Chirkov Ph. V. Dynamics of traditional values and issues of periodization of the history of criminal law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):210–216. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-210-216>. EDN: HXHQLB.

Традиционные российские ценности — это ценности, возникшие в ходе исторического движения нашего народа на его более чем тысячелетнем пути. При этом возникновение этой системы ценностей нельзя рассматривать как одномоментный (когда-то свершившийся) факт, а сами ценности — как неизменный во времени набор ориентаций и предпочтений. Ценности — столь же динамичное явление,

как и общество, их порождающее и поддерживающее. Связь ценностных ориентаций и общественной жизни (включая правовые и уголовно-правовые отношения), с одной стороны и их совместная историческая динамика, с другой, становятся наиболее понятными при подключении в качестве методологической основы познания их движения теории социальных трансформаций и культурной динамики.

© Чирков Ф. В., 2024

Специалисты рассматривают трансформацию цивилизации как «фундаментальный процесс, охватывающий все стороны общественной жизни» и предусматривающий «переход общества в целом в качественно новое состояние, прежде всего с точки зрения его мировоззренческих устоев и организации внутренней жизни» [1, с. 3, 75].

Россия пережила несколько таких фундаментальных сдвигов. Это и христианизация Руси, и петровские преобразования, и демократические реформы 60-х гг. XIX в., и октябрьская революция 1917 г., и реформы 90-х гг. прошлого столетия. Они зачастую инициировались «сверху», осуществлялись волевыми усилиями верховной власти, далеко не всегда были успешными, иногда проводились без учета исторических традиций, носили насильственный характер и ломали старые устои.

Вместе с тем, общая логика механизма трансформаций традиционных ценностей была единой и строилась на основе стандартного закона единства и борьбы противоположностей.

Традиционные ценности, сколь бы прочно они не были укоренены в сознании граждан, всегда предполагают их свободную оценку как с точки зрения содержания самой ценности, так и с точки зрения ее полезности для развития страны в конкретный момент времени и в перспективе. По этой причине в обществе всегда присутствуют, сосуществуют сторонники традиционного и инновационного путей развития, религиозности и секуляризма, индивидуализма и общинности, либерализма и консерватизма и т. д. Их противостояние наблюдается не только в идейной, но и в деятельностной области — в повседневной практике, семейных отношениях, организации хозяйства, отношении к власти и пр. В определенный момент истории это противостояние приобретает масштабный, тотальный характер, характер подлинной борьбы противоположностей, которая вводит социум в сложно управляемое хаотичное, аномийное состояние, требующее своего преодоления.

В таких ситуациях механизм разрешения противоречий и трансформации ценностей разворачивается по следующей схеме: 1) фаза социальной дезинтеграции, когда обществу присущи сомнения в наличной системе ценностей, аномические процессы; актуализация традиционных ценностей, преобладание конформизма и неконформизма; 2) фаза бифуркации — открываются варианты выбора системы

ценностей: возврат к традиционной системе; отказ от традиционной системы и выбор новой; смещенный тип — каждый из которых неизбежно будет содержать трансформационные эффекты; 3) фаза мобилизации сил — характерны активность в формате «выбранной» доминирующей системы ценностей, преобладание позиций индивидуализации, самоопределения. В ходе такого движения происходит трансформация ценностей, образуется новый баланс традиционных ценностей и новаций в многомерном ценностном пространстве, что способствует разрешению имеющихся противоречий, успешной адаптации акторов к социальным условиям; одновременно порождаются новые противоречия, задающие системе ценностей потенциал новой подвижности [2, с. 12–13].

Движение через трансформации — удобное и, на наш взгляд, правильное понимание сути исторического процесса. Есть только один момент, требующий уточнения: является ли это движение линейным, последовательным, либо же циклическим или волнообразным.

Линейный тип понимания исторического процесса предполагает особый взгляд на содержательную трансформацию ценностей. Весьма четко он зафиксирован, например, в работе Р. Инглхарта и К. Вельцеля. Рассматривая процесс модернизации обществ, они выделили две основные его стадии: переход от аграрного общества к индустриальному и от индустриального к постиндустриальному. Первая стадия характеризуется переходом от традиционных религиозных ценностей к секулярно-рациональным, вторая — от ценностей выживания к ценностям самовыражения и развития. В аграрных обществах делается акцент на соответствии общественным нормам, а не на индивидуальных стремлениях, поддерживается почтительное отношение к власти, наблюдается высокий уровень национальной гордости и националистических настроений, важнейшее значение для выживания такого общества имеет семья и религиозная почтительность. В обществах индустриальных, где господствуют секулярно-рациональные ценности, отношение ко всем перечисленным вопросам прямо противоположное. В них акцент делается на ценностях выживания. Индустриальные общества отличаются относительно низким уровнем индивидуального благосостояния, низким уровнем взаимного доверия между людьми и поддержки гендерного равенства, а также относительной нетерпимостью к чужеродным или маргинальным

группам. В этих обществах преобладающую роль играют материалистические ценности и существует скорее позитивное отношение к авторитарным формам правления. В постиндустриальных обществах, занимающих высокие места в рейтинге ценностей самовыражения, как правило, преобладают противоположные предпочтения по всем перечисленным пунктам. В целом ценности самовыражения отражают эмансипационные и гуманистические этические принципы, делающие упор на личную независимость и свободу выбора [3, с. 86–87].

Такой линейный взгляд на динамику обществ и ценностей едва ли можно признать универсальным, подходящим для объяснения и понимания истории всех обществ. Скорее, он отражает активно критикуемый сегодня западнцентричный взгляд на историю. И в любом случае коррелирует с известными философскими построениями Ф. Фукуямы о «конце истории» как таком развитии всех без исключения обществ, в котором окончательно «победили» капиталистическая либеральная демократия, современные технологии гомогенизированных культур, а достижения индивидуальные превалируют над коллективными [4]. Тем не менее, «конец истории» не просто откладывается, но оказывается невозможным вовсе. В силу этого линейные представления о динамике обществ, цивилизаций и их ценностей оказываются не просто не популярными, но и методологически неточными. Помимо прочего, такой подход предполагает кардинальную смену ценностных систем при переходе от одного общества к другому, а, следовательно, в силу невозможности обратного движения в истории, окончательный «уход» ценностей прошлого в обществе настоящего и будущего.

История — есть процесс, причем процесс непрекращающийся (по крайней мере, пока существует человек и общество). Процесс этот проходит через определенные этапы, характеризующиеся единством и борьбой противоположных ценностных структур, которая в силу самого этого диалектического закона не может быть завершена окончательной «победой» одной из них. Вся история — есть движение от одной крайней в своем содержании конфигурации ценностей к другой, через определенную «точку равновесия», причем движение непрекращающееся. Смысл, логику и законы такого движения, на наш взгляд, убедительно представил П. А. Сорокин в своих рассуждениях о культурной динамике.

Цивилизация у П. А. Сорокина — это историческая общность людей, объединенных каким-то типом мировоззрения (идеалы, ценности, методы познания) и типом культуры. При этом автор выделяет два базовых типа культуры, последовательная смена которых не просто играет существенную роль, но предопределяет динамику эволюции общества [5, с. 23]. Это чувственный тип культуры (для которого характерны материализм, детерминизм, господство материальных ценностей, релятивизм этих ценностей и т. д.) и идеациональный (с присущими ему идеализмом, индетерминизмом, господством духовных и абсолютных ценностей и т. д.) [6, с. 61–81].

Для уголовно-правовой науки безусловный интерес представляют рассуждения П. А. Сорокина о том, как постоянное движение общества от одного типа культуры к другому (которое находит свое воплощение во всех без исключения сферах духовной, политической социальной и т. д. жизни), отражается непосредственно в тексте уголовного законодательства.

Автор признает, что уголовные кодексы отражают флуктуацию идеационального и чувственного типов культуры как при описании составов преступлений, так и установлении санкционной части закона.

Когда культура переходит от чувственной формы к идеациональной, преобразования в сфере уголовного права сводятся к следующему: растет число деяний, квалифицируемых в качестве уголовно наказуемых; большинство установленных законом преступлений носит идеациональный характер, т. е. является действиями, оскверняющими идеациональные (абсолютные, высшие) ценности (большую часть таких преступлений оставляют преступления против религии и нравственных принципов); вводятся формы наказания, которые тоже носят идеациональный характер, например, запрет на похороны по христианскому обряду, предание анафеме, наложение интердикта и т. п.

Переход от идеациональной к чувственной форме культуры отмечен появлением в уголовном праве особенностей противоположенного свойства. В чувственных уголовных кодексах преступными считаются те деяния, которые представляются опасными для общества или для его политического руководства с позиций утилитаризма, гедонизма, эвдемонизма. Такие кодексы производят переоценку тяжести преступлений, рассматривая в качестве тяжелейших те поступки, которые с гедонистично-утилитарной точки зрения более опасны для гедонистично-утилитарных

ценностей данного общества и особенно его командно-управляющих структур.

При этом, отмечает П. А. Сорокин, в целом идеациональное уголовное право стремится быть значительно более суровым и строгим, чем нормальное чувственное уголовное право, поскольку: а) требования идеациональной культуры и ее законов к поведению человека в целом более высокие и менее свободные и терпимые, такая культура стремится к высокому уровню нравственного поведения; б) идеациональное право приходит на смену чувственному с его склонностью к вседозволенности, с ее деморализованным и недисциплинированным типом личности, а потому оно не может быть слишком мягким, чтобы дисциплинировать человека и общество, чтобы обуздать распушенные чувственные склонности и страсти и привить новые формы поведения [6, с. 542–545].

Между чувственным и идеациональным типами культуры расположены ее переходные формы — идеалистическая (логично и органично сочетающая в себе элементы чувственной и идеациональной культуры) и псевдоидеациональная (при которой господство каких-либо официальных духовных ценностей не сопровождается созидательной деятельностью по их поддержке, когда чувственная культура и физические потребности отдельного индивида блокируются и подавляются чуждой ему и навязанной силой духовностью «большого общества»).

Предложенная П. А. Сорокиным схема очень удачно, на наш взгляд, связывает воедино ценности, право и их совместное и постоянное движение через трансформационные механизмы смены направленности самого движения.

Единственный момент, требующий уточнения в связи с предметом нашего непосредственного анализа, заключается в соотношении традиционных российских духовно-нравственных ценностей с ценностями выделенных П. А. Сорокиным типов культуры.

Учитывая официально заявленное в политико-правовых документах и объективно присущее традиционным ценностям (в их современной интерпретации) свойство обеспечивать баланс различных социальных сил и культурных факторов, а через него — и безопасность общества, есть основания предположить, что традиционные ценности есть ценности смешанного, идеалистического типа культуры, избегающего крайности типов чувственного и идеационального. Как пишет П. А. Сорокин, характеризуя идеа-

листический тип культуры, «в количественном отношении это более или менее сбалансированное соединение идеациональных и чувственных элементов, с преобладанием, однако, элементов идеациональных»; «в качественном отношении она синтезирует посылки обоих типов в одно внутренне согласованное и гармоничное единство». Ее потребности и цели — духовные и материальные, однако материальные подчинены духовным; «способы их реализации заключаются и в самосовершенствовании, и в преобразовании внешнего чувственно воспринимаемого мира» [6, с. 67].

Такая интерпретация связи традиционных российских ценностей с одним из возможных типов культуры, постоянно сменяющих друг друга в истории российской цивилизации, открывает хорошие перспективы для исследования проблем уголовно-правовой охраны традиционных ценностей. В этом случае вся история российского уголовного права может быть представлена как движение «от» и «к» некоей точке баланса, в которой традиционные ценности (ценности идеалистической культуры) определяют содержание уголовного закона и практику его применения. Соответственно, и этапы истории уголовного права — есть этапы такого движения, промежутки времени, в течение которого уголовный закон отклонялся от точки баланса в сторону приоритетной защиты либо ценностей материально-чувственной культуры, либо ценностей духовно-идеациональных.

Важно при этом отметить, что в концепции самого П. А. Сорокина идеалистический тип культуры не является обязательной фазой при трансформации идеациональной культуры в чувственную форму, и наоборот. Иными словами, четко фиксировать оптимальное сбалансированное состояние общества, а следовательно, и его уголовного законодательства, далеко не всегда возможно. Интегральный тип культуры, пишет П. А. Сорокин, «изредка появляется и расцветает на сравнительно короткое время» [7, с. 14]. Потому периоды в истории общества и его уголовного закона — это периоды движения, заданного тем или иным типом культуры, периоды — тенденции.

Обозревая историю России с точки зрения господствующих типов культуры, сам П. А. Сорокин полагал, что здесь долгое время доминировала идеациональная культура, далее господствовала идеалистическая культура, а затем — чувственная, разрушившаяся уже к началу XX в. Трансформация

культуры и системы ценностей в России при этом характеризовалась следующими особенностями: 1) господство идеациональной суперсистемы в России длилось до XVIII в. (главным образом вследствие двухсотлетнего татарского ига); 2) господство идеалистической или интегральной суперсистемы было крайне коротким и неглубоким; 3) господство чувственной культуры также было коротким, она быстро разрушилась в XX столетии [8, с. 463–489].

Надо отметить, что современные исследователи, развивая и уточняя наследие П. А. Сорокина, утверждают о том, что едва ли не вся история нашей страны (включая период до XVIII в., XIX столетие и советский период) — это время господства идеациональной культуры [9]; она может быть рассмотрена как серия последовательных и нарастающих приливов идеациональной культуры, которые эпизодически сдерживались временным возвышением чувственной культуры [10, с. 414]. Это «временное возвышение» мы отчетливо можем наблюдать во время либерально-демократических преобразований в стране в начале XX в. и 90-е гг. прошлого столетия. Во все остальное время, включая современный этап, — господствующий тип культуры — идеациональный с его ставкой на абсолютные (будь то религиозные или коммунистические) ценности.

Возможно, по этой причине традиционные российские ценности обычно воспринимаются как ценности духовные, абсолютные, по большей части консервативные и патриархальные. Как бы ни оценивать это суждение, оно представляется важным для представления динамики и этапов развития российского уголовного закона в части, касающейся охраны традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Такие этапы могут быть определены как время отхода от охраны идеациональных ценностей и время возврата к таковой.

В первом приближении полагаем возможным предложить следующую периодизацию российского уголовного права, отражающую динамику связи традиционных ценностей и уголовного закона. В ее основе — степень близости уголовного закона к сбалансированным ценностям идеалистической культуры. Такая периодизация включает:

- ♦ период до XIX в. — время господства идеационального уголовного права;
- ♦ период начала XX в. — время «культурного брожения», быстрого перехода от движения к идеа-

листическому уголовному праву, к движению в сторону чувственного типа;

- ♦ советский период как время псевдоидеационального уголовного права;

- ♦ период 90-х гг. XX — начала XXI вв. — время движения к чувственному уголовному праву;

- ♦ период, начавшийся с 2009 г. и продолжающийся по сегодняшний момент — время движения к идеациональному уголовному праву.

Такая периодизация в определенной степени совпадает с распространенным в науке уголовного права взглядом на основные этапы его истории [11, с. 193]. Однако она существенным образом уточняет его в части, касающейся времени, начавшегося с конца XX в. «Современный» этап в развитии отечественного уголовного закона отраслевыми специалистами в области уголовного права обычно отсчитывается с конца 80-х — начала 90-х гг. прошлого века [12, с. 74; 13]. Иногда, в порядке уточнения для «привязки» истории права к формализованной истории законодательства за точку отсчета принимается 1993 г. [14, с. 62] (принятие Конституции) или 1996 г. [15, с. 47] (принятие УК РФ).

Вместе с тем, надо признать, что период, начавшийся с конца XX в. далеко не однороден в культурно-цивилизационном и правовом отношениях. Интересно в этом плане наблюдение В. И. Добренькова. Обращаясь к идеям П. А. Сорокина, он пишет, что в 1980-е гг. в России началась идеалистическая фаза развития культуры (постепенное развитие рынка, реабилитация религии, некоммунистической философии, обращение к национальной истории, открытие всей полноты русской культуры). Однако в начале 1990-х гг. произошла «настоящая катастрофа»; «мы проскочили идеалистическую фазу и сорвались в чувственную культуру» [9, с. 9]. Считая такой тип культуры гибельным и чуждым для России, В. И. Добреньков в 2010 г. писал, что требуется «глобальная ценностная переориентация» общества, тактическое решение которой состоит в переходе от чувственного типа культурной суперсистемы к идеационной или идеалистической.

История подтверждает, что в период 2008–2010 гг. государство действительно своей модернизационной волей повернуло (или стремилось повернуть) культурное развитие страны в идеациональном направлении. Официальной кульминацией этого движения можно считать президентский указ об утверждении

основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Эти трансформационные изменения нашли прямое отражение и в уголовном праве. Специалисты верно отмечают, что постсоветское развитие уголовной политики, оставаясь в формальных нормативных рамках Конституции РФ 1993 г. и Уголовного кодекса 1996 г., со всей очевидностью не может рассматриваться в качестве единого, однородного этапа. Анализируя развитие программных политико-правовых документов, М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин пишут, что именно 2009 г. являет собой точку вполне определенного слома тенденций и настроений в реализации политического курса. С этого времени начинается, по их мнению, новый, собственно «современный» этап, для которого характерны отказ от признания самостоятельной ценности прав и интересов отдельной личности, переход к политике отождествления интересов личности и государства; отказ от приоритетного обеспечения интересов безопасности личности в пользу первоочередного обеспечения интересов государственной и общественной безопасности; отказ от политики обеспечения и защиты индивидуальных интересов личности и переход к политике сбережения народонаселения как некоей массы людей [16, с. 90].

Соотнося эти рассуждения с обозначенными выше положениями о культурной динамике страны и изменением официальных ценностных ориентаций, нетрудно усмотреть их прямую корреляцию, что служит дополнительным аргументом в пользу предложенного нами уточнения периодизации истории отечественного уголовного права.

Таким образом, история уголовного права России с точки зрения выраженных в нем ценностей может быть представлена как серия последовательных и нарастающих приливов идеациональной культуры, которые эпизодически сдерживались временным возвышением чувственной культуры; в этом случае в истории уголовного права целесообразно выделять пять основных этапов: от зарождения до конца XIX в.; период начала XX в.; советский период, период 90-х гг. XX — начала XXI вв. и период, начавшийся с 2009 г. При этом необходимо признать, что с 2009 г. в постсоветской истории уголовного права начинается новый, современный этап, для которого характерен отказ от идеалов чувствен-

ной культуры и активное правовое продвижение идеациональных ценностей, которое в перспективе должно привести российское общество в оптимальное (идеалистическое в терминах П. А. Сорокина) состояние, характеризующееся балансом свободы и безопасности, государства и личности, прав и ответственности на основе концепта традиционных российских ценностей.

Список источников

1. Российская цивилизация: особенности и пути модернизации: тезисы докладов и выступлений на науч.-практ. конф. (17–18 октября 2001 г.). М.: Финансовая академия при Правительстве РФ, 2002.
2. Рассадина Н. А. Трансформации традиционных русских ценностей в нравственных ориентациях россиян: автореф. дисс. ... д-ра соц. наук. М., 2005.
3. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития М., 2011.
4. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М., 2010.
5. Грекова Л. В., Саватеев А. Д. Питирим Сорокин: исследование российской цивилизации // Человеческий капитал. 2018. № 7 (115). С. 22–30.
6. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.
7. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени / пер. с англ., сост. и предисл. Т. С. Васильева. М., 1997.
8. Сорокин П. А. Основные черты русской нации в XX столетии // О России и русской философской культуре: Философы рус. послеокт. зарубежья: сборник / сост. М. А. Маслин; вступ. ст. М. А. Маслина, А. Л. Андреева. М.: Наука, 1990.
9. Добренков В. И. Кризис нашего времени в контексте теории социокультурной динамики П. А. Сорокина: пророчество о судьбах мира и России // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2010. № 1. С. 5–21.
10. Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Социокультурная трансформация: варианты интерпретации, диагностика опыта России // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12. № 1. Ч. 2. С. 405–421.
11. Кораблев Р. Н. К вопросу о периодизации уголовного права в рамках становления и развития институтов Особенной части // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 191–194.

12. Дроздова Н. Ю. К вопросу об этапах развития уголовного законодательства России // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 71–75.

13. Михайлова А. Ю. История развития российского уголовного законодательства // Научные итоги года: достижения, проекты, гипотезы. 2015. № 5. С. 221–225.

14. Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций. В 3 т. Т. 1. Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2007.

15. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. М., 2014.

16. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Уголовная политика и преступность: трансформации в эпоху социальных перемен. М. : Юрлитинформ, 2023.

References

1. Russian civilization: features and ways of modernization: abstracts of reports and speeches at the scientific and practical conference (October 17–18, 2001). М. : Financial Academy under the Government of the Russian Federation, 2002.

2. Rassadina N. A. Transformations of traditional Russian values in the moral orientations of Russians: abstract. diss. ... Doctor of Social Sciences. М., 2005.

3. Inglehart R., Welzel K. Modernization, cultural change and democracy. The sequence of human development М., 2011.

4. Fukuyama F. The end of history and the last man / translated from English by M. B. Levin. М., 2010.

5. Grekova L. V., Savateev A. D. Pitirim Sorokin: a study of Russian civilization // Human capital. 2018. No. 7 (115). P. 22–30.

6. Sorokin P. A. Social and cultural dynamics. М. : Astrel, 2006.

7. Sorokin P. A. The main trends of our time / trans. from English, comp. and preface by T. S. Vasilyev. М., 1997.

8. Sorokin P. A. The main features of the Russian nation in the XX century // About Russia and Russian philosophical culture: Philosophers of Russian post-oct. abroad: collection / comp. М. А. Maslin; introduction by М. А. Maslin, А. Л. Andreeva. М. : Nauka, 1990.

9. Dobrenkov V. I. The crisis of our time in the context of the theory of socio-cultural dynamics by P. A. Sorokin: a prophecy about the fate of the world and Russia // Bulletin of the Moscow University. Ser. 18. Sociology and Political Science. 2010. No. 1. P. 5–21.

10. Popkov Yu. V., Tyugashev E. A. Sociocultural transformation: interpretation options, diagnostics of the Russian experience // Ideas and ideals. 2020. Vol. 12. No. 1. Part 2. P. 405–421.

11. Korablev R. N. On the issue of the periodization of criminal law in the framework of the formation and development of institutions of a special part // Gaps in Russian legislation. 2015. No. 4. P. 191–194.

12. Drozdova N. Yu. On the question of the stages of development of the criminal legislation of Russia // Bulletin of Economic security. 2020. No. 2. P. 71–75.

13. Mikhailova A. Yu. The history of the development of Russian criminal legislation // Scientific results of the year: achievements, projects, hypotheses. 2015. No. 5. P. 221–225.

14. Naumov A. V. Russian criminal law: a course of lectures. In 3 t. T. 1. The general part. 4th ed., reprint. and additional М. : Walters Kluwer, 2007.

15. Russian criminal law. General part / edited by V. P. Konyakhin, М. Л. Prokhorova. М., 2014.

16. Babaev M. M., Pudovochkin Y. E. Criminal policy and crime: transformations in the era of social change. М. : Yurlitinform, 2023.

Информация об авторе

Ф. В. Чирков — доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии Адыгейского государственного университета, докторант кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Кубани.

Information about the author

Ph. V. Chirkov — Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Construction and Political Science of the Adyghe State University, Doctoral Student of the Department of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University, Candidate of Legal Sciences, Honored Lawyer of Kuban.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 20.07.2024; принята к публикации 14.08.2024.
The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 20.07.2024; accepted for publication 14.08.2024.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-217-220>EDN: <https://elibrary.ru/ibvjvq>

NIION: 2003-0059-4/24-119

MOSURED: 77/27-003-2024-04-318

О регистрационной дактилоскопической системе Альфонса Бертильона

Владислав Николаевич Чулахов¹, Николай Валерьянович Максимов²¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, chulahov@mail.ru² Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Чебоксары, Россия, mnik3@mail.ru

Аннотация. Исторически считается, что А. Бертильон, основатель криминалистической идентификации, до самой смерти не признавал преимущества дактилоскопии как более совершенного средства идентификации, чем им разработанный антропометрический метод, не понимал ее значения и тормозил ее введение в практику — такое мнение опровергается. Из криминалистической литературы 20-х гг. прошлого столетия приводятся факты, которые говорят о том, что А. Бертильон не отрицал дактилоскопию, а наоборот, совершенствуя систему криминалистической идентификации, рассматривал ее как дополнительный метод к разработанным им словесному портрету и антропометрии. А. Бертильон считал, что пальцевые отпечатки как цвет глаз и форма ушной раковины являются важным средством установления личности. Понимая сущность и выгоду дактилоскопических исследований, он постарался развить новый метод и приспособить дактилоскопию к целям уголовной регистрации в качестве средства кодировки и систематизации регистрационных карт. Для этого А. Бертильон разработал свою систему классификации папиллярных узоров, которую назвал «пальцевой формулой». К приметам «словесного портрета» регистрируемого преступника он добавил пальцевую формулу четырех первых пальцев его правой руки, а в случае необходимости четырех первых пальцев левой руки. Это позволяло устанавливать личность задержанного лица путем простого визуального сравнения папиллярных узоров на его пальцах с пальцевой формулой, указанной в регистрационной карточке.

Рассматривается система криминалистической регистрации. Приводится классификация папиллярных узоров пальцев рук человека, разработанная А. Бертильоном для целей уголовной регистрации. Указываются правила составления «пальцевой формулы» по А. Бертильону. Дается криминалистическая оценка его классификации.

Ключевые слова: Альфонс Бертильон, криминалистическая регистрация, дактилоскопическая классификация, дактилоскопическая формула, папиллярные узоры

Для цитирования: Чулахов В. Н., Максимов Н. В. О регистрационной дактилоскопической системе Альфонса Бертильона // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 217–220. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-217-220>. EDN: IBJVJQ.

Original article

On the registration fingerprint system of Alphonse Bertillon

Vladislav N. Chulakhov¹, Nikolay V. Maksimov²¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, chulahov@mail.ru² Chuvash State University named after I.N. Ulyanova

Abstract. Historically, it is believed that A. Bertillon, the founder of forensic identification, until his death did not recognize the advantages of fingerprinting as a more advanced means of identification than the anthropometric method he developed, did not understand its significance and hindered its introduction into practice — this opinion is refuted. From the forensic literature of the 20s of the last century, facts are presented that indicate that A. Bertillon did not deny fingerprinting, but on the contrary, improving the system of forensic identification, considered it as an additional method to the verbal portrait and anthropometry developed by him. A. Bertillon believed that finger prints, like the color of the eyes and the shape of the auricle, are an important means of establishing identity. Understanding the essence and benefits of fingerprint research, he tried to develop a new method and adapt fingerprinting to the purposes of criminal registration as a means of encoding and systematization of registration cards. For this, A. Bertillon developed his own system of classification of papillary patterns, which he called the «finger formula». To the signs of the «verbal portrait» of the registered criminal, he added the finger formula of the first four fingers of his right hand, and, if necessary, the first four fingers of his left hand. This made it possible to establish the identity of the detained person by simply visually comparing the papillary patterns on his fingers with the finger formula indicated in the registration card.

The system of forensic registration is considered. The classification of papillary patterns of human fingers, developed by A. Bertillon for the purposes of criminal registration, is given. The rules of drawing up the «finger formula» according to A. Bertillon are indicated. A forensic assessment of its classification is given.

Keywords: Alphonse Bertillon, forensic registration, fingerprint classification, fingerprint formula, papillary patterns

For citation: Chulakhov V. N., Maksimov N. V. On the registration fingerprint system of Alphonse Bertillon. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):217–220. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-217-220>. EDN: IBJVJQ.

© Чулахов В. Н., Максимов Н. В., 2024

Начало формирования теории и прикладных основ криминалистической идентификации принято относить к 1881 г. До этого большинство полицейских участков Европы использовали примитивные способы распознавания преступников с помощью словесного портрета. На помощь полиции пришла фотография, и, именно, А. Бертильон разработал правила опознавательной фотосъемки арестантов и предложил определенным образом систематизировать их фотоснимки. Дополнительно он предложил обмеривать регистрируемых преступников, для чего использовал научные данные антропологии и статистики, согласно которым размеры тела одного человека никогда полностью не совпадают с размерами тела другого. Таким образом, А. Бертильон явился изобретателем и создателем первых картотечных систем регистрации преступников по различным их признакам с целью использования этих картотек для опознания и идентификации личности.

Система антропометрической идентификации А. Бертильона внесла весомый вклад в развитие криминалистики. Арестованный в установленном порядке замерялся полицейским и в дальнейшем по зафиксированному антропометрическим данным мог быть идентифицирован по картотеке. А. Бертильон постоянно совершенствовал свою систему, добавляя в нее новые идентифицирующие признаки, такие как особенности строения роговицы и цвет глаз и др.

Созданная Альфонсом Бертильоном система стала называться бертильонажем. Это название было придумано парижскими журналистами, сам же А. Бертильон называл свою систему антропометрией. Благодаря его достижениям Париж превратился в мировую столицу передового опыта уголовной регистрации. К известному ученому приезжали криминалисты из многих стран мира, в том числе и из России, чтобы перенять опыт. Везде организовывались антропометрические бюро по принципу парижского.

Параллельно с системой уголовной антропометрии развивался и другой метод идентификации — дактилоскопия. Сначала Уильям Гершель, находясь на службе в Индии, доказал, что папиллярные узоры пальцев рук не изменяются в течение жизни, тем самым заложив основу современной дактилоскопии, а затем Френсис Гальтон — антропометрист из Лондона, обратил внимание на преимущества дактилоскопии как метода уголовной регистрации перед антропометрической идентификацией А. Бертильона.

Успехи изобретенного А. Бертильоном антропометрического метода подталкивали первых исследователей в области дактилоскопии к созданию целостной дактилоскопической регистрационной системы, которая позволяла бы, при наличии отпечатков пальцев рук, находить в больших массивах дактилоскопических карт ту, по которой можно было идентифицировать преступника. В 1901 г. Эдвард Генри в числе первых создал такую систему регистрации отпечатков пальцев рук арестантов, являющуюся практически основой десятипальцевой системы, по которой ведутся учеты дактилокарт в информационных центрах МВД нашей страны. Впоследствии, став президентом лондонской полиции, он заменил антропометрический метод регистрации дактилоскопическим. С этого момента началось повсеместное развитие дактилоскопии и вытеснение ею антропометрического метода идентификации А. Бертильона.

Этому были определенные причины. Система бертильонажа, несмотря на свою оригинальность и востребованность среди криминалистов, имела некоторые недостатки, а именно громоздкость и сложность всего процесса регистрации. Измерения требовали абсолютной точности и определенных навыков и могли проводиться только в специально оборудованных помещениях. Дактилоскопический же метод регистрации был намного проще и эффективнее, и к тому же менее затратным.

На этапе становления у дактилоскопии были не только сторонники, кто признавал новый метод, но и свои противники. Исторически считается, что А. Бертильон, будучи очень самовлюбленным человеком, до самой смерти не признавал преимущества дактилоскопии как более совершенного средства регистрации, чем им разработанный антропометрический метод, не понимал ее значения и тормозил введение ее во Франции. Например, Роберт Гейндль говорит об этом в своей научной работе, в которой развенчивает заслуги А. Бертильона [1, с. 5].

Но на самом деле оказалось все не так. Изучая криминалистическую литературу 20-х гг. прошлого столетия, мы встретили факты, которые говорят о том, что А. Бертильон не отрицал дактилоскопию, а наоборот, совершенствуя систему криминалистической идентификации, рассматривал ее как дополнительный метод к словесному портрету и антропометрии [1, с. 18–22]. Он считал, что пальцевые отпечатки, как цвет глаз и форма ушной раковины, яв-

ляются важным средством установления личности. Быстро поняв сущность и выгодность дактилоскопических исследований, он постарался развить новый метод и приспособить дактилоскопию к целям уголовной регистрации в качестве средства кодировки и систематизации регистрационных карт. Для этого А. Бертильон разработал свою систему классификации папиллярных узоров, которую назвал «пальцевой формулой». В ней он попытался установить те же принципы, что и в других разработанных им способах идентификации личности.

«Пальцевая формула» по А. Бертильону — это обозначение папиллярных узоров, образующихся на ногтевых фалангах пальцев руки, в одной буквенной фразе. Дактилоскопическая классификация А. Бертильона отличалась оригинальностью и многими упрощениями. Во-первых, она была разработана для неполных отпечатков, полученных обычным нажатием пальца, а не путем горизонтальной прокатки. Поэтому при классификации А. Бертильон обращает главное внимание на характер рисунка центральной части папиллярного узора. Во-вторых, антропометрическое отделение парижской полиции пользовалось отпечатками только четырех первых пальцев правой руки, так как мизинец, по мнению А. Бертильона, представлял слишком большую аналогию по форме узора с безымянным пальцем и по этой причине не учитывался при составлении формулы.

Как и в словесном портрете, при классификации папиллярных узоров А. Бертильон использовал принципы мнемоники (прим. — совокупность специальных приемов и способов, облегчающих запоминание нужной информации и увеличивающих объем памяти путем образования ассоциаций). Все узоры он распределил на четыре типа (класса) в зависимости от схожести по форме с буквами «е», «і», «о» и «и», которые так и называет: узор «е», узор «і» и т. д.

В соответствии с классификацией А. Бертильона отпечаток пальца причислялся к типу (классу) «е», если папиллярные линии в центре узора образовывали петлю, открытой стороной обращенную к мизинцу (ульнарный петлевой узор по современной классификации).

Оттиск причислялся к типу (классу) «і», если узор по строению совпадал с узором «е», но петля своей открытой стороной была обращена к большому пальцу (радиальный петлевой узор по современной классификации).

Оттиск причислялся к типу (классу) «о», если папиллярные линии в центре имели концентрическое строение и по форме напоминали спираль, завиток, круг или овал (завитковый узор по современной классификации).

Оттиск причислялся к типу (классу) «и», если папиллярные линии в центре образовывали расположенные друг над другом дуги (дуговой узор по современной классификации). К этому типу причислялись также папиллярные узоры неопределенной формы строения.

Регистрационная дактилоскопическая формула составлялась по следующим правилам:

- 1) узор «е» всегда сохраняет свое название, на каком бы пальце он не находился (большом, указательном, среднем или безымянном);
- 2) узор на указательном пальце всегда сохраняет свое название, т. е. если оттиск узора этого пальца имеет форму букв «е», «і», «о» или «и», то их названия не изменяются;
- 3) для большого, среднего и безымянного пальцев отпечатки, папиллярные рисунки которых имеют формы букв «і», «о» или «и», обозначаются буквой «х»;
- 4) шрамы, следы от ожогов на пальцах (в том числе их ампутации), которые не позволяют установить рисунок узора, относятся к типу (классу) «и».

С помощью этих своеобразных правил и в зависимости от четырех основных типов (классов) папиллярных узоров, выделенных А. Бертильоном, антропометрическое отделение в Париже довело число комбинаций формулы отпечатков до 32. Большой палец в первых 16 комбинациях имеет букву «е», в 16 последующих — букву «х». Указательный палец в четырех первых комбинациях имеет букву «е», четырех следующих — букву «і», четырех последующих — букву «о», четырех последних — букву «и». Отпечатки большого, среднего и безымянного пальцев, обозначенные буквой «х», могут иметь узоры «і» «о» или «и», но не «е» (табл. 1).

Таблица 1

Таблица пальцевых формул в соответствии с дактилоскопической классификацией А. Бертильона

eeee	еоее	хеее	хоее
ееех	еоех	хеех	хоех
еехе	еохе	хехе	хохе
еехх	еохх	хехх	хохх
еіее	еіее	хіее	хіее
еіех	еіех	хіех	хіех
еіхе	еіхе	хіхе	хіхе
еіхх	еіхх	хіхх	хіхх

Таким образом, к приметам «словесного портрета» регистрируемого преступника добавлялась пальцевая формула четырех первых пальцев его правой руки, а в случае необходимости — четырех первых пальцев левой руки. Это позволяло устанавливать личность задержанного лица путем простого визуального сравнения папиллярных узоров на его пальцах с пальцевой формулой, указанной в регистрационной карточке.

Пальцевая формула А. Бертильона, как один из приемов антропометрической регистрации, была введена в Париже с 1894 г, также ее можно было использовать при установлении личности неопознанных трупов. В дальнейшем методы дактилоскопической классификации А. Бертильона распространились в Бельгии (Брюсселе), Швейцарии (Женеве), Испании и других странах.

Конечно, регистрационная дактилоскопическая система А. Бертильона была во многом несовершенна и имела ряд существенных недостатков (усеченная четырехпальцевая система учета, классификация пальцевых отпечатков основывалась только на форме центральной части папиллярного узора, условность составления дактилоскопической регистрационной формулы и др.). Такую классификацию сложно было использовать при идентификации преступников по следам рук, обнаруженным на месте происшествия. Но при оценке ее криминалистического значения

надо учитывать, что она была нацелена, прежде всего, на задачи уголовной регистрации.

Сказанное еще раз подтверждает, что А. Бертильон являлся прогрессивным криминалистом-исследователем своего времени, он не был противником введения дактилоскопии в практику расследования преступлений, а, напротив, предложил свою классификацию папиллярных узоров пальцев рук человека, приспособив ее к разработанному им ранее антропометрическому методу регистрации преступников.

Список источников

1. Гейндль Р. Уголовная техника: из мастерской уголовного розыска. М., 1925.

References

1. Heindl R. Criminal technique: from the workshop of the criminal investigation department. M., 1925.

Библиографический список

1. Лебедев В. И. Искусство раскрытия преступлений. Ч. I. Дактилоскопия (пальчепечатание). СПб. : Типография Министерства Внутренних Дел, 1909.

Bibliographic list

1. Lebedev V. I. The art of crime detection. Part I. Fingerprinting. St. Petersburg : Printing House of the Ministry of Internal Affairs, 1909.

Информация об авторах

В. Н. Чулахов — начальник кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

Н. В. Максимов — доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. N. Chulakhov — Head of the Department of Technical and Forensic Support of Expert Investigations of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor;

N. V. Maksimov — Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Chuvash State University named after I.N. Ulyanova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 20.07.2024; принята к публикации 14.08.2024.

The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 20.07.2024; accepted for publication 14.08.2024.

Научная статья

УДК 336.225.67

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-221-227>

EDN: <https://elibrary.ru/ibsgty>

НИОН: 2003-0059-4/24-120
MOSURED: 77/27-003-2024-04-319

Анализ эффективности камеральных и выездных налоговых проверок как инструмент совершенствования налогового контроля

Наталья Михайловна Бобошко

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, natmb@list.ru

Аннотация. Проведен анализ результативности камеральных налоговых проверок (КНП) и выездных налоговых проверок (ВНП). Отмечена важность аналитического исследования показателей эффективности данных инструментов в целях улучшения системы налогового контроля. Проанализированы статистические данные Федеральной налоговой службы за период с 2014 по 2023 гг., исходя из которых отмечено, что, несмотря на снижение числа ВНП, их эффективность возросла. На долю ВНП приходится около 80 % всех доначислений. КНП, в свою очередь, демонстрируют стабильный рост эффективности, что подтверждается удвоением суммы доначислений в сравнении с показателями 2014 г. По итогам проведенного исследования, указывается на необходимость дальнейшего развития аналитических методов отбора объектов ВНП, а также совершенствования процедур КНП для повышения эффективности налогового администрирования и обеспечения исполнения налоговых обязательств.

Ключевые слова: налоговые проверки, результативность, эффективность, налоговый контроль

Для цитирования: Бобошко Н. М. Анализ эффективности камеральных и выездных налоговых проверок как инструмент совершенствования налогового контроля // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 221–227. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-221-227>. EDN: IBSGTY.

Original article

Analysis of the effectiveness of in-house and on-site tax audits as a tool for improving tax control

Natalia M. Boboshko

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, natmb@list.ru

Abstract. The analysis of the effectiveness of in-house tax audits and on-site tax audits was carried out. The importance of an analytical study of the performance indicators of these tools in order to improve the tax control system was noted. The statistical data of the Federal Tax Service for the period from 2014 to 2023 are analyzed, based on which it is noted that, despite the decrease in the number of on-site tax audits, their effectiveness has increased. On-site tax audits accounts for about 80 % of all additional payments. In-house tax audits, in turn, demonstrate a steady increase in efficiency, which is confirmed by a doubling of the amount of additional charges in comparison with the indicators of 2014. According to the results of the study, it is indicated that there is a need for further development of analytical methods for selecting objects of on-site tax audits, as well as improving the procedures of the in-house tax audits to increase the efficiency of tax administration and ensure the fulfillment of tax obligations.

Keywords: tax audits, efficiency, tax control

For citation: Boboshko N. M. Analysis of the effectiveness of desk and field tax audits as a tool for improving tax control. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):221–227. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-221-227>. EDN: IBSGTY.

По мере формирования налоговой системы государства возрастает потребность в совершенствовании форм налогового контроля. Немаловажную роль в данном аспекте играет проведение аналитического исследования показателей эффективности реализуемых контрольных мероприятий. Так, посредством расчета показателей результативности эффективности представляется возможным получение информации о текущей обстановке в сфере налогового контроля.

В системе налогового контроля ключевую роль играют КНП и ВНП, которые являются основными

формами налогового контроля. Федеральная налоговая служба (ФНС России) стремится повысить их эффективность и результативность, что подтверждается внедрением риск-ориентированного подхода и совершенствованием аналитической составляющей контрольной деятельности. Применяемый сегодня подход стал популярнее традиционных методов контроля благодаря сосредоточенности на зонах повышенного риска, что позволяет своевременно принимать превентивные меры, выявлять и устранять слабые места, предотвращая негативные послед-

© Бобошко Н. М., 2024

ствия реализации рисков. Важным шагом в рассматриваемом направлении стало принятие Концепции системы планирования выездных налоговых проверок, утвержденной приказом ФНС России от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333@ [3].

В то же время, отмечается ряд проблемных вопросов, связанных с реализацией предпроверочного анализа. В феврале 2023 г. Счетной Палатой Российской Федерации был опубликован доклад об итогах анализа проведения ВВП в 2019–2021 гг. и первом полугодии 2022 г. В настоящем докладе было отмечено, что имеет место существенное расхождение между суммами доначислений по итогам предпроверочного анализа и фактическими результатами ВВП. За исследуемый период в 62,4 % случаев фактические показатели оказались ниже планируемых. Стоит заметить положительную динамику данного показателя (69,4 % в 2019 г., 64,7 % в 2020 г., 58,2 % в 2021 г.). Также было отмечено, что анализ качества предпроверочного анализа осуществляется менее чем в половине региональных управлений ФНС России [4].

В настоящее время вопрос оценки результативности и эффективности налогового контроля, осуществляемого в Российской Федерации в отношении налогоплательщиков, приобретает все большее стратегическое значение. Государство стремится обеспечить формирование доходной части бюджета, что необходимо для осуществления своей деятельности и решения различных государственных задач. В этой связи возникает необходимость контроля со стороны нало-

говых органов за соблюдением хозяйствующими субъектами законодательства о налогах и сборах.

Необходимо также пояснить, что понимается под понятиями «результативность» и «эффективность». Результативность определяется как соотношение количества проверок, выявивших нарушения, к общему числу проведенных проверок. Эффективность же измеряется в стоимостном выражении доначислений на единицу проведенных проверок [1, с. 474]. В агрегированном виде необходимый для дальнейшего исследования объем исходных данных представлен в табл. 1.

Проанализируем в совокупности итоги проведения ВВП и КНП в 2014–2023 гг. Нельзя не отметить, что около 80 % от всех доначислений по итогам контрольной работы ФНС России осуществляется в рамках ВВП, что и проиллюстрировано на рис. 1. Из чего следует вывод о необходимости регулярного и комплексного совершенствования методики организации и осуществления ВВП.

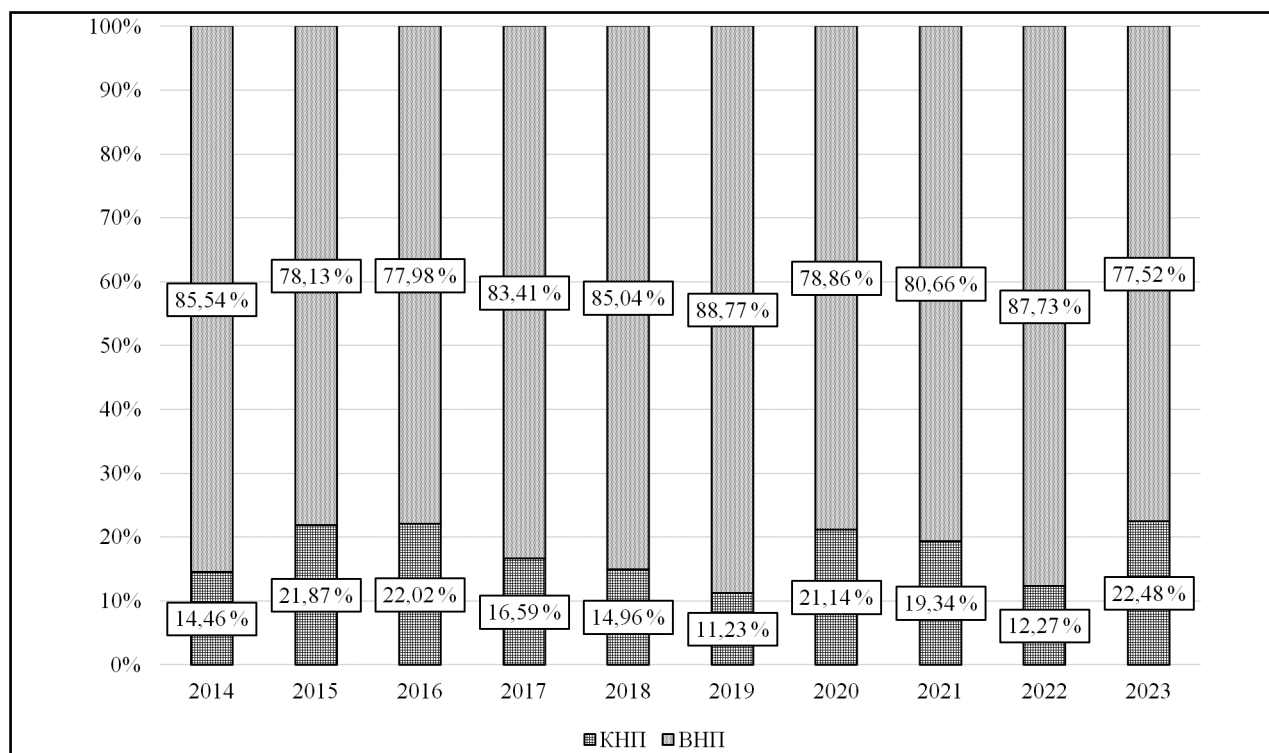
В абсолютном же выражении динамика суммы доначислений налогов, штрафов и пени за последние десять лет имела разнонаправленный характер (рис. 2). К примеру, в 2020 г., ознаменованном пандемией коронавируса, сумма доначислений составила чуть менее 250 млрд руб., что примерно на 40 % ниже среднего значения исследуемого показателя за анализируемый временной период. В 2022 г. размер доначислений (769,7 млрд руб.) превысил совокупный размер аналогичного показателя за два предшествующих периода, а именно 2020 и 2021 гг.

Таблица 1

Динамика показателей проведения КНП и ВВП в России в 2014–2023 гг.*

Период	Количество КНП	Количество результативных КНП	Сумма доначислений по итогам КНП (тыс. руб.)	Количество ВВП	Количество результативных ВВП	Сумма доначислений по итогам ВВП (тыс. руб.)
2014	32 869 796	1 963 317	48 443 932	34 245	33 827	286 669 652
2015	31 932 225	1 948 540	74 233 338	29 393	29 118	265 239 993
2016	39 984 748	2 254 874	98 485 375	24 887	24 678	348 715 829
2017	55 859 903	3 014 252	61 599 442	19 391	19 134	309 782 596
2018	67 889 988	3 529 830	55 103 575	13 753	13 452	313 353 616
2019	62 843 726	2 442 064	37 733 371	9077	8704	298 309 317
2020	61 542 147	2 382 858	52 518 463	5934	5658	195 923 856
2021	58 855 819	2 984 020	90 395 659	7773	7428	376 889 887
2022	55 097 597	2 692 890	94 447 388	9848	9412	675 211 756
2023	52 711 896	2 324 898	96 460 074	5203	5047	332 693 115

* Составлено автором на основании данных по формам статистической налоговой отчетности ФНС России [5].

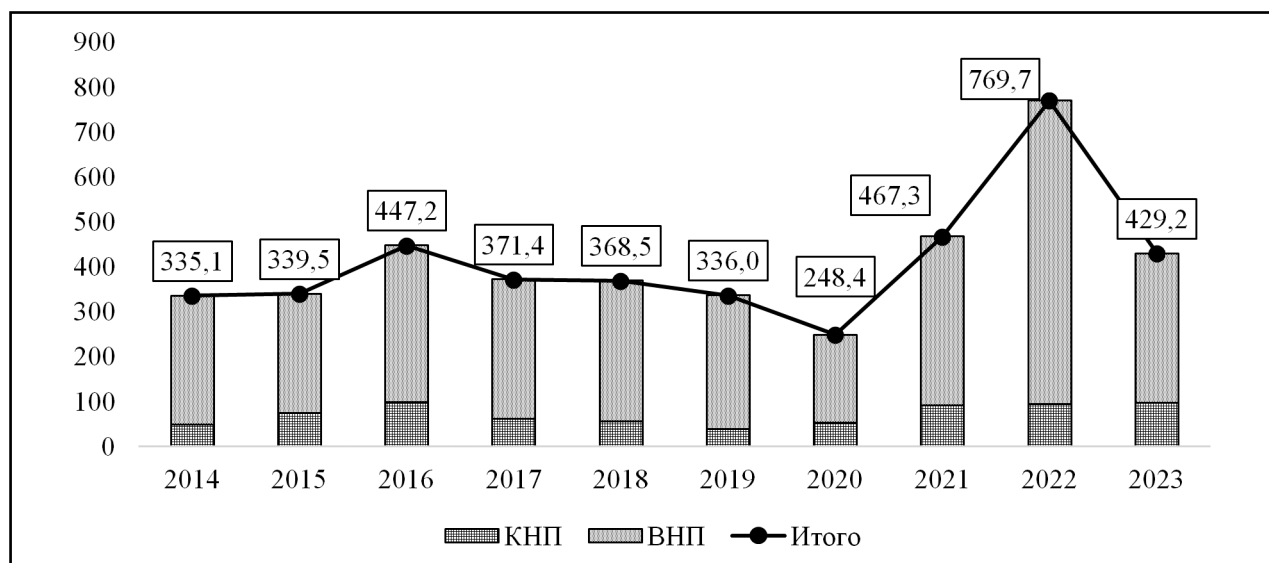
Источник: составлено автором на основании данных по формам статистической налоговой отчетности.

Рис. 1. Структура суммы доначислений по итогам контрольной работы ФНС России в 2014–2023 гг., по видам налоговых проверок

В целях пресечения фактов нарушения налогового законодательства в части уклонения от уплаты налогов, платежей и сборов, ФНС России, совместно с иными контролирующими органами, реализует комплекс мероприятий налогового контроля. Налоговые органы стремительно интегрируют в свою деятельность цифровые технологии с целью увеличения доли аналитической составляющей контроля [2, с. 163]. Следуя трендам активной цифровизации контрольной

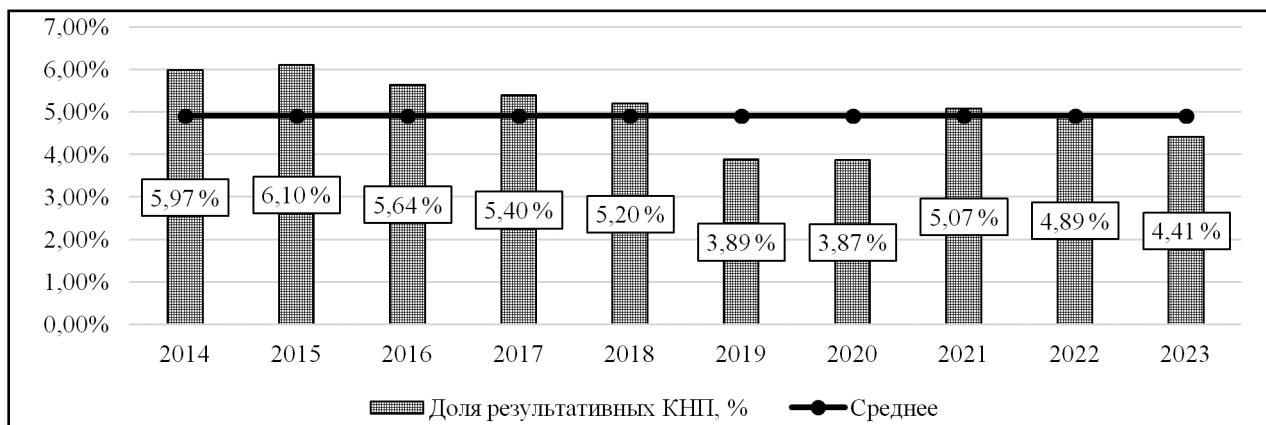
деятельности налоговых органов, за последние десять лет число КНП увеличилось на 60,37 %, большая часть которых производится в автономном режиме.

Так, несмотря на существенный рост числа КНП, за последние десять лет доля результативных КНП оставалась условно-постоянной и варьировалась в районе 5–6 % (рис. 3). Сумма доначислений по КНП с 2014 г. увеличилась чуть менее, чем в два раза. Среднее значение результативности КНП за исследуемый

Источник: составлено автором на основании данных по формам статистической налоговой отчетности.

Рис. 2. Динамика суммы доначислений по итогам контрольной работы ФНС России в 2014–2023 гг., млрд руб.

Источник: составлено автором на основании данных по формам статистической налоговой отчетности.

Рис. 3. Доля результативных КНП в 2014–2023 гг., % от общего числа

период, рассчитанное как средневзвешенное, составляет 4,91 %.

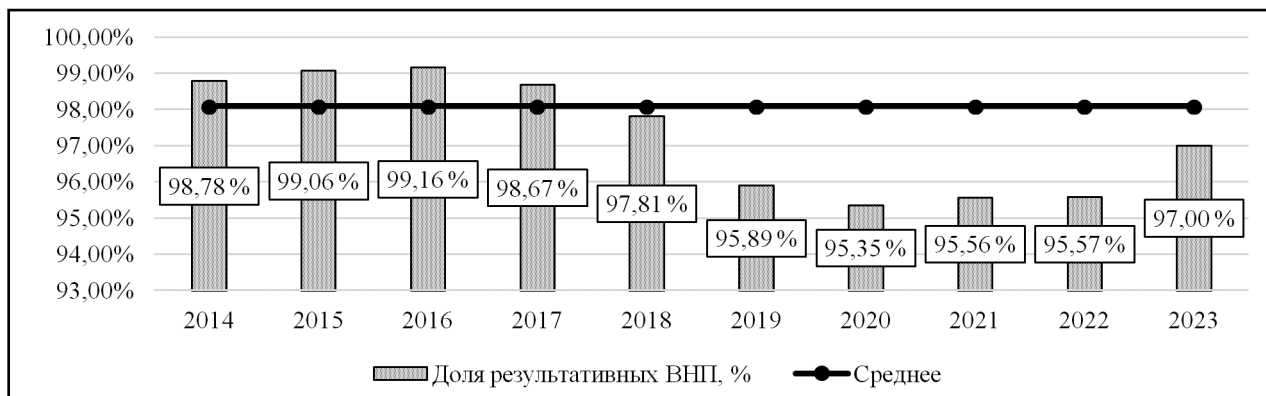
Перейдем к анализу проведения ВМП. Стоит отметить, что снижение числа ВМП обусловлено:

- ♦ отказом от проведения малоэффективных налоговых проверок, т. е. тех, по которым в результате предпроверочного анализа предполагаются доначисления в сумме менее 3 млн руб.;
- ♦ смещением акцентов на выявление и пресечение налоговых правонарушений, связанных с исчислением (возмещением) НДС.

И все же, начиная с 2018 г., наблюдается увеличение доли безрезультативных ВМП. Из всех проведенных в 2023 г. ВМП около 3 % проверок не выявили нарушений, подобный тренд прослеживается на протяжении последних пяти лет (рис. 4).

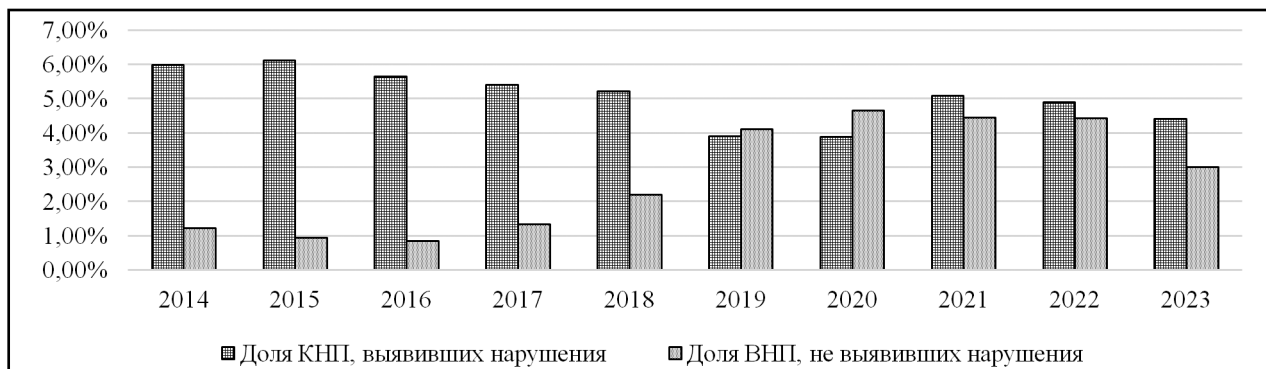
Сопоставив результативность двух видов налоговых проверок, стоит отметить тренд на снижение их результативности. В случае с ВМП такая динамика имеет более выраженный характер (рис. 5).

Далее проведем анализ эффективности проводимых налоговых проверок. Исследуя эффективность

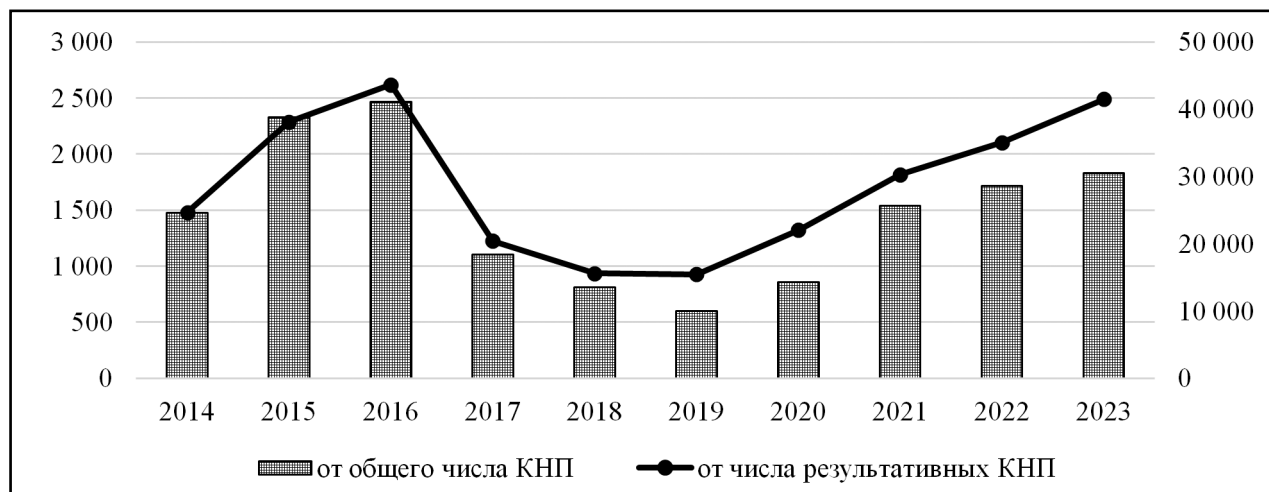
Источник: составлено автором на основании данных по формам статистической налоговой отчетности.

Рис. 4. Доля результативных ВМП в 2014–2023 гг., % от общего числа

Источник: составлено автором на основании данных по формам статистической налоговой отчетности.

Рис. 5. Динамика результативности КНП и ВМП в 2014–2023 гг.

Источник: составлено автором на основании данных по формам статистической налоговой отчетности.

Рис. 6. Эффективность КНП в 2014–2023 гг., руб./одна проверка

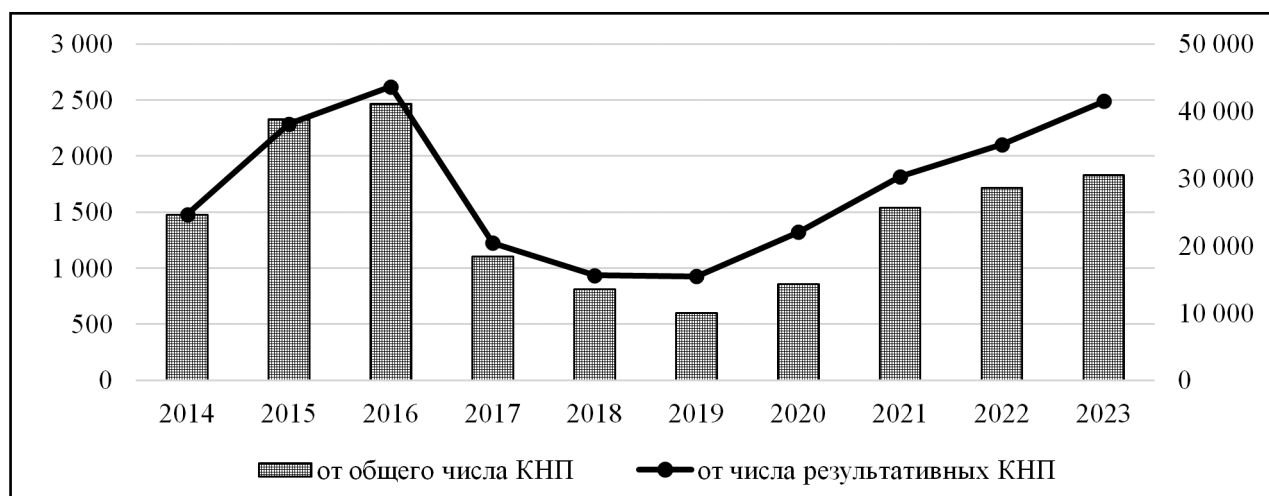
результативных КНП (рис. 6), стоит отметить, что в 2023 г. по итогам одной результативной КНП в среднем доначислялось чуть менее 42 тыс. руб. Относительно значений 2019 г. данный показатель продемонстрировал рост практически в три раза, и все же не достиг значений 2016 г. (43 667 руб.). Если брать в расчет общее число КНП, то средняя сумма доначислений на 1 КНП за 2014–2023 гг. составляет от 600 до 2500 руб.

Приведенная выше динамика хотя и свидетельствует о ряде негативных аспектов деятельности подразделений ФНС России, следует обратить внимание на сумму доначислений по итогам ВМП. При снижении в 2023 г. общего числа ВМП в семь раз относительно значений аналогичного показателя 2014 г. сумма доначислений налоговых платежей не только не уменьшилась, но и возросла, а в 2022 г. составила 675,2 млрд руб., что на 2,26 раза больше, чем сред-

няя сумма доначислений за 2014–2021 гг. Практически в восемь раз увеличилась эффективность одной результативной ВМП. По итогам 2023 г. в среднем за одну результативную ВМП доначислялось 65,9 млн руб. Динамика исследуемого показателя представлена на рис. 7.

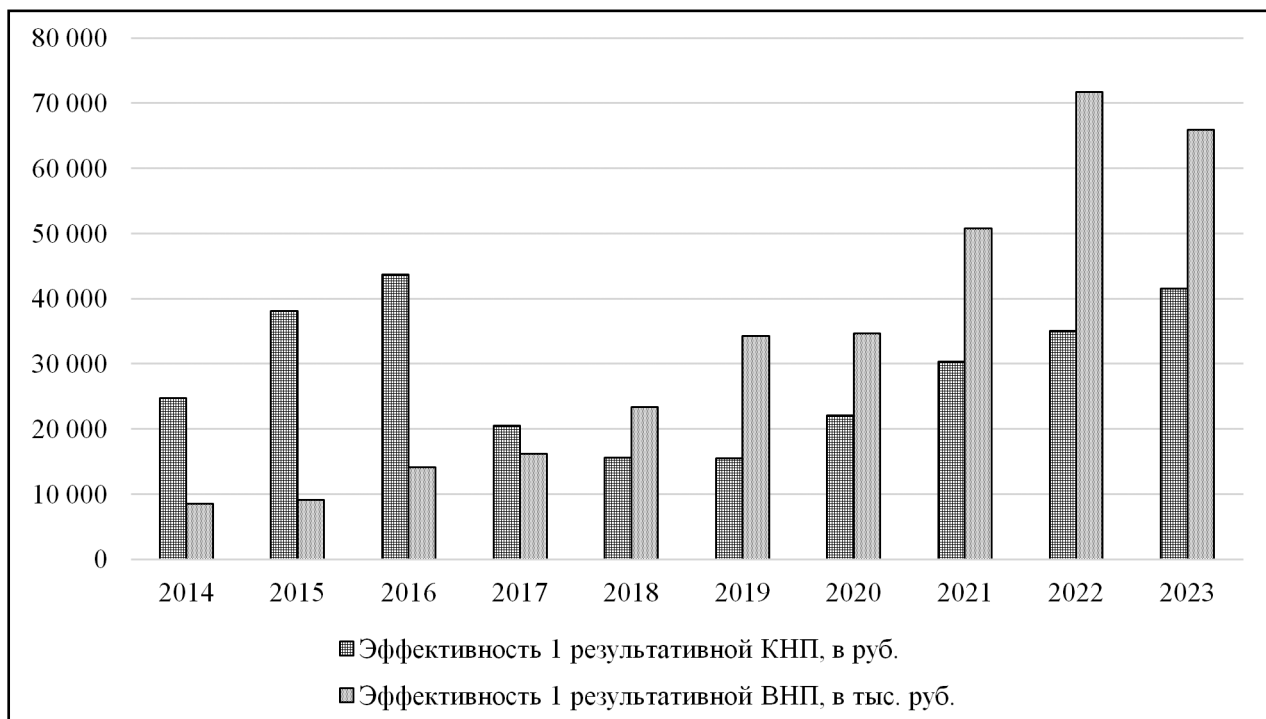
Таким образом, несмотря на снижение результативности ВМП, эффективность данного вида налоговых проверок с годами только растет. В то же время, эффективность КНП, рассчитанная как отношение общей суммы доначислений по КНП к числу КНП, выявивших нарушения, только в прошлом году вышла на уровень показателей 2014–2016 гг. Сопоставление эффективности КНП и ВМП в соответствующих единицах измерения представлено на рис. 8.

Подведем итоги изложенному. Уплата налогов является законодательно закрепленной обязанностью всех хозяйствующих субъектов. Для повышения эф-

Источник: составлено автором на основании данных по формам статистической налоговой отчетности.

Рис. 7. Эффективность ВМП в 2014–2023 гг., тыс. руб./одна проверка

Источник: составлено автором на основании данных по формам статистической налоговой отчетности.

Рис. 8. Эффективность КНП и ВМП в 2014–2023 гг.

эффективности налоговой системы РФ необходимо совершенствование существующих процедур и методов налогового контроля. В зависимости от типа деятельности варьируются состав и суммы налоговых платежей. Основными формами контроля являются камеральные и выездные налоговые проверки.

Согласно официальным данным ФНС России, в период с 2020 по 2023 гг. отношение общего числа проведенных ВМП к общему числу КНП не превышало 0,01 %, что свидетельствует о значительном объеме аналитической работы налоговых органов; это проявляется в тщательном отборе хозяйствующих субъектов для проведения ВМП. За последние десять лет количество ВМП значительно сократилось, что связано со смещением вектора налогового контроля в сторону более существенных налоговых правонарушений.

Примечательно, что при относительно неизменном уровне эффективности КНП сумма доначислений по данному виду контроля с 2014 г. практически удвоилась. Несмотря на снижение числа ВМП, их эффективность с течением времени только растет.

Анализ результативности КНП и ВМП дает возможность убедиться в важности названных инструментов для совершенствования налогового контроля. ВМП, несмотря на их снижение в количестве, продолжают приносить значительные доначисления, обеспечивая около 80 % всех доначислений по ре-

зультатам проверок и выступают в качестве наиболее эффективного метода выявления крупных нарушений налогового законодательства. Камеральные проверки, хотя и проводятся значительно чаще, в последние годы демонстрируют рост эффективности, подтверждая свою значимость в системе налогового контроля.

Снижение числа выездных проверок при одновременном росте их результативности указывает на положительные сдвиги в политике налоговых органов. Реализуемая политика позволяет оптимизировать ресурсы и направлять усилия на контроль потенциально более криминализированных секторов экономики.

В целях дальнейшего совершенствования налогового контроля необходимо продолжать развитие аналитических методов отбора объектов для ВМП, а также совершенствовать процедуры и методологию проведения КНП. Актуализация подобной практики позволит не только повысить эффективность налогового администрирования, но и обеспечить справедливое и полное исполнение налоговых обязательств всеми хозяйствующими субъектами.

Список источников

1. Рябова А. Д. Анализ и повышение результативности и эффективности налогового контроля в РФ // Экономика и социум. 2020. № 3(70). С. 473–479.

2. Герасименко О. А., Трубакина К. В. Модернизация налогового контроля в условиях цифровизации экономики // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 5-1(87). С. 163–167.

3. Приказ ФНС России от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок» // URL://<http://www.consultant.ru/>

4. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ организации и осуществления выездных налоговых проверок, взыскания доначисленных сумм в 2019–2021 гг. и истекшем периоде 2022 г.» // URL://<https://ach.gov.ru/upload/iblock/b6d/tc2qar8hzsay610v18epjftmwi9t68oh.pdf>.

5. Данные по формам статистической налоговой отчетности // URL://https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/

References

1. Ryabova A. D. Analyzing and improving the effectiveness and efficiency of tax control in the Russian Federation // *Economy and Socium*. 2020. No. 3(70). P. 473–479.

2. Gerasimenko O. A., Trubavina K. V. Modernization of tax control in the conditions of digitalization of the economy // *Economics and business: theory and practice*. 2022. No. 5-1(87). P. 163–167.

3. Order of the Federal Tax Service of Russia dated May 30, 2007, No. ММ-3-06/333@ «On Approval of the Concept of the Planning System for Field Tax Audits» // URL://<http://www.consultant.ru/>

4. Report on the results of the expert analytical activity «Analysis of the organization and implementation of field tax audits, recovery of additional amounts in 2019–2021 and the expired period of 2022» // URL://<https://ach.gov.ru/upload/iblock/b6d/tc2qar8hzsay610v18epjftmwi9t68oh.pdf>.

5. Data on statistical tax reporting forms // URL://https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/

Информация об авторе

Н. М. Бобошко — профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

N. M. Boboshko — Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 01.08.2024.
The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 01.08.2024.

Библиографический список

1. Бобошко В. И., Каратаева Г. Е., Хангаев Ф. Ф. Анализ показателей и оценка экономической безопасности региона (на примере Ханты-Мансийского автономного округа — Югры) // *Инновационное развитие экономики*. 2020. № 6(60). С. 225–235.

2. Бобошко В. И., Бобошко Н. М., Гордеев К. А. Развитие внешнеторговой деятельности как фактор бюджетно-налогового обеспечения экономической безопасности России // *Инновационное развитие экономики*. 2023. № 5(77). С. 46–49.

3. Веселкина С. А. Критерии оценки налоговой безопасности на региональном уровне // *Аудиторские ведомости*. 2021. № 4. С. 134–139.

4. Минаков А. В., Иванова Л. Н. Интеграционные механизмы развития цифровой экономики и перспективы их активизации в России // *Право, экономика и управление: актуальные вопросы: мат. всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары* : Среда, 2024. С. 41–51.

Bibliographic list

1. Boboshko V. I., Karataeva G. E., Hanafiev F. F. Analysis of indicators and assessment of economic security of the region (on the example of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra) // *Innovative development of the economy*. 2020. No. 6(60). P. 225–235.

2. Boboshko V. I., Boboshko N. M., Gordeev K. A. Development of foreign trade activity as a factor of budgetary and tax provision of economic security of Russia // *Innovative development of the economy*. 2023. No. 5(77). P. 46–49.

3. Veselkina S. A. Criteria for assessing tax security at the regional level // *Audit statements*. 2021. No. 4. P. 134–139.

4. Minakov A. V., Ivanova L. N. Integration mechanisms of digital economy development and prospects for their activation in Russia // *Law, economics and management: topical issues: mat. all-Russian scientific and practical conference. Cheboksary* : Wednesday, 2024. P. 41–51.

Научная статья

УДК 336.7:342.5

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-228-233>

EDN: <https://elibrary.ru/gnktfq>

ИПОН: 2003-0059-4/24-121

MOSURED: 77/27-003-2024-04-320

Полномочия профильных органов противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке Израиля

Михаил Сергеевич Гордиенко

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия, Gordienko.MS@rea.ru

Аннотация. Проводится анализ системы контрольно-надзорной и регуляторной деятельности в государстве Израиль, направленной на выявление и противодействие нелегальной деятельности на финансовых рынках. В условиях глобализации и увеличивающихся угроз, связанных с финансовыми преступлениями, роль государства в обеспечении финансовой безопасности становится ключевой. Рассматриваются десять основных государственных институтов, включая Банк Израиля, Управление по ценным бумагам, Управление по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, а также Израильскую полицию и другие ведомства. Детализирован функционал каждого органа, его полномочия в области регулирования, надзора и правоприменения.

Особое внимание уделено механизму взаимодействия различных государственных структур для обеспечения комплексного подхода к контролю и регулированию. Важной особенностью израильской системы является наличие четко регламентированных полномочий каждого органа и их координация для предотвращения системных рисков на финансовом рынке. Отдельно выделены ограничения доступа к подобной информации для русскоязычных пользователей, связанные с языковыми барьерами и ограничениями государственных порталов.

Исследование базируется на анализе открытых нормативных правовых источников и информации, представленной на сайтах органов исполнительной власти Израиля. Приведенный материал может быть полезен для развития аналогичных механизмов контроля и надзора в Российской Федерации, может способствовать повышению уровня финансовой безопасности и совершенствованию регуляторных механизмов.

Ключевые слова: контрольно-надзорная деятельность, финансовое регулирование, нелегальная деятельность, Израиль, Банк Израиля, Управление по ценным бумагам, отмывание денег, финансовые преступления, кибербезопасность, государственные органы

Благодарности: статья подготовлена и финансируется в рамках исполнения Государственного задания Минобрнауки России в сфере научной деятельности № FSSW-2023-0055 «Анализ международного законодательства и лучших зарубежных правоприменительных практик в сфере противодействия нелегальной деятельности на финансовых рынках».

Для цитирования: Гордиенко М. С. Полномочия профильных органов противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке Израиля // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 228–233. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-228-233>. EDN: GNKTFQ.

Original article

Powers of specialized authorities in countering illegal activities in Israel's financial market

Mikhail S. Gordienko

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, Gordienko.MS@rea.ru

Abstract. The analysis of the system of control, supervisory and regulatory activities in the State of Israel aimed at identifying and countering illegal activities in financial markets is carried out. In the context of globalization and the increasing threats associated with financial crimes, the role of the state in ensuring financial security is becoming key. Ten major government institutions are being considered, including the Bank of Israel, the Securities Authority, the Office for Combating Money Laundering and Terrorist Financing, as well as the Israeli Police and other agencies. The functionality of each body, its powers in the field of regulation, supervision and law enforcement are detailed.

Particular attention is paid to the mechanism of interaction between various government structures to ensure a comprehensive approach to control and regulation. A key feature of the Israeli system is the clearly regulated powers of each body and their coordination to prevent systemic risks in the financial market. The study also highlights the challenges of accessing such information for Russian-speaking users, primarily due to language barriers and restrictions on Israeli government portals.

The research is based on the analysis of open normative legal sources and information presented on the websites of Israeli executive authorities. The provided material may be useful for developing similar control and oversight mechanisms in the Russian Federation, potentially contributing to the enhancement of financial security and the improvement of regulatory mechanisms.

© Гордиенко М. С., 2024

Keywords: oversight activities, financial regulation, illegal activities, Israel, Bank of Israel, Israel Securities Authority, money laundering, financial crimes, cybersecurity, government agencies

Acknowledgements: the article was prepared and funded as part of the execution of the State Assignment of the Ministry of Education and Science of Russia in the field of scientific activity № FSSW-2023-0055 «Analysis of international legislation and best foreign law enforcement practices in combating illegal activities in financial markets».

For citation: Gordienko M. S. Powers of specialized authorities in countering illegal activities in Israel's financial market. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):228–233. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-228-233>. EDN: GNKTFQ.

В условиях стагнации глобальной экономики и роста угроз, связанных с финансовыми преступлениями, важность системного подхода к регулированию и надзору в этой средекратно возрастает. В этой связи отдельный интерес представляет система контрольно-надзорной и регуляторной деятельности государства Израиль, находящегося со времен становления своей государственности в жестких внешнеэкономических и внешнеполитических условиях. В Израиле контроль и регулирование реализуются рядом ключевых государственных институтов, каждый из которых наделен особыми полномочиями и обязанностями. Авторами выделено десять основных участников процесса выявления фактов нелегальной деятельности. Исследование базировалось на изучении открытых нормативных правовых источников и доступных сайтов органов исполнительной власти Израиля, с последующим анализом представленной в них информации. Представим результаты по каждому ведомству, отраженному в табл. 1.

Важнейшим регулирующим органом в Израиле является Банк Израиля. Его полномочия по контрольно-надзорной и регуляторной деятельности для противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке изложены в нескольких статьях профильного закона [1]. Перечислим основные аспекты.

1. Полномочия Банка по регулированию финансовых организаций:

- ♦ он вправе устанавливать требования к удержанию ликвидных активов для банковских корпораций и других финансовых организаций (ст. 38);
- ♦ он может требовать предоставления финансовых отчетов и необходимой информации для контроля за ликвидностью и выполнением установленных требований.

2. Контроль над транзакциями и финансовой отчетностью. Статья 39 предоставляет Банку Израиля полномочия по запросу информации от финансовых учреждений, в частности, для надзора за сделками на международных валютных рынках. В этом случае центральный банк может запрашивать данные напрямую у финансовых организаций, если они не контролируются другими регулирующими органами.

3. Надзор за соблюдением валютных операций. Согласно ст. 52, Банк Израиля может назначить инспектора, который имеет право требовать у финансовых организаций соблюдения постановлений по валютным операциям и предотвращать нелегальную деятельность на валютных рынках.

4. Финансовая стабильность и предотвращение системных рисков. В рамках Комитета по финансовой стабильности (ст. 57б и 57г), Банк Израиля взаи-

Таблица 1

Органы исполнительной власти и сферы противодействия нелегальной деятельности в Израиле

Сфера	Орган исполнительной власти
Финансовое регулирование и надзор	1. Банк Израиля 2. Управление по ценным бумагам Израиля (ISA) 3. Управление рынком капитала, страхования и сбережений (CMISA) 4. Тель-Авивская фондовая биржа (TASE)
Безопасность и правоохранные функции	5. Полиция Израиля 6. Управление по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма (IMPA) 7. Израильское национальное кибернетическое бюро
Законодательная и юридическая деятельность	8. Кнессет 9. Генеральная прокуратура Израиля
Защита прав граждан	10. Центр защиты прав потребителей Израиля

Источник: составлено автором.

действует с Министерством финансов и другими регулирующими органами для оценки и предупреждения системных рисков. Этот комитет отвечает за мониторинг, выявление и снижение финансовых рисков, которые могут повлиять на экономику.

5. Наложение финансовых санкций при необходимости. В ст. 58 указано право Банка Израиля налагать финансовые штрафы на учреждения и лиц, нарушивших установленные законы, включая случаи, когда организации не предоставляют требуемую информацию или участвуют в запрещенных операциях (например, транзакциях с валютой).

Управление по ценным бумагам Израиля (ISA — Israel Securities Authority) наделено ключевыми полномочиями в профильной сфере [2]:

1) регулирование публикации проспектов эмиссии — управление проверяет и одобряет проспекты, которые компании публикуют для привлечения средств от инвесторов. Это позволяет обеспечить прозрачность и полное раскрытие информации для защиты интересов инвесторов;

2) контроль за деятельностью инвестиционных фондов — управление выдает разрешения на выпуск проспектов для фондов, регулирует их деятельность и проводит надзор за предоставляемой ими информацией, чтобы соблюдались требования закона о ценных бумагах;

3) мониторинг регулярной отчетности корпораций — компании обязаны представлять годовые, квартальные и срочные отчеты, и комиссия отслеживает соблюдение этой обязанности для обеспечения актуальности и достоверности информации для инвесторов;

4) надзор за предложениями по выкупу акций — предложения по выкупу акций отслеживаются комиссией для предотвращения манипуляций на рынке и защиты интересов мелких акционеров;

5) контроль за деятельностью биржи и торговых площадок — управление проверяет правомерность работы Тель-Авивской фондовой биржи, одобряет изменения в ее правилах и стандартах. Отдел мониторинга также отслеживает соблюдение стандартов надежности и эффективности биржевых расчетов и операций, а также контролирует торговые площадки с самообслуживанием;

6) лицензирование инвестиционных консультантов и управляющих активами — управление выдает лицензии, проводит экзамены, контролирует соблю-

дение профессиональных стандартов, и рассматривает вопросы дисциплинарного характера в случае нарушений;

7) проведение расследований и правоприменение — управление имеет полномочия на проведение расследований в случаях нарушений закона о ценных бумагах, манипуляций на рынке и иных финансовых преступлений. Также у нее есть административный механизм правоприменения, что позволяет налагать санкции за менее серьезные нарушения, такие как халатность.

Полномочия Управления рынком капитала, страхования и сбережений (CMISA — Capital Market, Insurance, and Savings Authority) в сфере контроля и надзора за финансовыми услугами на основе закона о надзоре за финансовыми услугами (сберегательные кассы) [3] предусматривают:

1) лицензирование и регулирование — закон требует, чтобы компании, предоставляющие торговые площадки для финансовых операций, имели лицензии. Регулятор наделен правом выдавать, аннулировать или приостанавливать лицензии таких организаций, если их деятельность нарушает установленные правила (ст. 44);

2) контроль за соблюдением стандартов управления — компании обязаны вести свою деятельность в строгом соответствии с требованиями закона, включая правила справедливости и прозрачности в операциях (ст. 44);

3) меры по защите прав клиентов — закон также предусматривает защиту клиентов от недобросовестных практик. В частности, запрещается использовать неосведомленность клиентов в целях заключения невыгодных сделок. Регулятор имеет право вводить дополнительные меры защиты, если это необходимо для обеспечения честности торговых сделок (ст. 44);

4) прозрачность отчетности и отчетные требования — закон обязывает компании предоставлять подробные отчеты и соблюдать стандарты отчетности перед регулятором. Это помогает контролировать деятельность организаций и своевременно выявлять возможные нарушения (ст. 44);

5) ограничения на коммерческую деятельность — закон ограничивает спектр деятельности компаний, чтобы они занимались исключительно лицензированной деятельностью. Это включает запрет на дополнительные виды деятельности, такие как предоставление кредита, если это не предусмотрено лицензией (ст. 44).

Тель-Авивская фондовая биржа (TASE — Tel Aviv Stock Exchange) сама не имеет контрольно-надзорных и регуляторных полномочий в сфере противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке. Управление по ценным бумагам Израиля (ISA) является государственным органом, осуществляющим непосредственный контроль за его деятельностью. Кроме того, при бирже функционируют клиринговый центр TASE; клиринговый центр Maof и номинальная компания являются дочерними предприятиями TASE. Однако фондовая биржа устанавливает внутренние правила и регламенты, касающиеся различных аспектов регулирования торговой деятельности, листинга компаний и защиты интересов участников рынка, сформированные в соответствии с требованиями законодательства и регулятора [4]. Полномочия позволяют TASE осуществлять надзор за участниками рынка и поддерживать устойчивость и прозрачность биржевой торговли в Израиле.

Полиция Израиля (Israel Police), как силовое ведомство, включается в работу уже на завершающих этапах факта незаконной деятельности на финансовом рынке. Собственно благодаря включению этого ведомства в работу широкой общественности и становится известным тот или иной эксцесс. Полномочия, предоставляемые сотруднику полиции для выполнения служебных обязанностей, включают в себя действия по [5]:

- ♦ расследование правонарушений и поимка правонарушителей;
- ♦ привлечение к ответственности обвиняемых;
- ♦ надзор и регулирование дорожного движения;
- ♦ лицензирование и управление бизнесом;
- ♦ лицензирование парадов и собраний;
- ♦ содействие в исполнении судебных решений и постановлений, выданных уполномоченными законными лицами.

На первый взгляд может сложиться мнение, что Управление по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма (IMPA — Israel Money Laundering and Terror Financing Prohibition Authority) не относится к сфере контроля за незаконной деятельностью, поскольку напрямую связано с ПОД/ФТ. Однако это не так, поскольку ведомство активно получает и обрабатывает, кроме ПОД/ФТ, и смежную финансовую информацию.

В соответствии с законом о борьбе с отмыванием денег [6] Управление уполномочено управлять базой данных, в которой будут храниться вышеуказанные отчеты, а также обрабатывать и защищать хранящуюся в ней информацию. Глава Управления уполномочен передавать информацию в соответствии с положениями закона уполномоченным органам, которые имеют право ее получать в целях реализации закона. Передача информации может осуществляться по инициативе Управления и в ответ на обоснованный запрос правоохранительных органов.

Таблица 2

Организационная структура и функции подразделений IMPA

Отдел	Основные функции
Отдел сбора и контроля информации	Сбор, контроль и классификация отчетов, обучение представителей финансового сектора
Отдел исследований и оценки	Анализ финансовой информации, помощь правоохранительным органам, систематическое изучение рисков
Юридический отдел	Юридические консультации, разработка законодательства, соответствие международным стандартам
Международный отдел	Укрепление международных позиций Израиля, сотрудничество с международными организациями
Отдел стратегии, аналитики и разведки	Анализ данных, разработка политических документов, оценка эффективности работы
Отдел вычислительной техники и технологий	Разработка и обслуживание компьютерных систем, внедрение инноваций для анализа данных
Штаб-квартира Управления	Планирование политики, управление бюджетом, взаимодействие с внешними организациями

Источник: составлено автором на основе данных сайта IMPA.

Управление может передавать информацию аналогичным органам в других странах (FIU), а также отвечать на запросы о предоставлении информации из других стран.

Организационная структура и основные функции подразделений Управления представлена в табл. 2.

Министерство юстиции оказывает Управлению содействие в сборе и подготовке предложений по необходимым законодательным поправкам на основе накопленного опыта реализации положений закона. Кроме того, Управление инициирует законодательные поправки в соответствии с рекомендациями ФАТФ и в свете международной критики, которой подвергается Государство Израиль, а также по мере необходимости.

Центр защиты прав потребителей Израиля (Consumer Protection Authority) в качестве основных полномочий проводит следующие мероприятия [7]:

1. Анализ и мониторинг потребительских рынков — орган регулярно оценивает состояние потребительского рынка, выявляя текущие тенденции и проблемы, особенно в таких секторах, как автомобильный рынок, онлайн-торговля и рекламная сфера.
2. Принудительное исполнение законодательства.
3. Формирование уведомлений и предписаний — в случае обнаружения нарушений, орган имеет право выдавать предупреждения и предписания, требуя от бизнеса устранить нарушения в определенные сроки. Также может приостанавливать деятельность, нарушающую права потребителей.
4. Защита уязвимых групп населения — орган уделяет особое внимание защите пожилых людей, людей с ограниченными возможностями и иных уязвимых групп, которые могут быть подвержены рискам мошенничества и нечестной торговой практике.
5. Обеспечение прозрачности — включает требования к бизнесам по четкому и полному информированию потребителей о цене и условиях предоставления товаров и услуг. Например, было создано обязательное требование для ритейлеров публиковать информацию о ценах и скидках на продукты.
6. Работа с жалобами потребителей — орган ведет прием и рассмотрение жалоб от населения, что позволяет ему не только реагировать на нарушения, но и выявлять общие проблемы и тенденции на рынке для дальнейших регуляторных действий.

Перечисленные полномочия позволяют органу эффективно контролировать деятельность бизнесов

на потребительском рынке, минимизировать случаи нечестной торговли и обеспечивать справедливую и прозрачную бизнес-среду в Израиле.

Израильское национальное кибернетическое бюро (Israel National Cyber Bureau) включает в себя как надзорные, так и регуляторные функции, в том числе прямую координацию с различными государственными и частными структурами для обеспечения комплексной защиты национального киберпространства и предотвращения значительных инцидентов, связанных с кибербезопасностью.

Сферу законодательной деятельности возглавляет Кнессет (парламент), имея ряд полномочий в сфере контрольно-надзорной и регуляторной деятельности, направленных на противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке.

Основные полномочия Генеральной прокуратуры государства Израиль (Attorney General of Israel) в сфере контрольно-надзорной и регуляторной деятельности делают Прокуратуру государства Израиль важным институтом для поддержания правопорядка и выполнения контроля и надзора в сфере незаконной деятельности на финансовых рынках, обеспечивая правовое сопровождение и защиту интересов государства.

Центр защиты прав потребителей Израиля (Consumer Protection Authority) является независимым внутренним государственным органом, выполняющим функции правоприменительного органа по обеспечению соблюдения положений Закона о защите прав потребителей государства Израиль.

Таким образом, исследование системы контрольно-надзорной и регуляторной деятельности в Израиле в области противодействия нелегальным практикам на финансовых рынках демонстрирует многоуровневый и структурированный подход государства. Каждый из рассматриваемых государственных органов, от Банка Израиля до Центра защиты прав потребителей, выполняет важные функции по обеспечению безопасности, прозрачности и стабильности финансового сектора.

Израильская модель регулирования строится на тесном взаимодействии различных государственных институтов, каждый из которых наделен специфическими полномочиями по контролю за определенными аспектами финансовой деятельности, будь то банковские учреждения, страховые компании или кибербезопасность рядовых пользователей. Банк Израиля

играет ключевую роль в поддержании стабильности финансового рынка, взаимодействуя с Министерством финансов и другими органами для предотвращения системных рисков. Управление по ценным бумагам Израиля и другие ведомства обеспечивают контроль за инвестиционными фондами и торговыми площадками, а полиция и прокуратура координируют борьбу с правонарушениями на финальном этапе (в случае возникновения негативного события).

Список источников

1. Закон о Банке Израиля, 577-2010 // URL://https://he.wikisource.org/wiki/קוֹחַ_קֶנֶב_לְאֶרֶץ_יִשְׂרָאֵל.
2. Управление по ценным бумагам // URL://https://he.wikipedia.org/wiki/תּוֹרֵיִן_תּוֹשֵׁר_רָרַע#cite_note-1.
3. Закон о надзоре за финансовыми услугами (фонды обеспечения), 5655-2005 // URL://https://www.nevo.co.il/law_html/law01/999_470.htm.
4. TASE Companies Rules and Regulations // URL://https://info.tase.co.il/Eng/about_tase/rulesandregulations/Pages/Companies_L.aspx.
5. О полиции Израиля. Официальный сайт // URL://https://www.gov.il/he/pages/israel_police_about.
6. Закон о запрете отмывания денег, 2000 // URL://https://www.gov.il/BlobFolder/dynamiccollectorresultitem/money_laundering_law_2000/he/legal-docs_%D7%97%D7%95%D7%A7%20%D7%90%D7%99%D7%A1%D7%95%D7%A8%20%D7%94%D7%9C%D7%91%D7%A0%D7%AA%20%D7%94%D7%95%D7%9F%20%D7%AA%D7%A9_%D7%A1-2000.pdf.

Информация об авторе

М. С. Гордиенко — профессор кафедры финансов устойчивого развития Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук, доцент.

Information about the author

M. S. Gordienko — Professor of the Department of Sustainable Development Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 20.07.2024; принята к публикации 14.08.2024.

The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 20.07.2024; accepted for publication 14.08.2024.

7. Руководство Управления по защите потребителей. 2023 // URL://https://www.gov.il/BlobFolder/reports/pfta_annual_reports/he/חודש%20החדש%202023%20סופו%20הצפהל2020.pdf.

References

1. The Law on the Bank of Israel, 577-2010 // URL://https://he.wikisource.org/wiki/קוֹחַ_לְאֶרֶץ_יִשְׂרָאֵל.
2. Management of securities // URL://https://he.wikipedia.org/wiki/תּוֹרֵיִן_תּוֹשֵׁר_רָרַע#cite_note-1.
3. The Law on Supervision of Financial Services (Security Funds), 5655-2005 // URL://https://www.nevo.co.il/law_html/law01/999_470.htm.
4. TASE Companies Rules and Regulations // URL://https://info.tase.co.il/Eng/about_tase/rulesandregulations/Pages/Companies_L.aspx.
5. About the Israeli police. Official website // URL://https://www.gov.il/he/pages/israel_police_about.
6. The Law on the Prohibition of Money Laundering, 2000 // URL://https://www.gov.il/BlobFolder/dynamiccollectorresultitem/money_laundering_law_2000/he/legal-docs_%D7%97%D7%95%D7%A7%20%D7%90%D7%99%D7%A1%D7%95%D7%A8%20%D7%94%D7%9C%D7%91%D7%A0%D7%AA%20%D7%94%D7%95%D7%9F%20%D7%AA%D7%A9_%D7%A1-2000.pdf.
7. The Management of the Consumer Protection Department. 2023 // URL://https://www.gov.il/BlobFolder/reports/pfta_annual_reports/he/חודש%20החדש%202023%20סופו%20הצפהל2020.pdf.

Научная статья

УДК 33.336

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-234-239>

EDN: <https://elibrary.ru/gqukcs>

ИПОН: 2003-0059-4/24-122

MOSURED: 77/27-003-2024-04-321

Нелегальные виды деятельности на финансовом рынке: особенности стран

Ольга Александровна Жданова

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия, zhdanova.oa@rea.ru

Аннотация. Нелегальная деятельность на финансовом рынке продолжает оставаться актуальной темой для проведения исследований, несмотря на большое количество уже написанных и опубликованных работ. Цифровизация финансового рынка породила новые виды мошеннических схем, при этом имеют место быть и ранее существовавшие. Необходим постоянный мониторинг финансового рынка с целью предотвращения нелегальной деятельности на нем, для чего требуется изучение видов нелегальной деятельности. В работе акцент сделан на финансовых пирамидах, нелегальных кредиторах, нелегальной деятельности на рынке ценных бумаг и страховом рынке, а также на инсайдерской деятельности в Азербайджанской Республике и Федеративной Республике Бразилия.

Ключевые слова: нелегальная деятельность, финансовый рынок, инсайдеры, кредиторы, страхование

Благодарности: статья подготовлена и финансируется в рамках исполнения Государственного задания Минобрнауки России в сфере научной деятельности № FSSW-2023-0055 «Анализ международного законодательства и лучших зарубежных правоприменительных практик в сфере противодействия нелегальной деятельности на финансовых рынках».

Для цитирования: Жданова О. А. Нелегальные виды деятельности на финансовом рынке: особенности стран // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 234–239. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-234-239>. EDN: GQUKCS.

Original article

Illegal activities in the financial market: features of countries

Olga A. Zhdanova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, zhdanova.oa@rea.ru

Abstract. Illegal activity in the financial market continues to be a hot topic for research, despite the large number of papers already written and published. The digitalization of the financial market has given rise to new types of fraudulent schemes, but also to pre-existing ones. Continuous monitoring of the financial market is necessary to prevent illegal activities in it, which requires a study of the types of illegal activities. This paper focuses on financial pyramids, illegal lenders, illegal activities in the securities and insurance markets, and insider trading in the Republic of Azerbaijan and the Federative Republic of Brazil.

Keywords: illegal activity, financial market, insiders, creditors, insurance

Acknowledgements: the article was prepared and financed under the State Assignment of the Ministry of Education and Science of Russia in the sphere of scientific activity № FSSW-2023-0055 «Analysis of International Legislation and Best Foreign Law Enforcement Practices in the Sphere of Counteracting Illegal Activity on Financial Markets».

For citation: Zhdanova O. A. Illegal activities in the financial market: features of countries. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):234–239. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-234-239>. EDN: GQUKCS.

Нелегальные виды деятельности на финансовом рынке встречались во все времена, в том числе и в настоящее время. С каждым годом, в соответствии с развитием разных секторов финансового рынка, появляются новые направления нелегальной деятельности, требующие анализа, систематизации, а также, в последующем, разработки рекомендаций по противодействию незаконной деятельности.

В разных странах существуют свои законы, регулирующие деятельность на финансовых рынках. В некоторых странах представлены четкие определения

незаконных видов деятельности на финансовом рынке, в других странах указываются основные признаки незаконной деятельности на финансовом рынке; в части стран отсутствуют профильные законодательные акты в части противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке, все регулируется в рамках общего законодательства. В работе будет проведено сравнение определений, сущностных характеристик, признаков нелегальных видов деятельности на финансовом рынке в Азербайджанской Республике и Федеративной Республике Бразилия. Вни-

© Жданова О. А., 2024

Азербайджанская Республика	Федеративная Республика Бразилия
• принцип обеспечения выплат: доход участникам финансовой пирамиды выплачивается за счет получаемых от новых участников финансовой пирамиды денежных средств; • создать финансовую пирамиду могут как физические, так и юридические лица; • обещание сверхвысокой доходности; • первоначальный взнос не лимитирован и может быть рассчитан как на частных инвесторов с небольшим капиталом, так и на крупных игроков рынка; • финансовые пирамиды активно переходят в онлайн среду; • агрессивная реклама; • анонимность со стороны организаторов финансовой пирамиды.	• принцип обеспечения выплат: денежные средства от вновь привлеченных в финансовую пирамиду участников какое-то время обеспечивает выплаты «старым» участникам; • обещание сверхвысокой доходности; • косвенные признаки финансовых пирамид представлены в ст. 2 и 4 Закона № 1524/1951 «О преступлениях против народного хозяйства» [1]: • «получение или попытка получения незаконных доходов во вред народу или неопределенному кругу лиц путем спекуляций или мошеннических процессов»; • «предусмотрение в договоре и получение прибыли, превышающей пятую часть текущей или справедливой стоимости сделанного или обещанного обеспечения, злоупотребляя острой необходимостью, неопытностью или легкомыслием другой стороны»; • активное внедрение цифровых валют.

Источник: составлено автором.

Рис. 1. Сравнительная характеристика финансовых пирамид в Азербайджанской Республике и Федеративной Республике Бразилия

мание будет уделено финансовым пирамидам, нелегальным кредиторам, нелегальной деятельности на рынке ценных бумаг и страховом рынке, а также инсайдерам.

Финансовые пирамиды. Финансовые пирамиды в целом распространены в большинстве стран мира, при этом в каждой стране есть свое законодательное регулирование и особенности (рис. 1).

В целом можно отметить, что общий механизм деятельности финансовых пирамид не отличается,

что подтверждается многочисленными примерами [2; 3; 4; 5; 6]. Также прослеживается тенденция перехода всех финансовых пирамид в онлайн среду, позволяющую соблюдать большую анонимность. Интересным и крайне злободневным трендом, который выявлен в Республике Бразилия, является применение в рамках создания и функционирования финансовых пирамид цифровой валюты, в том числе криптовалюты.

Нелегальные кредиторы (рис. 2). Деятельность нелегальных кредиторов крайне негативно сказывается

Азербайджанская Республика	Федеративная Республика Бразилия
• могут быть юридические или физические лица; • действуют без лицензии; • не соответствуют критериям соответствующих участников финансового рынка; • преимущественно действуют в онлайн среде; • применяют социальную инженерию; • направления деятельности: • подделка документов; • незаконные методы взыскания задолженности; • создание условий для просрочки платежей по кредитам (займам); • занижение стоимости заложенного имущества; • создание ситуаций, когда заемщик будет вынужден передать кредитору (заимодавцу) заложенное имущество; • мисселинг.	• действуют без соответствующих документов, разрешающих деятельность по кредитованию; • процентные ставки существенно выше среднерыночных; • необоснованные штрафы; • направления деятельности: • подделка документов; • введение заемщика в заблуждение; • выдача кредита лицами без документов; • выдача кредитных карт вместо дебетовых; • представление некорректной информации по графику и суммам платежей; • навязывание кредита под видом социального пособия; • «зарплатные» кредиты; • кредиты «по телефону/Интернету»; • кредиты «по одному клику»; • «инвестиционный кредит»; • фиктивное рефинансирование кредита.

Источник: составлено автором.

Рис. 2. Сравнительная характеристика нелегальных кредиторов в Азербайджанской Республике и Федеративной Республике Бразилия

Азербайджанская Республика	Федеративная Республика Бразилия
• отсутствие лицензий (разрешений); • могут заниматься как физические, так и юридические лица; • обещание высокой доходности; • осуществление денежных переводов с карты на карту между физическими лицами; • осуществление высоко рискованных вложений; • акцент на маржинальных сделках; • оформление кредитов для дальнейшего инвестирования полученных средств; • «игра» на возврат уже потерянных на финансовом рынке денежных средств; • агрессивная реклама; • «бесплатное» обучение.	• отсутствие лицензий (разрешений); • торговля поддельным ценными бумагами; • отсутствие предварительной регистрации выпуска ценных бумаг в компетентном органе; • неправомерная регистрация выпуска ценных бумаг; • отсутствие достаточного обеспечения или гарантий ценных бумаг.

Источник: составлено автором.

Рис. 3. Сравнительная характеристика нелегальной деятельности на рынке ценных бумаг в Азербайджанской Республике и Федеративной Республике Бразилия

на всем финансовом рынке, подрывая доверие физических и юридических лиц к банковским институтам, которые во многих странах являются основными, системообразующими участниками финансового рынка. Нелегальная кредитная деятельность в целом распространена в обеих рассматриваемых странах [7; 8; 9].

Можно отметить обширность направлений деятельности нелегальных кредиторов в Федеративной Республике Бразилия: представленный нелегальный бизнес в указанной стране очень развит и требует активной борьбы с ним. В Азербайджанской Республике также достаточно много направлений деятельности нелегальных кредиторов, однако они не являются столь изощренными.

Следующим направлением анализа является нелегальная деятельность на рынке ценных бумаг (рис. 3). Рынок ценных бумаг является полем для появления не только экономических субъектов, осуществляющих

нелегальную деятельность, но и финансовых инструментов, характеристики которых противоречат действующему законодательству.

В обеих рассматриваемых странах нелегальная деятельность сопряжена с низкой финансовой грамотностью населения в области выпуска и обращения ценных бумаг. Стоит отметить, что в Федеративной Республике Бразилия отдельным направлением, занимающим существенную долю рынка нелегальной деятельности на рынке ценных бумаг, является подделка документов (рис. 4).

Нелегальная деятельность на страховом рынке в целом похожа между странами. Основным направлением мошенничества и в Азербайджанской Республике, и в Федеративной Республике Бразилия является осуществление нелегальных, мошеннических сделок, связанных со страхованием автотранспортных средств.

Азербайджанская Республика	Федеративная Республика Бразилия
• отсутствие у страховщика лицензии; • могут заниматься как физические, так и юридические лица; • преобладающий вид мошенничества — поддельные страховые полисы; • оплата полиса путем перевода денежных средств на карту физического лица; • проблема утечки данных клиентов; • основное направление — страхование автотранспортных средств.	• два вида: • нелегальные страховые брокеры; • нелегальные страховые компании; • заманивание выгодными по цене предложениями; • предложение оплатить страховой полис в рассрочку; • преобладающий вид мошенничества — поддельные страховые полисы; • мошенники собирают денежные средства с клиентов и исчезают с деньгами; • основное направление — страхование автотранспортных средств.

Источник: составлено автором.

Рис. 4. Сравнительная характеристика нелегальной деятельности на страховом рынке в Азербайджанской Республике и Федеративной Республике Бразилия

Также необходимо отметить нетрадиционный вид нелегальной деятельности, имеющий место быть на страховом рынке Азербайджанской Республики: мошенничество при страховании поручительства (аналога банковской гарантии) [10].

Особое место при изучении нелегальной деятельности на финансовом рынке занимает инсайдерская деятельность. Она наиболее подробно освещена в законодательных актах и Азербайджанской Республики, и Федеративной Республики Бразилия (рис. 5).

В законодательстве обеих рассматриваемых стран представлены определения инсайдерской деятельности, а также указаны лица, которые являются инсайдерами.

В обеих странах к инсайдерской информации относится следующая информация:

- ◆ решения или информация о реорганизации;
- ◆ данные о закрытых переговорах;
- ◆ процессы, составляющие судебную тайну;
- ◆ информация о внутренних процессах в компании;
- ◆ данные финансовой отчетности компании до момента их официального опубликования.

В Федеративной Республике Бразилия выделяются первичная и вторичная инсайдерская деятельность. Первичная инсайдерская деятельность предполагает, что некое лицо естественным путем (например, в соответствии со своим служебным положением) обладает инсайдерской информацией и применяет ее в процессе торговли активами, что запрещено. Вторичная инсайдерская деятельность предполагает, что некое лицо целенаправленно или случайно получает инсайдерскую информацию от иного лица и далее использует полученные сведения в рамках торговли активами.

Четких однозначных определений финансовых пирамид, нелегальных кредиторов, нелегальной деятельности на рынке ценных бумаг, нелегальной деятельности на страховом рынке в законодательстве Азербайджанской Республики и Федеративной Республики Бразилия нет. Инсайдерской деятельности посвящено существенно больше положений нормативных правовых актов, принятых в анализируемых странах.

Отсутствие в законодательных актах четких определений рассматриваемых понятий нелегальной дея-

Азербайджанская Республика	Федеративная Республика Бразилия
• инсайдерская информация — информация, которая является нераскрытой, носит точный характер, характеризует деятельность эмитента или эмитентов ценной бумаги или ценных бумаг, конкретный производный финансовый инструмент или несколько производных финансовых инструментов, и которая в случае ее публичного обнародования может оказать влияние на стоимость ценных бумаг и производных финансовых инструментов [11, ст. 78.2]; • лица, признанные инсайдерами [11, ст. 79.1]: • члены органов и ревизионной комиссии эмитента; • бенефициарные владельцы; • лицо, имеющее возможность получить инсайдерскую информацию исходя из занимаемой им должности; • лицо, осуществляющее полномочия исполнительного органа эмитента; • лицо, прямо или косвенно владеющее долей, составляющей 10 % и более уставного капитала эмитента; • лицо, незаконно получившее инсайдерскую информацию; • лицо, имеющее возможность получить инсайдерскую информацию на основании договора или в результате выдачи эмитентом или иным инсайдером соответствующего права; • близкие родственники указанных ранее лиц.	• инсайдерская информация — информация, которая может вызывать рост или падение цен на товары, государственные ценные бумаги, ценности или заработную плату посредством предоставления фейковых новостей, проведения фиктивных операций или любых других уловок, ложных заявлений в проспектах или рекламных объявлениях с целью замены, покупки или продажи ценных бумаг [1, ст. 3]; • лица, признанные инсайдерами: • контролирующие акционеры; • управляющие компании; • директора компании; • консультанты компании; • члены наблюдательного совета • доверенные третьи лица; • члены любых органов, созданных уставом компании, в том числе выполняющие технические функции или предназначенные для консультирования управляющих.

Источник: составлено автором.

Рис. 5. Сравнительная характеристика инсайдерской деятельности в Азербайджанской Республике и Федеративной Республике Бразилия

тельности на финансовых рынках обеих стран весьма оправдано: отсутствие закрытого перечня позволяет применять меры наказания за неправомерные действия на финансовом рынке к большому количеству направлений различной деятельности.

Нелегальная деятельность на финансовом рынке подрывает финансово-экономическую систему государства, снижает объемы инвестирования [12], требует перестройки фискальной и монетарной политик [13]. Цифровизация финансового рынка, с одной стороны, способствует его развитию, но с другой, — генерирует новые виды рисков, в том числе мошеннического характера [14]. Все это требует постоянного мониторинга нелегальной деятельности на финансовом рынке, прежде всего, с целью ее предотвращения.

Список источников

1. Закон № 1524/1951 «О преступлениях против народного хозяйства».
2. МВД Азербайджана расследует деятельность пирамиды «Тост» // URL://<https://vesti.az/kriminal/mvd-azerbaidzana-rassleduet-deyatelnost-piramidy-tost-526378>.
3. В Азербайджане разоблачена финансовая пирамида // URL://<https://report.az/ru/proisshestviya/v-azerbajdzhane-razoblachena-moshennicheskaya-piramida/>
4. В Азербайджане арестованы организаторы финансовой пирамиды // URL://<https://www.meydan.tv/ru/article/v-azerbajdzhane-arestovany-organizatory-finansovoy-piramidy/>
5. Instalada na Câmara a CPI das Pirâmides Financeiras, que vai investigar o mercado de criptomoedas // URL://<https://www.camara.leg.br/noticias/971028-Instalada-Na-Camara-A-Cpi-Das-Piramides-Financeiras,-Que-Vai-Investigar-O-Mercado-De-Criptomoedas>.
6. Мошенничество с криптовалютой: узнайте, как работает финансовая пирамида // URL://<https://g1.globo.com/fantastico/noticia/2023/10/02/golpe-das-critomoe-das-veja-como-funciona-uma-piramide-financeira.ghtml>.
7. Случаи мошенничества с автокредитом // URL://<https://banker.az/avto-kreditl%C9%99r-il%C9%99-bagli-firildaqciliq-hallari/>
8. Осторожно: мошенники в соцсетях предлагают фальшивые кредиты // URL://<https://baku.ws/ru/video/ostorozhno-moshenniki-v-socetyah-predlagayut-falshivye-kredity>.
9. Оформили кредит на сумму более 700 манатов: доверчивая женщина стала жертвой мошенников //

URL://<https://media.az/society/oformili-kredit-na-summu-bolee-700-manatov-doverchivaya-zhenshina-stala-zhertvoj-moshennikov>.

10. TSB-dən saxta siyasət və sığorta firildəqçılığı xəbərdarlığı // URL://<https://sigortaliazərbaycan.com/2023/01/05/tsb-den-saxta-siyaset-ve-sigorta-firildaqciligi-xeberdarligi/>

11. Закон Азербайджанской Республики от 15 мая 2015 г. № 1284-IVQ «О рынке ценных бумаг».

12. Охотский А. И., Чуйкова Н. М. Проблемы существования организаций, созданных без намерения ведения реальной хозяйственной деятельности, с позиции финансовой и экономической безопасности государства // Вопросы экономики и права. 2024. № 188. С. 87–96.

13. Гордиенко М. С. Бюджетно-налоговая политика России: генезис, оценка качества. М. : Русайнс, 2024.

14. Свечников С. Н., Плясова С. В. Управление рисками участников цифрового финансового рынка // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № S3.

References

1. Law No. 1524/1951 «On crimes against the national economy».
2. The Ministry of Internal Affairs of Azerbaijan is investigating the activities of the pyramid «Toast» // URL://<https://vesti.az/criminal/mvd-azerbaidzana-rassleduet-deyatelnost-piramidy-tost-526378>.
3. A financial pyramid has been exposed in Azerbaijan // URL://<https://report.az/en/proisshestviya/v-azerbajdzhane-razoblachena-moshennicheskaya-piramida/>
4. Organizers of a financial pyramid scheme have been arrested in Azerbaijan // URL://<https://www.meydan.tv/ru/article/v-azerbaijan-arestovany-organization-finansovoy-piramidy/>
5. Instalada na Câmara a CPI das Pirâmides Financeiras, que vai investigar o mercado de criptomoedas // URL://<https://www.camara.leg.br/noticias/971028-Instalada-Na-Camara-A-Cpi-Das-Piramides-Financeiras,-Que-Vai-Investigar-O-Mercado-De-Criptomoedas>.
6. Cryptocurrency Fraud: Find out How a Pyramid scheme Works // URL://<https://g1.globo.com/fantastico/noticia/2023/10/02/golpe-das-critomoe-das-veja-como-funciona-uma-piramide-financeira.ghtml>.
7. Cases of car loan fraud // URL://<https://banker.az/avto-kreditl%C9%99r-il%C9%99-bagli-firildaqciliq-hallari/>

8. Beware: scammers on social networks offer fake loans // URL://<https://baku.ws/ru/video/ostorozhno-moshenniki-v-socsetyah-predlagayut-falshivye-kredit>.

9. We issued a loan in the amount of more than 700 manats: a gullible woman became a victim of fraudsters // URL://<https://media.az/society/oformili-kredit-na-summu-bolee-700-manatov-doverchivaya-zhenshina-stala-zhertvoj-moshennikov>.

10. TSB-dən saxta siyasət və sığorta firildəqçılığı xəbərdarlığı // URL://<https://sigortaliazerbaijan.com/2023/01/05/tsb-den-saxta-siyaset-ve-sigorta-firildaqci-ligi-xeberdarligi/>

11. Law of the Republic of Azerbaijan dated May 15, 2015 No. 1284-IVQ «On the Securities Market».

12. Okhotsky A. I., Chuikova N. M. Problems of the existence of organizations created without the intention of conducting real economic activity from the perspective of financial and economic security of the state // Economic and legal issues. 2024. No. 188. P. 87–96.

13. Gordienko M. S. Budgetary and tax policy of Russia: genesis, quality assessment. M. : Rusains, 2024.

14. Svechnikov S. N., Plyasova S. V. Risk management of digital financial market participants // Bulletin of Eurasian Science. 2023. vol. 15. No. S3.

Информация об авторе

О. А. Жданова — доцент кафедры финансов устойчивого развития Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

O. A. Zhdanova — Associate Professor of the Department of Sustainable Development Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 23.07.2024; принята к публикации 14.08.2024.
The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 23.07.2024; accepted for publication 14.08.2024.

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Учебник. 351 с.

Гриф НИИ образования и науки

Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник» Гриф

МНИЦ Судебной экспертизы и исследований

А. В. Минаков

Обобщен теоретический и методологический материал для всестороннего системного представления об истории экономических учений. Учебник состоит из десяти глав, каждая из которых посвящена определённому направлению экономического знания, приобретаемого научным миром на конкретный момент времени, в рамках конкретной исторической эпохи (эпох).

Раскрыты предпосылки, основные концептуальные положения, а также причины потери лидерства среди представителей экономического сообщества каждой конкретной экономической школы, ученого или мыслителя. Рассмотрены ключевые особенности развития российской экономической мысли. Теоретические вопросы иллюстрируются историческим фактологическим материалом, а также примерами из реальной практики экономического развития.

А.В. Минаков

История экономических учений

УЧЕБНИК

Научная статья

УДК 338:339.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-240-246>

EDN: <https://elibrary.ru/gtpkah>

ИПОН: 2003-0059-4/24-123

MOSURED: 77/27-003-2024-04-322

Кадровый потенциал как основа экономической безопасности государства

Ася Аслановна Кушкова

Министерство внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия, kushkhova_mvd@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы состояния кадрового потенциала Российской Федерации как базиса для обеспечения национальной экономической безопасности. Особое внимание уделяется аспектам качественной перестройки рынка труда, который требует специалистов новых компетенций, актуальных для построения экономики и социальной сферы нового поколения. Среди проблем в данной области нельзя выделить какие-то ключевые и наиболее «болезненные» для российского общества; интегрированный характер факторов, влияющих на процессы формирования и развития кадрового потенциала требует аналогичного подхода в части поиска комплексных подходов и решений.

Ключевые слова: кадровый потенциал, экономическая безопасность, миграция, информационные технологии, рынок труда, социальная сфера, национальная экономика

Для цитирования: Кушкова А. А. Кадровый потенциал как основа экономической безопасности государства // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 240–246. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-240-246>. EDN: GTPKAN.

Original article

Human resource potential as a basis for economic security of the state

Asya A. Kushkhova

Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, kushkhova_mvd@mail.ru

Abstract. The issues of the state of the human resources potential of the Russian Federation as a basis for ensuring national economic security are considered. Special attention is paid to the aspects of qualitative restructuring of the labor market, which requires specialists with new competencies relevant to building the economy and social sphere of a new generation. Among the problems in this area, it is impossible to single out any key and most «painful» for Russian society: The integrated nature of the factors influencing the processes of formation and development of human resources requires a similar approach in terms of finding integrated approaches and solutions.

Keywords: human resources, economic security, migration, information technology, labor market, social sphere, national economy

For citation: Kushkhova A. A. Human resource potential as a basis for economic security of the state. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):240–246. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-240-246>. EDN: GTPKAN.

Экономическая безопасность, как интегральное понятие, представляет собой «смысловую совокупность» терминов, которые в разные времена и в разных социально-экономических условиях предлагают деятели науки, экономики, истории и проч., и включает в себя спектр ресурсов, отношений и состояний, которые обеспечивают максимальную реализацию потенциала региона в тех или иных условиях, а также устойчивое развитие социально-экономического состояния региона. Экономическая безопасность регионов обеспечивает во многом национальную безопасность государства, поскольку создает такой формат хозяйствования экономических субъ-

ектов, граждан, политических структур и социальных объектов, который способен сформировать необходимые условия для отражения внешних угроз и усиления внутренних ресурсных состояний.

В свою очередь, должный уровень обеспеченности и состоятельности экономической безопасности достигается, в первую очередь, за счет кадровой составляющей, которая определяется:

а) характером человеческого потенциала региона/государства, условий и уровня его развития, подходами к его использованию и воспроизводству;

б) миграционной политикой региона/государства, которая также выступает как фактор влияния на

© Кушкова А. А., 2024

процессы управления внутренним кадровым потенциалом региона/государства, так и инструментом формирования человеческого потенциала в целом.

При этом также можно выделить отдельные процессы, характерные для бизнес-среды, социальные явления и внутренние/ внешние политические процессы, которые также участвуют в обеспечении кадрового потенциала, являясь предметом или субъектом формирования экономической безопасности региона или государства.

Кадровый потенциал государства также можно рассматривать как понятие интегральное. На наш взгляд, в него стоит включать не только совокупность непосредственно человеческих ресурсов, которые представляют собой определенную ценность за счет необходимых на текущий момент для развития страны компетенций, опыта, знаний, навыков, а также способностей их реализовать на практике, но также:

- ♦ совокупность условий, создаваемых государством для формирования и развития кадрового потенциала: от образовательной среды до инструментов поддержки бизнес-субъектов и, в целом, экономики, социальной сферы, уровень технологического потенциала (в том числе, миграционная политика);

- ♦ совокупность взаимоотношений в правовой, социальной, политической, экономической и прочих направлениях внутренней и внешней среды, обеспечивающих динамические процессы формирования и развития кадрового потенциала;

- ♦ совокупность базовых характеристик региона с точки зрения зарождения кадрового потенциала в контексте демографических процессов, исторических аспектов, национальных и культурных факторов и др.

Соответственно, факторами влияния в предметной области являются экономические, демографические, социальные, технико-технологические и прочие факторы. Но если уйти от «размытых» формулировок к более конкретизированным аспектам, то среди параметров, непосредственно влияющим на становление кадрового ресурса конкретного региона/ государства, можно выделить следующие:

- ♦ уровень обеспеченности кадрами предприятий, объектов социальной сферы и прочих субъектов, которые так или иначе принимают участие в развитии экономики региона;

- ♦ степень соответствия данной совокупности кадровых ресурсов внутренним и внешним требованиям. Здесь речь идет о потребностях конкретных пред-

приятий или прочих объектов (потребность в заполнении вакансий, требования к компетенциям и др.), а также о требованиях внешней среды компаний — рынка, социальной сферы, государства и т. д., по отношению к кадрам. Иными словами, это оптимальное сочетание количества и качества ресурсов;

- ♦ эффективность системы воспроизводства и подготовки кадров как на уровне государственных и муниципальных программ и инструментов, так и на уровне отдельных субъектов социально-экономической сферы.

В России в мае 2024 г. Президентом РФ подписан Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [1]. Среди прочих ключевых ориентиров развития выделены такие направления, как «устойчивая и динамичная экономика», «цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы», повышение суммарного коэффициента рождаемости и увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни, эффективной системы подготовки для приоритетных отраслей экономики. А также прочие направления, которые также ориентированы (прямо или косвенно) на повышение качества человеческого и кадрового потенциала страны. Соответственно, именно кадровый потенциал во многом определяет безопасность и устойчивость развития государства, обеспечивая, в первую очередь, эффективное использование доступных ресурсов и возможностей в приоритетных направлениях социально-экономической сферы [4, с. 155–156]. При этом за последние годы можно отметить негативные тенденции показателей естественного движения населения в РФ, несмотря на некоторое улучшение ситуации за 2023 г. (рис. 1).

Несмотря на то, что ситуация с безработицей несколько «выравнивается», доля трудоспособного населения за последнее десятилетие уверенно снижается (рис. 2), и тенденция сохранится на ближайшую декаду, как минимум.

Отдельно стоит отметить сокращение занятых в сфере промышленности (с 27,6 % в 2014 г. до 26,3 % в 2022 г.) и сельском хозяйстве (с 6,7 % в 2014 г. до 5,8 % в 2022 г.), при этом, отмечается рост занятых в сфере услуг (с 65,7 до 67,9 % за аналогичный период) [12]. Это свидетельствует о смещении востребованности персонала в разрезе отраслей: прежде всего, речь идет о вытеснении человеческого труда в обла-

Рис. 1. Показатели естественного движения населения РФ: общая численность населения (2014–2024 гг.), млн чел., в разрезе городского и сельского населения, и естественный прирост (2017–2023 гг.), тыс. чел. [8; 9; 10]

стях, подверженных активной цифровизации и автоматизации, где частично или полностью возможна роботизация труда и/или упразднение ряда функций.

В частности, ИТ-отрасль является одной из наиболее динамично растущих и лидирующей по темпу роста объема реализации собственных услуг и продуктов (среди крупных отраслей экономики) [11].

Также в настоящее время реализуется инициированный распоряжением Правительства РФ Федеральный проект «Развитие кадрового потенциала ИТ-

отрасли» (в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»), ориентированный на обеспечение возможностей для формирования цифровых компетенций, актуальных для рынка труда [2]. Кадровая потребность в ИТ-отрасли непрерывно возрастает, о чем свидетельствуют такие показатели, как рост количества занятых в отрасли и средний уровень заработной платы (рис. 3). Таким образом, можно сделать вывод о том, что преодоление негативных тенденций на отечественном рынке труда лежит не только в плоскости традиционного

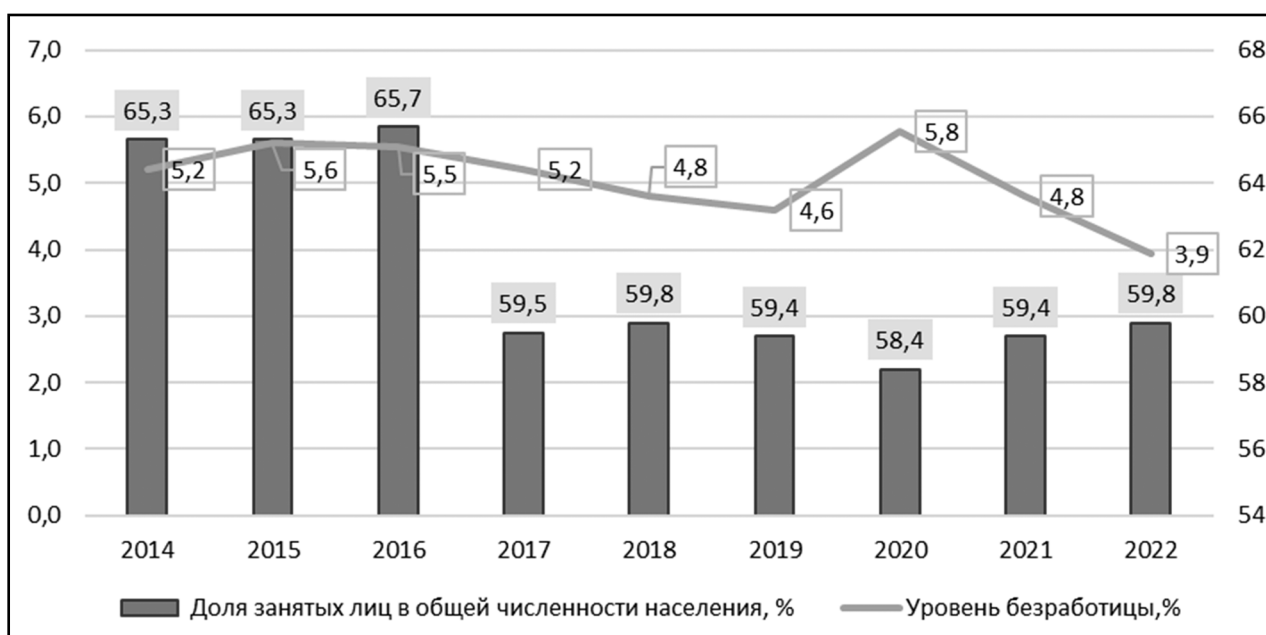

Рис. 2. Состояние рынка труда в РФ, 2014–2022 гг. [12; 14]

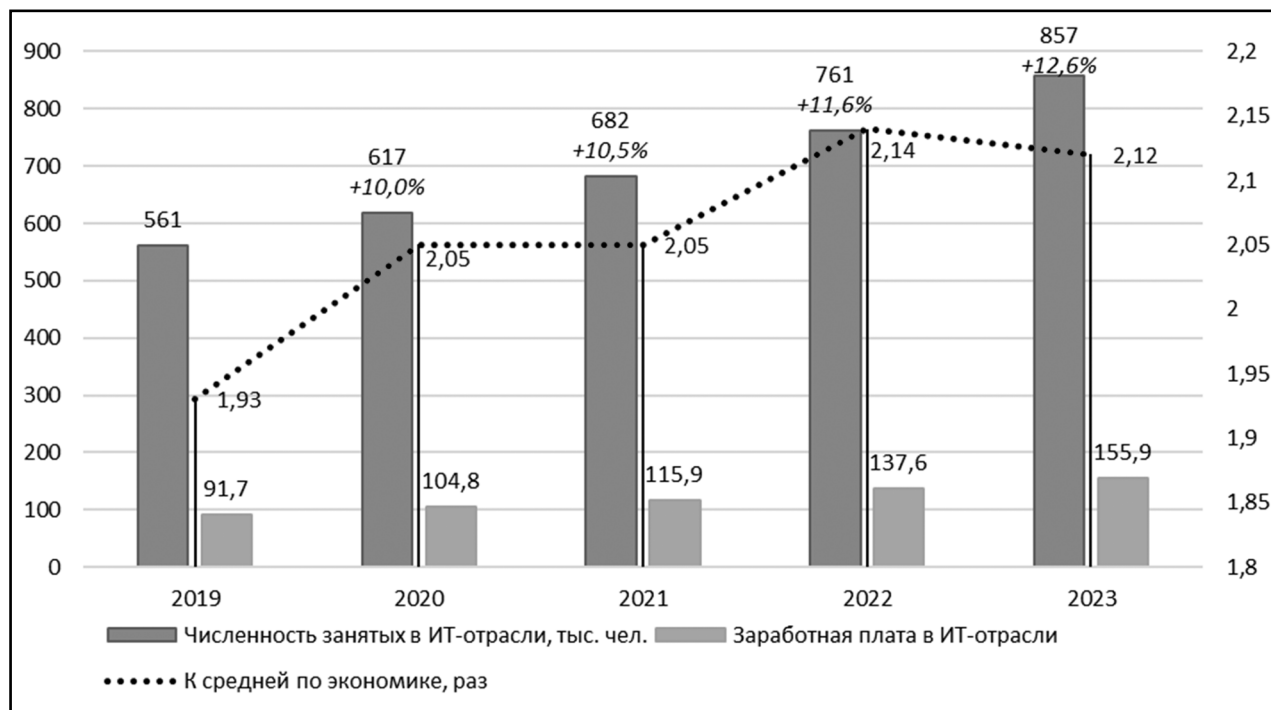

Рис. 3. Ситуация на рынке труда в ИТ-отрасли [5, с. 3]

инструментария улучшения демографических показателей и регулирующих «рычагов» в области миграционной политики. Проблема повышения экономической безопасности государства в контексте улучшения качества кадрового потенциала сопряжена с решением стратегических задач для бизнеса, социальной сферы и других общегосударственных областей развития именно на системном уровне.

Сокращение численности населения характерно как для Российской Федерации, так и для других европейских и азиатских стран: важно понимать, что решить демографические проблемы на коротком отрезке времени и в отрыве поиска новых подходов к развитию экономики не получится. Напряженность на рынке труда, вызванная ростом демографической нагрузки и влиянием внешних факторов, приводят к развитию новых форм трудоустройства [6]. В первую очередь, это развитие удаленных форматов работы, которые получили особенную популярность в период пандемии COVID-19. Несмотря на некоторые сложности и риски, которые существуют в этом случае, работодатели и, в первую очередь, работники, во многом заинтересованы в подобной организации труда [7, с. 53], во многом получая различные виды экономии ресурсов. Учитывая, что функционал работников ручного труда постепенно сокращается, закономерно снижается спрос в отношении данной категории работников, и растет востребованность специалистов, чей труд

в большей степени «интеллектуализирован» и имеет высокую добавочную стоимость [7, с. 47].

Еще один немаловажный момент, с учетом текущей тенденции старения населения, — борьба компаний за молодых специалистов и сложности удержания их в корпоративных структурах. Для молодых специалистов актуальны иные подходы в организации труда, вертикальная карьера все реже имеет для них ценность, меняются мотивационные профили среднего работника, появляются новые требования и запросы, которым далеко не всегда способны соответствовать довольно архаичные структуры корпораций [6]. Возвращаясь к вопросу реализации Федерального проекта «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли», нужно отметить, что недопустим формальный подход к организации запланированных в рамках проекта мероприятий, особенно с учетом острой потребности современных предприятий в ИТ-специалистах, востребованность которых возрастает буквально в каждом направлении работы субъектов социальной и экономической сферы.

При этом реализуемая в РФ политика миграции, которая частично призвана решить вопросы количественного и качественного характера развития кадрового потенциала, очевидно не справляется с поставленными задачами. Во-первых, на сегодняшний день усиливаются ограничительные меры для мигрантов, которые касаются, в частности, ограничений

на трудоустройство (в том числе, квотирование), усиления контроля за прибывшими. За 2022–2023 гг. было достигнуто практически рекордное снижение показателей прибывающих граждан в РФ (рис. 4).

Однако, ввиду погрешности статистики, которая ведется Росстатом и ФСБ, невозможно точно оценить характер трудовой миграции: сколько раз гражданин въехал на территорию РФ, с какой конкретно целью и для какого именно характера трудоустройства, сколько времени провел на территории РФ и т. д. Соответственно, невозможно достоверно оценить истинный вклад приезжих в развитие экономики регионов именно с точки зрения формирования качества кадрового потенциала [3]. Во-вторых, на фоне частичной мобилизации резко изменились показатели оттока россиян в страны ближнего зарубежья, а также страны Центральной и Южной Америки, Турцию, ОАЭ и др. Очевидно, что речь идет, в первую очередь, о высококвалифицированных специалистах, труд которых имеет высокую добавленную стоимость, а его специфика связана с отсутствием привязки к конкретной локализации, что снимает многие ограничения для эмигрантов.

В таких условиях можно говорить о несостоятельности миграционной политики, которая по-прежнему оперирует лишь довольно «топорным» инструментарием, направленным на создание жестких ограничений, которые носят, как правило, достаточно временный характер.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

♦ российская экономическая и социальная сфера находятся в начале пути кардинальных преобразова-

ний, актуализированных трансформацией внешней и внутренней среды государства, обусловленных закономерными этапами развития общества и вмешательством слабо прогнозируемых явлений. Кадровый потенциал РФ требует довольно кардинальных мер, направленных на его улучшение с точки зрения количественной оценки и качественных характеристик. Демографические процессы ожидаемо прогнозируются в негативном ключе, в связи с чем необходим поиск новых стратегических и системных инструментов влияния;

♦ настоящая миграционная политика РФ не справляется с решением задач роста демографической нагрузки и не способна привести к улучшению показателей качества кадрового потенциала государства. Соответственно, это создает дополнительные угрозы для экономической безопасности страны, поскольку регулирование миграционных потоков, в том числе, ограничение «утечки умов» за рубеж, требует значительных финансовых, интеллектуальных и прочих ресурсов;

♦ рынок труда России, вслед за международным рынком, кардинально перестраивается, что влечет необходимость трансформации текущих подходов к воспроизводству и подготовке кадров. На сегодняшний день в РФ инициирован ряд проектов, направленных на развитие цифровых компетенций всех категорий кадров, однако важно обеспечить качественную «сцепку» проектных механизмов с инструментами кадрового развития корпораций на локальном уровне, а также их грамотную интеграцию в механизмы организации структур социальной сферы.

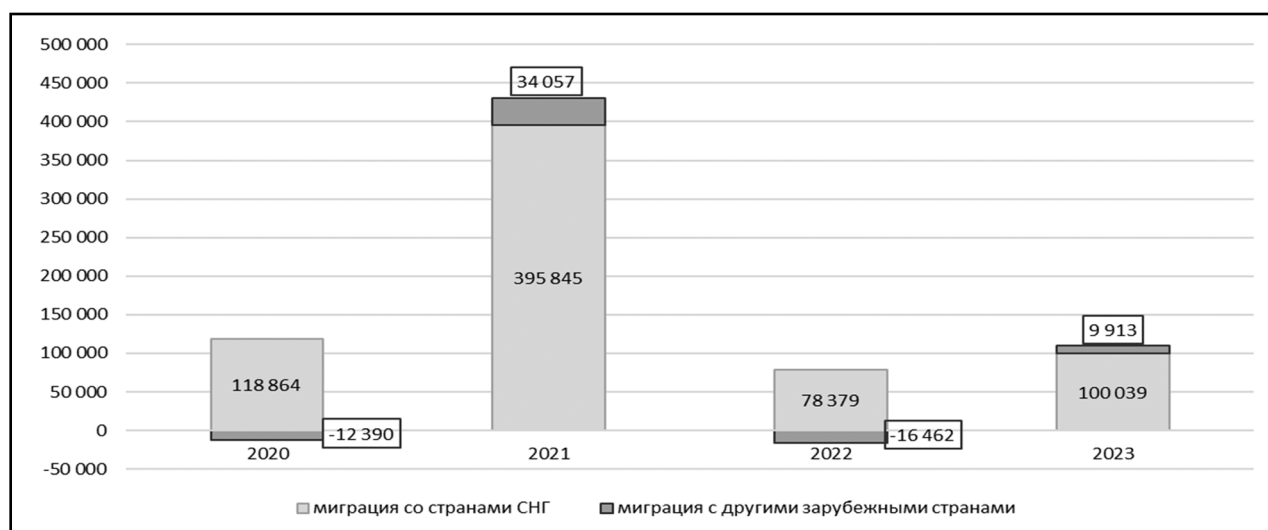

Рис. 4. Статистика по международной миграции в РФ, чел. [13]

Список источников

1. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Распоряжение Правительства РФ от 6 октября 2021 г. № 2816-р (ред. от 4 мая 2024 г.) «Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития РФ до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Архипова Н. И., Васютина Е. С., Чавыкина М. А. Миграционные процессы: проблемы и решения // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2023. № 4. С. 8–25.
4. Архипова Н. И., Назайкинский С. В. Кадровый потенциал российской экономики: угрозы и возможности // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 4. Ч. 2. С. 154–165.
5. ИТ-отрасль: ключевые показатели 2019–2023 // Институт статистических исследований и экономики знаний // URL://https://issek.hse.ru/news/912948511.html.
6. Как демографические проблемы влияют на работу с кадрами в российском бизнесе? // «Кепт» // URL://https://mustread.kept.ru/opinions/kak-demograficheskie-problemy-vliyayut-na-rabotu-s-kadrami-v-rossiyskom-biznese/
7. Минченкова О. Ю., Федоров А. С., Минченкова А. М., Федорова Н. В. Преимущества и риски новых форм занятости в условиях применения ИТ-технологий // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2023. № 1. С. 43–55.
8. Темпы сокращения численности населения РФ замедлились // Коммерсантъ // URL://https://www.kommersant.ru/doc/6478260.
9. Демография. Раздел официальной статистики на интернет-портале Федеральной службы государственной статистики // URL://https://rosstat.gov.ru/folder/12781.
10. Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики // URL://https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_12-2023.html.
11. Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации // URL://https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1085/
12. Рынок труда, занятость и заработная плата. Раздел официальной статистики на интернет-портале

**ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

Учебное пособие
Гриф НИИ образования и науки
Гриф МУМЦ
«Профессиональный учебник»
Г. Я. Остаев, Б. Н. Хосиев,
Н. Д. Эриашвили

**ОСНОВЫ
СУДЕБНОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕРТИЗЫ**

Исследованы направления развития теории и методики судебной экономической экспертизы. В пособие включены также тестовые вопросы и задачи ситуационного характера.

Для магистров, аспирантов, преподавателей экономических специальностей, а также аудиторов, экспертов, экономистов, бухгалтеров и финансовых менеджеров организаций.

тале Федеральной службы государственной статистики // URL://https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries.

13. Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики // URL://<https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>.

14. Численность населения по отдельным возрастным группам // Федеральная служба государственной статистики // URL://https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn3.htm.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2024 No. 309 «On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036» // LRS «ConsultantPlus».

2. Decree of the Government of the Russian Federation dated October 6, 2021 No. 2816-r (ed. dated May 4, 2024) «On approval of the list of initiatives for the socioeconomic development of the Russian Federation until 2030» // LRS «ConsultantPlus».

3. Arkhipova N. I., Vasyutina E. S., Chavykina M. A. Migration processes: problems and solutions // Bulletin of the Russian State University. The series «Economics. Management. The right». 2023. No. 4. P. 8–25.

4. Arkhipova N. I., Nazaikinsky S. V. Human resources potential of the Russian economy: threats and opportunities // Bulletin of the Russian State University. The series «Economics. Management. The right». 2019. No. 4. Part 2. P. 154–165.

5. IT industry: key indicators 2019-2023 // Institute of Statistical Research and Economics of Knowledge // URL://<https://issek.hse.ru/news/912948511.html>.

6. How do demographic problems affect HR management in Russian business? // «Kept» // URL://<https://muread.kept.ru/opinions/kak-demograficheskie-problemy-vliyayut-na-rabotu-s-kadrami-v-rossiyskom-biznese/>

7. Minchenkova O. Yu., Fedorov A. S., Minchenkova A. M., Fedorova N. V. Advantages and risks of new forms of employment in the conditions of application of IT technologies // Bulletin of the Russian State University. The series «Economics. Management. The right». 2023. No. 1. P. 43–55.

8. The pace of population decline in the Russian Federation has slowed down // Kommersant // URL://<https://www.kommersant.ru/doc/6478260>.

9. Demography. The official statistics section on the Internet portal of the Federal State Statistics Service // URL://<https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.

10. The natural movement of the population in the context of the subjects of the Russian Federation // Federal State Statistics Service // URL://https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_12-2023.html.

11. Development of human resources in the IT industry // Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation // URL://<https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1085/>

12. The labor market, employment and wages. The official statistics section on the Internet portal of the Federal State Statistics Service // URL://https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries.

13. The number and migration of the population of the Russian Federation // Federal State Statistics Service // URL://<https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>.

14. Population by individual age groups // Federal State Statistics Service // URL://https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn3.htm.

Информация об авторе

А. А. Кушхова — начальник отдела обеспечения бюджетных инвестиций и обоснования бюджетных ассигнований управления финансового обеспечения государственного оборонного заказа и бюджетных инвестиций Департамента по материально-техническому и медицинскому обеспечению МВД России, кандидат экономических наук.

Information about the author

A. A. Kushkhova — Head of the Division for Budget Investment and Justification of Budget Allocations of the Department for Financial Support of the State Defense Order and Budget Investments of the Department of Material, Technical and Medical Support of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 23.07.2024; принята к публикации 14.08.2024.

The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 23.07.2024; accepted for publication 14.08.2024.

Научная статья

УДК 338.2

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-247-255>EDN: <https://elibrary.ru/hrjaqi>NIION: 2003-0059-4/24-124
MOSURED: 77/27-003-2024-04-323

Понятийность как основа единства и дифференциации процесса управления интеллектуальной собственностью

Юлия Александровна Лозина

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, 1612ulia.l@mail.ru

Аннотация. Проводится соотношение понятий «потенциал» и «капитал» — категорий, лежащих в основе процесса управления интеллектуальной собственностью. Его рамки в настоящее время расширены до формирования неявных знаний, которые невозможно отделить от личности и организации, а, следовательно, осуществить их полную оценку и охрану в качестве объекта интеллектуальной собственности. Анализ и синтез научных данных о потенциале и капитале позволил заключить, что в основе эффективного развития каждого из них лежат способности субъекта. И одновременно о том, что понятие «потенциал» шире «капитала», поскольку включает неявные и неиспользуемые знания, которые создают возможности и развивают способности человека как внутри организации, так и вне ее. Выделяются виды человеческого потенциала по признаку способности индивида генерировать инновации. Делается вывод о том, что в процессе управления именно научный и инновационный потенциалы субъекта эффективно преобразовывать в интеллектуальный капитал организации. Показаны риски вложения ресурсов организации в человеческий капитал.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал организации, интеллектуальный потенциал организации, интеллектуальная собственность, нематериальные активы, управление интеллектуальной собственностью, человеческий капитал, человеческий потенциал

Для цитирования: Лозина Ю. А. Понятийность как основа единства и дифференциации процесса управления интеллектуальной собственностью // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 247–255. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-247-255>. EDN: HRJAQI.

Original article

Conceptuality as the basis for the unity and differentiation of the intellectual property management process

Yuliya A. Lozina

Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russia, 1612ulia.l@mail.ru

Abstract. The correlation of the concepts of «potential» and «capital» — the categories underlying the process of intellectual property management — is carried out. Its scope has now been expanded to the formation of implicit knowledge, which cannot be separated from the individual and the organization, and, consequently, to carry out their full assessment and protection as an object of intellectual property. The analysis and synthesis of scientific data on potential and capital allowed us to conclude that the effective development of each of them is based on the abilities of the subject. And at the same time that the concept of «potential» is broader than «capital», since it includes implicit and unused knowledge that creates opportunities and develops human abilities both inside and outside the organization. The types of human potential are distinguished on the basis of an individual's ability to generate innovations. It is concluded that in the process of management, it is the scientific and innovative potentials of the subject that are effectively transformed into the intellectual capital of the organization. The risks of investing the organization's resources in human capital are shown.

Keywords: intellectual capital of the organization, intellectual potential of the organization, intellectual property, intangible assets, intellectual property management, human capital, human potential

For citation: Lozina Yu. A. Conceptuality as the basis for the unity and differentiation of the intellectual property management process. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):247–255. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-247-255>. EDN: HRJAQI.

Управление интеллектуальной собственностью в настоящее время рассматривается не только как сложный процесс, включающий в себя этапы ее оценки, охраны и защиты, фиксации в качестве нематериальных активов, но и как процесс формирования новых знаний с их последующей трансформацией в инновации.

В современных условиях быстрых технических достижений, когда компании активно используют человеческий капитал, позволяющий иметь бизнес без физического присутствия, расширяясь за счет возможностей сети Интернет, «эффект экономии от масштаба» [1] может оказывать серьезные последствия на конкуренцию, внутреннюю политику государств

© Лозина Ю. А., 2024

[2], его способность регулировать деятельность компании нормами трудового, налогового, гражданского права. На рынке труда идет процесс увеличения доли креативного труда [3], выявляются проблемы амортизации человеческого капитала в высокотехнологичных производствах [4].

В рамках проводимых исследований, доказывающих важность человеческих способностей как главного элемента в формировании интеллектуального потенциала организаций и его интеллектуальной собственности, научное сообщество и бизнес до сих пор однозначно не определились в основных понятиях, позволяющих охарактеризовать и оценить такие фундаментальные категории, как «потенциал» и «капитал».

В основе обеих дефиниций лежат получаемые человеком знания, формирующие способности людей генерировать инновации. Знания являются сложным элементом в цепочке: способности людей — научные разработки — интеллектуальный капитал организации. Они — центральный объект взаимодействия авторов и правообладателей, поскольку могут создавать прибыль и влиять на конкурентоспособность организации.

Понятия капитал и потенциал — фундаментальные категории, используемые наукой для объяснения происходящих в мире процессов и явлений. При этом под потенциалом еще автор «Метафизики» Аристотель понимал способность вещи в развитии менять свой настоящий статус с помощью имеющихся возможностей [5].

Оценка потенциала человека начинается с распознавания его способностей, вложения ресурсов в их развитие с помощью экспертов и обстановки, соответствующей потенциалу. Умение распознать и оценить потенциал — сложная задача, решаемая самостоятельно индивидом или организацией, которая прилагает немало усилий для его развития.

Потенциал как объект научного исследования

В научной среде выделяют следующие виды потенциалов: человеческий [6]; исследовательский [7] и научно-исследовательский [8]; творческий [9]; инновационный [10]; эстетический [11]; педагогический [12]; интеграционный [13]; адаптационный [14]; коммуникативный [15]; кадровый [16] (трудовой); воспитательный [17]; просветительный, корпоративной культуры [18]; ресурсный [19]; дидактический [20];

методический [21]; библиотечный [22]; инфраструктурный [23; 39].

Перечисленные виды потенциала характеризуют внутренние человеческие способности, либо его взаимодействие с обществом или представляют те ресурсы, которые будут способствовать развитию личности и вместе с ней организации в приросте потенциала. Однако они не меняют его сути. Развитие способностей человека внутри организации при наличии материальных ресурсов может быть ограничено только внутренними способностями личности.

В интеллектуальном потенциале субъекта можно выделить виды по критерию зависимости от способности человека превращать знания с помощью творческих способностей в инновации:

- ♦ творческий — способности к определенному виду или видам деятельности. Например, педагогические, воспитательные и т. д. Данный вид способностей не предполагает желание индивида заниматься исследовательской и научной деятельностью.

- ♦ исследовательский — способность длительное время заниматься изучением какого-либо явления, процесса или объекта и делать выводы.

- ♦ научный — способность заниматься научной деятельностью в определенной узкой сфере, потенциал исследовательской деятельности [24], умение делать выводы, оформлять их в публикации, имеющие уровень новизны.

- ♦ инновационный — способность преобразовывать результаты научной деятельности в инновации, находить им практическое применение. Формирование тех или иных способностей должно привести к увеличению инновационного потенциала [25]. С позиции автора инновационный потенциал субъекта, как часть потенциала интеллектуального, является самым востребованным для организации, поскольку именно он преобразовывает знания в инновации.

Научный и инновационный потенциалы субъекта, как самые востребованные для организации, формируют ее интеллектуальный капитал. Рассмотрим понятие «капитал» подробнее.

Капитал субъекта как потенциал, приносящий прибыль организации

Капитал — «главный, основной» — с позиции К. Маркса отличается «самовозрастающей стойкостью» [26, с. 5–15]. Применительно к этому капиталу научного потенциала организации является

совокупность доходов, которые получает организация в процессе его производства и использования.

Виды капитала организации, предлагаемые учеными: человеческий [27, с. 161]; интеллектуальный [28]; креативный [29]; научный [30]; репутационный [31]; социальный [32]; клиентский [33]; психологический [34] и др.

Таким образом, предлагаемые авторами виды капитала в общем или частном плане характеризуют те способности субъекта, которые нуждаются в дальнейшем развитии и/или имеют недостатки, отражающиеся в целом на интеллектуальном капитале организации. Необходимо отметить, что с точки

зрения развития способностей отдельного субъекта авторами рассматриваются научный и инновационный капитал.

В совокупности капитал и потенциал внутри организации представлен на рис. 1.

Анализируя имеющиеся дефиниции потенциала и капитала, следует констатировать, что потенциал шире, чем капитал, поскольку включает неиспользуемые способности и знания. Отметим, что уровень интеллектуальных способностей субъекта не означает наличия такого же уровня навыков по их применению. Научный потенциал субъекта может быть реализован без интеллектуального потенциала организации.

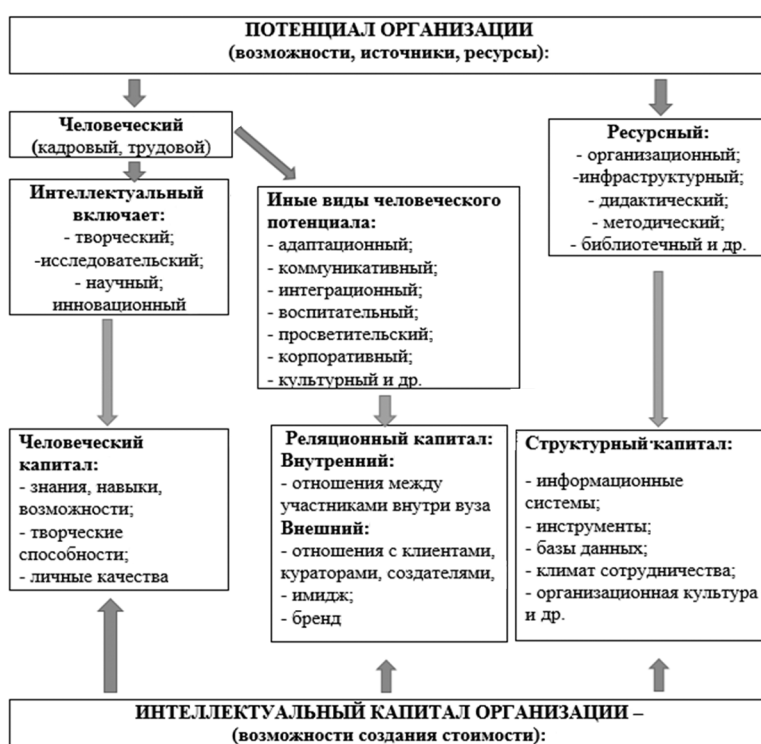

Рис. 1. Потенциал и капитал организации

Соотношение человеческого капитала и интеллектуального капитала организации

Рассмотрим человеческий капитал внутри организации. Он основан на компетенциях, способностях и опыте людей [35], формируется в течение всей жизни субъекта и не только организацией-работодателем. В связи с этим человеческий капитал относительно его самого шире капитала организации, которая может включать в себя множество единиц человеческого капитала, может их дополнять и объединять для достижения определенных научных целей. Именно поэтому человеческий капитал внутри организации, как совокупность способностей отдельных

единиц, перспективнее человеческого капитала отдельного субъекта, если речь не идет о таланте.

Среди особенностей человеческого капитала внутри организации можно выделить:

- ♦ неотделимость от личности, которая позволяет использовать его только вместе с человеком;
- ♦ невозможность полностью оценить его как материальную вещь, отсюда следует проблема и в определении его потенциала;
- ♦ способность повышать эффективность деятельности, а доход от него может принимать как денежную, так и не денежную форму [36]. Это, например, организационный капитал и неявные знания;

♦ неполная принадлежность организации — в этом состоит риск человеческого капитала для юридического лица (так же как научный потенциал);

♦ неразрывность существования с человеческим потенциалом как индивидуальным комплексом врожденных качеств, обуславливающих его способности и возможности на протяжении жизни [37];

♦ возможность разделить на интеллектуальную собственность (принадлежащую как субъекту, так и организации) и неявные знания.

Наибольший интерес для интеллектуального капитала организации представляют научный и инновационный капиталы человека, которые способны приносить прибыль.

Ряд авторов [38], кроме человеческого капитала организации, к потенциалу относят объекты нематериальных активов, которые использует или может использовать в своей научно-исследовательской деятельности и разработках организация: технологии и методы исследования, материальную базу.

Под интеллектуальным капиталом организации понимаются нематериальные (неосязаемые) ресурсы, основанные на знаниях. Он состоит из интеллектуальной собственности организации (лицензионных и авторских прав, патентов, лицензий, программного обеспечения) и организационного капитала (под которым понимают процедуры и правила, предусмотренные корпоративной культурой организации, а также неявные знания). На рис. 1 представлено также разделение на реляционный (отношения с клиентами, бренд) и структурный капиталы (базы данных, информация).

Таким образом, неявные знания принято считать организационным капиталом юридического лица, а не интеллектуальным в силу того, что его невозможно перевести ни в интеллектуальную собственность организации, ни в нематериальные активы (НМА).

Часть этих неявных знаний является составляющей человеческого потенциала. Внутри организации имеются знания, которые человек не использует на рабочем месте, они являются его человеческим капиталом, который может быть преобразован в интеллектуальный капитал организации.

Интеллектуальная собственность, переданная организации, является научным потенциалом субъекта, который должен иметь возможность заниматься инновациями внутри организации и не иметь интереса осуществлять эту деятельность вне ее.

Интеллектуальный капитал организации зависит от человеческого в целом, поскольку направлен на генерирование инноваций. Риск заключается во вложении ресурсов в человеческий потенциал, поскольку субъекты меняются, инновационная же деятельность носит постоянный характер.

Явные и неявные знания — потенциал для самовозрастающей стоимости

Значимость для экономики «неявных знаний» подталкивает к анализу этих категорий с точки зрения конкретного индивида (рис. 2).

Согласно представленной схеме **человеческий потенциал** (1) — это основанные на накопленном капитале возможности, которые возникают у человека на этапах его взаимодействия с образовательными орга-

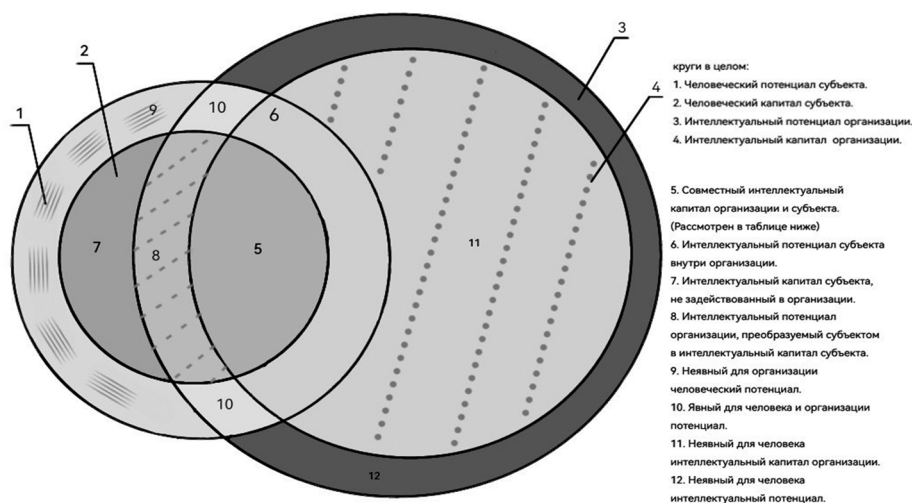

Рис. 2. Соотношение потенциала и капитала организации и субъекта

низациями, работодателем и обществом для реализации своих интересов. При этом данными возможностями он пользуется не в полном объеме в силу объективных (эти возможности не были нужны в конкретный момент времени обществу, школе, вузу) и субъективных (не было интереса) причин (9).

Человеческий капитал (2) — это знания, умения и навыки, способности и качества лица, формируемые обществом, организациями и работодателями в течение всего периода времени его существования, в том числе неизвестные организации (7).

Интеллектуальный потенциал организации (3) — это те явные и неявные возможности и ресурсы, которыми обладает организация. Только малая его часть (10) известна человеку и организации. При этом интеллектуальный научный потенциал субъекта (6) является частью человеческого потенциала организации. Интеллектуальный потенциал основан на интеллектуальном капитале организации. Задачей организации является анализ имеющегося человеческого потенциала и капитала и создание возможностей для его эффективного применения.

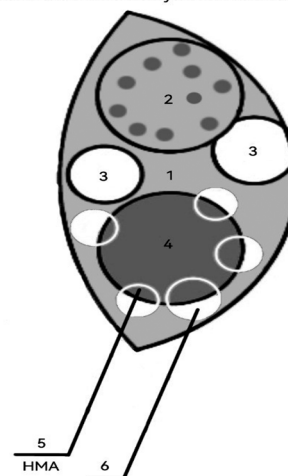
Интеллектуальный капитал организации (4) — это часть знаний, умений и навыков, которую субъект использует в рамках выполнения обязанностей в организации, и которая преобразуется организацией в ее человеческий, структурный или реляционный капитал (5); более подробно см. рис. 3. Интеллектуальный капитал организации может быть преобразован субъектом в его интеллектуальный капитал (8).

При этом только часть человеческого капитала организации в виде интеллектуальной собственности может иметь правовую охрану и приносить прибыль (4). Остальная часть существует в виде неявных знаний (2), принадлежащих одновременно субъекту и организации. Ряд интеллектуальных прав субъекта не может быть передан в интеллектуальный капитал организации в силу в двух причин: юридической (право авторства не передается) и организационной (невозможно отделить и от личности, и от организации (бренд, гудвилл)) (2, 3).

Человеческий капитал субъекта и интеллектуальный капитал организации являются основой для создания «явных» и «неявных» знаний.

Явные знания — это интеллектуальная собственность организации, преобразованная из человеческого капитала, предоставляющая право использовать результаты интеллектуальной деятельности. Его

1. Совместный интеллектуальный капитал организации и субъекта.
2. Неявные совместные знания.
3. Другие виды интеллектуального потенциала организации и субъекта.
4. Интеллектуальная собственность, преобразованная из человеческого капитала в интеллектуальный капитал организации.

5. Нематериальные активы организации.
6. Авторское право субъекта

Рис. 3. Соотношение совместного интеллектуального капитала, неявных знаний и интеллектуальной собственности организации и субъекта

реализует организация в виде НМА (5). При этом право авторства субъекта (6, рис. 2) как непередаваемое и неотчуждаемое право является его известным человеческим потенциалом и интеллектуальным капиталом и дает ему право на создание других объектов интеллектуальной собственности как внутри организации, так и вне ее.

Неявные знания (2) — это совместный интеллектуальный капитал субъекта и организации. Они делятся на два вида: используемые этими субъектами и неиспользуемые. Неявные знания могут быть известны субъекту и организации, а могут только одной из сторон.

Реализуются организацией они, например, как «гудвилл». Для субъекта же они являются потенциалом, который он может использовать в своей деятельности. При этом деятельность не ограничена рамками организации, что является риском для вложения ресурсов в человеческий потенциал организации.

Неиспользуемые неявные знания являются и частью интеллектуального потенциала организации. С нашей точки зрения, к неявным знаниям относятся и знания, являющиеся частью человеческого капитала, который организации неизвестен, поскольку не используется, но может быть получен в ходе жизнедеятельности. Применительно к организации они — ее интеллектуальный потенциал.

К неявным знаниям относится интеллектуальный капитал организации, который ею не используется, но известен субъекту-работнику. Он является частью человеческого капитала. Неявные знания являются человеческим капиталом. Они могут входить в научный потенциал организации, но быть не использованы им или быть для него неизвестными. Неявные знания — рискованные знания для организации, поскольку являются человеческим потенциалом субъекта.

Человеческий капитал организации может способствовать выявлению и использованию неявного потенциала организации.

Потенциал человека и организации может быть разделен на неявный обоим субъектам и неявный для одной из сторон. Следовательно, только известный потенциал может быть преобразован организацией в капитал. Наличие неразделимых между работником и организацией неявных знаний — их потенциал — создает равные возможности для использования знаний, в том числе за пределами организации.

В целях мотивации субъектов к созданию инноваций целесообразно его включение в число правообладателей интеллектуальной собственности с возможностью получения прибыли за результаты интеллектуальной деятельности.

Заключение

Выявленные взаимосвязи между дефинициями позволяют организации расширить оценку потенциала работника еще на исследовательском этапе; выявить имеющиеся неявные знания, составляющие потенциал организации, минимизировать риски вложения ресурсов в человеческий потенциал, что повысит эффективность внедрения инноваций и в конечном итоге позволит систематизировать процесс управления интеллектуальной собственностью.

Таким образом, однозначность трактования проанализированных понятий позволяет на основе дифференциации «зон ответственности» каждого из них обеспечить их единство для сохранения целостности процесса управления интеллектуальной собственностью.

Список источников

1. Этри Э., Карбланк Э., Гиртен Д. и др. Векторы цифровой трансформации // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. Т. 15. № 3. С. 7–50.

2. Леденева В. Ю., Рахмонов А. Х. Влияние «миграционного потенциала» на экономическое и демографическое развитие стран-доноров и стран-реципиентов // Вестник МГИМО-Университета. 2023. Т. 16. № 6. С. 250–269.

3. Сорокин П., Мальцева В. От дискретных навыков — к целостному созидательному человеческому потенциалу: новый подход в теории и практике // Форсайт. 2024. Т. 18. № 1. С. 6–17.

4. Уолтер С., Ли Д. Д. Перспективы устаревания компетенций и амортизации человеческого капитала в контексте изменения производственных задач // Форсайт. 2022. Т. 16. № 2. С. 32–41.

5. Аристотель. Метафизика. М.: Мысль, 1976.

6. Прокопьев А. В., Чернышова Т. Н. Управление развитием человеческого потенциала обучающегося вуза и работника организации // Фундаментальные исследования. 2020. № 12. С. 192–196.

7. Кутуев А. В., Трошина Е. П. Идентификация и диагностика исследовательского потенциала студенческой среды экономического вуза // Экономика и предпринимательство. 2021. № 5(130). С. 1181–1186.

8. Тюриков А. Г., Таракановская Е. В., Кунижева Д. А. Формирование и развитие научно-исследовательского потенциала молодежи в вузе // Власть. 2020. Т. 28. № 4. С. 163–170.

9. Коровина С. В., Емельянова О. В., Кругликова О. В. Моделирование системы обучения в вузе для развития творческого потенциала студентов (на примере математики) // Педагогическое образование. 2022. Т. 3. № 6. С. 241–244.

10. Лобковская Н. И., Железнякова А. В., Недорубов А. Н. К вопросу об инновационном потенциале студентов отраслевых вузов — партнеров ГК «Росатом» // Глобальная ядерная безопасность. 2020. № 1(34). С. 116–124.

11. Моисеенко В. А., Чудина Е. Ю., Шурко И. Л. Эстетический потенциал обучения математическим дисциплинам в техническом вузе // Педагогика и психология: теория и практика. 2021. № 4(24). С. 74–80.

12. Бабухин М. А. Педагогический потенциал проектно-исследовательской деятельности в контексте формирования исследовательской самостоятельности курсантов военного вуза // Kant. 2021. № 4(41). С. 227–233.

13. Лукьянова М. И., Грувер Н. В. Интеграционный потенциал волонтерской деятельности. Ульяновск, 2021.

14. Симонова О. И. Адаптационный потенциал сердечно-сосудистой системы первокурсников обучающихся в вузе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Биология. Химия. 2020. Т. 6(72). № 2. С. 214–222.
15. Кузнецова Е. Н. Особенности личностного адаптационного потенциала первокурсников, обучающихся в педагогическом вузе // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 68-3. С. 334–338.
16. Филиппченкова С. И., Мартюшов В. Ф. Исследование особенностей коммуникативного потенциала студентов технического вуза // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2023. № 3(34). С. 83–87.
17. Гусарова М. С., Речапова Е. Х., Решетникова И. Г. и др. Теория и практика управления трудовым потенциалом в вузе // Финансовая экономика. 2019. № 1. С. 471–478.
18. Голошумова Г. С., Остякова Г. В., Ковязина И. В. Мониторинг воспитательного потенциала образовательной среды педагогического вуза // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 1(86). С. 71–74.
19. Курбацкий В. Н., Бусыгин Д. Ю. Измерение и оценка потенциала корпоративной культуры вуза для цифровой трансформации // Бухгалтерский учет и анализ. 2024. № 1(325). С. 18–27.
20. Курбацкий В. Н., Бусыгин Д. Ю. Оценка ресурсного потенциала вуза для цифровой трансформации // Бухгалтерский учет и анализ. 2023. № 1(313). С. 13–22.
21. Резникова Т. Н., Мампе И., Демишкевич Е. В. Дидактический потенциал креативного письма при обучении языку специальности в вузе // Вестник Гуманитарного института ИГХТУ. 2020. № 1. С. 240–246.
22. Позднякова М. Н., Панарина Г. И. Методический потенциал технологии геймификации в языковом вузе // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 12(138).
23. Голубева Е. А., Смагина М. В. Использование потенциала электронных библиотечных систем в образовательной деятельности вуза // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 50. С. 211–218.
24. Прижигалинская Т. Н., Шевцова Н. В., Банчук Г. Г. Развитие инфраструктурного потенциала как точки роста эффективности стратегической ориентации, обеспечивающей получение устойчивых конкурентных преимуществ вуза // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2020. № 3(82). С. 35–48.
25. Рубан Д. А. Научный капитал глобального лидерства в российских вузах // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2021. № 1(33). С. 32–36.
26. Лаврикова Н. И., Лавриков В. И. Интеллектуальный потенциал личности как стратегический ресурс информационного века // Современная наука: от теории к практике: моногр. Пенза : «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020.
27. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М. : Изд-во политической литературы, 1960.
28. Хлыстов Е. А., Тураева И. Л. Научно-методическая компетентность преподавателя вуза как составляющая человеческого капитала // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 2(118). С. 102–108.
29. Недолужко О. В. Использование метода сбалансированной системы показателей в целях оценки интеллектуального капитала вуза // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2023. Т. 12. № 2(43). С. 54–58.
30. Гуськова И. В., Грудзинский А. О., Серебровская Н. Е. и др. Условия формирования креативного капитала профессорско-преподавательского состава вузов // Креативная экономика. 2023. Т. 17. № 2. С. 579–596.
31. Базуева Е. В., Сюзья А. А. Активность студенческой молодежи в социально значимой деятельности как репутационный капитал вуза (на примере ПГНИУ) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 2(58). С. 92–100.
32. Трапицын С. Ю., Агапова Е. Н., Граничина О. А. и др. Социальный капитал вуза: исследование, измерение, влияние на эффективность. СПб., 2022.
33. Ломоносов А. В. Оценка стоимости студенческого клиентского капитала вуза // Инновации и инвестиции. 2021. № 6. С. 110–115.
34. Синь Х., Лянь Ш. Обсуждение путей развития психологического капитала студентов китайских университетов // Педагогическое обозрение. 2023. № 1(47). С. 179–185.
35. Доклад «Международные основы интегрированной отчетности», опубликован Международным

советом по интегрированной отчетности в 2021 г. // International-Integrated-Reporting-Framework-January-2021-Russian. 2021.

36. Алексеева И. А. Управление человеческим капиталом системы высшего образования на примере технических вузов Санкт-Петербурга // Экономика образования. 2019. № 2(111). С. 35–45.

37. Митрохина Т. Н. Развитие человеческого капитала как политический проект современной России // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8. № 1А. С. 353–362.

38. Власов Н. В., Палкина Е. С., Кох Л. В. Сущностная характеристика научного потенциала и научного капитала инновационного промышленного предприятия // Вестник Забайкальского государственного университета. 2022. № 8. С. 90–98.

39. Юдина И. Г., Базылева Е. А. Историко-информационный потенциал сайтов библиотек вузов // Библиотекосведение. 2021. Т. 70. № 6. С. 643–654.

References

1. Etri E., Karblank E., Girten D., etc. Vectors of digital transformation // Bulletin of International Organizations: education, science, new Economy. 2020. Vol. 15. No. 3. P. 7–50.
2. Ledeneva V. Yu., Rakhmonov A. H. The influence of «migration potential» on the economic and demographic development of donor and recipient countries // Bulletin of MGIMO University. 2023. Vol. 16. No. 6. P. 250–269.
3. Sorokin P., Maltseva V. From discrete skills to holistic creative human potential: a new approach in theory and practice // Foresight. 2024. Vol. 18. No. 1. P. 6–17.
4. Walter S., Lee D. D. Prospects for the obsolescence of competencies and depreciation of human capital in the context of changing production tasks // Foresight. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 32–41.
5. Aristotle. Metaphysics. M. : Mysl, 1976.
6. Prokopyev A. V., Chernyshova T. N. Management of human potential development of a university student and an employee of an organization // Fundamental research. 2020. No. 12. P. 192–196.
7. Kutuev A. V., Troshina E. P. Identification and diagnostics of the research potential of the student environment of an economic university // Economics and entrepreneurship. 2021. No. 5(130). P. 1181–1186.
8. Tyurikov A. G., Tarakanovskaya E. V., Kunizheva D. A. Formation and development of scientific research potential of youth in higher education // Power. 2020. Vol. 28. No. 4. P. 163–170.
9. Korovina S. V., Yemelyanova O. V., Kruglikova O. V. Modeling of the educational system at a university for the development of students' creative potential (on the example of mathematics) // Pedagogical education. 2022. Vol. 3. No. 6. P. 241–244.
10. Lobkovskaya N. I., Zheleznyakova A. V., Nedorubov A. N. On the issue of the innovative potential of students of branch universities — partners of Rosatom State Corporation // Global nuclear safety. 2020. No. 1(34). P. 116–124.
11. Moiseenko V. A., Chudina E. Yu., Shurko I. L. The aesthetic potential of teaching mathematical disciplines in a technical university // Pedagogy and psychology: theory and practice. 2021. No. 4(24). P. 74–80.
12. Babukhin M. A. Pedagogical potential of design and research activities in the context of the formation of research independence of cadets of a military university // Kant. 2021. No. 4(41). P. 227–233.
13. Lukyanova M. I., Gruver N. V. Integration potential of volunteer activity. Ulyanovsk, 2021.
14. Simonova O. I. Adaptive potential of the cardiovascular system of first-year students studying at the university // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Biology. Chemistry. 2020. Vol. 6(72). No. 2. P. 214–222.
15. Kuznetsova E. N. Features of the personal adaptive potential of first-year students studying at a pedagogical university // Problems of modern pedagogical education. 2020. No. 68-3. P. 334–338.
16. Filippchenkova S. I., Martyushov V. F. The study of the peculiarities of the communicative potential of students of a technical university // Bulletin of the Tver State Technical University. Series: Social Sciences and Humanities. 2023. No. 3(34). P. 83–87.
17. Gusarova M. S., Rechapova E. H., Reshetnikova I. G. etc. Theory and practice of labor potential management at the university // Financial Economics. 2019. No. 1. P. 471–478.
18. Goloshumova G. S., Ostyakova G. V., Kovyazina I. V. Monitoring educational potential of the educational environment of a pedagogical university // World of science, culture, and education. 2021. No. 1(86). P. 71–74.
19. Kurbatsky V. N., Busygin D. Yu. Measuring and evaluating the potential of corporate culture of a university for digital transformation // Accounting and analysis. 2024. No. 1(325). P. 18–27.

20. Kurbatsky V. N., Busygin D. Yu. Assessment of the university's resource potential for digital transformation // *Accounting and analysis*. 2023. No. 1(313). P. 13–22.
21. Reznikova T. N., Mumpe I., Demishkevich E. V. Didactic potential of creative writing in teaching a specialty language at a university // *Bulletin of the Humanities Institute of IHTU*. 2020. No. 1. P. 240–246.
22. Pozdnyakova M. N., Panarina G. I. Methodological potential of gamification technology in a language university // *International Scientific Research Journal*. 2023. № 12(138).
23. Golubeva E. A., Smagina M. V. Using the potential of electronic library systems in the educational activities of the university // *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2020. No. 50. P. 211–218.
24. Prizhigalinskaya T. N., Shevtsova N. V., Banchuk G. G. Development of infrastructural potential as a point of growth in the effectiveness of strategic orientation, ensuring sustainable competitive advantages of the university // *Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*. 2020. No. 3(82). P. 35–48.
25. Ruban D. A. Scientific capital of global leadership in Russian universities // *Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics*. 2021. No. 1(33). P. 32–36.
26. Lavrikova N. I., Lavrikov V. I. Intellectual potential of personality as a strategic resource of the information age // *Modern science: from theory to practice: monograph*. Penza : «Science and Education» (IP Gulyaev G. Yu.), 2020.
27. Marx K., Engels F. *Soc. T. 23. M. : Publishing House of Political Literature*, 1960.
28. Khlystov E. A., Turaeva I. L. Scientific and methodological competence of a university teacher as a component of human capital // *Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2024. No. 2(118). P. 102–108.
29. Nedoluzhko O. V. Using the balanced scorecard method to assess the intellectual capital of the university // *Azimut of scientific research: economics and management*. 2023. Vol. 12. No. 2(43). P. 54–58.
30. Guskova I. V., Grudzinsky A. O., Serebrovskaya N. E. etc. Conditions for the formation of the creative capital of the teaching staff of universities // *Creative economics*. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 579–596.
31. Bazueva E. V., Syukkya A. A. Student youth activity in socially significant activities as the reputation capital of a university (on the example of PSNIU) // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*. 2020. No. 2(58). P. 92–100.
32. Trapitsyn S. Yu., Agapova E. N., Borichina O. A. et al. The social capital of the university: research, measurement, impact on efficiency. St. Petersburg, 2022.
33. Lomonosov A. V. Assessment of the cost of student client capital of the university // *Innovations and investments*. 2021. No. 6. P. 110–115.
34. Xin H., Lian S. Discussion of ways to develop the psychological capital of students of Chinese universities // *Pedagogical Review*. 2023. No. 1 (47). P. 179–185.
35. The report «International fundamentals of Integrated Reporting», published by the International Council for Integrated Reporting in 2021 // *International-Integrated-Reporting-Framework-January-2021-Russian*. 2021.
36. Alekseeva I. A. Human capital management of the higher education system on the example of technical universities in St. Petersburg // *The economics of education*. 2019. No. 2(111). P. 35–45.
37. Mitrokhina T. N. Human capital development as a political project of modern Russia // *Theories and problems of political research*. 2019. Vol. 8. No. 1A. P. 353–362.
38. Vlasov N. V., Palkina E. S., Koch L. V. Essential characteristics of the scientific potential and scientific capital of an innovative industrial enterprise // *Bulletin of the Trans-Baikal State University*. 2022. No. 8. P. 90–98.
39. Yudina I. G., Bazyleva E. A. Historical and information potential of university library sites // *Librarianship*. 2021. Vol. 70. No. 6. P. 643–654.

Информация об авторе

Ю. А. Лозина — заместитель начальника кафедры гражданского права и гражданского процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

Yu. A. Lozina — Deputy Head of the Department of Civil Law and Civil Procedure of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.06.2024; одобрена после рецензирования 20.07.2024; принята к публикации 14.08.2024.
The article was submitted 27.06.2024; approved after reviewing 20.07.2024; accepted for publication 14.08.2024.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-256-260>

EDN: <https://elibrary.ru/fsnmjz>

NIJON: 2003-0059-4/24-125
MOSURED: 77/27-003-2024-04-324

Анализ практики нелегальной деятельности на финансовом рынке Китая и методов противодействия ей

Артем Михайлович Люкшин

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия, Lyukshin.AM@rea.ru

Аннотация. Анализируется практика нелегальной деятельности на финансовом рынке Китая. Проведена классификация финансовых пирамид Китая по характеру их деятельности, оценен ущерб от мошеннических схем на кредитном и фондовом рынках. Рассмотрено незаконное применение инсайдерской информации в Китае. Выявлены методы противодействия незаконной деятельности на китайском финансовом рынке, которые классифицированы на четыре группы.

Ключевые слова: нелегальная деятельность, финансовый рынок Китая, финансовые пирамиды, финансовый мониторинг, инсайдерская информация, нелегальные кредиторы

Благодарности: статья подготовлена и финансируется в рамках исполнения Государственного задания Минобрнауки России в сфере научной деятельности № FSSW-2023-0055 «Анализ международного законодательства и лучших зарубежных правоприменительных практик в сфере противодействия нелегальной деятельности на финансовых рынках».

Для цитирования: Люкшин А. М. Анализ практики нелегальной деятельности на финансовом рынке Китая и методов противодействия ей // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 256–260. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-256-260>. EDN: FSNMJZ.

Original article

Analysis of the practice of illegal activities in the financial market of China and methods of counteracting it

Artem M. Lyukshin

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, Lyukshin.AM@rea.ru

Abstract. The practice of illegal activities in the Chinese financial market is analyzed. The classification of China's financial pyramids by the nature of their activities has been carried out, and the damage from fraudulent schemes in the credit and stock markets has been assessed. The illegal use of insider information in China is considered. Methods of countering illegal activities in the Chinese financial market have been identified and classified into four groups.

Keywords: illegal activities, Chinese financial market, financial pyramids, financial monitoring, insider information, illegal lenders

Acknowledgements: the article was prepared and financed under the State Assignment of the Ministry of Education and Science of Russia in the sphere of scientific activity № FSSW-2023-0055 «Analysis of International Legislation and Best Foreign Law Enforcement Practices in the Sphere of Counteracting Illegal Activity on Financial Markets».

For citation: Lyukshin A. M. Analysis of the practice of illegal activities in the financial market of China and methods of counteracting it. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):256–260. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-256-260>. EDN: FSNMJZ.

Экономика Китая стремительно развивается, вместе с тем, появляется все больше способов ведения незаконной деятельности, создающих угрозу функционированию национального финансового рынка. На распространение незаконной деятельности на китайском финансовом рынке негативно влияют такие факторы, как низкая финансовая грамотность населения и густонаселенность государства, наличие крупного теневого банковского сектора, продолжающееся реформирование системы регулирования финансового рынка Китая и как следствие потребность в планомерном совершенствовании законодательства, тенденция к смягчению уголовной и административной ответственности за финансовые преступления.

Проведенный анализ публикуемой статистической и отчетной информации государственных органов власти Китая позволил выявить следующие основные виды нелегальной деятельности на китайском финансовом рынке:

- 1) преступления, связанные с деятельностью финансовых пирамид;
- 2) нелегальные кредиторы;
- 3) мошеннические действия на фондовом рынке;
- 4) незаконные схемы с использованием инсайдерской информацией.

Перейдем к анализу незаконной деятельности в Китае путем создания финансовых пирамид. Широкая распространенность преступлений с использова-

© Люкшин А. М., 2024

нием пирамидальных схем связана с недостаточным уровнем финансовой грамотности среди населения Китая, с желанием получения высокого уровня доходности от вложенных средств, а также активным использованием глобальной сети Интернет для привлечения потенциальных инвесторов.

Изучение практики функционирования крупнейших финансовых пирамид в Китае сделало возможным классифицировать их по характеру деятельности, которая представлена в табл. 1.

Как видно из табл. 1, крупнейшие действовавшие и действующие финансовые пирамиды имели такой характер деятельности, как инвестиции, криптоинвестиции, P2P кредитование и маркетинг. Крупнейшая по количеству привлеченных инвесторов финансовая пирамида Qbao представляла собой интернет-платформу, при присоединении к которой инвесторам было обещано получение стабильной доходности в размере от 20 до 60 % годовых [10]. Инвесторы получали прибыль в виде дивидендов от проектов Qbao в реальном секторе экономики и выплаты непосредственно от интернет-платформы за выполнение ежедневных заданий (проведение опросов, внесение предложений, привлечение новых лиц).

Начиная с 2012 г. и по настоящий момент времени, в связи с развитием технологий и появлением криптовалюты, развиваются мошеннические схемы пирамидального характера в сфере криптоинвестиций. Так, по 2024 г. действовала финансовая пирамида MBI Group, которая привлекла инвестиции

объемом 14 млрд долл. США от более 10 млн человек; убытки от ее деятельности оцениваются в настоящий момент времени [4]. Сущность данной финансовой пирамиды заключалась в том, что ее участники платили взносы за членство в размере от 700 китайских юаней до 245 тыс. китайских юаней и за это получали определенное количество криптовалюты. Пирамидальная схема заключалась в системе скидок участникам: за количество привлеченных ими новых участников-инвесторов и сумму денежных средств, вложенных новыми участниками.

Второй крупной финансовой пирамидой в сфере криптоинвестиций стала компания PlusToken с нанесенным экономическим ущербом в размере 3–4 млрд долл. США [13]. Организаторы пирамиды обещали инвесторам доходность от 10 до 30 % в месяц через инвестиции в токен PLUS. Сущность данной финансовой пирамиды заключалась в следующем: инвесторы платили организаторам пирамиды комиссию, деньги инвесторов конвертировались в криптовалюту, которую можно было использовать для покупки продуктов PlusToken. При привлечении новых участников старым участниками предоставлялось больше возможностей для вложения средств в продукты компании, а полученную прибыль можно было реинвестировать обратно в компанию. В действительности же реальных продуктов PlusToken не существовало, прибыль первым инвесторам была выплачена за счет новых инвесторов пирамиды. Также существовала финансовая пирамида WoToken, которая привлекала

Таблица 1

Классификация финансовых пирамид Китая по характеру их деятельности

Характер деятельности	Название пирамиды и период действия	Количество инвесторов	Объем привлеченных инвестиций	Сумма нанесенного ущерба
Инвестиции	Qbao, 2012–2018 гг.	200 млн человек	11 млрд долл. США	7,25 млрд долл. США
Криптоинвестиции	MBI Group, 2012–2024 гг.	более 10 млн человек	14 млрд долл. США	оцениваются
	PlusToken, 2018–2019 гг.	более 3 млн человек	до 5,7 млрд долл. США	до 3–4 млрд долл. США
	WoToken, 2018–2019 гг.	около 1 млн человек	1 млрд долл. США	до 1 млрд долл. США
P2P кредитование	Ezubao, 2014–2016 гг.	около 1 млн человек	9,14 млрд долл. США	около 6 млрд долл. США
	Shanlin Finance, 2013–2018 гг.	более 250 тыс. человек	около 9 млрд долл. США	более 3 млрд долл. США
Маркетинг	Shan Xin Hui, 2018–2019 гг.	не установлено	около 14 млрд долл. США	не определены
	Q-net, 1998–2024 гг.	оценивается	оценивается	оценивается

Источник: составлено автором.

средства в криптовалюту и давала обещание инвесторам о гарантированной высокой доходности [1].

В сфере P2P кредитования в Китае можно выделить две крупные финансовые пирамиды: Ezubao с нанесенным ущербом около 6 млрд долл. США и Shanlin Finance с объемом ущерба порядка 3 млрд долл. США [9; 11]. Финансовая пирамида Ezubao выступала посредником по услугам по кредитованию между физическими лицами. Участникам пирамиды предлагалось шесть финансовых продуктов с высокой доходностью, а также была обещана окупаемость кредитов по процентным ставкам от 9 до 14,6 %. Выявление на китайском рынке финансовой пирамиды Ezubao сподвигло государственную власть Китая ускорить и усилить борьбу с нелегальными компаниями. По результатам проведенной работы только в 2018 г. государственные власти заподозрили 199 P2P платформ в осуществлении мошеннических действий и начали проведение расследования. За период с 2015 по 2019 гг. количество P2P платформ сократилось с 3500 штук до 343 штук [11].

Финансовые пирамиды Shan Xin Hui и Q-net — наиболее известные пирамиды в Китае в сфере маркетинга. Деятельность последней расследуется в настоящий момент времени. Обе финансовые пирамиды были замаскированы под сетевой маркетинг [2; 6].

Подводя итог проведенному анализу деятельности финансовых пирамид на китайском финансовом рынке, можно сделать вывод о том, что финансовые пирамиды продолжает развиваться. Государственным органам Китая необходимо своевременно выявлять деятельность финансовых пирамид для недопущения высоких экономических убытков. Так, за последние 15 лет объем ущерба от деятельности финансовых превысил 50 млрд долл. США, а количество пострадавших инвесторов превысило 250 млн человек.

Далее рассмотрим деятельность нелегальных кредиторов на китайском финансовом рынке. Мошеннические действия на кредитном рынке очень распространены в Китае. Среди них можно выделить следующие виды: мошенническое получение заемных средств, подделка кредитных карт, учреждение банковских организаций без соответствующей лицензии, махинации с процентными ставками и прочие. Активно развивается незаконная деятельность с использованием кредитных карт. Так, например, на каждые 10 тыс. кредитных карт от одного из крупнейшего Почтово-сберегательного банка Китая приходилось 0,83 поддельные карты по данным за 2018 г. [12]. Кроме того, появляются новые способы хищения

данных кредитных карт. Так, в Китае действовала мошенническая сеть, замаскированная под интернет-магазин, которая за период с 2015 по 2024 гг. похитила данные по кредитным картам у более 800 тыс. человек из США и Европейского Союза [5].

Нередки случаи незаконной деятельности на фондовом рынке Китая, одного из сегментов национального финансового рынка. Китайский фондовый рынок характеризуется наличием следующих правонарушений: несоблюдение местного законодательства при создании бирж по торговле ценными бумагами, брокерских и депозитарных организаций и иных инвестиционных компаний; использование фальшивых лицензий на осуществление операций с ценными бумагами; подделка ценных бумаг; манипулирование стоимостью ценных бумаг. В период с 2021 по 2023 гг. Комиссия по регулированию ценных бумаг КНР рассмотрела в общей сложности 397 случаев незаконного раскрытия информации, включая 203 случая мошенничества. С 2021 г. установлено более 150 дел, связанных с зарегистрированными на бирже компаниями или эмитентами облигаций, подозреваемыми в финансовом мошенничестве или незаконном присвоении средств [6].

Проблема использования инсайдерской информации актуальна для китайского финансового рынка. Государственные органы ставят своей целью регулирование использования инсайдерской информации, выявление случаев неправомерного использования инсайдерской информации и привлечение за это к ответственности. Однако на практике процесс выявления случаев неправомерного применения инсайдерской информации при совершении финансовых операций является очень сложным и трудно доказуемым. В Уголовном Кодексе Китая предусмотрено привлечение к уголовной ответственности за неправомерное использование инсайдерской информации.

Статистическую информацию о случаях выявления неправомерного использования инсайдерской информации приводит в своих отчетах Комиссия по регулированию ценных бумаг КНР. В соответствии с последним доступным отчетом по итогам 2019 г. в Китае выявлено 111 случаев инсайдерской торговли и 45 случаев манипулирования на фондовом рынке [8]. В 2020 г. 66 случаев инсайдерской торговли и 51 случай манипулирования фондовым рынком расследовано Комиссией по регулированию ценных бумаг.

Проведенный анализ нелегальной деятельности на финансовом рынке Китая показал, что количе-

ство финансовых преступлений имеет тенденцию к увеличению, тем самым нанося все больше вреда экономике Китая. В этой связи Китай разрабатывает методы противодействия нелегальной деятельности на национальном финансовом рынке, которые представлены на рис. 1.

На рис. 1 предложено классифицировать методы противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке Китая по четырем группам.

1. Административно-экономические методы — противодействие финансовым преступлениям через создание качественной законодательной базы, отвечающей современным вызовам и угрозам в финансовой сфере, а также использование экономических инструментов для регулирования финансового рынка.

2. Социально-психологические методы — недопущение преступлений путем эффективной работы с населением, включая повышение уровня жизни, улучшение финансовой грамотности населения, разъяснение ответственности за нарушение законодательства.

3. Информационно-технологические методы — противодействие финансовым преступлениям, включающее использование всех новейших технологий для недопущения и расследования мошеннических действий, а также построение системы своевременного обмена поступающей информацией между различными государственными структурами.

4. Международные методы — основываются на взаимодействии с международными организациями и обмене опытом с другими странами.

Государственные органы Китая эффективно разрабатывают и применяют методы противодействия незаконной деятельности на национальном финансовом рынке. Важно отметить, что в июле 2024 г. Центральным комитетом Коммунистической партии Китая принято решение «О дальнейшем всестороннем углублении реформ для продвижения китайской модернизации» [3]. Данный документ предусматривает принятие закона о финансах, в соответствии с которым будет установлен контроль над всеми видами финансовой деятельности. Кроме того, в документе подчеркнута необходимость проведения борьбы с коррупцией в государственных органах, создания механизма по защите прав и интересов потребителей финансовых услуг наряду с механизмом пресечения нелегальной финансовой деятельности.

В рамках международных методов борьбы с финансовыми преступлениями Китай состоит в Группе разработки мер борьбы с отмыванием денег и старается следовать международным стандартам ПОД/ФТ. Также наблюдается активное сотрудничество Китая с Интерполом с целью противодействия международным финансовым преступлениям.

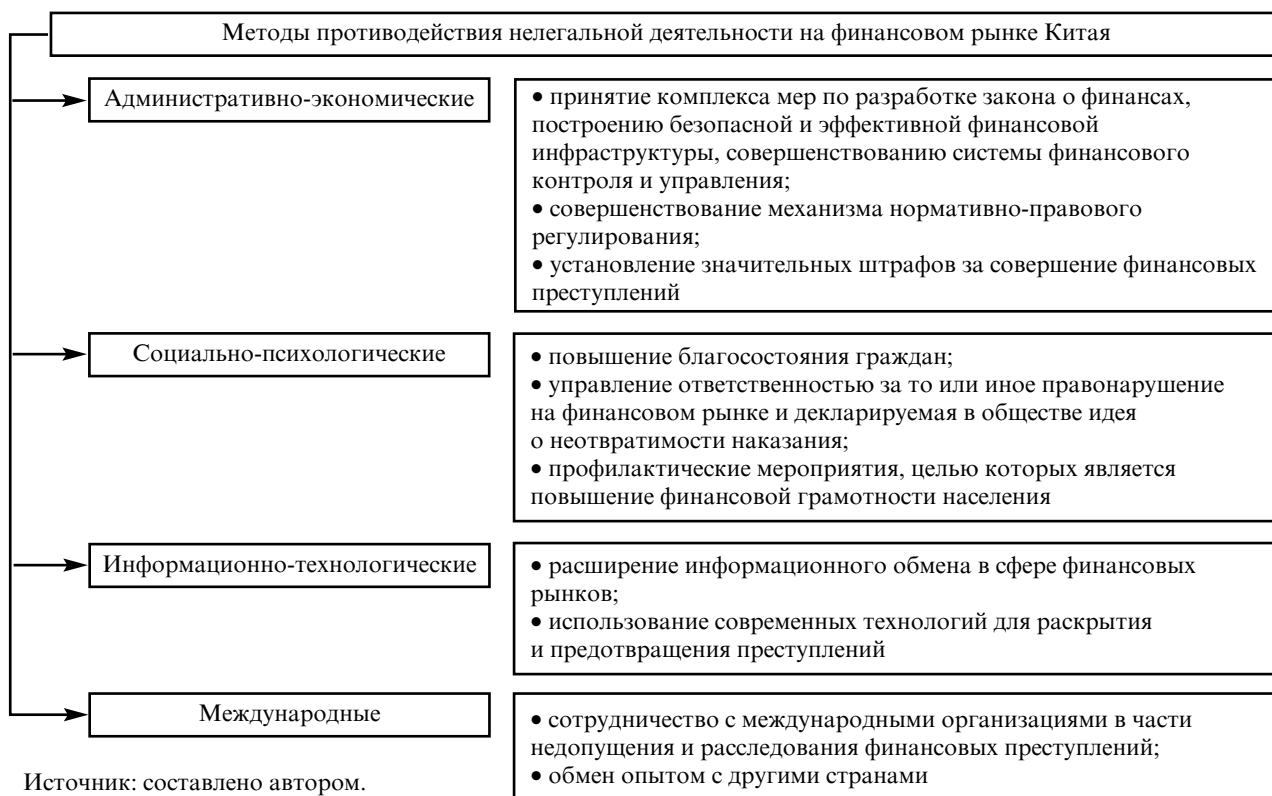

Рис. 1. Классификация методов противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке Китая

Регулирование финансового рынка Китая находится в процессе динамичного развития и совершенствования. Реализация Китаем методов, перечисленных на рис. 1, будет способствовать сокращению незаконной деятельности на национальном финансовом рынке.

Список источников / References

1. Кондратюк А. Китайская полиция арестовала организаторов пирамиды WoToken на 1 млрд долл. // Forklog. 16 мая 2020. URL://<https://forklog.com/news/kitajskaya-politsiya-arestovala-organizatorov-piramidy-wotoken-na-1-mlrd>. [Kondratyuk A. The Chinese police arrested the organizers of the \$ 1 billion WoToken pyramid. // Worklog. May 16, 2020. URL://<https://forklog.com/news/kitajskaya-politsiya-arestovala-organizatorov-piramidy-wotoken-na-1-mlrd>].

2. На шесть лет осужден руководитель финансовой пирамиды Qnet // Inbusiness.kz. 8 января 2024 // URL://<https://inbusiness.kz/ru/last/na-6-let-osuzhden-rukovoditel-finansovoj-piramidy-qnet>. [The head of the Qnet financial pyramid was sentenced to six years // Inbusiness.kz. January 8, 2024 // URL://<https://inbusiness.kz/ru/last/na-6-let-osuzhden-rukovoditel-finansovoj-piramidy-qnet>].

3. Решение ЦК КПК О дальнейшем всестороннем углублении реформ для продвижения китайской модернизации от 18 июля 2024 г. // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China // URL://https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202407/t20240721_11457436.html. [The decision of the CPC Central Committee on further comprehensive deepening of reforms to promote Chinese modernization dated July 18, 2024 // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China // URL://https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202407/t20240721_11457436.html].

4. Antoniuk D. Suspect in \$14 billion cryptocurrency pyramid scheme extradited to China // Recorded Future News. 23 August 2024 // URL://<https://therecord.media/cryptocurrency-pyramid-scheme-extradited-china-thailand>.

5. Chanese network behind one of the world's largest online scams // The Guardian. 8 May 2024 // URL://<https://www.theguardian.com/money/article/2024/may/08/chinese-network-behind-one-of-worlds-largest-online-scams>.

6. China beefs up combat against financial fraud in capital markets // The state council The Peoples Republic of China. 2024 // URL://https://english.www.gov.cn/news/202407/06/content_WS668891fbc6d0868f4e8e8eff.html.

7. China jails boss of 100 billion yuan pyramid scheme for inciting protests // Reuters. 15 December 2018 // URL://<https://www.reuters.com/article/idUSKBN1OE050/>

8. China Securities Regulatory Commission Annual Report 2019 // China Securities Regulatory Commission. 2024 // URL://http://www.csrc.gov.cn/csrc_en/c102063/c1606308/1606308/files/CSRC%20Annual%20Report%202019.pdf.

9. Eight charged in China over Ponzi scheme posing as P2P lender that took US\$9 billion // Regxca. 26 April 2018 // URL://<https://archive.regxsa.com/ml-tf-updates/eight-charged-in-china-over-ponzi-scheme-posing-as-p2p-lender-that-took-us9-billion/>

10. Fang Z. Fears grow over Qbao \$11 billion fraud probe // Thailand Business News. 2024 // URL://<https://www.thailand-business-news.com/china/67290-fears-grow-qbao-11-billion-fraud-probe>.

11. Jingli S. Investors in Ezubao Ponzi scheme finally get 35% of their money back // KrASIA. 17 January 2020 // URL://<https://kr-asia.com/investors-in-ponzi-scheme-ezubao-finally-get-35-of-their-money-back>.

12. Number of credit card fraud cases in China between 2016 and 2018, sorted by bank. Statista. 2024 // URL://<https://www.statista.com/statistics/1063655/china-a-ratio-of-credit-card-fraud-cases-in-selected-banks/>

13. The PlusToken Cryptocurrency Scheme: Architecture and Exposure. Okta. 14 February 2023 // URL://<https://www.okta.com/identity-101/plus-token/>

Информация об авторе

А. М. Люкшин — старший научный сотрудник Высшей школы финансов Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доцент кафедры государственных и муниципальных финансов Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, кандидат экономических наук.

Information about the author

A. M. Lyukshin — Senior Researcher of the Higher School of Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Associate Professor of the Department of State and Municipal Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 23.07.2024; принята к публикации 14.08.2024.
The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 23.07.2024; accepted for publication 14.08.2024.

Научная статья

УДК 334.02

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-261-267>

EDN: <https://elibrary.ru/ealrcq>

NIION: 2003-0059-4/24-126

MOSURED: 77/27-003-2024-04-325

Эффективная кадровая политика как способ устойчивого развития организаций

Марина Николаевна Филатова¹, Маргарита Викторовна Новикова²

^{1,2} Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, Москва, Россия

¹ mnf@gubkin.ru

² novikova.m@gubkin.ru

Аннотация. Ведение бизнеса требует от компаний постоянной адаптации и изменений. Ключевыми аспектами успеха являются грамотно выстроенная корпоративная культура, а также основанная на культуре кадровая политика, направленная на реализацию целей и корпоративных ценностей компании. Если организация стремится к устойчивому развитию, то очень важно, чтобы кадровая политика выступала тем инструментом, с помощью которого будут осуществляться на высоком уровне мероприятия по набору и отбору персонала, управление человеческими ресурсами, удержание талантливых квалифицированных работников, а также создаваться условия для развития и обучения сотрудников, повышения уровня их мотивации.

Рассматриваются отдельные вопросы организации эффективной кадровой политики организаций с позиции социальной ответственности бизнеса.

Ключевые слова: кадровая политика, устойчивое развитие, корпоративная социальная ответственность, корпоративная культура, ценности компании, управление человеческими ресурсами, мотивация

Для цитирования: Филатова М. Н., Новикова М. В. Эффективная кадровая политика как способ устойчивого развития организаций // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 261–267. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-261-267>. EDN: EALRCQ.

Original article

Effective personnel policy as a way of sustainable development of organizations

Marina N. Filatova¹, Margarita V. Novikova²

^{1,2} Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University)

¹ mnf@gubkin.ru

² novikova.m@gubkin.ru

Abstract. Doing business requires companies to constantly adapt and change. Key aspects of success are a well-built corporate culture and a culture-based HR policy aimed at realizing the company's goals and corporate values. If an organization strives for sustainable development, it is very important that the personnel policy is the tool that will be used to implement high-level recruitment and selection activities, human resources management, retention of talented and qualified employees, as well as to create conditions for the development and training of employees, increasing their motivation.

Separate issues of the organization of effective personnel policy of organizations from the position of social responsibility of business are considered.

Keywords: HR policy, sustainable development, corporate social responsibility, corporate culture, company values, human resource management, motivation

For citation: Filatova M. N., Novikova M. V. Effective personnel policy as a way of sustainable development of organizations. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):261–267. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-261-267>. EDN: EALRCQ.

«Работник будет проявлять самонаправленность и самоконтроль
в служении целям и ценностям, лишь, когда он им привержен».

Дуглас Мак-Грегор

У многих людей на слуху выражение о том, что кадры решают все и самый ценный капитал — это люди. Данное высказывание действительно можно считать истинным, а в наши дни особенно, когда необходимо мыслить глобально, быстро принимать конкурентные решения и отвечать новым вызовам.

© Филатова М. Н., Новикова М. В., 2024

Кадровая политика играет значимую роль в достижении устойчивого развития компаний. Устойчивое развитие организаций предполагает создание экосистемы в бизнесе, системно-ориентированного подхода к решению экологических, экономических и социальных вопросов. Эффективная кадровая политика является базовым инструментом для организации процесса труда в долгосрочной перспективе, создает возможности сотрудникам раскрывать свой творческий потенциал на благо компании, общества и государства и также своего саморазвития.

По своей сути, кадровая политика представляет собой систему норм и принципов деятельности, регулирующих процесс управления человеческими ресурсами в организации. Грамотно продуманная кадровая политика позволяет организациям достигать уставных целей и миссий компаний, создавать положительный имидж на рынке труда, формировать здоровый психологический климат в коллективах, привлекать и удерживать талантливых работников, профессионалов своего дела, улучшать показатели труда.

Human resource management (далее — управление человеческими ресурсами) — процесс сложный и многоаспектный. Он направлен на разработку кадровой стратегии, систему мотивации, концепцию развития сотрудников в долгосрочной перспективе, что способствует развитию компании, упрочению ее позиции на рынке. Несмотря на то, что кадровая политика включает в себя два процесса — процесс управления человеческими ресурсами и процесс управления персоналом, между данными процессами нельзя ставить знак равенства. Управление персоналом ориентировано преимущественно на работу с конкретными работниками компании, а также на подбор и отбор персонала, в то время как управление человеческими ресурсами направлено на планирование и разработку стратегий и программ, создание контроля за результатами производительности труда и т. д. Управление человеческими ресурсами и управление персоналом играют важную роль в экономике развития предприятия. Они взаимосвязаны, создают базу для успешной работы организации, ее процветания. Ведение бизнеса в современных условиях требует большой гибкости и адаптивности. В связи с чем без качественной реализации данных процессов невозможно достичь устойчивого развития компаний.

Кадровая политика формируется руководством компании и реализуется работниками отдела кадров (кадровой службы или другими структурами организаций) в процессе выполнения ими своих трудовых функций. Кадровая политика помогает наметить генеральное направление и основные формы работы с сотрудниками организации, а также разработать общие и специфические требования к персоналу, его обучение, удержание и развитие [1].

Особый интерес в части кадровой политики представляет труд Дугласа Мак-Грегора «Человеческая сторона предприятия». Данная книга существенно повлияла на теорию и практику управления человеческими ресурсами. Она была написана Дугласом Мак-Грегором в 1960 г. и является по-прежнему бестселлером в наши дни. Дуглас Мак-Грегор был человеком ярким и талантливым, отличался креативным и критическим мышлением, что помогло ему выдвинуть и обосновать эффективную теорию управления человеческими ресурсами, так называемую, теорию Y. Данная теория стала полной противоположностью теории X. Напомним, что согласно теории X, отношения между работодателем и работниками носят антагонистический характер, поскольку в них изначально заложен конфликт интересов. Работодатели стремятся получить максимум прибыли, неся при этом минимум издержек. Нередко работодатели достигают этого, экономя на условиях труда своих работников. При этом, согласно теории X, которую прозвали пессимистической, преимущественно из-за отсутствия веры в потенциал и ответственность работников, на работодателя возлагается полная ответственность за все процессы в организации. Данная теория исходит из того, что все работники не способны думать и действовать самостоятельно, работу выполняют формально и «без души», движимые лишь желанием отработать рабочий день и побыстрее уйти домой, не забыв получить в установленные компанией дни свою заработную плату. Теория X базируется на следующих утверждениях: «работники всегда стараются сделать все возможное и невозможное, лишь бы избежать ответственности», «работники никогда не хотят работать, их надо заставлять», «без принуждения и контроля работодателя работа сотрудника не будет эффективной». По мнению Дугласа Мак-Грегора, теория X порождает атмосферу недоверия, подавляет в человеке стремление к твор-

честву. Более того, такой психологический климат не отвечает потребности человека в безопасности. Работники не будут ощущать себя частью коллектива и будут лишены возможности почувствовать, что их ценят и уважают. Работники сами захотят добросовестно трудиться, когда их внутренние ценности будут совпадать с ценностями их предприятия.

По мнению Дугласа Мак-Грегора, пессимистическая теория X содержит ложные предпосылки о природе человека. Успех деятельности предприятия зависит от множества факторов, но, прежде всего, от человеческого подхода к своим работникам. Поэтому Дуглас Мак-Грегор обосновал альтернативную теорию управления человеческими ресурсами, которую лично сам проверил на практике и доказал ее состоятельность, затем в ее эффективности убедились и его последователи. В основе теории Y лежат противоположные теории X утверждения. В полной мере можно согласиться с ним в том, что «руководителям следует ценить и уважать своих работников, предоставлять им свободу и возможность действовать самостоятельно», «работников не надо подавлять, контролировать весь рабочий день, держать в страхе и пугать увольнением», «в человеке от природы заложена способность к творчеству, главное, создать условия», а также интересны и другие «человеческие и гуманные» его постулаты. В частности, «если делать свое дело, к которому лежит душа, то не будет неприязни к работе». В полной мере можно согласиться с тем, что те, кто выполняют работу с «с интересом и душой», как правило, добиваются прекрасных результатов и получают от этого удовольствие и удовлетворение. Успех укрепляет уверенность в своих силах, работники становятся более мотивированными, активными. Дуглас Мак-Грегор был уверен, что «люди хотят заниматься ответственной работой и хотят проявлять себя. В человеке от природы заложена способность к творчеству, люди умеют творчески решать стоящие перед ними проблемы, нужно лишь правильно организовать для этого условия работы. Дуглас Мак-Грегор утверждал, что значительная часть руководителей недооценивает интеллектуальный потенциал своих работников. Работники будут работать без тотального контроля и понуканий, если разделяют ценности предприятия, чувствуют важность выполняемой им трудовой функции для предприятия, общества, государства [2].

Дуглас Мак-Грегор не только утверждал, что надо использовать гуманный подход к людям, но и подчеркивал важность применения в управлении персоналом гибких методов управления, направленных на поиск взаимоприемлемого решения, а не продавливания с позиции силы и власти. Таким образом, концепция теории Y Дугласа Мак-Грегора, одного из основателей Слоуновской школы менеджмента при Массачусетском технологическом институте, содержит важность человеческого отношения к своим работникам, подчеркивает важность принятия личности работников, веры в их творческий и интеллектуальный потенциал, желание развиваться, способность ответственно относиться к работе. Его идеи во многом отражены в концепции устойчивого развития организаций с позиции социальной справедливости.

На сегодняшний день многие исследователи рассматривают кадровую политику, с одной стороны, как процесс, а с другой, — как систему, состоящую из норм и принципов деятельности и комплекса различных практических мероприятий, направленных на создание и удержание кадрового потенциала организации.

В научной литературе справедливо отмечается, что любая кадровая политика нуждается в оценке, которая может быть осуществлена своими силами (внутренняя) или с привлечением сторонних экспертов (внешняя). В процессе оценки действующей в организации кадровой политики необходимо сделать акцент как на ее преимуществах, так и недостатках. Такую оценку рекомендуется проводить с точки зрения экономической эффективности. Для этой цели проводят оценочную экспертизу на этапе предпроектной подготовки к совершенствованию кадровой политики [1].

Отметим, что в основе эффективной кадровой политики лежит ряд важнейших направлений деятельности. Анализ целей и задач предприятия позволяет определить и наметить конкретные шаги в организации кадровой политики, к примеру, можно провести мониторинг текущего состояния кадровой политики или оценочную экспертизу. Напомним, что основное различие между мониторингом и оценкой состоит в их назначении, а также учитывается временной показатель. Оценочная экспертиза проводится в определенный момент времени с целью выяснения, насколько эффективно этот процесс осуществлялся и к каким изменениям привел. Мониторинг, как правило, направлен на непрерывное отсле-

живание происходящего процесса. Мониторинг кадровой политики позволяет проанализировать структуру и численность кадров, их текучесть и другие важные вопросы. Одной из важнейших задач в области кадровой политики может выступать оптимизация процесса найма сотрудников, повышение их уровня удовлетворенности работой, разработка программ профессионального и личностного роста.

Необходимо регулярно отслеживать эффективность внедрения кадровых мер. Для этого важно установить периодичность мониторинга: ежеквартально, раз в полугодие и т. д. На основании полученной информации о способах, применяемых к персоналу компании, следует совершенствовать кадровую политику: вносить изменения в нее, разрабатывать новые стратегии. Без внимания нельзя оставлять важнейший вопрос текучести кадров. Текучесть кадров — индикатор стабильности кадровой политики. Можно с уверенностью согласиться с Ю. Ю. Соловьевой, что высокая текучесть может быть плохим знаком и прямо свидетельствовать о существенных недостатках в управлении персоналом [3]. Напомним, что данный термин означает количество уволенных работников организации, вне зависимости от того, кто был инициатором расторжения трудовых отношений или если они были прекращены по соглашению сторон, а также по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон. Значение имеет лишь показатель скорости потери конкретной компанией работников. Рассчитать данный показатель возможно по формуле. Берется общее число всех уволенных работников за определенный период и делится на численность работников организации, а затем умножается на 100 %. Как правило, берут среднесписочную численность работников. Приведем пример. Если за год в организации уволились 15 человек, а средняя численность всех работников составляет 150 человек, то 15 делим на 150 и умножаем на 100. Получим 10 %. Такая текучка персонала не является ни плохой, ни хорошей. Она носит оценочный характер, поскольку берется во внимание направление деятельности. Для разных сфер и направлений деятельности «вариантом нормы» считаются разные показатели. Для банковской сферы допустима текучесть кадров до 10 %, для страховой деятельности показатель даже в 25 % не является критичным¹ [3].

Анализируя эффективную кадровую политику, также следует остановиться и на других важнейших

вопросах, например, разработке и внедрении программ адаптации для новых кадров, разработке программ развития по личностному и профессиональному росту, разработке системы регулярной оценки производительности труда, предоставлении работникам привлекательных условий труда. Данные вопросы напрямую связаны с устойчивым развитием организаций, а именно их внутренней социальной ответственностью (далее — ВСО). ВСО проявляется на различных уровнях, начиная от безопасности труда, предоставления конкурентной заработной платы до развития человеческих ресурсов, обеспечения своих работников дополнительным медицинским страхованием, предоставлением возможности за счет работодателя заниматься спортом, путешествовать и другими элементами «корпоративного социального пакета» и привлекательными рабочими условиями [4]. Как показывает практика, работники ценят возможность работать в «гибридном формате» (совмещать очную и удаленную работу), когда им компанией предоставляется возможность выбора очного или дистанционного формата присутствия на совещаниях и встречах, право в пятницу приходить и уходить на полчаса раньше и другие лояльные шаги со стороны работодателя.

Корпоративная социальная ответственность (далее — КСО) — это часть стратегии устойчивого развития, которая базируется на ответственности бизнеса перед обществом и затрагивает различные этические практики и социальные инициативы. Все это невозможно реализовать без создания в организации корпоративной культуры, цели и истинные ценности которой прямо влияют на формирование кадровой политики [9]. Кадровая политика играет существенную роль в реализации принципов устойчивого развития и КСО, в частности, реализуя процесс обучение и развития сотрудников.

Внедрение различных условий труда на практике, в том числе лояльных, предполагает дальнейшую апробацию их на предмет выявления уровня удовлетворенности сотрудников. Как справедливо отмечается в научной литературе, большая часть публикаций по удовлетворенности трудом посвящена либо анализу удовлетворенности трудом людей определенной профессии, либо конкретным причинам удовлетворенности, к примеру удовлетво-

¹ URL://<https://www.startexam.ru>.

ренностью личным доходом [5]. Для измерения уровня удовлетворенности в организации могут использоваться разные способы, например, опросы и анкетирования. Одним из популярных способов получения обратной связи является использование шкалы Лайкерта. Напомним, что шкала Лайкерта была названа в честь Ренсиса Лайкерта. Данная шкала была изобретена в 30-х гг. прошлого века и представляет собой оценочную шкалу, которая требует от респондентов указать степень их согласия или несогласия с каждым из утверждений. На сегодняшний день существует множество вариантов данной шкалы: трехбалльная, пятибалльная, семибалльная шкалы и др. К примеру, трехбалльная шкала Лайкерта представляет собой очень простую и удобную в использовании шкалу, которую можно использовать для получения обратной связи от работников по кадровой политике. К примеру, можно предложить работникам ответить на следующие вопросы.

Как бы Вы оценили свой график работы в компании?

Варианты ответов:

- 1) удобный;
- 2) затрудняюсь ответить;
- 3) неудобный.

Оцените уровень корпоративной поддержки работников:

- 1) высокая;
- 2) поддержка оказывается, но данных мер мало;
- 3) низкая.
- 4) затрудняюсь ответить.

По вашему мнению, насколько Вы удовлетворены уровнем программ личного и профессионального развития и их разнообразием?

- а) удовлетворен;
- б) затрудняюсь ответить;
- в) неудовлетворен.

Также возможно получать от работников предложения и рекомендации по поставленным вопросам и использовать разные методы сбора информации. Их можно проводить как очно, так и при использовании цифровых технологий. Интервью и фокус-группы, глубинные интервью также способствуют получению обратной связи от работников в части кадровой политики, помогут выявить «подводные камни» и истинные потребности сотрудников.

Важный показатель эффективности кадровой политики — привлечение и удержание талантливых

сотрудников, профессионалов своего дела, людей творческих и квалифицированных. Как утверждает Кристофер Барнс, именно организации, практикующие концепцию устойчивого развития, в основе которой лежат долгосрочные цели, продуманная миссия компании, корпоративные ценности, имеют больше шансов привлечь в свои ряды талантливых людей [6]. Как правило, это люди, постоянно развивающиеся, следующие концепции Lifelong learning (непрерывного образования), которую они используют в личностном саморазвитии и профессиональном. Суть концепции заключается в постоянном обучении: «Век живи — век учись» [7].

Повышение эффективности в кадровой политике является сложным и непрерывным процессом, требует системного подхода. Одной из важных мер в организации эффективности кадровой политики является привлечение и удержание талантливых сотрудников. Иметь талантливых сотрудников — это не самоцель бизнеса, но его существенное конкурентное преимущество. Как известно, управление талантами, развитие лидерского потенциала и стратегическое планирование трудовых ресурсов позволяют компаниям значительно повысить эффективность работы бизнеса [8]. Применение специальных мер в кадровой политике помогает создавать привлекательную профессиональную среду для привлечения и удержания талантливых сотрудников. С этой целью регулярно проводится анализ рынка труда на предмет предложения конкурентоспособной заработной платы; разрабатываются различные бонусные программы для установления мер поощрения за определенные высокие показатели; с определенной периодичностью проводят публичное признание успехов работников, их награждают и поощряют за достижения; работникам предоставляют гибкий режим работы, дополнительные оплачиваемые выходные дни и другие комфортные для них условия, которые бы способствовали совмещению качественно выполняемой трудовой функции с выполнением, например, семейных обязанностей, прохождением обучения, лечения и т. д. Важно, чтобы работники не чувствовали себя «крепостными» (или «рабами»), у них был бы обязательно баланс между работой и личной жизнью, а условия труда помогали бы им раскрыть свой творческий потенциал. Об этом как раз много говорил Дуглас Мак-Грегор [2].

Тренды устойчивого развития, реализация концепции корпоративной социальной ответственности, способствуют привлечению и молодых специалистов, чья бурная энергия и свежие идеи способны перезапустить многие процессы в организации. К числу других способов, влияющих на эффективность кадровой политики, необходимо также отнести использование возможностей искусственного интеллекта (далее — ИИ). Автоматизация отдельных процессов и внедрение технологий, облегчающих труд людей, прямым образом сказывается на эффективности. С каждым днем количество организаций, интегрирующих искусственный интеллект в процессы управления человеческими ресурсами возрастает. HR-процессы, основанные на ИИ, становятся все более популярными, что требует от HR-специалистов соответствующей цифровой компетентности и внедрения новых подходов к управлению. ИИ значительным образом оптимизирует процессы управления человеческими ресурсами (HR). К числу продуктов ИИ, которые широко используются в HR практике, относят: Greenhouse (программа, позволяющая в автоматическом режиме осуществлять подбор соискателей на основе анализа ключевых слов, а также обобщать и анализировать опыт работы человека); Workday (осуществляет комплексное управление человеческими ресурсами, включает функции для управления зарплатами, производительностью, наймом и аналитикой); Rymetrics (платформа для развития «мягких навыков», которая пересматривает подход к найму и управлению талантами, использует нейропсихологические игры, которые выявляют предрасположенности кандидатов к корпоративной культуре компании) и другие цифровые технологии.

Таким образом, если организация развивается, применяет концепцию устойчивого развития, стремится внедрять инновации, демонстрирует гуманное отношение к своему персоналу, (как ценному ресурсу организации!), то кадровая политика такой организации также будет постоянно развиваться и совершенствоваться. Эффективной может быть лишь та кадровая политика, которая является гибкой и может адаптироваться к изменениям внешней среды с ее постоянными вызовами.

Список источников

1. Годованцева А. В., Чернышева Ю. С. Эффективная кадровая политика как основа управления

персоналом предприятия // *Мировая наука*. 2021. № 1 (46) // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnaya-kadrovaya-politika-kak-osnova-upravleniya-personalom-predpriyatiya>.

2. МакГрегор Д. Человеческая сторона предприятия. Нью-Йорк : МакГроу-Хилл, 1960.

3. Соловьева Ю. Ю. Регулирование текучести персонала в условиях нестабильной экономики: автореф. дисс. ... канд. эконом. наук. Новосибирск, 2009 // URL://http://www.stu.ru/files/science/2009-09-07/author_solovyeva_u.u..doc.

4. Клычова Г. С., Салахутдинова Э. Р. Теоретические подходы к формированию корпоративной социальной ответственности бизнеса // *Международный бухгалтерский учет*. 2022. № 1. С. 45–57.

5. Чабелкова И., Киселева Л. С., Стрелковский В. Исследование влияния социально-демографических характеристик работников на удовлетворенность трудом (на примере Чешской Республики) // *Экология человека*. 2015. № 4 // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vliyaniya-sotsialno-demograficheskikh-harakteristik-rabotnikov-na-udovletvorennost-trudom-na-primere-cheshskoy>.

6. Барнс К. Устойчивое развитие и управление талантами // *Деловая этика*. 2015.

7. Филатова М. Н., Новикова М. В. Цифровизация экономики как стимул непрерывного обучения // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Экономика и право. 2023. № 12. С. 83–86.

8. Одегов Ю. Г. Управление талантами — реальность современного менеджмента // *Вестник ОмГУ*. Серия: Экономика. 2015. № 1 // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-talantami-realnost-sovremennogo-menedzhmenta>.

9. Новикова М. В. Корпоративная ответственность работодателя. Предотвращение стрессов в трудовых отношениях // В сб.: *Научные труды. Российская академия юридических наук: тр. членов Российской академии юридических наук (РАЮН) и мат. XXIII междунар. науч.-практ. конф. М., 2023*. С. 568–573.

References

1. Godovantseva A. V., Chernysheva Yu. S. Effective personnel policy as a basis for personnel management of an enterprise // *World Science*. 2021. № 1 (46) // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnaya-kadrovaya-politika-kak-osnova-upravleniya-personalom-predpriyatiya>.

kadrovaya-politika-kak-osnova-upravleniya-personalom-predpriyatiya.

2. McGregor D. The human side of the enterprise. New York : McGraw-Hill, 1960.

3. Solovyova Yu. Yu. Regulation of staff turnover in an unstable economy: abstract. diss. ... candidate of economic sciences. Novosibirsk, 2009 // URL://http://www.stu.ru/files/science/2009-09-07/author_solovyeva_u.u..doc.

4. Klychova G. S., Salakhutdinova E. R. Theoretical approaches to the formation of corporate social responsibility of business // International accounting. 2022. No. 1. P. 45–57.

5. Chabelkova I., Kiseleva L. S., Strelkovsky V. Study of the influence of socio-demographic characteristics of workers on job satisfaction (on the example of the Czech Republic) // Human ecology. 2015. No. 4 // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vliyaniya-sotsialno-demograficheskikh-harakteristik-rabotnikov-na-udovletvorennost-trudom-na-primere-cheshskoy>.

6. Barnes K. Sustainable development and talent management // Business ethics. 2015.

7. Filatova M. N., Novikova M. V. Digitalization of the economy as an incentive for continuous learning // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law. 2023. No. 12. P. 83–86.

8. Odegov Yu. G. Talent management — the reality of modern management // OmSU Bulletin. Series: Economics. 2015. № 1 // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-talantami-realnost-sovremennogo-menedzhmenta>.

9. Novikova M. V. Corporate responsibility of the employer. Prevention of stress in labor relations // In the collection: Scientific papers. The Russian Academy of Legal Sciences: tr. members of the Russian Academy of Legal Sciences (RAYUN) and mat. XXIII International Scientific and Practical Conference M., 2023. P. 568–573.

Библиографический список

1. Каримов Д. А. Развитие федеральных округов как вариант совершенствования государственного управления // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 5. С. 5–13.

2. Лапина М. А., Прохоров К. В. Федеральный округ как центр территориальных органов государственной власти // Юридический мир. 2010. № 6. С. 58–60.

3. Неверов А. Я. Федеральные округа как перспектива нового федеративного устройства Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 7. С. 29–30.

Bibliographic list

1. Karimov D. A. Development of federal districts as an option for improving public administration // State power and local government. 2009. No. 5. P. 5–13.

2. Lapina M. A., Prokhorov K. V. Federal District as the Center of Territorial Bodies of State Power // Legal World. 2010. No. 6. P. 58–60.

3. Neverov A. Ya. Federal districts as a prospect of a new federal structure of the Russian Federation // Constitutional and municipal law. 2012. No. 7. P. 29–30.

Информация об авторах

М. Н. Филатова — заведующая кафедрой философии и социально-политических технологий Российского государственного университета нефти и газа (национального исследовательского университета) имени И.М. Губкина, доктор социологических наук, доцент;

М. В. Новикова — доцент кафедры философии и социально-политических технологий Российского государственного университета нефти и газа (национального исследовательского университета) имени И.М. Губкина, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

M. N. Filatova — Head of the Department of Philosophy and Socio-Political Technologies of the Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University), Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor;

M. V. Novikova — Associate Professor of the Department of Philosophy and Socio-Political Technologies of the Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.07.2024; одобрена после рецензирования 23.07.2024; принята к публикации 15.08.2024. The article was submitted 02.07.2024; approved after reviewing 23.07.2024; accepted for publication 15.08.2024.

Научная статья

УДК 336.5

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-268-275>

EDN: <https://elibrary.ru/dqqagh>

ИПОН: 2003-0059-4/24-127

MOSURED: 77/27-003-2024-04-326

Государственное финансирование науки как фактор устойчивого развития Российской Федерации

Лариса Владимировна Церкасевиц¹, Анна Юрьевна Румянцева²

^{1,2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

¹ larissa.vladi@mail.ru

² post_graduate@mail.ru

Аннотация. Выявляются тенденции и обосновывается значимость влияния объема финансирования науки на экономический рост. Рассматриваются основные механизмы, через которые финансирование науки связано с экономическим ростом; анализируются примеры различных стран и оцениваются потенциальные направления политики для оптимизации данного влияния. Приведены основные теоретические модели экономического развития, доказывающие необходимость финансирования научно-технического прогресса. Анализ статистических источников, демонстрирующих динамику инновационного развития стран Европы, показал, что валовые внутренние затраты на научные исследования и разработки государственного и частного секторов имеют заметное влияние на рост ВВП в долгосрочной перспективе. При этом высокий объем их финансирования позволил добиться длительного экономического роста, высокого уровня инновационного и технического развития. Такая направленность объема финансирования обеспечивает конкурентность продукции на мировой арене и высокое качество жизни. Показаны особенности экономического роста в постиндустриальной экономике, заключающиеся в ограничении возможности увеличения производительности труда при финансировании инноваций в сфере услуг так как здесь наблюдается «болезнь издержек» Баумоля, связанная с большой долей человеческого фактора. Систематизированы и представлены ключевые факторы, положительно влияющие на экономический рост, а также ограничивающие его. Рассмотрено текущее состояние финансирования науки в России, его влияние на экономический рост и выявлены основные проблемы, с которыми сталкивается российская наука. Сравнительный международный анализ тенденций объемов финансирования научных разработок в России позволил сделать вывод о том, что он является недостаточным и может рассматриваться как ограничение экономического роста. Показаны основные проблемы инновационного развития в России. Доказано, что государство является основным институтом, финансирующим научные исследования и разработки.

Ключевые слова: финансирование науки и экономический рост, модели экономического роста, факторы экономического роста

Для цитирования: Церкасевиц Л. В., Румянцева А. Ю. Государственное финансирование науки как фактор устойчивого развития Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 268–275. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-268-275>. EDN: DQQAGH.

Original article

State financing of science as a factor of sustainable development of the Russian Federation

Larisa V. Tserkasevich¹, Anna Yu. Rumyantseva²

^{1,2} Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint-Petersburg, Russia

¹ larissa.vladi@mail.ru

² post_graduate@mail.ru

Abstract. Trends are identified and the importance of the impact of the amount of science funding on economic growth is substantiated. The main mechanisms through which science financing is linked to economic growth are considered; examples from various countries are analyzed and potential policy directions for optimizing this influence are evaluated. The main theoretical models of economic development are presented, proving the need for financing scientific and technological progress. An analysis of statistical sources demonstrating the dynamics of innovative development in European countries has shown that gross domestic expenditures on research and development in the public and private sectors have a significant impact on GDP growth in the long term. At the same time, the high volume of their financing made it possible to achieve long-term economic growth, a high level of innovative and technical development. Such a focus on the volume of financing ensures the competitiveness of products on the world stage and a high quality of life. The features of economic growth in the post-industrial economy are shown, which consist in the limited possibility of increasing labor productivity when financing innovations in the service sector, since Baumol's «cost disease» is observed here, associated with a

© Церкасевиц Л. В., Румянцева А. Ю., 2024

large proportion of the human factor. The key factors that have a positive impact on economic growth, as well as limiting it, are systematized and presented. The current state of science financing in Russia, its impact on economic growth is considered and the main problems faced by Russian science are identified. A comparative international analysis of trends in the volume of funding for scientific research in Russia has led to the conclusion that it is insufficient and can be considered as a limitation of economic growth. The main problems of innovative development in Russia are shown. It is proved that the state is the main institution that finances scientific research and development.

Keywords: science funding and economic growth, economic growth models, economic growth factors

For citation: Tserkasevich L. V., Rumyantseva A. Yu. State financing of science as a factor of sustainable development of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):268–275. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-268-275>. EDN: DQQAGH.

Введение. Механизм управления экономическим ростом всегда был в фокусе внимания как ученых, так и практиков государственного управления, разрабатывающих стратегии развития страны. Исследования ученых показывают тесную взаимосвязь между разработкой и внедрением инноваций, высоких технологий в производство и экономическим ростом. Для обеспечения этих процессов необходимы ресурсы поддержания высокого уровня научных разработок, т. е. вложения в научные исследования и научные разработки. Актуальность изучения взаимосвязи финансирования науки с экономическим ростом обусловлена недостаточными темпами роста экономики России за десятилетний период, который составляет всего 10,4 % [1] по сравнению со среднемировым и необходимостью поиска новых источников развития экономики. В настоящее время в российской экономике сложилась модель развития, в которой динамика производства во многом определяется доходами от внешнеэкономической деятельности, связанной с сырьевыми ресурсами. С учетом тенденций развития мировой экономики сырьевой сектор далее не способен выполнять функцию драйвера экономического роста. Согласно выводам экспертов, в таких условиях экономический рост ограничен темпами 1–2 % в год [2, с. 9]. Как показывают научные исследования, в случае ориентации экономики страны на развитие сырьевого сектора, формируется риск возникновения эффекта «гибели лучших», который может постепенно привести к деиндустриализации [3, с. 213].

Кроме того, негативная демографическая ситуация увеличивает рост нагрузки на занятое население со стороны неработающих граждан, что возможно компенсировать только за счет увеличения производительности труда. В итоге эти тенденции определяют повышенные требования к необходимости модернизации ключевых секторов экономики и эффективности проводимой научно-технологической политики, которая является одним из факторов эко-

номического роста. Согласно выводам исследователей, экономическое развитие, нацеленное на обеспечение национальной безопасности, структурную перестройку производства, основанную на передовых технологиях, а также улучшение качества человеческого капитала требуют расходов на науку в объеме не менее 3–4 % ВВП [2, с. 12].

Таким образом, финансирование науки играет ключевую роль в развитии технологий, промышленного сектора, секторов социальной сферы, детерминирующих прогресс общества.

Цель исследования состоит в обосновании необходимости увеличения финансирования науки и научных разработок в России, которые обеспечивают устойчивый экономический рост, направленный на структурную перестройку производства, повышение благосостояния населения, полную занятость.

Материал и методы исследования. Научная база и методология исследования основаны на изучении теоретических источников отечественных и зарубежных ученых, обосновывающих зависимость экономического роста от финансирования инноваций и новых технологий, что связано с объемом финансирования науки. В работе использован сравнительный метод анализа отечественных и зарубежных статистических источников, системный анализ факторов, влияющих на экономический рост.

Результаты исследования и их обсуждение.

Экономическая теория роста. Научно-технический прогресс (НТП) является одним из ключевых факторов, определяющих долгосрочный экономический рост и конкурентоспособность страны. Экономическая теория предоставляет различные методы и подходы к вопросу необходимости развития инноваций, подчеркивая необходимость и эффективность государственного вмешательства. Рассмотрим основные теоретические обоснования государственного финансирования науки. Так, макроэкономическая теория экономического роста сформировалась в течение XX в.. В рамках этой теории фундаментальную роль

в обосновании необходимости инноваций для экономического роста играет нобелевский лауреат С. С. Кузнец. Идеи этого ученого положили начало изучению проблем экономического развития и экономического роста и стали основой разработки различных моделей экономического роста. Используя свой опыт работы в статистическом бюро г. Харькова, ученый применил количественный подход к изучению факторов увеличения национального богатства. В результате ученый пришел к выводу, что источником современного экономического роста является научно-технический прогресс. Следует указать, что инновации и применение достижений науки в производстве С. С. Кузнец относил к экзогенным (т. е. обусловленными внешними причинами) факторам.

В соответствии с целью исследования необходимо различать понятия экономического роста и экономического развития. С. С. Кузнец определяет «экономический рост общества» как «устойчивый рост производства на душу населения и на одного работника, часто происходящий на фоне роста населения и обычно вместе со структурными изменениями в экономике» [4, с. 1]. Таким образом, теория экономического роста изучает «сбалансированный рост, траекторию экономического роста мировой экономики и другие аспекты роста относительно развитых экономик» [5, с. 1161]. Теория экономического развития изучает динамику изменений в производстве и потреблении, в размере и структуре населения, в занятости населения и другие вопросы. В современном экономическом развитии научно-исследовательская и опытно-конструкторская деятельность (НИОКР) играет ключевую роль. В условиях глобальной конкуренции и быстрого технологического прогресса, инвестиции в науку становятся критическим фактором, определяющим конкурентоспособность страны.

Факторы влияния на экономический рост рассматривались различными учеными в экономических моделях роста, наиболее известной из которых является модель Р. Солоу (Solow-Swan model). Эта модель была разработана Р. Солоу еще в 1956 г., она является одной из базовых моделей экономического роста. За свои труды в области теории экономического роста Р. Солоу был награжден Нобелевской премией в 1987 г. Модель описывает, как накопление капитала, труд и технологические изменения влияют на уровень выпуска в экономике. Основное уравнение модели выглядит следующим образом [6]:

$$Y = A \cdot K^\alpha \cdot L^{1-\alpha},$$

где:

- ♦ Y — общий выпуск (ВВП);
- ♦ A — уровень технологического прогресса;
- ♦ K — объем капитала;
- ♦ L — трудовые ресурсы;
- ♦ α — эластичность выпуска по капиталу.

В модели Р. Солоу технологический прогресс играет ключевую роль в долгосрочном экономическом росте так как он способен обеспечить экономике выход за пределы возможностей, накладываемых ограниченными ресурсами капитала и труда. Уровень технологического прогресса (A) можно напрямую связать с финансированием науки и НИОКР, поскольку именно они являются движущей силой инноваций и новых технологий. Теоретическое обоснование модели Р. Солоу получило название «Теория экзогенного роста» так как предполагалось, что технологические изменения являются внешним фактором.

Модифицированное уравнение экономического роста. Финансирование науки и технологические инновации.

Для анализа долгосрочного роста используется модифицированное уравнение Р. Солоу, включающее темп роста технологического прогресса (gA):

$$Y'/Y = gA + \alpha \cdot (K'/K) + (1 - \alpha) \cdot (L'/L),$$

где:

- ♦ Y'/Y — темп роста ВВП;
- ♦ gA — темп роста технологического прогресса;
- ♦ K'/K — темп роста капитала;
- ♦ L'/L — темп роста трудовых ресурсов.

Расширенное уравнение стало основой появления эндогенной или «Новой теории роста», в которой технологии являются внутренним фактором, зависящим от инвестиций в исследования и разработки, а также от инвестиций в человеческий капитал. Таким образом, финансирование науки напрямую влияет на темп технологического прогресса (gA). Увеличение инвестиций в НИОКР приводит к разработке новых технологий, улучшению существующих производственных процессов и созданию инновационных продуктов. Это, в свою очередь, ускоряет экономический рост, повышает производительность и способствует занятости и улучшению качества жизни, а, как показано в [7], характеризуя понятие качества жизни, мы можем говорить о благополучии общества в целом.

Особенности экономического роста в постиндустриальной экономике. Следует указать, что эконо-

мический рост в постиндустриальную эпоху существенно отличается своей специфической динамикой по сравнению с характеристиками в индустриальную эпоху. Прежде всего речь идет о качестве и структуре роста [8, с. 9]. Характерной чертой постиндустриальной эпохи является тот факт, что в структуре экономики основную долю производимых благ составляют услуги социальной сферы (здравоохранение, культура, образование и др.), которые связаны с человеческой деятельностью. Инновации здесь не приводят к увеличению производительности так как ограничены физическими возможностями человека и направлены на улучшение качества жизни. С течением времени в этих секторах происходит рост заработной платы, но без увеличения производительности труда. Этот эффект назван «болезнью издержек» или «болезнью Баумоля» по имени американского ученого, впервые описавшего специфические процессы ограничения производительности труда в социальной сфере [9]. В связи с этим мы можем сделать вывод, что экономический рост в постиндустриальной экономике имеет нелинейный характер, вложения и инновации в отрасли социальной сферы могут значительно улучшить качество жизни, но они не связаны с увеличением производительности труда, а экономический рост в этом секторе может стагнировать [10].

Специфика финансирования инновационного развития в зарубежных странах. Как отмечено в [11], наблюдается снижение удельного веса предприятий, стремящихся к совершенствованию путем внедрения технологических инноваций. Как показывают данные исследований, в последние несколько лет конкуренция на мировых рынках между развитыми и развивающимися странами сместилась в область затрат на НИОКР [12, с. 30]. Более того, наблюдается рост удельной капиталоемкости затрат на научные исследования, которые детерминируют рост затрат на инновации с целью сохранения темпов роста эффективности производства [12, с. 10]. Ключевой тенденцией, наблюдаемой с 2017 г. в экономике развитых стран, стало резкое увеличение темпов суммарных корпоративных расходов на исследования и разработки. Анализ вложений в исследования и разработки, проведенный экспертами среди 2500 ведущих мировых корпораций, показывает, что прирост финансирования стал составлять 15 % в год (в предыдущие годы — 5 % в год). При этом,

суммарный объем финансирования увеличился с 2017 г. на 63 % по сравнению с предыдущими пятью годами. Быстрее всего развиваются цифровые и биомедицинские технологии, объем финансирования которых за 2017–2021 гг. увеличился на 80 %, а в предыдущие пять лет только на 28 % [12, с. 32]. Большую долю затрат внутри цифрового сектора составляют затраты на программное обеспечение. В настоящий момент 60 % всех мировых корпоративных расходов на исследования и разработки обеспечивают США и КНР [12, с. 39].

Финансирование науки в России. В России финансирование науки имеет особое значение, поскольку страна стремится укрепить свои позиции в глобальной экономике и развивать инновационный потенциал. В советский период наука в России получала значительное финансирование, что позволяло достигать высоких результатов в различных областях, таких как космонавтика, ядерная физика и математика. После распада СССР финансирование науки сократилось, что привело к оттоку кадров и сокращению научных исследований.

В последние годы российское правительство предпринимает усилия для увеличения финансирования науки. Основные источники финансирования включают государственные субсидии, гранты и частные инвестиции. Создание крупных научных фондов, таких как Российский научный фонд (РНФ) и Фонд перспективных исследований (ФПИ), направлено на поддержку фундаментальных и прикладных исследований. Однако, как показывают статистические данные, объем финансирования науки является недостаточным для достижения высокого технологического уровня развития. В 2021 г. расходы на научные исследования и разработки в России составляли всего около 1 % от ВВП, что значительно ниже уровня развитых стран, таких как США (около 3 % от ВВП) и Германия (около 3 % от ВВП). Основные направления финансирования включают оборонные исследования, космическую программу и информационные технологии.

Это подтверждают международные сравнения уровня инновационного развития. Так, в соответствии с данными исследования, проведенного в 2023 г., Россия по показателю Глобального индекса инноваций (ГИИ) в международных сравнениях среди 132 стран находится на 51-м месте, располагаясь между Катаром и Чили [13]. Исследование показало также, что Россий-

ская Федерация занимает самые низкие позиции по показателям: Институты (110-е место), Инфраструктура (72-е место) и развитость рынка (56-е место).

Таким образом, текущее состояние уровня технического и технологического состояния России свидетельствует о необходимости увеличения финансирования научных разработок.

Факторы, влияющие на объем финансирования науки. Согласно мнениям экспертов, объем финансирования науки, необходимый для роста экономики, может варьироваться в зависимости от множества факторов. Рассмотрим основные из этих факторов.

Степень развития экономики. Страны мира имеют различные уровни достигнутого научного и технологического развития. Развивающиеся страны не могут субсидировать достаточные объемы финансирования научных исследований в силу нестабильности, неразвитости финансовой системы. В этой связи появился термин «финансовая репрессия» [14], который означает: возможность роста тормозится или подавляется. Этот процесс затронул фундаментальную науку в России [15, с. 86]. В настоящее время финансирование научных исследований свидетельствует о наличии развитии новых технологий и инновационных продуктов, которые могут значительно повысить производительность труда и конкурентоспособность российских компаний. Примеры успешных проектов включают разработку вакцины «Спутник V» и достижения в области ядерной энергетики. **Приоритетные направления** технологического развития национальных экономик также влияют на объем необходимых ресурсов. Выбор приоритетных направлений осуществляется экспертным сообществом в каждой сфере. В экономически развитых странах наиболее актуальными сферами технологического развития являются высокотехнологичные сектора (например, ИТ, биотехнологии), которые требуют значительно больше финансовых вложений для достижения значимого эффекта в экономике. Методика выбора приоритетных направлений развития страны должна начинаться с оценки имеющихся ресурсов страны — финансовых, природных, человеческих, технологических, инфраструктурных, институциональных. Затем следует очертить наиболее актуальные сферы развития страны и их цели. Неотъемлемой частью выбора приоритетов должна стать оценка рисков инновационного развития. **Выбор источников финансирования. Государственное и частное финансирование.**

Соотношение между государственными инвестициями и частными вложениями также влияет на необходимый объем финансирования. Частный сектор часто следует за государственной инициативой, создавая дополнительные инвестиции. В России основным источником «финансирования фундаментальных научных исследований, поисковых научных исследований являются средства федерального бюджета, а также средства фондов поддержки научной, научно-технической, инновационной деятельности» [16]. В настоящее время правительство России планирует постепенное снижение бюджетных расходов на гражданскую науку с 2,68 % в 2024 г., 2,34 % в 2025 г. до 2,0 % в 2026 г. Одновременно планируется увеличить долю частных инвестиций с 36 % (бюджетные средства, соответственно 64 %) всех планируемых средств в 2024 г., к 2030 г. частные инвестиции должны увеличиться до 43 %, а в 2035 г. — до 50 % [17].

Хотя точных универсальных цифр объема финансирования науки нельзя привести, существуют исследования, показывающие, что страны при вложениях 2–3 % ВВП на научные исследования и разработки демонстрируют более высокий рост экономики. В любом случае, для достижения устойчивого роста необходимы долгосрочные стратегии и стабильные инвестиции в науку и технологии.

Роль государства в финансировании науки. Государственное финансирование науки и НИОКР является важным аспектом экономической политики, влияющим на долгосрочный экономический рост и инновационное развитие. Государственные инвестиции в науку играют решающую роль, особенно на начальных этапах разработки новых технологий, когда частный сектор может не быть готов к финансированию из-за высоких рисков и длительных сроков окупаемости. Государственные гранты, субсидии и налоговые льготы призваны стимулировать компании и исследовательские институты к активизации НИОКР.

Обоснование приоритета государственного вмешательства в процесс субсидирования науки, способствующего увеличению производительности труда и экономическому росту, посвящены труды различных ученых. Представители различных экономических школ изучали влияние государственных инвестиций в науку и технологии на экономику, предложив разнообразные обоснования и методы участия государства в финансировании науки для

развития НИОКР. Так, теория общественных благ и теория рыночных неудач акцентируют внимание на необходимости государственного вмешательства для компенсации недостатков рынка. Теория эндогенного роста и эволюционная экономика подчеркивают важность государственных инвестиций в науку и инновации для долгосрочного экономического роста. Институциональная экономика фокусируется на значении качественных институций и политик. В совокупности, эти подходы предоставляют комплексное понимание роли государства в стимулировании научных исследований и инновационного развития.

Изучению закономерностей роли современного государства в управлении знаниями посвящены работы итало-американской экономистки, профессора экономики инноваций в Университетском колледже Лондона, М. Маццукато. В своих трудах она обосновала ключевую роль государства в управлении инновациями [18]. Согласно ее выводам, государство, которое она называет «Государство-предприниматель», играет ключевую роль в инновациях тем, что стимулирует новые знания в национальных университетах, мобилизует ресурсы с целью распространения знаний во все сектора экономики, финансируя науку и НИОКР, создавая рынки и стимулируя частные инвестиции [18, с. 86]. М. Маццукато подчеркивает, что политики Евросоюза закрепили в своем документе «Европа 2020» показатели развития, направленные на экономический рост, который опирается на научные знания и инновации. В документе указано, что 3 % ВВП Евросоюза должно быть инвестировано в исследования и разработки. Обосновывая приоритет государственного финансирования науки, М. Маццукато указывает следующие аргументы:

- ♦ государственные инвестиции необходимы для производства общественных благ, таких как базовые научные исследования и фундаментальные открытия;

- ♦ государственная поддержка необходима для создания благоприятной среды для инноваций;

- ♦ государство должно компенсировать недостаток рынка путем прямого финансирования НИОКР или предоставления стимулов для частных инвестиций.

При этом М. Маццукато указывает следующие риски финансирования науки частным сектором:

- ♦ частные компании избегают риски инвестирования достаточных вложений в науку и НИОКР при

неопределенности монетизации знаний и их защиты от копирования;

- ♦ частный сектор может недостаточно инвестировать в НИОКР из-за высоких издержек и рисков, связанных с исследовательской деятельностью;

- ♦ частные компании могут избегать рисков, связанных с экспериментальными исследованиями.

Таким образом, исследование М. Маццукато показывает необходимость приоритета ответственности государства в вопросах управления развитием науки и инноваций.

Заключение. Проведенное исследование показало, что финансирование науки и НИОКР играет решающую роль в обеспечении долгосрочного экономического роста. Данные статистики свидетельствуют о том, что страны, активно инвестирующие в НИОКР, получают значительные экономические выгоды, повышают свою конкурентоспособность и улучшают качество жизни своих граждан. Государственная поддержка и стимулирование частных инвестиций в науку являются важными инструментами для достижения устойчивого экономического развития.

Теоретическая модель Р. Солоу наглядно демонстрирует: технологический прогресс является основным двигателем роста, а увеличение инвестиций в науку способствует ускорению этого прогресса. Дальнейшие исследования экономистов, таких как Пол Ромер, Ричард Нельсон, Кеннет Арроу, Роберт Солоу и Мариана Маццукато, подчеркивают важность государственного финансирования науки и НИОКР для долгосрочного экономического роста. Их работы предоставляют теоретические и эмпирические обоснования необходимости активного участия государства в стимулировании инноваций и технологического прогресса. Эти экономисты показали, что государственные инвестиции в науку и технологии могут преодолеть рыночные неудачи, способствовать созданию новых знаний и технологий и, в конечном итоге, приводить к устойчивому экономическому росту. Государственная поддержка и стимулирование частных инвестиций в науку являются важными инструментами для достижения устойчивого экономического развития.

Финансирование науки играет ключевую роль в стимулировании экономического роста и развития инновационного потенциала России. Несмотря на ряд существующих проблем, таких как недостаточное финансирование и отток кадров, в последние

годы предпринимаются активные усилия для улучшения ситуации. Текущий уровень финансирования науки в России остается относительно низким по сравнению с развитыми странами, что ограничивает возможности для проведения масштабных научных исследований и разработок. Увеличение объема инвестиций в науку, повышение эффективности использования средств и создание привлекательных условий для работы ученых могут значительно укрепить позиции России в глобальной экономике и обеспечить устойчивый экономический рост в долгосрочной перспективе.

Список источников

1. Россия — Годовой рост ВВП // URL://<https://ru.tradingeconomics.com/russia/full-year-gdp-growth>.
2. Окрепилов В. В. Россия 2035: к новому качеству национальной экономики: науч. доклад / под ред. члена-корреспондента РАН А. А. Широ́ва. М. : Артик Принт, 2024.
3. Эрик С. Райнерт. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой. 10-е изд. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2024.
4. Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread, New Haven : Yale University Press, 1966.
5. Асемоглу Дарон. Введение в теорию современного экономического роста. В 2 кн. Кн. 1 / пер. с англ.; под науч. ред. К. Сосунова. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.
6. Solow R. W. A Contribution to the Theory of Economic Growth // Quarterly Journal of Economics. 1956. Vol. 70. No. 1. P. 65–94.
7. Церка́севич Л. В. Качество жизни общества как фактор риска устойчивости экономической системы // Россия и Санкт-Петербург: экономика и образование в XXI веке: науч. сессия профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов по итогам НИР за 2016 г. СПб. : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. С. 58–63.
8. Сухарев О. С. Экономический рост и научно-техническое развитие (теоретические штрихи к формированию политики) // Вопросы территориального развития. 2017. № 1(36). С. 1–22.
9. Baumol W. J., Уильям Боуэн [англ.] Performing Arts, The Economic Dilemma: a study of problems

common to theater, opera, music, and dance. Cambridge, Mass: M.I.T. Press, 1966.

10. Церка́севич Л. В., Макаренко Е. А. Пластичность информационных рисков в обществе эпохи постмодерна // Философия инноваций и социология будущего в пространстве культуры: научный диалог: сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Уфа, 10 декабря 2020 г.). Ч. I. Уфа : Башкирский государственный университет, 2020. С. 345–354.
11. Луди́нова Ю. В., Румянцева А. Ю., Тару́тько О. А. Национальные проекты как адаптационный механизм финансового взаимодействия государства и корпораций // Экономика и управление. 2022. Т. 28. № 2. С. 140–146.
12. Трансформация мировой экономики: возможности и риски для России: науч. доклад / под ред. члена-корреспондента РАН А. А. Широ́ва. М. : Динамик Принт, 2024.
13. Глобальный инновационный индекс // URL://https://www.wipo.int/global_innovation_index/ru/
14. Finance for Growth: Policy Choices in a Volatile World / World Bank and Oxford University Press, 2001.
15. Сухарев О. С. Экономический рост и финансовые институты: влияние на макро- и микроуровнях // Финансовый журнал. 2017. № 2. С. 76–90.
16. Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».
17. Бюджетные траты переориентируют на прикладную науку // URL://<https://www.kommersant.ru/doc/6819824>.
18. Ма́ццукато М. Предпринимательское государство: развеим мифы о государстве и частном секторе / пер. с англ. М. Добряковой. М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2023.

References

1. Russia — Annual GDP growth // URL://<https://ru.tradingeconomics.com/russia/full-year-gdp-growth>.
2. Okrepilov V. V. Russia 2035: towards a new quality of the national economy: scientific report / edited by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences A. A. Shirov. M. : Artik Print, 2024.
3. Eric S. Reinert. How rich countries became rich, and why poor countries remain poor / translated from English by N. Autonomova. 10th ed. M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2024.

4. Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread, New Haven : Yale University Press, 1966.
5. Asemoglu Daron. An introduction to the theory of modern economic growth. In 2 books of Book 1 / translated from English; edited by K. Sosunov. M. : Publishing House «Delo» Ranchi GS, 2018.
6. Solow R. W. A Contribution to the Theory of Economic Growth // Quarterly Journal of Economics. 1956. Vol. 70. No. 1. P. 65–94.
7. Tserkasevich L. V. The quality of life of society as a risk factor for the stability of the economic system // Russia and St. Petersburg: economics and education in the XXI century: scientific. session of the teaching staff, researchers and postgraduates on the results of research in 2016. St. Petersburg : St. Petersburg State University of Economics, 2018. P. 58–63.
8. Sukharev O. S. Economic growth and scientific and technical development (theoretical touches to policy formation) // Issues of territorial development. 2017. No. 1(36). P. 1–22.
9. Baumol W. J., William Bowen Performing Arts, The Economic Dilemma: a study of problems common to theater, opera, music, and dance. Cambridge, Mass: M.I.T. Press, 1966.
10. Tserkasevich L. V., Makarenko E. A. Plasticity of information risks in postmodern society // Philosophy of innovation and sociology of the future in the space of culture: scientific dialogue: collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Ufa, December 10, 2020). Part I. Ufa : Bashkir State University, 2020. P. 345–354.
11. Ludinova Yu. V., Rumyantseva A. Yu., Tarutko O. A. National projects as an adaptation mechanism of financial interaction between the state and corporations // Economics and management. 2022. Vol. 28. No. 2. P. 140–146.
12. Transformation of the world economy: opportunities and risks for Russia: scientific report / edited by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences A. A. Shirov. M. : Dynamic Print, 2024.
13. Global Innovation Index // URL://https://www.wipo.int/global_innovation_index/ru/
14. Finance for Growth: Policy Choices in a Volatile World / World Bank and Oxford University Press, 2001.
15. Sukharev O. S. Economic growth and financial institutions: impact on macro and micro levels // Financial Journal. 2017. No. 2. P. 76–90.
16. Federal Law No. 127-FZ of August 23, 1996 «On Science and State Scientific and Technical Policy» (with amendments and additions) // LRS «Consultant-Plus».
17. Budget spending is being redirected to applied science // URL://<https://www.kommersant.ru/doc/6819824>.
18. Mazzucato M. The entrepreneurial state: dispelling myths about the state and the private sector / translated from the English by M. Dobryakova. M. : Ed. House of the Higher School of Economics, 2023.

Информация об авторах

Л. В. Церкаевич — профессор кафедры международных финансов и бухгалтерского учета Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор экономических наук, профессор;

А. Ю. Румянцева — доцент кафедры международных финансов и бухгалтерского учета Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, проректор по науке и международной деятельности, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

L. V. Tserkasevich — Professor of the Department of International Finance and Accounting of the Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Economic Sciences, Professor;

A. Yu. Rumyantseva — Associate Professor of the Department of International Finance and Accounting of the Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics, Vice-Rector for Science and International Activities, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.07.2024; одобрена после рецензирования 23.07.2024; принята к публикации 15.08.2024. The article was submitted 02.07.2024; approved after reviewing 23.07.2024; accepted for publication 15.08.2024.

Научная статья

УДК 657.6

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-276-283>

EDN: <https://elibrary.ru/drafvs>

NIJON: 2003-0059-4/24-128

MOSURED: 77/27-003-2024-04-327

Исследование законодательного опыта европейских стран в области противодействия нелегальной деятельности на финансовых рынках (на примере Швейцарии, Германии, Франции и Италии)

Светлана Сергеевна Чикурова

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия, CHikurova.SS@rea.ru

Аннотация. Законодательная база, созданная европейскими странами в области борьбы с незаконными практиками на финансовых рынках, является не только следствием международного финансового кризиса 2008 г., но и катализатором для Европейского сообщества, заставившим пересмотреть свою законодательную систему в области финансового надзора. Изучение нормативно-правовой базы Европейского союза (ЕС) в области надзорной деятельности дает возможность получить информацию о текущей практике, а также определить сложившийся практический комплексный подход к определению и противодействию нелегальной деятельности на финансовых рынках ЕС. Результаты проведенного анализа подтверждают актуальность и важность темы данного исследования.

Ключевые слова: нелегальная деятельность, финансовая система, международные организации, центральный (национальный) банк, финансовый надзор, риски, пруденциальный надзор, финансовый рынок

Благодарности: статья подготовлена и финансируется в рамках исполнения Государственного задания Минобрнауки России в сфере научной деятельности № FSSW-2023-0055 «Анализ международного законодательства и лучших зарубежных правоприменительных практик в сфере противодействия нелегальной деятельности на финансовых рынках».

Для цитирования: Чикурова С. С. Исследование законодательного опыта европейских стран в области противодействия нелегальной деятельности на финансовых рынках (на примере Швейцарии, Германии, Франции и Италии) // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 276–283. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-276-283>. EDN: DRAFVS.

Original article

A study of the legislative experience of European countries in the field of countering illegal activities in financial markets (using the example of Switzerland, Germany, France and Italy)

Svetlana S. Chikurova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, CHikurova.SS@rea.ru

Abstract. The legislative framework created by European countries in the field of combating illegal practices in financial markets is not only a consequence of the international financial crisis of 2008, but also a catalyst for the European Community, which forced a review of its legislative system in the field of financial supervision. The study of the regulatory framework of the European Union (hereinafter referred to as the EU) in the field of supervisory activities provides an opportunity to obtain information about current practices, as well as to determine the established practical integrated approach to identifying and countering illegal activities in the EU financial markets. The results of the analysis confirm the relevance and importance of the topic of this study.

Keywords: illegal activities, financial system, international organizations, central (national) bank, financial supervision, risks, prudential supervision, financial market

Acknowledgements: the article was prepared and financed under the State Assignment of the Ministry of Education and Science of Russia in the sphere of scientific activity № FSSW-2023-0055 «Analysis of International Legislation and Best Foreign Law Enforcement Practices in the Sphere of Counteracting Illegal Activity on Financial Markets».

For citation: Chikurova S. S. A study of the legislative experience of European countries in the field of countering illegal activities in financial markets (using the example of Switzerland, Germany, France and Italy). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):276–283. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-276-283>. EDN: DRAFVS.

После стрессовых потрясений, повлиявших на функционирование финансовой системы по всему миру в 2008–2009 гг., практика работы на международных финансовых рынках сегодня считается состоявшейся. И это происходит не только благодаря усилиям западных стран, но и Европейского Союза (ЕС), который радикально принял меры, направленные на изменение законодательной базы того вре-

© Чикурова С. С., 2024

мени. Главным изменением стало не просто перераспределение функций, а упразднение существовавших на тот момент финансовых институтов и создание совершенно новой системы финансового надзора в ЕС. Именно на этом этапе исторического развития концепция «пруденциального надзора» ЕС и его многоуровневое регулирование может быть отмечена как новая веха в его создании [2; 3; 4].

Для понимания деятельности каждого рынка «как места», где могут происходить мошеннические действия и осуществляться нелегальная деятельность, в рамках данного исследования необходимо: рассмотреть работу уполномоченных органов (учреждений), регулирующих деятельность финансовых рынков ЕС; определить практические меры каждого надзорного органа ЕС, направленные на предотвращение нелегальной деятельности на финансовых рынках; провести обобщение полученных результатов, сформулировать выводы.

Организационная структура новой системы по финансовому надзору Европейского союза разработана таким образом, чтобы в рамках ее работы была возможность осуществлять надзор, контроль и регулирование на разных уровнях. Так, в целях регулирования всей финансовой системы и снижения рисков был утвержден Европейский совет по системным рискам. Во многих публикациях авторы определяют этот уровень регулирования как «*пруденциальный надзор макроуровня*» [1, с. 81].

«*Пруденциальный надзор микроуровня*» — это работа надзорных органов в банковском секторе, страховании и рынке ценных бумаг.

Основополагающими документами, описывающие процедуры и правила работы основных европейских институтов являются:

- ♦ договор об учреждении Европейского экономического сообщества, датированный и подписанный 25 марта 1957 г.¹.

- ♦ договор о Европейском союзе датированный и подписанный 7 февраля 1992 г.².

Учитывая изменения, касающиеся принятия решений и отношений между ЕС и его государствами-членами, на сегодняшний день существуют консолидированная версия указанных договоров³.

Согласно текстам учредительных договоров, политика ЕС осуществляется с помощью работы различных органов, институтов ЕС, которые выполняют различные функции⁴. К вышеперечисленной

структуре ЕС добавляется работа *децентрализованных агентств*, их количество насчитывает порядка 30 организаций⁵.

Децентрализованные агентства ЕС (Decentralised agencies) — это самостоятельно зарегистрированные юридические лица, со своей структурой управления и центрами принятия решений; однако, в работе институциональной структуры ЕС данные агентства способствуют реализации политических решений ЕС, осуществляют взаимодействие, направленное на сотрудничество с национальными правительствами и т. д.⁶.

К работе децентрализованных агентств ЕС относится работа европейских надзорных органов⁷ по страхованию, инвестициям и банковской деятельности, о которых речь пойдет ниже.

1. *Европейская система финансового надзора (The European Financial Supervision System (ESFS))*⁸ — результаты постоянного взаимодействия и сотрудничества находят свое отражение в публикациях и совместных документах, которые размещаются на официальных сайтах надзорных органов⁹. Концептуаль-

¹ Vertrag Zur Gründung Der Europäischen Wirtschaftsgemeinschaft. Rom, den 25. März 1957 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/PDF/?uri=CELEX:11957E/TXT>.

² Treaty on European Union, signed at Maastricht on 7 February 1992 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:C:1992:191:TOC>.

³ Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union — Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union — Protocols — Annexes — Declarations annexed to the Final Act of the Intergovernmental Conference which adopted the Treaty of Lisbon, signed on 13 December 2007 — Tables of equivalences // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:12012E/TXT>.

⁴ Types of institutions and bodies // URL: https://europeanunion.europa.eu/institutions-law-budget/institutions-and-bodies/types-institutions-and-bodies_en.

⁵ Search all EU institutions and bodies // URL: https://europeanunion.europa.eu/institutions-law-budget/institutions-and-bodies/search-all-eu-institutions-and-bodies_en?f%5B0%5D=oe_or_organisation_eu_type%3Ahttp%3A/publications.europa.eu/resource/authority/corporate-body-classification/AGENCY_DEC.

⁶ Decentralised agencies // URL: https://europeanunion.europa.eu/institutions-law-budget/institutions-and-bodies/types-institutions-and-bodies_en.

⁷ Jacques de Larosière // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Jacques_de_Larosiere.

⁸ European system of financial supervision // URL: https://finance.ec.europa.eu/regulation-and-supervision/european-system-financial-supervision_en.

⁹ Report From The Commission To The European Parliament And The Council On the operation of the European Supervisory Authorities (ESAs) // URL: https://finance.ec.europa.eu/document/download/05789c08-ca19-4fe4-bb76-7095cefe3956_en?filename=220523-esas-operations-report_en.pdf.

ная основа данного документа показывает, насколько эффективна и целесообразна работа надзорных органов, их участие в работе финансовых рынков.

2. *Европейское банковское управление (The European Banking Authority (EBA))* отвечает за банковское регулирование, включая надзор за деятельностью в Европе¹⁰.

Работа и операционная деятельность ЕВА, включая вопросы планирования, базируются на документах, каждый из которых устанавливает принципы и правила работы; вопросы планирования; финансового регулирования и надзора. В табл. 1 представлен фрагмент информации о нормативно-правовой базе и институциональных аспектах надзорного органа ЕВА.

Таблица 1

Свод документов (правил), обеспечивающих работу ЕВА (фрагмент)

Название документа	Направление документа	Состав заинтересованных лиц
О порядке разработки и утверждения стандартов, руководящих принципов и рекомендаций ¹¹	Регулирование	Наблюдательный совет ЕВА Группа заинтересованных сторон в банковской сфере
Процедуры урегулирования разногласий между компетентными органами ¹²	Разрешение споров (урегулирование разногласий)	Наблюдательный совет ЕВА Компетентные органы ЕС Члены органов ЕВА Комиссия Члены Совета директоров
О правилах проведения расследования нарушения Союза, закон ¹³	Разрешение споров (урегулирование разногласий)	Наблюдательный совет ЕВА Компетентные органы ЕС Члены органов ЕВА Комиссия Члены Совета директоров
Стратегия по борьбе с мошенничеством ¹⁴	Регламентное направление (рабочие правила и процедуры)	Исполнительный директор Группа по борьбе с мошенничеством Сотрудники юридического отдела Сотрудники ЕВА
О порядке представления отчетности ¹⁵	Регламентное направление (рабочие правила и процедуры)	Компетентные органы ЕС Европейское банковское управление ЕВА

Источник: составлено автором на основе данных¹⁶.

3. *Европейское управление по страхованию и профессиональным пенсиям (The European Office of Insurance and Occupational Pensions (EIOPA))* — надзорный

орган Европейского союза в секторе страхования и профессиональных пенсий ЕС¹⁷. «EIOPA осуществляет работу по поиску решений для устранения пробелов в

¹⁰ EBA within the EU institutional framework // URL://<https://www.eba.europa.eu/about-us/organisation-and-governance/eba-within-eu-institutional-framework>.

¹¹ Decision of the European Banking Authority adopting a Procedure for developing and adopting Draft Technical Standards and Guidelines and Recommendations // URL://<https://www.eba.europa.eu/sites/default/files/documents/10180/16082/f6e8869f-f984-494e-8910-108177c25d70/EBA-DC-030--Decision-on-the-Process-for-adopting-TS-GLs-and-Rec-.pdf>.

¹² Decision of the European Banking Authority of 22-01-2020 concerning rules of procedure for the settlement of disagreements between competent authorities // URL://https://www.eba.europa.eu/sites/default/files/document_library/1025691/EBA%20DC%20313%20-%20Binding%20mediation%20RoP%20amended%20%28consolidated%20version%29.pdf.

¹³ Decision of the European Banking Authority of 22-01-2020 concerning rules of procedure for investigation of breach of Union law Amended b // URL://<https://www.eba.europa.eu/sites/default/files/2024-02/942225d0-4024-4001-9318-8411244feca4/2020%2001%2022%20BoS%20ESAs%20Review%20-%20BUL%20RoP%20%28consolidated%20version%29.pdf>.

¹⁴ EBA Anti-Fraud Strategy // URL://https://www.eba.europa.eu/sites/default/files/document_library/1026463/Anti-Fraud%20Strategy%202019.pdf.

¹⁵ Decision of the European Banking Authority of 05.06.2020 concerning supervisory reporting by competent authorities to the EBA // URL://https://www.eba.europa.eu/sites/default/files/document_library/Risk%20Analysis%20and%20Data/Reporting%20by%20Authorities/885460/Decision%20on%20supervisory%20reporting%20by%20competent%20authorities%20to%20the%20EBA.pdf.

¹⁶ EBA regulation and institutional framework // URL://<https://www.eba.europa.eu/about-us/legal-and-policy-framework/eba-regulation-and-institutional-framework>.

¹⁷ The history of the creation of EIOPA // URL://https://www.eiopa.europa.eu/about/history_en.

сфере страхования и пенсионного обеспечения. Существует целый ряд рисков, начиная от старения населения и заканчивая изменением климата, киберпространством и пандемией, которые могут иметь потенциально системные последствия и, следовательно, требуют усовершенствованных решений по страхованию, тем самым усиливается практическая значимость и необходимость в данном регулирующем органе ЕС»¹⁸.

4. *Европейское управление по ценным бумагам и рынкам (The European Securities and Markets Authority (ESMA))* — надзорный орган, который отвечает за создание условий прозрачности на финансовых рынках; за защиту интересов инвесторов и создание благоприятной среды для финансовых услуг; за обеспечение финансовой безопасности.

Направление деятельности ESMA по секторам:

- ♦ управление инвестициями (включая розничную дистрибуцию инвестиционных продуктов);
- ♦ инвестиционные услуги (в том числе краудфандинг);
- ♦ рейтинговые агентства¹⁹.

Самым большим риском при работе на рынках ценных бумаг являются попытки мошенничества. Чтобы предотвратить и избежать этого, проводится «проверка на соответствие» участников рынка.

Учитывая негативную статистику, ESMA, как надзорный орган со своими функциями и полномочиями, предъявляет и применяет следующий практический инструментарий:

- ♦ авторизация фирм и включение их в публичный реестр инвестиционных фирм, который создан и ведется компетентными органами;
- ♦ работа с порталом ESMA Registers, который предоставляет информационную возможность и осведомленность о работе рынка.

5. *Европейский совет по системным рискам (The European Systemic Risk Board (ESRB))* осуществляет надзор и контроль за финансовой системой, включая оценку (мониторинг, предотвращение) системных рисков²⁰. Макропруденциальная политика ESRB базируется на документах, которые являются «навигатором» в своей деятельности (табл. 2).

Таблица 2

Свод документов (правил), обеспечивающих работу ESRB (фрагмент)

Документ-основание	Направление применения
О создании Европейского совета по системным рискам ²¹	Макропруденциальный надзор
Руководство ESRB по внедрению макропруденциальной политики в банковском секторе и Приложение: Коэффициенты макропруденциального левиреджа ²²	Практические меры в области макропруденциальной политики
О мерах, принимаемых в рамках макропруденциальной политики ²³	Макропруденциальная политика
О макропруденциальном надзоре и создании Европейского совета по системным рискам ²⁴	Макропруденциальный надзор

Источник: составлено автором.

¹⁸ Eiopa Strategy 2023–2026 // URL://https://www.eiopa.europa.eu/document/download/45b7717c-9593-4f0f-9571-138e6bcb30f0_en?filename=EIOPA%20strategy%202023-2026.pdf

¹⁹ ESMA's Activities // URL://<https://www.esma.europa.eu/esmas-activities>.

²⁰ Организационная структура ESRB // URL://<https://www.esrb.europa.eu/shared/pdf/Organisational-Chart.pdf?29dcecb8e5670d080f9772d0422fb274>.

²¹ Regulation (EU) 2019/2176 Of The European Parliament And Of The Council of 18 December 2019 amending Regulation (EU) No 1092/2010 on European Union macro-prudential oversight of the financial system and establishing a European Systemic Risk Board // URL://https://www.esrb.europa.eu/shared/pdf/esrb.regulation20191218_2176.en.pdf?09300365cf08c838bf29b2da7483548c.

²² The ESRB handbook on operationalising macroprudential policy in the banking sector // URL://https://www.esrb.europa.eu/pub/pdf/reports/esrb.report180115_handbook~c9160ed5b1.en.pdf.

²³ Decision Of The European Systemic Risk Board of 16 December 2015 on a coordination framework for the notification of national macroprudential policy measures by relevant authorities, the issuing of opinions and recommendations by the ESRB, and repealing Decision ESRB/2014/2 (ESRB/2015/4) // URL://https://www.esrb.europa.eu/pub/pdf/recommendations/esrb.decision20151216_ESRB_2015_4.en.pdf.

²⁴ Regulation (EU) No 1092/2010 of the European Parliament and of the Council of 24 November 2010 on European Union macro-prudential oversight of the financial system and establishing a European Systemic Risk Board // URL://https://www.esrb.europa.eu/shared/pdf/101216_ESRB_establishment.en.pdf?20c8cadce98d21eb005aad871b87fa6f.

Надзорные органы, осуществляющие контроль и надзор на финансовых рынках ЕС, играют центральную роль в функционировании финансового сектора и обеспечивают безопасность банковской и страховой системы, рынков ценных бумаг.

На сегодняшний день банковский надзор осуществляется комплексно, где в работе задействованы не только *Европейский центральный банк*, но и национальные надзорные органы государств-членов ЕС. Такой интегрированный подход признан как «Единый надзорный механизм» (*The Single Supervisory Mechanism (SSM)*)²⁵ и применяется к банковскому сектору.

Полномочия Европейского центрального банка (ЕЦБ), в рамках действующей единой системы надзора следующие:

- ♦ проведение надзорных проверок;
- ♦ выдача или отзыв лицензий на ведение (прекращение) банковской деятельности;
- ♦ участие, контроль, оценка в отношении активов квалифицируемых холдингов;

♦ обеспечение соблюдения пруденциальных норм ЕС;

♦ установление высоких требований к достаточности капитала («буферы») для противодействия рискам²⁶.

*Швейцарская служба по надзору за финансовыми рынками (Swiss Financial Markets Authority (FINMA))*²⁷ является независимым регулятором швейцарских финансовых рынков; была создана как самостоятельный орган публичного права в январе 2009 г. Говоря о полномочиях этого института, можно, прежде всего, выделить *надзор за банками, страховыми компаниями, финансовыми институтами и страховыми посредниками*.

FINMA осуществляет надзор в соответствии с законодательной базой Швейцарии. Документы, формирующие контрольно-надзорную деятельность финансовых рынков Швейцарии, включая борьбу с нелегальной деятельностью, представлены в табл. 3.

6. *Швейцарский национальный банк (The Swiss National Bank (SNB))* сотрудничает с FINMA, швей-

Таблица 3

Нормативно-правовая основа FINMA в отношении контроля и надзора за нелегальной деятельностью (фрагмент)

Документ	Направление деятельности
Закон о деятельности FINMA	Контроль и надзор за незаконной деятельностью
Закон о финансовых рынках ²⁸	Регулирование финансовых рынков
Закон в отношении борьбы с нелегальной деятельностью ²⁹	Контроль и надзор за незаконной деятельностью
Постановление в отношении борьбы с нелегальной деятельностью ³⁰	Контроль и надзор за незаконной деятельностью
Постановление FINMA в отношении борьбы с нелегальной деятельностью ³¹	Контрольно-надзорная деятельность с нелегальной деятельностью

Источник: составлено автором.

царским органом надзора за финансовыми рынками по вопросам финансовой стабильности и устойчивости в рамках Меморандума о взаимопонимании³².

Согласно этому документу, FINMA и SNB организуют и координируют свою совместную деятельность в рамках надзорной деятельности [4, с. 299–300].

²⁵ The Single Supervisory Mechanism (SSM) // URL: <https://www.bankingsupervision.europa.eu/about/thessm/html/index.en.html>.

²⁶ Our scope of action // URL: <https://www.eba.europa.eu/about-us/legal-and-policy-framework/eba-regulation-and-institutional-framework>.

²⁷ FINMA — an independent supervisory authority // URL: <https://www.finma.ch/en/finma/finma-an-overview/>

²⁸ Federal Act on Financial Market Infrastructures and Market Conduct in Securities and Derivatives Trading (Financial Market Infrastructure Act, FinMIA) of 19 June 2015 (Status as of 1 February 2024 // URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2015/853/en>.

²⁹ Federal Act on Combating Money Laundering and Terrorist Financing (Anti-Money Laundering Act, AMLA) of 10 October 1997 (Status as of 1 March 2024) // URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1998/892_892_892/en.

³⁰ Verordnung über die Bekämpfung der Geldwäscherei und der Terrorismusfinanzierung (Geldwäschereiverordnung, GwV) vom 11. November 2015 (Stand am 1. Januar 2023) // URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2015/791/de>.

³¹ Verordnung der Eidgenössischen Finanzmarktaufsicht über die Bekämpfung von Geldwäscherei und Terrorismusfinanzierung im Finanzsektor (Geldwäschereiverordnung-FINMA, GwV-FINMA) vom 3. Juni 2015 (Stand am 1. Januar 2023) (Stand am 1. Januar 2023) // URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2015/390/de>.

³² Memorandum of Understanding in the field of financial stability between the Swiss Financial Market Supervisory Authority FINMA and the Swiss National Bank SNB // URL: <https://www.snb.ch/en/the-snb/mandates-goals/financial-stability>.

7. *Федеральный орган финансового надзора Германии* ((нем. *Bundesanstalt für Finanzdienstleistungsaufsicht (BaFin)*, англ. *The Federal Financial Supervisory Authority*) — осуществляет контроль и надзор за участниками финансового рынка, включая фондовые биржи, страховые компании, поставщиков финансовых услуг и брокеров³³. Как компетентный надзорный орган, BaFin, осуществляет регулярную диагностику и контроль за признаками несанкционированной и запрещенной деятельности, выявляет подозрительную деятельность, а также стремится

контролировать платежеспособность, обеспечивать управление рисками и предотвращать использование финансовой системы в целях нелегальной деятельности с применением различных мер³⁴.

8. Банк Италии является компетентным национальным органом в рамках надзора за банками и фирмами, занимающимися ценными бумагами³⁵.

Практические меры и задачи Банка Италии, направленные на снижение рисков по развитию нелегальной деятельности с ценными бумагами, представлены в табл. 4³⁶.

Таблица 4

Свод документов (правил), обеспечивающих работу ЕВА (фрагмент)

Участники	Мера	Направление
Банки, брокеры, финансовые посредники, трастовые компании и т. д.	Расширение использования финансовой информации и предоставление доступа правоохранительным органам	Организация внутреннего контроля и установления рабочих процедур в отношении работы с нелегальной деятельностью
Банки, брокеры, финансовые посредники, трастовые компании и т. д.	Сохранение информации, как в отношении текущих отношений, так и в отношении эпизодических операций, подлежащих надлежащей проверке ³⁷	Хранение документов, предоставление отчетной информации
Банки, брокеры, финансовые посредники, трастовые компании и т. д.	Проведение процедуры идентификация клиентов, подрядчиков, конечного бенефициарного владельца	Идентификация клиента
Банки, брокеры, финансовые посредники, трастовые компании и т. д.	Утверждение принципов управления взаимоотношениями с участниками финансового рынка ³⁸	Организация внутреннего контроля и установления рабочих процедур в отношении работы с нелегальной деятельностью
Банки, брокеры, финансовые посредники, трастовые компании и т. д.	Утверждение и использование в проверочных мероприятиях массива информации, полученной из надежных независимых источников	Идентификация клиента. Хранение документов, предоставление отчетной информации
	Анализ и оценка информации в отношении операций и транзакций при наличии повышенного риска	Организация внутреннего контроля и установления рабочих процедур в отношении работы с нелегальной деятельностью. Идентификация клиента
Банки, брокеры, финансовые посредники, трастовые компании и т. д.	Постоянный мониторинг в рамках текущих отношений с клиентами ³⁹	Идентификация клиента

Источник: составлено автором на основе данных⁴⁰.

³³ Federal Financial Supervisory Authority // URL://https://www.bafin.de/EN/Homepage/homepage_node.html.

³⁴ Circular 7/2014 (GW) — Scanning fulfils record-keeping obligation pursuant to section 8 (1) sentence 3 of the GwG // URL://https://www.bafin.de/SharedDocs/Veroeffentlichungen/EN/Rundschreiben/rs_1407_gw_scanning_en.html; Circular 01/2014 (GW) — suspicious transaction report in accordance with sections 11, 14 of the GwG // URL://https://www.bafin.de/SharedDocs/Veroeffentlichungen/EN/Rundschreiben/rs_1401_gw_verwaltungspraxis_vm_en.html.

³⁵ Chi siamo // URL://<https://www.bancaditalia.it/chi-siamo/index.html>.

³⁶ Decreto Legislativo 21 novembre 2007, n. 231 Attuazione della direttiva 2005/60/CE concernente la prevenzione dell'utilizzo del sistema finanziario a scopo di riciclaggio dei proventi di attività criminose e di finanziamento del terrorismo nonché della direttiva 2006/70/CE che ne reca misure di esecuzione // URL://<https://www.normattiva.it/atto/caricaDettaglioAtto?atto.dataPubblicazioneGazzetta=2007-12-14&atto.codiceRedazionale=007X0246&currentPage=1>.

³⁷ Disposizioni Per La Conservazione E La Messa A Disposizione Dei Documenti, Dei Dati E Delle Informazioni Per Il Contrasto Del Riciclaggio E Del Finanziamento Del Terrorismo // URL://<https://www.bancaditalia.it/compiti/supervisione-normativa-antiriciclaggio/normativa/archivio-norme/conservazione-documenti/index.html>.

³⁸ Disposizioni In Materia Di Organizzazione, Procedure E Controlli Interni Volti A Prevenire L'utilizzo Degli Intermediari A Fini Di Riciclaggio E Di Finanziamento Del Terrorismo // URL://<https://www.bancaditalia.it/compiti/vigilanza/normativa/archivio-norme/disposizioni/controlli-interni-antiriciclaggio/Disposizioni.pdf>.

³⁹ Disposizioni In Materia Di Adeguata Verifica Della Clientela Per Il Contrasto Del Riciclaggio E Del Finanziamento Del Terrorismo // URL://<https://www.bancaditalia.it/compiti/vigilanza/normativa/archivio-norme/disposizioni/20190730-dispo/Disposizioni.pdf>.

⁴⁰ Supervisione e Normativa Antiriciclaggio // URL://<https://www.bancaditalia.it/compiti/supervisione-normativa-antiriciclaggio/index.html>.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

4-е изд., перераб. и доп. Учебник. 663 с.
Гриф МО РФ
Гриф УМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Эриашвили Н. Д.

Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

Н.Д. Эриашвили

Финансовое право

Учебник
Четвертое издание

Рассматривается финансовое право в аспекте наиболее актуальных вопросов правового регулирования важнейших институтов этой отрасли права в современный период развития экономики.

Основное внимание уделяется правовым основам и принципам финансовой деятельности, правовому регулированию бюджетных отношений и налогообложения. Анализируются правовые основы государственного и муниципального кредита, правовое регулирование банковской деятельности, а также правовые основы денежного обращения.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов, а также практических работников органов государственной власти и местного самоуправления, финансовых и кредитных учреждений и предпринимателей.

8. Деятельность Банка Франции (Banque de France) направлена на поддержание баланса в финансовой системе, на осуществление надзора за банками и страховыми компаниями, включая защиту интересов клиентов как участников финансового рынка⁴¹.

9. Орган пруденциального надзора и принятия решений во Франции (*Autorité de Contrôle Prudentiel et de Résolution (ACPR)*) подчиняется Банку Франции и отвечает за поддержание стабильности финансовой системы и предотвращение кризисов. В рамках своего надзорного мандата основными задачами этого органа являются: пруденциальный надзор за всеми финансовыми учреждениями (кредитные, страховые, инвестиционные фирмы, финансовые компании, учреждения электронных денег); предотвращение отмывания денег и финансирования терроризма; мониторинг деловой практики.

Подводя итоги данного исследования, можно отметить следующие ключевые особенности:

- ♦ финансовый кризис 2008–2009 гг. «заставил» все мировое сообщество пересмотреть процедуры контроля и надзора за деятельностью финансовых рынков и их участников;

- ♦ важной вехой для европейских законодателей стала отмена старого режима и создание новой европейской системы финансового надзора в 2011 г.;

- ♦ новая система финансового надзора основана на базовых документах, которые используют в своей работе недавно созданные органы ESFS, такие как EBA, ESMA, EIOPA и ESRB;

- ♦ система нормативно-правового регулирования финансовых рынков Европейского Союза имеет соподчиненную структуру документов по степени их «значимости» в плане юридической силы.

Поэтому сфера применения пруденциального надзора Европейского Союза считается достаточно масштабной, поскольку она охватывает все финансовые институты, включая банковский, страховой сектор, рыночную инфраструктуру и платежные системы.

Стоит также и отметить, что, если целью микропруденциального надзора является поддержание и обеспечение финансовой стабильности и прозрачности отдельных финансовых институтов Европей-

⁴¹ Guide De Prévention Contre Les Arnaques // URL://<https://www.abe-infoservice.fr/prevention-arnaques/ressources-complementaires-pour-eviter-les-arnaques>.

ского Союза, в то время как целью макропруденциального надзора является снижение и предотвращение системного риска на уровне всей финансовой системы.

Список источников

1. Актуальные вопросы противодействия нелегальной деятельности на финансовом рынке // URL://<https://krymsk-region.ru/deyatelnost/aktualnye-voprosy-protivodejstviya-nelegalnoj-deyatelnosti-na-finansovom-rynke/>

2. Van Driel H. Financial fraud, scandals, and regulation: A conceptual framework and literature review // *Business History*. 2018. No. 61(8). P. 1259–1299.

3. Wise Michael. Droit et politique de la concurrence dans l'Union européenne // *Revue sur le droit et la politique de la concurrence*. 2007. No. 1. Vol. 9. P. 7–98 // URL://<https://www.cairn.info/revue-sur-le-droit-et-la-politique-de-la-concurrence-2007-1-page-7.htm>.

4. Чикурова С. С. Исследование документов международных организаций на предмет регулирования деятельности участников финансового рынка: соглашения (меморандумы) с центральными (национальными) банками зарубежных государств // *Финансовый бизнес*. 2023. № 11(245). С. 297–305.

References

1. Topical issues of countering illegal activities in the financial market // URL://<https://krymsk-region.ru/>

deyatelnost/aktualnye-voprosy-protivodejstviya-nelegalnoj-deyatelnosti-na-finansovom-rynke/

2. Van Driel H. Financial fraud, scandals, and regulation: A conceptual framework and literature review // *Business History*. 2018. No. 61(8). P. 1259–1299.

3. Wise Michael. Droit et politique de la concurrence de l'Union européenne // *Revue sur le droit et la politique de la concurrence*. 2007. No. 1. Vol. 9. P. 7–98 // URL://<https://www.cairn.info/revue-sur-le-droit-et-la-politique-de-la-concurrence-2007-1-page-7.htm>

4. Chikurova S. S. Research of documents of international organizations on the subject of regulating the activities of financial market participants: agreements (memoranda) with central (national) banks of foreign countries // *Financial business*. 2023. No. 11(245). P. 297–305.

Библиографический список / Bibliographic list

1. Prudential regulation // URL://<https://www.eba.europa.eu/activities/single-rulebook>.

2. Tom Baker, Anja Shortland, How Crime Shapes Insurance and Insurance Shapes Crime // *Journal of Legal Analysis*. 2023. Vol. 15. Issue 1. P. 183–200.

3. Thoppan J. J., Punniyamoorthy M., Ganesh K. and Mohapatra S. «Types of Manipulation», Developing an Effective Model for Detecting Trade-based Market Manipulation // Emerald Publishing Limited, Leeds. 2021. P. 87–90.

Информация об авторе

С. С. Чикурова — доцент базовой кафедры финансовой и экономической безопасности Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, кандидат экономических наук.

Information about the author

S. S. Chikurova — Associate Professor of the Basic Department of Financial and Economic Security of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 02.07.2024; одобрена после рецензирования 23.07.2024; принята к публикации 15.08.2024.

The article was submitted 02.07.2024; approved after reviewing 23.07.2024; accepted for publication 15.08.2024.

Научная статья

УДК 740

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-284-290>

EDN: <https://elibrary.ru/efglhv>

ИПОН: 2003-0059-4/24-129

MOSURED: 77/27-003-2024-04-328

Общепсихологические методы изучения личности в деятельности руководителя

Илья Исакович Аминов^{1,2}

¹ Московский политехнический университет, Москва, Россия, aminovii@mail.ru

² Московский университет имени С.Ю. Витте, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются общепсихологические методы изучения личности. Проведенный анализ эмпирических данных позволил выявить именно те методы, которые наиболее доступны и действенны в сфере управленческой деятельности. Особое внимание уделено наблюдению, эксперименту, беседе, методу обобщения независимых характеристик. В заключении делается вывод, что в изучении личности подчиненного успех руководителя зависит от его теоретической подготовленности, умелого сочетания им комплекса методов психологической науки, которыми он может воспользоваться компетентными усилиями, следуя должностным обязанностям, этико-психологическим принципам и целям постижения личности подчиненного.

Ключевые слова: методы общей психологии, методики, руководитель, подчиненный, поведение, деятельность, наблюдение, беседа, обобщение независимых характеристик, эксперимент, биографический метод

Для цитирования: Аминов И. И. Общепсихологические методы изучения личности в деятельности руководителя // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 284–290. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-284-290>. EDN: EFGLHV.

Original article

General psychological methods of studying personality in the activities of a leader

Ilya I. Aminov^{1,2}

¹ Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia, aminovii@mail.ru

² Witte Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. General psychological methods of studying personality are considered. The analysis of empirical data made it possible to identify exactly those methods that are most accessible and effective in the field of management activities. Special attention is paid to observation, experiment, conversation, and the method of generalizing independent characteristics. In conclusion, it is concluded that in studying the personality of a subordinate, the success of a leader depends on his theoretical preparedness, his skillful combination of a set of methods of psychological science, which he can use with competent efforts, following official duties, ethical and psychological principles and goals of comprehending the personality of a subordinate.

Keywords: methods of general psychology, methods, supervisor, subordinate, behavior, activity, observation, conversation, generalization of independent characteristics, experiment, biographical method

For citation: Aminov I. I. General psychological methods of studying personality in the activities of a leader. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):284–290. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-284-290>. EDN: EFGLHV.

Изучение личности работников организации относится к числу важнейших функциональных обязанностей руководителя. Оно осуществляется непрерывно, в процессе управленческой деятельности, призвано быть как источником, так и инструментом получения информации о тех или иных качествах, свойствах личности, познание которых необходимо для оптимизации руководства подчиненными.

На начальном этапе изучения личности, как правило, осуществляется сбор фактов, достоверно характеризующих поведение субъекта. При этом любое сколь угодно большое количество сведений или фактов о личности, какими бы убедительными они не казались, еще ни о чем не говорит. Сведения и факты требуют не только сбора и анализа, но и психологического обобщения. Способы, применяемые для

© Аминов И. И., 2024

сбора, анализа и обобщения фактов, относительно поведения и деятельности личности, в психологии называются методами. Главное условие эффективного использования метода — достоверность получаемой информации.

Каждый метод, взятый в отдельности, нацелен на изучение какой-то одной личностной особенности. Так, например, один из методов, позволяющих изучить некоторые особенности внимания, состоит в том, что на специальном бланке (или экране монитора) испытуемым предлагаются в перемешку контуры геометрических фигур. Участники испытания с помощью зрительного контроля должны выявить, сколько и какие фигуры изображены. Выполнение задания ограничивается временем. Показатель внимательности рассчитывается как отношение затраченного времени к общему количеству правильно выявленных фигур. Несмотря на то, что этот метод дает определенное представление об устойчивости (концентрации) внимания, однако не отвечает на вопрос, почему затрачено много (мало) времени на выполнение этого задания. Ведь испытуемый мог отнестись к задаче небрежно, либо был незадолго до этого огорчен каким-либо неприятным для него известием, либо утомлен, прежде чем приступил к выполнению задания, и т. д. Следовательно, если пытаться на основе только одного метода и одновременно охарактеризовать даже простейшее свойство (особенность) личности, легко допустить ошибку и приписать человеку такие особенности, которые ему не свойственны. Следовательно, необходима группа методов, неразрывно связанных единой методикой.

Таким образом, методика — это система связанных между собой методов, позволяющих всесторонне исследовать изучаемое свойство личности.

Знание методов и даже методик еще не означает умение изучать личность. Необходимо обладать известными теоретическими знаниями, позволяющими разобраться в ее психологии, в причинно-следственных связях, обуславливающих реальные факты. Конечно, с помощью методов можно более или менее определенно описать их совокупность, но зачастую этого бывает недостаточно ни для теории, ни для практики руководства людьми. Факты эти нуждаются в объяснении, вне которого изучение не может быть сколько-нибудь объективным. Кроме того, теоретические знания позволяют определить цель и за-

дачи изучения, выбрать подходящие для данного случая методы, разработать соответствующую методику, выделить из наблюдаемых фактов наиболее значимые, относящиеся к проблеме, четко их описать и, наконец, получить научно обоснованные ответы на поставленные вопросы. Наиболее общие исходные принципы (положения), позволяющие на основе теории решить поставленные задачи, представляют собой методологию изучения личности.

Таким образом, методы и методики — это лишь инструмент, который может использоваться успешно в зависимости от того, насколько исследователь овладел теорией и методологией проблемы. Каждый конкретный метод эффективен только в конкретной методике, приспособленной к решаемой познавательной задаче на основе методологического и теоретического анализа. И если ниже все методы, доступные руководителю, будут рассмотрены отдельно, делается это исключительно для удобства изложения содержания статьи.

Из всего многообразия общепсихологических методов изучения личности в практике руководства людьми наиболее часто используются наблюдение, эксперимент, беседа, изучение результатов деятельности и биографический метод. Основными из них выступают наблюдение и эксперимент, остальные имеют вспомогательное значение, поскольку используются в сочетании с наблюдением и экспериментом.

Метод наблюдения (видеонаблюдение) представляет собой целенаправленное, специально организованное восприятие проявлений поведения и деятельности изучаемой личности. Несмотря на то, что этот самый сложный процесс нацелен на сканирование психологической действительности, широко известно, что два человека, наблюдавшие одну и ту же ситуацию, чаще всего воспринимают ее по-разному. Много зависит от установки наблюдателя, от того, что именно желает видеть каждый из наблюдателей. Без определенной цели и задач наблюдения, память фиксирует разрозненные факты, в зависимости от необычности, новизны, эмоциональной окрашенности и т. д. Субъективный сбор информации сопряжен также с тем, что наблюдатель неосознанно проецирует поведение исследуемого на самого себя, связывая его с собственным мироощущением, ценностями, культурой и т. п.

Подобное стихийное наблюдение зачастую вводит руководителя в заблуждение относительно истинных качеств личности подчиненного. В силу

этого, важнейшим условием эффективности наблюдения является постановка четкой и ясной цели, отвечающей на вопрос: какие особенности личности, в какой ситуации, когда и где следует наблюдать? Одновременно следует предусмотреть способ фиксации выявляемых фактов. В этом отношении важным подспорьем выступает ведение дневника, где фиксируются результаты наблюдений.

Метод наблюдения включает не просто фиксацию всех воспринимаемых фактов, а в их соотношении друг с другом. Так, действие или поступок человека могут быть типичными или случайными, вынужденными или идущими от убеждения. Следовательно, собранные факты должны быть проанализированы и обобщены так, чтобы можно было сделать вывод относительно их повторяемости, закономерности их проявления в определенных условиях.

Следующий этап наблюдения — соотношение проанализированных и обобщенных фактов с внутренним миром личности, — их интерпретация (объяснение). Главная трудность при этом состоит в том, что за идентичными по внешним проявлениям фактами могут скрываться разные психологические феномены — чувства, мысли, переживания и т. д.

Например, руководитель организации на служебном совещании стал свидетелем критического высказывания одного из работников в адрес своего непосредственного начальника — руководителя отдела. И хотя проверка установила, что факты не противоречат действительности, однако, возникает вопрос: как сообщенные сведения могут характеризовать выступившего сотрудника? Требуется дополнительного анализа и объяснения побудительные мотивы критики со стороны подчиненного. Одно дело, если его выступление продиктовано исключительно деловыми причинами, многократным, но безрезультатным личным обращением к своему непосредственному начальнику, тревогой за состоянием положения дел, надеждой, что начальник организации, как вышестоящее лицо, образумит начальника отдела. В таком случае, критика морально оправдана и характеризует сотрудника как человека, отличающегося ответственностью за успехи всего персонала, принципиальностью и гражданским долгом. Но на такое выступление человека могут толкать и карьеристские соображения, месть за истинные или воображаемые обиды, конформизм — давление со стороны окружающих и т. д. Как видим, на фоне «справедливой кри-

тики» могут выступать разные позиции и мотивы личности.

В процессе изучения подчиненных руководитель не может целиком полагаться только на свои собственные наблюдения. Им используются наблюдения и выводы других должностных лиц, — заместителей, руководителей подразделений и т. д. В этом проявляется особая разновидность метода наблюдения, — *обобщение независимых характеристик*, усредняющее поступающую информацию из разных источников, позволяющее получить целостное представление о личности в соответствии с концепцией динамической структуры личности профессора К. К. Платонова [1, с. 45]. Для руководителя данный подход представляет особую ценность, поскольку он, во-первых, не в состоянии лично наблюдать поведение даже одного из подчиненных, во-вторых, при встрече с руководителем подчиненный часто меняет свое поведение, т. е. ведет себя не так, как наедине с собой. Кроме того, использование результатов наблюдения других лиц, воспринимающих поведение изучаемой личности в естественных условиях, также нельзя считать абсолютно истинными. Все дело в том, что восприятие человека человеком не может быть беспристрастным, а потому становится важным отделение достоверных фактов от эмоций и субъективизма наблюдателя.

Важным условием эффективного применения метода обобщения независимых характеристик выступает учет разнообразных сфер поведения личности, — выполнение должностных обязанностей, социальная активность, поведение в быту. При этом руководитель, принимающий на веру все сообщаемые ему о личности факты, допускает более опасные ошибки, чем те, которые неизбежны при недостаточно глубоком познании подчиненных. Таким образом, какими бы убедительными ни казались сообщаемые другими лицами факты, не следует делать окончательного вывода без самостоятельного и лично ответственного анализа.

При всей ценности метода наблюдения, следует отметить, он имеет и существенный организационный недостаток — исследователю приходится достаточно долго ожидать, когда изучаемая личность проявит те или иные качества, представляющие для руководителя познавательный интерес. От этого недостатка, как утверждает общей психологией, свободен метод эксперимента [2, с. 239].

Экспериментальный метод — способ создания такой ситуации, при которой интересующие исследователя индивидуально-личностные и поведенческо-психологические особенности проявляют себя более отчетливо и наглядно. При этом, в случае возникшей необходимости в перепроверке или уточнении, полученные исследователем данные могут наблюдаться повторно, в том числе и другим должностным лицом. Эксперимент, как один из способов получения уникальной информации, позволяет видоизменять условия, выявлять с большей точностью, какие конкретные факторы и в какой степени оказывают наибольшее воздействие на испытуемого. Другими словами, изучение личности в конкретной ситуации может без особых затруднений контролироваться и управляться.

В связи с многообразием экспериментальных методов изучения личности выделяют разные основания для их классификации, но по условиям проведения различают лабораторный и естественный эксперименты. Лабораторный проводится в искусственных условиях, когда испытуемый, «вырванный» из повседневной привычной жизни, изучается с помощью специальной аппаратуры, техники, позволяющей его контролировать, держать в поле зрения все многообразие проявлений испытуемого. Однако человек в лабораторных, искусственных условиях может повести себя соответственно, проявить тревогу, нервозность. Поэтому исследователи стремятся проводить эксперименты в естественных условиях, прибегая к естественному эксперименту. При этом лабораторный и естественный эксперименты тесно взаимосвязаны. Так, для определения уровня самооценки личности, испытуемому предлагается решить ряд задач различной трудности, напечатанных в отдельных файлах. Испытуемому сообщается, что сложность задачи возрастает с увеличением номера файла. Им также предоставляется право начать выполнение задания исходя из трудности поставленной задачи.

Выбор порядка выполнения задания позволяет относительно быстро выявить пять уровней самооценки личности: высокую адекватную, высокую неадекватную, среднюю, низкую неадекватную и низкую адекватную. Этот эксперимент можно приблизить к лабораторным или естественным условиям. В первом случае провести эксперимент в специально оборудованном кабинете, под непо-

средственным контролем начальства и видеозаписи, во втором — непосредственно в кабинете работника, в форме распределения заданий, вытекающих из предложения руководителя всем сотрудникам, — выбрать себе задание, исходя из личной возможности (способности) его реализации, предложить пути его решения. В том или ином случае начальник получает возможность более точно определить уровень самооценки подчиненных. Возможно усреднение «лабораторного» и «естественного» результатов эксперимента.

Примером естественного эксперимента, нацеленного на выявление волевых качеств личности, может служить методика профессора А. И. Китова, применяемая, как правило, среди сотрудников силовых структур. На физической подготовке ставится общая задача подтянуться на тренажере максимальное количество раз, а на последнем подтягивании, продержаться на согнутых руках столько времени, сколько можно выдержать. Смысл эксперимента сводится к тому, что время мышечной задержки после того, как сотрудник, многократно подтягиваясь, физически «выложился», согласуется с волевыми качествами его личности.

Исходя из другого основания — цели, эксперименты бывают констатирующими и преобразующими. Примером констатирующего эксперимента, призванного фиксировать наличие или отсутствие того или иного факта, качества или свойства личности, либо объяснять то или иное психическое явление, может быть приведенный выше эксперимент, в ходе которого определялся уровень волевых качеств личности на основе временной оценки мышечной задержки. Преобразующий эксперимент нацелен на формирование тех или иных качеств и свойств, навыков и умений личности. Так, поставив перед собой цель привить подчиненному такие качества, как самостоятельность и ответственность в принятии решений, руководитель, объезжая вместе с ним улицы города, требующие ремонта и реновации, помогает независимо оценить наблюдаемые факты.

Преобразующий эксперимент только тогда достигает своей цели, когда тщательно планируется. Ход его подготовки и проведения включает следующие этапы. Во-первых, выявляется уровень развития у сотрудника качеств и свойств, представляющих интерес. На этой основе определяется цель формирования необходимых качеств, умений и навыков.

Во-вторых, выбираются средства воздействия на испытуемого. В-третьих, реализуется само мероприятие, в ходе которого осуществляется сам замысел эксперимента со всеми намеченными мероприятиями, обеспечивается фиксация хода и результатов эксперимента. В-четвертых, проводится анализ собранной информации, ее обобщение, формулировка результатов эксперимента, определение степени эффективности использованных средств воздействия на испытуемого, установление причинно-следственных связей между применявшимися средствами влияния на личность и теми изменениями, которые произошли в личности испытуемого.

Широко распространенным методом изучения личности является *беседа (диалог)*, в ходе которой испытуемый либо свободно высказывается по предложенной теме, либо отвечает на задаваемые вопросы исследователя. В настоящее время широкое распространение получил и считается репрезентативным метод опроса по телефону, видеосвязи по системам Skype, WhatsApp.

Кажущаяся простота применения беседы сопряжена со значительными трудностями, объясняемыми рядом причин.

Не каждый человек, даже если стремится быть искренним, способен четко излагать свои мысли. По мнению профессора А. И. Китова, устное изложение граничит со специфической способностью, близкой к художественному творчеству [3, с. 284]. Кроме того, степень искренности каждого собеседника может в значительных пределах варьироваться. Трудность состоит не столько в умышленном стремлении скрыть правду, сколько в неосознаваемой предрасположенности человека, корнящейся в негативном детском опыте, низкой самооценке, тревожности, интровертированности, предпочтении вести скрытный образ жизни и т. д. [4, с. 333]. Учитывая эти обстоятельства, психологическая наука предпочитает рассматривать беседу как вспомогательный метод, ведь «...объективный анализ высказываний испытуемого приводит нередко к результатам отличным или даже противоположным их непосредственному содержанию» [5, с. 171].

В деятельности руководителя могут быть использованы разнообразные беседы, отличные друг от друга по своим целям.

Ознакомительная беседа проводится при первой встрече с новым работником. Важное условие ее про-

ведения — непринужденная обстановка, установление в самом начале психологического контакта, недопущение повышенного тона, требовательности, вопросов допросно-провоцирующего характера. При этом анкетные данные и автобиографию собеседника следует изучить заранее. Следует помнить, познавательное значение имеют высказывания человека не столько о самом себе, сколько об окружающих людях, прежней деятельности, посторонним сведениям, не имеющим прямого отношения к делу.

Познавательная беседа чаще всего проводится с целью выявления взглядов, позиций человека по тем или иным вопросам. Поскольку прямое приглашение к откровенности, как правило, не достигает цели, возникает необходимость в использовании специальных приемов, располагающих человека к доверительному общению.

Среди широко распространенных трудностей, препятствующих выявлению подлинной точки зрения человека — использование им стереотипов мышления, выражающихся в том, что собеседник часто говорит не то, что думает, а то, «как принято» отвечать на подобного рода вопросы. Встречаются трудности также иного рода: опрашиваемый, стараясь угадать желание инициатора беседы, дает ответ, более приемлемый для него. Следовательно, задаваемые вопросы не должны возбуждать стереотипы мышления, содержать намеков на желания и предпочтения исследователя.

Контрольная беседа имеет целью проверку знаний работника, к примеру, степени понимания и способов реализации своих функциональных обязанностей. Эта беседа может проводиться в форме устного ответа подчиненного о проделанной работе, перспективных планах, намеченных мероприятиях и т. д. Руководителю целесообразнее всего проводить контрольные беседы с теми должностными лицами, которые имеют подчиненных, заранее уведомлять их в отношении содержания вопросов предстоящей беседы. Например, кто из Ваших подчиненных служит образцом исполнительности и дисциплинированности? После ответа на этот вопрос, задаются следующие вопросы — в чем проявляется его дисциплинированность, от чего зависит такое поведение; как Вы реагируете на поведение сотрудников, которые нарушают трудовую дисциплину и т. д.

Проведение и анализ результатов подобных бесед позволяет руководителю быть постоянно в курсе со-

стояния дисциплины в коллективе, одновременно стимулировать неформальное изучение должностными лицами подчиненных.

К методам, доступным к применению руководителем, можно отнести **метод изучения результатов деятельности**, предназначенный для выявления особенностей личности, объективированных в итогах труда. От конкретного результата деятельности, по которому осуществляется оценка личности, зависит и процедура анализа. Так, изучая справку об укомплектованности организации кадрами основного и вспомогательного профиля, составленную начальником департамента по работе с персоналом, можно сделать определенное заключение об индивидуально-психологических особенностях сотрудников; анализируя жалобу сотрудника, можно составить определенное представление о ее авторе и т. д. В целом, метод требует, чтобы при изучении результатов деятельности человека оценивались не только объективные (научные, технические, правовые и т. д.) критерии, но и отражение в них тех или иных личностных характеристик.

Применяя **биографический метод**, руководитель основывается на анализе жизненных ситуаций, которые могли оказать влияние на формирование личности в наибольшей степени. Индивидуально-психологические различия между людьми чаще всего объясняются особенностями формирования (взросления) в микросреде: семье, школьном, вузовском, трудовом коллективе и т. д. Однако анализ влияния на формирование личности ее биографических данных представляет собой чрезвычайно сложную проблему. Применяя данный метод, необходимо помнить, что «плохая биография» далеко не всегда свидетельствует об отрицательных качествах личности, точно так же, как «хорошая» не является основанием для высокой оценки морально-психологических качеств (достоинств) человека. Данные биографии следует соотносить с актуальным поведением человека для выявления текущих тенденций с целью прогнозирования будущего, поскольку любая биография — это всегда прошлое человека. Личность не остается «верной самой себе», она претерпевает непрерывные изменения. Однако при объективно-вдумчивом подходе к биографии можно понять важные особенности изучаемой личности.

Так, например, моральная атмосфера в семье, в которой вырос человек, представляет бесспорный

интерес для изучения личности. Именно в морально здоровой семье создаются наиболее благоприятные условия для формирования личности. Показательны взаимоотношения между отцом и матерью, другими членами семьи. При этом не следует забывать, что и в неблагополучных семьях вырастают достойные люди, а в хороших — лица без стыда, совести и самоуважения. Так происходит потому, что существует множество других, кроме семьи, факторов, оказывающих влияние на личность.

Знание ближайшего окружения человека (его друзей, товарищей) позволяет сделать важные выводы о нем самом. Здесь показателен как моральный облик окружения, так и характер взаимоотношения с окружающими. Целесообразно выяснить, кто из близких, знакомых и коллег, по мнению самого изучаемого, оказал на него наибольшее влияние. Если он с благодарностью вспоминает своих учителей, старших товарищей, людей, с которыми его когда-то свела судьба, уважительно отзывается о них, есть основания предположить, что личность развивалась в благоприятной среде. Неуважительные же отзывы о ближайшем окружении, скорее всего, могут свидетельствовать об обратном.

Участие в общественной (политической, культурной, образовательной и других сферах) жизни служит важным критерием оценки личности. В основе этого критерия — взаимоотношения между людьми, их объединение во имя общих целей и интересов. Это широчайший диапазон действий, контактов, устанавливаемых человеком, живущим в обществе, служащий проявлением его способности взаимодействовать с другими людьми в социальном и гражданском контекстах. Человек вне общественной жизни лишь тень его многогранных возможностей.

Годы, проведенные в школе, колледже или вузе также могут раскрыть немало интересного в личности. Например, школьные или вузовские оценки (особенно по профильным дисциплинам), редко обращающие на себя внимание при приеме человека на работу, содержат психологически значимую информацию. Прямолинейность суждений руководителя здесь, конечно, не допустима, но выяснить, почему, скажем, имеются низкие оценки по физике или математике у малоуспешного в производстве технаря — бывает очень полезным.

Наиболее информативным источником изучения личности выступает трудовая деятельность. Важно

проанализировать ее по самым различным критериям. Так, например, перерывы в трудовой деятельности могут свидетельствовать о биографических событиях, значимых для изучаемой личности; частые переходы с одной работы на другую могут вскрыть истинные мотивы трудоустройства. Наиболее же показательны и психологически значимы сведения о трудовой дисциплине, включая сведения о соблюдении требований охраны труда, корпоративной этики, оптимизации производственных и сервисных процессов и т. д.

Таковы лишь некоторые направления изучения личности на основе биографического метода.

В заключение следует отметить, что ни один метод, каким бы уместным и доступным он ни казался, не может предоставить объективные, раз и на всегда окончательные сведения. Успех изучения личности руководителем зависит от того, насколько умело он сочетает все многообразие методов психологической науки, которыми он, как один из ярких представителей социэкономической профессии, может компетентно воспользоваться в соответствии со своими должностными обязанностями, этико-психологическими принципами и целями постижения личности каждого работника.

Список источников

1. Платонов К. К. Психологический практикум: учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1980.
2. Кнр Ч. И., Новиков С.Б. Эффективность метода педагогического наблюдения как основного метода гуманитарных исследований // Педагогический научный журнал. 2023. Т. 6. № 1. С. 237–244.

Информация об авторе

И. И. Аминов — профессор кафедры «Гуманитарные дисциплины» Московского политехнического университета, профессор кафедры гражданского права и процесса Московского университета имени С.Ю. Витте, кандидат психологических наук, доктор юридических наук.

Information about the author

I. I. Aminov — Professor of the Department of Humanitarian Disciplines of the Moscow Polytechnic University, Professor of the Department of Civil Law and Process of the Witte Moscow State University, Candidate of Psychological Sciences, Doctor of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 02.07.2024; одобрена после рецензирования 23.07.2024; принята к публикации 15.08.2024.

The article was submitted 02.07.2024; approved after reviewing 23.07.2024; accepted for publication 15.08.2024.

3. Китов А. И. Психология управления: учебник для слушателей Академии МВД СССР. М. : Академия МВД России, 1979.

4. Лобанова Ю. В. Этика диалога как ключ к культурной преемственности в образовательном взаимодействии // Наука, техника, педагогика высшей школы. Новые технологии = Science, Engineering, Higher Education Pedagogics. New Technologies: мат. всерос. науч.-практ. конф. М. : Московский политехнический университет, 2022. С. 353–356.

5. Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959.

References

1. Platonov K. K. Psychological practice: studies. manual. M. : Higher School, 1980.
2. Prc Ch. I., Novikov S.B. The effectiveness of the method of pedagogical observation as the main method of humanitarian research // Pedagogical scientific journal. 2023. Vol. 6. No. 1. P. 237–244.
3. Kitov A. I. Psychology of management: textbook for students of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. M. : Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1979.
4. Lobanova Yu. V. Ethics of dialogue as the key to cultural continuity in educational interaction // Science, technology, pedagogy of higher education. New Technologies = Science, Engineering, Higher Education Pedagogics. New Technologies: mat. All-Russian scientific and practical conf. M. : Moscow Polytechnic University, 2022. P. 353–356.
5. Rubinstein S. L. Principles and ways of development of psychology. M., 1959.

Научная статья

УДК 1/159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-291-297>EDN: <https://elibrary.ru/cunbtq>NPION: 2003-0059-4/24-130
MOSURED: 77/27-003-2024-04-329

Возможности прогнозирования девиантного поведения с помощью инструмента «Жизненная мудрость / Человеческая глупость»

Александр Владимирович Булгаков

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, av_bulgakow@mail.ru

Аннотация. Рассматривается тенденция снижения интереса ученых к обозначенной проблеме; за последние 20 лет количество диссертационных исследований сократилось с 22 до 5 в год; произошло сужение полей изучения, киберпространство засоряется, наполняется глупостями. Жизненная мудрость вытесняется. Отсутствуют современные представления о мудрости / глупости, полученные на отечественном материале. Представлен сравнительный анализ результатов теоретических концепций и серий авторских корреляционных исследований мудрости / глупости на трех выборках (общее количество 149 человек) сотрудников, работающих в различных организациях — магистров педагогического университета, сотрудников полиции, московских школьников, имеющих признаки девиантного поведения. Обоснована диагностическая методика «Жизненная мудрость / Человеческая глупость». Эмпирически выявлено, что нормальное соотношение мудрости и глупости соответствует пропорции «золотого сечения»; отклонения соотношений у специалистов и профессиональной группы указывает на имеющиеся сложности в коллективе организации; выход за нормальность распределения отношения мудрость / глупость у подростков с суицидальной идеацией является признаком риска девиантного поведения. Разработана скрининг-диагностика мудрость / глупость, которая может быть использована психологами в практической работе.

Ключевые слова: амбивалентность, мудрость, глупость, скрининг-диагностика, когнитивный подход

Для цитирования: Булгаков А. В. Возможности прогнозирования девиантного поведения с помощью инструмента «Жизненная мудрость / Человеческая глупость» // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 291–297. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-291-297>. EDN: CUNBTQ.

Original article

The possibilities of predicting deviant behavior using the tool «Life wisdom / Human stupidity»

Alexander V. Bulgakov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, av_bulgakow@mail.ru

Abstract. The article considers the tendency of decreasing interest of scientists in the designated problem; over the past 20 years, the number of dissertation research has decreased from 22 to 5 per year; there has been a narrowing of the fields of study, cyberspace is clogged, filled with nonsense. The wisdom of life is being displaced. There are no modern ideas about wisdom / stupidity obtained from domestic material. A comparative analysis of the results of theoretical concepts and a series of author's correlation studies of wisdom / stupidity on three samples (a total of 149 people) of employees working in various organizations — masters of the Pedagogical University, police officers, Moscow schoolchildren with signs of deviant behavior is presented. The diagnostic technique «Life wisdom / Human stupidity» is justified. It has been empirically revealed that the normal ratio of wisdom and stupidity corresponds to the proportion of the «golden ratio»; deviations in the ratios between specialists and a professional group indicate existing difficulties in the organization's team; going beyond the normality of the distribution of the wisdom /stupidity ratio in adolescents with suicidal ideation is a sign of the risk of deviant behavior. A screening diagnosis of wisdom / stupidity has been developed, which can be used by psychologists in practical work.

Keywords: ambivalence, wisdom, stupidity, screening diagnostics, cognitive approach

For citation: Bulgakov A. V. The possibilities of predicting deviant behavior using the tool «Life wisdom / Human stupidity». Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):291–297. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-291-297>. EDN: CUNBTQ.

Введение. Прогнозирование девиантного поведения — одна из востребованных, понятных на первый взгляд (банальных), изучаемых многими науками проблема, включая практическую психологию. Как правило ученые при операционализации проблемы используют то или иное бинарное противопоставление понятий.

В серии статей и выступлений на конференциях 2020–2024 гг. нами сформулирована и эмпирически обоснована концепция Мудрая человечность организации (МЧО), выпущена монография [2]. Концепция развивается динамично: теоретически обоснована модель МЧО, разработан и апробирован диагностический инструментарий, в ходе проведенных эмпири-

© Булгаков А. В., 2024

ческих исследований получен серьезный пласт данных, обобщены результаты и сформулированы основные положения концепции. Считаем возможным концепцию МЧО дополнить положениями разрабатываемой парадигмы Жизненная мудрость / Человеческая глупость (М/Г) сотрудников в организации. А в последующем показать потенциал парадигмы через соотнесение показателей МЧО и баланса мудрости / глупости личности специалистов, работающих в организации. Личностный аспект парадигмы выявляется на пересечении концепта человечности и понятий Жизненная мудрость / Человеческая глупость. При чем здесь важен переход от бинарности М/Г к амбивалентности как по содержанию, так и по построению.

Основными понятиями предлагаемого подхода к диагностике девиантного поведения являются: 1) жизненная мудрость — социально-психологический аспект диада; 2) человеческая глупость — индивидуальный аспект; 3) амбивалентность — методологический аспект.

«Жизненная мудрость / человеческая глупость» (М/Г) в отечественной психологической науке за последние десять лет представлены в не менее, чем 54 диссертационных исследованиях расположенных на сайте РГБ. При этом, если расширить временной интервал до 20 лет, то можно выявить устойчивый тренд в снижении интереса ученых к проблеме: в 2014–2015 гг. защищены 22 работы; 2016–2017 гг. — 15; 2018–2019 гг. — 8; 2020–2022 гг. — 5 работ. Что это: естественная утрата новизны, потеря прикладной перспективы получаемых результатов, исчерпанность методологических и методических средств?

Мудрость — категория практически всей гуманитарной области знаний. Понятие раскрывается в зависимости от целей предметной области, исследования, используемого методологического аппарата и методических средств. Например, отечественные психологи для измерения мудрости используют конструктор, состоящий из дескрипторов: Открытость, Регуляция эмоций, Юмор, Опыт, Воспоминания / Рефлексия [4]. Конструкт основывается на представлениях классической философии, где «мудрость есть Истина бытия человека, укорененная в его сердце, разуме и поступках» [3]. Как главное духовное человеческое богатство или сплав духовного, интеллектуального, ценностного, интуитивного и практического постижения бытия. Мудрость здесь находит отражение во

взаимосвязи категорий гармония, целостность, познание. В. И. Зорин «выработал почти математическую формулу: *Мудрость = (Любовь + Глубокие знания-умения) x Совесть*».

Механизм мудрости — гармония «Любви как онтологического качества с развитым в единстве с развитым интеллектом, разумом, и глубокими знаниями-умениями, а также с нравственным совершенством и ранимой совестью личности». Мудрость — это обладание такими личностными качествами как: 1) свобода выбора; 2) способность к творчеству; 3) духовность как детерминанта человечности.

Жизненную мудрость можно рассматривать как специфическую когнитивную карту, которая является важнейшей структурой, влияющей на формирование и развитие общей картины мира, формирующей регулятивные механизмы когнитивных процессов.

В свою очередь, «Человеческая глупость» характеризуется как потребность в познании, стремлении к истине как к самостоятельной ценности, самоутверждение в обладании истинным знанием, преграда — невежество, ограниченность окружающих. Глупость — это поле когнитивных ошибок, слепых пятен восприятия, зона бессознательного. «Феномен глупости продолжает манипулировать умами, ломать человеческие судьбы и отравлять жизнь миллионам людей, вынужденным ежедневно сталкиваться с такими личностями. В целом можно утверждать, что дурак объединяет в себе крайние проявления разных психологических тенденций, выявленных исследователями. И тот, кто наберет полный комплект, будет считаться Королем Дураков, т. е. самым большим дураком, которого когда-либо носила земля» [8].

Дэвид Робсон в своей книге «The Intelligence Trap» исследует когнитивные предубеждения и слепые пятна, жертвами которых могут стать даже самые умные люди, совершающие глупые поступки. Автор представляет классификации «глупости» и «мудрости» с точки зрения психологии и когнитивной науки. Они включают таксономии различных типов глупости и мудрости, основанные на человеческих предрасудках, поведении, мышлении и решении [9].

В обзоре Д. Робсона представлены основные идеи парадигмы «Мудрость / Глупость», подтвержденные эмпирическим материалом, которые могут стать основой для понимания и обучения человеческому поведению и мышлению. В конечном итоге, такое знание может помочь сотрудникам организа-

ций быть более осознанными и рациональными в своем поведении и принятии решений.

Распределим основные элементы мудрости по Д. Робсону (авторская нумерация или порядок элементов сохранен) в понятиях мудрости Низовских: Открытость, Регуляция эмоций, Юмор, Опыт, Рефлексия.

Открытость. 1. Активное открытое мышление, сознательный поиск альтернативных точек зрения и доказательств. 9. Установка на рост. 10. Способность принять ограничения своих суждений, критически относится к ним, что особенно важно для руководителей и лидеров команд. 11. Способность изменения стиля мышление, поворот от приоритета бессознательности. Рассматривать интуитивные, мысли / догадки более объективно особенно в управлении рисками организации. 12. Моральная алгебра или длительное взвешивание плюсов и минусов аргумента (Стратегия Бенджамина Франклина), позволяющие избежать скороспелых суждений, основанных на первой информации, способствует переходу к более мудрому долгосрочному решению проблемы. 13. Сознательное рассмотрение худшего сценария или стратегия «де-байосация», направленная на уменьшение влияния когнитивных искажений (bias) на наше мышление и принятие решений. Здесь важно усиление критического мышления, развитие навыков эмоционального интеллекта, использование статистического и вероятностного мышления и многое другое.

Рефлексия. 2. Когнитивная инокуляция или стратегия снижения предвзятого рассуждения.

Опыт. 3. Коллективный интеллект, способность команды рассуждать как единое целое. 4. В образовании создание желательных трудностей. 6. Эпистемическая точность или подкрепление убеждений разумом и фактическими доказательствами. 8. Эффект иностранного языка.

Регуляция эмоций. 5. Эмоциональный компас.

Юмор. 7. Эпистемическое любопытство.

Рефлексия. 14. Рефлексивная компетенция. 15. Эффект Сократа, который уменьшает предвзятость и мотивированное рассуждение. 16. Способность принимать неопределенность и многогранность, а не искать немедленного завершения поставленного вопроса.

Бинарное построение парадигмы глупости как оппозиции мудрости позволило исследователям перейти от классификаций к дальнейшими практическими выводами, рекомендациями по управлению и

т. д. В след за А. В. Цветковым считаем целесообразным «сфокусироваться на «глупости» как интеллектуальной основе рискованных или неверных решений и определяем ее как совокупную неспособность человека к: а) прогнозу последствий своих поступков; б) определению адекватной информационной базы для принятия решения; в) учету и согласованию при планировании всех действующих мотивов» [7; 6].

Прогноз поступков или неспособность к прогнозу последствий своих поступков. 1. Предвзятость как способность видеть недостатки других без осознания своих собственных предубеждения и ошибок. 2. Склонность принимать решения, опираясь на интуицию, а не анализ или когнитивная скупость. 8. Врожденность таких качеств личности, как интеллект и талант, все другое является признаком слабости. 9. Нежелание проверять предположения о последствиях своих действий. 10. Принцип Питера (по имени теоретика менеджмента Лоуренса Питера) как основа построения карьеры на основе показателей на текущей должности, а не на основе потенциала выполнять новую для себя роль. В результате менеджеры неизбежно «поднимаются до уровня своей некомпетентности».

Информированность или неспособность к определению адекватной информационной базы для принятия решения. 3. Ошибки в изначальном знании, ведущие к дальнейшему иррациональному поведению. 4. Несоответствие между интеллектом и рациональностью, которое вызвано когнитивной скупостью или засоренным разумом.

Планирование или неспособность к учету и согласованию при планировании всех действующих мотивов. 5. Выработанный догматизм, который делает людей замкнутыми и склонными игнорировать другие точки зрения. 6. Застывание идей, когда они становятся жесткими и неподвижными. 7. Эффект профессионального идиота, присущ специалистам с ограниченным взглядом. 11. Внешне впечатляющие утверждения, которые при дальнейшем рассмотрении оказываются пустыми. 12. Парадокс Соломона или неспособность людей мудро рассуждать о своей собственной жизни, даже если они адекватно реагируют при столкновении с проблемами других людей. 13. Стратегическое невежество: сознательное избегание возможности узнать новую информацию, чтобы избежать дискомфорта и увеличить свою продуктивность. 14. Эффект «излишек таланта в команде», способный привести ее к провалу.

Сравнивая показатели мудрости и глупости, можно сделать следующие выводы.

В области мышления: знание таксономий глупости и мудрости помогает понять динамику мыслительного процесса, распознать ошибки и его серые зоны. По сути, это основа развития стратегий их преодоления и дальнейшего становления критического мышления.

В области принятия решений и саморазвития: полученные знания концепции мудрости, человечности личности в организации способствуют сотрудникам делать более обдуманный выбор; становиться более сознательными и направить внутренние ресурсы на саморазвитие, стать более открытыми к новым идеям, оптимизировать действия защитных механизмов.

В области коммуникации: помочь совершенствовать коммуникативные навыки, стать более внимательными и уважительными к взглядам других людей. И как результат: изменить отношения в трудовом коллективе. При этом использовать более современный понятийный аппарат, уйти от выработавших во многом свой ресурс понятий.

Определенный и, прежде всего, практический интерес вызывают пять законов, сформулированных К. Чиполла: 1. Всегда и неизбежно люди недооценивают количество глупцов вокруг них. 2. Вероятность наличия глупости человека не зависит от других его характеристик. 3. Золотой закон К. Чиполлы — глупцы создают проблемы другим без очевидной выгоды для себя. 4. Неглупые люди всегда недооценивают разрушительную силу глупцов. 5. Глупец — самый опасный тип человека. Содержательно законы раскрываются в оригинальной типологии [5] (рис. 1).

За основу целесообразно взять модель А. С. Ахиезера [1; 2]. Введение понятия амбивалентность позволяет усилить структурно-функциональную модель МЧО, проникнуть в действие механизмов изучаемого явления, его динамику, делать научно обоснованные прогнозы поведения и состояний обследуемых. Амбивалентность понимается нами с позиций А. С. Ахиезера как фундаментальная логическая характеристика мышления, культуры, нравственного идеала всей человеческой жизнедеятельности, способность человека

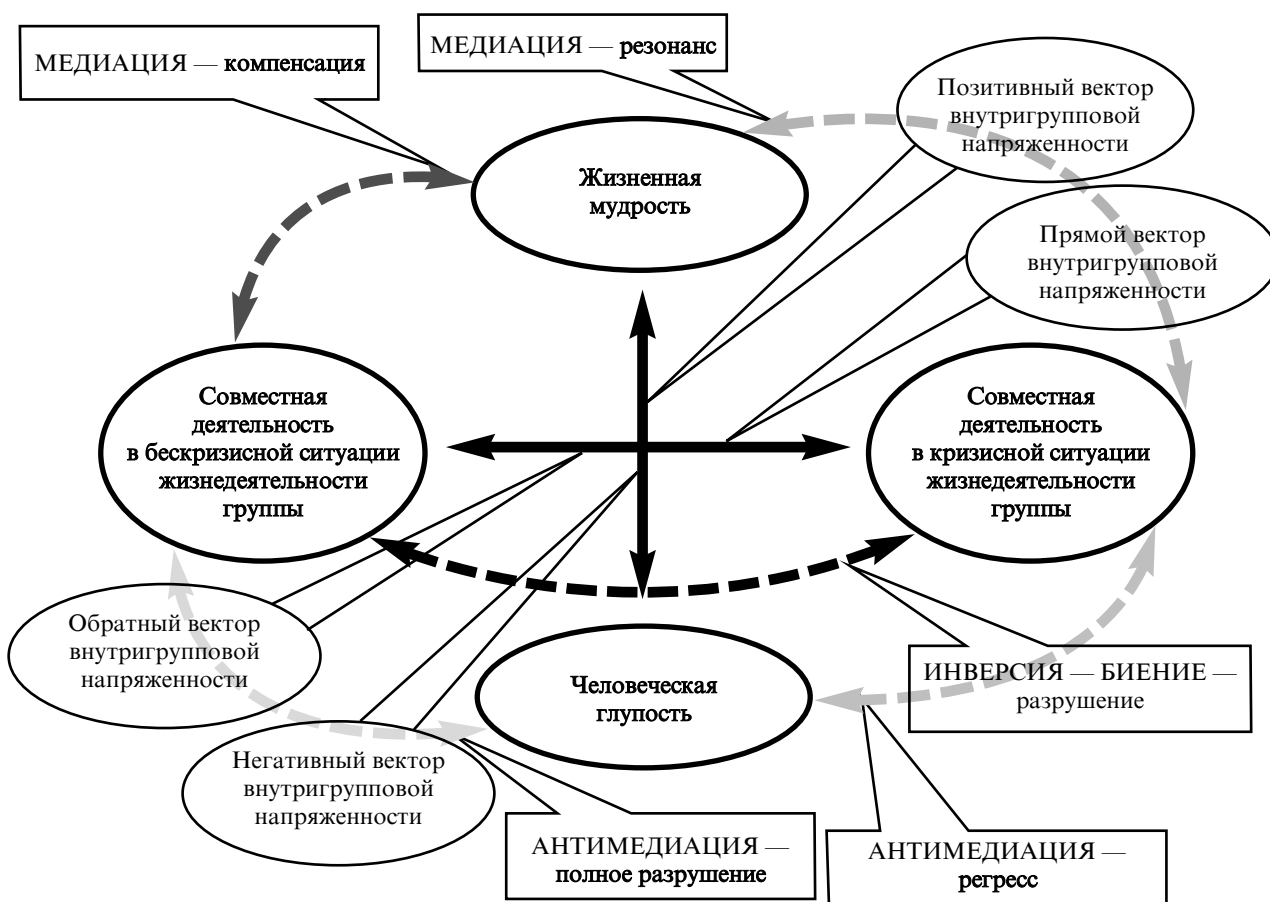

Рис. 1. Модель динамики мудрой человечности в различных ситуациях совместной деятельности
Источник: разработана автором.

идеально и материально осваивать, осмыслять любое интересующее субъекта явление через дуальную оппозицию, искать пути формирования смысла через полюса этой оппозиции, находить смысл как фокус преодоления оппозиции, как меру снятия противоречия, соотнося их друг через друга между полюсами. Амбивалентность выступает в формах инверсии и медиации. Инверсия характеризуется абсолютизацией различных полюсов. Медиация переносит центр тяжести за рамки перехода от одного полюса сложившейся оппозиции к другому, на поиск нового сложного и противоречивого смысла.

Для определения взаимосвязи структуры баланса М/Г в личности сотрудника организации выдвинем гипотезу для дальнейшей эмпирической проверки.

Количественное соотношение в структуре личности мудрости и глупости является достаточно информативным для выявления ее потенциала, ресурсов и теневых сторон. Оно позволяет сделать ряд предположений о самой структуре конструкта Жизненная мудрость / Человеческая глупость; влиянии М/Г на состояние социально-психологического климата в организации; прогностических возможностях по определению рисков девиантного поведения.

Для обоснования гипотезы были сформированы три разновозрастные выборки как работающих сотрудников, так и обучающихся в различных организациях образования (вузы, общеобразовательная школа).

Общий состав выборки. Первая выборка — 44 человека. Магистры очной формы обучения направления 37.04.01 «Психология» профиль «Психолингвистика речевого воздействия» направление 44.04.02 «Психолого-педагогическое образование» профиль «Организационно-психологические технологии в профессиональном образовании», Московский городской педагогический университет (МГПУ), все сотрудники организаций: образования — 34 %, управления — 26 %, экономической сферы — 22 % и другие — 18 %, средний возраст 30,5 лет. Вторая выборка — 63 сотрудника ОВД, обучающиеся в институте Психология служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (МосУ МВД России), средний возраст 21,5 год. Третья выборка — 42 человека, московские школьники 9–10 классов с девиантным поведением (агрессивное поведение и имеющие признаки суицидальной идеации).

В первой и второй группах измерения проводились в ходе учебных занятий. Результаты обосновывают

разрабатываемую парадигму МГЛО, могут стать основой для индивидуальной и групповой психологической работы в организациях образования и органов правопорядка. В третьей группе диагностика реализовывалась слушателями МосУ МВД, находящимися на практике участкового уполномоченного по делам несовершеннолетних московских ОВД. Результаты работы с группой школьников планируются стать основой построения Программы диагностики, профилактики и предотвращения суицидальной идеации среди детей и подростков общеобразовательных организаций столичного региона (руководитель: профессор С. В. Мыскин, МГПУ). Состав групп уравновешен по полоролевому критерию — 1/3 мужчины (юноши), 2/3 женщины (девушки).

Проверка гипотезы проходила в каждой группе по отдельности в 2022–2024 гг. Участников опрашивали по специально разработанной методике М/Г, включающей шкалы М — мудрость, Г — глупость. Шкала М построена на основании данных исследования Низовских; шкала Г — анализа приведенных выше источников и представляет серию из 10 вопросов, которые нужно оценить по шкале от 1 до 6 баллов.

1. Вы отстаиваете свою точку зрения до конца, до последнего?
2. Вы не считаете себя виноватым во всех ситуациях?
3. Вы часто подвержены панике?
4. Вы используете возраст как аргумент в споре?
5. Вы равнодушны к окружающим?
6. Вы часто агрессивны?
7. Вы зависите от мнения окружающих?
8. Насколько Вы категоричны в высказываниях?
9. Насколько Вы превосходите других?
10. Насколько Вы эгоистичны?

Если распределить вопросы по критериям и показателям, то получится следующее. Когнитивный критерий, показатели: Поверхностность, Категоричность. Вопросы 4, 8. Мотивационный критерий, показатели: Превосходство, Эгоистичность. Вопросы 9, 10. Эмоциональный критерий, показатели: Стереотипность, Страх и отрицание. Вопросы 2, 3, 5. Поведенческий критерий, показатели: Правота, Невоспитанность. Вопросы 1, 6, 7.

Результаты. Шкалы М и Г стандартизованы в соответствии со своими возрастными и профессиональными группами. Обработка данных проводилась с помощью ключей методик и помещения индивидуаль-

ных результатов с среду Excel. Результаты по группам сравнивались с использованием фи-квадрат критерия.

В итоге данные представлены на рис. 2. Для магистров мудрость: среднее 3,2 баллов, СКО 1,3 баллов; глупость: среднее 3,8 баллов, СКО 1,2 баллов. Для сотрудников ОВД мудрость среднее 3,4 баллов, СКО 1,1 баллов, глупость среднее 3,1 баллов, СКО 0,8 баллов. Для школьников — мудрость: сред-

нее 3,9 баллов СКО 1,9 баллов, глупость: среднее 3,4 баллов, СКО 2,1 баллов.

При интерпретации данных учитывалось различие процедуры замеров. В выборках магистров и сотрудников опрос проводился во время занятий в университетах бланковым методом, письменно под наблюдением преподавателя. Школьников опрашивали в формате интервью.

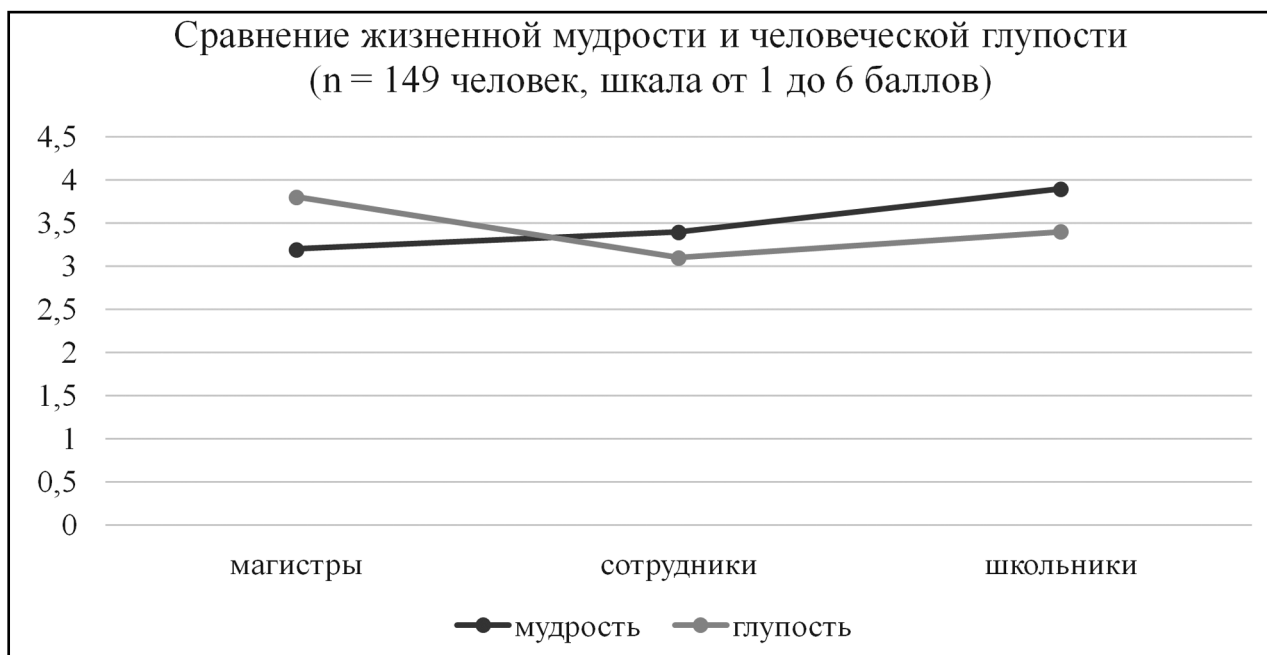

Рис. 2. Результаты сравнения интегративных показателей жизненной мудрости и человеческой глупости в трех несвязанных выборках, n = 149 человек, шкала от 1 до 6 баллов

Обсуждение результатов, выводы, заключение.

Выявлен парадоксальный результат. Получена обратная динамика общего показателя мудрости: минимальное количество баллов у магистров и максимальное у школьников. Разница в измерениях на уровне $p < 0,05-0,01$. Результат может быть объяснен завышенной самооценкой дескрипторов мудрости школьниками, находящихся в специфических обстоятельствах жизненного пути. При этом мудрость оценивалась как вполне положительное качество, глупость — как негативное.

Показатели глупости показали скошенную U-образную динамику. Минимальный уровень глупости показали сотрудники ОВД, показатели у магистров несколько выше, отличались на уровне $p < 0,05-0,01$ от остальных. Самое большое отличие было у школьников. В тоже время, оно не показалось нам критическим.

В сочетании с качественным анализом поведения участников обследования выявлены некоторые количественные тенденции:

1) соотношение мудрости и глупости соответствует пропорции «золотого сечения» ($1 = 0,68 + 0,32$), что можно считать нормальным для 1 и 2-й групп обследуемых;

2) динамика отклонений соотношения мудрости и глупости у специалистов одной профессиональной группы показывает на существующие сложности в коллективе организации;

3) выход за нормальность распределения М/Г в группе лиц, подверженных суицидальной идеации (на примере подростков), является признаком риска девиантного поведения.

Главный вывод проведенных исследований: современная диагностика личности должна строиться на амбивалентных моделях изучаемых психологических явлений.

Направление дальнейших исследований. Представленные в статье основы Парадигмы Жизненная мудрость / Человеческая глупость сотрудников в организации может быть включена в концепцию МЧО,

а разработанный и апробированный опросник М/Г дополнит комплекс инструментов для определения риска суицидальной идеации среди детей и подростков общеобразовательных организаций столичного региона. Кроме того, апробированный инструмент возможен для использования в скрининг-измерениях социально-психологических состояний сотрудников организаций.

Список источников

1. Ахизер А. С. Методология социокультурных исследований переходных процессов (на материале России): автореф. дисс. ... докт. философ. наук. М., 1997.
2. Булгаков А. В. Мудрая человечность организации: размышления, измерения, перспективы: моногр. М. : Перспектива, 2023.
3. Зорин В. И. Жизнь как проявление мудрости // URL://<https://sci-book.com/issledovaniya-filosofskie-sovremennyye/jizn-kak-proyavlenie.html>.
4. Низовских Н. А. Шкала самооценки мудрости Дж. Вебстера (saws): психометрический анализ русскоязычной версии // Вестник ВятГУ. 2019. № 3 // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/shkala-samootsenki-mudrosti-dzh-vebster-saws-psihomeicheskiy-analiz-russkoyazychnoy-versii>.
5. Пять универсальных законов человеческой глупости (по Карло Манлио Чиполла, 1978) // URL://<https://basicdecor.ru/blog/post/people-stupid/>
6. Слюсарев Н. С. Психология глупости: очерки некритического мышления. М.: ИСК, 2017.
7. Цветков А. В. Психология глупости: новые горизонты изучения принятия решений // Психология здоровья и болезни: клинико-психологический подход: мат. VII всерос. конф. с междунар. участием (Курск, 23–25 ноября 2017 г.). Ч. I. Курск : Курский государственный медицинский университет, 2017. С. 332–338.

Информация об авторе

А. В. Булгаков — профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор.

Information about the author

A. V. Bulgakov — Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of the Psychology of Performance of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 01.08.2024.
The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 01.08.2024.

8. Жан-Франсуа Мармьон. Психология глупости. М. : Издательство Бомбора, 2019.

9. Robson David. The Intelligence Trap. Revolutionise your Thinking and Make Wiser Decisions. Hodder & Stoughton, 2020.

References

1. Akhiezer A. S. Methodology of socio-cultural studies of transitional processes (based on the material of Russia): the author's abstract. diss. ... doct. Philosopher of Sciences. M., 1997.
2. Bulgakov A.V. The wise humanity of the organization: reflections, measurements, prospects: monograph. M. : Perspektiva, 2023.
3. Zorin V. I. Life as the embodiment of wisdom // URL://<https://sci-book.com/issledovaniya-filosofskie-sovremennyye/jizn-kak-proyavlenie.html>.
4. Nizovskikh N. A. The scale of self-assessment of wisdom of J. Webster (saws): digital analysis of the Russian version // Bulletin of Vyatka State University. 2019. No. 3 // URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/shkala-samootsenki-mudrosti-dzh-vebster-saws-psihomeicheskiy-analiz-russkoyazychnoy-versii>.
5. The fifth world film about human appearance (by Carlo Manlio Cipolla, 1978) // URL://<https://basicdecor.ru/blog/post/stupid-people/>
6. Slyusarev N. S. Psychology of stupidity: essays on uncritical thinking. M. : ISK, 2017.
7. Tsvetkov A.V. Psychology of stupidity: new horizons for the study of decision-making // Psychology of health and disease: clinical and psychological approach: mat. VII century. conf. with the international with participation (Kursk, November 23–25, 2017). Ch. I. Kursk : Kursk State University, 2017. P. 332–338.
8. Jean-Francois Marmion. Psychology of stupidity. M. : Bombora Publishing House, 2019.
9. Robson David. The Intelligence Trap. Revolutionise your Thinking and Make Wiser Decisions. Hodder & Stoughton, 2020.

Научная статья

УДК 159.97

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-298-309>

EDN: <https://elibrary.ru/enomvf>

NIION: 2003-0059-4/24-131

MOSURED: 77/27-003-2024-04-330

Половые/гендерные различия особенностей формирования фобической фабулы психических и поведенческих расстройств и заболеваний

Игорь Васильевич Грошев

Научно-исследовательский институт образования и науки, Москва, Россия, aus_tgy@mail.ru,

ORCID: 0000-0002-7212-6409

Аннотация. Актуальность работы определяется фундаментальным значением проблематики психического здоровья человека, представляющей собой многоаспектную комплексную задачу субъектного познания. Недостаток изучения фобической фабулы психических и поведенческих расстройств и заболеваний через призму половых различий позволяет актуализировать исследовательский интерес к данной проблеме. *Цель работы* — выявление, анализ и систематизация существующих результатов исследований фобий к психическим заболеваниям, а также детерминант (идентификационных факторов), влияющих на процесс их формирования. *Объект исследования* — мужчины/юноши/мальчики, женщины/девушки/девочки населения тех стран, в которых проводились замеры. *Предметом исследования* являются особенности взаимосвязи пола и процесса формирования и проявления фобической фабулы психических и поведенческих расстройств и заболеваний. На основе метаанализа данных более 70 научных публикаций получена выборка из 4840 респондентов. Методология работы базировалась на вторичном анализе результатов проведенных и опубликованных исследований по имеющимся объектам (заболеваниям) фобий. При этом выбор фобий определялся лишь одним признаком их принадлежности к группе фобий, детерминирующим спектр психических и поведенческих расстройств и заболеваний. *Результаты.* Констатируется факт большей распространенности и преобладания по частоте развития и коморбидности фобий психических заболеваний в группе женщин. Однако однозначно установить, чем обусловлено это половое различие на данный момент не представляется возможным, что актуализирует дальнейшее изучение формирования фобической фабулы психических и поведенческих расстройств и заболеваний.

Ключевые слова: женщины, психические и поведенческие расстройства и заболевания, психическое здоровье, мужчины, поведенческие паттерны, половые различия, симптоматика, страхи, этиология, фобии

Для цитирования: Грошев И. В. Половые/гендерные различия особенностей формирования фобической фабулы психических и поведенческих расстройств и заболеваний // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 298–309. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-298-309>. EDN: ENOMVF.

Original article

Sexual/gender differences in the features of the formation of a phobic plot of mental and behavioral disorders and diseases

Igor' V. Groshev

Scientific-Research Institute of Education and Science, Moscow, Russia, aus_tgy@mail.ru,

ORCID: 0000-0002-7212-6409

Abstract. The relevance of the work is determined by the fundamental importance of the problem of human mental health, which is a multidimensional complex task of subjective cognition. On the other hand, the lack of studying the phobic plot of mental and behavioral disorders and diseases through the prism of sexual differences makes it possible to actualize research interest in this problem. *The purpose of the work* — is to identify, analyze and systematize the existing research results of phobias to mental illnesses, as well as determinants (identification factors) affecting the process of their formation. *The object of the study* — is men/boys/boys, women/girls/girls of the population of those countries in which the measurements were carried out. *The subject of the study* — is the peculiarities of the relationship between gender and the process of formation and manifestation of the phobic plot of mental and behavioral disorders and diseases. Based on a meta-analysis of data from more than 70 scientific publications, a sample of 4,840 respondents was obtained. The methodology of the work was based on a secondary analysis of the results of conducted and published studies on existing objects (diseases) of phobias. At the same time, the choice of phobias was determined by only one sign of their belonging to a group of phobias that determine the spectrum of mental and behavioral disorders and diseases. *Results.* The fact of a greater prevalence and predominance in the frequency of development and comorbidity of phobias of mental illness in the group of women is stated. However, it is not possible to unambiguously determine what causes this sexual difference at the moment, which actualizes further study of the formation of a phobic plot of mental and behavioral disorders and diseases.

Keywords: women, mental and behavioral disorders and diseases, mental health men, behavioral patterns, gender differences, symptoms, fears, etiology, phobias

For citation: Groshev I. V. Sexual/gender differences in the features of the formation of a phobic plot of mental and behavioral disorders and diseases. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):298–309. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-298-309>. EDN: ENOMVF.

© Грошев И. В., 2024

Введение

Проблема психического здоровья человека включает в себя множество составляющих, одной из которых является анализ половых/гендерных¹ различий в этиологии заболеваемости психическими расстройствами (МКБ — 10: Класс V. Психические расстройства и расстройства поведения (F00-F99)) с выявлением эндогенно-экзогенных причин их обусловливания.

Биологические и психосоциальные особенности мужчин и женщин определяют их различия по многим показателям, включая соотношение в распространенности психических расстройств и заболеваний, подверженности им в разных возрастах, течении болезни, выздоровлении, иммунном, психическом и социальном статусе, а также в процессах реабилитации и восстановления.

Актуальность проблематики психического здоровья человека и его составляющих

Соотношение полов больных, страдающих теми или иными психическими заболеваниями, резко отклоняется от пропорции 1:1 [3]. В некоторых случаях эти различия могут быть обусловлены биологическими и физиологическими особенностями мужчин и женщин, в других — психосоциальными факторами, в третьих — спецификой репродуктивной функции. Э. Гринглас, изучая проблемы пола, выявила, что различия мужчин и женщин являются динамической, как биологической, так и социально-психологической детерминантой, глубоко и всеобъемлюще влияющей на здоровье, включая психическую ее составляющую [1, с. 137]. Половой/гендерный фактор, как указывают российские ученые, оказывает влияние на самооценку, структуру потребностей лиц с психическими расстройствами, психопатологию, исход психических заболеваний, их прогноз, а также оказание психиатрических услуг [5, с. 79]. Поэтому проблема анализа половых различий в психических расстройствах и заболеваниях, выявление причин их обусловливания, с одной стороны, и восстановления мужского и женского психического здоровья, — с другой, являясь одной из граней многоаспектной комплексной задачи изучения и познания человека, в настоящее время не утрачивает своей актуальности, значимости и ценности как в теоретической, так и практической плоскости.

Согласно информации некоторых научных источников [17], у многих людей в настоящее время от-

мечается появление большого количества различных страхов, связанных с разными триггерами их запуска, которые являются предиктором формирования различных фобий².

Как комплексное и дифференцированное понятие, фобия в отличие, например, от страха, имеет сложную природу, представляя собой симптом, сутью которого является иррациональный неконтролируемый страх или устойчивое переживание излишней тревоги в определенных ситуациях или в присутствии (ожидании) некоего известного объекта. Характерной чертой которого также является предметность, направленность страха на тот или иной объект, его сюжетность и фабулированность. Иными словами, фобии представляет многообразную картину, основу которой составляют множество факторов — социальных, физиологических, психологических, медицинских, психиатрических и т. д. Кроме того, фобии могут сопровождаться паническими атаками, оказывая влияние на психическое здоровье человека, вызывая стрессы, раздражение, головные боли и т. п.

Клинические проявления фобической фабулы могут выражаться и во многих других отрицательных моментах, сочетаясь, например, с другими заболеваниями, оказывающих существенное влияние на качество жизни человека, на отношения с близкими людьми, качество профессиональной деятельности. Оценка качества жизни человека, определяясь и оцениваясь многими составляющими компонентами, индивидуально рефлексирована через клинически проявляемые проблемы, связанные с психостатусом личности, в который включается психосоматика, детерминирующая появление чувства тревожности, депрессивность, раздражения и другую симптоматику, определяя, в ко-

¹ В статье понятия «пол» и «гендер» используются как синонимы. В научном дискурсе эти понятия различаются: под полом понимаются психофизиологические различия между мужчинами и женщинами, под гендером — социокультурные различия. Как пол, так и гендер являются системами условных обозначений, которые формируют определенный порядок отношений между людьми и определяют формы представления себя другим людям в различных ситуациях, а генетические, эндокринные, церебральные и др. факторы в действительности определяют не психологические или психофизиологические различия между мужчинами и женщинами, как указывает С. В. Шпорт, а уровень психической и двигательной активности организма [11].

² Термин фобия (от греческого phobos — «страх») определяется выраженным навязчивым состоянием страха специфических предметов или ситуаций, а также явлениями избегания, нетерпимости, неприязни к чему-либо или боязни чего-либо (согласно МКБ-10).

нечном счете, субъективное отношение к собственной личности, психологическому и психическому здоровью, изменяя поведенческий репертуар человека (мужчины или женщины). Все больше и больше публикаций за последние десять лет говорят о том, что у таких людей, страдающих разными видами фобий, чаще всего возникает проблематизация в выстраивании поведенческих паттернов, нарушается поведенческая регуляция, появляются нервно-психическая неустойчивость, стресс, эмоциональное напряжение, психотические проявления, эмоциональная неустойчивость и т. д., а главное — появляются мотивы направленного против себя насилия.

Результаты предыдущих наших исследований, представленные в работах [2; 3; 4], продемонстрировали валидные различия мужчин и женщин в частоте заболеваемости теми или иными болезнями, детерминирующих различную степень личностной стрессированности, являющуюся определенным показателем мужского и женского здоровья.

Продолжая исследовать данную проблематику, мы задались вопросом о том, существуют ли фобии тех или иных психических расстройств, детерминированные фактором пола? И если да, то какие психические заболевания вызывают наибольший страх у мужчин и женщин? Фобии, как невротическое нарушение (психическое расстройство), обуславливают ли поведенческий репертуар индивидов, — мужчин или женщин, являясь при этом фактором рефлексии страха того или иного психического заболевания?

Вместе с тем, психические расстройства в общем могут быть как стимулами фобий, так и представлять собой реакции на них, определяющие индивидуально-личностное восприятие человека. Следовательно, психические заболевания могут быть как стимулами формирования фобической фабулы, так и реакцией на них. Иными словами, одно заболевание может предопределять другое заболевание, его глубину, протекание и клинические особенности, а также входить в синдромологию других заболеваний или являться пусковым механизмом иных расстройств поведения, определяя, тем самым, особенности реабилитационных процессов.

По мнению некоторых отечественных и зарубежных исследователей [5; 15; 20], среди многочисленных объектов страха, провоцирующих психосоматическую симптоматику и вызывающих возникновение фобий у мужчин и женщин, находятся психические

расстройства и заболевания, которые и формируют у них фобическую фабулу. В связи с этим можно полагать, что имеется определенная целесообразность изучения фобий психических расстройств и заболеваний через призму половых различий, что позволяет актуализировать научный интерес к данной проблеме. Исследование носит пилотный характер и представляет собой движение в направлении верификации феномена фобий тела (ФТ) (согласно классификации, предложенной С. Джуан [20]) в пределах фобического тревожного расстройства (ФТР), включающего в себя страх болезни(ей), расстройств, синдромов, боязнь медицинских процедур и лечения.

Цель, объект и предмет исследования

Цель исследования — выявление, анализ и систематизация существующих результатов исследований фобий к группе психических расстройств и заболеваний (МКБ-10: F40 (F — расстройство; F40 — тревожно-фобическое расстройство)), относящихся к ФТ, а также детерминант (идентификационных факторов), влияющих на процесс их формирования. В данном случае к идентификационным факторам мы относим половую составляющую, возраст начала проявления фобии, распространенность среди близких родственников и населения в целом, соотношение полов и половое преимущество.

Объектом исследования являются люди мужского (мужчины/юноши/мальчики) и женского (женщины/девушки/девочки) пола, разных возрастных групп населения³ тех стран, в которых проводились замеры.

Предмет исследования — особенности взаимосвязи пола и процесса формирования и проявления фобической фабулы психических расстройств и заболеваний.

Методология и методика исследования

Методология исследования базировалась на вторичном анализе результатов ранее проведенных исследований, опубликованных, в основном, зарубежными учеными. При этом выбор фобий определялся лишь одним признаком их принадлежности к группе фобий, детерминирующих спектр психических расстройств и заболеваний. Никакие другие виды фобий анализу не

³ Хотя по содержанию работы, объектом исследования в ней являются не люди, а публикации, посвященные фобиям, в которых приведены результаты исследования фобической фабулы у людей разного пола и возраста.

подвергались. Работая с базой данных, представленных в научной литературе по фобиям, нам не удалось обнаружить «протянутых» исследовательских показателей в онтогенезе в форме, которая стала бы релевантной по времени проведения исследований, возрастному фактору, образованию и другим определяющим факторам. Именно через призму наличия половых различий в существующих и обнаруженных фобиях анализировался исследовательский материал.

Период времени анализируемых исследований составил более 40 лет, с 1980 по 2022 гг. Возраст респондентов, включая детей и пожилых, находился в пределах от 5 до 50 лет и старше. Это может являться определенным критерием валидизации представленных данных и их корреляции между собой.

На основе метаанализа, объединив собранные данные, была получена выборка из свыше 4 тыс. человек. Всего в исследованиях по результатам публикаций приняли участие 4840 респондентов, из них женщин/девушек/девочек — 2713, мужчин/юношей/мальчиков — 2127. Количество респондентов, принявших участие в исследованиях, дифференцированных по признаку пола, не демонстрирует «значимость» тех или иных фобий, а презентуют лишь количественную составляющую участвующих респондентов, которых могло бы быть и больше, и меньше.

Количественная методология (количество респондентов фиксирует лишь количественный параметр выборки) была дополнена качественной — анализом результатов, позволившим выявить и более четко рефлексировать половую направленность с целью определения тенденций дальнейшего изучения явления фобийности у мужчин и женщин⁴.

Результаты и их обсуждение

В итоге проведенного метаанализа нами были выявлены психические расстройства, на которые у мужчин и женщин формируются ФТР. Иными словами, пол, диагностируемое психическое заболевание и формирующиеся на них фобии стали в работе одними из основных установленных предикторов, что позволило проанализировать отдельно нозологическую специфику и влияние на нее половых различий, а также их сочетанное воздействие, т. е. изменение признака в зависимости от определенного пола при конкретной нозологии.

Понятие фобия, при существующем в психиатрии вполне конкретном определении данного термина,

как указывают некоторые зарубежные исследователи, является более широким, чем страх [15; 20]. В основе междисциплинарной зоны исследования фобии находится ее онтологический статус, детерминирующий и определяющий функциональность страха в ряду спектра психосоматических расстройств [15]. В таком случае, роль страха в провоцировании ФТР выражается как в положительном, так и отрицательном его функциональном воздействии, что представлено на рис. 1.

Дифференцируя психические расстройства через призму пола, были обнаружены четыре заболевания, которые одновременно у мужчин и женщин вызывают стойкие фобии. Основываясь на этом, некоторые зарубежные ученые полагают, что ФТ отличаются от большей части других фобий тем, что они в равной мере встречаются среди мужчин и женщин [24]. Однако, существуют данные, представленные в некоторых популяционных исследованиях, в которых была установлена более высокая распространенность ФТ среди женщин [18]. Это может быть связано с тем, что в клинических исследованиях нередко недооценивается частота этого ФТР в группе женщин, так как у них чаще диагностируется избегающее личностное расстройство [15], которое в определенной степени стигматизирует ФТ. Взаимосвязь у женщин ФТ и личностных расстройств тревожного кластера, представляющих собой единый континуум, подтверждается рядом исследований [6; 15].

Как правило, фобические опасения у мужчин и женщин, характеризуясь персистирующей направленностью, концентрируются вокруг конкретного психического расстройства/заболевания. При этом тревога может возникать при любых обстоятельствах, связанных с болезнью и с течением времени интенсивность фобий со временем или в результате терапии (в случае пациентов с психическими расстройствами) существенно снижается именно за счет редукции тревоги, что находит свое подтверждение во многих исследованиях [23].

Информация об этих заболеваниях у мужчин и женщин, помимо ФТ, может обуславливать тревожно-депрессивные расстройства со значительной соматогенной астенией, повышенной утомляемостью и слабостью, частота которых достигает 40 % случаев

⁴ Более подробно методология и методика исследования представлены в наших ранее опубликованных работах [4].

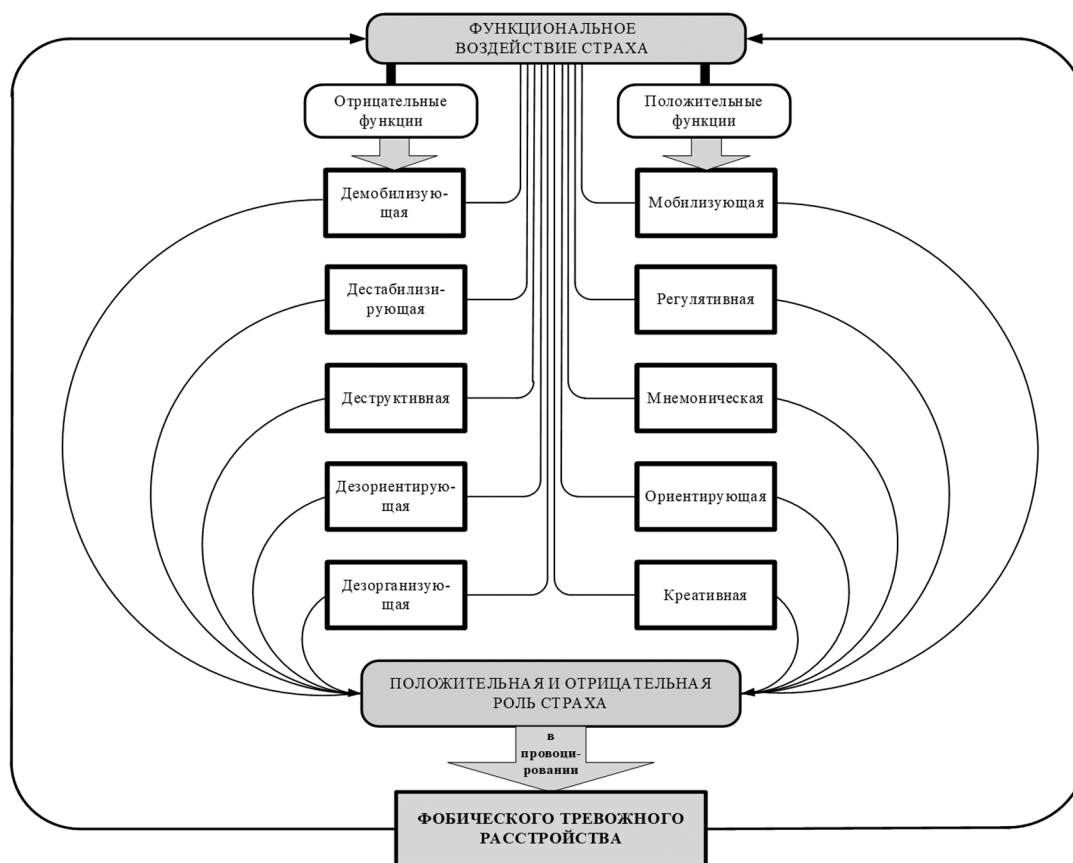

Рис. 1. Положительная и отрицательная роль страха в провоцировании ФТР

[12]. Эти психические расстройства на общем тревожном фоне, являются триггером страха и стресса, детерминируя возникновение пароксизмов тревоги [5; 17] и нарастание соматики более тяжелых регистров.

При анализе условий возникновения ФТР у мужчин и женщин необходимо идентифицировать, прежде всего, те переменные, которые поведенчески и/или когнитивно не только обуславливают формирование фобии к тому или иному психическому заболеванию или расстройству, но и поддерживают данное расстройство. Фобии психических расстройств и заболеваний можно рассматривать, по мнению некоторых отечественных исследователей, как некое сочетание социальной тревоги и коморбидных идей отношения, в основе которых находится представление о нарушении определенных функций организма, что и проявляется формированием соответствующей фобической фабулы у мужчин и женщин [9; 10; 13].

Этиологическая экспликация анализа фобий психических расстройств и заболеваний отдельно по группам мужчин и женщин

С целью предупреждения влияния половых различий возникла необходимость проведения анализа

фобий психических расстройств отдельно по группам мужчин и женщин. Представленная в таблице информация наглядно демонстрирует маркер различия в реакциях, связанных со страхом к психическим заболеваниям у мужчин и женщин (не учитывая при этом возрастной фактор): у них разные психические заболевания и расстройства вызывают ФТ, они по-разному их оценивают, и соответственно ведут себя по-разному.

В группе мужчин 6 психических заболеваний вызывают ФТ. У женщин семь психических расстройств детерминируют появление и их формирование. У мужчин наибольший страх вызывает бессонница (неорганической этиологии), а психическое расстройство, связанное с потерей способности читать, — наименьший. У женщин фобия и много фобий провоцируют максимально глубокое фобическое расстройство, а обсессивно-компульсивное не вызывает столь сильного страха. Женщины чаще испытывают фобии от таких психических заболеваний, как депрессия, возникновение заикания при разговоре, галлюцинации (органический галлюциноз), видения, аутизм (заболевание аутистического спектра), умственная отсталость, условно сгруппированных нами в третью группу.

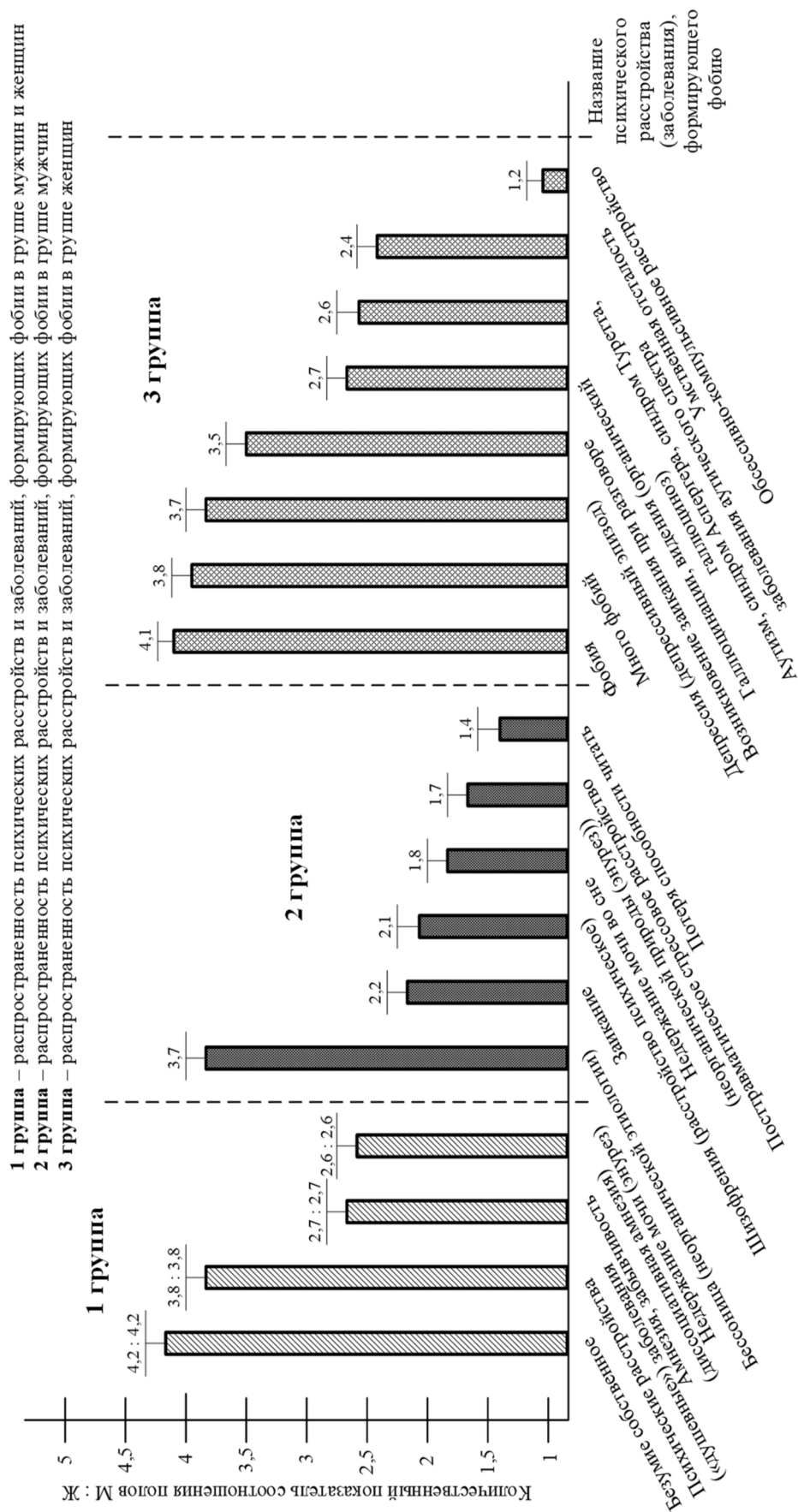

Рис. 2. Гистограмма распространенности психических расстройств и заболеваний, формирующих фобии в группе мужчин и женщин, в группе мужчин и в группе женщин

Мужчины чаще страдают от фобий, связанных с заиканием, шизофренией, недержанием мочи во сне, посттравматическим стрессовым расстройством и потерей способности читать (рис. 2).

Количественное преобладание ФТ у женщин, вызываемых психическими расстройствами, в отличие от мужчин, может быть обусловлено многими факторами, которые подробно рассмотрены нами в предыдущих работах [4 и др.].

Интересным с точки зрения этиологической экспликации является вопрос о первичности психического расстройства/заболевания, детерминирующего возникновение ФТР или же формирования ФТ в независимости от него. В исследовании [25] нам удалось обнаружить некоторые данные относительно конкретного аспекта проблемы. Оказывается, в группе женщин фобии психических заболеваний могут возникать в независимости от частоты психических расстройств, которыми они болели или болеют, т. е. ФТ могут формироваться независимо от психического заболевания, которыми болели женщины. Тогда как в группе мужчин возникновение ФТР относительно релевантно частоте психических заболеваний, которыми они болели или болеют. Иными словами, когда мужчины болеют какими-либо психическими расстройствами, как правило у них и формируются фобии. Однако, с нашей точки зрения, опираясь на ранее проведенные нами исследования [2], однозначное трактование этой зависимости достаточно спорно. Более того, интерпретировать это обстоятельство довольно сложно, так как, принимая во внимание троирование фобий биологическими, психологическими и социальными факторами, а также учитывая факт того, что обычно фобии возникают в том случае, если у человека уже существует биологическая предрасположенность (чаще всего это дети мнительные, тревожные, нерешительные, имеющие хронические заболевания, физически слабые, склонные к фантазированию), то пусковой механизм для развития фобий психических расстройств и заболеваний может включиться на более поздних этапах онтогенеза человека [10; 12; 16]. Кроме того, тройная избыточность их этиологии не позволяет до сих пор утверждать, являются ли причиной предрасположенности мужчин или женщин к страху какие-то конкретные из них факторы. Следовательно, риск формирования фобий психических расстройств и заболеваний — это сумма совместного в разной степени влияния биопсихосоциальных сен-

сибилизирующих факторов или факторов риска их формирования, которые должны рассматриваться в сложной системе, представляющей собой многофакторную модель, определяющую, в свою очередь, особенности реабилитационного процесса (табл. 1*).

Если говорить о предикторах динамики ФТ как о клиническом синдроме, то она, очевидно, негативно связана с психическим здоровьем. Немногочисленные клинические исследования фобий психических заболеваний свидетельствуют о том, что в целом у больных с психическими расстройствами ее выраженность выше, чем у психически здоровых людей. Выраженность ФТ также позитивно связана с длительностью заболевания [4]. Поэтому, вероятно, немаловажный вклад в формирование ФТР вносит эффект стигматизации.

Заключение и выводы

В связи с развитием общества, значительные изменения претерпевает содержание тревожности, навязчивых страхов, фобий и других аддикций. Особенно эти изменения затрагивают группу ФТ. Представленные данные по формированию фобической фабулы у мужчин и женщин на различные психические заболевания показали, что ее возникновение связано с различными факториальными составляющими, в частности, с повышенной эмоциональностью, тревожностью, чувством психического дискомфорта у женщин; стрессом и страхом у мужчин. При этом у мужчин и женщин имеет место явление генерализации, представляющее собой динамику фобического синдрома с постепенным распространением страха на «родственные» объекты. По мнению Б. Д. Карвасарского [7], связанного с присоединением вторичных фобий, а также сочетанием нескольких фобий (полифобии), такого рода «предпочтительность» в формировании вторичных фобий могла бы идентифицировать механизмы их возникновения. Однако, по мнению исследователей [22; 24], проследить причинно-следственные связи, приводящие к появлению вторичных фобий, не всегда удастся по многим причинам. В свою очередь, на этапе обратного развития болезни имеют место ослабления и редукция вторичных, а затем и первичных фобий [9].

Примечание: * В табл. 1 названия предмета фобий (объекта страха) для удобства расположены в алфавитном порядке, а не в соответствии с классификацией болезней, например, по МКБ-10.

** Характеристика распределения, используемая для проверки статистических гипотез.

Таблица 1

Обобщенная таблица существующих у мужчин и женщин фобий к психическим расстройствам и заболеваниям и детерминанты (идентификационные факторы), влияющие на процесс их формирования

№ п/п	Предмет фобии (объект страха)*	Название фобии, происхождение термина	Число респондентов, из них			Соотношение полов М : Ж	Критерий согласия Пирсона**, χ^2	Вероятность ошибки достоверных различий, Р	Начало проявления фобии, пол, возраст	Распространенность среди		Ссылка на список источников
			Мужского пола	Женского пола	из них					Населения (%)	Ближких родственников, степень	
МУЖЧИНЫ												
1.	Бессонница (неорганической этиологии). Боязнь бессонницы. Страх мучительного ожидания бессонницы	Инсомниафобия (от лат. — insomnia (бессонница))	356		210	3,7 : 2,4	78,9	> 0,1	Мужчины	2,3	Незначительная	[20]
			146									
2.	Заикание. Страх начать заикаться	Пселлизофобия (от греч. — psellos (заикание))	252		142	2,2 : 1,8	213	<< 0,001	Мальчики (7–12 лет)	1,5	Незначительная	[12; 14]
			110									
3.	Недержание мочи во сне (неорганической природы (энурез)). Страх обмочиться ночью	Энурезофобия (от греч. — enurein (мочиться))	145		48	1,8 : 0,9	223	< 0,5	Мальчики (5–9 лет)	1,6	Незначительная	[8; 21]
			97									
4.	Потеря способности читать. Боязнь потери способности читать	Алексияфобия	157		90	1,4 : 0,5	142	> 0,1	Мужчины	0,8	Не определено	[8]
			67									
5.	Посттравматическое стрессовое расстройство	PTSD-фобия (от совр. англ. сокр. PTSD — Post Traumatic Stress Disorder)	258		122	1,7 : 0,9	86,4		Мужчины	2,7	Незначительная	[19]
			136									

Таблица 1 (продолжение)
Обобщенная таблица существующих у мужчин и женщин фобий к психическим расстройствам и заболеваниям и детерминанты (идентификационные факторы), влияющие на процесс их формирования

№ п/п	Предмет фобии (объект страха)*	Название фобии, происхождение термина	Число респондентов, из них		Соотношение полов М : Ж	Критерий согласия Пирсона**, χ^2	Вероятность ошибки достоверных различий, Р	Начало проявления фобии, пол, возраст	Распространенность среди		Ссылка на список источников
			Мужского пола	Женского пола					Населения (%)	Близких родственников, степень	
МУЖЧИНЫ											
6.	Шизофрения (расстройство психическое). Страх заболеть психическим расстройством, для которого характерно нарушение в восприятии реальности	Схизофрениофобия (от греч. слов — skhizein (расщеплять) и phobos — ум, рассудок)	319		2,1 : 1,6	187	> 0,1	Мужчины	2,8	Средняя	[14]
			139	180							
ЖЕНЩИНЫ											
1.	Возникновение заикания при разговоре. Боязнь говорить, часто из-за страха возникновения заикания	Лалиофобия (от греч. — lalioophobia). Менее предпочтительный термин — лалофобия	167		1,6 : 3,5	181	<< 0,1	Женщины	1,3 ÷ 2,8	Средняя	[18]
			76	91							
2.	Галлюцинации, видения (органический галлюциноз). Страх перед ощущением видений, бредней, галлюцинаций	Галлюцинациофобия (от лат. — hallucination (несбыточные мечты, бредни))	151		1,8 : 2,7	117	> 0,01	Женщины	1,7	Незначительная	[18; 19]
			63	88							
3.	Депрессия (депрессивный эпизод). Навязчивый страх впасть в депрессию	Депрессофобия (от лат. — depressare (надавливать))	428		1,9 : 3,7	86,7	<< 0,001	Девушки (17–23 лет), женщины	1,6 ÷ 3,5	Повышенная	[14]
			183	245							

Таблица 1 (окончание)

Обобщенная таблица существующих у мужчин и женщин фобий к психическим расстройствам и заболеваниям и детерминанты (идентификационные факторы), влияющие на процесс их формирования

№ п/п	Предмет фобии (объект страха)*	Название фобии, происхождение термина	Число респондентов, из них		Соотношение полов М : Ж	Критерий согласия Пирсона**, χ^2	Вероятность ошибки достоверных различий, Р	Начало проявления фобии, пол, возраст	Распространенность среди		Ссылка на список источников
			Мужского пола	Женского пола					Населения (%)	Близких родственников, степень	
Ж Е Н Щ И Н Ы											
4.	Аутизм, синдром Аспергера, Туретта, заболевания аутистического спектра. Включает в себя страх перед синдромом Аспергера и синдромом Туретта	Аутизмфобия (от гречю слов — autos (сам) и ismos (состояние))	191		1,2 : 2,6	76,3	> 0,1	Женщины	1,7	Не определено	[20; 25]
			87	104							
5.	Умственная отсталость. Страх заболеть психическим расстройством, — умственной отсталостью	Менталисретардодобия (от лат. слов — mentalis (умственный) и retardare (замедлять, задерживать))	207		1,3 : 2,4	254	> 0,1	Женщины	2,1	Не определено	[15]
			71	136							
6.	Обсессивно-компульсивное расстройство. Боязнь обсессивно-компульсивного расстройства	ОCD-фобия (от совр. англ. термина — Obsessive Compulsive Disorder)	136		0,5 : 1,2	94,2	> 0,01	Женщины	1,6	Не определено	[19]
			55	81							
7.	Фобия(и). Страх перед фобиями (иметь фобии). Боязнь фобий, испытывать страх фобий	Фобобфобифобия (phobophobia; от греч. — phobos (страх, отвращение))	443		2,8 : 4,1	97,8	> 0,01	Женщины	4,4	Повышенная	[16]
			186	257							
8.	Много фобий. Боязнь большого количества фобий, а также наличие многих фобий	Полифобия	388		2,1 : 3,8	117	< 0,5		3,8		[19, 20]
			163	225							

Иными словами, матрица прямых и обратных связей в виде динамики возникновения или редукции вторичных фобий может являться диагностическим признаком как для прогноза заболевания ФТР, так и направлений реабилитационной деятельности.

Обобщение результатов, выявленных и проанализированных в ходе исследования, показывает, что в целом фобии психических расстройств и заболеваний преобладают в группе женщин; однако распространенность некоторых фобий выше в группе мужчин.

В целом результаты представленного нами материала позволяют надеяться, что, помимо утилитарной функции, они послужат источником новых идей в разных областях теоретизирования и практической работы, создавая возможности для организации дальнейшего изучения фобийности через призму половых различий и в контексте процессов реабилитации и восстановления мужского и женского психического здоровья, что созвучно потребностям как зарубежных, так и российских исследователей. Специалистам еще предстоит оценить выявленные факты и объяснить их этиологическую экспликацию.

Список источников

1. Гринглас Э. Психофизиологическая характеристика ранних субклинических изменений регуляции гомеостаза // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 2. С. 132–139.
2. Грошев И. В. Пол и болезни: краткий обзор современных исследований // Социология медицины. 2004. № 5. С. 35–50.
3. Грошев И. В. Специфика проявления гендерных, половых и возрастных различий в расстройствах психического развития и поведения личности // Российский психиатрический журнал. 2007. № 2. С. 22–32.
4. Грошев И. В., Давыдова Ю. А. Половые/гендерные различия фобий заболеваний // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 2. С. 50–62.
5. Захарова Н. Б., Злоказова М. В., Семакина Н. В. Гендерный фактор и психические расстройства // Вятский медицинский вестник. 2022. Т. 3. № 75. С. 77–81.
6. Каплан Г. И., Сэддок Б. Дж. Клиническая психиатрия. В 2 т. / пер. с англ. Т. 1. М., 1994.
7. Карвасарский Б. Д. Неврозы. М., 1990.
8. Комер Р. Патопсихология поведения. Нарушения и патологии психики / пер. с англ. Е. Будагова и др. СПб., 2002.
9. Ушаков Г. К. Пограничные нервно-психические расстройства. М. : Медицина, 1987.
10. Чугунов Д. А. Клинико-динамическая характеристика фобий у больных психиатрического стационара: дисс. ... канд. мед. наук. М., 2018.
11. Шпорт С. В. Гендерные особенности острой реакции на стресс (обзор литературы) // Российский психиатрический журнал. 2007. № 2. С. 41–47.
12. Щербатых Ю. В., Ивлева Е. И. Психофизиологические и клинические аспекты страха, тревоги и фобий. Воронеж : Исток, 1998.
13. Ястребов Д. В. Социальная фобия и чувствительные идеи отношения (клиника и терапия): дисс. ... канд. мед. наук. М., 2000.
14. Carr A. T. The psychopathology of fear. Fear in Animals and Man / ed. W. Sluckin. New York, 1989. P. 65–173.
15. Davey G. Phobias. London : John Wiley, 1997.
16. Doctor R., Kahn A., Adamec C. The Encyclopedia of Phobias, Fears, and Anxieties, Facts on File. New York: Proust Science Publishers, 2008.
17. Frumento S., Menicucci D., Hitchcott P. K., Zaccaro A., Gemignani A. Systematic Review of Studies on Subliminal Exposure to Phobic Stimuli: Integrating Therapeutic Models for Specific Phobias // Front. Neurosci. 2021. No. 15. P. 65–71.
18. Hastings P. Remove Phobias, Hypnosis and NLP. New York : Oxford University Press, 2009.
19. Jones M., Menzies R. Danger Expectancies, Self-efficacy and Insight in Spider Phobia // Behaviour Research and Therapy. 2000. Vol. 38. No. 6. P. 585–600.
20. Juan S. Who's Afraid of Butterflies? Our Fears and Phobias Named and Explained. Australia : c/o Harper Collins Publishers, 2011.
21. Lacôte C. Note's sur la phobie / Lerude-Flechét M. (ed.). La Phobie, ed. by M. Lerude-Flechét. Paris : A.L.I., 2008. P. 234–301.
22. Marks I. M. Fears, Phobias and Rituals: Panic, Anxiety and Their Disorders. New York, 1996.
23. Tibi L., Asher S., van Oppen P., van Balkom A. J. L. M., Eikelenboom M., Visser H. A., Penninx B. W., Anholt G. E. The correlates of social phobia in OCD: Findings from a large clinical sample // British Journal Clin Psychol. 2021. Vol. 60. No. 3. P. 312–332.
24. Veale D. Treatment of social phobia // Advances in Psychiatric Treatment. 2003. No. 9. P. 258–264.
25. Waters R. Phobias Revealed and Explained. Sydney, 2003.

References

1. Greenglass E. Psychophysiological characteristics of early subclinical changes in homeostasis regulation // *Psychological Journal*. 1994. Vol. 15. No. 2. P. 132–139.
2. Groshev I. V. Gender and diseases: a brief review of modern research // *Sociology of Medicine*. 2004. No. 5. P. 35–50.
3. Groshev I. V. The specifics of the manifestation of gender, gender and age differences in disorders of mental development and personality behavior // *Russian Psychiatric Journal*. 2007. No. 2. P. 22–32.
4. Groshev I. V., Davydova Yu. A. Sexual/gender differences of phobias of diseases // *Psychological journal*. 2023. Vol. 44. No. 2. P. 50–62.
5. Zakharova N. B., Zlokazova M. V., Semakina N. V. Gender factor and mental disorders // *Vyatka Medical Bulletin*. 2022. Vol. 3. No. 75. P. 77–81.
6. Kaplan G. I., Sadok B. J. Clinical psychiatry. In 2 vols. / per. engl. Vol. 1. M., 1994.
7. Karvasarsky B. D. Neuroses. M., 1990.
8. Comer R. Pathopsychology of behavior. Disorders and pathologies of the psyche / translated from English by E. Budagova et al. SPb., 2002.
9. Ushakov G. K. Borderline neuropsychiatric disorders. M. : Medicine, 1987.
10. Chugunov D. A. Clinical and dynamic characteristics of phobias in patients of a psychiatric hospital: diss. ... candidate of Medical Sciences. M., 2018.
11. Shport S. V. Gender characteristics of acute stress response (literature review) // *Russian Psychiatric Journal*. 2007. No. 2. P. 41–47.
12. Shcherbatykh Yu. V., Ivleva E. I. Psychophysiological and clinical aspects of fear, anxiety and phobias. Voronezh : Istok, 1998.
13. Yastrebov D. V. Social phobia and sensitive ideas of relationship (clinic and therapy): diss. ... candidate of Medical Sciences. M., 2000.
14. Carr A. T. The psychopathology of fear. Fear in Animals and Man / ed. W. Sluckin. New York, 1989. P. 65–173.
15. Davey G. Phobias. London : John Wiley, 1997.
16. Doctor R., Kahn A., Adamec C. The Encyclopedia of Phobias, Fears, and Anxieties, Facts on File. New York: Prou Science Publishers, 2008.
17. Frumento S., Menicucci D., Hitchcott P. K., Zaccaro A., Gemignani A. Systematic Review of Studies on Subliminal Exposure to Phobic Stimuli: Integrating Therapeutic Models for Specific Phobias // *Front. Neurosci*. 2021. No. 15. P. 65–71.
18. Hastings P. Remove Phobias, Hypnosis and NLP. New York : Oxford University Press, 2009.
19. Jones M., Menzies R. Danger Expectancies, Self-efficacy and Insight in Spider Phobia // *Behaviour Research and Therapy*. 2000. Vol. 38. No. 6. P. 585–600.
20. Juan S. Who's Afraid of Butterflies? Our Fears and Phobias Named and Explained. Australia : c/o Harper Collins Publishers, 2011.
21. Lacôte C. Note's sur la phobie / Lerude-Flechet M. (ed.). La Phobie, ed. by M. Lerude-Flechet. Paris : A.L.I., 2008. P. 234–301.
22. Marks I. M. Fears, Phobias and Rituals: Panic, Anxiety and Their Disorders. New York, 1996.
23. Tibi L., Asher S., van Oppen P., van Balkom A. J. L. M., Eikelenboom M., Visser H. A., Penninx B. W., Anholt G. E. The correlates of social phobia in OCD: Findings from a large clinical sample // *British Journal Clin Psychol*. 2021. Vol. 60. No. 3. P. 312–332.
24. Veale D. Treatment of social phobia // *Advances in Psychiatric Treatment*. 2003. No. 9. P. 258–264.
25. Waters R. Phobias Revealed and Explained. Sydney, 2003.

Информация об авторе

И. В. Грошев — заместитель директора по научной деятельности Научно-исследовательского института образования и науки, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии Правительства РФ в области образования.

Information about the author

I. V. Groshev — Deputy Director for Scientific Activities of the Scientific-Research Institute of Education and Science, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the Field of Education.

Статья поступила в редакцию 02.07.2024; одобрена после рецензирования 23.07.2024; принята к публикации 15.08.2024.
The article was submitted 02.07.2024; approved after reviewing 23.07.2024; accepted for publication 15.08.2024.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-310-315>

EDN: <https://elibrary.ru/brzark>

ИПОН: 2003-0059-4/24-132

MOSURED: 77/27-003-2024-04-331

Проблемы становления профессиональной нравственности курсантов в процессе обучения в образовательной организации МВД России

Владимир Иванович Майоров¹, Александр Иванович Числов²

^{1,2} Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень, Россия

¹ 1955715@rambler.ru

² 944343@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы становления профессиональной нравственности курсантов в процессе обучения в вузе МВД России. На основе базовой модели формирования профессиональной компетентности в процессе обучения выделено четыре направления: когнитивное, функциональное, личностное, этическое. Акцентируется, что становление этической компетентности является наиболее сложным и достаточно проблематичным в определении достигнутого уровня. Представлены четыре критерия сформированности профессиональной нравственности и даны их содержательные характеристики: мотивационно-ценностный, эмоционально-волевой, рефлексивно-деятельностный, качественно-личностный. Сделан вывод, что формирование и развитие профессиональной нравственности курсантов в процессе обучения в вузах МВД России является стержневым фактором становления профессионализма будущих сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, профессиональная компетентность, профессиональная нравственность, курсант, образовательная организация

Для цитирования: Майоров В. И., Числов А. И. Проблемы становления профессиональной нравственности курсантов в процессе обучения в образовательной организации МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 310–315. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-310-315>. EDN: BRZARK.

Original article

Problems of formation of professional morality of cadets in the process of training in the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Vladimir I. Mayorov¹, Alexander I. Chislov²

^{1,2} Tyumen Institute for Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen, Russia

¹ 1955715@rambler.ru

² 944343@gmail.com

Abstract. The current issues of the formation of professional morality of cadets in the process of studying at the university of the Ministry of Internal Affairs of Russia are considered. Based on the basic model of professional competence formation in the learning process, four directions are identified: cognitive, functional, personal, and ethical. It is emphasized that the formation of ethical competence is the most difficult and quite problematic in determining the achieved level. Four criteria for the formation of professional morality are presented and their meaningful characteristics are given: motivational-value, emotional-volitional, reflexive-activity, qualitative-personal. It is concluded that the formation and development of professional morality of cadets in the process of studying at universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia is a pivotal factor in the formation of professionalism of future employees of internal affairs bodies.

Keywords: professional training, professional competence, professional ethics, cadet, educational organization

For citation: Mayorov V. I., Chislov A. I. Problems of formation of professional morality of cadets in the process of training in the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):310–315. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-310-315>. EDN: BRZARK.

В настоящее время, отвечая запросам граждан и государства в обеспечении общественной безопасности жизнедеятельности и проведении государственной политики по реализации социально-экономи-

ческого развития страны, особую важность приобретает всесторонне развитие личностных и профессиональных качеств курсантов ведомственных образовательных организаций, где подготовка обучающихся

© Майоров В. И., Числов А. И., 2024

нацелена на формирование современного кадрового корпуса полиции. Достижение целей и результатов образования в системе ведомственной подготовки, актуализирует проблему формирования у курсантов профессиональной нравственности.

Ключевые ориентиры критериев профессиональной нравственности курсантов вузов МВД России, как результаты профессиональной подготовки заложены в «Федеральном государственном стандарте высшего профессионального образования по соответствующим направлениям подготовки», Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3 «О полиции»; Федеральном законе от 30 ноября 2011 г. № 342 «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; в Порядке организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденных приказом МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44.

В российской педагогике и психологии традиционно уделяется значительное внимание формированию морально-нравственных качеств в процессе развития личности. Но следует отметить, что если в советский период истории российской науки данные вопросы были тесно взаимосвязаны с повседневной практикой жизнедеятельности и идеологии, что не создавало никаких противоречий, то в современный период такие противоречия имеют место быть (незаконное обогащение, несправедливое распределение доходов, коррупция, нарушения законных прав и интересов граждан и др.). Существуют определенные трудности целенаправленного формирования высоких морально-нравственных качеств курсантов, что требует разработки новых подходов и более глубокого их осмысления.

В юридической и военной педагогике и психологии ключевые положения нравственного воспитания разрабатывались в трудах Л. М. Архангельского, А. В. Барабанщикова, А. А. Гусейнова, Я. Я. Юрченко и др. В научных работах С. П. Безносова, С. Н. Тихомирова, В. И. Шадрина и др., рассматриваются вопросы профессионально-нравственного воспитания и формирования личности курсантов в процессе профессиональной подготовки. Пониманию включенности комплекса этических качеств в профессиональную подготовку на основе компетентностного подхода посвящены труды Э. Ф. Зеера, А. В. Мака-

ровой, В. Н. Шадрикова, В. И. Майорова, Н. И. Иголевич, Н. В. Ерошенкова, Е. А. Климова, Ю. П. Поваренкова, Н. С. Пряжникова, Е. Ф. Яценко и др.

Для достижения поставленных целей и результатов профессионального образования используется целый арсенал педагогических подходов, создающих плодотворную образовательную среду развития личностных характеристик и формирования профессиональных качеств: системный подход, инновационный подход, деятельностный подход, компетентностный подход, личностно-ориентированный подход и др. В процессе профессиональной подготовки активно задействованы и взаимосвязаны все психолого-педагогические подходы.

В последнее время значительное внимание стало уделяться инновационному подходу, созданию инновационной образовательной среды, так как это способствует развитию критического мышления, поиску новых решений в изменяющихся условиях, выход за рамки «типового решения»; это вызвано практической необходимостью, так как многообразие ситуаций, с которыми приходится сталкиваться сотрудникам правоохранительных органов имеет широкий спектр «неизвестности», в которой необходимо сориентироваться в кратчайшее время, выбрать оптимальные способы, эффективно действовать (от действий сотрудника полиции может зависеть спасение жизни человека и собственная безопасность) [6]. При этом сотрудник полиции должен действовать в рамках закона и его действия не должны противоречить сложившимся внутренним морально-нравственным ценностям.

Как отмечает Э. Ф. Зеер, процесс профессионального становления личности в современных условиях является полисистемным образованием, реализуется посредством целенаправленной активности в реальной жизнедеятельности человека, включая профессиональное обучение, профессиональное развитие и саморазвитие профессионала [3]. Профессиональное становление (профессионализация) курсанта включает формирование социально и профессионально значимых качеств и их интеграцию, развитие интеллектуальной приспособляемости и поисковой активности оптимальных вариантов решения поставленных задач, усиление адаптационных резервов индивидуально-типологических особенностей к выполнению служебных задач, готовность к саморазвитию, самоактуализации, постоянному профессиональному росту [7].

Формированию профессиональной нравственности в образовательном процессе служат компетентный и личностно-ориентированный подходы. Компетентностный подход в наибольшей степени отвечает современным требованиям подготовки профессиональных кадров в контексте формирования достаточно широких по применению и устойчивых качеств, повышающих уровень конкурентоспособности выпускников. Компетентностный подход тесно связан с личностно-ориентированным подходом, так как позволяет развивать задатки и способности обучающихся, учитывает их индивидуально-типологические и личностные особенности, оказывает воздействие на формирование ценностных ориентаций и мировоззрения в целом.

Базовая модель компетентности профессиональной подготовки юристов впервые была представлена в исследованиях В. И. Майорова Н. И. Иголевич. В исследовании разработана и аргументированно обоснована базовая модель профессиональной компетенции юриста, которую в полной мере можно экстраполировать на профессиональную подготовку курсантов в профильных вузах МВД России [4]. Указанная модель включает четыре ключевых направления формирования профессиональных компетенций юриста:

1) *формирование когнитивно-интеллектуальной компетентности*, основанной не на формальном изучении материала, а его приобретение в активных формах работы с информацией (анализ, синтез, обобщение), что позволяет в дальнейшем применять полученные знания в виде сформированных компетенций на широкий ряд профессиональных ситуаций;

2) *формирование функциональной компетентности* на основе участия в интерактивных формах приобретения умений и навыков, в том числе, практико-ориентированные занятия, имитационные ситуации, деловые игры, дискуссии, участие в разработке правовых проектов, умение разрабатывать эффективные стратегии работы, применение информационных технологий, физическая и огневая подготовка;

3) *развитие личностной компетентности*, отвечающей требованиям деятельности в правоохранительном ведомстве, в том числе, эмоционально-волевые характеристики, организованность, уверенность, настойчивость, ответственность, коммуникабельность, стрессоустойчивость и др.

4) *развитие этической компетентности* представляет собой комплексное образование, включающее направленность личности, профессиональное мировоззрение, убеждения, взгляды, установки, стремление к справедливости, защите прав и законных интересов граждан, соблюдение правопорядка и законности.

Авторы исследования В. И. Майоров и Н. И. Иголевич [5] указывают, что если формирование когнитивно-интеллектуальной и функциональной компетенций у студентов не представляет особой сложности, так как в настоящее время разработан широкий репертуар педагогических методов и технологий, то развитие личностно-профессиональных качеств, тем более развитие блока устойчивых качеств этико-мировоззренческой направленности, является более длительным и кропотливым процессом, что достигается не всегда, в тоже время именно это является ведущим в становлении профессионала правоохранительных органов.

Дальнейшему более глубокому изучению становления формирования профессиональной нравственности курсантов ведомственных вузов посвящены исследования Н. В. Ерошникова, Е. И. Ерошниковой. Во-первых, следует отметить, что такие понятия, как мораль, нравственность, духовность относятся к высшим ценностям и непосредственно влияют на все поведение человека. В психологии указанные категории относятся к социально-духовным ценностям и служат развитию потребностно-мотивационной сферы личности, проявляясь через самореализацию и самоактуализацию, в том числе в профессиональной деятельности. Во-вторых, применительно к профессиональной деятельности в правоохранительных органах, нормы и ценности поведения сотрудников рассматриваются через призму профессиональной этики.

В соответствии с вышесказанным и на основе учета специфики будущей профессиональной деятельности курсантов вузов МВД России, Н. В. Ерошников, Е. И. Ерошников выделяют три содержательные характеристики профессиональной нравственности курсантов: 1) профессионально-нравственное сознание; 2) профессионально-нравственные отношения и чувства; 3) профессионально-нравственное поведение [2]. Указанные содержательные характеристики профессиональной нравственности проходят этапы становления, консолидируясь в ключевые

чевых компонентах (блоках) личностного развития, объединяя ряд качеств: 1) мотивационно-ценностный блок; 2) эмоционально-волевой блок; 3) рефлексивно-деятельностный блок; 4) интегративный качественно-личностный блок. Указанные блоки одновременно выступают и как критерии сформированности / несформированности профессионально-нравственных качеств курсантов [1]. Рассмотрим подробнее.

Мотивационно-ценностный критерий сформированности профессиональной нравственности. Данный критерий можно рассматривать как базисный в процессе профессионально-нравственного становления личности курсанта, будущего сотрудника правоохранительного ведомства. В процессе обучения происходит осмысление профессионально-нравственных мотивов, интериоризация (внутреннее присвоение) морально-нравственных ценностей, связанных со служебной деятельностью. В системе мотивов учебной деятельности должна присутствовать направленность на освоение гуманитарных дисциплин, позволяющих сформировать целостную аксиологически осмысленную картину мира в контексте единства социально-профессиональной и личностно-профессиональной значимости получаемых знаний.

На уровне нравственного сознания должны быть сформированы этические знания, моральные идеалы, нравственные убеждения, что является ключевыми детерминантами поведения. Укрепляются основы «морального духа», морального долга, формируется сопричастность к благородному делу служения законности и правопорядку, с целью защиты жизни и здоровья, чести и достоинства, неотъемлемых прав и свобод граждан. Устойчивая мотивационно-ценностная система позволяет избежать различных «соблазнов» (превышение властных полномочий, коррупции и др.), связанных с реализацией профессиональной деятельности. Формируется чувство патриотизма в контексте преемственности поколений, героического прошлого страны и органов внутренних дел. В результате — сформирована устойчивая система профессиональных мотивов и ценностных ориентаций (как личностное руководство к деятельности), активная жизненная позиция курсанта как будущего сотрудника органов внутренних дел.

Высокий уровень профессиональной нравственности по мотивационно-ценностному критерию будут определять следующие личностно-значимые

качества: гуманизм, духовность, долг, честь, достоинство, нравственная чистота, неподкупность.

Эмоционально-волевой критерий сформированности профессиональной нравственности. В общем виде эмоции человека являются важным звеном саморегуляции поведения, выполнение любой деятельности связано с эмоциональным отношением. В процессе профессионального обучения формируется устойчивая система эмоционального отношения к: 1) себе (как будущему профессионалу, владеющего определенными личными достоинствами и профессиональными компетенциями); 2) другим людям (понимание психологических особенностей людей, сложности человеческих взаимоотношений, четкие критерии правомерного и противоправного поведения); 3) службе (как трудовой деятельности созидательного характера — укрепление законности, обеспечение общественной безопасности).

Следует учитывать, что результат профессиональной деятельности, нравственно обоснованное поведение, может быть продиктовано как позитивными, так и отрицательными эмоциями (гнев, тревога, нежелание мириться с противоправным поведением и др.), в то время как чувства будут нести позитивную окраску (обеспечение общественного порядка и законности, моральное удовлетворение от эффективного противодействия преступности и др.). Таким образом, развитие эмоционально-чувственной сферы включает в себя механизм нравственного становления, является одним из важных звеньев профессиональной подготовки курсантов.

Значимость развития волевых качеств у курсантов не вызывает сомнений. Воля рассматривается как движущая сила преодоления препятствий, поэтому она всегда связана с эмоциями, для ее развития требуется специальная подготовка (тренировка, моделирование ситуаций напряжения и их преодоление). Следует отметить, что формирование волевого поведения проходит три уровня и только на высшем уровне оно будет продиктовано моральными чувствами и нравственными убеждениями. Ключевым элементом развития воли является самовоспитание. Эмоционально-волевая устойчивость является профессионально необходимым качеством при выполнении правоохранительной деятельности.

Высокий уровень профессиональной нравственности по эмоционально-волевому критерию будут определять следующие личностно-значимые каче-

ства: доброжелательность, выдержка, самообладание, толерантность, тактичность.

Рефлексивно-деятельностный критерий сформированности профессиональной нравственности. Развитию саморефлексии своего поведения и деятельности у курсантов ведомственных вузов не уделяется должного внимания. Это объясняется тем, что суть профессиональной подготовки в большей степени направлена не на «внутренний мир» курсанта, а на развитие профессиональных компетенций, связанных с преодолением негативных явлений во «внешней среде» (физическая и огневая подготовка, штудирование нормативно-правовых актов и др.). Но развитие позитивной и продуктивной саморефлексии, позволяет определить суть ошибочных действий и поведения, и на основе этого осуществлять саморазвитие, самосовершенствование своей личности, приобретение новых профессиональных знаний, умений, навыков (компетенций). Рефлексивно-деятельностный подход служит повышению профессионально нравственного уровня курсанта.

Самосовершенствование личности — это процесс осознанного и управляемого личностью развития. Целенаправленно формируются и развиваются личностные качества, профессиональные мотивы, способности, компетенции, планируются результаты достижений. Саморефлексия позволяет лучше понять себя сейчас (качества, которые есть в наличии) и актуализировать ресурсы для самоосуществления в будущем. В процессе самосовершенствования проявляется единство духовно-психологического мира человека: нравственности, интеллекта, эмоций, чувств и воли к действию.

Обратим внимание на то, что в процессе общения и взаимодействия с гражданами большинство ситуаций, которые должны урегулировать сотрудники органов внутренних дел носят либо открытый, либо потенциально конфликтный характер. Развитие социально-коммуникативной компетенции является профессионально значимым качеством, но выбор способов коммуникации, направленной на урегулирование конфликтов носит вариативный характер. Свобода выбора будет определяться не выбором между «злом» и «добром», а выбором оптимальных и нравственно обоснованных способов утверждения «добра» в обеспечении общественного порядка и защиты интересов и законных прав граждан.

Высокий уровень профессиональной нравственности по рефлексивно-деятельностному критерию будут определять следующие личностно-значимые качества: справедливость, объективность, самокритичность, обязательность, ответственность, принципиальность.

Качественно-личностный критерий сформированности профессионально-нравственной подготовки курсантов в образовательных организациях МВД России. Данный критерий является интегрированным и показывает уровень сформированности профессионально-нравственных качеств курсантов, будущих сотрудников ОВД по всем критериям: мотивационно-ценностному, эмоционально-волевому, рефлексивно-деятельностному. Следует обратить внимание, что несение службы в органах внутренних дел включает достаточно интенсивное общение и взаимодействие с гражданами, постоянно совершающих противоправные деяния, стоящими на позициях правового нигилизма (отрицание или пренебрежение к закону, правам других граждан), приверженцами криминальной культуры, деклассированными элементами общества и др.

Перечисленные явления могут стать причиной снижения профессиональной нравственности сотрудников, привести к нарушениям дисциплины и законности, способствовать раннему профессиональному выгоранию, истощению ресурсов и профессиональной деформации, что приводит к устойчивым негативным изменениям личности сотрудника и невозможности продолжения службы. Для сотрудников органов внутренних дел является важным иметь устойчивую морально-нравственную позицию, сформированную профессиональную нравственность.

Таким образом, формирование и развитие профессиональной нравственности курсантов в процессе обучения в образовательных организациях МВД России является стержневым фактором становления профессионализма будущих сотрудников органов внутренних дел.

Список источников

1. Ерошников Н. В. Критерии эффективности профессионально-нравственной подготовки курсантов в вузе МВД России // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 3. С. 171–178.
2. Ерошников Н. В., Ерошникова Е. И. Сущность и специфика профессиональной нравственно-

сти курсантов вузов МВД России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2015. № 24 (221). С. 134–140.

3. Зеер Э. Ф., Церковникова Н. Г., Третьякова В. С. Цифровое поколение в контексте прогнозирования профессионального будущего // Образование и наука. 2021. Т. 23. № 6. С. 153–184.

4. Иоголевич Н. И., Майоров В. И. Профессиональная подготовка юриста: компетентностный подход и базовая модель компетентности // Право и образование. 2008. № 10. С. 65–71.

5. Иоголевич Н. И., Майоров В. И. Профессиональная подготовка юриста: компетентностный подход и базовая модель компетентности // Право и образование. 2008. № 11. С. 76–83.

6. Марданов Д. Р. Инновации в профессиональной подготовке будущих сотрудников органов внутренних дел в образовательных учреждениях МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 4. С. 221–223.

7. Ященко Е. Ф., Менщикова И. А., Щелокова Е. Г. и др. Психология самоактуализации и становления профессионала в условиях современного образования: моногр. СПб. : ЭЛВИ-Принт, 2016.

References

1. Eroshnikov N. V. Criteria for the effectiveness of professional and moral training of cadets at the Univer-

sity of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 3. P. 171–178.

2. Eroshnikov N. V., Eroshnikova E. I. The essence and specificity of professional morality of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Humanities. 2015. No. 24 (221). P. 134–140.

3. Zeer E. F., Tserkovnikova N. G., Tretyakova V. S. Digital generation in the context of forecasting the professional future // Education and science. 2021. Vol. 23. No. 6. P. 153–184.

4. Iogolevich N. I., Mayorov V. I. Professional training of a lawyer: a competence-based approach and a basic model of competence // Law and education. 2008. No. 10. P. 65–71.

5. Iogolevich N. I., Mayorov V. I. Professional training of a lawyer: a competence-based approach and a basic model of competence // Law and education. 2008. No. 11. P. 76–83.

6. Mardanov D. R. Innovations in the professional training of future employees of internal affairs bodies in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 4. P. 221–223.

7. Yashchenko E. F., Menshchikova I. A., Shchelokova E. G., etc. Psychology of self-actualization and professional development in the context of modern education: monograph. St. Petersburg : ELVI-Print, 2016.

Информация об авторах

В. И. Майоров — профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, доктор юридических наук, профессор;

А. И. Числов — профессор кафедры правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

V. I. Mayorov — Professor of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor;

A. I. Chislov — Professor of the Department of Legal Training of Internal Affairs Officers of the Tyumen Institute for Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.07.2024; одобрена после рецензирования 23.07.2024; принята к публикации 15.08.2024.
The article was submitted 02.07.2024; approved after reviewing 23.07.2024; accepted for publication 15.08.2024.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-316-321>

EDN: <https://elibrary.ru/bsztal>

NIJON: 2003-0059-4/24-133

MOSURED: 77/27-003-2024-04-332

Особенности социально-психологического профиля женщин, совершивших преступления под воздействием алкоголя

Роман Викторович Осин

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия, osin@pnzgu.ru

Аннотация. Рассматривается проблема женской преступности, которая является сложным социальным явлением. Особое внимание уделяется изменениям роли женщины в обществе, что приводит к появлению новых видов преступлений, характерных именно для этой группы населения. В результате комплексного исследования женщин, проходивших судебную психиатрическую и комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу (за период 2016–2022 гг.), выделены некоторые характеристики такой категории преступниц: социально-психологические характеристики женщин, присущий им типичный стиль реагирования в субъективно проблемных ситуациях, особенности отношений с потерпевшим, их характеристики. Рассмотрены индивидуальные характеристики состава правонарушений, которые совершали женщины в состоянии алкогольного опьянения. На основе сравнительного анализа приведены отличия состава насильственных преступлений, совершаемых женщинами в состоянии опьянения и вне такого состояния. Рассмотрен тезис о влиянии алкоголя на преступное поведение женщин во время совершения преступлений, что воплощается в обстоятельствах правонарушения. Исследование подчеркивает важность проведения дополнительных исследований в этой области для разработки эффективных мер профилактики и борьбы с женской преступностью.

Ключевые слова: женская преступность, насильственные преступления, состояние алкогольного опьянения, психосоциальные характеристики

Для цитирования: Осин Р. В. Особенности социально-психологического профиля женщин, совершивших преступления под воздействием алкоголя // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 316–321. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-316-321>. EDN: BSZTAL.

Original article

Features of the socio-psychological profile of women who have committed crimes under the influence of alcohol

Roman V. Osin

Penza State University, Penza, Russia, osin@pnzgu.ru

Abstract. The problem of female criminality, which is a complex social phenomenon, is considered. Special attention is paid to changes in the role of women in society, which leads to the emergence of new types of crimes specific to this particular population group. As a result of a comprehensive study of women who underwent forensic psychiatric and complex forensic psychological and psychiatric examination (for the period 2016–2022), some characteristics of this category of criminals were identified: socio-psychological characteristics of women, their typical response style in subjectively problematic situations, peculiarities of relations with the victim, their characteristics. The individual characteristics of the composition of offenses committed by women under the influence of alcohol are considered. Based on a comparative analysis, the differences in the composition of violent crimes committed by women in a state of intoxication and out of such a state are presented. The thesis on the influence of alcohol on the criminal behavior of women during the commission of crimes, which is embodied in the circumstances of the offense, is considered. The study highlights the importance of conducting additional research in this area to develop effective measures to prevent and combat female crime.

Keywords: female crime, violent crimes, a state of intoxication, psychosocial characteristics

For citation: Osin R. V. Features of the socio-psychological profile of women who have committed crimes under the influence of alcohol. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):316–321. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-316-321>. EDN: BSZTAL.

Постановка проблемы. Феномен женской преступности рассматривался в криминологической науке еще со времен первых попыток типологизации преступников (Ч. Ломброзо) [8]. К наиболее частым в сугубо женской сфере преступной деятельности классически относили проституцию и убийство собственного ребенка. Условия и причины формирования преступного поведения женщин длительное время связы-

вали с социологической позицией, т. е. ролью женщины в обществе [3]. С изменением такой роли появились новые характерные для женщин преступления — в служебной сфере (связанные с исполнением служебных обязанностей).

На сегодняшний день очевидны резкие изменения роли женщины в обществе, ее большее сходство с мужской. Это предопределяет и определенное при-

© Осин Р. В., 2024

ближение поведения женщин к мужскому, в том числе и в употреблении психоактивных веществ. Вследствие вышеупомянутого распространенность злоупотребления спиртными напитками растет не только среди мужского населения России.

В последнее время все больше тревожит тенденция к снижению возраста первого употребления алкоголя, наркотиков и психотропных веществ. За последние десять лет нижняя граница этого возраста опустилась до 9–11 лет. Особое беспокойство вызывают случаи систематического употребления этих веществ в возрасте от 11 до 14 лет, отмеченные экспертами [5].

По некоторым данным, во время совершения агрессивных преступлений (убийство, тяжкие телесные повреждения) алкогольное опьянение наблюдается в 72 % случаев, а у лиц с синдромом зависимости от алкоголя уровень агрессивного поведения является очень высоким и составляет от 50 до 60 % [15].

Семейно-бытовые аспекты жизни женщин, домашнее насилие, и, как следствие, наличие актуальной психотравмирующей ситуации, — это те факторы — которые могут служить основой преступного поведения женщины, особенно в случае формирования выразительных эмоциональных состояний. Однако, изменения социальных ролей, распространенность употребления психоактивных веществ, открывают другой аспекты женской преступности — преступления в состоянии алкогольного опьянения.

Согласно исследованию Н. А. Сироты и Н. И. Земцовой, лица, имеющие алкогольную зависимость демонстрируют тенденцию переоценивать интенсивность эмоций, даже относительно нейтральные лица, демонстрируют нарушения в распознавании эмоциональных выражений; они проявляли низкие возможности к межличностному познанию и адекватности распознавания поведения других, что в совокупности отражает слабость регуляционной функции в межличностном общении. По результатам их исследования выявилось снижение способности лиц, употребляющих алкоголь, постигать результаты поведения, предвидеть их последствия и недостаточность понимания связи между поведением и его последствиями [13].

Из судебно-психиатрической экспертной практики известно, что даже в тяжелых случаях алкогольного опьянения человек сохраняет некоторый контакт с окружающей средой и способен контролировать свое поведение. Однако в этом состоянии на-

блюдаются эмоциональная нестабильность, раздражительность, быстрая смена мыслей на действия, склонность к преждевременной реализации намерений и общее психомоторное возбуждение. В сознании могут внезапно появляться странные мысли, которые тут же воплощаются в действие [7].

Анализ исследований и публикаций. Вопросы женской преступности посвящены исследования Ю. М. Антоняна [1], Е. В. Вологиной [2], О. В. Карповой [6], Е. А. Лыско [9], Н. Н. Окутиной [10], В. А. Себряковой [12].

Существуют исследования с позиции судебно-психиатрического экспертного подхода к феномену женской преступности и употребления психоактивных веществ [4; 11]. Тем не менее, существующие исследования проведены на ограниченном материале.

Цель: изучить социально-психологические черты женщин, которые совершили преступления против жизни и здоровья людей в состоянии алкогольного опьянения, а также структуру подобных правонарушений.

Изложение основного материала и результатов исследования. Анализ базируется на основе исследования 170 случаев судебно-психиатрических и комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз в отношении женщин, которые привлекались к уголовной ответственности по статьям Уголовного Кодекса РФ, которые содержат непосредственным или дополнительным объектом преступного посягательства жизни и здоровья лица (за период 2016–2022 гг.). Вся выборка была распределена на две группы лиц в зависимости от объекта преступного посягательства. В первую группу вошли женщины, которые привлекались к уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья граждан (ст. 105, 106, 108, 111, 112, 117). Во вторую группу вошли случаи привлечения к ответственности женщин за преступления, которые обладали дополнительным объектом — жизнь и здоровье лица (ст. 131, 134, 162, 213) [14].

Во время исследования использовались стандартные методики исследования когнитивной и личностной сфер подэкспертных: методика исследования психологического анамнеза, комплексная методика исследования психологических особенностей памяти (тест зрительной и слуховой памяти, кратковременной, оперативной памяти, памяти на числа, образы и т. д.), комплексная методика исследования уровня и течения процессов мышления (классификация, ис-

ключение, выделение существенных признаков, образование простых и сложных аналогий, объяснение метафор, пословиц, определение закономерностей и т. д.), методика Леонгарда-Шмишека и специальные методики в сфере судебно-экспертной деятельности (методика судебно-психологического исследования по уголовным делам и методика экспертной оценки аффективных реакций и особых эмоциональных состояний). Экспертное исследование основывалось на всестороннем исследовании материалов уголовного производства, результатах психиатрического осмотра и психологического обследования с последующим сопоставлением и анализом полученных данных.

Из 170 случаев экспертного изучения преступлений, 134 были связаны с посягательством на жизнь и здоровье человека. В 17 случаях экспертные комиссии врачей-психиатров установили, что подозреваемые не могли осознавать значение своих действий и/или управлять ими во время преступления. В трех случаях была установлена частичная неспособность к осознанию и/или управлению действиями из-за психического расстройства. Эти случаи были исключены из дальнейшего статистического анализа и не рассматриваются в данной статье.

В оставшихся 112 случаях экспертная комиссия установила, что подозреваемые полностью осознавали значение своих действий и/или могли управлять ими во время преступления. В трех случаях судебными психологами экспертами устанавливалось существенное влияние специфического эмоционального состояния на поведение подэкспертной и ее регуляцию на период правонарушения.

Из 114 случаев проведения экспертного анализа в отношении женщин, которые привлекались к уголовной ответственности за агрессивные преступные действия против жизни и здоровья 79 человек (69,3 %) употребляли алкогольные напитки в период совершения преступления (группа А), 35 человек (30,7 %) в период преступления не находились в состоянии алкогольного опьянения (группа Б).

В группе А сведения о наличии состояния алкогольного опьянения подэкспертной в период совершения преступления были известны из: 32 случая (40,5 %) — свидетельские показания, семь случаев (8,9 %) — медицинской документации; показаний самой подэкспертной — 40 случаев (50,6 %).

Анализ социальных характеристик подэкспертных позволил выделить следующие особенности. По-

давляющее большинство подэкспертных обеих групп имели среднее специальное образование (А = 37 %, Б = 57%). Среди подэкспертных группы А преобладали женщины, не имевшие постоянного места работы на период совершения преступления (58,2 %).

В другой группе распределение подэкспертных между теми, кто не работал или имел постоянное место работы, не отличался (40 %). В группе А преобладали женщины, которые проживали с сожителем (34 %) или были официально замужем (29 %), весомая доля женщин были разведены (25 %). Женщины группы Б были замужем — 32 %, проживали вместе с сожителем — 26 %, разведенные — 17,1 %.

Асоциальные/девиантные формы поведения в анамнезе, по анализу материалов уголовных правонарушений, имели: 59,5 % (А) и 32 % (Б). При этом, неблагоприятные условия воспитания (лишенные родительской опеки, алкоголизация родителей и т. п.) по сведениям самих же подэкспертных имели: 27 % (А), 20 % (Б). Привлечение к уголовной ответственности в предыдущие годы имели 18 % (А) и 17 % лиц (Б).

В дальнейшем, по результатам экспертной комиссии отмечалась достаточно большая часть подэкспертных с признаками педагогической запущенности (А = 51 %, Б = 52 %).

В мотивационной сфере подэкспертных большей частью преобладали практически ориентированные интересы, их бытовой характер.

Тем не менее, лишь в группе Б в 31,4 % случаев были установлены социально-положительные, семейные наставления, а в группе А такие случаи были единичными. В целом такие характеристики личности, как невысокий уровень общей осведомленности, низкая сформированность познавательной активности отражаются в повседневной деятельности женщин и воплощаются в невысоком уровне притязаний, упрощенности и практичности интересов, их ограниченности.

Из анализа особенностей правонарушения, его составляющих, известно, что в 99 случаях (87%) потерпевшими были лица мужского пола (А = 89 % и Б = 83 %). Пострадавшими в группе А в 56 % случаев были родственники подэкспертных (из них 73 % — мужчины подэкспертных), в 34 % случаях — лица из ближайшего социального окружения. При этом, в данной группе были случаи, когда потерпевшие не имели отношений с подэкспертными: ранее незнакомые лица — 5 %; формально знакомые лица — 5 %.

Чаще это были наглядно знакомые лица или круг компании, с которыми подэкспертные вместе употребляли алкогольные напитки. В группе Б отсутствие связи (отношений) с пострадавшим было в единичных случаях. В этой группе 57 % были родственниками подэкспертных (из которых 55 % — это их мужчины); в 34 % случаев — пострадавшими были лица из ближайшего социального окружения.

По результатам анализа, характеризующая информация лица потерпевшего содержалась в материалах производства, в частности, в показаниях свидетелей, только в 40 случаях (А = 50 %) и 20 случаях (Б = 57 %).

Так, в группе А в отношении пострадавших в большинстве случаев в материалах производства содержались негативные характеристики (описывались ведущими асоциальный образ жизни, периодически употребляли психоактивные вещества, в состоянии алкогольного опьянения совершали драки, ссоры) — 37 %, лишь в 14 % случаев пострадавшие характеризовались положительно или имели формально-положительные характеристики с места жительства/работы.

При этом, сами подэкспертные в 29,1 % случаев описывали свои отношения с пострадавшим как красивые, дружелюбные.

Относительно другой группы анализ показал, что преступления, которые совершали женщины вне состояния алкогольного опьянения, в 31 % случаев потерпевшие негативно характеризовались свидетелями; такие характеристики в большей степени касались агрессивного поведения потерпевших по отношению к самим подэкспертным (64 % свидетелей описывали частые конфликтные ситуации на фоне алкогольного опьянения потерпевшего, а в 36 % случаев такие конфликты происходили вне состояния опьянения потерпевшего).

Только в 11 % случаев отношения между потерпевшим и подэкспертной были описаны подэкспертными как хорошие, дружеские.

В общем, несмотря на имеющиеся многочисленные объективно подтвержденные негативно характеризующие данные относительно отношений с потерпевшим, лишь небольшое количество подэкспертных группы Б субъективно воспринимали такие отношения как сложные, эмоциональные, психотравмирующие, способствующие накоплению негативных эмоциональных переживаний (А = 21,5 %, Б = 40 %).

В материалах уголовного производства в 34 случаях (29 %) отсутствовали данные в отношении подэкспертного: 27 % (А), 34 % (Б). Негативно характеризовались (свидетелями, оформлены характеристики с места работы/с места жительства) в большей степени женщины группы А. Так, 38 % характеризовались ведущими аморальный и/или асоциальный образ жизни, в состоянии алкогольного опьянения были склонны к проявлению различных форм агрессии. В этой группе только 8 % подэкспертных положительно характеризовались, и в 28 % в материалах дела содержались формально-положительные характеристики с места работы/проживания.

Для женщин другой группы (Б) наоборот более характерными были положительные характеристики. По материалам производства (37 %), негативно характеризовались 29 % лиц (из них семь человек как ведущие асоциальный/аморальный образ жизни, четыре человека описывались свидетелями как конфликтные, склонные к проявлению физической агрессии).

При этом в результате комплексного анализа результатов проведенных психодиагностических методик, обобщающего анализа выводов экспертного исследования, у женщин обеих групп преобладал одинаковый стиль реагирования на субъективно проблемные ситуации. Так, возбуждающие формы реагирования были характерны для 57 подэкспертных группы А (71 %) и 18 подэкспертных группы Б (51 %).

Анализ материалов показал, что в группе А в 68 случаях (86 %) потерпевшие на период совершения преступления находились в состоянии алкогольного опьянения и в 61 случае (77 %) нанесение телесных повреждений происходило во время конфликта на фоне совместного употребления алкогольных напитков; в таких случаях чаще всего орудием преступления выступал нож, приготовленный для нарезания «закуски». Только в 19 случаях (23 %) женщины употребляли алкогольные напитки перед совершением преступления отдельно от пострадавшего. Зато в группе Б состояние опьянения пострадавшего на период совершения преступления отмечалось в 18 случаях (49 %).

После совершения преступления в состоянии алкогольного опьянения, в поведении этих лиц в посткриминальный период наблюдалось безразличие к своим действиям. Так, 24 % случаев вообще не обратили внимания на факт нанесения телесных повреждений пострадавшему (11 % случаев в группе Б), продолжали употреблять алкогольные напитки или

ложились спать. В дальнейшем, во время дачи показаний женщины группы А (29 %) не могли объяснить причину собственных действий или объясняли их пребыванием в состоянии алкогольного опьянения, 15 % женщин трактовали свои действия как случайные (например, «потерпевший сам напоролся на нож»).

Выводы. Агрессивные действия против жизни и здоровья человека в подавляющем большинстве случаев совершают женщины в состоянии алкогольного опьянения. Пострадавшими в данных категориях дел являются лица из ближайшего социального окружения женщины (родственники, друзья и т. д.). Мужчины чаще всего становятся пострадавшими. При этом, состояние алкогольного опьянения в таких уголовных делах довольно часто наблюдается и у потерпевших.

Особой чертой преступлений, совершаемых женщиной в состоянии опьянения, является то, что в единичных случаях потерпевшими становятся малознакомые лица (т. е. не имеющие никаких отношений с женщиной) во время совместного употребления алкогольных напитков. Интересно, что наряду с негативными характеристиками женщин, и сами пострадавшие имеют отрицательные характеристики; чаще всего они характеризуются как злоупотребляющие алкогольными напитками, конфликтные, часто совершают драки в состоянии опьянения. Однако, в этих случаях нельзя однозначно утверждать, что женщины наносят телесные повреждения в результате воздействия специфического эмоционального состояния (например, кумулятивного аффекта, фрустрации) не только из-за состояния алкогольного опьянения на момент преступления, а непосредственно из-за отсутствия кумуляции таких негативных эмоций. Женщины, несмотря на объективно конфликтный характер взаимоотношений с лицом, далеко не всегда субъективно оценивают ситуацию соответствующим образом.

К особенностям преступлений, которые совершали женщины в состоянии опьянения, является и то, что большая часть женщин в посткриминальный период вообще не могут вспомнить обстоятельства правонарушения, объясняют собственные преступные действия влиянием алкоголя.

Весомой является доля преступлений, которые совершаются женщинами во время совместного употребления алкоголя и в ходе привычного для них конфликта, в совместных драках. В таких случаях предшествующая связь между женщиной и потерпевшим, конфликтная ситуация имеют второстепенное

значение. На первый план выступает именно влияние алкоголя на восприятие актуальной ситуации.

Алкогольное опьянение усиливает эмоциональную восприимчивость и импульсивность реакций, облегчая проявление асоциального поведения. Часто именно эти особенности опьянения проявляются в импульсивном выборе орудия преступления, когда используется первый попавшийся под руку предмет. Учитывая, что такие преступления сопровождались совместным употреблением алкогольных напитков вместе с потерпевшим, а конфликты происходили во время застолья, то самое распространенное орудие преступления — кухонный нож. Такой механизм совершения правонарушения и посткриминального поведения у данной категории лиц отражает в подавляющем большинстве влияние алкоголя, что в сочетании с социально-психологическими характеристиками женщин, облегчает асоциальный тип разрешения конфликтной (обычно привычной для такой категории женщин) ситуации, усиливая присущие для женщины индивидуальные особенности и актуализирует ведущие мотивационные факторы поведения.

Изучение структуры насильственных преступлений и психологических характеристик женщин, их совершивших, позволит ограничить различные категории преступных действий (например, эмоциональных, корыстных, ситуационно обусловленных) для дальнейшей разработки психокоррекционных программ для такой категории преступников с целью предупреждения их повторяемости.

Список источников

1. Антонян Ю. М. Преступность среди женщин. М., 1992.
2. Вологина Е. В. Женская преступность в современной России: моногр. Волгоград, 2011.
3. Гернет М. Н. Женское равноправие и уголовный закон. М. : Библиотечный фонд, 1916.
4. Данилов В. М. Криминальная наркомания женщин, анализ и предупреждение: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
5. Дацковский И. Аддикции и психопатии. Избранные статьи по психиатрии, психологии, педагогике. Екатеринбург : Издательские решения, 2021.
6. Карпова О. В. Основные подходы к общесоциальному предупреждению преступного поведения женщин // Научный журнал Байкальского государственного университета. 2016. № 6. С. 1–6.

7. Лисняк М. А. Курс судебной психиатрии для юристов: учеб. пособие. М. : Проспект, 2015.

8. Ломброзо Ч., Ферреро Г. Женщина преступница и проститутка. Мн. : АБАН, 2000.

9. Лыско Е. А. Женская преступность и ее развитие в России в XIX–XX вв. // Наука вчера, сегодня, завтра: сб. ст. по мат. XXXVII междунар. науч.-практ. конф. Ч. II. Новосибирск, 2016. С. 131–139.

10. Окутина Н. Н., Мишина С. С., Прохорова Е. А. Женская преступность в России: состояние и меры предупреждения // Симбирский научный вестник. 2023. № 2(48). С. 69–75.

11. Радионова В. А., Шаповалов В. В., Шаповалова В. А. и др. Судебно-фармацевтическое изучение проблемы женской наркомании: причинно-следственные связи оборота психоактивных веществ, заболеваемости и наркопреступности // Актуальные проблемы медицины. 2015. № 4(201). С. 124–130.

12. Серебрякова В. А. Преступления, совершаемые женщинами. М., 1973.

13. Сирота Н. А., Зенцова Н. И. Исследование социального познания и социального интеллекта у лиц, зависимых от психоактивных веществ // Медицинская психология в России: электронный научный журнал. 2010. № 4 // URL://http://mprj.ru/archiv_global/2010_4_5/nomer/nomer01.php.

14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

15. Уваров И. А. Современное состояние проблемы алкогольных психозов (аналитический обзор) // Наркология. 2009. Т. 8. № 1. С. 75–94.

References

1. Antonyan Yu. M. Crime among women. M., 1992.
2. Vologda E. V. Female crime in modern Russia: monograph. Volgograd, 2011.
3. Gernet M. N. Women's equality and criminal law. M. : Library Fund, 1916.

4. Danilov V. M. Criminal drug addiction of women, analysis and prevention: diss. ... cand. Jurid. M., 2002.

5. Datskovsky I. Addictions and psychopathies. Selected articles on psychiatry, psychology, and pedagogy. Ekaterinburg : Publishing Solutions, 2021.

6. Karpova O. V. Basic approaches to the general social prevention of criminal behavior of women // Scientific Journal of the Baikal State University. 2016. No. 6. P. 1–6.

7. Lisnyak M. A. Course of forensic psychiatry for lawyers: studies. the manual. M. : Prospekt, 2015.

8. Lombroso Ch., Ferrero G. A woman is a criminal and a prostitute. Mn. : AVAN, 2000.

9. Lysko E. A. Women's crime and its development in Russia in the XIX–XX centuries. // Science yesterday, today, tomorrow: collection of articles on mat. XXXVII international scientific and practical conference Part II. Novosibirsk, 2016. P. 131–139.

10. Okutina N. N., Mishina S. S., Prokhorova E. A. Women's crime in Russia: the state and measures of prevention // Simbirsk scientific Bulletin. 2023. No. 2(48). P. 69–75.

11. Radionova V. A., Shapovalov V. V., Shapovalova V. A. and others. Forensic pharmaceutical study of the problem of female drug addiction: causal relationships of trafficking in psychoactive substances, morbidity and drug crime // Actual problems of medicine. 2015. No. 4(201). P. 124–130.

12. Serebryakova V. A. Crimes committed by women. M., 1973.

13. Sirota N. A., Zentsova N. I. The study of social cognition and social intelligence in people addicted to psychoactive substances // Medical psychology in Russia: electronic scientific journal. 2010. No. 4 // URL://http://mprj.ru/archiv_global/2010_4_5/nomer/nomer01.php

14. The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on August 8, 2024) // LRS «ConsultantPlus».

15. Uvarov I. A. The current state of the problem of alcoholic psychoses (analytical review) // Narcology. 2009. Vol. 8. No. 1. P. 75–94.

Информация об авторе

Р. В. Осин — доцент кафедры «Общая психология» Пензенского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the author

R. V. Osin — Associate Professor «General Psychology» of Penza State University, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 02.07.2024; одобрена после рецензирования 23.07.2024; принята к публикации 15.08.2024.
The article was submitted 02.07.2024; approved after reviewing 23.07.2024; accepted for publication 15.08.2024.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-322-326>

EDN: <https://elibrary.ru/ahafya>

NIION: 2003-0059-4/24-134

MOSURED: 77/27-003-2024-04-333

Оценка эффективности внедрения аппаратно-программных комплексов в профессиональную деятельность отделов психологической работы подразделений территориальных органов внутренних дел

Сергей Николаевич Федотов¹, Юрий Викторович Чуманов²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ fedotovsn@rambler.ru

² yvc90@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены понятия эффективность и эффект. Приведена классификация четырех основных видов эффективности внедрения средств автоматизации в практику деятельности подразделений психологической работы (дифференциально-психометрическая, социальная, практическая, экономическая). Описан вариант оценки экономической эффективности внедрения средств автоматизации в практику деятельности подразделений психологической работы, базирующийся на определении двух основных составляющих затрат: капитальных вложений и текущих эксплуатационных расходов.

Ключевые слова: аппаратно-программные средства, интеллект-тренажер, психологическая работа, эффект, эффективность, дифференциально-психометрическая эффективность, социальная эффективность, практическая эффективность, экономическая эффективность

Для цитирования: Федотов С. Н., Чуманов Ю. В. Оценка эффективности внедрения аппаратно-программных комплексов в профессиональную деятельность отделов психологической работы подразделений территориальных органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 322–326. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-322-326>. EDN: ANAFYA.

Original article

Evaluation of the effectiveness of the implementation hardware and software complexes in the professional activities of the departments of psychological work of the divisions of the territorial bodies of internal affairs

Sergey N. Fedotov¹, Yuri V. Chumanov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ fedotovsn@rambler.ru

² yvc90@mail.ru

Abstract. The concepts of efficiency and effect are considered. The classification of four main types of effectiveness of the introduction of automation tools into the practice of the activities of psychological work units (differential psychometric, social, practical, economic) is given. A variant of evaluating the economic efficiency of the introduction of automation tools into the practice of psychological work units is described, based on the definition of two main cost components: capital investments and technical.

Keywords: hardware and software, intelligence simulator, psychological work, effect, efficiency, differential psychometric efficiency, social efficiency, practical efficiency, economic efficiency

For citation: Fedotov S. N., Chumanov Yu. V. Evaluation of the effectiveness of the implementation hardware and software complexes in the professional activities of the departments of psychological work of the divisions of the territorial bodies of internal affairs. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):322–326. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-322-326>. EDN: ANAFYA.

Актуальность исследования заключается в необходимости повышения эффективности работы подразделений психологической службы в органах внутренних дел через внедрение аппаратно-программных комплексов. В условиях современной цифровизации общества встает вопрос о том, насколько целесообразно и эффективно применение таких средств для повышения качества и скорости выполнения профессиональных задач.

Противоречие заключается в том, что, с одной стороны, автоматизация процессов может существенно снизить затраты и повысить продуктивность сотрудников, а с другой, — отсутствует единая система критериев для оценки эффективности этих внедрений, что затрудняет принятие решений о целесообразности их использования. Существуют разнообразные точки зрения на вопрос оценки эффективности внедрения аппаратно-программных комплексов.

© Федотов С. Н., Чуманов Ю. В., 2024

сов. Одни ученые, такие как П. Я. Шлаен, акцентируют внимание на эргономических аспектах и приспособленности человеко-машинных систем к выполнению профессиональных задач, в то время как другие исследователи, как А. Поддубный, утверждают, что экономический эффект от автоматизации в значительной степени косвенный, не приносящий прямую выгоду в виде дохода; он лишь снижает затраты на управление и эксплуатацию.

Проблема научной статьи заключается в том, что, несмотря на очевидные преимущества автоматизации, на данный момент отсутствует четкая и универсальная методология оценки экономической, социальной, психометрической и практической эффективности использования таких комплексов в деятельности психологической службы. Это требует дальнейшего теоретического осмысления и разработки критериев для объективной оценки результатов внедрения.

Научная разработанность темы имеет разнообразные аспекты. Так, исследователи П. И. Падерно и Л. М. Соловова, подчеркивают важность социального аспекта, рассматривая автоматизацию как способ повышения социальной значимости труда. В то же время, В. М. Попов и И. М. Кузнецова выделяют приоритет социально-экологических эффектов, а Б. А. Смирнов акцентирует внимание на социальной результативности психологических разработок, определяя цели автоматизации как способствующие всестороннему развитию человека и совершенствованию трудовых процессов.

Современные глобальные вызовы и угрозы обуславливают необходимость совершенствования психологической работы в органах внутренних дел. Полагаем, что совершенствование психологической работы должно опираться на современные тренды цифровизации. Актуальным является вопрос о том, какой же положительный эффект будет получен от внедрения тех или иных средств автоматизации в практику деятельности подразделений психологической работы. И в первую очередь это касается внедрения таких аппаратно-программных комплексов, как «Мультипсихометр МВД» [2], аппарат психоэмоциональной коррекции АПЭК-1 [3], полиграф «Диана-04» [7], интеллект-тренажеры [9] и др.

Известный в области эргономики такой специалист, как П. Я. Шлаен утверждает: «оценка эффективности или степени приспособленности системы

человек-техника к выполнению поставленных перед ней задач является одним из важнейших вопросов ее проектирования и эксплуатации» [10, с. 235–244].

Под эффективностью внедрения аппаратно-программного комплекса мы предлагаем считать — интегральное свойство, характеризующее действенность и целесообразность использования в профессиональной деятельности специалистов-психологов в рамках морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности, профессионального психологического отбора и профессионально-личностного развития сотрудников полиции.

При этом следует отметить, что, несмотря на большое количество научных исследований и практических разработок, сегодня отсутствуют единые показатели и критерии оценки эффективности внедрения аппаратно-программных комплексов в деятельность отделов психологической работы управления по работе с личным составом.

В этой связи предложим авторскую классификацию видов эффективности внедрения аппаратно-программных средств в практику деятельности подразделений психологической работы системы МВД России.

Предлагаем ввести дифференциально-психометрический вид эффективности, в рамках которого можно осуществить оценку валидности и надежности реализованного психодиагностического инструментария, загруженного в аппаратно-программный комплекс.

П. И. Падерно и Л. М. Соловова в своей публикации обращают внимание на то, что «внедрение рекомендаций, в том числе по использованию аппаратно-программных комплексов, имеет не только практическое или экономическое, но и социальное значение, так как способствует решению важнейшей общественной проблемы — превращению труда в главную жизненную потребность каждого человека» [4, с. 159–170].

В работе В. М. Попова и И. М. Кузнецовой отмечается: «среди основных принципов определения эффективности исследования систем управления выделяют принцип приоритетности социальных и экологических эффектов. Это означает, что при оценке эффективности исследований систем управления необходимо учитывать, в первую очередь, социальные и экологические эффекты с одновременной их проверкой по критериям безопасности и экологичности» [6].

Поэтому неслучайно в работе Б. А. Смирнова с соавторами «предлагается определять социальную результативность психологических разработок. Основными социальными целями исследований являются: всестороннее развитие человека; совершенствование отношений, возникающих в процессе труда; охрана труда и здоровья трудящихся профессионального психологического отбора и профессионально-личностного развития сотрудников полиции» [8].

Следующий этап эффективности — это практическая эффективность. Под которой мы предлагаем понимать вид эффективности, характеризующий достоверность прогноза готовности сотрудников полиции и кандидатов на службу в ОВД к служебной деятельности и действенности психотехнологий по ее формированию.

Еще один вид — это экономическая эффективность внедрения аппаратно-программных комплексов в практику психологической работы. При этом следует согласиться с точкой зрения А. Поддубного: «экономический эффект от внедрения средств автоматизации может быть лишь косвенным, так как внедренные средства автоматизации не являются прямым источником дохода, а являются либо вспомогательным средством организации получения прибыли, либо помогают минимизировать затраты» [5].

В рамках данной статьи хотелось бы обратить внимание именно на оценку экономической эффективности внедрения аппаратно-программных комплексов в практику психологической работы.

Экономическая оценка внедрения аппаратно-программных комплексов в практику психологической работы базируются на двух видах затрат, а именно: капитальные вложения и текущие эксплуатационные расходы.

Так как капитальные вложения K и текущие расходы C являются разноразмерными величинами, то для приведения их к единому показателю используют так называемые годовые приведенные затраты Z :

$$Z = C^1 + E^2 K^3$$

Для определения годового экономического эффекта может быть использована разность годовых приведенных затрат для базового и нового варианта оснащения средствами автоматизации подразделений психологической работы. Например, в качестве базового варианта могут быть выбраны: при внедрении первого — неавтоматизированный бланковый

вариант отбора, при переходе к новому варианту автоматизации — аналогичный по назначению предыдущий вариант. При этом для определения годового экономического эффекта не обязательно знать величину капитальных вложений, себестоимость эксплуатации обоих вариантов. Достаточно знать лишь разницу в этих величинах для базового и нового вариантов средств автоматизации.

Для оценки также используется основной критерий экономической эффективности капитальных затрат на автоматизацию психологической работы, который определяется выражением:

$$E = \Delta \mathcal{E}^4 / \Delta K^5$$

Если $E > E_n$ — затраты на автоматизацию считаются эффективными, то при $E < E_n$ — затраты неэффективны.

В публикации В. О. Акуличева, С. Г. Висича, Я. Ф. Вилькина, А. А. Борисенко отмечается: «помимо представленного экономического эффекта (включающего в себя прямые эффекты от применения аппаратно-программного комплекса), следует также учитывать дополнительные положительные эффекты, к которым можно отнести следующее: повышение надежности и эффективности деятельности персонала, снижение аварийности, отказов и нарушений в работе оборудования по вине человека; совершенствование системы профессионального отбора; увеличение сроков активной профессиональной деятельности персонала; снижение расходов на адаптацию и замену сотрудников; снижение риска

¹ Текущие расходы C представляют собой стоимость эксплуатации этих средств автоматизации. Эти расходы производятся ежегодно в течение всего времени осуществления психологической работы.

² Где E_n — нормативный коэффициент экономической эффективности, имеющий размерность 1/год, который в соответствии с действующими нормативными документами принят для обеспечения адекватного подхода к оценке экономической эффективности равным 0,15; а для работ, направленных на решение социальных задач, рекомендуется значение 0,08 1/г.

³ K — это единовременное вложение средств в приобретение компьютерной техники и разработку автоматизированных методик. Они производятся до момента начала эксплуатации средств автоматизации.

⁴ $\Delta \mathcal{E}$ — общий экономический эффект за счет сокращения эксплуатационных затрат и дополнительной экономии в процессе последующего обучения и деятельности отобранных специалистов, обусловленной качественными параметрами автоматизированной системы отбора

⁵ ΔK — капитальные вложения на приобретение средств автоматизации и программирование автоматизированных методик.

возникновения и затрат на устранение несчастных случаев по вине человеческого фактора и т.д.» [1].

Исходя из изложенного материала можно полагать, что важным направлением совершенствования системы морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел является внедрение новационных технических средств и аппаратно-программных комплексов в деятельность специалистов-психологов. При этом важно провести оценку целесообразности их внедрения на основе социальной, профессиональной и экономической эффективности внедрения указанных комплексов. На наш взгляд, это позволит сократить примерно в десять раз временные трудозатраты специалистов-психологов на обработку полученных данных в рамках профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел.

Проведенное исследование подчеркивает важность внедрения аппаратно-программных комплексов в профессиональную деятельность подразделений психологической работы территориальных органов внутренних дел. Основные виды эффективности таких внедрений, классифицированные в рамках статьи, включают дифференциально-психометрическую, социальную, практическую и экономическую составляющие. Указанная дифференциация подходов к оценке эффективности подтверждает мнения ряда ученых, таких как П. И. Падерно и Л. М. Соловова, которые указывают на значимость внедрения автоматизированных систем не только для повышения эффективности работы, но и для решения важных социальных задач.

Систематизация мнений ученых, представленных в исследовании, демонстрирует единое мнение о важности учета социальных и экологических эффектов (В. М. Попов, И. М. Кузнецова) при оценке внедрения автоматизации, что также подтверждается работами Б. А. Смирнова, которая акцентирует внимание на социальной результативности психологических разработок.

Анализ экономической эффективности внедрения автоматизированных комплексов, основанный на капитальных вложениях и текущих эксплуатационных расходах, детально описан в рамках классической модели. Исследования А. Поддубного и других ученых подтверждают, что экономический эффект, хотя и косвенный, оказывает значительное

влияние на снижение трудозатрат и оптимизацию управленческих процессов. Важность этого подхода подтверждена в работах В. О. Акуличева и др., которые подчеркивают дополнительные положительные эффекты, например повышение надежности деятельности персонала и снижение аварийности.

Таким образом, результаты работы указывают на необходимость дальнейшего исследования эффективности внедрения аппаратно-программных комплексов в психологическую работу, а также разработки единой системы критериев для объективной оценки эффективности, что позволит существенно повысить уровень профессиональной деятельности подразделений психологической службы.

Список источников

1. Акуличев В. О., Висич С. Г., Вилькин Я. Ф., Борисенко А. А. Перспектива внедрения программно-аппаратного комплекса управления здоровьем и контроля функционального состояния персонала в электроэнергетических компаниях и иных компаниях производственного сектора // URL: <https://corpmr.ru/wp-content/uploads/2021/08/Статья-по-внедрению-ПАК-1.pdf>
2. Аппаратно-программный психодиагностический комплекс «Мультиспихометр»: метод. руководство. Ч. I. М. : ЗАО «Научно-производственный центр «ДИП», 2008.
3. Аппарат психоэмоциональной коррекции АПЭК-1 // URL: <http://shop.niipp.ru/catalog/60/175/>
4. Падерно П. И., Соловова Л. М. Социальная и экономическая эффективность эргономических исследований и разработок: учебник. Л., 1988.
5. Поддубный А. Расчет экономического эффекта от внедрения системы автоматизации // URL: <https://antegra.ru/expert/raschet-ekonomicheskogo-effekta-ot-vnedreniya-sistemy-avtomatizatsii/>
6. Попов В. М., Кузнецова И. М. Системный анализ в исследовании и управлении социально-экономическими процессами. Ростов н/Д., 2013.
7. Профессиональный компьютерный полиграф «Диана-04» // URL: http://polyconius.ru/production/polygraph_quot_diana/detail.php?ELEMENT_ID=366.
8. Смирнов Б. А., Душков Б. А., Космолинский Ф. П. Инженерная психология (экономические проблемы). М. : Экономика, 1983.
9. Федотов С. Н., Чуманов Ю. В. К вопросу о применении интеллект-тренажеров на занятиях по

психологическим дисциплинам в условиях цифровизации образования // Вестник экономической безопасности. 2023. № 5. С. 235–238.

10. Шлаен П. Я. К вопросу оценки эффективности систем «Человек-машина». В кн.: Эргономика (принципы и рекомендации). Вып. 1. М., 1970.

References

1. Akulich V. O., Visich S. G., Vilkin Ya. F., Borisenko A. A. The prospect of implementing a hardware and software complex for health management and control of the functional state of personnel in electric power companies and other companies in the manufacturing sector // URL://<https://corpmd.ru/wp-content/uploads/2021/08/Article-on-implementation-PACK-1.pdf>

2. Hardware-software psychodiagnostic complex «Multipsychometer»: method. manual. Ch. I. M.: CJSC «Scientific and production Center «DEEP», 2008.

3. Apparatus of psychoemotional correction АРЕК-1 // URL://<http://shop.niipp.ru/catalog/60/175/>

4. Paderno P. I., Solovova L. M. Social and economic efficiency of ergonomic research and development: textbook. L., 1988.

5. Poddubny A. Calculation of the economic effect of the introduction of an automation system // URL://<https://antegra.ru/expert/raschet-ekonomicheskogo-effekta-ot-vnedreniya-sistemy-avtomatizatsii/>

6. Popov V. M., Kuznetsova I. M. System analysis in the study and management of socio-economic processes. Rostov n/A, 2013.

7. Professional computer polygraph «Diana-04» // URL://http://polyconius.ru/production/polygraph_quot_diana/detail.php?ELEMENT_ID=366.

8. Smirnov B. A., Dushkov B. A., Kosmolinsky F. P. Engineering psychology (economic problems). M.: Economics, 1983.

9. Fedotov S. N., Chumanov Yu. V. On the issue of the use of intelligence simulators in classes in psychological disciplines in the context of digitalization of education // Bulletin of Economic Security. 2023. No. 5. P. 235–238.

10. Shlaen P. Ya. On the issue of evaluating the effectiveness of Human-machine systems. In: Ergonomics (principles and recommendations). Issue 1. M., 1970.

Библиографический список

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984.
2. Словарь иностранных слов. М., 1980.
3. Федотов С. Н. Психологические основы формирования профессиональной пригодности сотрудников органов внутренних дел: автореф. дисс. ... д-ра. психол. наук. Тверь, 2001.

Bibliographic list

1. Russian Russian Dictionary. M., 1984.
2. Dictionary of foreign words. M., 1980.
3. Fedotov S. N. Psychological foundations of the formation of professional fitness of employees of internal affairs bodies: abstract. diss. ... Dr. psychological sciences. Tver, 2001.

Информация об авторах

С. Н. Федотов — профессор кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

Ю. В. Чуманов — старший научный сотрудник учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук.

Information about the authors

S. N. Fedotov — Professor of the Department of Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Service Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences, Professor;

Yu. V. Chumanov — Senior Researcher of the Educational and Research Complex of Psychology of Service Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 01.08.2024. The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 01.08.2024.